

Российская академия наук
Институт психологии

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

этап истории науки и менталитет

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич

Издательство
Институт психологии РАН
Москва – 2024

УДК 159.9
ББК 88
С 56

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор *Ю. И. Александров*,
доктор психологических наук, профессор *Т. Д. Марцинковская*,
доктор психологических наук, профессор *Е. А. Сергиенко*

С 56 Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. — 700 с. (Методология, теория и история психологии)

doi: 10.38098/thry_24_0472
ISBN 978-5-9270-0472-0

УДК 159.9
ББК 88

В книге рассматривается советская психология в двух ключевых смыслах — как этап в развитии психологической науки и как психология советских людей. В связи с особенностями того времени анализируется ряд психологических теорий, разработанных в советский период. Рассмотрены и более частные психологические сюжеты — изучение психологии нравственности в Институте психологии АН СССР, особенности ярославской психологической школы и др. Представлен общий психологический портрет советского человека как продукт истории.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2024

ISBN 978-5-9270-0472-0

Содержание

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич. Предисловие 7

Общие процессы в советской психологической науке

С. А. Богданчиков. Советская психология как предмет и проблема историко-психологического исследования: концептуально-историографический подход 15

М. С. Гусельцева. Неканоническая история советской психологии: постановка проблемы 35

Т. В. Зеленкова. Зарождение идей пост- и метамодерна в советской психологии 101

С. А. Богданчиков. Биографии отечественных психологов как предмет историко-психологического исследования (краткий путеводитель) 155

В. И. Коннов. Психологическая теория в контексте научной политики позднего советского периода 181

О. А. Артемьева. История зарождения психологического сообщества в СССР 211

Специфические явления в советской психологии

О. Г. Носкова. Психологическое наследие А. А. Богданова 225

О. Г. Носкова. Историко-психологический анализ концепций деятельности А. Н. Леонтьева и Е. А. Климова . . . 256

<i>И. А. Мироненко.</i> Биосоциальная проблема в советской психологии	270
<i>А. М. Двойнин.</i> Психология религии в СССР и культурно-историческая теория Л. С. Выготского: точки пересечения и новые возможности	308
<i>Н. Ю. Стоюхина.</i> Обсуждение вопросов советской психотехники и психологии труда на психологических съездах первой половины XX в.	359
<i>А. Л. Журавлев, А. А. Костригин.</i> Разработка проблем психологии нравственности в Институте психологии АН СССР в 1972—1991 гг.	434
<i>В. А. Мазилев, Ю. Н. Сленко.</i> Век психологии в Ярославле	471
<i>В. А. Чикер.</i> Оценка персонала в советской организационной социальной психологии 1970—начала 1990-х годов: концепция и ключевые идеи.	496
<i>А. А. Грачев.</i> Фундаментальное и прикладное психологическое знание в деятельности психологической службы промышленного предприятия конца советского периода.	516

Психология советских людей

<i>Д. С. Безносков, Л. Г. Почебут.</i> Динамика общественной психологии в советский период: историческая ретроспектива	563
<i>А. Н. Лебедев.</i> Советский социалистический коллектив, национальный характер и аффективно-ценностная поляризация российского общества	588
<i>А. В. Юревич.</i> Советский человек как социокультурный тип	626
<i>А. В. Юревич.</i> Межличностные отношения в СССР: квинтэссенция «развитого социализма»	643

<i>А. В. Юревич.</i> Нравственность в СССР как отражение особенностей советской эпохи	658
<i>Д. А. Китова, А. Л. Журавлев.</i> Экономический менталитет россиян в связи с характеристикой советского периода развития	673
Сведения об авторах	698

Предисловие

Наше советское прошлое одни россияне относят к «золотому веку», когда все было замечательно или во всяком случае лучше, чем сейчас, для других оно является синонимом недалёковидности власти и нелепости совершенных над обществом преобразований. Отношение к советскому прошлому в современном российском обществе поляризовано, но все согласны с тем, что его характер может быть только предметом абстрактных споров, что советское прошлое не вернуть, как бы к нему ни относиться.

Поляризованный объект в качестве предмета научного исследования не бесспорен. Существует точка зрения, согласно которой такое исследование преждевременно, надо выждать, пока советская эпоха «остынет» в нашей памяти и различия между ее поляризованными оценками сгладятся. Но авторы придерживаются другой позиции: необходимо сделать советскую психологию объектом анализа уже сейчас, когда, во-первых, еще живы в памяти ее ключевые особенности, во-вторых, к ней сохраняется массовый интерес.

Структурно книга состоит из трех частей. В первой части рассматриваются общие процессы в советской психологии как науке того времени, воплощавшей в себе универсальные закономерности развития и уникальные общественные условия ее существования. Во второй проанализированы специфические явления советской психологии как науки, ставшие результатом конкретных и более частных обстоятельств. В третьей части рассмотрена психология советских людей, вобравшая в себя особенности времени, советской общественно-политической системы и т. д.

Естественно, при выборе столь эмоционально «разогретого» объекта исследований нельзя было удержаться от влияния соответствую-

ющих эмоций, человеческого отношения к нашему советскому прошлому, которое у авторов сборника, разумеется, разное. Несмотря на все усилия ученых быть объективными и сдерживать это влияние, оно дает о себе знать. Может быть, какие-то тексты покажутся читателю слишком субъективными (возможно и обратное: слишком субъективный читатель не воспримет объективные тексты). Эта ситуация естественна в условиях отсутствия эмоциональной нейтральности советской эпохи.

Тем не менее уместно предварить анализ изложением общего взгляда авторов на советское прошлое, ответив на лобовой вопрос о том, «плохой» или «хорошей» была советская психология как наука и как общественная психология определенного времени. Авторы исходят из того, что и то, и другое верно, она содержала в себе позитивные стороны, имея и определенные недостатки. В конкретных текстах, впрочем, на первый план может выходить либо то, либо другое.

Общих характеристик советской психологии как науки немало. Х. Балзер характеризует ее, как и всю советскую социогуманитарную науку, как «сферу доски и мела» со склонностью к теоретическим работкам, затрудненностью коммуникаций и закрытостью («слабой диффузией результатов»), иерархичностью и тенденцией к воспроизведению тематики, разрабатывавшейся патриархами («менторизмом») (Balzer, 1989). Е. А. Климов пишет о том, что в отличие от зарубежных психологов у их российских коллег не было принято рекламировать себя, придавать товарный вид и звучные названия интеллектуальному продукту, вешать яркие компактные вывески на свои научные достижения, в частности, на оригинальные идеи и концепции (Климов, 1999, с. 138–139). Е. В. Левченко отмечает, что «зарубежные концепции обозначены лаконично, ярко, образно, а отечественные — громоздко, так, что содержание их основных идей приходится еще дополнительно извлекать из имеющихся текстов» (Левченко, 2006, с. 129). В отличие от этих характеристик авторы настоящего сборника концентрируются в основном на особенностях конкретных теорий, разработанных в отечественной психологии.

Может возникнуть представление о том, что особенности советской психологии, сопряженные с ее идеологическим контекстом и дефицитом материальных ресурсов, преимущественно сдерживали ее развитие. Тем более что, как писала В. А. Кольцова, «генетически в советскую психологическую науку были заложены определенные противоречия, обусловленные ее развитием в рамках единой фило-

софской парадигмы, жестких административно-командных форм руководства и идеологического контроля (отрыв от мировой психологии, отказ от разработки „идеологически неприемлемых“ проблем и т. д.)» (Кольцова, 2007, с. 12). Однако связь здесь неоднозначная. Так, например, концепция Л. С. Выготского, разработанная в условиях частичной изоляции советской психологии от мировой, обусловленной «железным занавесом», оказала огромное влияние на западную психологию (Смит, 2008), главным образом за счет акцентирования линии детерминации психического, чего западной теории остро недоставало. Индекс цитирования его работ, по которому он опережает многих крупнейших представителей зарубежной психологии, продолжает расти (Кагров, 2005). Произведенное им знание не переживает ни «старения», ни «отвержения» (Петров, 2006), наоборот, налицо все признаки его «омоложения».

Психология наряду с другими социогуманитарными дисциплинами обнаруживает отчетливо выраженную социокультурную «привязку». В США, например, наименьшую долю – всего 9% – ученых-эмигрантов со степенью доктора наук составляют именно психологи (The next twenty five years of technology..., 1998).

Исследования показывают, что внимание к психологическим проблемам более характерно для благополучных в экономическом отношении государств, в то время как менее благополучным странам, не решившим своих социальных и экономических проблем, не до психологии (Rosenzweig, 1992). Оно также коррелирует со стабильностью правительств и институций (ibid.), т. е. с устойчивостью социальной структуры и отсутствием ее потрясений.

Было ли советское общество «психологическим» в том смысле, который вкладывают в этот не вполне удачный термин его авторы – И. Е. Сироткина и Р. Смит, относя его к западному обществу и видя специфику «психологического общества» в том, что оно опирается на психологию в решении и каждодневных проблем индивида и глобальных социальных проблем? (Сироткина, Смит, 2006). Наверное, во многом было, но, если ставить вопрос о мере «психологичности» обществ, то советское общество, скорее всего, выглядит менее «психологическим» в сравнении с западным. В частности, психологическая культура нашего общества носила ярко выраженный «закрытый» характер, в чем выражалось влияние советской эпохи. Во-первых, по большей части наши сограждане носили свои психологические проблемы в себе, вообще не обращаясь за поддержкой к чьей-либо

помощи, тем более к профессиональным психологам. По данным опроса ФОМ (фонда «Общественное мнение»), проведенного в 2006 г., 58% наших сограждан, по их словам, вообще ни к кому не обращались за советом или помощью при душевных переживаниях, советовались только 37% (Профессиональные психологи в России, 2006). Во-вторых, в нашей стране не сформировалась характерная для Запада культура обращения к профессиональным психологам и психотерапевтам, в годы проведения исследования ФОМ лишь 6% россиян (там же) обращались к профессиональному психологу в надежде на психологическую помощь. В-третьих, в стране тогда существовал достаточно выраженный массовый интерес к психологии, проявлявшийся в том, что 39% людей регулярно смотрели телепередачи по этой теме и читали соответствующую литературу, однако этот интерес сочетался с редким личным обращением к представителям психологической специальности (там же). И вполне символично, что лишь совсем недавно Государственная Дума приняла закон, требующий от лиц, оказывающих психологические услуги населению, наличия психологического образования, до принятия этого закона их оказывать мог кто угодно, что приводило к огромному количеству дилетантов и мошенников, наводнивших эту сферу деятельности.

«Закрытая» психологическая культура российского общества влияла на советскую психологию и одновременно выражала ее. Хочется надеяться, что она станет более «открытой» в XXI в., который обещает стать «веком психологии» (Андреева, 2005).

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 5–15.
- Климов Е. А.* Общая психология. Общеобразовательный курс. Учебное пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 1999.
- Кольцова В. А.* Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 5–18.
- Левченко Е. В.* Отображение психоанализа в отечественных учебниках // Теория и методология психологии. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 128–137.
- Петров М. К.* Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М.: Росспэн, 2006.

Предисловие

Профессиональные психологи в России // Социальная реальность. 2006. № 6. С. 61.

Сироткина И. Е., Смит Р. «Психологическое общество»: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 114–121.

Смит Р. История психологии. М.: Академия, 2008.

Balzer H. D. Soviet science on the edge of reform. Boukler, 1989.

Karпов Y. V. The Neo-Vygotskian approach to child development. Cambridge, 2005.

Rosenzweig M. R. What is psychological science? // International Psychological Science: Progress, problems and prospects. Washington, 1992.

The next twenty five years of technology: Opportunities and risks // 21st Century Technologies: Promises and perils of a dynamic future. OECD, 1998. P. 33–46.

**ОБЩИЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Советская психология как предмет и проблема историко-психологического исследования: концептуально-историографический поход

С. А. Богданчиков

Продолжая и в методологическом плане обобщая цикл исследований истории советской психологии (см.: Богданчиков, 2000—2023), подчеркнем, что советская психология и ее история до сих пор представляют собой сложную и во многих отношениях нерешенную исследовательскую проблему. В отечественной историографии психологии это находит свое конкретное выражение во все более увеличивающемся разрыве между общими констатациями и рассуждениями о советской психологии и ее истории, с одной стороны, и детальными, но не затрагивающими существа дела и картины в целом исследованиями отдельных фрагментов и аспектов истории советской психологии — с другой стороны. Необъятные и непролазные джунгли с кое-где протоптанными узкими и исхоженными тропинками — вот что такое история советской психологии сегодня, рассматриваемая в качестве объекта исследования.

Нетрудно убедиться, что в современной отечественной психологической историографии отсутствуют обобщающие и исследовательские работы, в которых советская психология непосредственно выступала бы в качестве объекта целенаправленного историко-психологического исследования. Малоизученным, несмотря на свою значимость, является начальный период развития советской психологии — период становления, в изучении которого совершенно не исследован на концептуальном уровне историографический аспект.

Выдвижение в методологическом, эмпирическом и методическом отношении на первый план историографического аспекта проблемы (как выясняется при ближайшем рассмотрении, мало изученного на уровне эмпирии и к тому же совершенно не представленного на общетеоретическом уровне — на уровне методологических подходов

и концепций) привело нас к необходимости рассмотрения советской психологии преимущественно с историографической точки зрения, т. е. как предмета и проблемы концептуально-историографического (осуществляемого на уровне историографических концепций) исследования.

Данные обстоятельства обусловили необходимость разработки концептуально-историографического подхода — так может быть кратко обозначена авторская исследовательская позиция по отношению к изучению советской психологии и ее истории.

Суть (центральная идея, ключевой тезис, исходная гипотеза) концептуально-историографического подхода заключается в положении о том, что в основе работ по истории советской психологии всегда лежит определенная историографическая концепция — исходная принципиальная схема, описывающая предмет в общем и целом, по существу. Включая в себя совокупность наиболее общих методологических принципов и базовых утверждений относительно сущности, содержания, структуры, а также механизмов развития и функционирования советской психологии, историографическая концепция задает общий подход и в значительной мере предопределяет конечные результаты (общее представление, итоговую картину) при изучении, описании, изложении и интерпретации истории советской психологии в целом и отдельных периодов ее развития в частности.

Таким образом, историографическая концепция советской психологии, представленная в работах отечественных и зарубежных авторов в самых различных модификациях, формах, видах и трактовках и рассматриваемая в историческом развитии и динамике, выступает в качестве исходной проблемы, системообразующего фактора и непосредственного объекта исследования истории советской психологии.

О понятии «историографическая концепция»

Так как понятие «историографическая концепция» в концептуально-историографическом подходе является одним из ключевых, его следует рассмотреть и определить более детально (о значении термина «историография» см., в частности: Теория и методология исторической науки, 2014, с. 161–163).

В общем виде под историографической концепцией мы понимаем совокупность наиболее общих представлений, принципов и констатаций (относительно предмета, метода и объяснительных механизмов),

которыми исходно руководствуется историк в своей деятельности. Историографическая концепция — это абстрактная, максимально «очищенная» от эмпирии исходная схема (модель, парадигма), с которой исследователь истории подходит к изучаемому объекту. Как показали наши исследования, наиболее существенными характеристиками историографической концепции являются следующие.

1. *Обобщенность, абстрактность историографической концепции.* Концепция — это обобщенное (абстрактное, принципиальное, схематичное) знание, это принципиальная схема изучаемого объекта. С этой точки зрения в историографической концепции советской психологии находят свое выражение наиболее важные, принципиальные параметры и характеристики советской психологии, рассматриваемой в процессе исторического развития — ее сущность, структура, закономерности функционирования и генезиса.
2. *Категориальность историографической концепции.* Сущность концепции всегда может быть кратко выражена в виде центрального (главного, ключевого) понятия — категории, концепта. В нашем случае в такой роли выступает понятие (категория, концепт) «советская психология». Поэтому при необходимости (например, когда требуется коротко выразить сущность концепции, основную идею, заключенную в ней) историографическая концепция советской психологии может быть сведена к *трактуемому в историческом ключе понятию (категории, концепту) «советская психология».*
3. *Первичность историографической концепции.* По отношению к конкретным историческим фактам, феноменам и событиям концепция для исследователя — это исходное, априорное, первичное знание. Историографическая концепция — это, пользуясь ключевыми понятиями теории установки Д. Н. Узнадзе, своего рода «первичная установка» исследователя в подходе к истории советской психологии — в отличие от «фиксированной установки», т. е. конкретного, фактического описания отдельных фрагментов истории советской психологии и картины в целом (здесь же можно вспомнить о понятии «схема» в теории Ж. Пиаже, а также о различении, по А. Н. Леонтьеву, в структуре сознания «чувственной ткани» и «значений»).
4. *Целостность историографической концепции.* Историографическая концепция — это вид на историю «сверху», это «общий вид», «картина в целом», это целостное знание в виде совокупности элементов (принципов) в их связности и единстве.

5. *Активность историографической концепции.* Историографическая концепция стимулирует, настраивает и направляет историко-научное исследование, т. е. несет активизирующую, побудительную, ориентирующую, целеполагающую функцию.
6. *Объяснительный характер историографической концепции.* Историографическая концепция — это знание, обладающее не только описательной (познавательной, информативной), но и объяснительной функцией по отношению к исторической эмпирии. Историографическая концепция для историка — это инструмент познания, это основополагающий объяснительный принцип. С помощью историографической концепции историк не только описывает, но и вопрошает, т. е. формулирует вопросы, на которые затем ищет ответы.
7. *Устойчивость историографической концепции.* Историографической концепции присуща относительная стабильность, устойчивость, «твердость», т. е. высокая (но, конечно, не абсолютная) сопротивляемость различным изменениям и внешним воздействиям. Концепция — это основа, придающая устойчивость всей конструкции, картине в целом, это центр, твердое «ядро», прочный «фундамент», это рассчитанный на большие перегрузки «скелет».
8. *Неявность историографической концепции.* Неявность и даже неосознанность историографической концепции вытекает, как это ни парадоксально, из ее очевидности: концепция, как нетрудно убедиться, явным образом и в полном объеме обычно не формулируется. Чаще всего концепция не нуждается в специальном упоминании, экспликации, обозначении, подробном изложении, проговаривании вслух. Сплошь и рядом концепция только подразумевается, трактуется и используется как нечто само собой разумеющееся и очевидное. Вследствие этого при описании изучаемого объекта концепция «растворяется» и теряется в самом описании, оказывается незаметной, невидимой (оставаясь, тем не менее, системообразующим фактором, на котором все держится). В лучшем случае непосредственно указываются, упоминаются и затрагиваются лишь отдельные части, фрагменты и элементы концепции — ее отдельные (например, самые важные) принципы, те или иные частные формулировки и понятия, критерии, оценки и т. п.

Две историографические концепции советской психологии – как «особой» и «репрессированной» науки

В ходе анализа работ отечественных исследователей истории советской психологии в процессе реализации концептуально-историографического подхода определенная историографическая концепция обнаруживалась путем постановки вопросов о том, что такое советская психология; как описывается и характеризуется история советской психологии в целом; что собой представляла вся психологическая наука в СССР в период 1920–1930-х годов; как конкретно описывается начальный период развития (возникновение и становление) советской (марксистской) психологии в 1920–1930-е годы; в чем состояли итоги развития советской психологии в 1920–1930-е годы.

В результате были выявлены две историографические концепции советской психологии: развиваемая в работах советского периода историографическая концепция советской психологии в качестве особой науки и выдвинутая в начале 1990-х годов в работах А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского историографическая концепция советской психологии как репрессированной науки. Коротко охарактеризуем эти концепции.

В советский период (в 1920–1980-е годы) ведущими отечественными психологами (Б. Г. Ананьевым, Е. А. Будиловой, Г. С. Костюком, А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурия, А. В. Петровским, С. Л. Рубинштейном, А. А. Смирновым, Б. М. Тепловым и М. Г. Ярошевским и др.) к середине 1970-х годов была сформирована историографическая концепция, описывающая генезис, содержание и функционирование советской психологии в качестве «особой науки». Советская психология в этой концепции рассматривалась в качестве особой (принципиально новой, марксистской, советской) науки о психике (психической деятельности), возникшей и функционирующей на марксистской методологической основе в соответствии с требованиями государственной идеологии и противопоставляемой всей остальной (и прошлых времен, и современной зарубежной) психологии. Период 1920–1930-х годов рассматривался при этом как период становления особой – новой, советской – психологии, как процесс формирования методологического единства советской психологии на основе марксизма, в соответствии с марксистской (марксистско-ленинской) идеологией.

В постсоветский период в работах А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского, а также А. Н. Ждан, В. А. Кольцовой, Б. С. Братуся, Т. Д. Мар-

цинковской и других исследователей произошел отказ от прежнего подхода как подхода идеологизированного. В новых социальных условиях история советской психологии стала описываться главным образом как история «репрессированной науки», развивающейся не столько благодаря, сколько вопреки господствующей государственной идеологии.

В рамках концепции советской психологии как репрессированной науки советская психология не рассматривается в качестве объекта научного исследования, термин «советская психология» не используется, речь идет только о «русской психологии советского периода», которая трактуется как наука, методологически ориентированная на марксизм, репрессированная и идеологизированная; период 1920—1930-х годов описывается как период становления новаторских теорий и концепций (Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и др.), методологически ориентированных на марксизм.

Сравнение выявленных историографических концепций советской психологии — концепции советской психологии как особой науки и концепции советской психологии как репрессированной науки — показывает, что заложенная в традиционном советском подходе историографическая концепция является идеологизированной, априорной, «жесткой»; напротив, постсоветская историографическая концепция является деидеологизированной, но плюралистичной, эклектичной, «мягкой», «рыхлой». Вместе с тем в обеих концепциях обнаруживаются одни и те же принципиальные методологические и эмпирические ограничения, обусловленные тем, что в обязательном порядке («по умолчанию»): советская психология априорно противопоставляется всей остальной психологии; вся история советской психологии трактуется преимущественно как история социальная; при изучении периода 1920—1930-х годов в качестве объекта исследования берется не вся психологическая наука в СССР в этот период, а только марксистская психология, рассматриваемая на фоне остальных (немарксистских) направлений, течений и школ.

Главная причина такого положения дел, продолжающая иметь значение и в наши дни, состоит, с нашей точки зрения, в том, что с самого начала идеологизация в корне препятствовала постановке вопроса о психологической науке в СССР, так как требовалось изучать судьбу только одной составляющей — советской (марксистской) психологии. В советское время жесткий, идеологически обусловленный априоризм требовал не искать и не доказывать объективную истину,

а лишь иллюстрировать, всецело принимая и одобряя, наперед (догматически, «сверху») заданные утверждения и оценки.

Вследствие такого априорно заложенного подхода вся психологическая наука в СССР 1920–1930-х годов не рассматривается в виде целостного образования, системы; реальным, фактическим объектом исследования выступает судьба марксистской психологии, причем трактуемая главным образом как история социальная, т. е. зависящая от внешних, экстернальных факторов. Остальные элементы, в совокупности образующие психологическую науку в СССР в 1920–1930-е годы (субъективная психология, рефлексология, педология, психотехника и т. д.), при таком подходе рассматриваются либо в качестве фона, контекста, совокупности преходящих моментов, своего рода антуража, в лучшем случае – сырья, необходимого для развития марксистской (советской) психологии, либо по отдельности, сами по себе, «россыпью». Другими словами, вся психологическая наука в СССР при таком подходе не рассматривается в качестве непосредственного предмета исследования.

Историографическая концепция советской психологии как научного направления: исходные принципы и конечные результаты

Из вышесказанного становится понятной необходимость формирования исследовательской историографической концепции, которая позволила бы преодолеть крайности имеющихся подходов (их односторонность и эклектику, фрагментарность, априоризм и редукционизм) путем разработки – для исследования советской психологии как исторически развивающейся системы – оптимального варианта сочетания «жесткости» и «мягкости», экстернальности и интернальности, что в конечном итоге должно обеспечить целостное и системное представление об историческом развитии психологической науки в СССР и становлении советской психологии.

В общем виде (на уровне исходных принципов и постулатов) авторская историографическая концепция может быть представлена в виде одиннадцати методологических принципов, обозначающих исследовательские приоритеты в области изучения истории советской психологии вообще и периода становления советской психологии (1920–1930-х годов) в особенности.

1. *«Большая» история советской психологии.* Рассмотрение советской психологии в качестве целостного образования и непосредственного объекта историко-психологического исследования означает

постановку проблемы советской психологии в общем и целом, в принципе, по существу. При таком подходе объектом исследования выступает «большая история советской психологии» («макроистория советской психологии») в отличие от изучения частных вопросов, отдельных сторон, аспектов и фрагментов истории советской психологии.

Свое непосредственное выражение данный подход находит в прямой постановке наиболее общих (предельно общих), принципиальных вопросов и в поиске столь же прямых, принципиальных и честных ответов на поставленные вопросы — о том, что такое советская психология, каковы источники, детерминанты и этапы ее развития, каковы закономерности и механизмы ее функционирования, в чем состоит ее историческое значение, насколько адекватными, полными и точными являются наши сегодняшние представления о советской психологии и ее истории, как в настоящее время относиться к советскому психологическому наследию, как изучать, описывать и преподавать историю советской психологии.

Поскольку советская психология как исторический феномен рассматривается в самом общем виде, предельно абстрактно, постольку данная область историко-психологических исследований непосредственно соприкасается с областью методологических проблем психологии. Следовательно, можно говорить о наличии на стыке этих двух областей специфической исследовательской области — методологии истории психологии: «методологии историко-психологического исследования»; «методологии историографического исследования истории психологии»; области «теоретико-методологических основ истории психологии» (Кольцова, 2004). О важности в настоящее время использования макроподхода в научном исследовании свидетельствуют многочисленные публикации, среди которых особо выделим книгу Р. Коллинза о «макроистории» и «социологии большой длительности» (Коллинз, 2015), сборник «Макропсихология современного российского общества» под редакцией А. Л. Журавлева и А. В. Юревича (2009), материалы научной конференции о микроподходах и макроподходах к изучению прошлого в исторической науке, о микроистории и макроистории (Историк в поиске, 1999).

Для нас очевидно, что для макропсихологии необходима не только особая, масштабная «макрометодология», но и своя — претендующая на глобальное видение — макроистория. И если с этой точки зрения посмотреть на изучение истории советской психологии, то невольно создается впечатление, что исследователи словно не замечают

проблему советской психологии, обходят ее стороной, полностью ее игнорируют или в лучшем случае ограничиваются несколькими общими фразами. Это видно и по названиям книг, вышедших в России за последние двадцать пять—тридцать постсоветских лет, и по тому, как история советской психологии излагается в публикациях научного, учебного и справочного характера.

Но история психологии должна быть не только наукой описательной и описывающей, т. е. наукой в самом начале своего развития, но и наукой объяснительной, объясняющей и понимающей — находящей причины, ищущей и находящей закономерности и законы, строящей теории. Должно быть не простое описание, изложение того, что было, но и объяснение. Именно для этого вопрос об истории советской психологии необходимо ставить в самом общем виде, по существу, т. е. выходить на «большую» историю советской психологии.

2. *Деидеологизированная история советской психологии.* Деидеологизированный подход к истории советской психологии как к истории «нормальной» науки выражается в трех аспектах. Во-первых, процесс идеологизации советской психологии для нас не выступает в качестве исходной проблемы исследования.

Во-вторых, в ходе историографического анализа эмпирический материал, исходные принципы и вся методология исследования рассматриваются, используются и оцениваются прежде всего по своему научному содержанию — с точки зрения своей научной выраженности и обоснованности. Деидеологизированная история советской психологии — это история психологии как «нормальной», деидеологизированной науки. В исследовании истории советской психологии с самого начала реализуется «презумпция» ее научности, а не идеологизированности.

В-третьих, деидеологизированный подход в исследовании истории советской психологии — это взгляд и подход максимально беспристрастный, объективный, не искаженный субъективизмом, принадлежностью к определенной научной школе, господствующей идеологией, методологическими соображениями и другими внешними факторами и обстоятельствами. Позиция исследователя при таком подходе — «над схваткой» (а не «внутри схватки»), что подразумевает стремление к всеохватывающему «виду сверху», постижению картины в целом. Принципиальный смысл изучения истории советской психологии при таком подходе заключается вовсе не в том, чтобы ретранимировать и защищать обветшавшие и не оправдавшие себя идео-

логические догмы в области психологии или, напротив, полностью игнорировать «идеологическую составляющую» советской психологии, а в том, чтобы, беспристрастно постигая (изучая, реконструируя и оценивая) прошлое, извлечь из собственной истории необходимые уроки, понять источники и корни современных тенденций, достижений и проблем. Без знания того, как — в силу каких причин, в каких исторических условиях и с какими последствиями — проходил процесс идеологизации отечественной психологии, успешное осуществление обратного процесса деидеологизации не представляется возможным.

Деидеологизированный подход означает последовательно проводимую на всех этапах исследования реализацию принципа невмешательства, строгое соблюдение требования по отношению к изучаемому прошлому «Не искажи!» (подобно принципу медицинской этики «Не навреди!»). Дело историка — дать слово истории, не вмешиваясь со своими мнениями, вкусами, возражениями и априорными оценками в события прошлого. Это взгляд наблюдателя, а не участника. Это взгляд непредвзятого и во всем сомневающегося исследователя (который может до самого последнего момента не знать, что у него должно получиться в итоге), а не твердо стоящего на своем, несокрушимо уверенного в своей правоте мудреца, с самого начала обладающего «истиной в последней инстанции».

С точки зрения деидеологизированного подхода работа историка — это не решительная, утилитарно-волюнтаристская, априорная по своей сути реконструкция прошлого (в угоду «текущему моменту», «актуальным задачам» и т. п.), а тщательная реставрация прошлого и его бережное сохранение.

По мнению А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, именно вследствие своей идеологизированности и репрессированности советская психология требует особого рассмотрения, особого подхода — в рамках «социальной истории», «политической истории» психологии. Но в связи с этим возникает вопрос: советская психология — это «особый случай», «особая наука», неповторимое, уникальное, несравнимое явление или же, напротив, речь должна идти об общих законах развития и функционирования советской психологии? Возможен ли в рамках не социальной или политической, а общей, интеллектуальной истории науки не идиографический, а номотетический подход к советской психологии и ее истории?

Мы считаем, что возможен и даже необходим, и с этой точки зрения большой интерес представляет сравнительная история советской

психологии, т. е. сопоставительное рассмотрение истории советской психологии на фоне судьбы других наук в СССР – биологии, лингвистики, философии, исторической науки, археологии, педагогики, физики, химии и т. д. Но это уже задача и проблема последующих исследований.

Таким образом, в общем и целом деидеологизированный подход к истории советской психологии направлен прежде всего против «идеологического априоризма», и в настоящее время мы рассматриваем деидеологизированный подход к истории советской психологии как прямое продолжение и завершение «перестроечных» процессов в нашей историографии, начатых в конце 1980-х–начале 1990-х годов, в эпоху распада СССР и освобождения от коммунистической идеологии.

3. *Активная история советской психологии.* В соответствии с этим тезисом исследуется не только то, что делалось с советской психологией, но и – прежде всего – что делала сама советская психология, выступая, таким образом, на исторической сцене не столько в пассивной, страдательной, сколько в активной, самостоятельной роли, в качестве субъекта исторического процесса.

4. *Объяснительная история советской психологии.* Данное положение, реализующее принцип детерминизма, подразумевает, что в ходе исследования осуществляется не только описание, изложение и формулировка более-менее очевидных констатаций, но и поиск причин и механизмов развития советской психологии.

5. *Интеллектуальная история советской психологии.* При реализации данного принципа история советской психологии предстает как история развития и функционирования психологического знания, психологических идей. По отношению к традиционной социальной истории психологии интеллектуальную историю можно рассматривать не столько как противоположный, сколько как дополнительный подход и метод познания прошлого, дополняющий итоговую картину.

6. *Единая история советской психологии.* В соответствии с данным принципом советская психология в мировом историко-психологическом контексте рассматривается на основе принципа единства, не противопоставляясь всей остальной – зарубежной, мировой – психологии.

В самом деле, что для нас должно быть приоритетным при соотношении советской психологии с остальной (современной, зарубежной, мировой) психологией – общее или различия? Две (истории) пси-

хологии или одна? Противопоставление, раскол или единство? Мы исходим из того, что история советской психологии – это составная часть истории мировой психологии. Конкретизируя принцип системности, мы рассматриваем историю советской психологии прежде всего как часть общей (мировой, всемирной) истории психологии, но не как часть истории Советского государства, Коммунистической партии, марксизма-ленинизма, большевистской идеологии, истории марксистской философии и т. п. Советская психология и мировая психология в своем функционировании и развитии никогда не были абсолютно изолированными друг от друга, поэтому их следует рассматривать не только как противопоставленные друг другу – в исторической реальности они были связаны между собой, влияя друг на друга, взаимодействуя как часть и целое. В ходе рассмотрения истории советской психологии необходимо раскрыть это взаимодействие, показать эту взаимообусловленность и взаимосвязь.

В этом плане весьма показательна позиция Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой и Л. А. Петровской, выраженная в предисловии к постсоветскому переизданию своего учебного пособия по зарубежной социальной психологии двадцатого столетия: «Мы „облегчаем“ идеологические экскурсы, отнюдь не отказываясь от каких бы то ни было апелляций к марксистской методологии, но отбрасывая кажущиеся сегодня наивными обязательные „противопоставления“ по каждому поводу отечественной и западной социальной психологии» (Андреева и др., 2015, с. 5).

Принцип единства означает, что советская психология возникла не столько путем отбрасывания и игнорирования зарубежной психологии, сколько путем критического усвоения и использования достижений зарубежной психологии, и даже если мы говорим об особом пути советской психологии, то поиск специфики советской психологии не должен для нас заслонять то общее, что у нее имеется с остальной психологией. Поэтому характеристика советской психологии в обязательном порядке должна включать в себя признаки, отражающие не только ее специфические, но и общие с остальной психологией (с другими «психологиями») черты. Методически это означает отсутствие «двойных стандартов», единый подход к советской и остальной (зарубежной, мировой, всемирной) психологии.

7. Непрерывная история советской психологии. Из признания факта имманентной включенности истории советской психологии в поток мировой психологической мысли логически вытекает тезис об об-

условленности советской психологии всем предшествующим развитием психологической науки в нашей стране.

Данный принцип означает, что в контексте истории отечественной психологии советская психология рассматривается в соответствии с принципом преемственности как прямая наследница и продолжательница предшествующего развития отечественной психологии. В соответствии с этим положением (которое можно обозначить как «принцип преемственности») советская психология рассматривается в качестве закономерного продолжения предшествующего развития в рамках определенной традиции, т. е. того, что было раньше — традиций, проблем и достижений русской дореволюционной психологии.

Другими словами, история советской психологии — это, при всей своей специфике, закономерный этап предшествующего развития отечественной психологии, это составная часть, один из этапов истории отечественной психологии. Поэтому для того, чтобы вскрыть исторические основания и корни советской психологии, выявить ее собственные, идущие «изнутри» источники, необходимо показать ее преемственность с предшествующей русской (дореволюционной) психологией. Применительно к начальному периоду развития советской психологии это означает выявление тех собственно психологических (имевшихся в отечественной психологии) источников, факторов, условий и предпосылок, на основе и под воздействием которых шло формирование советской психологии.

С точки зрения исследовательской методике это означает, что начинать надо с анализа того, что собой представляла советская психология в самом начале, т. е. с чем подошла русская психология к 1917 г. и что она собой представляла в первые послереволюционные годы. Тем самым мы выходим на проблему классификации направлений и отраслей в русской психологии начала XX в., накануне революционных событий 1917 г. и в первые пять лет после них (1917–1922).

Именно так, через принципы преемственности и взаимодействия мы рассматриваем советскую психологию в общем интеллектуальном контексте всей психологической науки в СССР в 1920–1930-е годы: в советской (марксистской) психологии по отношению к остальной психологической науке в СССР в то время (в период 1920–1930-х годов) нас интересуют не столько различия, сколько общее; не столько противопоставление и раскол, сколько единство; не столько доминирование, сколько принципиальное равенство и равноправие. С позиций

интеллектуальной истории советская (марксистская) психология — это не более-менее четкая фигура на расплывчатом, недифференцированном фоне психологии в СССР в 1920—1930-е годы, а один из элементов, одна из частей общей системы — всей психологической науки в СССР в данный период.

8. *Последовательная история советской психологии.* Данное положение означает подход к советской психологии на основе принципа периодизации как к науке развивающейся, проходящей в своем развитии определенные ступени, закономерные периоды и этапы. Реализация данного принципа означает необходимость обоснования для выделения в истории советской психологии границ тех или иных периодов, нахождения критериев выделения переломных моментов, движущих сил, этапов.

9. *Системная история советской психологии.* В соответствии с данным тезисом советская психология рассматривается на основе более общего принципа системности. Применительно к периоду 1920—1930-х годов это означает, что вся отечественная психологическая наука этих лет исходно рассматривается как целостное образование, как система, состоящая из ряда находящихся в динамике, взаимодействии и развитии научных направлений (одним из которых является советская психология), с входящими в эти направления более мелкими структурными элементами — школами, теориями, отраслями, учреждениями и т. д.

В противовес «атомарному», «поэлементному» (эkleктичному в конечном счете) подходу к истории советской психологии в качестве основного структурного элемента (уровня, «единицы анализа») в изучении истории советской психологии мы предлагаем брать научное направление, включающее в себя более мелкие структурные элементы (научные школы, лаборатории, кафедры, институты и т. п.), которым присуще теоретико-методологическое, организационное и коммуникативное единство. Разумеется, ничто не мешает исследователю в ходе изучения истории советской психологии взять за основу (в качестве исходной «единицы анализа») не научное направление, а какой-либо другой элемент науки — научную школу, отрасль науки (практическую или прикладную), теорию, социальные институты (кафедры, лаборатории, институты), подходы, ключевые идеи и проблемы, методологию, биографии ученых и т. д.

Осуществляя реконструкцию структуры науки сверху вниз (идя от направлений как наиболее крупных элементов к элементам более мелким и частным), мы, помимо прочего, избегаем двойных стан-

дартов, так как описываем психологическую науку в СССР так же, как и остальную (зарубежную) психологию, — путем характеристики различных направлений, ее образующих, а также входящих в эти направления школ, отраслей, теорий и т. д. (о системном подходе в психологии и о системной психологии как формирующейся отрасли психологической науки см.: Рыжов, 2017, 2021).

10. Историкографически обоснованная история советской психологии. Выдвижение на первый план при рассмотрении проблемы становления советской психологии всеобъемлющего историографического анализа как принципиального методологического требования обусловлено не только тем, что историографический анализ является обязательной составной частью исследования истории науки (известно, что нет полного знания науки без знания ее истории; применительно к самой истории науки это означает, что нет полного знания истории науки без знания ее историографии).

Необходимость детального историографического анализа вызвана еще и тем, что, как показывает анализ положения дел в историографии советской психологии, этот аспект в области исследования истории советской психологии до сих пор остается фактически за пределами внимания отечественных и зарубежных исследователей, т. е. практически неучтенным, неизученным и неоцененным.

11. Концептуальная (концептуально оформленная) история советской психологии. Данное положение подразумевает осуществление историографического анализа, а также историко-научной реконструкции и интерпретации истории советской психологии на предельно обобщенном, концептуальном уровне — на уровне историографических концепций. В этой связи заслуживает внимания широкое и целенаправленное использование понятия «концепция» в работах Е. В. Левченко (Левченко, 1996, 2003, 2007, 2008), а в авторитетном российском справочнике «Энциклопедия эпистемологии и философии науки» (2009, с. 387–392) большой интерес для нас представляют статьи «Концепт» (автор статьи — С. С. Неретина), «Концептуализм» (С. С. Неретина), «Концептуальные структуры (в научном знании)» (В. С. Швырёв), «Концептуальный каркас» (С. С. Гусев) и «Концепция» (С. С. Неретина).

* * *

Таким образом, суть предлагаемого концептуально-историографического подхода заключается в историко-психологическом исследовании феномена советской психологии на предельно обобщенном,

концептуальном уровне – на уровне историографических концепций. Проведенные в рамках заявленного подхода исследования позволили в общем виде ответить на главный вопрос: что такое советская психология?

Как показали наши исследования, «советская психология» является многозначным понятием. Три основные трактовки отражают степень идеологизации (идеологизированности) и научности понятия «советская психология»: 1) советская психология как идеологическое понятие, которое является разновидностью более общего идеологического понятия «советская наука» (советская психология как наука особая – марксистская, партийная, единая, воинствующая, передовая); 2) советская психология в широком смысле – как собирательное, деидеологизированное понятие, обозначающее всю психологическую науку в СССР; 3) советская психология в собственно научном смысле – определенное научное направление.

В соответствии с авторской историографической концепцией советская психология – это определенное научное направление, становление которого приходится на период 1920–1930-х годов. Говоря более конкретно, советская психология – это научное направление, возникшее в СССР в 1920–1930-е годы под воздействием философии и идеологии марксизма на основе традиций и достижений психологической науки того времени, в тесном взаимодействии с другими направлениями. Становление советской психологии как научного направления в 1920–1930-е годы проходило в два этапа и в виде трех основных тенденций: на первом этапе (в 1920-е годы и в начале 1930-х годов) главными были две тенденции – «от психологии субъективной к психологии марксистской» и «от психологии объективной к психологии марксистской»; на втором этапе (в 1930-е годы) ведущей была тенденция «от психологии марксистской к психологии советской». Марксистская психология 1920-х годов была начальной формой, первым этапом в развитии советской психологии как определенного научного направления.

Надеемся, дальнейшие исследования подтвердят правомерность и продуктивность данного понимания советской психологии и ее истории.

Литература

Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001.

- Богданчиков С. А.* Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России, 2000.
- Богданчиков С. А.* К вопросу о термине «советская психология» // Вопросы психологии. 2006а. № 2. С. 80–88.
- Богданчиков С. А.* Основные направления и течения в отечественной психологии 1920-х годов // Методология и история психологии. 2006б. Т. 1. Вып. 2. С. 21–30.
- Богданчиков С. А.* Советская психология в мировом историко-психологическом контексте (современные подходы к проблеме) // Психологический журнал. 2006в. Т. 27. № 1. С. 89–96.
- Богданчиков С. А.* Проблемы изучения истории советской психологии. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2009.
- Богданчиков С. А.* Современные отечественные авторы о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. (опыт детального критического анализа) // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 7–31.
- Богданчиков С. А.* История советской психологии: 1920–1930-е годы. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2011.
- Богданчиков С. А.* О необходимости системного подхода к изучению истории советской психологии (десять тезисов) // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: материалы VI международной научно-практической конференции, 19–21 ноября 2013 г., г. Ярославль / Под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль: Канцлер, 2013а. С. 55–57.
- Богданчиков С. А.* Открывая Г. И. Челпанова (Г. И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы). Научная монография. М.: Директ-Медиа, 2013б.
- Богданчиков С. А.* Историография советской психологии: проблемы, достижения, перспективы // Ананьевские чтения – 2014: Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: материалы научной конференции, 21–23 октября 2014 г. / Отв. ред. Г. С. Никифоров. СПб.: Скифия-принт, 2014а. С. 302–304.
- Богданчиков С. А.* К вопросу о научных направлениях и научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. // Психологический институт в современном научно-психологическом пространстве: Международные Челпановские чтения 2014: Московская научно-практическая конференция к 100-летию Торжественного открытия Психологического института им. Л. Г. Шукиной (1914–2014).

- Москва, 22–23 апреля 2014 года. Альманах Научного архива Психологического института / Сост., науч. ред. О. Е. Серова, Е. П. Гусева; под общ. ред. В. В. Рубцова. Вып. 7. М.: Алькор Паблицер, 2014б. С. 36–41.
- Богданчиков С. А.* Так что же такое «советская психология»? // Приволжский научный вестник. 2014в. № 11–2 (39). С. 15–19.
- Богданчиков С. А.* Советская исследовательская и практическая психология 1920–1930-х годов (к историографии вопроса) // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 337–384.
- Богданчиков С. А.* История советской психологии: прямой взгляд // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня–02 июля 2016 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а. С. 46–57.
- Богданчиков С. А.* О многозначности понятия «советская психология» // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 частях. Часть 1 / Под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016б. С. 61–67.
- Богданчиков С. А.* К вопросу об особенностях развития психологической науки в СССР в 1930-е годы // Научная деятельность Д. Н. Узнадзе и актуальные проблемы психологии: Труды научной конференции. Тбилиси, 2016в. С. 49–61.
- Богданчиков С. А.* О научных направлениях в советской психологии 1920–1930-х годов // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. РГУ им. А. Н. Косыгина, 16 июня 2017 г. / Под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, И. В. Антоненко, И. Н. Карлицкого. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина», 2017. С. 26–31.
- Богданчиков С. А.* Проблема генезиса советской психологии (юбилейные размышления) // Методология и история психологии. 2018а. Вып. 1. С. 229–232.
- Богданчиков С. А.* Проблемы истории и историографии советской психологии: монография. М.: АСОУ, 2018б.

- Богданчиков С. А.* Становление советской психологии (1920–1930-е годы): Учеб. пособие. М.: АСОУ, 2020.
- Богданчиков С. А.* Неподнятая целина: обзор зарубежных публикаций 1930–1950-х гг. о советской психологии // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2021а. Т. 1. № 1. С. 12–22.
- Богданчиков С. А.* Очерки источниковедения истории советской психологии: учебное пособие. М.: АСОУ, 2021б.
- Богданчиков С. А.* Не время для школ: к вопросу о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022а. Т. 2. № 1. С. 43–53.
- Богданчиков С. А.* Зарубежная историография истории советской психологии: случай Т. Р. Пейна // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022б. Т. 2. № 3. С. 50–64.
- Богданчиков С. А.* Размышления о современной отечественной историографии истории советской психологии с точки зрения преподавателя // Научные труды Московского гуманитарного ун-та. 2022в. № 6. С. 58–65.
- Богданчиков С. А.* Советская психология в широком историко-научном контексте (обзор ключевых отечественных публикаций постсоветского периода) // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3. № 2. С. 62–72.
- Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5–6 октября 1998 / Под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова и П. Ш. Габдрахманова. М.: ИВИ РАН, 1999.
- Коллинз Р.* Макроистория: Очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. с послесл. Н. С. Розова. М.: УРСС–Ленанд, 2015.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Левченко Е. В.* Психологическая концепция В. М. Бехтерева // Вестник СПб. ун-та. Сер. 6. 1996. Вып. 1. С. 70–81.
- Левченко Е. В.* Методологические основания психологической концепции М. Я. Басова // Вестник СПб. ун-та. Сер. 6. 1996. Вып. 3. С. 71–84.
- Левченко Е. В.* История и теория психологии отношений / Отв. ред. А. А. Крылов. СПб.: Алетейя, 2003.

- Левченко Е. В.* Психологическая концепция В. М. Бехтерева: диахронический анализ // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 22–31.
- Левченко Е. В.* Михаил Яковлевич Басов: жизненный путь и психологическая концепция // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 4. С. 21–45.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Рыжов Б. Н.* Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские технологии, 2017.
- Рыжов Б. Н.* История психологической мысли. Пути и закономерности: Учеб. пособие для высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта, 2021.
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+—РОИ Реабилитация, 2009.

Неканоническая история советской психологии: постановка проблемы

М. С. Гусельцева

...Перед нами сегодня стоят во многом те же вопросы и те же проблемы, что и перед персонажами нашей хроники, 100 лет как будто прошло, а мы во многом возвращаемся, словно бы их и не было. <...> На их жизнь пришлось страшные испытания, намного более страшные, чем на наши поколения. Но сегодня снова в воздухе разливается предгрозовое ощущение, правда, это ощущают совсем немногие.

Я... выполняю моральный долг перед предками. Я воскрешаю личности людей, которых давно нет на свете, а вот они снова говорят с нами своими живыми голосами, и мы мысленно разговариваем с ними.

Л. Г. Бызов

При взгляде из сегодняшнего дня советская психология представляет собой для историка науки многослойный, амбивалентный и нередко парадоксальный феномен. В первом приближении советскую психологию можно рассматривать как *определенный этап развития российской психологии*, содержательно демонстрирующий как разрыв, так и преемственность с дореволюционной (досоветской) и современной (постсоветской) психологией. В ином аналитическом ракурсе советская психология раскрывается как *строящаяся в СССР «нормальная» наука*, но при этом наука, находящаяся под строгим государственным контролем, испытывающая существенное влияние идеологии; в этом случае в поле анализа попадают произвольно выбранные аспекты либо «нормальности» развития психологической науки, либо сосредоточения на специфике ее «советскости». Наконец, если подходить к конструкту «советская психология» со стороны изучения *особенностей психологии людей советского времени*, феноменов массо-

вого сознания, ментальности, коллективных представлений о мире, реконструкции особенностей научного творчества и повседневной жизни этого исторического периода, то обнаруживаются ускользающие от объективного анализа пласты непроработанных культурно-психологических травм субъектов советской эпохи, а также проблемы саморефлексии науки.

Каноническая история психология, т. е. история психологии, которая так или иначе отражена сегодня на страницах учебников, во многом заимствовала те способы видения и схемы интерпретации, которые сложились в рамках советского дискурса. Лишь десятилетия спустя в ходе отдаления и дистанцирования современности от советской эпохи, превращения последней в объект исторического прошлого, в предмет отстраненного анализа в работе с этим материалом стали пробиваться новые интерпретативные стратегии. Сложилось стихийное движение, как правило, не осмысливающее себя в категориях архивных или ревизионистских поворотов, однако кропотливо и добросовестно, шаг за шагом выполнявшее рутинную исследовательскую работу. Среди историков науки и историков психологии, развивающих новые взгляды и подходы к изучению советского наследия, отметим О. А. Артемьеву (2015, 2021), С. А. Богданчикова (2013, 2018, 2022), Н. А. Дмитриеву (2007а, б, 2016а), Е. Ю. Завершневу (2008, 2009), Н. Ю. Масолюкову и М. Ю. Сорокину (2011, 2018), О. В. Синёву (2017), И. Е. Сироткину и Р. Смита (2016), Н. Ю. Стоюхину (2013б, 2015, 2017), А. М. Эткинда (1990, 1993, 1996, 2016), А. В. Юревича (2003, 2013, 2021), А. В. Юревича и И. П. Цапенко (2010), А. Ясницкого (2013, 2015а, 2017) и др., а также архивные публикации журнала «История российской психологии в лицах: Дайджест» (2015–2018). Постепенно из отдельных исследовательских поисков, опубликованных работ, защищенных диссертаций стала вырисовываться новая исследовательская парадигма, которую обобщенно можно обозначить — *неканоническая история психологии*.

Новые подходы способствовали изменению взгляда на советскую психологию, например, видению ее как айсберга, где за очевидной — отраженной в анналах, канонической — частью скрывается основная, но не попадающая в поле зрения, не отрефлексированная часть. Современные исследования имеют широкий и разнообразный тематический охват — от анализа социокультурных предпосылок российской интеллектуальной традиции, выявления в архипелаге советской психологии «блуждающих идей», подспудной преемственнос-

ти дореволюционных и советских исследовательских направлений до возвращения в историю науки забытых и утраченных имен российских ученых, восстановления архивов и исторической справедливости.

Современные подходы к истории советской психологии

Распознаванию и реконструкции в историческом прошлом его археологических слоев способствует применение к изучению советской психологии разных исследовательских стратегий. Полная картина этой Атлантиды постепенно раскрывается в совокупности коллективного творчества, казалось бы, независимых друг от друга исследователей. Так, в работах современных историков психологии на передний план анализа выходят социальные, политические, социокультурные, культурно-исторические факторы в становлении и развитии отечественной психологии XX в.

Одним из исследовательских направлений, которое все еще в полной мере не реализовано, явилась *политическая история психологии*. Такой подход к советской психологии намечен в качестве особой исследовательской стратегии изучения истории науки в режимах тоталитарного и посттоталитарного типа и представлен в работах А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского (Петровский, 2007; Петровский, Ярошевский, 1996).

«Что же такое „политическая история психологии“? Это раздел истории психологии, предметом которого является развитие психологической науки в ее зависимости от политической конъюнктуры, складывающейся в обществе. Предмет исследования маргинален. С одной стороны, это история науки, с другой — гражданская история (в частности история культуры). Политическая история психологии может быть вычленена далеко не во всех общественных устройствах. Она становится предметом изучения, когда мы обращаемся к развитию психологической мысли в государствах тоталитарного и посттоталитарного типа. Во всех остальных странах говорить о политической истории было бы бессмысленно. Хотя это не значит, что психология не зависит от социального устройства общества, экономических проблем, которые постоянно возникают и требуют решения. О каких странах идет речь? Например, Германия эпохи „третьего рейха“, Китайская Народная Республика до и во время „культурной революции“, СССР с середины 1920-х гг. и до времен совсем недавних, может быть, и Северная Корея» (Петровский, 2000, с. 8).

По сути дела, А. В. Петровским и М. Г. Ярошевским одними из первых посеяна идея о поиске иного, неканонического подхода к изучению истории советской психологии. Сегодня же к истории советской психологии применен целый спектр авторских подходов. В этом разделе сделаем небольшой обзор некоторых из них.

В монографии О. А. Артемьевой история советской психологии рассматривается посредством *концепции коллективного субъекта научной деятельности*. О. А. Артемьева прослеживает социально-психологическую детерминацию становления советской психологии, постепенное обретение ею методологического единства в сложившихся социально-политических рамках (Артемьева, 2015). Представленная ею периодизация развития российской психологии в первой половине XX столетия построена с учетом социального контекста. В методологическом плане О. А. Артемьева объединила в своей работе методы историко-научного, наукометрического и биографического исследования, качественного и количественного анализа.

Изучение роли социально-политических факторов в становлении советской психологии было продолжено в диссертационном исследовании О. В. Синёвой, которая сосредоточилась на особенностях социальной детерминации в развитии педологического, психоаналитического и психотехнического течений в 1920–1930-е годы. Достижением ее работы стали «системные исследования социальной детерминации развития практической психологии в России» (Синёва, 2017, с. 4). Помимо этого, О. В. Синёва обнаружила *период латентного развития* научно-практических течений отечественной психологии в 1937–1950 гг. (там же, с. 169).

В совместной публикации О. А. Артемьева и О. В. Синёва фиксируют перекося в сторону гораздо лучше изученных в истории психологии теоретических подходов и восполняют этот пробел анализом практической работы российских психологов начала XX в. «В это время проблемы прикладного и практического характера ставились и решались российскими учеными-психологами в рамках организационно и содержательно оформленных научно-практических течений – педологии, психотехники и психоанализа» (Артемьева, Синёва, 2018, с. 4). Авторы подчеркивают, что «сведение всего многообразия достижений советской психологии только к теоретическим упрощает ее образ, ограничивает в возможности обращения к ней как к источнику самобытного опыта реализации психологической практики» (там же).

В исследованиях О. А. Артемьевой и О. В. Синёвой введен новый конструкт — *советская научная политика*. Достоинством этих исследований стал системный и взвешенный подход к материалам истории психологии, выделение в равной мере негативных и позитивных сторон развития психологии в советскую эпоху. О. А. Артемьева и О. В. Синёва отмечают «амбивалентный характер влияния советской научной политики на становление и развитие отечественной психологической науки» (там же, с. 16). Этот амбивалентный характер проявлялся в «государственной поддержке научно-практических исследований для решения социальных, управленческих и идеологических задач»; в «участии правительства в учреждении и упразднении специализированных институтов практической психологии (организаций, печатных органов, служб психологической помощи на производстве)»; «административном стимулировании научно-практической психологии к поиску единого философского базиса на основе марксистско-ленинской идеологии и др.» (там же). При этом институционализация советской психологии происходила в условиях «выраженной общественной потребности в психологических знаниях во всех выделяемых сферах общественной жизни: производственной, административной, социальной и идеологической» (там же, с. 17).

На наш взгляд, узким моментом исследования О. А. Артемьевой и О. В. Синёвой является отсутствие дифференциации между собственно *общественными* и *государственными* потребностями в психологических знаниях. Ведь эти запросы не только не тождественны, но и способны вступать друг с другом в противоречие: то, что нужно для развития общества, может вовсе не требоваться или даже «вредить» государственной монополии; напротив, необходимое государству для поддержания собственной монолитности, как правило, наносит вред общественному развитию, подавляет публичную сферу, препятствует свободе творчества, тормозит интеллектуальные прорывы и т. п. Именно доминирование государственного над общественным в советскую эпоху влекло за собой вместо естественного расцвета искусственные разгромы психологических направлений, таких как педология, психотехника и психоанализ, не позволило зародиться антропологически ориентированной психологии. На этом основании в современных интерпретациях развития советской психологии крайне важно разделять *общественные потребности* в психологических знаниях и проводимую *государственную политику*, а также внутреннюю логику развития науки; интересы профессионального психологичес-

кого сообщества; изменяющиеся на протяжении советского периода социальные и политические контексты. Таким образом, история советской психологии получает объемные аналитические координаты, где в различных ситуациях и на разных отрезках советского периода наблюдается преобладание тех или иных процессов.

«Наиболее заметно влияние советской научной политики в 1921–1936 гг. С одной стороны, на эти годы приходится становление системы организации и поддержки научных исследований, определившее институционализацию практической психологии в России. С другой, идеологизированность и иерархизированность научной политики, особенно в период 1931–1936 гг., обусловила процессы активной деинституционализации научно-практических течений. В условиях борьбы с „буржуазными“ установками в науке, административного контроля и централизации в научной сфере под корень были срезаны ростки отечественного психоанализа, педологии и психотехники» (Артемяева, Синёва, 2017, с. 18).

Предпосылкой деинституционализации послужило подавление авторитарной *государственной* политикой *общественных* потребностей; следствием же этого стало отсутствие свободы публичных дискуссий, столь необходимых и для нормализации социальной жизни, и для развития науки, и для преодоления коллективной травмы – перехода от гражданских конфликтов к гражданскому согласию. Этот противоречивый социально-политический контекст с разнонаправленными интересами государства и общества, социальных групп и отдельных творческих личностей необходимо более детально реконструировать в анализе социальной детерминации советской психологии.

Между тем, обратившись к изучению институционализации научно-практических течений советской психологии, О. В. Синёва выделила характеристики и ключевые черты «советской научной политики в отношении практической психологии»: ее идеологизированность и иерархизированность, склонность к регламентации и планированию, изоляционизм, преувеличенное подчеркивание самобытности, амбивалентный и антиномичный характер, выразившийся, в частности, в совмещении в одном историческом хронотопе процессов институционализации и деинституционализации. Таким образом, наряду с государственной поддержкой тех или иных научных структур и исследовательских направлений происходило «упразднение научно-исследовательских центров, ликвидация специализированных печатных органов и т. п.» (там же, с. 11).

«Период 1901–1920 гг. характеризовался тенденциями к институционализации научно-практических течений отечественной психологии. В период 1921–1924 гг. происходила активная институционализация научно-практических течений в прикладном, организационном, коммуникативном аспектах, а также в сфере воспроизводства и передачи научного знания. В период 1925–1930 гг. наблюдался рост числа печатных работ по научно-практической проблематике; активно действовали службы практической психологической помощи в различных областях общественной практики, создавались общие координирующие органы; представители научно-практических течений развивали контакты с отечественной и зарубежной научной общественностью в ходе научных съездов и конференций и т. д. Вместе с тем в этот период обозначилась тенденция к деинституционализации научно-практических течений. Одним из ее индикаторов было закрытие Московского государственного психоаналитического института в 1925 г. Показатели активной деинституционализации научно-практических течений характеризуют период 1931–1936 гг. Особенностью периода 1937–1950 гг. является латентное развитие научно-практических течений отечественной психологии вне институциональных форм научной деятельности» (там же, с. 15).

Наряду с непосредственным раскрытием О. А. Артемьевой и О. В. Синёвой социальной детерминации развития психологического знания ценной стороной этой работы оказалось амбивалентное и многослойное содержание феномена собственно советской психологии.

Одним из первых представление о советской психологии как таковой проблематизировал С. А. Богданчиков (Богданчиков, 2006, 2011, 2018). Он показал, что образ советской психологии является многозначным; существуют как минимум три основные трактовки советской психологии, отражающие разные степени ее заидеологизированности. Во-первых, советская психология как *идеологическое понятие* является одной из разновидностей «советской науки» в качестве уникального феномена, сложившегося в СССР¹. В этом контексте советская

1 В статье, посвященной истории поведенческой психологии в СССР, В. В. Умрихин выделяет такие черты государственной политики в сфере науки 1930-х годов: 1) «всеобщая подозрительность, шпиономания, стремление видеть в каждом ученом замаскированного врага»; 2) «обвинение ученых, опирающихся на опыт западных исследователей, в сознательном вредительстве» и, как следствие, изоляционизм; 3) догматизация

психология предстает как «особый путь» развития психологической науки, а ее специфика подчеркивается такими прилагательными, как «партийная», «единая», «марксистская», «единственно верная», «передовая». Во-вторых, советская психология может рассматриваться как собирательное понятие, охватывающее разные *психологические течения и подходы, развивавшиеся в СССР*. В концепции С. А. Богданчикова она представлена как *советская психология в широком смысле слова*. Автор относит сюда такие направления и школы, как реактология К. Н. Корнилова, рефлексология В. М. Бехтерева, вариации русского психоанализа, педологию, психотехнику и даже научную школу Д. Узнадзе. В-третьих, *советская психология в узком смысле слова* — это *марксистская психология*, своеобразная научная школа, становление которой пришлось на 1920–1930-е годы. Она опирается на принцип диалектического материализма и осмысливает себя в методологическом горизонте учения К. Маркса. Развивая эти идеи в ряде работ, С. А. Богданчиков доказывал, что советской психологии в узком смысле слова не существовало в первые годы после революции — как термина или понятия, программы или самостоятельного научного направления, — однако к концу 1930-х годов в СССР практически не оставалось *никакой иной психологии, кроме советской* (Богданчиков, 2018).

«Предлагаемая концепция позволяет преодолеть методологические и эмпирические ограничения, заложенные в историографических концепциях советской психологии как „особой“ и „репрессированной“ науки — благодаря тому, что, во-первых, вся история советской психологии рассматривается преимущественно как история интеллектуальная; во-вторых, история советской психологии рассматривается как составная часть и этап истории мировой и отечественной психологии; в-третьих, вся психологическая наука в СССР в 1920–1930-е гг. рассматривается как совокупность научных направлений, как целостное образование, как система, одним из элементов которой является становящаяся марксистская (советская) психология» (Богданчиков, 2017, с. 28).

и редукция марксизма к уровню «сталинского диамата»; 4) «насаждение атмосферы страха» и манипулирование поведением ученых; 5) формирование психологического типа лоялистов — «особого типа организаторов науки сталинской формации», подготовленных для проведения в жизнь «любых угодных партийной верхушке требований» (Умрихин, 1991, с. 138).

В советской психологии в широком смысле слова С. А. Богданчиков выделяет шесть ведущих направлений. Это: 1) субъективная психология в разновидностях — эмпирическая, интроспективная, идеалистическая (школа Г. И. Челпанова); 2) религиозно-философская психология (учения Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Б. П. Вышеславцева, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, И. И. Лапшина, Н. О. Лосского, С. Л. Франка и др.); 3) объективная психология в разновидностях — естественно-научная, материалистическая, поведенческая (школы В. М. Бехтерева и И. П. Павлова); 4) марксистская психология в разновидностях — советская, диалектическая, культурно-историческая, деятельностная (школы М. Я. Басова, К. Н. Корнилова, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, Харьковская школа), 5) психоанализ (М. В. Вульф, И. Д. Ермаков, Н. Е. Осипов), и фрейдомарксизм (А. Б. Залкинд, М. Л. Ширвиндт); 6) психология установки (школа Д. Н. Узнадзе) (там же, с. 26).

С. А. Богданчиков формулирует важную мысль о том, что российская психология в отношении советского периода ее развития должна проработать собственную коллективную травму — *не плакать, не смеяться, а понимать* (Б. Спиноза), т. е. перейти от хвалы и хулы советского прошлого к подлинно научному подходу: рациональной работе с источниками и архивными документами, вынося за скобки эмоциональные аспекты и пристрастия, контролируя собственные аффекты, сознательно стремясь к построению релевантных представлений, а для всего этого необходимо вдумчиво освоить не только первоисточники и архивные материалы, но и зарубежную историографию, и советологию; научиться смотреть на объект исследования с разных точек зрения и перспектив.

«Полноценная и полнокровная история советской психологии еще не написана. Но уже сейчас хочется сказать о том, что она должна обеспечивать доступ к первоисточникам — к работам Г. И. Челпанова, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, А. А. Введенского, А. Ф. Лазурского, А. П. Нечаева, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, П. Я. Гальперина, Н. Н. Ладыгиной-Котс, В. Н. Мясищева, а также к современной российской психологии — к работам В. М. Аллахвердова, Ф. Е. Василюка, Е. П. Ильина, Л. Н. Собчик, В. Ф. Петренко, В. А. Мазилова, Р. С. Немова, В. М. Лейбина, Б. М. Величковского, В. А. Барабанщикова, А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова и многих других» (Богданчиков, 2022б, с. 63).

Последовательно применяя авторский подход к материалам истории советской психологии, С. А. Богданчиков обнаруживает лауну, свя-

занную со слабой изученностью источников зарубежной историографии советской психологии (Богданчиков, 2021, 2022а).

«Помимо окончательной и бесповоротной деидеологизации, фундаментального осмысления собственных концептуальных рамок и кропотливой конкретной работы с первоисточниками и архивами для выполнения этой непростой задачи требуется устранить один весьма существенный пробел — проанализировать до сих пор в силу разных причин слабо изученную зарубежную (времен существования СССР, постсоветского периода и самую современную) историографию истории советской психологии, прежде всего основополагающие работы Р. Бауэра, Т. Р. Пейна, Л. Грэхэма, Л. Рамани, Дж. Маклэйша, А. Козулина, Д. Джоравски» (Богданчиков, 2022а, с. 50).

Из позиции наблюдателя с дистанции сегодняшнего дня можно заметить, как на протяжении XX в. в истории советской психологии изменялись сферы невидимого и неочевидного. Одни перспективы были обусловлены выбранными подходами и способами интерпретации. Другие же определяются собственно широтой или глубиной охвата материала. Так, в наши дни содержание истории советской психологии расширяется, прирастает еще одной сферой, усиливающей полноту и точность реконструкций, а именно изучением истории эмигрантских сообществ, так называемого *российского научного зарубежья*. Эта работа связана с именами Н. Ю. Масоликовой и М. Ю. Сорокиной (Масоликова, Сорокина, 2011, 2018; Российское научное зарубежье, 2010). Под российским научным зарубежьем ученые понимают «совокупность всех специалистов, имевших печатные труды и принимавших участие в деятельности российского научного сообщества, — граждан Российской империи/Российской республики/СССР/Российской Федерации, по различным причинам покинувших страну и/или работавших длительное время за рубежом» (Сорокина, 2010, с. 84–85).

Дополнительным расширением проблемного поля российских историографических исследований также служат инициативы О. А. Артемьевой и вслед за ней С. А. Богданчикова, вводящие в фокус анализа истории психологии не только отечественные, но и зарубежные интерпретации, касающиеся становления советской психологии (Артемьева, 2021; Богданчиков, 2021, 2022а). Такой подход позволяет сделать историю советской психологии объемной, открывает возможности посмотреть на нее с разных позиций, под разными углами зрения.

«Образ советской психологии и отдельных событий ее истории, сложившийся у представителей несоветской науки, лишен влияния авторитетов и традиций развития отечественной психологии. Хотя этот образ и нельзя считать свободным от всякой идеологизации, он все же не подчиняется авторитету советской идеологии и в этом смысле помогает дополнить представления о Павловской сессии, изложенные в работах советских ученых, что позволит осуществить более полную рефлексию истории отечественной психологии, роли ее деятелей и результатов» (Артемьева, 2021, с. 123).

О. А. Артемьева справедливо полагает, что разработка *американской историографии советской психологии* в качестве нового направления историко-психологических исследований может «обогатить историографию советской психологии альтернативными исследовательскими интерпретациями» (там же, с. 122). Помимо этого, она отмечает, что, несмотря на разделяемую большинством историков психологии значимость для развития советской психологии 1950–1960-х годов такого социального феномена, как Павловская сессия, само по себе это событие не сделалось «предметом самостоятельного научного исследования» (там же). Таким образом, широта проблемного поля истории психологии сопровождается здесь глубиной — детализацией отдельных ее эпизодов.

«Обращение к результатам объективного системного исследования хода и итогов Павловской сессии американских ученых позволяет не только уточнить представления о социальном и научно-социальном контексте развития советской психологии в послевоенный период, но и определить перспективы дальнейшей разработки истории советской психологии, свободной как от просоветской, так и от анти-советской идеологизации. <...>. Это позволит обогатить историографию советской психологии альтернативными исследовательскими интерпретациями, обеспечить реализацию принципов объективности, критического самоосмысления дисциплины, перспективной ориентированности историко-психологического познания и расширить сферу применения принципа системности в истории психологии» (там же, с. 129).

Непредвзятое погружение в историю советской (шире – российской) психологии обогащает научные поиски новыми находками. Наряду с трудами российского эмигрантского зарубежья, анализом зарубежной историографии и советологии существенную роль здесь играют региональные исследования: в том числе воссоздаваемая Н. Ю. Стою-

хиной *история становления провинциальной психологии* в России (Стоюхина, 2011, 2013в, 2015). Развитие провинциальной психологии и до, и после 1917 г. относится к малоизвестным страницам истории российской науки, нуждается в реконструкциях на основе обнаруживаемых архивных документов. Одной из таких находок стало переоткрытие М. Ю. Сорокиной и Н. Ю. Стоюхиной имени забытого ученого — Всеволода Николаевича Басова (1892—1937?), педолога из Орла, которого нередко путают с его более известным однофамильцем — М. Я. Басовым (Сорокина, Стоюхина, 2016).

Смысл работы по реконструкции истории отечественной психологии Н. Ю. Стоюхина видит в «воскрешении памяти о незаслуженно забытых психологах прошлого»; ратует «за восстановление имен несправедливо оболганных и невинно осужденных» в советское время российских ученых; справедливо называет эту область исследований «психологической Атлантидой» (Стоюхина, 2017, с. 90).

Крайне важными представляются сформулированные Н. Ю. Стоюхиной по результатам проделанной работы выводы: память современников о 1920—1930-х годах раздроблена и фрагментарна, она исчезает, вытесняется на периферию массового сознания; среди ученых того времени множество «оборванных судеб» и утраченных имен; «исчезло срединное поле психологов», в памяти потомков остались лишь «великие», тогда как для нормального развития науки необходим «„подлесок“, а не только „мачтовые сосны“»; в исторических реконструкциях бывает довольно «сложно разделить палачей и жертв»; в существующих учебниках ликвидация отечественной психотехники описывается «как исторически детерминированное и безальтернативное решение государственной задачи»; «система психологии 1920—1930-х гг. словно „залинкована“, где множество реальных персонажей встречаются на ограниченном пространстве, пересекаясь... словно ходишь по гиперссылкам»; «открытие», восстановление имени каждого психолога той эпохи «превращается в драматическую историю»; изучение современных исследований зачастую вызывает мысль о том, что это уже было проделано в минувшую эпоху, «и не хуже...» (там же, с. 91—92).

Разрабатываемая Н. Ю. Стоюхиной *история провинциальной психологии* является многообещающим исследовательским направлением. На примере Нижнего Новгорода она воссоздает типичную картину становления российской психологии (Стоюхина, 2013а, в). Особенностью этого становления является тесная связь психологического знания

с образовательными учреждениями. «В губернских городах не было университетов, поэтому психология появлялась там как психологическое знание для целей образования – в семинариях, гимназиях и для учителей. Неизменно очагами психологического просвещения становились гимназии, а носителями – провинциальные учителя» (Стоюхина, 2015, с. 129). Аналогичным образом и в 1920–1930-е годы при советской власти структурами, интегрирующими и распространяющими психологическое знание, становились педагогические институты, «именно там концентрировались основные психологические кадры» (там же, с. 122).

Реконструируя историю отечественной психотехники, Н. Ю. Стоюхина обнаружила, что в ее контексте развивалось такое исследовательское направление, как *психология воздействия* (impact psychology) (Стоюхина, 2013б, 2016). Исследовательница настаивает на более вдумчивом и критическом отношении к историческому прошлому. «Пришло время, когда российская психологическая классика стала нуждаться не в комплиментах, а в монографическом анализе своего подлинного многообразия...» – справедливо замечает она (Стоюхина, 2013в, с. 152). Н. Ю. Стоюхина также доказывает, что понятие «российская психология» нуждается в расширении. Сегодня его содержание должны наполнять не только канонические имена, но и те психологи, которые жили и работали в провинции (для корректного обозначения этого феномена в переводных работах Н. Ю. Стоюхина предложила специальный термин – local scientific schools) и, возможно, никогда не посещали столицы, а также *психологи русского зарубежья*.

В свою очередь, М. Ю. Сорокина отмечает, что «на протяжении всего советского периода российской истории покинувшие страну ученые на официальном уровне именовались „предателями“ и „отщепенцами“, а изучение феномена „научной миграции“ было табуировано, и как следствие – подлинные количественные масштабы, формы и соотношения естественной, вынужденной и насильственной миграций российских ученых в XIX–XX вв. до сих пор остаются неизвестными даже в академическом науковедении» (цит. по: там же, с. 155). В постсоветский период, как показывают собственные исследования Н. Ю. Стоюхиной, продолжает сохраняться «неосознаваемая и строгая самоцензура, царящая в провинциальном сознании относительно таких исторических персонажей» (там же, с. 155).

Понятие *российская провинциальная психология*, согласно Н. Ю. Стоюхиной, объединяет разных специалистов – педагогов,

психиатров, литераторов, богословов, юристов, врачей-гигиенистов, практикующих врачей, которые затрагивали в своих трудах психологические проблемы и совокупными усилиями создавали психологическую науку (Стоюхина, 2013в). Сегодня расширение проблемного поля истории советской психологии за счет привлечения материалов смежных наук способно кардинальным образом изменить представление о вкладе в ее развитии тех или иных ученых.

«История психологии построена как история психологических „генералов“, и это часто определяет в наших умах конфигурации психологического процесса, лишая нас альтернативных, может быть, не всегда бесспорных построений... Классика психологии была создана учеными и мыслителями, многие из которых до сих пор не обрели своего адекватного места в истории психологии. Новые, революционные научные идеи не возникают ниоткуда, они возникают как ответы на вызовы своего времени, где живут, думают и действуют многие-многие ученые, в том числе — почти незаметные» (там же, с. 153).

Таким образом, архивные изыскания, движение возвращения забытых имен создают совершенно иной образ провинциальной психологии в истории науки. При этом оказывается, что многие труды отечественных психологов первой трети XX в. не утратили актуальности и по сей день.

«В научном психологическом сообществе отсутствует адекватное представление о роли и месте в истории науки провинциальных психологов, что, на наш взгляд, связано с тем, что их судьбы остаются не обозначенным и не осмысленным явлением в истории психологии. До сих пор провинциальная психология не осознается как значимая часть российской психологической науки. Образ провинциальной психологии в России в той немногочисленной части опубликованных материалов состоит из редких фрагментов, осколков некоторых биографий и описаний достижений отдельных ученых-психологов» (там же, с. 152).

Концентрация выдающихся ученых в столицах сделалась заметным социокультурным движением лишь в советское время, что, по всей видимости, следует отнести к специфике становления советской психологии, обусловленной общими социально-политическими тенденциями государственной централизации. Однако в российской истории одновременно имело место и обратное движение, когда множество неординарных и высокообразованных людей оказывались отпращен-

ными в политические ссылки и волей-неволей участвовали в развитии провинциальной науки.

В статье А. В. Юревича «Советский человек как социокультурный тип» советская психология рассматривается в качестве *психологии советского человека*. Автор обращает внимание, что «психология народов и социальных групп, выращенных в существенно различных социально-культурных и психологических условиях», отличается не только разнообразием, но и разными исследовательскими перспективами (Юревич, 2021, с. 60). С позиции социальной психологии науки А. В. Юревич прослеживает, каким образом менялось представление российских исследователей о советском человеке. В этом процессе выделены три сменявшие друг друга ведущие перспективы. Так, ученые *советского периода* сосредоточивались исключительно на позитивных характеристиках советского человека, в их работах «советские люди», «советская наука», «советская психология» представляли как наиболее передовые и прогрессивные, «самые духовные», «впереди планеты всей» (там же, с. 59). В *постсоветский период* происходило фокусирование преимущественно на негативных характеристиках советского человека, и в публикациях тогда доминировал критический дискурс. В наши же дни в научном сообществе сформировалась более взвешенная и сбалансированная позиция, позволяющая учитывать как позитивные, так и негативные стороны феномена советского человека (там же).

Среди ключевых факторов, повлиявших на формирование советского человека как социокультурного типа, А. В. Юревич выделяет *социальную мифологию* или исторический нарратив («восприятие нашей истории»); *советскую идеологию* и *советскую повседневность* (там же, с. 60).

Между тем изучение психологии советского человека является крайне значимой областью научных исследований и в сфере социальных наук. Несмотря на широкий диапазон публикаций — от особенностей «русского ума» до обсуждения релевантности понятия «ментальности» как исследовательской категории, эта тема оставляет на сегодняшний день гораздо больше исследовательских вопросов, нежели ответов. Так, в упомянутой статье А. В. Юревич отмечает, что «при „жестком“ советском тоталитаризме обращаться к отрицательным признакам советского человека было невозможно,

при пришедшем ему на смену „размягченном“ — можно, но нежелательно», а потому исследователи того времени отмечали «исключительно положительные характеристики» (там же, с. 61). В этом ракурсе интеллектуальным вызовом и одной из новых задач современных историко-научных исследований становится целенаправленный поиск в мемуарах, дневниках, архивах или публикациях того времени феноменов саморефлексии и самокритики советского человека, обнаружение неканонических нарративов и неординарных ходов мысли. Примерами источников подобного рода служат записки Л. Я. Гинзбург, блокадные тетради О. М. Фрейденберг, иные документальные материалы (подробнее см.: Паперно, 2004; Хорошилов, 2020; и др.).

Такое направление исследований имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, ибо побуждает к необходимой, но не проделанной работе *саморефлексии культуры*, критическому осмыслению и сознательной проработке культурно-психологических травм как XX в., так и предшествующих столетий. Исследовательская работа в этой области предполагает также прослеживание эволюции советского человека *от ранней советскости к поздней советскости*; выявление сходств и различий психологии досоветского, советского и постсоветского человека; реконструкцию «русской ментальности» в качестве идеального типа и т. п. В этом плане весьма продуктивным представляется изучение психологии советского человека с опорой на методологию М. Вебера, согласно которой идеальный тип есть сконструированная исследователем теоретическая схема¹, которая служит тому, чтобы, соотнося с ней реальность, обнаруживать расходящиеся с идеальным типом неочевидные черты (Вебер, 1990).

Более того, современный исследователь нередко несет и в своем собственном сознании неотрефлексированные «археологические» слои житейских, религиозных, философских мировоззрений. В российской науке, как и в культуре в целом, не совершилась в полной мере *секуляризация познания* как социокультурное движение реформации, направленное на преодоление сакральности канонических фигур. Обнаружению и вскрытию элементов «мифологического», «религиозного» сознания постсоветских психологов посвящены работы А. Ясницкого (Ясницкий, 2015а, б). В качестве наследия профессиональной социализации ученых советской эпохи он выделил

1 «Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, в этом смысле более чужды миру, тем лучше они выполняют свое предназначение» (Вебер, 1990, с. 501).

и детально описал шесть категорий архаического комплекса академической жизни: 1) централизация и контроль (отсутствие ценности и достоинства свободы); 2) клановость (персональная лояльность); 3) ритуальность; 4) разрыв между теорией и практикой; 5) интеллектуальный и языковой изоляционизм (провинциализм); 6) культизм и агиографичность (там же).

Так, культизм и агиографичность проявляется в «а) героизации исторического прошлого, б) эмоциональности и этической оценочности описания, нередко с активным использованием пропагандистских и милитаристских языковых средств, в) бинарной поляризации исторических персонажей на „силы добра“ и „силы зла“ и изображение исторического процесса как борьбы одних сил с другими, г) демонизации „зла“ и зачастую виктимизации сил „добра“, которые вполне в традиции средневекового канона Жития святых (т.е., собственно, Агиографии) изображаются как „мученики“ и „невинные жертвы“ преследований» (Ясницкий, 2015а, с. 415–416).

Негативным чертам советской психологии А. Ясницкий, ориентируясь на работу Н. Л. Кременцова (Krementsov, 1997), дал название — *сталинская модель науки*. На наш взгляд, оно едва ли является удачным, поскольку избыточно персонифицирует развитие психологической науки в СССР, затрудняя сущностный анализ тоталитаризма.

«„Сталинская модель“, доминирующая в современной русской науке, в частности, психологии, является существенным препятствием на пути к дальнейшему эффективному ее развитию в современных условиях, и...фундаментальная реформа не только социального уклада, но и традиций историографии русской психологии насущно необходимы» (Ясницкий, 2015а, с. 416).

Представляется более продуктивным рассматривать этот период в категориях *тоталитарной государственной политики*, определяя его особенности скорее устройством советской системы в целом и *массового сознания*, нежели отдельной личностью правителя.

«Сталинская модель в науке характеризуется не только и не столько ее социальной организацией и органами управления, но в первую очередь системой ценностных ориентаций, повседневных поведенческих механизмов и своеобразным этосом этой науки, которые пронизывают всю систему от ее верха до самого низа» (Ясницкий, 2015а, с. 412).

Особенности российского мышления и мировосприятия изучали и продолжают изучать представители разных наук — от И. П. Павло-

ва до М. Геллера, А. А. Зиновьева и М. К. Мамардашвили; от российских социологов, авторов проекта «советский человек» до радикальных критиков этого проекта (Геллер, 1994; Зиновьев, 1991; Кобин, 2010; Советский простой человек, 1993; Мамардашвили, 1992; Павлов, 1999). В этом ряду критического дискурса, работающего на *саморефлексию российской науки*, следует особо отметить статью М. Соколова и К. Титаева «Провинциальная и туземная наука» (Соколов, Титаев, 2013). Свою лепту в ревизионистский поворот в российской историографии вносят такие направления, как *этнография и антропология науки* (Панченко, 2012)

В ходе общенаучного трансдисциплинарного поворота результаты вышеназванных исследований полезно было бы переосмыслить и интегрировать в современную историю советской психологии. Однако если трансдисциплинарный поворот связан с проникновением в психологическую науку материалов смежных социогуманитарных наук и тем самым расширением ее проблемного поля, то архивный и ревизионистский повороты в большей степени направлены на детализацию и глубину историко-научных исследований.

Плоды архивного поворота

Представление об архивном повороте появилось в постсоветской истории психологии благодаря работам Е. Ю. Завершневой и А. Ясницкого, а также Р. Ван дер Веера (Завершнева, 2008, 2009; Ясницкий, Завершнева, 2009; Ясницкий, 2013; Yasnitsky, 2010, 2012; Yasnitsky, Van der Veer, 2016). Работа с архивами играет приоритетную роль в текущих исследованиях Н. Ю. Стоюхиной и других историков российской психологии.

Однако на этих страницах значение архивной работы будет продемонстрировано на относительно новом материале. Так, в 2011 г. в журнале «Мониторинг общественного мнения» впервые была опубликована статья социолога Л. А. Бызова (1886–1942) «Институт социальной психологии в Москве» (Бызов, 2011), а в 2019 г. в этом же журнале вышло интервью Б. З. Докторовой с Л. Г. Бызовым (1955–2019) — внуком Л. А. Бызова, одним из авторов-составителей двухтомника документальных материалов «Бызовы. Голоса прошлого» (Бызовы. Голоса прошлого, 2016).

«Столь долгая память о предках — нечастое явление, еще реже — издание моими респондентами книг на основе писем и дневников членов

семьи. Хотя и то, и другое встречалось в моих историко-биографических интервью. Но впервые в мою беседу с современниками о послевоенной российской социологии врезалась история отечественной социологии 1920-х годов, рассказанная родственником-социологом. Сказанное, думаю, объясняет, с каким интересом я знакомился с воспоминаниями Леонтия о его деде и его семье в целом. Несомненно, многие документы архива семьи Бызовых — это мечта для историков предреволюционного и раннесоветского периодов и неопценный материал для науковедов и историков социологии. Уверен: тех, кто окупнется в этот мир, в биографии людей, формировавших этот мир и живших в нем, ждут неожиданные находки и нетривиальные выводы» (Докторов, 2019, с. 442).

В контексте же нашей темы — истории неканонической психологии — обратим внимание на тот факт, что благодаря сохранности домашнего архива семейства Бызовых и передаче его в 2017 г. в общественное пользование, сегодня могут быть пересмотрены представления об истории становления российской социальной психологии.

В отечественных учебниках среди основоположников социальной психологии в России, как правило, упоминают имена Н. Г. Михайловского, Л. И. Петражицкого, П. А. Сорокина, В. М. Бехтерева, Г. В. Плеханова и других ученых, которые в своих работах так или иначе поднимали социально-психологические вопросы. Институционализация социальной психологии в СССР справедливо связывается с именами Г. М. Андреевой (1924–2014), организовавшей в 1972 г. кафедру социальной психологии в Московском университете, и с Б. Д. Парыгиным (1930–2012), автором первой в СССР монографии «Социальная психология как наука» (1965), создателем лаборатории социально-психологических исследований и первого в СССР факультета социальной психологии (Андреева, 1997; Психологическая наука в России XX столетия, 1997; Парыгин, 1965, 2010). Однако практически никакой информации каноническая история социальной психологии в СССР не содержит о В. М. Хвостове — создателе и первом руководителе московского Института социальной психологии (1917–1923).

Итак, на основании материалов семейного архива Бызовых и опубликованной статьи Л. А. Бызова (2011) мы узнаем, что Институт социальной психологии в Москве был организован В. М. Хвостовым (1868–1920), философом-неокантианцем, социологом и правоведом, специалистом в области римского права, а также сопредседателем Московского психологического общества. Деятельность института

продлилась всего с мая 1917 г. по 1923—1924 гг., однако оставила после себя обширный архив проделанной научной работы. «Своеобразная самобытная научная школа, сложившаяся в рамках Института социальной психологии, до сих пор не нашла своего отражения в публикациях и исследованиях», — отмечает Д. А. Фёдоров, один из публикаторов рукописи Л. А. Бызова (2011, с. 108).

Ко времени написания этих строк ситуация несколько изменилась. После беседы с Б. З. Докторовым Л. Г. Бызов передал свой домашний архив в Европейский университет в Санкт-Петербурге, а затем появились две подробные публикации директора архива Г. Г. Лисицыной, посвященные как истории создания московского Института социальной психологии, так и деятельности В. М. Хвостова (Лисицина, 2020, 2023).

Однако В. М. Хвостов все еще мало известен современным психологам. Его творческое наследие в истории российской науки рассматривали прежде всего со стороны социологии или методологии истории (Рамазанов, 1980; Рычагов, 1996; Щедрина, Пружинин, 2019). Историки науки относят воззрения В. М. Хвостова к психологическому направлению неокантианства (Щедрина, 2019б). Хотя по основному образованию В. М. Хвостов был юристом, его исследовательские интересы простирались в области истории, философии, экономики, социологии, психологии. Осознавая *единство социальных наук*, он размышлял о научной структуре, охватывающей эти области знания. Несколько лет В. М. Хвостов проработал в психологической лаборатории В. Вундта, интересуясь и разделяя его идеи относительно построения психологии народов. Потому его проект московского Института социальной психологии был во многом ориентирован на модель лаборатории В. Вундта (Хвостова, 2019). В. М. Хвостов являлся ученым энциклопедического склада. Его также интересовали связанные с социальной психологией общественные процессы, «среди них: основные проблемы этики и этика человеческого достоинства; взаимоотношение нравственной личности и общества, психология и равноправие женщин, роль женщины в обновленной культуре; свобода воли, закономерности общественных процессов и другие» (Лисицина, 2023, с. 105). Его работы на эти темы во многом не утратили актуальности и по сей день (Хвостов, 1905, 1911а, б, 1912, 1913а, б, 1914а—в, 1917, 1919).

В статье «О значении философии и психологии для юриспруденции» В. М. Хвостов развивал мысли о том, что знакомство с этими смежными науками необходимо правоведам для того, чтобы воспитать в себе целостный взгляд на мир. Столь популярные в наши дни

идеи о целостности, синтетичности, относительности дисциплинарных границ в социогуманитарном познании витали в среде российских интеллектуалов и в начале XX в. Такой подход, как отмечают Т. Г. Щедрина и Б. И. Пружинин, сближал воззрения В. М. Хвостова с представлениями о развитии научного знания Г. Г. Шпета (Щедрина, Пружинин, 2019). Однако если в книге под редакцией этих авторов В. М. Хвостов рассматривается как историк, а в диссертациях – как социолог, то разработка им социальной психология явно недостаточно раскрыта и осмыслена в контексте отечественной истории психологии.

С 1900 г. В. М. Хвостов являлся сопредседателем Московского психологического общества. В феврале 1911 г. с группой других профессоров он покинул университет в знак протеста против консервативного тренда в образовательной политике, проводимого в кабинете П. А. Столыпина министром народного просвещения Л. А. Кассо (1910–1914). С 1911 по 1917 г. В. М. Хвостов преподавал в университете А. Л. Шанявского (о вкладе последнего в российское образование см.: Шноль, 2010). В мае 1917 г. В. М. Хвостов стал создателем и руководителем московского Института социальной психологии. Несмотря на то, что проект такого института появился еще в 1911 г., реализоваться он смог лишь после Февральской революции 1917 г.

«Институт социальной психологии открыт в мае 1917 года. <...> Институт... должен был в первую очередь быть пионером и организатором массового наблюдения социальной действительности. <...> Предполагалось далее образование ряда отделений института, преимущественно для наблюдательных целей, как бы социально-психологических обсерваторий. Сам институт таким образом становился центральной руководящей социальной обсерваторией. Институт был задуман как научное учреждение, тесно связанное с миром практической общественной деятельности. При этом под общественной деятельностью институт понимал участие в строительстве и функционировании любых целевых человеческих соединений, какие бы цели эти соединения ни преследовали: политическая партия, фабрика, научное общество, армия, артель, государственный орган...» (Бызов, 2011, с. 110).

«Основателем института и руководителем его работ в течение двух с половиной лет его самостоятельного существования был профессор Московского университета В. М. Хвостов. По первоначальному плану Институт социальной психологии должен был быть частью более обширного по своим задачам Социологического института. <...>

Хвостов полагал, что Социологический институт должен включать в себя отделы права, этнологии, языкознания и другие, изучающие продукты общения, и отдел социальной психологии, который должен был взять на себя изучение самого психического механизма общения, процесса духовного воздействия людей друг на друга. <...> Осуществить план Социологического института во всей широте не удалось, и Институт социальной психологии возник как самостоятельное научно-исследовательское учреждение» (Бызов, 2011, с. 111).

В. М. Хвостов не только оказался талантливым организатором, но и активно занимался разработкой методологии и терминологии социально-психологических исследований. «Основная проблема, с которой приходилось постоянно сталкиваться и ее разрешать, заключалась в выработке методологии, как общей для исследований в области социальной психологии, так и конкретной в каждом отдельном случае» (Щедрина, Пружинин 2019, с. 379). Социология и социальная психология в представлении В. М. Хвостова были неразрывно связанными науками. Ориентируясь на идеи Г. Зиммеля, он рассматривал научную деятельность как коллективную интеллектуальную работу. Потому в институте социальной психологии не только происходило знакомство сотрудников с зарубежными источниками посредством конспектов, докладов и научных дискуссий, велись разработка исследовательских программ, подготовка соответствующих анкет и сбор эмпирических данных, но и шла методологическая работа, развивалось междисциплинарное сотрудничество. В. М. Хвостов был убежден, что в качестве коллективного субъекта институт нуждается в собственной научной библиотеке, добивался допуска своих сотрудников в читальный зал Московского университета, развивал новаторскую для того времени идею создания общей базы данных. Методологические стратегии, предлагаемые В. М. Хвостовым, уже в наши дни получили название смешанных методов, трансдисциплинарных и полипарадигмальных подходов. Как научный руководитель В. М. Хвостов поддерживал высокую культуру научных дискуссий, поощрял в коллективе независимое и критическое мышление. «Каждое заседание института проходило в атмосфере жарких дискуссий и споров, но заканчивалось, как правило, поручением сотрудникам подготовить к следующему собранию трактовку терминологии или предложить свою методику наблюдений» (Лисицына, 2023, с. 111).

Важно отметить, что, по замыслу В. М. Хвостова, предполагалось не просто тесное взаимодействие психологии и социологии, но и *раз-*

витие социального знания в целом как единого интеллектуального пространства социальных и гуманитарных наук.

«Существует очень обширная группа наук, — писал он, — которые все в совокупности покрываются общим названием социальных или общественных наук. Все эти науки имеют своей задачей исследование отдельных сторон общественной жизни... [но. — *Г.Л.*] есть такие вопросы, которые не входят в компетенцию ни одной из них, но разрешение которых одинаково важно для всех них... Разрешение всех основных вопросов об обществе берет на себя социология, или общая наука о явлениях общественности...» (цит. по: Лисицына, 2020, с. 172).

Научные задачи института, согласно В. М. Хвостову, подразумевали широкий круг деятельности: «изучать социальную закономерность всеми возможными методами (статистическим, анкетно-монографическим, сравнительно-историческим, экспериментальным и т. п.), составлять систематические обзоры социологической литературы, разрабатывать вопросы социальной политики применительно главным образом к условиям русской жизни, и т. п.» (Бызов, 2011, с. 114). В изначальном замысле институт должен был состоять как минимум из семи взаимодействующих отделений: 1) антропологии; 2) этнологии; 3) антропогеографии; 4) социальной истории; 5) социальной психологии; 6) экономики; 7) социальной политики (там же).

Отдельного рассказа, для которого на этих страницах нет места, заслуживает эпопея организационной деятельности в связи созданием Института. Этому посвящены основательные статьи Г. Г. Лисицыной (Лисицына, 2020, 2023). Отметим лишь, что Институт социальной психологии явился частью более глобального проекта, связанного со строительством Московского научного института, где В. М. Хвостовым была подготовлена специальная программа «О значении и задачах научного института», с которой он выступил на общем собрании 24 марта 1913 г. (Хвостов, 1913а).

«Остановливаясь на задачах научного института, Хвостов обратил внимание на его первостепенные планы: создание двух лабораторий — физической и биологической, насущная потребность в которых остро ощущалась в среде естественных наук, но особо подчеркнул необходимость организации специального отделения, изучающего общественные науки. Без выделения общественных наук в самостоятельные направления формирование научного института, по мнению Хвостова, не будет завершено, и такая поставленная перед ним задача, как „оживление общения между представителями разных научных

дисциплин“... не будет решена. Он подчеркнул, что только тогда, когда ученые-специалисты откажутся от узости взглядов, выработанных в результате работы лишь в одной области науки, и отведут соответствующее место общественным наукам, идея организации Московского научного института воплотится в реальность, иначе институт потеряет право на название „научного“ вообще и должен будет переименовать себя в Институт естественных наук...» (Лисицына, 2020, с. 174).

Еще раз отметим оригинальность замысла В. М. Хвостова, согласно которому *сеть лабораторий*, по сути *трандисциплинарного социального знания*, охватывала бы не только Россию, но и другие страны — «сеть небольших наблюдательных лабораторий или отдельных наблюдателей-корреспондентов, разбросанных во всех странах и в равных общественных слоях, работающих под общим руководством и по планам центральной социологической лаборатории самого института, подобно сети статистических или метеорологических станций с объединяющими их центральными учреждениями» (Бызов, 2011, с. 115).

Свою научную деятельность московскому Институту социальной психологии пришлось начинать в тяжелых условиях развивавшегося социального катаклизма. События же, происходившие в текущей российской политике и повседневности, побудили В. М. Хвостова обратиться к вопросам *общественного строительства*, трансформации социальных организаций, коллективной психологии, массового поведения людей в условиях кризиса. Подготовительные работы включили анализ имевшейся социологической литературы, психологии толпы (Г. Лебона и Г. Тарда), новинок мировой науки, а для эмпирического изучения психологии митингов и собраний были составлены исследовательские программы. Большое значение В. М. Хвостов придавал сравнительному методу. Он также полагал, что «при изучении всякой организации следует обращать внимание на две стороны дела: фактическую и нормативную» (там же, с. 117).

Однако жизнь внесла свои коррективы. За университетскими стенами бушевала гражданская война, а потому приоритетной темой для Института социальной психологии сделалась военная психология, *психология армии*. «В 1918–1919 годах совместно с рядом специалистов из военных кругов была разработана детальная программа социально-психологического изучения армии» (Бызов, 2011, с. 122). В. М. Хвостов доказывал, что психология отдельного бойца во многом обусловлена тем, как поставлено в обществе *воспитание гражданина*. На заседании-

ях Института социальной психологии дискутировались вопросы, насколько релевантно изучение армии в состоянии кризиса. В этой связи В. М. Хвостов предложил развести два типа исследований — армии воюющей и состояния армии в мирное время. В методологическом плане разработка психологии армии включала также изучение солдатских писем, было проведено одно из первых *качественных интервью*. В двух опубликованных в этот период статьях В. М. Хвостов поднимал вопросы рациональной организации «военного строительства», обосновывал военную психологию в качестве раздела социальной психологии. Но вскоре в результате внешних по отношению к научной деятельности обстоятельств «наблюдения по выработанной программе оказались невозможными» (Бызов, 2011, с. 122).

Следующей актуальной исследовательской темой Института социальной психологии сделалась *психология кооперации*. В 1919–1920 гг. «по инициативе и при поддержке Совета промысловой кооперации было предпринято социально-психологическое и организационное изучение артельного движения в Москве» (там же). В этом ракурсе социальная психология имела все шансы развиваться в дальнейшем как *социальная психология повседневности*: перейти от абстрактных теоретических представлений к конкретному «обследованию самой социальной жизни», где объектами изучения становились социальные организации — в данном случае артели и кооперативы. Если при изучении психологии армии ученые Института социальной психологии активно сотрудничали с военными, то, обратившись к вопросам кооперации, — с ведущими экономистами (в том числе с Н. Д. Кондратьевым). В рабочих группах обсуждали различия «между артелями и коммунарами, между кооперативным движением и социализмом» (Лисицына, 2023, с. 118–119).

В 1921–1922 г. после трагической гибели В. М. Хвостова неформальным лидером исследовательской группы сделался Л. А. Бызов. Институт стал сотрудничать с другими формирующимися в то время организациями, заниматься в большей степени вопросами народного просвещения и общественного строительства. Предметом интереса самого Л. А. Бызова являлась *психологии публики*. Он выступил пионером такого нового направления исследований, как *психология слухов*. Помимо этого, Л. А. Бызов инициировал разработку *теории общественного строительства*. Из всей этой деятельности при более благоприятных обстоятельствах могла бы в дальнейшем возникнуть *психология управления* (психология менеджмента, психология организаций).

Одним из сотрудников института, профессионально изучающим эти вопросы, был экономист и социолог Н. А. Витке, развивавший в науке об управлении *концепцию человеческого фактора*.

«С 1921 года группа стремится к организации систематического наблюдения эксперимента (испытания практикой) над жизнью и деятельностью существующих организаций. Группа сближается с нарастающим движением т. н. „научной организации труда“, представляя в нем своеобразную струю. В 1921 году группа пыталась поставить опытно-наблюдательные станции в двух учреждениях, но неудачно. В 1922 году, наконец, сложилась первая в России Опытная станция по экспериментальному изучению и рационализации административной техники при Центросоюзе. В том же году создано т. н. Бюро нормализации управленческих функций, в сентябре созывается первая Московская конференция по научной организации управления. Организован и издается журнал „Вопросы организации и управления“» (Бызов, 2011, с. 122).

В октября 1922 г. институт прекратил свое существование. Строящееся на авторитарных рельсах советское государство не только не было заинтересовано в исследованиях социальных наук, но вскоре и социология как таковая оказалась под запретом. Тем не менее вплоть до 1924 г. в порядке частной инициативы продолжалась кружковая работа сотрудников, мотивированные исключительно исследовательским энтузиазмом продолжались неформальные встречи сотрудников на дому у Л. А. Бызова. И если бы в семействе Бызовых не сохранился архив материалов Института, потомки могли бы так и не узнать об этих началах социальной психологии в России.

«Институт социальной психологии просуществовал всего пять лет, история его деятельности сохранилась благодаря его бывшим сотрудникам Леонтию Алексеевичу Бызову (1886—1942) и особенно его жене — Наталье Николаеве Фадеевой-Бызовой (1892—1985). Сохраненные ими документы перешли по наследству к их внуку Леонтию Георгиевичу Бызову — московскому социологу. В 2017 г. он передал в Архив Европейского университета в Санкт-Петербурге протоколы заседаний института, а в 2018 г. архив пополнился материалами, ранее хранившимися у Максима Ефимовича Осовского, которые вместе с протоколами составляют архивный фонд, получивший название Л-18 „Леонтий Алексеевич Бызов“. В настоящее время фонд состоит из трех частей, из которых две имеют отношение к деятельности Института социальной психологии» (Лисицына, 2023, с. 122).

Хранящиеся в электронном архиве Европейского университета в Санкт-Петербурге протоколы заседаний Института социальной психологии, тексты научных докладов, дневники, заметки, научные отчеты, анкеты, собранные эмпирические материалы и другие документы позволяют составить детальное представление о работе этой научной организации. Диапазон исследовательских тем и проделанной работы превосходит воображение (см.: Дневник (тетрадь) заседаний Института..., 1917–1921). Но главное, что интерес к смежным областям знания, в данном случае к публикациям социологических журналов, биографиям российских социологов и архивным материалам позволил дополнить новыми красками и пересмотреть историю отечественной социальной психологии.

Разработка интерпретационной модели с учетом особенностей развития науки в авторитарных системах: латентные процессы и миграция идей

В последние десятилетия XX в. в России наметился эпистемологический поворот, во многом обусловленный трансформацией изоляционистского проекта советской психологии в режим открытой и активно реципирующей как зарубежные, так и дореволюционные источники отечественной психологии. В это время шла интенсивная работа по освоению российского интеллектуального наследия первой половины XX в. (до того недоступного и собранного в спецхранах), а также рецепция ведущих зарубежных концепций.

Если в ракурсе *интеллектуальной истории* российская психология как наука начинается с разработки первых исследовательских программ и формирования научной парадигмы, то в масштабе *истории страны* психология разделяет со страной социокультурные трансформации и смены вех. На протяжении XX в. в России кардинальным образом сменились три жизненных уклада — три государства: Российская империя, Советский Союз, постсоветская Россия. С определенной долей условности им соответствуют три модели науки и три модели психологии: *дореволюционная, советская и постсоветская*.

Этими трансформациями во многом обусловлены и проблемы российской историографии психологического знания (Богданчиков, 2018; Братусь, 2000; Яковенко, 2013; Ярошевский, 1995; Ясницкий, Завершнева, 2009). Каждая культурно-историческая эпоха творит собственные конфигурации невидимого и очевидного, магистраль-

ного и маргинального в социальном пространстве и тем самым определяет *лакуны в историческом познании*. Три эпохи российской психологии: дореволюционная, советская, постсоветская – это разные взгляды на мир и на собственную историю. Знание, сконструированное в советский период, становится доступным для неканонической интерпретации лишь в постсоветской историографии. В свою очередь, современная историография с ее более умеренным и взвешенным дискурсом способна различать и анализировать уже крайности постсоветского дискурса, обусловленные неосознаваемыми травмами трансформаций собственного жизненного уклада. Все это в целом ставит перед исследователем задачи *саморефлексии науки* и произвольной, *осознанной смены методологических оптик*: выявления и осмысления тех аспектов реальности, которые попадают либо не попадают в поле видимости в силу социально-политических факторов, личностных психологических барьеров, идеологических искажений, культурно обусловленных аберраций зрения самих историков науки.

С этих позиций логично утверждать, что на смену советских и постсоветских историографических концепций, изящно охарактеризованных С. А. Богданчиковым как *историография «особой науки»* и *историография «репрессированной науки»* (Богданчиков, 2018), должны прийти *новые схемы интерпретации развития науки в авторитарных системах*, а именно – сетевая (более гибкая и многомерная) историографическая концепция, включающая взаимодействие разных планов анализа (макро- и микроистории, социальной, биографической и интеллектуальной), и тем самым более релевантно отражающая процессы, происходившие в российской психологии и культуре XX в.

Как показано выше, в наши дни подходы к изучению истории советской психологии претерпели изменения, связанные с расширением проблемного поля, архивным поворотом, возникновением новых научных направлений и оригинальными авторскими интерпретациями. В свою очередь, развиваемый нами культурно-аналитический подход к истории психологии выводит на передний план *методологию латентных изменений* (Гусельцева, 2019), что также предполагает опору как на трансдисциплинарный, так и на архивный повороты. Предпосылкой нашей работы, посвященной реконструкции российских интеллектуальных традиций в сфере социогуманитарного знания, послужило представление о том, что история отечественной психологии, выглядящая как каноническое сформированное древо, на деле

является витиеватой грибницей, простирающей нити в пространство смежных наук (Гусельцева, 2014).

Новая интерпретационная модель развития науки в авторитарных системах отталкивается от методологии архивного и ревизионистского поворотов в современной историографии (Yasnitsky, 2010, 2012, 2019). Фокусом ее внимания в исторических реконструкциях становится выявление *скрытых тенденций* и *латентных изменений* (Гусельцева, 2014, 2018, 2019). Предлагаемая модель исходит из соображений, что в российской интеллектуальной традиции имеются *магистральные* (официально и социально одобряемые) линии творческих поисков и научных исследований и *латентные* (подспудные, маргинальные) потоки, которые в ситуациях повышенного давления государства или воздействия научного сообщества мимикрируют, маскируются под неаутентичными названиями, рассеиваются, но, *исчезая из поля зрения, не исчезают бесследно*, а скрываются в дисциплинарных полях смежных наук, смешиваются, самоорганизуются, формируют неординарные стратегии и научные продукты.

Согласно этой модели, страницы российской истории психологии XX в. содержат существенные лакуны, обусловленные как недоступностью источников (*неполное знание*), так и идеологическими искажениями в восприятии и интерпретации реальной действительности (*неточное знание*). В методологическом плане изучение развития психологического знания в авторитарных системах с позиции новой интерпретационной модели предполагает совмещение макроаналитических и микроаналитических стратегий; принятие во внимание динамики сложных и антиномичных процессов; наведение исследовательской оптики на малые культурные традиции (И. Г. Яковенко) и процессы самоорганизации науки, маргинальные интеллектуальные движения, феноменологию этнографии науки, особенности академической повседневности. Конкретными примерами реконструкции истории советской психологии с позиции методологии латентных изменений послужили история отечественной психотехники (Гусельцева, 2018), становление культурно-деятельностной традиции (Гусельцева, 2015), роль неокантианской методологии в научном творчестве С. Л. Рубинштейна (Гусельцева, 2021a, 2021b).

Интерпретационные модели развития науки в авторитарных системах выявляют в последних неоднозначные, амбивалентные и разновекторные процессы. Картина реальности, соответствующая определенным схемам мышления как в советской («товарищи»

и «идеологические враги»), так и в постсоветской историографии («палачи» и «жертвы») предстает здесь более нюансированной и сложной. Среди зарубежных исследований показательной в этом плане является книга К. Кларк, раскрывшая как советская культура 1930-х годов присваивала и кооптировала дореволюционную культуру:

«Москва апроприировала различные элементы как в пространстве (поглощая современные тенденции... европейской, а также американской культуры), так и во времени (обращаясь к русской и европейской культуре прошлого)» (Кларк, 2018, с. 15).

В своих исследованиях К. Кларк интегрировала «интернациональное измерение, обычно упускаемое из виду, в общее представление о сталинизме» (там же, с. 13).

«Эта более широкая перспектива позволит... продемонстрировать сосуществование различных тенденций, различных... прочтений текстов и различных сил в мире сталинской культуры, равно как и сосуществование схожих тенденций в СССР и на Западе» (там же, с. 12).

Интересные перспективы развивает А. Ясницкий, вскрывая в истории культуры *модель циркуляции знаний* (circulation of knowledge), согласно которой, «будучи созданным в одном месте и транслированным в другие контексты, знание в какой-то момент может вернуться в место его изначального порождения, но уже в виде, существенно измененном, вплоть до неузнаваемости. Это, в свою очередь, приводит к тому, что это вновь обретенное знание воспринимается в оригинальном контексте его порождения как нечто совершенно новое и незнакомое. Тем самым запускается новый цикл (или виток: circle, loop) его распространения и видоизменения» (Ясницкий, Ламдан, 2017, с. 267).

В целом же XX век в истории российской науки все еще не познан, противоречив, амбивалентен. Его можно представить как открытиями, экспериментами, новыми подходами и теоретическими достижениями ученых, так и преследованием научных школ, подрывом исследовательских направлений, таких как генетика и кибернетика, этнография и социология, педология и психотехника (Алымов, 2009; Асмолов и др., 2000; Дмитриев, 2014; Репрессированная наука..., 1991; Репрессированные этнографы..., 2002, 2003; Страницы истории..., 1989; Трагические судьбы: репрессированные ученые..., 1995; Vyford, 2016, 2020; и др.). В 1920–1930-е годы, с одной стороны, появлялись новые направления педагогики и психологии, а с другой — исчезали разнообразные научные школы.

В 1925 г. был закрыт Государственный психоаналитический институт, содержащий в структуре детский дом-лабораторию (директор института И. Д. Ермаков погиб в лагере в 1942 г.). В 1931 г. расформирована Государственная академия художественных наук и репрессированы практически все работавшие в ней ученые (Полева, 1999). В том же 1931 г. прекратил деятельность этнологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1930–1950 гг. репрессировано критическое число специалистов из сферы социогуманитарного знания. В 1937 г. расстрелян философ и психолог, теоретик искусства, полиглот и переводчик Г. Г. Шпет; в 1937 г. приговорены к высшей мере наказания и расстреляны ученый, философ и богослов П. А. Флоренский, философ, лингвист и психолог И. Н. Шпильрейн; в 1941 г. расстрелян автор фундаментального учебника «Этнология» П. Ф. Преображенский (Репрессированные этнографы, 2002, 2003). Социальные науки в целом в советскую эпоху существенно пополнили список так называемого *репрессированного знания*. Однако, на наш взгляд, более продуктивными сегодня являются интерпретации в терминах незаключенной *коллективной травмы*, утраты человеческого и интеллектуального капитала, антропологической катастрофы.

«Аресты 1936–1937 гг. захватили все научные академические учреждения Ленинграда: институты, Главную астрономическую обсерваторию, библиотеку, типографию, издательство и т. д. Но особенно тяжело пострадал Институт востоковедения, где были репрессированы А. И. Востриков, Ю. К. Щуцкий, Ц. Ж. Жамцарано, А. Ф. Искандеров, М. С. Троицкий, П. Е. Скачков, Д. П. Жуков, М. И. Тубянский, Б. А. Васильев и многие другие» (Репрессированные этнографы..., 2002, с. 209).

Показательным с позиции *коллективных травм* тоталитарной эпохи является тот факт, что в 1937–1938 гг. оказались расстреляны практически все ученые-японисты; цепочки арестов охватывали «целые научные учреждения — от дворника до директора института, от аспиранта до академика и члена-корреспондента. Такой участи подвергся и Институт востоковедения — бывший Азиатский музей, гордость отечественной науки, где концентрация специалистов мирового уровня была едва ли не наибольшей во всей Академии. Сегодня то, что произошло с востоковедением в 1930-е гг., признано катастрофой» (там же, с. 210). Подчеркнем, что последствия культурно-психологических травм XX в., дегуманизации и деперсонализации *не толь-*

ко не изжиты, но даже и не осмыслены российской психологической наукой по сей день.

Эти трагические социокультурные обстоятельства и особенно непроработанность травмы, с одной стороны, явились предпосылками *рессентимента* (ressentiment) в постсоветском обществе, а с другой — предопределили тот факт, что в эволюции российского психологического знания первой половины XX в. не было свободного развития разнообразных психологических школ и подходов. Тем не менее, отметим, что многие идеи не исчезали даже после разгрома научных направлений и физического уничтожения ученых, а развивались незаметно, латентно, перетекали в дисциплинарные поля смежных наук, эволюционировали в качестве малых исследовательских традиций (Гусельцева, 2014). Так, гуманитарные аспекты психологического знания и педологические концепции были в дальнейшем интегрированы в разработку философии образования, возрастную и педагогическую психологию, междисциплинарные историко-культурные исследования, изучение детского развития.

Таким образом, особенностью становления и развития российской психологии в советский период являлось *сочетание творческого энтузиазма с идеологическим прессингом, одновременность расцвета и упадка* социальных наук. Возникший же в постсоветской историографии конструкт «репрессированная наука» в свете новой интерпретационной модели нуждается если не в критическом переосмыслении, то в уточнении. Работа новой интерпретационной модели развития науки в авторитарных системах была апробирована при реконструкции истории российской педологии (Гусельцева, 2018), считавшейся в постсоветской историографии одной из «репрессированных наук»; применялась для анализа становления деятельностной психологии в СССР, часто называемой *марксистской психологией*, но игнорирующей свои неокантианские истоки (Гусельцева, 2015); использовалась в анализе научного творчества С. Л. Рубинштейна (Гусельцева, 2021а, б). В лаконичной форме приведем ниже ключевые идеи этих исследований.

Российская психолого-педагогическая наука при авторитарных режимах: являлась ли педология «репрессированной наукой»?

Педология как наука о комплексном развитии ребенка возникла в начале XX в. Ее появлению способствовало развитие прикладных

областей психологии, проникновение в психолого-педагогическую практику эволюционной и генетической эпистемологии, успехи антропологических наук, появление новых педагогических воззрений, изменение взглядов на сущность детства. Исторически педология складывалась как синтетическое и междисциплинарное учение о ребенке и закономерностях его развитии. При этом в наши дни одни исследователи считают термин «педология» устаревшим, тогда как другие, напротив, активно возрождают педологические идеи, обретающие в свете трансдисциплинарного поворота второе дыхание (Байфорд, 2013).

У истоков российской детской психологии (педологии) стояли такие ученые, как А. П. Нечаев¹, Н. П. Румянцев², В. М. Бехтерев. Ее предмет осмысливался как изучение физической и духовной природы ребенка. Педология ставила задачи систематизации материалов других наук о детском развитии; выделение основных закономерностей в развитии ребенка, построение периодизаций; выяснение роли воспитания и обучения. В 1904 г. в Петербурге были организованы первые педологические курсы, налажены периодические выпуски журналов «Вестник воспитания», «Вестник психологии, криминологии, антропологии и педологии». Петербургский родительский кружок объединил ученых, врачей и педагогов, дискутировавших вопросы детского развития. Усилиями В. М. Бехтерева при Петербургском неврологическом институте в 1907 г. был создан междисциплинарный центр

-
- 1 Александр Петрович Нечаев (1870–1948) – один из лидеров российской педологии и экспериментальной психологии. Окончив философское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, он стажировался в Германии (в 1898 г.) в лабораториях В. Вундта в Лейпциге, Г. Э. Мюллера в Геттингене, Э. Крепелина в Гейдельберге, Э. Меймана в Цюрихе и А. Бине в Париже. В 1901 г. организовал лабораторию экспериментальной педагогической психологии и психолого-педагогические курсы при Педагогическом музее. В 1910 г. инициировал создание Общества экспериментальной педагогики. В 1917 г. возглавил Самарский педагогический институт (в дальнейшем – университет); в 1922 г. стал директором Московского государственного психоневрологического института. В 1935 г. был арестован за «контрреволюционную агитацию» и сослан в Казахстан в город Семипалатинск.
 - 2 Николай Ефимович Румянцев (1876–1919) – просветитель, идеолог трудовой школы, соратник А. П. Нечаева, один из организаторов психологической лаборатории в Соляном городке, педологических курсов для учителей, первых съездов по педагогической психологии в 1906 и 1909 г.

педологических исследований. Примерно в это же время его ученик и сподвижник А. Ф. Лазурский совместно с А. П. Нечаевым открыли психологическую лабораторию. В 1905–1906 гг. психологию в качестве учебного предмета стали преподавать в школе, психологическое знание распространялось, проникало в повседневную культуру.

Отметим в этом процессе особую роль в самоорганизации науки индивидуальных инициатив и общественных движений. Как показал А. Ясницкий, именно зародившееся после реформы 1864 г. *земское движение* лежало в основе самоорганизации психологии как прикладной науки. В 1887 г. в Москве состоялся I съезд психиатров; в 1906 г. в Санкт-Петербурге организован I Всероссийский съезд по педагогической психологии; в 1910 г. – I Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике в Москве; в 1911 г. – I съезд Русского союза психиатров и невропатологов.

«Именно этим съездам суждено было заложить основы тех профессиональных союзов, общественных объединений массовых движений, подлинный расцвет которых мы наблюдаем по всей стране после прихода к власти большевиков в 1917 г. <...> Именно на этих съездах, а вовсе не в каком-нибудь...столичном институте, фактически возникло то, что впоследствии будет названо „психологией“ в ее прикладном варианте» (Ясницкий, Ламдан, 1917, с. 263).

Приведенные материалы демонстрируют не только преемственность между дореволюционной наукой и советской, но и тот основательный интеллектуальный фундамент, на котором строилась и за счет которого долгое время питалась советская психология.

В 1917–1924 гг. становление советской детской педагогики и психологии следовало реформаторскому тренду преобразования «старой школы» (Марцинковская, 1998). С одной стороны, в академической среде шли ревизия и жесткая критика интеллектуального наследия в свете прогрессистских идей, с другой – спонтанный рост и полемика различных психологических подходов. А. М. Эткин обратил внимание на резко изменившееся нормальное развитие науки и выраженный характер прагматической и утилитарной направленности исследований. «Формируется множество прикладных отраслей науки и новые области практического ее использования. В гуманитарной области это педология, психотехника, педагогика» (Эткин, 1990, с. 13). После 1917 г. при поддержке новых властей педологическое движение интенсивно развивалось. Не удивительно, что немало ученых

позитивно восприняли общественные перемены. А. Б. Залкинд, один из ярких лидеров педологического движения, А. Р. Лурия, Л. С. Выготский, В. М. Бехтерев и многие другие с оптимизмом смотрели на первые шаги советской власти.

«1920-е гг. в СССР известны активным развитием психологической практики. Основные достижения в этой сфере оперативно освещались в научных периодических изданиях. Статьи ведущих психотехников, посвященные методам профессионального подбора, проблеме утомляемости работников и другим аспектам организации и охраны труда, публиковались в журналах „Гигиена труда“, „Вопросы труда“, „Вопросы психофизиологии, рефлексологии и гигиены труда“. Решения практических проблем воспитания и образования предлагались педологами в журналах „Вопросы изучения и воспитания личности“, „Вопросы педагогики“, „Педология и школа“, „На путях к новой школе“, „Народное просвещение“ и др.» (Артемьева, Синёва, 2018, с. 6).

В. М. Бехтерев изучал развитие детского коллектива, взаимодействие сообщества и личности, феномены группового давления. В сочинениях «Коллективная рефлексология» (1921) и «Об изучении личности» (1923) он показывал, что, несмотря на тот факт, что личность развивается в коллективе, влияние последнего не всегда является благотворным, ибо именно здесь ярко проявляются феномены внушения и конформизма (Бехтерев, 1997).

Становление педологии как самостоятельной отрасли исследований пришлось на 1925–1928 гг. Это была эпоха окончательного оформления авторитарных тенденций и одновременно консолидации психолого-педагогического знания (Марцинковская, 1998). На данном этапе педология институализируется, оформляется в науку о комплексном развитии ребенка, объединяет теоретические и прикладные исследования, под ее эгидой активно разрабатываются диагностические процедуры и тесты. Социокультурный контекст побуждает науку к методологическому, концептуальному и инструментальному единству знания; особенно выраженной становится практическая ориентация психологии на помощь школе. Буквально на стыке 1927 и 1928 г. прошел I Всесоюзный педологический съезд¹, появилась программ-

1 А. В. Луначарский, выступая на I Педологическом съезде, подчеркивал: «Педология, изучив, что такое ребенок, по каким законам он развивается... тем самым осветит перед нами самый важный... процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии» (цит. по: Эткинд, 1990, с. 15).

ная работа А. Б. Залкинда «Основные вопросы педологии» (Залкинд, 1930). Под его же редакцией с 1928 г. издавался журнал «Педология». 1930-й год завершился преобразованием Психологического института в Институт психологии, педологии и психотехники, где А. Б. Залкинд сменил Н. К. Корнилова на посту директора института (Эткинд, 1990).

В 1929–1931 гг. на пике расцвета педологии происходило всестороннее изучение закономерностей и механизмов детского развития (Марцинковская, 1998). В это время были написаны и опубликованы фундаментальные труды М. Я. Басова, П. П. Блонского, Л. С. Выготского (Педология умственно-отсталого и физически-дефективного детства, 1930). Одновременно в сфере образования и в прикладных психологических отраслях ощущалась нехватка квалифицированных кадров, в результате чего энтузиасты в школах избыточно увлекались тестированием в ущерб комплексной психологической диагностике. В периодическом издании «На путях к новой школе» П. П. Блонский в порядке обсуждения опубликовал статью «О некоторых встречающихся у педологов ошибках» (Блонский, 1931).

В 1931 г. вышло второе издание «Общих основ педологии» М. Я. Басова (Басов, 1928). Как доказывает А. Ясницкий, данный труд послужил основой для аналогичных учебников Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина и др.

«Общепсихологические идеи М. Я. Басова оказали большое влияние на концепции А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и В. С. Мерлина — современные исследователи подчеркивают, что именно в школе М. Я. Басова обнаруживаются истоки деятельностного подхода» (Богданчиков, 2022б, с. 46).

Создавая концепцию человека как активного деятеля в среде (в «определённым образом структурированной ситуации»), М. Я. Басов подчеркивал, что деятельность выступает посредником между внутренним миром человека и его социокультурным окружением, при этом психическое и физическое развитие ребенка представляет различные процессы и потому описывается разными законами. На основании этих идей М. Я. Басов, которого не без оснований называют «пионером деятельностного подхода» (Ярошевский и др. 1992), разработал функциональную периодизацию развития деятельности, а также ввел в психологию категорию деятельности, обосновал ее социокультурную и историческую обусловленность (Ясницкий, 2015а; Valsiner, Van der Veer, 1991). В небольшой статье «Борьба между детьми» М. Я. Ба-

сов утверждал, что, несмотря на тот факт, что «конкуренция и антагонизм, властвование и покорность» есть составляющие человеческой природы, задачей воспитания является профилактики «злобного и деспотического характера, а также рабского образа чувств и мыслей» (Басов, 2009).

В 1932–1936 гг. происходил так называемый *разгром педологии*, обусловленный оформлением тоталитарного государства и тотальной идеологизацией, пронизывающей практически все сферы жизни (Марцинковская, 1998). «В 1932 г. А. Б. Залкинд перестает быть директором Института психологии, педологии и психотехники (его, бывшего на этом посту не более года, сменяет В. Н. Колбановский) и главным редактором журнала „Педология“. Самому журналу, впрочем, тоже остается жить всего год» (Эткинд, 1990, с. 20). При анализе ликвидации педологии в СССР нередко не учитывается тот факт, что подавлялись не только науки о разнообразии, но и *педологическое движение*, продемонстрировавшее потенциал самоорганизации и легко возникающие горизонтальные связи. В этом плане крайне важно наблюдение А. М. Эткинда, что в ходе развития педологического движения, охватившего горизонтальной сетью страну, начиная с 1920-х годов, «профессиональное сообщество самоорганизуется, идет естественный процесс формирования коллективных субъектов научной деятельности – обществ, ассоциаций. <...> Это научное движение развивалось в большей степени снизу, чем сверху» (Эткинд, 1990, с. 170).

Довольно весомым является и замечание А. Ясницкого о необходимости поменять подход к истории советской психологии: перейти от противопоставления жестокой власти и научного сообщества к пониманию сложной картины исторической реальности, где одни ученые искренне поддерживали политику властей, в то время как другие пытались ей сопротивляться (Ясницкий, 2015б). Такой нюансированный анализ переплетений различных интересов и мотиваций в повседневной жизни продуктивно использовать и для понимания подобного рода расколов в современном российском обществе. Максима, согласно которой *всякий народ имеет ту власть, которую заслуживает*, по-иному раскрывает картину российской истории, демонстрируя единый процесс взаимопревращений, где власть форматирует общество и задает ему определенные горизонты развития, но одновременно сама эта власть существует лишь в тех диапазонах и конфигурациях, в которых общество готово ее принимать. Когда вдруг оказывается (и осознается), что общество более не устраивает прежняя модель

взаимоотношений, последняя довольно быстро и неожиданно изменяется. При этом от несфокусированного на этих процессах взгляда ускользают *подспудные культурные и интеллектуальные течения*, готовые смену ценностей и приоритетов повседневной жизни. Сказанное имеет самое непосредственное отношение и к ревизии историографических концепций развития советской науки.

Так, новые схемы интерпретации тоталитарных систем, учитывающие сложную динамику социокультурных контекстов при анализе эволюции психологического (в данном случае – педологического) знания развивает Э. Байфорд (2013). Во-первых, в своем анализе он отличает *педологию как науку от педологии как научного движения*.

«Научные движения по определению противоречивы... Они неизбежно...занимают стратегическую позицию на границах между „наукой“ и „лженаукой“. Поскольку они бросают вызов существующим (установленным, институциональным и, следовательно, общепринятым) способам исследования, присущим институционализированным научным кругам, им изначально не хватает легитимности или, вернее сказать, именно в борьбе за нее они самоопределяются» (Байфорд, 2013, с. 49). «Другим ключевым аспектом таких „научных движений“, как педология, является их эпизодичность... по самой своей природе эти исторические явления существуют довольно ограниченный период времени, затем навсегда растворяясь или преобразовываясь во что-то иное. Например, в 1936 г. некоторая часть работы, проводившейся в рамках „педологии“, не исчезла бесследно, но была подхвачена более распространенными институциональными дисциплинами, а именно психологией и педагогикой» (там же, с. 51).

Во-вторых, в историческом процессе XX в. Э. Байфорд предлагает увидеть разные измерения становления педологии: с одной стороны, «рассматривать педологию не как „науку“, но как „научное движение“», а с другой – нюансированно выделить в этом движении *институциональное* (ракурс организационного становления науки), *интеллектуальное* (развитие идей), *профессиональное* (развитие практик) и *социальное* (ракурс коммуникации ученых и самоорганизации науки) течения. Э. Байфорд также отмечает, что активное участие в развитии педологии «принимали не только „ученые“, но и более широкие круги учителей, врачей и представителей других профессий и специальностей, а также некоторые группы „профанов“, такие как родители-активисты или спонсоры из политики» (там же, с. 48).

Кульминация авторитаризма и репрессивная политика государства пришлись на 1930–1950-е годы, что привело к подавлению гуманитарных аспектов развития психологии, а также практически ориентированных отраслей педагогической психологии, педологии и психотехники. Идеи гуманизма и ценности индивидуальности личности вытеснялись из общественной жизни и культуры в глубокое подполье. В эти же годы обострился отрыв отечественной психологии от мировой науки, что в совокупности стало причиной глобального отставания в социогуманитарной сфере.

«Постепенно уменьшалось число переводов научных и философских работ. Так, после 1934 г. нам не удалось обнаружить ни одного переводного издания с участием ведущих советских психологов. Исчезли рецензии на зарубежные психологические работы, а в рецензиях на работы отечественных авторов основное внимание уделялось учету положений работ классиков марксизма, отечественных ученых, мыслителей и политических деятелей» (Артемьева, 2018, с. 414).

4 июля 1936 г. вышло известное Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», в результате которого институционально были ликвидированы педология и психотехника.

«Только головотяпским пренебрежением к делу развития советской педагогической науки можно объяснить тот факт, что широкий, разносторонний опыт многочисленной армии школьных работников не разрабатывается и не обобщается и советская педагогика находится на задворках у Наркомпросов, в то время как представителям нынешней так называемой педологии предоставляется широкая возможность проповеди вредных лженаучных взглядов и производство массовых, более чем сомнительных, экспериментов над детьми. ЦК ВКП(б) осуждает теорию и практику современной так называемой педологии. К таким положениям относится, прежде всего, главный „закон“ современной педологии – „закон“ фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды» (Постановление ЦК ВКП(б) ..., 1936).

В этой исторической ситуации личное мужество проявил П. П. Блонский, один из немногих осмелившийся открыто выступить против Постановления, направив аргументированное письмо протеста нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнову (Леонтьев и др., 2005).

Между тем, несмотря на официальный разгром антропологических наук, педологии и психотехники, идеи своеобразия детского развития, значимости наследственности и культурно-психологических различий между людьми продолжали развиваться в контексте иных направлений и подходов. А. М. Эткиндр обратил внимание, что «под флагом педологии успешно развивались одно время исследования психологов, антропологов, социологов» (Эткиндр 1990, с. 14). Логично предположить, что все эти исследования после официального разгрома педологии и подавления этнографии *перетекли в дисциплинарные пространства смежных наук*. Таким образом, если в 1920-е годы разные психологические исследования сгруппировались под «зонтиком» педологии, то на рубеже 1930–1940-х педологическая деятельность продуктивно «растворилась» в педагогике и детской психологии.

Сфокусировав оптику на изучении латентных течений в культуре, мы обнаруживаем прежде выпадавшие из поля анализа процессы *самоорганизации науки*. Феноменология этих процессов зафиксирована А. Ясницким:

«Мы начинаем видеть, каким именно образом административный „запрет“ на что-либо в науке — от использования и применения какого-либо метода, теории (и ее концептуального аппарата, т. е. конкретных терминов), „ликвидация“ направления, научного движения или даже целой научной дисциплины сравнительно легко, при желании, могут быть обойдены и фактически бойкотированы научным сообществом. Так, например, „педологи“ в зависимости от базового образования и/или их профессиональной аффилиации в мгновение ока превращаются в „педиатров“, „педагогов“ или „детских психологов“ (т. е., соответственно, в специалистов по здоровью, обучению или психологическому развитию детей), а метод „тестов“ путем сравнительно несложных манипуляций с исходными формулировками в его проведении и описании становится методом „опроса“, „анкетирования“, „интервьюирования“, „беседы“ или „собеседования“» (Ясницкий, Ламдан, 2017, с. 256)¹.

Отсюда же следует, что мощная волна развития детской психологии, пришедшая на 1950–1960-е годы, возникла явно не на пустом месте и имела своими предпосылками не только очевидную преемственность научных школ, но и незамеченные интеллектуальные потоки.

¹ Аналогичным образом при трансформации советской системы в постсоветскую преподаватели политэкономии и марксизма-ленинизма ментально сделали «культурологами».

В это время появились новые экспериментальные исследования, работы молодого поколения психологов – А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина, Л. И. Божович, М. И. Лисиной и др. В относительно спокойные от драматических событий 1960–1980-е годы в областях детской, возрастной и педагогической психологии работали П. Я. Гальперин, Л. А. Венгер, Н. Ф. Талызина, В. В. Давыдов и др.

Таким образом, взгляд на историю науки в свете методологии латентных изменений устанавливает тот факт, что, несмотря на выраженные (магистральные) тренды государственного авторитаризма и изоляционизма в проводимой политике, в повседневной жизни научного сообщества имели место *противоположные, хотя и неочевидные* (латентные и маргинальные) течения, направленные на продуктивное междисциплинарное и международное сотрудничество.

История российской науки XX в. в целом и психологии в частности в современной историографии оказалась открытой как для новых интерпретаций, так и пересмотра сложившихся, казавшихся незыблемыми представлений. Набирающий силу ревизионистский поворот, концептуализированный прежде всего в работах А. Ясницкого (Yasnitsky, 2010, 2012, 2019), происходил под влиянием возрастающей доступности архивов, обнаружения в них новых документов и их последующей публикации, а также междисциплинарного сотрудничества ученых. Информационная прозрачность и быстрота распространения идей посредством интернета привели в наши дни к формированию транснациональной базы знаний¹.

В свете архивного, ревизионистского и трансдисциплинарного поворотов история педологии уже не может быть однозначно интерпретирована в терминологии разгрома и ликвидации научных направлений именно потому, что доступными для анализа сделались *латентные движения и преемственность значимых для науки идей*, происходящая не только в режиме нормального развития, но и при радикальных разрывах культурных эпох. Даже в случаях преступного физического уничтожения ученых бывает, что их «рукописи не горят», а концепции так или иначе продолжают скрытое распространение, в том числе и в пространстве смежных наук. Так, зародившаяся из психологии детского развития, сформировавшаяся в вихре самоорганизующихся педологических движений, пережившая в начале 1930-х годов свой расцвет, а затем и институциональную ликвидацию

1 О последнем свидетельствуют современные сборники, созданные международными научными коллективами (см., например: Yasnitsky, 2020a).

педология возрождается в наши дни в форме так называемых *детских исследований* (childhood studies), объединяющих опыт социальной и культурной истории, этнографии и антропологии детства, педагогики, детской и генетической психологии. При этом если «педология фокусировалась в первую очередь на „развитии“ ребенка (его этапах, нормах и отклонениях) и связанных с ним вопросах „социализации“ (ее препятствий и проблем, методов и целей)», то *в фокусе детских исследований ребенок оказывается сегодня в качестве субъекта* (Байфорд, 2013, с. 52). Более того, ревизионистская критика встречается с актуальными движениями антропологического и трансдисциплинарного поворотов. Если же попытаться лаконично сформулировать изменение парадигмы российской психологии при все еще продолжающейся трансформации от XX к XXI в., то наряду с режимами открытости, полипарадигмальности и трансдисциплинарности совершается переход от тотальной и линейной истории психологии к модели *сетевого плюрализма*, отражающей разнообразные, сложноразветвленные, витиевато переплетающиеся, латентные процессы и движения.

Методология латентных изменений демонстрирует, что в анализе истории науки продуктивно не противопоставлять магистральное и маргинальное, центральное и периферийное, глобальное и локальное и т. п., а совокупно рассматривать эти тенденции и движения как сосуществующие в социокультурном пространстве, но при этом имеющие различные режимы очевидности. Последнее, в свою очередь, требует применения разной исследовательской оптики.

Методологические предпосылки научного творчества

С.Л. Рубинштейна: марксизм и неокантианство

Современная историография отличается стойким интересом к учению И. Канта и роли неокантианства в становлении российского социогуманитарного познания (Дмитриева, 2007а; Неокантианство в России..., 2013; Неокантианство немецкое и русское..., 2010; и др.). Основываясь на методологии латентных изменений, следует предположить, что хотя неокантианская исследовательская традиция не попадала в поле зрения советской и постсоветской истории психологии, она не переставала оставаться философским горизонтом культурно-психологических исследований в пространстве социогуманитарных наук, а также стилем мышления тех или иных ученых.

При этом русское неокантианство в начале XX в. являло весьма специфический феномен. Оно не просто заимствовало идеи или ориентировалось на пути, проложенные европейской традицией, но выступало методологией, отвечавшей на насущные вопросы российского общества, обусловленные его социокультурным и интеллектуальным развитием: служило потребностям философского просвещения и саморефлексии науки.

«Одним из таких „вызовов“, сыгравшим, по всей видимости, определяющую роль в формировании русского неокантианства, следует считать слабость и незавершенность в России исторического проекта Просвещения как в области философии, так и в обществе в целом. Философская мысль в России вплоть до рубежа веков развивалась в основном в русле литературной критики и публицистики при преимущественном внимании к злободневным социально-политическим и этическим вопросам... Эта особенность определила основные задачи в деятельности русских неокантианцев» (Дмитриева, 2013).

Неокантианская философия претендовала на научность, оппонировала бессодержательности и религиозности знания в любых его формах, обещала стать сильной методологической основой для теорий психологии и педагогики. Более того, как справедливо отмечает Н. А. Дмитриева, кантианское представление о человеке в качестве активного и автономного субъекта, переосмысленное неокантианством, было востребовано в науке начала XX в. и вело к *антропологическому повороту*. «Поворот к проблеме человека в русском неокантианстве совершался параллельно, независимо и даже несколько опережая схожие процессы в немецком неокантианстве» (Дмитриева, 2013).

Однако уже после 1917 г. магистральной программой становления советской психологии стала *марксистская философия*, в которую должны были вписываться и под которую подстраивались постреволюционные движения мысли. Идеология марксизма отвечала советскому строительству, направленному на централизацию науки и нивелирование интеллектуального разнообразия. Между тем государственная политика, общественные потребности в социальном знании и логика развития науки вступили между собой в противоречие. Авторитарный тренд советского государства стал доминирующим социально-политическим фактором, обусловившим дисперсное и латентное развитие неокантианской традиции, которая невольно мимикрировала и маскировалась под марксистскую. Новые интерпретационные стратегии, учитывающие особенности развития науки в авторитарных и тотали-

тарных системах, как раз и направлены на выявление и реконструкцию подобных латентных течений и движений мысли.

Немецкий философ Ф. Шлейермахер, разрабатывая принципы герменевтики, призывал *понимать автора лучше, чем тот сам себя понимал*. Этот принцип применим и к истории советской психологии. Как бы ни провозглашали на уровне риторики ее представители отрыв от психологии, с одной стороны, дореволюционной («идеалистической», «религиозной»), с другой — зарубежной («буржуазной»), смена схемы интерпретации позволяет установить и преемственность, и содержательное питание от двух этих источников.

Показательный пример можно встретить в монографии С. А. Богданчикова «Открывая Челпанова», где автор доказывает, что исследовательские традиции челпановской школы не только не утрачивали после революции своей преемственности, но и неочевидным образом абсорбировались советской психологией (Богданчиков, 2013). Ученики Г. И. Челпанова с разной долей социальной успешности встраивались в авторитарные контексты советской повседневности, их исследования приобретали характерную риторику, идеологически выверенные вербальные упаковки, однако сохраняли трудноловимый для объективации стиль мышления своей научной школы. При этом ни советская историография, ни ближайшие ученики Г. И. Челпанова усиленно *не замечали* в советском авторитарном контексте подспудно действующего интеллектуального багажа дореволюционной эпохи, который, как показывает С. А. Богданчиков, во многом послужил фундаментом советской психологии (там же).

Аналогичным образом нами было сделано предположение, что неокантианское содержание учения С. Л. Рубинштейна в новых исторических условиях должно было уйти в тень, но, оставаясь незаметным, в том числе и для самого автора, продолжало развиваться. Исходя из этого предположения, перед нами стояла задача дифференцировать в научном творчестве ученого неокантианские и марксистские интеллектуальные традиции.

Итак, новая интерпретационная модель развития науки в авторитарных системах позволила по-иному взглянуть на неокантианские и марксистские истоки деятельностного подхода С. Л. Рубинштейна (1889–1960). Наряду с этим существенную роль в современной реконструкции интеллектуальной биографии С. Л. Рубинштейна сыграло расширение проблемного поля — публикации классических трудов и воспоминаний его современников, неподвятые зарубежные ис-

следования (Payne, 1968; Sieg, 1994), а также архивные находки представителей смежных наук (Дмитриева, 2007а, б, 2014, 2016а, б; Дмитриева, Левченко, 2015).

В советской и постсоветской историографии российские деятельностные подходы, как правило, рассматриваются в качестве производных марксистской психологии (Богданчиков, 2018; Yasnitsky, 2020а). Однако то, что в одних интерпретационных моделях представляется очевидным, в других ставится под сомнение. С позиции методологии латентных изменений в интеллектуальной биографии С.Л. Рубинштейна были выделены для анализа три методологические вехи: неокантианский — марксистский — антропологический (экзистенциальный) периоды научного творчества.

Профессиональная социализация С.Л. Рубинштейна в качестве философа происходила в неокантианской школе научной мысли. С отличием окончив одесскую гимназию, он продолжил обучение во Фрейбурге, два семестра в 1909–1910 гг. учился у Г. Риккерта, слушал лекции П. Наторпа и Э. Трельча в университете Марбурга, в дальнейшем вошел в узкий круг учеников Г. Когена и, вслед за Г. Когеном переехав в Берлин, посещал лекции Э. Кассирера (Дмитриева, 2016а, б; Yasnitsky, 2020b). О своем учителе Г. Когене, главе Марбургской научной школы, С.Л. Рубинштейн отзывался с особой теплотой, дружеские отношения между ними сохранились и после завершения обучения.

Темой размышлений Марбургской школы того времени являлись методы естественных и гуманитарных наук. В германском университете С.Л. Рубинштейн защитил докторскую диссертацию, посвященную *проблеме метода* (Rubinstein, 1914). Обнаруженные Н.А. Дмитриевой новые архивные материалы — два письма Э. Кассирера к С.Л. Рубинштейну — свидетельствуют также о тесных отношениях между этими учеными, попытках поддерживать научные контакты во время Первой мировой войны и после возвращения С.Л. Рубинштейна в Россию (Дмитриева, 2016а).

Несмотря на интеллектуальную биографию, связанную с воспитанием мышления в Марбургской научной школе, вопрос о неокантианских истоках учения С.Л. Рубинштейна продолжает вызывать в постсоветской истории психологии дискуссии и разные интерпретации. В недавнем сборнике статей транснационального исследовательского проекта под редакцией А. Ясницкого научное наследие С.Л. Рубинштейна интерпретируется в контексте марксистской пси-

хологии (Yasnitsky, 2020b). Между тем Н. А. Дмитриева справедливо подчеркивает, что, даже критические высказывания самого С. Л. Рубинштейна о неокантианстве не отменяют того, что ранние работы и факты биографии ученого указывают на «основополагающее значение марбургского неокантианства для формирования его собственной концепции» (Дмитриева, 2007б, с. 180).

Неокантианские мотивы прочитываются в *принципе творческой самодеятельности*, в сформулированном в одноименной статье *положении о самодетерминации субъекта* (Рубинштейн, 1922, 1989). Более того, философское обоснование этого принципа сближало С. Л. Рубинштейна с другим неявным неокантианцем в советской психологии и однофамильцем — М. М. Рубинштейном (Рубинштейн, 2008; см. об этом: Гусельцева, 2014, с. 212–240). Следует отметить, что программная статья 1922 г. в советской историографии долгое время оставалась незамеченной, будучи обнаружена в архиве С. Л. Рубинштейна лишь в 1969 г. (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989).

Между тем немецкая интеллектуальная традиция в творчестве С. Л. Рубинштейна была представлена не только неокантианскими и марксистскими, но и хайдеггеровскими (экзистенциальными), и гегельянскими мотивами. В свете критического анализа тоталитарной эпохи важно учитывать, что трансмиссия С. Л. Рубинштейна в профессиональные области психологии обуславливалась также тем, что в советской России не представлялось возможным заниматься никакой философией, кроме марксистской. Согласно нашему предположению (Гусельцева, 2021а), именно глубокая погруженность и основательная проработка немецкой интеллектуальной традиции, прежде всего неокантианской, определила тот факт, что С. Л. Рубинштейн одним из первых обратился к разработке проблемы деятельности в психологии. Неокантианская интеллектуальная традиция обусловила и то обстоятельство, что среди разновидностей деятельностных подходов в советскую эпоху именно учение С. Л. Рубинштейна отличалось наибольшей проработанностью и глубиной философских оснований. Здесь сказались как фундаментальная философская подготовка в университетах Германии, так и школа мысли, пройденная под руководством Г. Когена.

Теперь обратимся непосредственно к тому, каким образом идеи Г. Когена повлияли на научное творчество С. Л. Рубинштейна. В-первых, проходившая сквозь весь его творческий путь *тема этики* сближала подход С. Л. Рубинштейна с исследовательской традицией

Г. Когена. Во-вторых, разработка *проблемы человека в мире* в учении позднего С. Л. Рубинштейна развивалась в направлении экзистенциальной психологии, строящейся на философской антропологии.

Марбургская трактовка человека в сопоставлении с марксистской характеризуется прежде всего осмыслением его антиномичной и сложной природы. «„Двусмысленности“, которые возникают... в таком толковании человека, Коген трактует как „стадии в развитии понятия человека“. В этом смысле „индивид“, или „лицо“ (Person) <...> „собирательное“ понятие, означающее некое „множество“ эмпирических людей, какими они предстают в культуре и истории. Понятие же человека связано у Когена с совокупностью людей, или „всеобщностью“ (Allheit). Но это не „простая абстракция“, а единство, в которое сведено, согласно Когену, „все разнородное многообразие и различие людей“... и которое достижимо только в идее» (Дмитриева, 2007b, с. 381). Н. А. Дмитриева опирается на ряд изученных ею в оригинале работ Г. Когена, в том числе на «Этику чистой воли» (Cohen, 1921). На русский язык «Этика чистой воли» Г. Когена полностью не переводилась. Насколько возможно судить по фрагментам, в ней раскрываются именно антропологические представления марбургской школы неокантианства — учение о человеке.

Наконец, наиболее явное влияние подтверждается непосредственным анализом текстов. С. Л. Рубинштейн воспринял у Г. Когена его *принцип порождения*¹, который не просто повторяется и воспроизводится С. Л. Рубинштейном, но и усваивается и перерабатывается им так, что становится органичным, а в дальнейшем — подспудным *стилем мышления* на протяжении всей жизни.

«Включаясь в содержание данного бытия, понятие тем самым преодолевает его по отношению к себе данность; входя в состав и в построение его содержания, создает его. Понятие, поскольку оно включается в содержание бытия и в этом смысле является порождающим фактом данного бытия, называется *принципом*, или в специально когеновской терминологии *Ursprung*» (Рубинштейн, 2003б, с. 432).

1 «Мысль порождает все содержание бытия, поэтому содержание мысли есть содержание бытия, в этом смысле они отождествляются. Значит, они отождествляются не потому, что они непосредственно тождественны, а, наоборот, потому что они связаны отношением, в котором каждое из них играет другую роль: мысль определяет и обосновывает бытие, бытие, получая в мысли обоснование, превращается в производную функцию мысли — познание» (Рубинштейн, 2003б, с. 435).

Эту идею, этот методологический принцип мы встречаем и у позднего С. Л. Рубинштейна – в работах «Сознание и бытие» (1957) и «Человек и мир» (опубликованной посмертно). Она присутствует здесь, на наш взгляд, в качестве *латентного неокантианства*, ибо интеллектуальный стиль научной школы усваивается ученым, как и родной язык: он становится для говорящего прозрачным, им «дышат», не замечая.

Антропологические психологические и философские традиции представляют одну из утраченных перспектив в истории российской науки XX в. Их реконструкция еще ожидает своих исследователей. Тем не менее, отчасти они претворены в научном наследии С. Л. Рубинштейна под именем *этики*. То, что в дальнейшем в социогуманитарном познании конца XX в. получило название *антропологического поворота*, в трудах С. Л. Рубинштейна исследовалось в качестве *проблемы этического*, и эту проблему – подчеркнем еще раз – С. Л. Рубинштейн наследовал у Г. Когена.

«Этическое не покоится на шаткой и зыбкой основе субъективности и не растворяется в сфере эмпирического. <...> Этическое имеет ту же объективность, что и логическое: оно может показать себя и объективностью своего содержания обосновать себя как бытие общеобязательной значимости» (Рубинштейн, 2003б, с. 442). «Я самоопределяюсь во всех своих отношениях к людям, в отношении своем ко всем людям – к *человечеству* как совокупности и единству всех людей. И лишь в *единстве человечества* определяется и осуществляется *этический субъект*. Человечество есть *предпосылка и объективный приус для человека как нравственного субъекта*. Вне человечества и до или помимо него не существует человека как нравственной личности» (там же, с. 447).

Сопоставляя сегодня два текста, трудно не заметить, что идеи, развиваемые С. Л. Рубинштейном в «Принципе творческой самодеятельности» в 1922 г., в своих начальных формулировках имелись уже в посвященной Г. Когену работе 1917–1918 гг.: *нравственный человек не существует как данность, он реализуется и рождается в деяниях и деяниях*.

«Этический субъект не есть данность, наличная до своих этических деяний, и, значит, в этических деяниях он не просто проявляется и манифестируется – он вообще *не имеется, пока он не проявляется*: и поэтому в деянии он не проявляется и вырождается, но в них *возникает и порождается*. Лишь в этических деяниях этический субъект *определяется* и тем самым *осуществляется* (*verwirklicht*)» (Рубинштейн,

20036, с. 445). «Отношение субъекта и деяния можно зафиксировать как принцип самоопределения» (там же). «„Этический субъект во мне“ в деяниях создается и порождается или разрушается и распадается. <...> Задача всякого деяния есть созидание этического субъекта. Он сам, значит, есть цель всякого этического деяния. Но, существуя сам лишь в своем деянии, для которого сам же он есть цель, человек как этический субъект есть самоцель» (там же, с. 446).

Итак, в системе Г. Когена человек обнаруживается и рождается в деянии («человек превращается в человека благодаря деянию, если только он на него способен» (цит. по: Дмитриева, 2007b, с. 382). Статья С.Л. Рубинштейна 1922 г. риторически почти дословно (в конкретизации применительно к психологии) воспроизводит это положение:

«Индивидуальность большого художника не только проявляется, она и создается в процессе творчества. Такова вообще отличительная особенность всего органического: функционируя, организм сам формируется. Создавая свое произведение, художник тем самым создает и собственную свою эстетическую индивидуальность. В творчестве создается и сам творец. Лишь в созидании <...> этического, социального целого создается нравственная личность. Лишь в организации мира мыслей формируется мыслитель; в духовном творчестве вырастает духовная личность. Есть только один путь... для создания большой личности: большая работа над большим творением...» (Рубинштейн, 1997, с. 438).

Таким образом, латентные неокантианские мотивы подтверждаются не тем, как позиционировал себя С.Л. Рубинштейн в социокультурном контексте советской эпохи и как воспринимали его современники, но прежде всего *анализом стиля его мышления*. Неокантианская интеллектуальная традиция определила значимость психологической самодетерминации и активной роли субъекта в преобразовании самого себя и окружающей действительности, приоритетность этического выбора личности перед воздействием коллективов и давлением общества, а также особую трактовку ценностей и культуры в развитии человека. Критическая переработка С.Л. Рубинштейном неокантианской традиции нашла выражение в принципе творческой самодеятельности, принципе субъектности, повышенном интересе к проблемам этики, обусловила отношение к марксизму как к всего лишь одному из философских учений в контексте немецкой интеллектуальной традиции. С позиции методологии латентных изменений *принцип творческой самодеятельности*, представление о *саморазвитии*

и индивидуализации субъекта, проблемы этики и ценностей как внутренних ориентиров развития человека представляют латентное неокантианство в интеллектуальной биографии ученого.

При этом именно новые интерпретационные модели позволяют отследить в эмпирическом материале истории XX в. временные лаги и дрящущие шлейфы идей, которые в изменившихся социокультурных обстоятельствах сохраняют скрытую преемственность. В схожем ключе неявная преемственность неокантианской исследовательской традиции прослежена и в развитии дореволюционной школы медиевистики И. М. Гревса в советскую эпоху (Гусельцева, 2014, с. 250–261).

С позиции методологии латентных изменений нами было показано, что деятельностная традиция в российской психологии — одновременно и самобытная, и заимствованная (Гусельцева, 2015). *Деятельность* была ведущей категорией немецкой интеллектуальной традиции, а ее развитие происходило в двух влиятельных философских направлениях — в марксизме и в неокантианстве. Последние и выступили методологическими предпосылками для развития российских деятельностных концепций.

В российской психологии советского периода сложилась парадоксальная ситуация. В ней имелись неокантианские (М. М. Рубинштейн, С. Л. Рубинштейн) и культурно-деятельностные (М. Я. Басов, М. М. Рубинштейн) подходы, *которые сами так себя не осознавали*. Также было немало подходов, охотно обозначаемых (обоснованно или нет — иной вопрос) марксистской психологией (К. Н. Корнилов, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев).

Культурно-деятельностная психология в огранке неокантианской, а не марксистской интеллектуальной традиции выводила на передний план представления о духовной активности, ценностях, культуре, праве, индивидуальности, свободе. Контекст неокантианской методологии являлся поддерживающим для развития в психологии категорий культуры и индивидуальности творца. Личность понималась здесь как активное деятельное начало, создающее себя в процессе творческой самодеятельности. В неокантианской традиции личность представляла субъектом деятельного и одновременно культурного развития: «...культура и личность оказываются двумя понятиями, немислимыми друг без друга» (Рубинштейн, 2008, с. 270). В творчестве М. М. Рубинштейна переплелись неокантианство, экзистенциальные мотивы, философия жизни. Прослеживая биографию этого учено-

го, можно констатировать, что латентное и неопознаваемое современниками неокантианство питало его научное творчество не только в 1920–1930-е годы, но и на протяжении всего советского периода развития психологии.

В свою очередь деятельностный подход С. Л. Рубинштейна, развивавшийся в контексте советской психологии, оказался глубоко философски и методологически фундированным. Его сильной стороной выступала *неокантианская диалектика*, задающая гармоничное соотношение внутреннего и внешнего, индивидуализации и социализации в становлении субъекта. В этом подходе отсутствовали такие акцентуации марксистской идеологии как преувеличение роли среды в ущерб наследственности и свободному самоопределению личности, доминирование интериоризации и формирующего влияния социального окружения над саморазвитием и принципом творческой самостоятельности. На наш взгляд, философскую гармонию психологического подхода С. Л. Рубинштейна обусловила интеллектуальная подготовка в школе неокантианства с характерной для последнего значимостью духовной активности субъекта, его творческого самовыражения и самостоятельности. Наряду с этим неокантианскую проблематику представляли вопросы культуры, этики и ценностей в развитии человека, практически не затрагиваемые в традиции марксизма. Субъект как продукт саморазвития, как результат возделывания себя, ориентирующийся на этические идеалы и ценности культуры, был мало интересен марксизму, где двигателем истории служили по преимуществу массы и классы, а приоритетом формирующего воздействия на личность обладали коллективы.

В этом контексте завершающая книга С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» явилась своего рода возвращением без возвращения к неокантианству. В ней придана философская сложность той проблеме человека, которая была существенно упрощена в марксизме. С. Л. Рубинштейн ввел в психологию категорию *деяния*, обозначившую роль субъекта в процессе самосозидания и утверждения ценностей в существующем мире.

Таким образом, с позиции методологии латентных изменений картина развития российской психологии в годы ее так называемого «золотого века» сложнее и противоречивее, чем это представлено в советской, постсоветской и даже зарубежной историографии. Несмотря на тот факт, что этот период относительно неплохо изучен, к нему остается немало вопросов, связанных как с поиском архивных доку-

ментов, так и обсуждением состоятельности в целом такого проекта, как *марксистская психология* (см.: Yasnitsky, 2020a, b).

Сегодня можно убедиться, что развитие мысли С.Л. Рубинштейна — это не просто неокантианские или марксистские тропы, а оригинальная переработка немецкой интеллектуальной традиции¹. В последней настолько переплетались гегельянские и кантианские мотивы, что некоторые из них, трактующие индивидуальное развитие человека как движение к универсальным ценностям, сближались с марксистским представлением о том, что в своем индивидуальном бытии человек разворачивает общественную деятельность. Различие между неокантианством и марксизмом заключается здесь в трактовке культуры: как *объективных ценностей* или как *исторически пронзающей человека социальными связями ситуации*. Другое отличие касается роли генетического метода и историчности сознания (психики), которое каждый раз является отражением/порождением общественного бытия человека. Суть марксизма — в концепции *исторического развития сознания под воздействием перестраивающейся общественной практики*. Согласно марксистским представлениям, «частная собственность искажает и опустошает человеческую психику» (Рубинштейн, 1973, с. 36), тогда как в трактовке неокантианства — как раз частная собственность является основой достоинства человека (Гуревич, 2005).

Уже в работе 1934 г. С.Л. Рубинштейн замечает, что искажающе и опустошающе действует не только капитализм, но и социум в целом: человек «как бы непрерывно отчуждает свое собственное внутреннее содержание и как бы опустошается, становясь во все новые и новые внешние зависимости» (Рубинштейн, 1973, с. 44). Здесь обнаруживается ошибка и подмена марксизма, и отсюда растет затмение индивидуальности и субъектности (духовной активности и саморазвития человека) — личностью и ее социальностью. В работе «Человек и мир» (опубликованной в 1973 г. под одной обложкой со статьей 1934 г.) как бы

1 П. А. Мясоед обратил внимание на внутреннюю противоречивость методологических установок С.Л. Рубинштейна: «Принцип субъекта не согласовывается с принципом единства сознания и деятельности: первый утверждает идею активности субъекта, второй — зависимости активности от общественно-исторического, при определенных социальных условиях, характера человеческой деятельности» (Мясоед, 2018, с. 480). На наш взгляд, это столкновение неокантианства с марксизмом служило внутренним двигателем, собственной диалектикой мысли С.Л. Рубинштейна.

уравновешиваются глубинные неокантианские и марксистские мотивы/источники творчества С.Л. Рубинштейна: *критика марксизма и проблема субъектности* выходят на передний план. С.Л. Рубинштейн прочитывает труды К. Маркса через учения И. Канта и Г. Когена, глазами, настроенными неокантианской оптикой.

Творческая самодеятельность как неокантианский принцип отличается от деятельности в трактовке марксизма. «Субъект в своих действиях, в актах своей творческой самодеятельности, не только обнаруживается и проявляется; но в них созидается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого», — в этом суть педагогики (Рубинштейн, 1997, с. 438).

В авторитарных и тоталитарных системах нередко вступают в противоречие общие тренды эпохи и индивидуальные биографии ученых. Последние не только встраиваются в систему, но и в разной мере сопротивляются давлению социальной ситуации развития науки. То, что осмысливается в неокантианстве как *призвание*, как идущие изнутри движение и духовная активность человека, не только не позволяет ему оказаться жертвой *совокупности общественных отношений*, но и выступает основой маргинальных и латентных путей развития науки. Если бы сознание человека определялось исключительно бытием и включенностью в общественные отношения, невозможно было бы преодолевать пределы жизненного мира собственной эпохи, ее мировоззренческие и когнитивные ограничения. Помещая человека в состав бытия, в соответствии со сформулированными им методологическими принципами, С.Л. Рубинштейн доказывал, что при появлении человека в мире, перестраивается все бытие (Рубинштейн, 2003а) — это было новое для советского дискурса, но вполне логичное, учитывая латентные тенденции культуры, *движение к антропологической психологии*.

Отстраняясь же посредством методологии латентных изменений от риторики и контекстов советской эпохи, можно убедиться, что развитие мысли С.Л. Рубинштейна представляло не просто неокантианские, неогегельянские и/или марксистские тропы, но оригинальную переработку немецкой интеллектуальной традиции в целом. Представление о неразрывности человека и мира, диалектике индивидуального и социального развития в равной мере можно было обнаружить и в неокантианских, и в неогегельянских, и в марксистских системах мысли. С.Л. Рубинштейн же высветил эти положения не-

мецкой интеллектуальной традиции, ввел их в фокус собственного учения о человеке и мире.

Таким образом, С.Л. Рубинштейн – не неокантианец, хотя школа мысли Г. Когена в значительной степени сформировала его философское мышление. Однако С.Л. Рубинштейн и не марксист. Даже его наиболее лояльная К. Марксу работа 1934 г. по отношению к марксизму критична. Есть все основания предполагать, что новый, не реализованный из-за внезапно оборвавшейся жизни творческий период являлся по сути экзистенциальным, аксиологическим, антропологическим. Эту антропологическую (экзистенциальную, аксиологическую) психологию С.Л. Рубинштейн начал создавать в труде «Человек и мир», оборванном на полуслове. С одной стороны, это психология, вырастающая из немецкой интеллектуальной традиции с ее значимостью идей деятельности, активности субъекта, ценностей, с другой – самобытная. Таким образом, в интеллектуальной биографии С.Л. Рубинштейна и неокантианство (как когенианство), и марксизм (как гегельянство) служили прежде всего топливом собственной системы мысли.

Заключение

Страницы российской истории психологии XX в. по сей день содержат лакуны, обусловленные как недоступностью или неполнотой источников, так и идеологическими искажениями в восприятии и интерпретации современниками событий тоталитарной эпохи. При этом историко-научные реконструкции, вдохновленные в наши дни архивными, ревизионистскими и трансдисциплинарными поворотами, методологией латентных изменений способны предложить модели интерпретации, с одной стороны, преодолевающие устоявшиеся мифологемы, с другой – обнаруживающие сложную, противоречивую и неоднозначную динамику развития социогуманитарного знания первой половины XX в. Под влиянием глобализации и транснациональных исследовательских проектов современная российская историография так или иначе обновляет методологический инструментарий, переходит от линейных схем интерпретации к конструкциям, включающим наряду с каноническими и официально одобряемыми маргинальные, латентные, неочевидные нарративы и дискурсы.

Благодаря доступности ранее неизвестных архивных материалов и публикаций в поле смежных наук совокупными усилиями ученых

из разных дисциплинарных областей удалось реконструировать историю московского Института социальной психологии (1917–1923), основанного В. М. Хвостовым. В свете методологии латентных изменений, фокусирующейся на скрытых течениях советской культуры в наших работах показано, что хотя деятельностная парадигма в российской психологии формировалась в условиях советского тоталитаризма, тем не менее: а) вопреки идеологическому моноконтексту она отличалась разнообразием — можно обнаружить как минимум четыре разновидности деятельностных подходов (М. Я. Басов, М. М. Рубинштейн, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев), лишь один из которых однозначно идеологически ориентирован на марксизм; б) методологически она выходила за пределы советской идеологии, осознанно или неосознанно мимикрировала, маскировалась таким образом, что философские предпосылки иных подходов (в частности, неокантианства) оставались незамеченными.

Представление о латентных изменениях фокусирует внимание на малых и маргинальных исследовательских традициях, неочевидном движении идей, и это влечет за собой ревизию канонических представлений. Если в постсоветской российской историографии педологию, как и иные антропологически ориентированные дисциплины, принято относить к «репрессированной науке», то с позиции интерпретационных моделей развития науки в авторитарных и тоталитарных системах показано, что в отличие от невозвратно погубленных жизнью ученых научные идеи не исчезают даже после разгрома научных школ, расформирования коллективов, запрета институций, но перетекают в проблемные поля смежных наук, маскируются, эволюционируют, вливаются в новые исследовательские традиции. Соответствующие логике науки концепции и идеи после деинституционализации педологии интегрировались в исследования детского развития, возрастную и педагогическую психологию, философию образования. Успешное развитие детской психологии в СССР в 1950–1960-е годы имело предпосылками не только вполне очевидную преемственность научных школ, но и выпавшие из поля зрения канонической истории науки интеллектуальные течения. Точно так же советские деятельностные подходы М. М. Рубинштейна и С. Л. Рубинштейна, на риторическом уровне определяющие своими философскими источниками марксизм, имели в основе неокантианские мотивы.

Реконструкции истории науки XX в. посредством совмещения макро- и микроисторического анализа, сопоставления материалов

психологии и смежных наук способствуют точности и полноте знания, преодолению идеологических искажений. Так, современная историография российской психологии, учитывающая скрытые тенденции и неканонические движения XX в., расширяет представления о советском периоде развития психологии и выявляет наряду с доминирующими марксистскими источниками в истории советской психологии неочевидные неокантианские и иные философские мотивы, казалось бы, хорошо известных психологических концепций. В итоге же советский период развития отечественной психологии оказывается более разнообразным и неоднозначным, нежели его представляла прежняя историография.

Литература

- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
- Алымов С. С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 7–36.
- Андреева Г. М.* К истории становления социальной психологии в России // Вестник МГУ. 1997. № 4. С. 6–17.
- Артемяева О. А.* Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Артемяева О. А.* Советская психология: опыт самоорганизации в изоляции // Конференциум АСОУ. 2018. Вып. 2. С. 409–420.
- Артемяева О. А.* К 70-летию Павловской сессии: американская историография советской психологии // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 122–131.
- Артемяева О. А., Синёва О. В.* Социальная детерминация развития научно-практических течений советской психологии в первой половине XX века: результаты исследования // Психолог. 2017. № 6. С. 11–20.
- Артемяева О. А., Синёва О. В.* Исследовательская и практическая психология в России первой половины XX в.: анализ публикационной активности лидеров научно-практических течений // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Психология». 2018. Т. 25. С. 3–13.
- Асмолов А. Г., Марцинковская Т. Д., Умрихин В. В.* Педология. Из истории репрессированной науки // Педология: Новый век. 2000. № 1. С. 16–18.

- Байфорд Э.* Загробная жизнь «науки» педологии: к вопросу о значении «научных движений» (и их истории) для современной педагогики // Преподаватель XXI век. 2013. № 1 (1). С. 43–54.
- Басов М. Я.* Борьба между детьми // Бим-Бад Борис Михайлович. Официальный сайт. 2009. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php (дата обращения: 27.02.2018).
- Басов М. Я.* Общие основы педологии. М.—Л.: Государственное издательство, 1928.
- Бехтерев В. М.* Проблемы развития и воспитания человека: Избранные психологические труды / Под ред. А. В. Брушлинского, В. А. Кольцовой. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1997.
- Блонский П. П.* О некоторых встречающихся у педологов ошибках (В порядке обсуждения) // На путях к новой школе. 1931. № 6. С. 41–50.
- Богданчиков С. А.* К вопросу о термине «советская психология» // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 80–88.
- Богданчиков С. А.* История советской психологии: 1920–1930-е годы. Саратов: СГСЭУ, 2011.
- Богданчиков С. А.* Открывая Г. И. Челпанова. Научная монография. М.: Директ-Медиа, 2013.
- Богданчиков С. А.* О научных направлениях в советской психологии 1920–1930-х гг. // Перспективы психологической науки и практики. Сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2017. С. 26–31.
- Богданчиков С. А.* Проблемы истории и историографии российской психологии. М.: АСОУ, 2018.
- Богданчиков С. А.* Неподнятая целина: обзор зарубежных публикаций 1930–1950-х гг. о советской психологии // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2021. Т. 1. № 1. С. 12–22.
- Богданчиков С. А.* Зарубежная историография истории советской психологии: случай Т. Р. Пейна // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022а. Т. 2. № 3. С. 50–64. doi: 10.38098/proceedings_2022_02_03_05
- Богданчиков С. А.* Не время для школ: к вопросу о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022б. Т. 2. № 1. С. 43–53.

- Братусь Б. С.* Русская, советская, российская психология. Конспективное рассмотрение. М.: Флинта, 2000.
- Бызов Л. А.* Институт социальной психологии в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4 (104). С. 107–130.
- Бызовы.* Голоса прошлого. В 2 т. Т. 1 в 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л. Г. Бызов, Т. А. Семенова. М.: Новый хронограф, 2016.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.
- Гуревич А. Я.* История историка. М.: Росспэн, 2004.
- Гусельцева М. С.* Интеллектуальные традиции российской психологии (культурно-аналитический подход). М.: Акрополь, 2014.
- Гусельцева М. С.* Культурно-деятельностная традиция: становление и развитие // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 3–14.
- Гусельцева М. С.* История российской педологии: к проблеме поиска новых интерпретационных моделей развития науки в авторитарных системах. Часть первая: К постановке проблемы // Поволжский педагогический поиск. 2018. № 1 (23). С. 20–33.
- Гусельцева М. С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019.
- Гусельцева М. С.* С. Л. Рубинштейн и неокантианская школа мысли // Вопросы психологии. 2021а. Т. 67. № 1. С. 106–118.
- Гусельцева М. С.* С. Л. Рубинштейн и пределы марксизма // Вопросы психологии. 2021б. Т. 67. № 2. С. 106–119.
- Дмитриев А. Н.* Демон истоков: как (поздне)советские гуманитарии утверждались в своем прошлом // Неприкосновенный запас. 2014. № 1 (93). С. 11–23.
- Дмитриева Н. А.* Русский неокантианец в коммуникативном пространстве Серебряного века // Труды «Русской антропологической школы». Вып. 4. Ч. 2. М.: РГГУ, 2007а. С. 19–32.
- Дмитриева Н. А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Росспэн, 2007б.
- Дмитриева Н. А.* Человек и история: к вопросу об антропологическом повороте в русском неокантианстве // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2010–2011 / Под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. Т. 10. М.: Модест Колеров, 2014. С. 104–129.
- Дмитриева Н. А.* Новые штрихи к портретам философов. Два письма Э. Кассирера к С. Л. Рубинштейну // Вопросы философии. 2016а. № 2. С. 127–136.

- Дмитриева Н. А.* Рубинштейн как читатель «Феноменологии духа» Гегеля // Проблемы современного образования. 2016б. № 4. С. 9–19.
- Дмитриева Н. А., Левченко В. В.* Из Марбурга в Одессу: материалы к научной биографии С.Л. Рубинштейна // Кантовский сборник. 2015. № 1. С. 55–71.
- Докторов Б. З.* Изломленный, но не сломленный. Памяти социолога Леонтия Бызова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 429–444.
- Дневник (тетрадь) заседаний Института социальной психологии 1917–1921 гг. // Ф. Л-18. Оп. 1. URL: <http://arch.eu.spb.ru/type/subj> (дата обращения: 24.04.2023).
- Завершина Е. Ю.* Записные книжки, заметки, научные дневники Л. С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 1) // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 132–145.
- Завершина Е. Ю.* Исследование оригинала рукописи Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 119–137.
- Залкинд А. Б.* Основные вопросы педологии. М.: Работник просвещения, 1930.
- Зиновьев А. А.* Гомо советикус. Пара беллум. М.: Московский рабочий, 1991.
- Кларк К.* Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Кобин А.* Простой советский человек: биографические записки. СПб., 2010.
- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.
- Лисицына Г. Г.* История Московского института социальной психологии (По материалам протоколов заседаний Института. 1917–1924) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 172–193. doi: 10.19181/socjour.2020.26.3.7400
- Лисицына Г. Г. В. М.* Хвостов и Московский институт социальной психологии (1917–1922) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 101–124. doi: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-101-124
- Мамардашвили М. К.* Мысль под запретом. Беседы с Анни Эпельбуэн // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 70–79; № 5. С. 100–115.
- Марцинковская Т. Д.* История детской психологии: Учебник для студ. пед. вузов. М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 1998.

- Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю.* История российского научного зарубежья и психологическое сообщество // *Методология и история психологии*. 2011. Т. 6. Вып. 2. С. 92–109.
- Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю.* Елена Антипова (1892–1974) и Александр Нечаев (1870–1948): Из истории русской педологии начала XX в. // *Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций*. Вып. 2. М.: АСОУ, 2018. С. 466–474.
- Мясоед П. А.* Противостояние двух школ марксистской психологии и проблема природы психического // *Конференциум АСОУ: Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций*. Вып. 2. М.: АСОУ, 2018. С. 475–490.
- Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / Под ред. В. Н. Брюшинкина, В. С. Поповой. М.: Росспэн, 2013.
- Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / Под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: Росспэн, 2010.
- Павлов И. П.* О русском уме // *И. П. Павлов: pro et contra. Личность и творчество И. П. Павлова в оценке современников и историков науки (к 150-летию со дня рождения): Антология / Сост. Ю. П. Голиков, К. А. Ланге*. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 130–147.
- Панченко А.* «Антропологический поворот» и «этнография науки» // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 113. С. 65–68.
- Паперно И.* Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 4 (68). С. 102–127.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. Л.: ЛГУ, 1965.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология. Истоки и перспективы. СПб.: СПбГУП, 2010.
- Педология умственно-отсталого и физически-дефективного детства / Под ред. Д. И. Азбукина, Л. С. Выготского, Л. В. Занкова. М.: Госиздат, 1930.
- Петровский А. В.* Психология в России: XX век. М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Петровский А. В.* Психология и время. СПб.: Питер, 2007.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии. В 2 т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

- Полева Н. С. Сравнительно-исторический анализ психологических концепций научной школы Государственной академии художественных наук: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
- Постановление ЦК ВКП(б) от 04.07.1936 «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1933&page=2> (дата обращения: 29.02.2018).
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Рамазанов С. П. В. М. Хвостов о роли ценности и оценки в историческом познании // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск: ТГУ, 1980. С. 169–172.
- Репрессированная наука / Под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991.
- Репрессированные этнографы. Вып. 1 / Сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2002.
- Репрессированные этнографы. Вып. 2 / Сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003.
- Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX–первая половина XX в. / Авт.-сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежье им. А. Солженицына, 2010.
- Рубинштейн М. М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. Т. II / Под ред. Н. С. Плотникова, К. В. Фараджева. М.: ИД «Территория будущего», 2008.
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности. К философским основам современной педагогики // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Отд. гуманитарно-общественных наук / Под ред. В. Ф. Лазурского, А. В. Флоровского, М. И. Гордиевского, П. А. Бузука. Т. II. Посвящается профессору Борису Михайловичу Ляпунову по случаю тридцатилетия его преподавательской деятельности. Одесса, 1922. С. 148–154.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // С. Л. Рубинштейн Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 19–46.
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 88–96.
- Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труда. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997.

- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003а.
- Рубинштейн С. Л.* О философской системе г. Когена // С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознания. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003б. С. 428–451.
- Рычагов И. В.* В. М. Хвостов как историк социологии: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 1996.
- Синёва О. В.* Социальная детерминация развития научно-практических течений отечественной психологии в первой половине XX столетия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2017.
- Сироткина И. Е.* Московский психологический институт и советизация отечественной психологии // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. Вып. 2. М.: АСОУ, 2018. С. 516–524.
- Сироткина И., Смит Р.* История психологии в России: краткий очерк с авторскими акцентами: препринт WP6/2016/01. М.: ИД ВШЭ, 2016.
- Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 1990-х / Под ред. Ю. А. Левады. М.: Мировой океан, 1993.
- Соколов М. М., Титаев К. Д.* Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
- Сорокина М. Ю.* Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «Российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2010. С. 75–94. URL: <https://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/04-Sorokina.php> (дата обращения: 14.04.2023).
- Сорокина М. Ю., Стоюхина Н. Ю.* Всеволод Басов (1892–1937?) – новое имя в истории российской психологии и педологии // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сб. ст. Междунар. научно-практической конференции. М.: Московский государственный ун-т дизайна и технологии, 2016. С. 248–253.
- Стоюхина Н. Ю.* Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы советской власти. СПб.: Тип. Любавич, 2011.
- Стоюхина Н. Ю.* Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.): монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2013а.

- Стоюхина Н. Ю.* Доминанта социального воздействия в советской педологии 1930-х гг. // Педагогический журнал. 2013б. № 5–6. С. 51–75.
- Стоюхина Н. Ю.* Проблемы изучения истории «провинциальной психологии» // Мир науки, культуры, образования. 2013в. № 1 (38). С. 153–155.
- Стоюхина Н. Ю.* Из истории становления психологии в Нижнем Новгороде // Scientific e-journal «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». 2015. № 3–4. С. 122–138.
- Стоюхина Н. Ю.* Периодизация психологии воздействия в советской психотехнике 1920–1930-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 105–110.
- Стоюхина Н. Ю.* К списку репрессированных психологов #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 1. С. 90–107.
- Страницы истории: о том, как был уволен С. Л. Рубинштейн (из архива МГУ) // Вопросы психологии. 1989. № 4. С. 73–101; № 5. С. 56–64.
- Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / Сост. И. Г. Арефьев. М.: Наука, 1995.
- Умрихин В. В.* «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С. 136–145.
- Хвостов В. М.* Женщина накануне новой эпохи: Два этюда по женскому вопросу. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1905.
- Хвостов В. М.* Нравственная личность и общество. Очерки по этике и социологии. М.: Н. Н. Клочков, 1911а.
- Хвостов В. М.* I. Психология женщины. II. О равноправии женщин. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1911б.
- Хвостов В. М.* Этика человеческого достоинства. Критика оптимизма и пессимизма. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912.
- Хвостов В. М.* О значении и задачах Научного института: Речь, произнес. 24 марта 1913 г. в общ. собр. «О-ва Моск. науч. ин-та в память 19 февр. 1861 г.» чл. Учен. сов. и правл. В. М. Хвостовым. М.: Тип. Вильде, 1913а.
- Хвостов В. М.* Очерк истории этических учений: Курс лекций. 2-е изд. М.: Моск. выс. жен. курсы, 1913б.
- Хвостов В. М.* Женщина и человеческое достоинство. М.: Изд-во Ломана и Плетнева, 1914а.

- Хвостов В. М.* Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М.: Изд-во Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1914б.
- Хвостов В. М.* Участие женщины в умственной культуре человечества: Речь, произнес. на торжестве освящения нового аудитор. корпуса Моск. высш. жен. курсов 5 окт. 1913 г. М.: Тип. Вильде, 1914в.
- Хвостов В. М.* Женщина в обновленной культуре. М.: Изд-во Препод. Моск. ун-та, 1917.
- Хвостов В. М.* Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. Курс лекций. М.: Моск. науч. изд. при Моск. науч. ин-те, 1919.
- Хвостова К. В.* Философские взгляды профессора Вениамина Михайловича Хвостова // Методология истории: Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, Д. М. Петрушевский, В. М. Хвостов. М.: Росспэн, 2019. С. 346–366.
- Хорошилов Д. А.* Блокада человека: поиск психологической концепции личности в записках Л. Я. Гинзбург и О. М. Фрейденберг // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 149–181.
- Шноль С. Э.* Герон, злодеи, конформисты отечественной науки. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Щедрина И. О.* Библиография опубликованных трудов В. М. Хвостова // Методология истории: Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, Д. М. Петрушевский, В. М. Хвостов. М.: Росспэн, 2019а. С. 383–387.
- Щедрина И. О.* Избранная библиография работ о жизни и творчестве В. М. Хвостова // Методология истории: Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, Д. М. Петрушевский, В. М. Хвостов. М.: Росспэн, 2019б. С. 388–390.
- Щедрина Т. Г., Пружинин Б. И.* Вениамин Михайлович Хвостов и Густав Густавич Шпет: «разговор» о методологии исторического знания // Методология истории: Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, Д. М. Петрушевский, В. М. Хвостов. М.: Росспэн, 2019. С. 367–380.
- Эткинд А. М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 13–22.
- Эткинд А. М.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993.
- Эткинд А. М.* Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: Гарант, 1996.

- Эткинд А. М. Кривое горе. Память о непогрешенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Юревич А. В. Социально-психологические особенности российского научного мышления // *Философия науки и техники*. 2003. Т. 9. С. 287–308.
- Юревич А. В. Социальная психология научной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Юревич А. В. Советский человек как социокультурный тип // *Психологический журнал*. 2021. Т. 42. № 5. С. 59–68.
- Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Яковенко И. Г. Мир через призму культуры. Культурология и русскоеведение. М.: Знание, 2013.
- Ярошевский М. Г. Историческая психология науки. СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1995.
- Ярошевский М. Г., Сироткина И. Е., Даниличева Н. А. Пионер деятельности подхода (к 100-летию со дня рождения М. Я. Басова) // *Психологический журнал*. 1992. Т. 24. № 1. С. 156–169.
- Ясницкий А. Среднеазиатские психологические экспедиции 1931–1932. Хроника событий в письмах и документах // *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*. 2013. № 3. С. 114–166.
- Ясницкий А. Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века // *Науки о человеке: история дисциплин / Под общ. ред.: А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева*. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2015а. С. 299–329.
- Ясницкий А. Сталинская модель науки: история и современность российской психологии // *Scientific e-journal «РЕМ: Psychology. Education. Medicine»*. 2015б. № 3–4. С. 407–422.
- Ясницкий А. «Орудие и знак в развитии ребенка»: Самая известная работа Л. С. Выготского, которую он никогда не писал // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. Т. 14. № 4. С. 576–606.
- Ясницкий А., Завершнева Е. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 100. С. 334–354.
- Ясницкий А., Ламдан Э. «В августе 1941-го»: Неизвестное письмо А. Р. Лурии в США как зеркало ревизионистской революции в историографии русской психологии // *История российской психологии в лицах: Дайджест*. 2017. № 2. С. 225–292.

- Byford A.* Imperial normativities and the sciences of the child: the politics of development in the USSR, 1920s–1930s // *Ab Imperio*. 2016. № 2. P. 71–124.
- Byford A.* *Science of the Child in Late Imperial and Early Soviet Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2020.
- Cohen H.* *Ethik des reinen Willens*. Berlin: B. Cassirer, 1921.
- Payne T. R. S. L.* *Rubinstein and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology*. Dordrecht-Holland: D. Reidel publishing company; N. Y.: Humanities Press, 1968.
- Krementsov N.* *Stalinist science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Rubinstein S.* *Eine Studie zum Problem der Methode. 1: Absoluter Rationalismus*. Teildruck von Sergei Rubinstein. Inaug. diss. Marburg, 1914.
- Sieg U.* *Aufstieg und Niedergang des Marburger Neukantianismus. Die Geschichte einer philosophischen Schulgemeinschaft*. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1994.
- Valsiner J. Van der Veer R.* Mikhail Basov: An intellectual biography // *Soviet Psychology*. 1991. V. 29. P. 6–13.
- Yasnitsky A.* “Archival revolution” in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky’s archives // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2010. V. 1. № 48. P. 3–13.
- Yasnitsky A.* Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor’s introduction // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2012. V. 50. № 4. P. 3–15. doi: 10.2753/rpe1061-0405500400
- Yasnitsky A.* *Questioning Vygotsky’s Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult*. New York: Routledge, 2019.
- Yasnitsky A.* (Ed.). *A History of Marxist Psychology: The Golden Age of Soviet Science*. N. Y.: Routledge, 2020a.
- Yasnitsky A.* Sergei Rubinstein as the founder of Soviet Marxist psychology: “Problems of psychology in the works of Karl Marx” (1934) and beyond // *A. Yasnitsky (Ed.). A History of Marxist Psychology: The Golden Age of Soviet Science*. N. Y.: Routledge, 2020b. P. 58–90.
- Yasnitsky A., Van der Veer R.* (Eds). *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. L.–N. Y.: Routledge, 2016.

Зарождение идей пост- и метамодерна в советской психологии

Т. В. Зеленкова

Нет, не оплакивать былое —
В нем силу надобно искать.

У. Вордсворт. Сближения с бессмертием, 1804

Введение

Вопрос об истоках пост- и метамодернистского мышления в советской психологии требует обращения к факторам, определяющим ее наиболее характерные особенности в разные периоды существования. Мы выбрали шесть таких наиболее важных, по нашему мнению, показателей, которые достаточно полно позволяют представить состояние психологического знания в каждый из этих периодов: тип научного мышления, господствующая методология, основная научная парадигма, направленность исследования, концептуальная модель и позиция исследователя (см. таблицу 1).

Советская психология создавалась в период позднего модерна. Все те впечатляющие открытия, которые были сделаны в этот период советскими учеными, опирались на методологию, характерными чертами которой были ориентация на атомистический и монистический подходы, парадигму отражения. В центре внимания были исследования преимущественно социально-детерминированного в человеке, а модели психического имели, как правило, иерархическую структуру. Попытки создания единой психологии и поиск базовых единиц психического предпринимались в основном с внешней объективной позиции наблюдателя.

В этот несколько затянувшийся период позднего модерна в недрах советской психологии начали зарождаться и развиваться идеи не толь-

Таблица 1

Основные характеристики психологического знания
в разные периоды его развития

Факторы	Поздний модерн	Постмодерн	Метамодерн
Тип мышления	Атомизм	Холизм	Недвойственность
Методология	Монизм	Плюрализм	Интегративизм
Парадигма	Отражение	Конструктивизм	Энактивизм
Направленность исследования	Социальное	Индивидуальное	Синтез
Концептуальная модель	Иерархия	Сеть	Холархия
Позиция исследователя	Наблюдатель	Участник	Аперспективизм

ко постмодернистского мышления, уже широко распространенного к этому времени на Западе, но и идеи метамодерна, фундаментальное значение которых будет оценено значительно позже.

Постмодерн в свете выделенных нами факторов характеризуется методологической ориентацией на холистический подход, подкрепленный идеями синергетики, нелинейной динамики и концепцией детерминированного хаоса. Монистические подходы здесь сменяются плюралистическими, а парадигма отражения – конструктивизмом. Центр внимания исследователей смещается на изучение культурной детерминации индивидуального. Многополярность и пролиферация различных теорий и практик инициируют переход от иерархических моделей психического к сетевым, объединяющим разнохарактерные и разноуровневые концепции, а психологическое знание, взятое в целом, обогащается междисциплинарными подходами, многообразием научных школ, которые постоянно конкурируют между собой, активно защищая свои «границы».

Несмотря на то, что метамодерн «официально» заявил о себе только в последние 15–20 лет, метамодернистский тип мышления уже был характерен для ряда отечественных ученых, начиная буквально с первых десятилетий становления советской психологии.

Главной особенностью метамодерна является его интеграционная направленность, поиск точек соприкосновения различных идей, теорий или концепций в науке, даже если они на первый взгляд выглядят несовместимыми. Наиболее значимыми противоположностями

ми в психологии, противоречия между которыми, в первую очередь, призван преодолеть метамодерн, являются мозг и психика, субъект и объект, внешнее и внутреннее, индивидуальное и коллективное, процесс и структура, сеть и иерархия.

Основными методологическими инструментами метамодерна, предназначенными для поиска путей разрешения этих противоречий, являются холизм, холархический подход, аперспективизм, энактивизм, учет позиции исследователя (участник/наблюдатель), используемые по возможности совместно.

Энактивизм, как относительно новый интеграционный принцип, основан на допущении о существовании перекрестных взаимозависимостей по типу «биокибернетических колец» между психическими и физиологическими процессами, организмом и средой, субъективными переживаниями и объективными признаками, реальными и виртуальными (воображаемыми) явлениями (Князева, 2014).

Если разные периоды развития психологического знания попытаться представить в метафорической форме, то поздний модерн, основанный на парадигме отражения предзаданного мира, можно вообразить в виде большого зеркала, единого для всех. Для конструктивистской же парадигмы постмодерна более адекватным образом являются «осколки» этого зеркала, каждый из которых отображает свой уникальный субъективный мир. В таком случае метамодерн предстает целостным неделимым кристаллом, все грани которого при сохранении их самобытности и оригинальности неразрывным образом связаны между собой.

1. Особенности научного знания в современную эпоху перехода от пост- к метамодерну

Сложностные аспекты научных исследований

Основная причина появления постмодернистского мышления заключалась в попытке преодоления так называемого «мифа о данном» (У. Селларс), главном наследии модерна, суть которого состояла в том, что внешний объективный мир одинаковым образом предстает для наблюдения и изучения перед любым познающим субъектом независимо от уровня развития его сознания, культуры, к которой он принадлежит, и уровня технологий, которыми он обладает. Более того, считалось, что и другие живые организмы воспринимают мир более или менее сходным с человеком образом. Основная задача исследова-

теля при таком подходе – как можно более точное картографирование уже данной заранее для всех одинаковой реальности.

Главным же лозунгом постмодерна стал принцип «без концепции нет перцепции» (О. Пас), поскольку восприятие всегда погружено в определенный культурный, социальный и исторический контексты, которые влияют на наше представление о мире, частично конструируя его. Здесь на первый план уже выходит познающий субъект со своей моделью мира, и в процессе исследований возникают множественные картины, далеко не всегда совместимые между собой.

В результате постепенного завоевания постмодерном ключевых позиций научная картина мира стала запутанной и потеряла былую устойчивость и определенность, что, в свою очередь, привело к методологическому кризису в ряде областей науки в 1920–1930-е годы. Попытки преодоления этого кризиса вызвали необходимость разработки ряда важных постулатов или принципов, которые, благодаря своей большой объяснительной силе, со временем обрели общенаучный статус и заслуживают хотя бы краткого упоминания.

Все эти принципы выражают качественно новое понимание сложности объектов познания и накладывают ограничения на возможности модернистского мышления создать чисто рациональную и логически безупречную картину мира. В частности, они устанавливают пределы, в которых противопоставление субъект – объект еще не приводит к противоречиям или парадоксам. В первую очередь сказанное можно отнести к психологическому знанию, которое ориентируется на саморазвивающиеся человекоразмерные системы, обладающие большим числом степеней свободы. Такие системы требуют особых подходов при исследовании их функционирования (Степин, 1997, 2003), поэтому значение таких принципов в психологии, к краткому изложению которых мы переходим, трудно переоценить.

Принцип неопределенности Гейзенберга первоначально был открыт в физике для объектов микромира, свойства которых, в отличие от обычных объектов, описываются не отдельными независимыми характеристиками, а тесно связанными между собой парами таких характеристик, например, координата и скорость, энергия и время и т. п. Суть принципа состояла в невозможности одновременного точного измерения обеих характеристик таких пар – уточняя одну характеристику, мы теряем точность другой. Другими словами, наблюдать микромир можно только внутри своеобразного «облака неопределенностей».

В настоящее время принцип неопределенности фактически имеет уже общенаучный статус и может использоваться в различных областях знания, включая психологию. Например, в работе «О построении движений» Н. А. Бернштейн указывает, что «между мышечным напряжением и результирующим движением нет и не может быть однозначной зависимости; здесь имеет место принципиальная неопределенность», Бернштейн трактует ее как отсутствие однозначности, которое отображается в координатной сетке аналогично интерпретации Гейзенберга, но в более простом виде (Бернштейн, 1991, с. 35). Даже в этической плоскости этот принцип был давно известен, но не имел названия: знаменитое изречение Дидро «можно обманывать некоторых или обманывать всех в каком-то месте и в какое-то время, но нельзя обманывать всех повсюду и во все века», как раз ярко иллюстрирует это.

Одним из вариантов принципа неопределенности в применении к системам, включающим человека, является принцип несовместимости Заде, который утверждает, что высокая сложность системы и точность, с которой ее можно анализировать, обратно пропорциональны (Заде, 1976). Другими словами, «с возрастанием сложности точные утверждения становятся менее осмысленными, а осмысленные утверждения теряют точность» (Петерс, 2000, с. 231). Этот принцип накладывает серьезные ограничения на возможности изучения психики исключительно точными объективными методами без учета личности исследователя и использования герменевтических (интерпретационных) подходов и диалоговой коммуникации.

В целом можно сказать, что при исследовании любых сложных систем, включающих человека, в первую очередь требуются качественные способы рассуждений, а применение чисто количественных методов всегда будет существенно ограничено именно принципом неопределенности.

Принцип дополненности Бора тоже сначала появился в физике как попытка согласовать противоречащие друг другу экспериментальные данные о природе электрона: что это, частица или волна? Н. Бор предложил считать оба утверждения истинными, если дополнительно учитывать условия эксперимента (контекст).

В общенаучном смысле, согласно принципу дополненности, одновременное наличие у объекта взаимоисключающих свойств еще не говорит о низком качестве эксперимента, а требует вначале исследовать контекст, в котором эти свойства были обнаружены.

Например, в психологии интроспекционизм и бихевиоризм обычно рассматривались как независимые и несовместимые подходы, поскольку первый отрицал роль внешнего в человеке, а второй — внутреннего. Однако каждое направление в своем контексте открывало знание, которое делало важный вклад в развитие психологии. И если у электрона было только два кажущихся несовместимыми свойства, то у человека таких свойств гораздо больше.

Принцип дополнительности, по сути, тоже относится к неопределенности, но другого рода. Неопределенность по Гейзенбергу — это количественная неопределенность, а дополнительность по Бору — качественная. В первом случае качество остается прежним, а неопределенность относится только к количественным характеристикам (координата и скорость для частицы, энергия и время для волны). Во втором — меняется само качество (либо частица, либо волна). Таким образом, электрон имеет как бы двойную неопределенность: качественную (дискретную) и количественную (непрерывную).

Открытие дополнительности выявило еще одну, более глубокую проблему, связанную с изучением сложных систем, — проблему принципиальной неделимости, недвойственности объекта исследования. С этой точки зрения электрон не является ни частицей, и ни волной, а представляет собой некий целостный объект, имеющий парадоксальную (но непротиворечивую) природу.

В психологии аналогичная трудность связана с принципиальной неделимостью материального мозга и идеальной психики. Недостаточное осознание данного факта породило искусственно созданную психофизиологическую проблему, в основе которой лежит изначальный разрыв между психикой и мозгом. Именно этот разрыв и является главным препятствием на пути решения данной проблемы. По нашему мнению, психику и мозг нельзя искусственно соединить, поскольку их невозможно естественным образом разъединить. Это четко осознавал С.Л. Рубинштейн, который идею неделимости успешно использовал в своей теории интериоризации. Интересно отметить, что именно разрыв и склейка являются единственными запрещенными операциями в топологии, важнейшем разделе современной математики, очень широко применявшимся Н.А. Бернштейном при исследовании движений.

Еще одним важным общенаучным принципом является *принцип неполноты* Геделя. Не вдаваясь в особенности его исходной математической формулировки, сразу изложим его содержание с интере-

сующей нас психологической точки зрения на конкретном примере. На каждом отдельном этапе исследования психолог обычно рассматривает явление либо изнутри (с позиции участника), используя методы самонаблюдения или аутопоэтические подходы, либо снаружи (с позиции наблюдателя), применяя структурные подходы или психофизиологические методы.

Согласно принципу неполноты, если внутренние явления или процессы можно более или менее исчерпывающе описать с позиции участника, то причины этих явлений или процессов во многих случаях вскрываются только с позиции внешнего наблюдателя. Таким образом, всякое полноценное исследование требует обязательного рассмотрения любого явления и со стороны содержания, и со стороны структуры.

Здесь необходимо обсудить дискуссионный вопрос о том, можно ли принципы, открытые для микромира переносить в макромир? Некоторые авторы утверждают, что такой перенос недопустим, хотя убедительных причин они, по нашему мнению, не приводят (Корнилова, Смирнов, 2006). С нашей точки зрения, важно не где этот принцип возник (речь идет о принципе дополненности), а насколько действительно корректно его использование в нефизическом контексте. Заметим, что Бор просто первым дал имя этому принципу, хотя сам факт парадоксальной недвойственности многих явлений был известен в истории науки очень давно.

Принцип дополненности, по сути, выражает неделимость пространства и времени в протекании любого физического процесса, включая электрон, фактически представляя идею хронотопа, которая давно уже стала общенаучной и широко используется в макрофизике (теория относительности Эйнштейна), физиологии (Ухтомский, 2002, с. 342), поэтике (Бахтин), истории (Гуревич), психофизиологии (Бернштейн, 1997, с. 588) и др. Поэтому перенесение того или иного положения из одной области знания в другую никак не противоречит научности такого подхода, а зависит только от возможности установить подлинную аналогию, основанную на строгом соответствии между разными классами явлений в этих областях (Д. С. Милль).

Базовые постулаты постмодерна в психологии

Основной период развития советской психологии пришелся на эпоху позднего модерна, главные научные задачи которого были связаны в первую очередь с построением общей теории психики на монисти-

ческих принципах, созданием концепций, имеющих, как правило, иерархическую структуру, поиском «единиц» или «клеточек» психического и пр.

Однако весь научный мир с начала XX века уже шел под флагом постмодерна, что создавало объективные условия для проникновения новых идей и нового способа мышления в советскую психологию, хотя и в ограниченном объеме. Уникальный сплав этих идей и традиционных взглядов привел ряд советских ученых к гениальным догадкам и открытиям, во многих отношениях опередившим подходы постмодерна и позволившим краешком глаза заглянуть в будущее, в эпоху метамодерна, приближая ее наступление.

Другими словами, внутри огромного здания советской психологической науки уже к середине XX в. зародились предпосылки пост- и метамодернистского мышления, что придало ей неповторимое своеобразие и сохранило актуальность многих ее подходов вплоть до настоящего времени. Поскольку постмодерн привел к фундаментальному изменению научной картины мира, необходимо хотя бы кратко рассмотреть его основные принципы. Более подробное их изложение было представлено нами ранее (Зеленкова, 2009, 2019).

В соответствии с *принципом конструктивизма* человек в процессе познания не столько пассивно отражает окружающий мир, сколько активно моделирует его в соответствии со своими целями и задачами, направленными на преобразование внешней среды. При этом для понимания и изменения реальности особое значение приобретает герменевтический подход, который делает акцент на познающем субъекте и диалоге как главной формы познания. Из советских ученых первыми, кто сформулировал этот принцип, были, по-видимому, Л. С. Выготский и Н. А. Бернштейн. Прогрессивная роль конструктивизма в психологии состоит в том, что при исследовании психических явлений необходимо рассматривать не одну, а несколько их интерпретаций, используя категории, представления и понятия, выработанные в рамках различных школ. Это делает общую картину таких явлений более объективной. Таким образом, конструктивизм разбивает монополию отдельных школ на единственно правильное видение психологической реальности.

Принцип контекстуализма связывает процесс понимания и контекст, в котором это понимание происходит. Другими словами, для объективной оценки знания, полученного в какой-либо научной школе, нужно обязательно учитывать и тот социально-культур-

ный фон, на котором оно было получено впервые, и тот фон, который существует сейчас. В советской психологии этот принцип был высказан Выготским в его работах по педологии, в которых подчеркивалась исключительная роль социокультурной среды как необходимого контекста развития ребенка: «Среда выступает в отношении развития высших специфических для человека свойств и форм деятельности в качестве источника развития, т. е. именно взаимодействие со средой является источником того, что у ребенка возникают эти свойства» (Выготский, 2001, с. 88).

В контекстуализме можно выделить два его вида: дифференциальный и интегральный. Первый из них отражает постмодернистское научное мышление, в то время как второй — начало метамодерна. Дифференциальный контекстуализм больше ориентирован на разделение научных школ путем создания границ между ними. Это приводит к недостаточной полноте и точности знания любой отдельной школы, поскольку в ней обычно преувеличиваются свои и преуменьшаются чужие достижения, в силу чего возникает неоправданный субъективизм в науке, что приводит к постоянным кризисам в психологии, о чем писал Выготский.

Интегральный контекстуализм сначала сравнивает знание какой-либо отдельной школы с совокупным знанием других школ, тем самым оценивая их полноту. Затем результаты каждой школы корректируются с позиций результатов остальных школ, что существенно увеличивает их точность. В итоге мы получаем общую картину знания об исследуемом классе психических явлений с хорошей полнотой и высокой точностью, что создает необходимые условия для перехода к следующему важному этапу познания — синтезу добытых знаний. И тут на сцену выходит последний из базовых постулатов постмодерна («last but not least») — интегральный аперспективизм.

Главная цель *интегрального аперспективизма* состоит в максимальной объективации психологического знания, повышении его качества и глубины. Данный принцип выражает идею существования различных, часто взаимоисключающих решений какой-либо проблемы, причем ни одно из них не имеет никакого преимущества перед другими, но и не является «настолько умным, чтобы состоять только из одних ошибок» (К. Уилбер). Только взятые все вместе, они дают предельно объективный взгляд на эту проблему, включая возможность опровержения любого ее решения, согласно принципу фальсифицируемости Поппера.

В отечественной психологии подобные идеи высказывались в философско-психологических трудах С. Л. Рубинштейна. Так, описанный им исследовательский принцип анализа через синтез является ярким примером понимания преимуществ аперспективного видения в психологическом знании. Похожую позицию мы наблюдаем и у М. М. Бахтина в его культурно-семиотическом подходе.

Интеграционные принципы метамодерна

Если интегральный аперспективизм ставил проблему синтеза научного знания в общетеоретическом плане, то метамодерн приступает уже к поиску конкретных путей решения этой задачи. Рассуждая о том, как может выглядеть интегральная методология на современном этапе развития науки, К. Уилбер выделяет три основных принципа метамодерна, позволяющих непротиворечиво объединять наибольшее количество уже добытых знаний (Wilber, 2017). Первый принцип – *неисключение* (nonexclusion) – означает, что мы должны рассматривать все обоснованные утверждения о психической реальности как истинные, если они прошли проверку на достоверность с точки зрения критериев, установленных в их собственных научных школах. При этом ни одна из школ не имеет права отвергать высказывания, выходящие за пределы ее парадигм, если эти высказывания подтвердили достоверность внутри своих школ.

Второй принцип – *холархичность объединения* (unfoldment – развертывание, раскрытие) – состоит в том, что каждая объединяющая парадигма должна превосходить, добавляя новое знание, и включать в свернутом виде знания своих предшественников, которые продолжают активно функционировать, но уже в контексте этой более общей парадигмы. При этом сами исходные парадигмы не становятся устаревшими или ошибочными, а наоборот, обогащаются в контексте друг друга.

Третий принцип – *включенность субъекта и первичность социальных практик* (enactment – введение в действие) – обосновывает множественность форм представления единой психической реальности, которые осознаются исследователями как разные «миры». Большинство столкновений парадигм обычно объясняется их несоизмеримостью, но учет контекста социальных практик показывает, что то, что мы считали противоречивыми феноменами или переживаниями, это просто разные (и полностью совместимые) переживания, вызванные разными практиками. Чтобы убедиться в этом, достаточно применить

практику и методологию другого исследователя и посмотреть на полученный результат. И мы увидим, что оба результата правильные, каждый в своем контексте. Недостаточное понимание этого является, на наш взгляд, основной причиной конфликтов между теоретическими воззрениями различных научных школ.

Данный принцип показывает, что новая психическая реальность раскрывается только при активном включении субъекта в социальную практику. В свою очередь, возникающие при этом новые понятия изменяют наши прежние представления об этой реальности. И если для модерна была характерна позиция отражения, а постмодерн, основанный на культурном конструктивизме, по сути, игнорировал субъекта, то в центре метамодернистской методологии, наоборот, подчеркивание роли коллективного субъекта в производстве нового знания.

Методология метамодерна требует так называемого «раскачивания» (Вермюлен, Аккер, 2014), основанного на постоянном переключении контекстов модерна и постмодерна при исследовании любого явления. В результате мы получаем возможность интегрировать все наиболее ценное из полученных результатов, отбросив несущественное.

К сожалению, многие глубокие идеи, высказанные классиками отечественной психологии и имеющее прямое отношение к метамодерну, остаются практически невостребованными в современной российской психологической науке. Пытаясь как-то восполнить этот недостаток, далее мы рассмотрим наиболее значимые из таких идей в контексте тех методологических позиций, которые были изложены выше.

2. Н. А. Бернштейн: микроскопия хронотопа

Сознание возможно только через изменение, изменение возможно только через движение. Психология до такой степени пренебрегала ролью движений, что в конце концов забываешь, что они составляют коренное условие сознания, ибо служат орудием основного его закона — относительности и изменяемости.

Т. Рубо

Научное наследие Н. А. Бернштейна поистине неисчерпаемо с точки зрения количества идей, которые все еще не до конца осознаны и значимость которых стремительно возрастает с каждым годом.

Многое из того, о чем сейчас говорится в зарубежной психологии, уже было заявлено им в советское время. Так, например, задолго (более чем за 40 лет) до постмодернистского открытия Ф. Варелой явления аутопоэза, Бернштейн высказывал идеи непрерывного самовоспроизводства и самопостроения организма.

Еще в 1936 г. он писал: «Организм приходится рассматривать как организацию, характеризуемую двумя главными определяющими свойствами. Во-первых, это есть организация, сохраняющая свою (системную) тождественность о самой собой, несмотря на непрерывный поток сквозь нее как энергии, так и вещества субстрата... Во-вторых же, при всем этом, организм на всех ступенях и этапах существования непрерывно направленно изменяется. Эта направленность онтогенетической эволюции доказывается неоспоримо хотя бы тем, что тысяча представителей одного животного или растительного вида развиваются в особи, одинаковых по всем своим основным или определяющим признакам, несмотря на иногда весьма резкую неодинаковость внешних условий жизни у разных индивидов» (Бернштейн, 1962, с. 24–25).

В отличие от Э. Толмена, который изучал поведение живого организма «снаружи», в качестве наблюдателя, Бернштейн, как затем и Варела, описывает это поведение «изнутри», с позиции участника, через программу построения движения. Однако он более широко трактует аутопоэз, включив в него принцип активности в преобразовании среды, чего не было у Варелы: «Важнейший и своеобразный биологический факт заключается в том динамическом начале, которое создает у особи активное, антиэнтропическое, преодолевающее стремление к реализации этой кодированной модели, модели будущего развития» (там же, с. 26). Благодаря этому Бернштейн описал структуру когнитивной карты организма на основе модели потребного будущего и принципа сенсорных коррекций.

Еще один весьма нетривиальный результат, полученный Бернштейном, состоит в том, что ему удалось довольно точно описать сложнейшие движения, совершаемые человеком во время трудовой деятельности, занятий спортом, танцами, при игре на музыкальных инструментах и т. п., с помощью математического аппарата Фурье-анализа, т. е. представить их в виде интерференции (наложения) нескольких волн (синусоид) друг на друга. Причем чем совершеннее становилось движение в процессе освоения какого-либо навыка, тем меньшее число таких волн требовалось для его описания. При этом точность

предсказания следующего движения оказалась очень высокой, величина ошибки не превышала нескольких миллиметров.

Полученные результаты существенно повлияли на работы К. Прибрама, в частности, на его знаменитую голографическую теорию мозга, главной особенностью которой является волновая природа мозговых паттернов, анализирующих поступающую внешнюю информацию с помощью Фурье-анализа. Идея, которую он позаимствовал у Бернштейна (Талбот, 2004).

Принцип равной простоты и проблема «черного ящика»

Расцвет кибернетики в 1950-е годы, совпавший с повсеместным распространением идей постмодерна, привел к резкому возрастанию интереса к так называемой проблеме «черного ящика» (определения неизвестного внутреннего устройства сложной системы). И, прежде всего, к проблеме создания искусственного интеллекта и моделирования психических процессов человека.

Подход Н. А. Бернштейна к этим проблемам намного опередил по своей новизне, оригинальности, конструктивности и практичности все тогда существовавшие, да и сегодня существующие подходы, если судить по обзору в одноименной статье в англоязычной Википедии, и является крупным, до сих пор непревзойденным открытием в кибернетике, нейрофизиологии и психологии.

Этот подход нашел свое выражение в принципе «равной простоты», описанном Бернштейном впервые еще в 1935 г. и охватывающем значительно более широкий круг вопросов, чем проблематика моделирования (Бернштейн, 1990). Основная идея применения принципа равной простоты в моделировании сложных интеллектуальных объектов состоит в следующем. Если даны две системы (например, организм и его модель), одна из которых имеет неизвестное внутреннее устройство («черный ящик»), а другая — известное, и, если вторая система с одинаковой легкостью (простотой) воспроизводит все наиболее важные функции первой системы, то с высокой вероятностью устройство «черного ящика» угадано верно.

Принцип равной простоты, как бы оправдывая свое название, позволяет достаточно просто определять по внешним признакам основные внутренние структурные элементы неизвестной системы без традиционной попытки воздействовать на нее снаружи, как в бихевиоризме.

Важное методологическое значение принципа «равной простоты» для психологического знания состоит в том, что если мы имеем две

концепции, объясняющие одинаковые *классы* психических явлений, то предпочтение следует отдать той концепции, которая в среднем дает более простые объяснения для всех явлений в классе, несмотря на то, что сама эта концепция может быть более сложной по своему устройству. Такая концепция должна считаться более точной моделью структуры исследуемых психических процессов. Некоторые дополнительные уточнения этого принципа приведены далее.

Как было сказано выше, принцип «равной простоты» изначально был сформулирован Бернштейном в достаточно общей и несколько парадоксальной форме. С учетом большой общенаучной важности этого принципа считаем необходимым привести несколько ключевых цитат, более подробно описывающих его суть.

«Признававшаяся долгое время правильной идея, что из нескольких мыслимых объяснений механизма данного явления истинно наиболее простое, оказалась ошибочной, основанной на смешении понятий простоты и обобщающей силы» (Бернштейн, 1990, с. 409). К сожалению, это заблуждение до сих пор достаточно широко распространено. Бернштейн показывает, что существуют два уровня понимания какого-либо класса явлений: простота внешнего объяснения и простота внутреннего устройства объяснительной теории. Для двух моделей, одинаково легко объясняющих один и тот же класс явлений, более адекватной будет не та, которая устроена проще, а которая умеет лучше обобщать.

«Если и казалось, что система Коперника или закон тяготения истиннее концепции Птолемея и аристотелевой механики потому именно, что они проще, то наше время накопило очень много примеров того, что более новые и близкие к истине концепции бывают значительно сложнее старых, ими вытесняемых. Механика Эйнштейна несравненно сложнее механики Ньютона. Теория и модель атома все время усложнялись на пути от Лоренца к Бору, а от последнего — к Шредингеру и Юкаве, хотя прогрессивность в обоих случаях вне сомнений» (там же).

Еще важнее следующее замечание Бернштейна: «Одну какую-либо изолированную функцию в большинстве случаев могут с примерно равным успехом осуществить или объяснить несколько разных по принципам их устройства механизмов. <...> Но если речь идет о целой распространенной серии (классе, континууме и т. п.) функций, то почти невероятно, а часто и вообще невозможно, чтобы два или более принципиально разных устройства могли реализовать по-

добную серию по всему ее диапазону с одинаковым распределением по степени легкости (или простоты, совершенства, точности, коэффициента полезного действия и т. д.) выполнения» (там же).

Следуя мудрому совету И. М. Гельфанда о том, что один пример лучше десятка теорий, проиллюстрируем сказанное выше на нескольких простых примерах, заимствованных у Н. А. Бернштейна и немного нами переработанных.

Пример 1. Есть три прибора, умеющие рисовать окружности, но имеющие разный набор возможностей: трафарет для рисования нескольких окружностей фиксированного радиуса, циркуль и эллипсограф. Требуется определить неизвестное устройство (структуру «черного ящика»), умеющего выполнять определенную функцию. Здесь возможны три варианта «черных ящиков».

1. Пусть неизвестное устройство умеет делать только одну операцию – рисовать окружность фиксированного радиуса. Случай а): если такая окружность есть на трафарете, то, хотя все наши приборы умеют рисовать окружности, легче всего это сделает трафарет. Значит, наиболее вероятная структура нашего «черного ящика» – это трафарет. Случай б): если такой окружности на трафарете нет, то наиболее вероятная структура нашего «черного ящика» – циркуль, которым рисовать окружности легче, чем эллипсографом.
2. Пусть неизвестное устройство умеет рисовать только окружности разных радиусов в некотором диапазоне. Тогда трафарет отбрасываем сразу, а вероятная структура «черного ящика» – это циркуль, так как эллипсографом и рисовать окружности труднее, и диапазон возможных радиусов у него меньше.
3. Неизвестное устройство умеет рисовать и эллипсы, и окружности в определенном диапазоне размеров. Трафарет сразу отпадает, а правдоподобная структура «черного ящика» – это эллипсограф, поскольку циркулем хотя и можно исхитриться и нарисовать эллипс, но сделать это намного труднее, чем эллипсографом нарисовать окружность.

Пример 2. В области психологии слухового восприятия для объяснения явления различения звуков при их восприятии человеком Г. Гельгольц выдвинул следующую гипотезу. Мембрана внутреннего уха состоит из большого числа волокон, при этом каждое из волокон является упругой струной, реагирующей ровно на одну частоту звукового колебания, т. е. является своеобразным резонатором.

Тогда весь слуховой анализатор — это, фактически, набор резонаторов, в котором при восприятии аккордов (нескольких одновременно звучащих звуков) сначала должно происходить их разложение на отдельные звуки, которые затем распознаются по отдельности с помощью некоторого волокна (отдельного резонатора), и, наконец, происходит окончательное распознавание всего созвучия. В этой гипотезе имеются два больших недостатка. Во-первых, здесь имеет место чисто атомистический и механистический подход к объяснению явления, который для живого органа выглядит малоубедительным. Вторым недостатком гипотезы является ее неспособность объяснить такие важные ощущения, как консонанс и диссонанс (слитность или неслитность одновременно звучащих звуков при их восприятии).

Для опровержения этой гипотезы с помощью принципа «равной простоты» Бернштейн рассуждает следующим образом. Самой простой функцией для набора резонаторов является определение абсолютной высоты одного звука. Если же необходимо соединить эти звуки в аккорд, то это можно будет сделать только после предварительного определения их абсолютных высот, так что это будет сделать существенно сложнее. Таким образом, можно сказать, что набор резонаторов обладает хорошим абсолютным слухом и не очень хорошим относительным, хотя на самом деле никакого относительного слуха у него нет вообще, но будем великодушны.

С другой стороны, обычный человек, как правило, имеет хороший относительный слух (правильно распознает и напевает популярные мелодии) и не очень хороший абсолютный, т. е. для живого уха проще относительное определение соотношения двух звуков, чем абсолютное распознавание высоты каждого отдельного звука.

Еще легче опровергнуть резонаторную гипотезу Гельмгольца на примере звуков человеческой речи, которую с легкостью понимают и воспроизводят все люди. Для резонатора же распознавание речевых звуков является практически непосильной задачей из-за наличия в них многочисленных формантов (тембров) у гласных и шумовых призвуков у согласных. Отсюда неизбежно следует, что орган слуха имеет прямо противоположное соотношение простоты и сложности при восприятии звуков по сравнению с набором резонаторов, так что в соответствии с принципом «равной простоты» гипотеза Гельмгольца не имеет достаточного обоснования в теории слухового восприятия.

Для современной психологии принцип «равной простоты» является уникальной находкой при решении многих сложнейших задач. На-

пример, его можно применять при моделировании психофизиологии процессов слухового или зрительного восприятия человека с помощью нейронных сетей, используемых в современных системах анализа голоса (типа «Алиса»), или изображений (например, поиск по картинкам). Бернштейн, кстати, предсказывал появление подобных персональных помощников, указывая, что «построение автомата-робота, способного к пониманию речи, для сегодняшней техники — задача совершенно безнадежная. Робот же, способный дифференцированно реагировать на несколько разных подаваемых ему голосов словесных приказов-фонем, может быть уже теперь создан без каких-либо принципиальных затруднений» (Бернштейн, 1990, с. 380).

Еще один пример использования принципа «равной простоты» в психологии связан с психолингвистикой и моделированием переводческой деятельности. Неудачи в разработке ранних машинных переводчиков, основанных преимущественно на пословном переводе, Бернштейн связывает с несостоятельностью концепции «второй сигнальной системы», введенной И. П. Павловым, с ее атомистическим характером: «Трактовка «второй сигнальной системы» как системы словесного отображения предметов представляется результатом глубоко ошибочного смешения физиологических функций и речевых категорий. Слова как сигналы не образуют никакой системы, и в роли пусковых фонем полностью доступны многим животным, далеким от функции речи. Слова и речь как отражение внешнего мира образуют систему, доступную и свойственную только человеку. Но обозначать речь, достигшую этой ступени развития, как сигнальную систему — значит подменять ее одним из самых несущественных и рудиментарных ее проявлений» (там же, с. 379—380).

Таким образом, если человек переводит хорошо, а система, основанная на концепции Павлова и пословном переводе, — плохо, то, согласно принципу «равной простоты», нельзя считать язык второй сигнальной системой и рассматривать слова как сигналы, обозначающие объекты внешнего мира, фактически не делая разницы между командными сигналами, отдаваемыми животным, и словесными сигналами, воспринимаемыми человеком при восприятии окружающего мира. Сигналы связаны с рефлексам, а язык — это активная познавательная система, которая сама изменяет мир. Главная особенность языка — это его структурность и способность быть средством для развития мышления, а не функция сигнала, в результате которой в сознании возникает образ при произнесении какого-ли-

бо слова. По сути Павлов в некотором смысле уравнивал человека и животное.

Высокое качество современных систем машинного перевода, основанных на нейронных сетях в соответствии с принципом «равной простоты», позволяет более продуктивно подойти к моделированию психических процессов восприятия, понимания и порождения речи и в перспективе моделировать переводческую деятельность человека.

Принцип «повторение без повторения»

Принцип «повторение без повторения» был открыт Н. А. Бернштейном при исследовании сложных движений человека в процессе его целенаправленной деятельности, например, при выработке определенных навыков, необходимых для работы, учебы, занятий спортом, овладения игрой на музыкальном инструменте и т. п.

В настоящее время этот принцип под разными названиями широко используется в самых различных предметных областях, исследующих всевозможные эволюционные процессы, имеющие многоуровневую организацию: онтогенез, филогенез, отдельные линии развития психики и т. п., и поэтому вполне правомерно считать его фундаментальным общенаучным положением.

Суть принципа состоит в том, что в живых системах в процессе достижения ими определенной цели при постоянно изменяющихся внешних условиях сохраняются глубинные (топологические) характеристики движения при непрерывном изменении в широких пределах поверхностных (метрических) характеристик.

По этому поводу Бернштейн замечает следующее: «Человек совершает повторные навыки движения. Он может исписать десятки страниц, сто раз поставить свою подпись, писать пером на бумаге или крупно мелом на вертикальной доске; писать разными конечностями или ртом, — и здесь мы не найдем и пары конгруэнтных начертаний, а между тем во всех этих случаях сохраняется все время индивидуальный почерк, и человеку беспрепятственно выдают его деньги из сберкассы по подписи, хотя она наверняка неконгруэнтна ни с кассовым образчиком, ни со своими повторениями. Наше интуитивное восприятие, не подкрепляемое точной формулировкой, создало такие аналогичные почерку понятия как «походка», «туше» (на фортепиано), тембр голоса, выговор или акцент речи и т. п. Ко всем этим случаям применимо то же разграничение: существенное сходство (т. е. равенство по одной части имеющихся признаков) при отсутствии кон-

груэнтности, и размещаемость по другой, — обычно метрической, — части признаков в вариационные ряды» (Бернштейн, 1962, с. 29–30).

В организации сложных многоуровневых движений соотношение роли топологии и метрики меняется по мере возрастания уровня. На нижних (реактивных) уровнях акцент делается на геометрическую (количественную) организацию пространства и метрические соотношения, на верхних (активных) — преобладающую роль начинает играть категориальная (качественная) организация и топологические схемы, а движения становятся более осмысленными, направленными на достижение цели.

Действия на предметном уровне в качестве связей между составляющими элементами имеют не пространственные (метрические), а смысловые (топологические) мотивы, не сводимые к простым перемещениям вещей в пространстве или преодолению внешних сил. Даже в наиболее привычных, «высокоавтоматизированных действиях в двух последовательных одинаковых операциях кряду не повторяются в точности ни номенклатура последовательных звеньев цепи, ни их порядок, ни число повторений отдельных звеньев. Цепочка движений в целом ведется требуемым результатом, самые же движения-звенья цепочки могут бесконечно разнообразиться» (Бернштейн, 1990, с. 121–122).

Для дополнительного обоснования принципа «повторения без повторения» Бернштейн, следуя критерию фальсифицируемости К. Поппера, создает контрпример, в котором специально пытается построить два полностью совпадающих движения. Если такая попытка окажется неудачной, то принцип «повторение без повторения» будет подтвержден. По условию примера, движение может начинаться в любой начальной точке, но заканчиваться должно всегда в фиксированной конечной, при этом внешняя среда непрерывно изменяется. Это наиболее естественные условия для большинства обычных движений.

Здесь могут быть два случая. Если данные о меняющейся внешней обстановке поступают в мозг без нарушений, то мозг каждый раз создает новую программу построения траектории движения, чтобы учесть новые внешние данные. Все эти новые траектории начинаются в разных точках (влияние внешней среды), но заканчиваются, по условию задачи, всегда в одной и той же точке. Таким образом, здесь причина несовпадения траекторий — это постоянно меняющиеся внешние условия, приводящие к тому, что у любых двух траекторий практически всегда будут не совпадать начальные точки движения.

Если же, по каким-либо причинам, данные о внешней обстановке в мозг не попадают, то мозг каждый раз создает одну и ту же программу, поскольку не может учесть эти внешние меняющиеся данные. В результате все траектории будут начинаться в одной и той же точке (программа одна и та же), но заканчиваться всегда в разных, так как внешняя среда постоянно меняется, а учесть эти изменения, чтобы попасть в нужную точку, мозг не может.

В итоге в первом случае мы имеем всегда разные траектории с совпадающей конечной точкой, а во втором — с совпадающей начальной, так что во всех случаях нет ни одной пары одинаковых траекторий. Поскольку других случаев нет, построение двух полностью идентичных движений невозможно, и принцип «повторение без повторения» является доказанным (Бернштейн, 1990, с. 38—40).

«Если бы упражнение или тренировка навыка сводились к повторению чего бы то ни было на основе бесчисленных повторений, то это не могло бы привести ровно ни к чему хорошему, так как именно в начале развития навыка, когда движения неправильны и неловки, затверживать-то и нечего. Там, где есть развитие, там, значит, каждое следующее исполнение лучше предыдущего, т. е. не повторяет его; поэтому упражнение есть, в сущности, повторение без повторения. Разгадка этого кажущегося парадокса в том, что упражнение представляет собой не повторение и не проторение движения, а его построение. Правильно проводимое упражнение повторяет раз за разом не средство, используемое для решения данной двигательной задачи, а процесс решения этой задачи, от раза к разу изменяя и улучшая средства». И далее: «...двигательная тренировка, игнорирующая эти положения, является лишь механическим зубуриванием — методом, давно дискредитированным в педагогике» (там же, с. 166).

Но Бернштейн не был бы Бернштейном, если бы остановился на достигнутом. Он идет еще дальше и устанавливает удивительную вещь, своеобразный «*хронотоп беспричинной вариативности*». Оказывается, в привычных видах движений, таких как ходьба, письмо, трудовые операции и т. п., всегда присутствует значительная вариативность, которую нельзя объяснить исключительно приспособительными целями. Более того, «остаточный разброс между последовательными повторениями движения, наблюдаемый и при идеальном равенстве и постоянстве всех внешних условий, нельзя, судя по всему, относить полностью и за счет недонаблюденных, ускользающих от внимания факторов. Создается впечатление, что организму в каких-то пределах

и в каких-то направлениях „всё равно“, будет ли очередной цикл движения реализован так или на n сантиметров, или на t десятых долей секунды иначе» (там же, с. 459).

Но по мере приближения к конечной цели (например, при ударе по мячу в теннисе) эта амплитуда разброса независимо от первоначальной величины стремится к нулю, обеспечивая идеальную точность движения. Таким образом, «разброс, если и ведет себя с чисто стохастическим безразличием („всё равно“) по отношению к общей обстановке движения и наличию или отсутствию внешних мелких воздействий, то оказывается очень строго регламентированным по отношению к смысловым фазам и задачам движения» (там же, с. 460).

Бернштейн считал, что для объяснения столь необычного эффекта не подходит распределение Гаусса, основанное на исследовании классов однородных объектов. Здесь нужен принципиально иной математический аппарат, поскольку нервные клетки по самой своей природе изначально неоднородны.

И такой аппарат удалось создать! Известными математиками И. М. Гельфандом и М. Л. Цетлиным были предложены так называемые «хорошо организованные функции» (Гельфанд, 1962), содержащие два вида аргументов: «существенные» и «несущественные». Несущественные могут изменяться в очень широких пределах, но оказывают слабое влияние на поведение всей функции, а существенные, наоборот, изменяются мало, но влияют на общее поведение функции решающим образом. Можно сказать, что несущественные аргументы отвечают за метрические (поверхностные) характеристики, а существенные — за топологические (глубинные).

Если описывать организм с помощью этих функций, то можно вполне удовлетворительно объяснить эффект «хронотопа беспричинной вариативности», заметив, что «аппарат управления движениями проявляет две различные координационные тактики: по отношению к второстепенным и техническим рассогласованиям и помехам он действует реактивно-приспособительно, не боясь вариативности [ему „всё равно“], по отношению же к программно существенным сторонам управления бьется за требуемый результат во что бы то ни стало, активно преодолевая препятствия и, если нужно, перепрограммируясь на ходу» (Бернштейн, 1990, с. 445–446).

Механизм, лежащий в основе принципа «повторения без повторения» основан на введенной Бернштейном «модели потребного будущего», которая является обязательной предпосылкой построения

любого движения: «Наметить двигательную задачу — это означает создать в какой-то форме образ того, чего еще нет, но что должно быть». И далее: «...мозг должен обладать способностью конструировать не ставшую еще действительностью ситуацию непосредственно предстоящего» (там же, с. 416).

Он полагал, что в мозге сосуществуют две топологические модели воспринимаемого мира: модель прошедше-настоящего, или ставшего, и модель потребного будущего, которая непрерывно преобразуется в первую. Первая модель является в значительной мере детерминированной, тогда как вторая должна опираться только на вероятностное прогнозирование.

При построении движения данные о его реальном выполнении непрерывно сопоставляются с моделью потребного будущего, причем сигналом рассогласования (для выработки сенсорных коррекций) являются не количественные соотношения внешних размеров и форм, а качественные (внутренние) оценки самого процесса движения, направленные на улучшение программы его выполнения в соответствии с поставленной целью.

Бернштейном получен еще один очень нетривиальный математический результат. До этого момента речь шла о целостности движения в пространстве, теперь речь пойдет о целостности во времени (опять хронотоп!). Оказывается, практически любое ритмическое движение (ходьба, игра на фортепиано и т. п.) в течение 1 с может быть с высокой точностью описано суммой 3–4 синусоид (ряд Фурье). Это значит, «что все детали такого движения предопределены на всю секунду вперед. Иначе говоря, по малому отрезку такого движения можно реконструировать все движение в целом. Этот экспериментальный факт свидетельствует об органической слитности и взаимной обусловленности ритмических движений во времени» (там же, с. 272).

И в заключение несколько замечаний о не совсем корректном, на наш взгляд, использовании термина «принцип „повторение без повторения“» в научных публикациях, связанных с так называемым «эффектом Еськова–Зинченко» (см., например: Еськов и др., 2017 и др.). Напомним, что принцип «повторение без повторения» был сформулирован Бернштейном при исследовании целенаправленных, осмысленных движений в процессе образования сложных навыков во время трудовой деятельности, занятий спортом, танцами, музыкой, т. е. требующих бесконечного двигательного разнообразия в условиях непрерывно изменяющегося окружения.

Во всех же без исключения упомянутых статьях испытуемые в полном противоречии с установками Бернштейна находились в специально созданных особых комфортных условиях в состоянии неподвижности с приклеенным к указательному пальцу датчиком, т. е. условия скорее соответствовали экспериментам И. П. Павлова, против которых Бернштейн всегда активно выступал, поскольку изучал «живое движение» в естественных условиях. Далее, полученные авторами (Еськов и др., 2017) данные были обычными треморограммами (или теппингограммами), которые уже детально были изучены самим Бернштейном, и была выявлена их чисто синусоидальная природа с быстро сходящимися рядами Фурье (Бернштейн, 1990, с. 64–68). Наконец, принцип «повторение без повторения» изучался Бернштейном для процессов некинетического уровня, а тремор относится к палеокинетическому.

Кроме того, вызывает возражение утверждение авторов статьи, что «в своей гипотезе Н. А. Бернштейн никак не раскрывает количественные аспекты этих самих „повторений“». Во-первых, как уже указывалось выше, при исследовании процессов «повторения без повторения» Бернштейн очень широко применял именно количественные подходы, такие, как «хорошо организованные функции» Гельфанда и Цетлина и Фурье-анализ для обнаружения скрытых паттернов мозговой активности, которые сыграли очень важную роль в обосновании К. Прибрамом его голографической модели мозга (Прибрам, 1975). Во-вторых, принцип «повторение без повторения» имеет преимущественно не количественную, а качественную (топологическую) природу, и все топологические (геометрические) аспекты «этих самых „повторений“» подробнейшим образом описаны самим Бернштейном на многих десятках страниц в его трудах, например, в книге «Физиология движений и активность» (Бернштейн, 1990). Таким образом, с учетом всего вышеизложенного эффект Еськова-Зинченко никак не может быть связан с принципом Бернштейна «повторение без повторения».

Феномен «свежих следов» как новый вид памяти

Феномен «свежих следов» отражает принципиальную неразделимость в составе любого целенаправленного движения (деятельности) трех элементов: памяти (уже достигнутые результаты, прошлое), программирования текущего движения (настоящее) и представления о ближайшей цели (будущее). Этот феномен Н. А. Бернштейн рассматривает как *универсальный и обладающий фундаментальной значимостью*.

Раскрывая суть этого феномена на процессе управления движениями, он обращает внимание на особую функцию сличения организмом в решении проблемы восприятия скорости и направления движения при отсутствии в организме непосредственных специальных рецепторов: «Рецепция текущего мгновенного положения движущегося организма сопоставляется в нем со свежим следом такой же рецепции мгновенного положения, имевшего место Δt времени назад» (Бернштейн, 1997, с. 366). «При зрительном восприятии движения мы не могли бы перцепировать не только скорость, но и направление этого движения, если бы процесс восприятия не базировался на непрерывном сличении текущих рецепций со свежими следами едва прошедших. Если при закрытых глазах я почувствую, что по моей коже провели линию палочкой, то восприму не просто и не только места, на которые она последовательно надавливала, но и направление, и скорость ее движения по коже как два отдельных качества, ощущаемые как нечто совершенно первичное. Этой своей синтетичной, слитой первичностью, а также тем, что они: а) качественно во всем подобны „сырым“ рецепциям и б) держатся в активной форме только в течение малых долей секунды, „свежие следы“ резко отличаются от обычных явлений *памяти* — орудия длительного сохранения центрально переработанных представлений» (там же, с. 367).

Феномен «свежих следов» тесно связан с процессами предугадывания: «Существование и встречаемость ... коррекций предваряющего типа заставляет обратить внимание на то многостороннее значение, какое имеют антиципации для реализации какого бы то ни было целенаправленного двигательного акта. Уже само его программирование, определяемое осмыслением возникшей двигательной задачи, представляет собой предвосхищение как требующегося результата ее решения, так и тех двигательных средств, которые понадобятся для этого» (там же, с. 370).

Таким образом, Н. А. Бернштейн понимает целенаправленное действие как единство трех элементов — текущего состояния, его «свежих следов» и прогнозируемого предстоящего будущего: «...микрорегуляция движения разворачивается все время между настоящим моментом t и границами интервала от $t - \Delta t$ («свежие следы») до $t + \Delta t$ (опережение)» задаваемого действия (там же, с. 371). Это единство, как «универсальный и обладающий фундаментальной значимостью» принцип, имеет большую объяснительную силу для исследования практически любых целенаправленных действий, поэтому феномен

«свежих следов» содержит огромный методологический потенциал для различных областей современной психологии.

Данный феномен может рассматриваться также в качестве философско-мировоззренческого принципа, сходного со взглядами О. Шпенглера, который, выражая неделимость жизненного мира человека, писал: «Если назвать душу – и притом ее прочувствованный тип, а не помысленную и представленную картину – возможным, а мир действительным, – то жизнь предстанет гештальтом, в котором происходит осуществление возможного. С учетом признака направления возможное называется будущим, осуществленное – прошлым. Само осуществление, средоточие и смысл жизни, мы называем настоящим. „Душа“ есть то, что подлежит осуществлению, „мир“ – осуществленное, „жизнь“ – осуществление» (Шпенглер, 1998, с. 203).

Принцип относительности Бернштейна

Принцип относительности Бернштейна является попыткой преодоления существующего в науке о мозге разрыва между атомизмом и холизмом при исследовании нервного процесса. Такое раскачивание между полюсами морфологизма и динамизма, между структурой и процессом не является чем-то специфичным только для физиологии. «Во всяком случае такие же колебательные движения известны и в других областях естествознания: волновая и корпускулярная теория лучистой энергии, учение о конечности и бесконечности вселенной и т. д. Все это заставляет признать, что маятник учения о нервном процессе может совершить еще неопределенно большое число качаний, прежде чем дойдет до какой-то устойчивой, синтетической позиции» (Бернштейн, 2003, с. 314).

Главный тезис Н. А. Бернштейна состоит в том, что морфологию (структуру) и динамическую специфику (процесс) вообще немислимо оторвать друг от друга. Это такие же две стороны одной реальности, какие обязаны существовать во всяком явлении природы, «настолько же неотделимые, как, например, лицо и изнанка одной математической плоскости» (там же). При этом соотношение между ними имеет генетическую природу: «На самых низших, элементарных ступенях построения нервного процесса определяющая роль морфологии может оказаться преобладающей над ролью динамики. По мере же усложнения организации рост новых динамических качеств нервного процесса и их значимости может оказаться настолько бурным, что эти явления переплещутся через рамки морфологии, подчинят

ее себе и определяют совершенно новые физиологические принципы построения нервного процесса» (там же, с. 316).

Отсюда следует фундаментальный вывод, к сожалению, недооцененный в современной психологии: «Чем выше растет морфологическая, локализационная расчлененность мозга, тем интенсивнее растут и предпосылки к развитию в нем нелокализуемых процессов, и, судя по всему, рост этих предпосылок идет быстрее (как третья или четвертая степень независимой переменной), нежели рост самой морфологической дифференциации» (там же). Другими словами, небольшое увеличение структурной сложности мозга приводит к взрывному росту динамики психических процессов.

Далее Бернштейн формулирует очень важный интеграционный принцип: «Ни атомизм, ни целостность не могут по отдельности дать исчерпывающего объяснения нервной системе прежде всего потому, что по отдельности они могут существовать только в абстракции. Нервная система будет объяснена только тогда, когда мы сумеем выразить фактическую неразрывность обоих принципов и найти термины для обозначения процессов, отражающих динамику борьбы между ними» (там же, с. 326).

Бернштейн очень ярко проводит аналогию между недвойственной природой электрона (и частица, и волна одновременно) и недвойственностью нервного процесса, утверждая, что качественные особенности последнего возникают не потому, что «каждому морфологическому *атому* по отдельности присущи элементы этих качеств, и не потому, что они могут содержаться в готовом виде в отвлеченно мыслимой динамической *волне*. Этих качеств нет ни в одном, ни в другом слагающем; они возникают как следствие организации нервного процесса и кроются в системных взаимоотношениях, определяемых этой организацией» (там же). Эти положения получили экспериментальное подтверждение при наблюдении за нервным процессом при его прохождении через любые промежуточные (расположенные между начальной и конечной точками) зоны мозга, убедительно доказав, что в нем неразделимо присутствуют и морфологическая структура, и динамический функционализм.

Подводя итог этим рассуждениям, Бернштейн окончательно формулирует свой «принцип относительности»: «...какую бы из транзитных зон мозга ни выбрать за точку наблюдения, проходящая через нее фаза нервного процесса будет абсолютно локализуемой, и в то же время по отношению к этой же зоне удаленные от нее фазы процесса

будут протекать по типу нелокализуемого, качественного динамизма, тем более преобладающего над морфологией, чем дальше область его распространения от наблюдаемого поля» (там же, с. 328). Другими словами, в зависимости от позиции наблюдателя структура и функция попеременно меняются ролями, становясь то фигурой, то фоном.

Таким образом, любое изучение нервного процесса всегда происходит в определенном контексте — своеобразном «диалоге» с исследователем как в квантовой механике или в теории относительности, и в зависимости от этого контекста могут быть обнаружены разные классы явлений.

Интересную интерпретацию этого принципа мы находим у В. П. Зинченко, который очень точно назвал вклад Бернштейна в науку «психологической физиологией»: «Н. А. Бернштейн предупреждает о зависимости результатов исследования не только от положения изучаемых элементов в системе, но и от положения наблюдателя по отношению к этой системе. Зависимость от положения наблюдателя имеет особое значение для психологии, которая уверовала в объективность физиологических методов исследования и до сих пор с недоверием относится к своим собственным методам. Парадоксально, что разумные физиологи доверяют последним больше, чем психологи. А. А. Ухтомский был в этом отношении более чем категоричен, говоря, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное» (Стиль мышления, 2011, с. 317).

Проблема «объективации сознания» и тест Тьюринга

Поиск ответа на вопрос «как обнаружить сознание» Н. А. Бернштейн называет главным вызовом для всей современной психологической науки. Если «привычные» психические функции (память, внимание, мышление и т. д.), рассуждает он, имеют внешние объективные признаки и достаточно легко могут быть подтверждены экспериментально, то с сознанием, т. е. с «субъективностью», которая как бы такой функцией не является, все не так просто: «Трудность состоит вот в чем. Уже сейчас удается строить автоматы, которые решают сложные математические задачи, разыгрывают шахматные эндшпили и т. д. Можно допустить, что с развитием техники удастся строить и такие автоматы, которые смогут выполнять целый ряд чисто человеческих функций; очень возможно, что они смогут при этом и говорить. Но беда в том, что если такая машина, умеющая реагировать, действовать и говорить, начнет уверять меня, что у нее есть субъективное

сознание, то какие я буду иметь реальные способы ее опровергнуть?» (Бернштейн, 2003, с. 237).

Проблему «объективации сознания» Бернштейн рассматривает в двух основных аспектах: роль памяти в возникновении «субъективного процесса» и поиск его мозговых коррелятов. Поскольку основой сознания как психического процесса формирования «единого субъекта», или «я», является переживание личностью своего текущего состояния как тождественного своим же состояниям в предыдущие моменты времени, то такое переживание возможно только при помощи памяти. Второй важный момент подчеркивает «двучленность» сознания, т. е. возможность совмещения в одном переживании субъекта и объекта, «я» и «не-я»: «...для явления субъективного необходимо, чтобы могли одновременно, но отдельно переживаться воспринимаемое «я» и воспринимаемая вещь» (там же, с. 236).

Эти признаки позволяют впервые начать практический поиск мозговых коррелятов сознания. Основная гипотеза состоит в том, что «„объект“, как частное переживание впечатления или действия, соответствует более или менее узко локализованному мозговому процессу, а „субъект“, как результат сложного пожизненного синтеза, необходимо рисовать себе в виде крайне разлитого процесса, охватывающего полностью оба полушария» (там же, с. 237). Такой подход Бернштейна является глубоко оригинальным, не имеющим аналогов в мировой науке: «...я обращаю внимание читателя на несколько фактов, которые, насколько мне известно, еще нигде не рассматривались в литературе с такой точки зрения» (там же).

Бернштейн выделяет два явления, тесно связанные с сознанием, которые доступны объективному исследованию: произвольность и самонаблюдение. При этом он исходит из собственного же принципа «равной простоты» (см. выше), согласно которому необходимо не менее двух признаков для получения надежных результатов. Первое явление — это действия, не связанные с наличной ситуацией: «Возможность перешагнуть через внешнюю ситуацию, войти с ней в противоречие, пойти ей наперекор существует только там, где объективные мотивы внешней ситуации могут быть перевешены субъективными из области содержания сознания» (там же, с. 239). Второе — проявляется в факте переживания «я» и «не-я»: «Наблюдая за собой, за своими психическими переживаниями, ощущениями, мыслями и т. д., мы раздваиваемся: наша личность оказывается одновременно и наблюдаемым объектом, и наблюдающим субъектом» (там же). При этом

важно подчеркнуть, что самонаблюдение является внутренним процессом, а произвольность — внешним, социальным.

Далее Бернштейн замечает, что при поражении практически любых зон коры больших полушарий в первую очередь страдают как раз именно эти основные, отличительные признаки сознания — возможность произвольных движений, произвольного выхода за пределы ситуации и «возможность одновременно совместить перед оком сознания разновременные или порознь предъявленные вещи» (там же, с. 240). Отсюда следует очень важный вывод: «Сознание есть именно та функция, которая в первую очередь ущербляется при очаговых корковых поражениях почти независимо от места поражения, т. е. для ее исправного протекания необходима безусловная целостность всего вещества полушарий» (там же). Поэтому очаговые разрушения коркового вещества, приводящие к потере произвольности и способности к самонаблюдению, Бернштейн связывает с *количественными* изменениями сознания, в отличие от *качественных* изменений, вызванных душевными болезнями.

Для иллюстрации таких количественных изменений Бернштейн приводит два ярких примера, связанных с корсаковским синдромом. В первом случае на фоне известной корсаковской симптоматики больной вдруг беспричинно вспоминал давнее событие, связанное с измерением пульса, и очень подробно описывал внешний вид использованного аппарата. Во втором больной, который при первом посещении врача здоровался с ним, протягивая руку, но при повторном посещении через 2–3 минуты уже не здоровался и не протягивал руки, на прямой вопрос врача уверенно отвечал, что видит его сегодня впервые.

Оба случая Бернштейн объясняет тем, что в результате очаговых поражений произошло «уменьшение сознания», и процессы запоминания происходят, минуя сознание, «а то, что осталось от сознания, отрицает эти запоминания полностью» (там же, с. 241), т. е. пострадала именно произвольность припоминания при сохранении собственно запоминания и произвольности воспроизведения запомненного.

Проблему поиска объективных критериев «обнаружения сознания» Бернштейн сформулировал на 15 лет раньше знаменитого Алана Тьюринга, высказавшего ее в 1950 г., причем Бернштейн сделал это гораздо глубже и интереснее. Эта проблема играет сегодня важную роль в работах по искусственному интеллекту. Именно поэтому создание психологического «теста Бернштейна» для надежного раз-

личения живого сознания от его имитации является сейчас очень актуальным, поскольку все существующие разновидности «теста Тьюринга» по сути остаются интеллектуальными играми типа «Что? Где? Когда?» и не имеют никакого отношения к подлинной проблеме сознания. В основу «теста Бернштейна» можно положить «принцип равной простоты» и оба его критерия — наличие произвольности и способности к самонаблюдению.

Наиболее ярко значение исследований Бернштейна для современной науки выразил А. А. Ухтомский: «Приходит время, когда наука может заговорить о „микроскопии времени“, как выражается где-то Н. А. Бернштейн, о „микроскопии хронотопа“, как сказали бы мы. Это — микроскопия движения в текуче-изменяющейся архитектуре при ее деятельности. И здесь будет новый переворот в естествознании, последствий которого переоценить мы пока и не можем, подобно тому, как современники Левенгука и Мальпиги не могли предвидеть, что принесет их потомкам микроскоп» (Ухтомский, 1933, с. 49).

3. Культурно-семиотическая концепция психики М. М. Бахтина

Сознание в действительности является лишь сетью связей между людьми... Сознательное мышление протекает в словах, т. е. в знаках общения... Сознание не принадлежит собственно индивидуальному существованию человека, а относится скорее к его общественной... природе.

Ф. Ницше

Главная проблема, которую пытается решить М. М. Бахтин, состоит в разработке научного подхода к задаче объективного определения психики. Его поиск путей решения этой задачи удивительным образом во многом похож на подход Н. А. Бернштейна. Напомним, что Бернштейн при поиске объективных мозговых коррелятов сознания выделял два тесно связанных с ним и между собой психических процесса — самонаблюдение (внутреннее) и произвольность (внешнее), имеющих значение при противопоставлении себя окружающему миру. При этом он подчеркивает особую роль речи в развитии этих процессов.

Но если подход Бернштейна можно назвать психофизиологическим, то Бахтин пытается проанализировать эти же процессы с помощью психосемиотики, исследующей знаковую деятельность человека. Под знаками здесь понимаются любые материальные объекты,

обладающие значением, в первую очередь слова, используемые в речи. При этом важно иметь в виду, что «знак есть единичная материальная вещь, но значение не есть вещь и не может быть обособлено от знака как самостоятельная и помимо знака существующая реальность. Ведь в таком случае можно было бы, например, съев яблоко, заявить, что я съел не яблоко, а значение слова „яблоко“» (Волошинов, 1993, с. 33). Другими словами, значение — это связь двух объектов, существующая как образ в сознании человека.

По Бахтину, объективное познание субъективной психики (внутреннего опыта) возможно только на основе понимания и социально-культурной интерпретации: «Понятый и истолкованный психический феномен поддается объяснению лишь социальными факторами, определяющими конкретную жизнь данного индивида в условиях социальной среды» (там же, с. 30). Вначале нам нужно попытаться дать объективное определение понятия «внутренний опыт». Для этого прежде всего необходимо установить связь между субъективным внутренним миром и объективным внешним.

Таким связующим звеном является знак, так как в нем нераздельно связаны материальная форма и идеальное значение. Поскольку, по мнению Бахтина, посредством психики происходит особая встреча организма с внешним миром (помимо физического и биологического взаимодействия), то такая встреча может быть осуществлена только в знаке: «Психическое переживание является знаковым выражением соприкосновения организма с внешней средой. Поэтому-то внутреннюю психику нельзя анализировать как вещь, а можно лишь понимать и истолковывать как знак» (там же, с. 31). Другими словами, внутренний мир человека — это мир знаков, мир значений, неразрывно связанных с внешними материальными формами.

Субъективные психические переживания не столько существуют как некий физиологический процесс, сколько обладают определенным значением для человека, иными словами, они являются знаками: «Вне знакового материала нет психики. Есть физиологические процессы в нервной системе, но нет субъективной психики как особого качества бытия». Поэтому главная задача психологии состоит в том, чтобы правильно понять и истолковать психические феномены, «как если бы это был документ, подлежащий филологическому анализу» (там же).

Важным моментом является то, что не только переживание вовне (для других) является знаком, но и внутреннее переживание (для се-

бя) не существует вне знака. В знаковой (выразительной) форме протекают все психические процессы: мышление, эмоции, воля и др. При этом между внутренним переживанием и его внешним выражением нет качественной разницы (оба являются знаками), а есть только количественный переход, связанный с возможным уточнением деталей формы. Несмотря на большое разнообразие знакового материала в организме — дыхание, перемещение в пространстве, артикуляция, мимика и т. п., основная знаковая функция психики реализуется все-таки словом или внутренними речевыми процессами.

Таким образом, исходная проблема объективного определения психики оказывается, с одной стороны, тесно связанной с внутренней индивидуальной знаковой системой. С другой стороны, культура (идеология по Бахтину) также является знаковой системой, но только внешней, причем ее знаки имеют уже коллективную природу, значения которых разделяются большими социальными группами. Поэтому вторая часть проблемы состоит в установлении по возможности точной границы между этими двумя системами, поскольку психика и культура не являются зеркальными отражениями друг друга, несмотря на общую для них знаковую действительность.

С точки зрения собственно значения знака между психикой и культурой нет непроходимой границы, разница состоит лишь в степени развития этого значения. Любой новый знак первоначально всегда рождается как внутренний знак в чьей-то психике, и поэтому его значение сначала является нечетким, слитым. Но при переходе этого знака в культуру (например, высказанная новая научная идея), он становится внешним знаком и его значение постепенно проясняется и структурируется по мере того, как он усваивается (опять становится внутренним знаком) другими психиками «в обновляющемся процессе его понимания, переживания, т. е. во все новом и новом внедрении его во внутренний контекст» (Волошинов, 1993, с. 39). Здесь мы получаем что-то вроде «семиотического кольца» по аналогии с «рефлекторным кольцом» Бернштейна, поскольку каждый знак на протяжении всего времени своего функционирования непрерывно меняет свои качества, становясь попеременно то внутренним, то внешним. И еще важное замечание. Любая новая идея (знак) в момент своего рождения всегда возникает в ранее усвоенном культурном контексте других идей и всегда порождается знаковой системой этой культуры.

Другим принципиальным моментом при проведении границы между психикой и культурой является необходимость корректного

определения понятия «индивидуальный». Бахтин рассматривает это понятие в двух аспектах. С одной стороны, он противопоставляет его культурному и социальному, а с другой — биологическому. В первом случае Бахтин использует термин «личность», а во втором — «природная особь», специально подчеркивая единую социальную природу знаковых систем психики и культуры. Здесь Бахтин, фактически на 70 лет раньше К. Уилбера предвосхитил знаменитую четырехсекторную модель психики, основанную на оппозициях «внутренний—внешний» и «индивидуальный—коллективный».

После этих приготовлений Бахтин приступает к поиску ответа на главный вопрос: «В чем же различие внутреннего и внешнего знака, психики и идеологии?» (там же, с. 41). Различие кроется в процессах понимания этих знаков, которые интерпретируются в разных контекстах — в знаковой системе психики или знаковой системе культуры соответственно. Поэтому главное — не где знак начал свое движение, в психике или в культуре, а где он его закончил (был понят, проинтерпретирован).

Следующий ключевой вопрос — как можно объективно наблюдать и исследовать внутренние знаки (мысли, речь, психику)? Бахтин исходит из того, что «в своем чистом виде внутренний знак, т. е. переживание, дан лишь для самонаблюдения (интроспекции)» (там же, с. 42). Поскольку объектом самонаблюдения всегда является внутренний знак, который в любой момент может стать и внешним знаком (внутренняя речь может быть произнесена), то выраженные наружу результаты самонаблюдения вполне пригодны для объективного изучения. Это вытекает из того факта, что «самонаблюдение есть понимание собственного внутреннего знака» (там же, с. 43), а любое понимание всегда происходит в контексте уже ранее понятых знаков, как правило, глубоко внедренных в культуру, т. е. существенно объективированных.

В заключение Бахтин рассматривает очень глубокую проблему, связанную с самым важным типом внутреннего знака — внутренней речью. Какие существуют формы внутренней речи, если традиционные категории внешней речи (лексика, грамматика, фонетика) практически неприменимы для речи внутренней? По мнению Бахтина, «единицею внутренней речи являются некие целые, несколько напоминающие абзацы монологической речи, или целые высказывания. Но более всего они напоминают реплики диалога» (там же, с. 45). Элементы внутренней речи построены не по грамматическим законам,

а, скорее, по аксиологическим (ценностным), учитывающим, в первую очередь, историю жизни личности. Тем не менее между внутренней и внешней речью с учетом сказанного выше нет принципиальной границы из-за их постоянного взаимного перехода друг в друга («семиотическое кольцо»).

Взгляды Бахтина на внутреннюю речь не совпадают со взглядами Л. С. Выготского по крайней мере в двух аспектах. Выготский считал, что между внутренней и внешней речью существует «коренное и фундаментальное различие в функциях той и другой речи» (Выготский, 1982б, с. 316). Бахтин же постоянно подчеркивает, что «ориентация в своей душе (самонаблюдение) реально неотделима от ориентации в данной социальной ситуации переживания. Полное отвлечение от этой последней приводит к полному погашению переживания» (Волошинов, 1993, с. 44).

Далее, внутренняя речь, по Выготскому, является преимущественно монологической, хотя и обладающей особым синтаксисом, «где сохраняется сказуемое за счет опускания подлежащего» (Выготский, 1982б, с. 333). Согласно же Бахтину, «внутренняя речь представлялась уже древнейшим мыслителем как внутренний диалог» (Волошинов, 1993, с. 45), и поэтому только изучение «форм диалогической речи может пролить свет и на формы внутренней речи, и на своеобразную логику их следования в потоке внутренней жизни» (там же).

4. Интеграционный потенциал методологических идей

С.Л. Рубинштейна

Противоположность души и мира стала противоположностью субъекта и объекта. Эта элементарная структура недоступна понятийному расчленению, и столь же несомненным оказывается то, что оба названных элемента, только лингвистически и в известной мере искусственно поддающиеся разделению, постоянно сосуществуют друг с другом и друг в друге и явным образом выступают как единство, как некая целостность.

О. Шпенглер. Закат Европы

В период перехода от пост- к метамодерну особенно возрастает ценность глубоких диалектических идей, заложенных в философско-психологических работах отечественных мыслителей, прежде всего в трудах С.Л. Рубинштейна.

Ценность наследия Рубинштейна для современного этапа интеграции психологического знания огромна. Он далеко опередил свое время, предвосхитив необходимость и неизбежность интеграции психологического знания, обозначив ее основные принципы, хотя конкретно и не называя их. В этом смысле его труды приобретает сегодня особое значение для отечественной психологии. Роль Рубинштейна в возможности использования его идей для интеграции отечественной психологии, по сути, сходна с аналогичной ролью К. Уилбера для психологии зарубежной.

Однако в 1930-е годы было еще далеко до той ситуации, когда поле психологического знания в нашей стране стало столь опасно разрывным. В силу этого отсутствовала объективная необходимость рассматривать вопросы интеграции знания в практической плоскости. Существенно более важной методологической проблемой считался поиск универсального единственного «камня, который должен стать во главу угла» советской психологической науки, что не вполне соответствовало взглядам Рубинштейна. Поэтому он с позиций своего изначально интегративного подхода, основанного на неразрывном единстве сознания и деятельности, не до конца принимал несколько одностороннюю концепцию Л. С. Выготского, отдававшую приоритет исключительно культурно-исторической обусловленности психики.

Методологические открытия Рубинштейна оказались настолько продуктивны, что их значение для целей интеграции всего психологического знания трудно переоценить. Переосмысление этих идей в контексте постмодернистской разобщенности современной психологии таит в себе огромные перспективы ее качественно нового прогрессивного этапа развития.

Предчувствие метамодерна

Интегративные методологические идеи С. Л. Рубинштейна далеко опередили свое время: высказанные в работе 1934 г. «Проблема психологии в трудах К. Маркса» в связи с кризисом в психологической науке, они уже содержали зачатки будущего метамодерна в том, что касалось принципов объединения психологического знания.

Отмечая острую форму кризиса в западной психологической науке в первой трети XX в., Рубинштейн указывает на существовавшее уже в то время расщепление: «...психология распалась на психологии, а психологи разбились на школы, друг с другом враждующие» (Рубинштейн, 1973а, с. 19). Он делает попытку вскрыть причины этого

кризиса и наметить пути его преодоления. С этой целью Рубинштейн выбирает три основные школы, которые в наибольшей степени конфликтовали между собой (интроспективная психология, бихевиоризм и психология духа) и анализирует их ключевые достоинства и недостатки.

По его мнению, интроспекционизм отождествлял психику с явлениями сознания, изолируя при этом психическое от всех остальных явлений (деятельностных, социальных, культурных и поведенческих). В результате объективное познание чужой психики становилось практически невозможным из-за недостаточной достоверности данных интроспекции.

Бихевиоризм, как в нашей стране, так и за рубежом, отверг сознание, отбросил интроспекцию и свел деятельность человека исключительно к совокупности внешних реакций, полностью исключив субъекта. В итоге получилось, что «сознанию, оторванному от человеческой деятельности [в интроспекционизме], поведенческая психология противопоставила деятельность – поведение, оторванное от сознания» (там же, с. 22).

Психология духа, в свою очередь, разорвала связи психики с культурой, противопоставила идеологическое (идеи и ценности) психологическому и объявила психологию наукой о субъективном духе. Таким образом, пишет Рубинштейн, «психология в результате оказалась перед тремя абстрактными конструкциями, своеобразными продуктами распада, получившимися в результате расчленения реального сознания и реальной деятельности живого человека как конкретной исторической личности» (там же, с. 23).

Выход из этой ситуации Рубинштейн видит не в поверхностном объединении этих трех парадигм (как предлагали К. Бюлер и К. Н. Корнилов), поскольку в этом случае наряду с достоинствами будут суммироваться и их недостатки, а в устранении истинной причины их разногласий – неправильном понимании сознания и деятельности, особенно соотношения между ними.

Ошибка интроспективной психологии в том, *как* она понимает сознание, бихевиоризма – *как* он понимают поведение, психологии духа (которая, кстати, является источником современного постмодерна) – *как* она трактует связь сознания с культурой и идеологией. По сути с семиотической точки зрения Рубинштейн предлагает пересмотреть содержание терминов «сознание» и «деятельность», их трактовку, т. е. изменить означаемые, что в свою очередь позволит более адекватно

высветить референты. Только таким путем можно и преодолеть кризис, и сохранить все ценное, что было сделано.

Рубинштейн называет конкретные шаги по интеграции психологии. Главное, считает он, это реализация принципа неделимости сознания и деятельности при его ведущей роли в качестве предпосылки этой деятельности. Далее, необходимо устранить ошибочное противопоставление внутреннего и внешнего, социального и индивидуального: «...решающим... является преодоление противоположности социального и индивидуального, внешнего и внутреннего... в процессе воздействия человека на внешний мир, в процессе общественной практики, в которой происходит взаимопроникновение действия и предмета и формирование субъекта и сознания через продукты общественной практики» (Рубинштейн, 1973а, с. 31).

В сущности, уже в 1934 г. Рубинштейном была предложена метамодернистская концепция неделимого четырехфакторного пространства в структуре психологического знания. Эта модель была заново перетворена только через 60 лет американским философом, создателем интегральной психологии К. Уилбером.

Принцип обратной связи и синергетика

Положение С.Л. Рубинштейна о постоянной кольцевой взаимосвязи между внутренним и внешним, высказанное еще в 1945 г. в статье «Пути и достижения советской психологии», внесло заметный вклад в превращение кибернетической идеи обратной связи в один из общеметодологических научных принципов. Единство психики и поведения, писал он, проявляется «в виде *кольцевой* зависимости между ними и выражает их взаимообусловленность как звеньев единого процесса, в котором причина и следствие непрерывно меняются местами» (Рубинштейн, 1973б, с. 145).

Такая кольцевая зависимость существует между психическими свойствами и деятельностью, между характерологическими особенностями и мотивами поведения, между жизненными обстоятельствами и поступками. Раскрывая динамику формирования психических свойств в ходе индивидуального развития, Рубинштейн фактически описывает ее на языке *синергетики*, утверждая, что в ходе кольцевого процесса новое свойство тогда встраивается в систему психики, когда оно переходит из первоначального хаотического и нестабильного состояния в состояние устойчивости: «...каждый действенный мотив поведения, который приобретает устойчивость, — это в по-

тенции будущая черта характера в ее генезисе» (Рубинштейн, 1973б, с. 144).

Удивительно, что идеи Рубинштейна оказались во многом созвучны постмодернистским взглядам Н. А. Бернштейна. Мы имеем в виду его рефлекторные кольца и принцип «повторение без повторения», положения, которые в настоящее время могут рассматриваться уже как общеметодологические. Так, например, познавательная деятельность по Рубинштейну имеет циклическую структуру, в основе которой лежит принцип обратной связи, благодаря которой происходит непрерывная объективация образа действительности. С одной стороны, каждый последующий цикл напоминает предыдущий, с другой — перестраивается по принципу Бернштейна «повторение без повторения». Познавательный процесс рассматривается как кольцо, каждый виток которого повышает объективность и глубину познания за счет непрерывной смены субъекта и объекта.

При этом с каждым циклом для субъекта меняется (*конструируется*) и сама реальность, благодаря выявлению все новых и новых ее свойств, здесь Рубинштейн, преодолевая «миф о данном» — идею, выдвинутую У. Селларсом, фактически выступает с позиции третьего принципа *метамодерна*, рассмотренного выше: «Образ существует лишь в отражательной деятельности субъекта, его мозга, лишь в процессе познания. Он — результат взаимодействия субъекта с действительностью, с объективной реальностью. В процессе этого взаимодействия один образ снимается другим, все более адекватным предмету, в результате каждый раз на новом уровне осуществляющейся связи внешних и внутренних условий познавательной деятельности. Объективные условия (воздействия объекта) преломляются через все новые внутренние условия, преобразованные в результате предыдущего взаимодействия внешних и внутренних условий. С пониманием познания как процесса взаимодействия субъекта с объективным миром связана и ведущая роль в процессе познания практики, которая все глубже выявляет свойства вещей, приводя их во взаимодействие друг с другом» (Рубинштейн, 1959а, с. 18).

Такие же кольцеобразные взаимосвязи, полагает Рубинштейн, существуют и в соотношении мыслительной и практической деятельности, поэтому нельзя рассматривать мышление лишь как редуцированный дубликат внешнего действия. Любое практическое действие всегда включает чувственную часть, поскольку требует познания: «Самые движения, посредством которых осуществляется действие,

тоже „афферентируются“, управляются, регулируются чувственными сигналами, ощущениями. Чувственное познание включается в действие как его необходимая составная часть, как его регуляторный „механизм“» (Рубинштейн, 2003, с. 81), который благодаря кольцевым взаимосвязям действует по принципу «повторение без повторения».

Однако Рубинштейн идет еще дальше – он рассматривает этот процесс в историческом времени, онтогенетически, отмечая, что ребенок «тоже сначала решает задачу посредством проб в плане внешнего действия с предметом и лишь затем – в плане внутреннем, идеальном. Однако этот переход от решения задачи посредством проб в плане внешнего действия к решению в идеальном, внутреннем плане означает не переход от практического действия без познания к познанию без практического действия; он означает переход от низшего уровня необобщенного познания... к более высокому, обобщенному его уровню, при котором единичные пробы, естественно, отпадают» (там же). А это уже не функциональное (горизонтальное) «повторение без повторения», а межуровневое (вертикальное), структурное, это «переход, связанный с изменением характера познания, при котором всегда сохраняется связь познания и действия» (там же). Здесь действие всегда встроено в познание, а познание всегда включено в действие.

Интериоризация и психофизическая проблема

Эти же идеи лежат в основе оригинальной концепции интериоризации, предложенной С. Л. Рубинштейном, которая опирается на принцип неразрывности предметной и психической деятельности. По его мнению, любая внешняя деятельность человека обязательно включает в свою внутреннюю структуру психические составляющие, регулирующие эту деятельность. Поэтому нельзя «изъять из внешней практической деятельности человека ее психические компоненты и вынести „внутренние“ психические процессы за пределы „внешней“ человеческой деятельности – как это сознательно или бессознательно... делается, когда утверждают, что психическая деятельность возникает в результате интериоризации внешней деятельности» (Рубинштейн, 1959б, с. 253).

Другими словами, интериоризация как психическое явление никак не может «родиться» из какой-либо внешней деятельности, поскольку она всегда уже присутствует в ней изначально в качестве обязательного компонента структуры этой деятельности. В действительности «интериоризация ведет не от материальной внешней дея-

тельности, лишенной внутренних психических компонентов, а от одного способа существования психических процессов — в качестве компонентов внешнего практического действия — к другому способу их существования, относительно независимому от внешнего материального действия» (там же).

Непонимание этого процесса, считает Рубинштейн, исходит из ошибочной трактовки положения о единстве сознания и деятельности, которое «выражало отношение сознания и деятельности как внешнее соотношение двух обособленных членов (к тому же без определения характера их взаимоотношений, без указания на то, что первично, что из чего происходит). В этом сказывалась обусловленность внешней ситуацией, которая в ходе исторического развития науки их обособила, а не существо дела, которое при правильных исходных позициях не должно было приводить к их обособлению сперва и, значит, к необходимости затем внешне их соотносить» (Рубинштейн, 1959б, с. 251).

В отличие от атомистической (и отчасти механистической) концепции интериоризации, сложившейся в учении Жана и затем закрепившейся в других школах, в том числе, и в школе А. Н. Леонтьева, которая признает существование отдельной внешней деятельности, Рубинштейн является сторонником холистического (диалектического) подхода. И если атомизм основан на принципе «синтез через анализ», то холизм следует идее «анализа через синтез».

Взгляд Рубинштейна на интериоризацию, основанный на принципе неделимости внутренней психики и внешней деятельности человека и положении о непрерывной кольцевой взаимосвязи между ними, является, по нашему мнению, наиболее адекватным на сегодняшний день подходом к поиску решения психофизической проблемы.

Внутренняя природа вещей и панинтериоризм

Размышляя о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира, С. Л. Рубинштейн высказывает мысли, созвучные идеям постмодерна, в частности, *контекстуализма* и *принципа дополнительности Бора*. Так, например, в концепции о связи психического и физиологического речь идет о недвойственности психики и мозга, которая в разных контекстах проявляется либо как идеальное (образ или идея), либо как нервно-психическая регуляция деятельности: «...психические явления — как и все прочие — в разных системах существенных для них связей и отношений выступают

в разных качествах, то есть другие качества, свойства, аспекты выступают в них как ведущие, определяющие. — И далее. — Психическая деятельность идеальна в качестве познавательной деятельности человека, поскольку ее результативным выражением является образ, отражение объективной реальности (идеальным является собственно образ, идея); в качестве рефлекторной деятельности материального органа мозга психическая деятельность есть высшая нервная деятельность — не только психическая, но и нервная. Качество идеальности сохраняется за психическим и в этой связи психического и нервного, но на передний план как ведущее здесь выступает не противопоставление психического как идеального образа материальной вещи, а неотделимость психической деятельности от материального органа мозга и его материальной нервной деятельности» (Рубинштейн, 1959а, с. 9).

Глубокий анализ понятия отражения приводит Рубинштейна к идеям, выходящим далеко за пределы своего времени и в некоторых аспектах даже нашего. Он вводит понятие «внутренней природы вещей и явлений», которую обуславливают внешние воздействия. Они «откладываются в ней так, что в каждом явлении результатами своих воздействий на него как бы „представлены“, отражены все взаимодействующие с ним предметы» (там же, с. 11). Таким образом, в любой вещи или явлении откладывается и существует вся история взаимодействий с реальностью, в свернутом виде концентрируется история (временной параметр). Через этот параметр (историю взаимодействий) преломляются все новые воздействия: «Любое воздействие одного явления на другое преломляется через внутренние свойства того явления, на которое это воздействие оказывается», — внешнее всегда действует через внутреннее (там же).

Введение понятия «внутренней природы вещей и явлений» и учет истории взаимодействий позволило С. Л. Рубинштейну обозначить различия и в то же время сближение понятий «отражение» и «психическое отражение»: «„Отражение“, взаимодействие, при котором одни явления обоими воздействиями представлены или отражены в других, — это некоторый аналог психического отражения. Это не означает, само собой разумеется, что в самом фундаменте материи имеется сознание, психика, но это означает, что в материальном мире имеются черты, по крайней мере формально сходные с ними, некоторые исходные предпосылки для их развития. Сознание как отражение не вовсе чужеродно и „одинокое“ в мире; оно не привнесено извне; в самом фун-

даменте материи есть свойства, *аналогичные* ему, предпосылки для его естественного и закономерного развития» (Рубинштейн, 1959а, с. 12).

Таким образом, фактически он предвосхищает появление понятия «панинтериоризм» (*англ.* pan-interiorism, где interior означает «внутреннее измерение»), впервые сформулированного в современной западной философии и отражающего наличие внутреннего измерения, или протосознания в духе Уайтхеда, у любого существа или явления.

В понимание «отражения» как всеобщего свойства материального мира Рубинштейн вкладывает признаки *конструктивизма*, проявляющегося в действии принципа «внешнее через внутреннее». Он показывает, что наличие внутреннего измерения обуславливает различие эффектов воздействия одного и того же стимула на разные предметы или явления, поскольку, с одной стороны, у каждого из них «откладывается» своя история взаимодействий, с другой — в этом большую роль играет взаимосвязанность и взаимообусловленность явлений. Таким образом, отражение не является продуктом механистического воздействия одного объекта на другой, а сопряжено с процессом *конструирования модели мира* на основе изменения собственной истории всех взаимодействий.

Уровни развития психического

Показывая недостаточность марксистского взгляда на человека исключительно как на субъекта общественных отношений, С.Л. Рубинштейн дополняет эту позицию понятием «природное», которое понимает гораздо шире, чем наследственно-обусловленное, врожденное: «Природа — не только „другое“ для человека, но и природа в самом человеке. В этом природном — первая самая естественная и теплая его непосредственная связь с миром, с его жизнью...» (Рубинштейн, 2003, с. 395). Таким образом, природное — это непосредственно проявляемое, которое было трансцендировано и включено на всех уровнях последующего развития психики и проявляющееся как естественно сложившийся к настоящему времени индивидуальный холон.

Рубинштейн приходит к пониманию развития человека как эволюции холона, в процессе которого происходит дифференцирование и интегрирование предыдущих уровней: «С появлением нового уровня сущего в процессе его развития в отношении к нему выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней» (там же, с. 404). Холархическая включенность уровней развития психического выражается Рубинштейном в соотношении «природное в человеке, а че-

ловек — в общественных отношениях» (там же, с. 395). Здесь Рубинштейн в предельно ясной форме и задолго до современных воззрений выразил основной манифест метамодерна: природа — часть человека (а не наоборот, как считалось в модерне), а человек — часть социального аутопоэза (Н. Луман).

С позиций метамодерна рассмотрим вопрос о несовпадении взглядов А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна на детерминацию психического. По Леонтьеву, высказывание «внутреннее действует [изменяется] через внешнее» утверждает социальную детерминацию психики. Рубинштейн же, говоря, что «внешнее действует [изменяется] через внутреннее» обосновывает психическую детерминацию социального.

Несмотря на кажущиеся разногласия между подходами, все противоречия снимаются, если принять во внимание разные контексты, в которых эти взгляды сформировались. Леонтьев рассматривал человека преимущественно как субъекта общественной деятельности (первична внешняя активность), а Рубинштейн — как субъекта творческой самодеятельности (первична активность внутренняя). Обе позиции являются достоверными с точки зрения парадигм своих научных школ, при этом первая акцентируется на «отвержении ложных ценностей», а вторая на «утверждении истинных» (Э. Ласкер).

Загадочный «анализ через синтез»

Одной из самых продуктивных диалектических идей С. Л. Рубинштейна является принцип анализа через синтез. Открытие новых, более глубоких свойств объекта (теории, явления) через помещение его в различные контексты, включение в многообразные связи и отношения с другими объектами — это, в сущности, и есть основной современный механизм интеграции психологического знания. Иллюстрируя этот механизм, А. В. Брушлинский проводит аналогию между решением геометрической задачи и исследованием психического. Подобно тому как геометрическая фигура включается в разные связи и отношения и выступает в них в новых качествах (как треугольник, как часть параллелограмма и т. д.), «психическое — в ходе его исследования — в различных системах связей объективно выступает соответственно в разных качествах: как процесс, как его результат, как статика, как динамика...» (Брушлинский, 1982, с. 31).

В качестве другого примера можно привести анализ соотношения между понятиями «значение» и «смысл» которые, по мнению Брушлинского, в теории А. Н. Леонтьева «неправомерно отрываются друг

от друга» (там же, с. 35). На самом деле вопрос о «неправомерном отрыве» снимается, если эти понятия рассматривать в контексте развития холона как части/целого. Согласно принципу дополнительности, значение образуется в ходе развития холона как целого, смысл — как части. Значение обеспечивает полноту, а смысл — точность, поскольку образуется при погружении значения в индивидуальный контекст. Другими словами, значение есть необходимое условие познания, а смысл — достаточное.

Брушлинский совершенно верно отмечает, что если рассматривать взаимодействие этих понятий как механизм анализа через синтез, то «значение и смысл выступают прежде всего как постепенно выявляемые субъектом *разные качества* одного и того же объекта (события), включаемого в разные системы связей и отношений» (там же).

К. Уилбер пришел к интегральным идеям *индуктивным* путем («синтез через анализ»), предложив в качестве объединяющего метода поиск *минимального* уровня абстракции базовых понятий, который приводит к снятию имеющихся противоречий. Путь же Рубинштейна — *дедуктивный* («анализ через синтез»), основанный на поиске *максимально* общей формулировки объединяющего метода, с помощью которого интегрируются исследуемые классы явлений. Из этого следует, что для подлинной интеграции наиболее желательным является использование сильных сторон обоих подходов.

5. Элементы сетевого подхода в системе психологических понятий Петровского—Ярошевского

Сетевое мышление, составляющее один из главных признаков постмодерна, является дальнейшим развитием идей Л. Берталанти, впервые описавшего живой организм как открытую систему. В советской же психологии складывался преимущественно иерархический подход к классификации исследуемых психических явлений (К. Платонов). С учетом того, что каждый из этих подходов имеет свои сильные и слабые стороны, рассмотрим их сочетания для установления оптимального соотношения между ними.

Во-первых, отметим, что и сети, и иерархии в разной степени могут выполнять системные функции. Так, по степени связности сети могут быть сильно и слабо связными. Иерархии также разделяются на иерархии роста (холархии), обеспечивающие целостность системы, управление и взаимодействие ее частей (например, живой организм),

и доминирующие (иерархии подавления), отличающиеся принудительным соподчинением частей, что в дальнейшем может привести к разрушению всей системы (Уилбер, 2004).

Задача сетей в целостной системе – обеспечение полноты, динамики и разнообразия входящих в нее элементов. Задача иерархий – обеспечение их точности и упорядоченности. В сочетании сети и иерархии – проявление одной из форм принципа дополнительности Бора. Сети при этом находится во внутренней позиции участника, иерархии – во внешней позиции рефлексирующего наблюдателя. При совместном функционировании сеть и иерархия, дополняя систему до целого, ведут себя как двуликий Янус, как две стороны одной сущности, рассматриваемой под разными углами. Различные возможные сочетания сетей и иерархий, ранжированные по качеству этих сочетаний, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Ранги сочетаний сети и иерархии в целостной системе

Сети	Иерархии	
	Роста	Доминирования
Сильно связные	1	3
Слабо связные	2	4

Оптимальное сочетание (ранг 1) – это сильно связные сети и иерархии роста, холоноподобные системы, в которых каждый следующий уровень в свернутом виде включает в себя все предыдущие. Далее идут слабо связные сети и иерархии роста. Такие системы недостаточно стабильные, но при этом сохраняют способность к развитию, поскольку хорошая иерархия может исправить плохую сеть. Следующее сочетание – сильно связные сети и доминирующие (жесткие) иерархии. Здесь подобная иерархия подавляет ресурсы сети и ее способность к развитию, препятствуя эволюции всей системы. Наконец, сочетание слабо связных сетей и доминирующих иерархий делает подобные системы практически нежизнеспособными.

Так, например, системную организацию понятий А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, содержащую слабо связные горизонтальные сети, но строго обоснованную и динамически развивающуюся иерархию, можно отнести ко 2 типу (Петровский, 1998) (таблица 3).

Таблица 3
Система категорий психологического знания
А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского

Ноосфера						Психо- сфера
Экстрапсихологические категории						
Личность	Идеал	Актив- ность	Логос	Соучаство- вание	Смысл	
Метапсихологические категории						
Я	Ценность	Деятель- ность	Сознание	Общение	Чувство	
Базисные психологические категории						
Индивид	Мотив	Действие	Образ	Отношение	Пережи- вание	
Протопсихологические категории						
Организм	Потреб- ность	Реакция	Сигнал	Различение	Аффлек- тивность	
Биосфера						

Отметим, что система Петровского–Ярошевского построена в русле атомистического (и метафизического в духе В. Соловьева) подхода, проявляющегося в предположении о существовании «молекул» психологического знания (базисные категории), составляющих «организмы» (метапсихологические категории) (там же, с. 15). Такой организмический подход предполагает, что новая совокупность категорий тоже будет являться категорией, но более крупной, подобной гоббсовскому Левиафану, в которую, первые входят как подчиняющиеся части. При этом одновременно авторы указывают на бесперспективность поиска любого рода универсальных «клеточек», содержащих в себе все психические свойства, качества, процессы и т. п. (там же, с. 521). В результате получается, что вместо одноклеточной модели авторы предлагают использовать 24-клеточную, что, по сути, является тем же самым подходом.

Тем не менее, в теоретических основаниях системы Петровского–Ярошевского содержатся и интегративные взгляды, близкие к сетевым. Так, например, рассматривая взаимоотношения между базисными категориями, авторы сравнивают их со лейбницианскими монадами: каждая отражает каждую. А связь базисных и метапсихологических категорий напоминает, с одной стороны, «ожерелье Индры», а с дру-

гой — голографическую модель: «В каждой метапсихологической категории раскрывается некоторая базисная категория через соотнесение ее с другими базисными категориями, (и наоборот. — Т. 3.), часть голограммы (базисная категория) включает в себя целое (метапсихологическая категория)» (Петровский, 1998, с. 17).

Можно заметить также, что в рамках категориальной сетки системы Петровского—Ярошевского в некоторых понятиях просматривается даже определенная «интегральность»: так, например, «соучастование», как его описывают авторы, определяется «прежде всего общением и в то же время несет на себе отпечаток других психологических категорий, таких, как „деятельность“, „Я“, „ценность“, „чувство“» (там же, с. 517), а это категории нижележащего уровня, которые в результате интенсивного совместного взаимодействия и эмерджентного скачка порождают новую категорию «соучастование», не сводимую к сумме этих составляющих.

Учитывая эти сетевые тенденции, попробуем представить исходную систему категорий в виде сетевой модели. Если главной особенностью системы Петровского—Ярошевского является ее иерархическая структура (психосфера надстраивается над биосферой, ноосфера — над психосферой), свойственная для периодов домодерна и последующего модерна, то пост- и метамодерн построены на иных принципах. Они предполагают сетевую и холистический подходы, в соответствии с которыми, как показал К. Уилбер на основе взглядов Уайтхеда, сферы реальности не надстраиваются, а взаимодействуют в общем поле единой психологической реальности как равноправные участники, включая биосферу, психосферу и ноосферу.

Как уже отмечалось выше, С. Л. Рубинштейн еще в 1934 г. предложил модель интеграции в виде взаимосвязанного четырехфакторного пространства психологической науки, пространства, которое образуют неразрывность внутреннего и внешнего, социального и индивидуального в человеке. В соответствии с этой моделью сетевой аналог категориальной системы Петровского—Ярошевского может быть представлен следующим образом (таблица 4).

Поскольку речь идет о построении понятийной системы, то необходимо обсудить вопрос о соотношении психологических представлений, понятий и категорий. Заметим, что связь между понятиями и категориями довольно относительна, поскольку и те, и другие в первую очередь представляют собой классы психических явлений. Различие же между ними состоит в том, что категория охватывает

Таблица 4
Сетевой аналог категориальной системы
А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского

ВНУ- ТРЕН- НЕЕ	ИНДИВИДУАЛЬНОЕ		ВНЕШ- НЕЕ
	ПСИХОСФЕРА индивид мотив образ переживание ...	БИОСФЕРА организм метаболизм рефлекс действие ...	
	НООСФЕРА		
	КУЛЬТУРА личность ценность общение соучастование ...	ОБЩЕСТВО синергия интеракция деятельность сосуществование ...	
	КОЛЛЕКТИВНОЕ		

больший объем явлений и может включать понятия как составную часть, т. е. обладает большей общностью и абстрактностью. Связь же между простыми понятиями и представлениями аналогична отношению между абстрактной фонемой языка как «совокупностью одновременно реализуемых дифференциальных признаков» и конкретными звуками речи, которые ее образуют (Якобсон, 1972, с. 84). Другими словами, объем простого понятия определяется числом входящих в него представлений, а содержание — их объединяющим признаком.

С помощью понятий и категорий система психологического знания предстает в виде многоуровневой холархии, в которой каждый элемент текущего уровня (понятие или категория) входит как конкретная часть в элементы вышележащего уровня и одновременно является абстрактным целым для нижележащих элементов. Такую холархичность в системе языковых единиц отмечал известный лингвист Ю. С. Степанов, который писал, что «соотношение уровней определяется принципом: на конкретном уровне — класс как множество, на абстрактном уровне — класс как целое» (Степанов, 1971, с. 53). Например, класс звуков — фонема — это не звук, а класс психических явлений — некоторое понятие — это не психическое явление.

Таблица 5

Соотношение между представлениями, понятиями и категориями в зависимости от уровня охвата психологической реальности

Уровень	Содержание	Объем
V	Метакатегории	Классы сложных категорий
IV	Сложные категории	Классы простых категорий + простые категории
III	Простые категории	Классы сложных понятий
II	Сложные понятия	Классы простых понятий + простые понятия
I	Простые понятия	Классы представлений

В таблице 5 представлены наиболее важные, на наш взгляд, соотношения между понятиями и категориями, среди которых мы выделили пять уровней в зависимости от степени охвата психологической реальности.

С точки зрения метамодернистских взглядов на организацию психологического знания особого внимания заслуживает понятие «оппонентного круга», введенного М. Г. Ярошевским, под которым подразумеваются особые «круги значимых других, в полемике с которыми ученый испытывает как собственные, так и чужие представления и гипотезы, создавая благодаря этому, если конфликт носит продуктивный характер, новое знание» (Ярошевский, 1993, с. 36). Это понятие фактически выражает основную идею сетевого подхода, обеспечивая, с одной стороны, интрасубъектность – внутренний взгляд разработчика концепции, который опираясь на семантику других теорий, осмысливает семантику собственной. И с другой стороны, интересубъектность, характеризующую внешний, критический взгляд аналитика, который упорядочивает свое знание, рассматривая его со стороны синтаксиса и логики встраивания в систему других знаний. Такой подход развивался нами в ряде предыдущих работ (Зеленкова, 2009, 2021), где мы рассматривали возникающие границы как интерфейсы потенциального бесконфликтного взаимодействия между исследователями и последующей интеграции их знаний.

Заключение

Остановимся на двух нетривиальных вопросах, поскольку они занимали умы выдающихся советских ученых, исследующих различные

аспекты человеческой психики и поведения, и привели их к сходным результатам.

Первым из таких вопросов является моделирование высших психических процессов, которому уделяли большое внимание Ю. М. Лотман и Н. А. Бернштейн. Лотмана в первую очередь интересовала проблема создания «мыслящего устройства», чтобы по-новому взглянуть на понимание искусственного интеллекта, не имитируя тот или иной частный аспект разумной деятельности, а моделируя целиком весь интеллект. Здесь Лотман, рассматривая мозг как биполярную структуру, один из полюсов которой связан с дискретными (знаковыми), а другой с непрерывными (символическими) процессами в психике, на несколько лет раньше К. Уилбера формулирует «принцип холярхичности» структуры мозга, отмечая, что «каждая из двух бинарных его структур должна быть одновременно и целым, и частью целого. Идеальной моделью становится триединство, в котором всякое целое есть часть целого более высокого порядка, а всякая часть есть целое на более низком уровне» (Лотман, 1992, с. 30). Такая «нераздельность и неслиянность» уровней мозговой организации «создает высокую концентрацию информации и практически неисчерпаемые резервы нового смыслообразования» (там же).

Благодаря наличию двух полюсов на каждом уровне и отсутствию взаимно-однозначных соответствий между ними, смыслообразование приобретает многоступенчатый, произвольный характер, не предсказуемый автоматическими алгоритмами. Основой смыслообразования на всех уровнях является выбор из многих альтернатив, и именно это делает человека (и модель его интеллекта) разумным. В этом и состоит принципиальное отличие человеческого поведения «от автоматического устройства, не способного уклониться от алгоритма поведения, заданного ему» (там же). Здесь мы видим практически полную аналогию со взглядами Бернштейна на проблему сознания, рассмотренную нами выше и основанную на произвольности.

Бернштейн к аналогичной проблеме моделирования мыслительных операций подошел со стороны разработки машинных переводчиков – программ, имитирующих процессы восприятия и порождения речи человеком. Основным недостатком таких программ, которые с первых шагов на своем пути сразу же столкнулись с непреодолимыми трудностями, Бернштейн считал их опору на глубоко ошибочную, по его мнению, теорию второй сигнальной системы И. П. Павлова, которая «речевую систему, сложнейшую по своей структуре и глубоко-

кому своеобразие отношений между мыслью и словом, представляла как еще одну поэлементную коллекцию – словник, разнесенный по корковым клеткам» (Бернштейн, 1997, с. 436). Не отменяя полностью ее сигнальной функции, Бернштейн отводит ей «лишь частный и наименее значимый участок всей системы» (там же).

Главное же в человеческой речи – это ее структурность, обеспечиваемая специальными «словами-операторами» (по терминологии Бернштейна), которые делают человеческую речь похожей на алгебру, играя роль математических операций сложения, вычитания и др. К таким словам относится служебная лексика (предлоги, союзы, частицы, связки) и средства словообразования (суффиксы, падежные окончания). Эти единицы языка сами не имеют никакого лексического значения, а создают смысловые связи между обычными словами, превращая «словник в речь – орудие познания мира и действия в нем» (там же, с. 437). Отсюда вывод: только «верная действительности, подлинно физиологическая теория речи должна была бы явиться основным фундаментом для создания и программирования машин-переводчиков» (там же, с. 428). Заметим, что такая теория речи так и не создана вплоть до настоящего времени.

Второй вопрос затрагивает фундаментальную проблему активного конструирования образа мира человеком в процессе познания. Одним из первых в советской психологии ее сформулировал Л. С. Выготский, исследуя процессы восприятия и отметив, что «наш опыт заключен между двумя порогами, мы видим лишь маленький отрезок мира; наши чувства дают нам мир в выдержках, извлечениях, важных для нас. Внутри порогов они опять отмечают не все многообразие применений, а переводят их опять через новые пороги. Сознание как бы прыжками следует за природой, с пропусками, пробелами. Психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т. е. субъективно искажать действительность в пользу организма» (Выготский, 1982а, с. 347).

Бернштейн выражается по этому поводу уже более определенно. Он отмечает, что мозг не отражает, а скорее отображает, конструирует образ мира с помощью особых операторов моделирования: «Мозг не запечатлевает поэлементно и пассивно вещественный инвентарь

внешнего мира и не применяет тех примитивных способов разделения этого мира на элементы, какие первыми придут в голову (фразы — на слова, чертежа — на черточки), но налагает на него те операторы, которые моделируют этот мир, отливая модель в последовательно уточняемые и углубляемые формы» (Бернштейн, 1997, с. 415). Особо подчеркивая активность такого моделирования, он говорит о том, что мозг непрерывно исследует мир или с помощью уже ранее установленных систематизирующих закономерностей, или же пытается обнаружить новую закономерность, подмеченную в самом мире. В результате «мозг этим вносит (в мир. — Т. 3.) от себя какое-то количество добавочной информации, но зато получает этой ценой резко сэкономленную количественно, но обогащенную смысловым содержанием информацию об этом (мире. — Т. 3.)» (там же, с. 417).

В заключение приведем высказывание выдающегося писателя и ученого Айзека Азимова: «Наука обретает смысл, когда она рассматривается не как сухая абстрактная схема, а как живой вклад трудов ученых прошлого и настоящего, ныне здравствующих и ушедших. Никакие утверждения, мысли или наблюдения в науке не существуют сами по себе. За каждым из них скрывается тяжкий труд какого-то конкретного человека» (Asimov, 1964, р. X).

Литература

- Бернштейн Н. А.* Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. М.: НПБ им. К. Д. Ушинского РАО, 1962. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/bernshteyn_novye-linii-v-fiziologii_1962/go,2;fs,0 (дата обращения: 14.05.2023).
- Бернштейн Н. А.* Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.
- Бернштейн Н. А.* О ловкости и ее развитии. М.: Физкультура и спорт, 1991.
- Бернштейн Н. А.* Биомеханика и физиология движений. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1997.
- Бернштейн Н. А.* Современные искания в физиологии нервного процесса. М.: Смысл, 2003.
- Брушлинский А. В.* Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 28–40.
- Вермюлен Т., Аккер Р.* Что такое метамодернизм? // Двоеточие. 2014. № 23. URL: <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism> (дата обращения: 17.05.2023).
- Волошинов М. Н., Бахтин М. М.* Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993.

- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982а. Т. 1. Проблемы общей психологии. С. 5–361.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982б. Т. 2. Вопросы теории и истории психологии. С. 291–436.
- Выготский Л. С.* Лекции по педологии. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001.
- Гельфанд И. М., Цетлин М. Л.* О некоторых способах управления сложными системами // Успехи мат. наук. 1962. Т. 17. Вып. 1. С. 3–25.
- Еськов В. М.* и др. Гипотеза Н. А. Бернштейна и реальный хаос гомеостатических систем в психологии // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. «Психология». 2017. № 3. С. 22–38.
- Заде Л.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976.
- Зеленкова Т. В.* Прогрессивные тенденции развития психологии в контексте интеграционных процессов в современной науке // Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 32–62.
- Зеленкова Т. В.* Образ мира в контексте позитивного постмодернизма // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 170–195.
- Зеленкова Т. В.* Разнообразие психологических данных и проблема систематизации видов психологического знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 137–159.
- Князева Е. Н.* Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.—СПб.: центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Лотман Ю. М.* Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.
- Петерс Э.* Хаос и порядок на рынках капитала. М.: Мир, 2000.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.

- Рубинштейн С. Л.* О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира // С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АПН СССР, 1959а. С. 7–22.
- Рубинштейн С. Л.* Проблема сознания и деятельности в истории советской психологии // С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АПН СССР, 1959б. С. 249–255.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М: Педагогика, 1973а. С. 19–46.
- Рубинштейн С. Л.* Пути и достижения советской психологии: О сознании и деятельности человека // С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Педагогика, 1973б. С. 136–158.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Степанов Ю. С.* Семиотика. М.: Наука, 1971.
- Степин В. С.* Смена типов научной рациональности // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 1. «Методологические вопросы». М.: МГСУ «Союз», 1997. С. 108–121.
- Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
- Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. М.: Росспэн, 2011.
- Талбот М.* Голографическая Вселенная. М.: София, 2004.
- Уилбер К.* Интегральная психология. М.: АСТ и др., 2004.
- Ухтомский А. А.* 15 лет советской физиологии. М.–Л.: ОГИЗ–Медгиз, 1933.
- Ухтомский А. А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
- Шпенглер О.* Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998.
- Якобсон Р.* К вопросу о зрительных и слуховых знаках // Семиотика и искусствометрия. М.: Мир, 1972. С. 82–87.
- Ярошевский М. Г. Л. С.* Выготский: в поисках новой психологии. СПб.: Международный фонд истории науки, 1993.
- Asimov I.* Adding a Dimension: Seventeen Essays on the History of Science. New York, 1964.
- Wilber K.* Introduction to Excerpts, from Volume 2 of the Kosmos Trilogy, 2017. URL: <https://web.archive.org/web/20060528132300/http://wilber.shambhala.com/html/books/kosmos> (дата обращения: 06.03.2023).

Биографии отечественных психологов как предмет историко-психологического исследования (краткий путеводитель)¹

С. А. Богданчиков

Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы подняться ее в высь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги. Но изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие.

И. П. Павлов. Письмо к молодежи (1936/1949)

Постановка проблемы

Сколько в современной российской историографии психологии имеется книг, которые мы могли бы считать полноценными (отвечающими всем формальным требованиям) научными биографиями отечественных психологов? Очевидно, ответ на этот вопрос зависит не только от конкретной эмпирии (т. е. от фактически имеющихся публикаций), но и от уровня и характера самих требований, другими словами, от изначально заданных — выраженных в явной форме или только подразумеваемых — критериев отбора и оценки.

В частности, что мы должны в данном случае понимать под книгой? Сознательно сужая критерии, можно отличать «полновесную»

¹ Автор выражает благодарность Наталье Анатольевне Логиновой за статью о биографических исследованиях истории психологии — данная статья послужила для меня конкретным примером, точкой отсчета и пусковым механизмом для начала работы над научными биографиями отечественных психологов. Я также признателен своим коллегам Наталье Юрьевне Стоюхиной и Марине Юрьевне Сорокиной за ценные советы и конкретную помощь в деле поиска и интерпретации первоисточников.

(например, объемом не менее ста пятидесяти или двухсот страниц) книгу с биографией ученого от других, менее «весомых» видов печатной продукции — небольшой брошюры в мягком переплете, тематического (подготовленного к юбилею ученого) номера научного журнала, книги с всесторонним изложением и анализом теоретических взглядов ученого (что по умолчанию подразумевает более-менее развернутую биографическую составляющую), многостраничной персоналии в электронном или бумажном справочнике и т. д. Общее количество обнаруженных биографий при таком подходе будет, очевидно, минимальным.

Если же, предельно расширяя критерии отбора, не выдвигать жестких требований к структуре и содержанию публикации и обращать внимание только на объем публикации, то под понятие «научная биография» («биография ученого», «интеллектуальная биография») подпадет не только солидная (объемом в несколько сот страниц) монография, написанная одним автором, но и другие, столь же внушительные печатные издания с твердой обложкой — коллективная монография об ученом и его наследии; тезисы и доклады посвященной юбилею ученого научной конференции; подборка биографических материалов в регулярно организуемых в память ученого «Чтениях»; не претендующий на создание целостной картины жизни ученого, но в то же время весьма информативный сборник разноплановых статей и очерков об ученом одного или нескольких авторов (актуальный пример такого рода публикаций из области философии — издаваемые Некоммерческим научным фондом «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого» книги серий «Философия России первой половины XX века» и «Философия России второй половины XX века»); диссертация о жизни и деятельности ученого... В этом случае итоговый список оказывается предельно широким.

Не менее важно с самого начала определиться и с понятием «научная биография» — соотнося его с близкими по смыслу понятиями и выражениями «интеллектуальная биография», «психобиография» и «психография», противопоставляя научную биографию биографии художественной, документальной или научно-популярной, оценивая — по исходному объекту и конечному результату, по применяемым методам и поставленным задачам — степень научности той или иной биографии, обосновывая выделение присущих научной биографии обязательных структурных элементов (без которых она уже не может считаться таковой) и т. д.

Еще одна большая проблема, с которой приходится иметь дело на всех этапах исследования – выяснение того, насколько та или иная биография ученого является его биографией именно как психолога (а не как физиолога, философа, педагога или, скажем, психиатра). Элегантным образом этот гордиев узел в свое время разрубили С. А. Чеснокова и М. Г. Ярошевский – авторы книги об Уолтере Кенноне (1976). В предисловии мы читаем: «О самом Кенноне не написано ни одной книги ни на его родине, ни в другой стране. Приступив к изучению его биографии, авторы разделили материал таким образом, чтобы один из них, будучи психологом и науковедом, рассмотрел кенноновские работы, носящие преимущественно методологический характер и тесно связанные с проблемами теории и психологии научного творчества. На долю другого автора – физиолога по специальности – выпала работа над физиологическими трудами Кеннона. Соответственно, „Введение“ и главы 1, 4, 6, 9, 10 написаны М. Г. Ярошевским, а главы 2, 3, 5, 7 и 8 – С. А. Чесноковой» (Ярошевский, Чеснокова, 1976, с. 6). Блестящим примером слаженной работы большого авторского коллектива при написании непростой научной биографии может служить книга «Иван Михайлович Сеченов. К 150-летию со дня рождения» (1980).

Наконец, следует учитывать и хронологические рамки жизнеописания: ведь в книге речь может идти не о всей жизни ученого, а только об одном из периодов или значимых эпизодах его жизни и деятельности. Такова, например, книга «Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость» К. А. Абульхановой и А. Н. Славской (2010). Из зарубежных книг можно назвать биографию молодого Лютера, с психоаналитических позиций написанную Э. Эриксоном (1996).

Думается, нет нужды специально доказывать, что все вышеуказанные обстоятельства в итоге могут порождать (и порождают!) бесчисленное количество вариаций (и, как следствие, трудностей) при определении объекта исследования, т. е. исходного списка имеющихся научных биографий. А ведь это только начало пути, только, метафорически выражаясь, вершина айсберга!

Не вдаваясь на начальном этапе исследования в означенные методологические тонкости, терминологические нюансы и чисто технические детали, которые рано или поздно, конечно, должны стать темой самостоятельного углубленного исследования, попробуем в данной статье подойти к вопросу о научных биографиях отечественных психологов с другой стороны – отталкиваясь не от понятий и общих рассуждений о критериях и параметрах, а от фактов.

Чисто методически это означает, что мы будем исходить из конкретных эмпирических данных (т. е. из имеющихся в нашем распоряжении, доступных нам научных биографий), руководствуясь самым общим пониманием научной биографии — как биографии ученого, изданной в виде книги с однозначными формулировками в выходных данных («научная биография», «интеллектуальная биография», «жизнь и деятельность» и т. п.) и соответствующим своему названию и жанру содержанием: в книге подробно описывается жизненный и творческий путь ученого, раскрываются этапы его научной деятельности, оценивается вклад в науку.

Итак, научная биография — это биография *ученого*, написанная *ученым* (учеными) и *для ученых*. Мы полагаем, что в нашем случае этого определения будет вполне достаточно для поиска ответа на поставленный в начале статьи вопрос.

Точка отсчета

При рассмотрении вопроса о научных биографиях отечественных психологов в плане эмпирии мы решили за точку отсчета взять недавно вышедшую статью «Биографические исследования истории психологии» (2022) доктора психологических наук, профессора Н. А. Логиновой — петербургского историка психологии, известного своими работами о биографическом методе в психологии, а также статьями и книгами о своем учителе — Б. Г. Ананьеве. Здесь нелишне напомнить, что еще в 1975 г. Н. А. Логинова защитила кандидатскую диссертацию «Биографический метод в психологии и смежных науках», а в 1991 г. — докторскую диссертацию «Становление комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева».

Мы полагаем, что статья Н. А. Логиновой в силу своей многоплановости (комплексный подход в действии!) и подчеркнута проблемной направленности в настоящее время может рассматриваться в качестве полноценного методологического и методического введения в проблему «научные биографии отечественных психологов».

Вкратце ознакомимся с основными идеями статьи.

Статья начинается с уточнения понятия «психобиография» (Логинова, 2022, с. 39), далее выделяются (с приведением конкретных примеров) три функции психобиографического исследования — исследовательская, прагматическая (пропагандистская) и воспитательная (там же, с. 39–41), затем описываются три этапа деятельности

психолога-биографа: сначала осуществляется выбор объекта исследования – конкретной значимой персоны, затем идет поиск и анализ текстов и других биографических источников; на третьем, завершающем этапе «решается ответственная задача – как можно объективнее оценить индивидуальность и жизненный путь ученого, его вклад и место в истории науки, перспективность теории, исследовательских программ и отдельных идей» (там же, с. 41).

При обсуждении в статье вопроса о видах и жанрах биографических публикаций различаются биографии научные, хроникально-документальные, научно-популярные и художественные (там же, с. 42).

Отмечая, что «в наше время чаще стали появляться публикации российских психологов на биографические темы» (там же, с. 39), что «в российской психологической литературе накапливаются научные биографии» (там же, с. 42), Н. А. Логинова в самых общих чертах затрагивает интересующий нас вопрос – о биографиях отечественных психологов. В связи с этим мы встречаем в статье упоминания о ряде значимых фигур в истории советской психологии и посвященных им публикациях – биографиях и автобиографиях.

Ссылаясь на статью М. Г. Ярошевского (1973) о трехаспектности науки («по М. Г. Ярошевскому, есть три аспекта, или три измерения научного развития: предметно-логический, социально-исторический и личностно-биографический», – Логинова, 2022, с. 39), Н. А. Логинова переносит идею трехаспектности на изучение биографий: «Исходя из представления о трехмерности научного развития, в биографии сочетают факты и интерпретации всех трех измерений» (там же, с. 42). В соответствии с таким подходом в структуре опубликованных научных биографий предлагается различать три «тематические линии» – «личную», «творчество ученого» и «влияние ученого на социум» (там же, с. 42–43).

Далее в статье формулируется еще один интересный тезис – о том, что на данный момент уже «сложилась целая научная отрасль – биографическая психология, располагающаяся на границе с экзистенциальной, возрастной, социальной, исторической психологией, а также с исторической наукой и другими гуманитарными науками – философией, социологией, литературоведением, искусствоведением» (там же, с. 45).

В двух последних параграфах (там же, с. 43–47) (на долю которых, заметим в скобках, приходится больше половины всей статьи), на конкретном материале научной биографии Б. Г. Ананьева раскрываются

два вопроса – «Источники биографического исследования» и «Обработка и интерпретация эмпирического материала».

Таким образом, в рассматриваемой статье можно выделить три большие проблемы (три блока проблем): во-первых, обсуждается понятие «психобиография» (фактически отождествляемое с понятием «научная биография»), описываются виды и функции научной биографии, а также этапы и задачи научно-биографического исследования; во-вторых, кратко (очевидно, ни в коей мере не претендуя на полноту) перечисляются и – надо сказать, весьма скупое – оцениваются имеющиеся в отечественной (советской, постсоветской, современной) литературе научные биографии психологов; в-третьих, Н. А. Логинова достаточно подробно обсуждает вопросы и результаты своего изучения научной биографии Б. Г. Ананьева. Судя по количеству страниц, основное внимание в статье уделяется третьей проблеме.

Не ставя перед собой задачи подробно рассмотреть каждую из этих проблем, в данном случае мы сосредоточим свое внимание на выяснении того, о каких именно источниках речь идет при обсуждении второй проблемы – относительно имеющихся в отечественной литературе научных биографий российских психологов. Список здесь получается не очень большой. Это две книги о С. Л. Рубинштейне – К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинского (1989) и А. Н. Славской (2015); книга Г. Л. Выгодской и Т. М. Лифановой о Л. С. Выготском (1996); книга А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева и Е. Е. Соколовой о А. Н. Леонтьеве (2005); книга К. С. Маслова о А. А. Крогиусе (2014); книга Н. А. Логиновой о Б. Г. Ананьеве (2006); две брошюры В. Н. Мясищевой о В. М. Бехтерева (1953, 1956). Кроме того, упоминаются три автобиографии – В. М. Бехтерева (1928), А. Р. Лурии (1982) и К. К. Платонова (2005). Таким образом, перед нами список из *одинадцати* источников, в котором указаны книги и брошюры с биографиями и автобиографиями *восьми* отечественных психологов – Б. Г. Ананьева, В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, А. А. Крогиуса, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, С. Л. Рубинштейна и К. К. Платонова.

Оценивая эту несложную арифметику и судя об основной направленности статьи, мы должны отдавать себе отчет в том, что Н. А. Логинова не ставила перед собой задачу предложить исчерпывающий список всех имеющихся на данный момент научных биографий отечественных психологов. Мы же, со своей стороны, ставя вопрос о научных биографиях на передний план, здесь и сейчас выдвигаем тезис о том, что при целенаправленном рассмотрении итоговый список книг

с научными биографиями отечественных психологов может и должен быть существенным образом уточнен и дополнен как по персонам, так и по посвященным им книгам.

Нет смысла пытаться сходу объять необъятное (тем более – находясь в начале пути), поэтому мы, упрощая себе задачу, сознательно сузили объект исследования до разумных пределов. Это выразилось в том, что при построении списка мы на первом этапе *не учитывали* статьи, диссертации и авторефераты диссертаций отечественных авторов (ибо нас интересовали только книги); помимо этого, мы вообще не касались зарубежных публикаций. Но на втором этапе (определившись со списком) мы сочли необходимым дополнить список найденных научных биографий целым рядом значимых отечественных публикаций, которые при создании полноценных научных биографий обязательно должны, с нашей точки зрения, учитываться в качестве важных источников информации и необходимых подготовительных материалов – в виде отдельных фрагментов-«кирпичиков» (информации о конкретных событиях, датах, фактах, идеях), уже готовых массивных «строительных блоков» (параграфов, глав, библиографических списков, сводных таблиц, хронологических указателей и т. д.) или же в виде требующих определенной доработки текстов-«полуфабрикатов».

Восемь научных биографий

Вначале посмотрим, как обстоит дело с указанными в статье Н. А. Логиновой научными биографиями восьми отечественных психологов.

Безусловно, книга Г. Л. Выгодской и Т. М. Лифановой «Лев Семёнович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету» (1996), одним из соавторов которой была Г. Л. Выгодская – дочь Л. С. Выготского, была и остается (и долго еще, по-видимому, будет оставаться) для всех нас стимулирующим образцом и главным источником сведений о жизненном пути и творческой деятельности Л. С. Выготского. Но, помимо этой замечательной во всех отношениях книги, при изучении биографии Л. С. Выготского мы должны иметь в виду, что есть *еще три книги* о Л. С. Выготском, написанные в жанре научной биографии и опубликованные в конце 1980–начале 1990-х гг.: это две книги М. Г. Ярошевского (Ярошевский, 1993; Yaroshevsky, 1989) (см. также второе и третье издания этой книги – Ярошевский, 2007, 2013 – с предисловием Е. Е. Соколовой) и книга А. А. Леонтьева (Леонтьев, 1990).

В качестве *дополнительных* материалов к научной биографии Л. С. Выготского мы настоятельно рекомендуем использовать еще два весьма информативных источника: подготовленные Екатериной Завершневой и Рене ван дер Веером «Записные книжки Л. С. Выготского» (2017) (во многом проясняющие начальный период творчества и генезис мировоззрения Л. С. Выготского), а также удачную подборку ранее публиковавшихся статей о Л. С. Выготском в сборнике «Философия психологии» (2016, с. 220–304). В этом сборнике, вышедшем в серии «Философия России первой половины XX века», содержатся статьи о жизни и творчестве пяти отечественных психологов – Г. И. Челпанова, В. В. Зеньковского, П. П. Блонского, Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна; философско-психологические взгляды Л. С. Выготского реконструируются и интерпретируются в статьях В. П. Зинченко (2016), П. Г. Щедровицкого (2016), М. Г. Ярошевского (2016) и С. Тулина (2016). Кроме того, к этим статьям в сборнике имеются два важных дополнения – «Хроника жизни и творчества Л. С. Выготского» и «Библиография трудов Выготского», что в итоге позволяет читателю сформировать достаточно полное и разностороннее представление о Л. С. Выготском как об одной из ключевых фигур в процессе становления советской психологии и формировании ее методологических основ в 1920–1930-е годы.

О *А. Р. Лурии*, помимо его автобиографии «Этапы пройденного пути» (1982), в отечественной историографии на самом деле имеется еще ряд весьма ценных книг и юбилейных журнальных публикаций. Прежде всего это великолепная (практически по всем параметрам образцовая) книга Е. Д. Хомской «Александр Романович Лурия. Научная биография» (1992), а также насыщенная массой житейских подробностей и личных воспоминаний (и вместе с тем хорошо структурированная) книга Елены Александровны Лурии «Мой отец А. Р. Лурия» (1994).

Множество интереснейшего биографического материала о А. Р. Лурии содержат посвященные ему юбилейные выпуски журналов «Вопросы психологии» (К 100-летию со дня рождения А. Р. Лурии, 2002) и «Вестник Московского университета» (К 90-летию со дня рождения А. Р. Лурии, 1992; К 100-летию со дня рождения А. Р. Лурии, 2002; К 110-летию со дня рождения Александра Романовича Лурии, 2012), а также вышедшие в 2002–2008 гг. книги А. Р. Лурии «Природа человеческих конфликтов» (2002) (с четырьмя значимыми с историко-психологической точки зрения источниками: тремя (!) предислови-

ями – предисловием М. Коула к книге и предисловиями А. Мейера и А. Р. Лурии к первому американскому изданию, а также с послесловием научного редактора – В. И. Белопольского), «Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии» (2003) (с предисловием Ж. М. Глозман, а также с тщательнейшим образом отредактированным Д. А. Леонтьевым списком научных работ А. Р. Лурии), «Лекции по общей психологии» (Лурия, 2004, 2007) (с предисловием Е. Д. Хомской) и «Высшие корковые функции человека» (Лурия, 2008) (с предисловием «От научного редактора» Л. И. Московичюте).

Среди других книг о А. Р. Лурии отметим отлично написанные (научно-популярные не только по замыслу, но и по исполнению) брошюры К. Е. Левитина «Мимолетный узор» (1978, 1997) и «Личностью не рождаются» (1990), которые можно охарактеризовать как материалы к биографии А. Р. Лурии и развиваемой им нейропсихологии, а также материалы к советской психологии в целом, одним из творцов которой, несомненно, был А. Р. Лурия.

В совокупности эти источники (еще раз подчеркнем, что мы не затрагиваем публикации зарубежных авторов) дают нам, пожалуй, если не исчерпывающую, то во всяком случае самую необходимую информацию о А. Р. Лурии как о выдающемся отечественном психологе – теоретике и экспериментаторе, учителе и практике, человеке и гражданине.

Переходя к научной биографии *А. Н. Леонтьева*, следует отметить, что также как и книга Г. Л. Выгодской и Т. М. Лифановой о Л. С. Выготском (1996), книга А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева и Е. Е. Соколовой «Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность» (2005) является еще одним конкретным примером образцово написанной научной биографии. Нам остается только указать на большое количество дополнительных материалов – различных публикаций (журнальных статей, сборников, монографий), посвященных А. Н. Леонтьеву, но прежде всего мы должны иметь в виду опубликованные за последние тридцать лет работы А. Н. Леонтьева, содержащие ценные дополнительные сведения о нем как ученом и человеке советской эпохи (см., в частности, вводные статьи и комментарии в книгах (Леонтьев, 1994, 2000, 2003, 2004, 2012; Психологическая теория деятельности, 2006; Соколова, 2023; Традиции и перспективы деятельностного подхода, 1999; и др.).

О *С. Л. Рубинштейне* в статье Н. А. Логиновой указываются две книги – о философско-психологической концепции С. Л. Рубинштей-

на (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989) и об основах и этапах научного творчества С. Л. Рубинштейна (Славская, 2015). Уже по названию этих книг видно, что собственно биография С. Л. Рубинштейна в них стоит все же не на первом месте: в этих книгах прежде всего осуществляется глубокий анализ развития философских, методологических и собственно психологических взглядов С. Л. Рубинштейна на различных этапах его жизненного пути.

Помимо этих книг, мы можем указать еще пять источников, содержащих существенные дополнительные материалы к научной биографии С. Л. Рубинштейна.

Книга К. А. Абульхановой и А. Н. Славской «Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость» (2010) является, по сути, художественной биографией, причем в ней описывается, как это видно из названия, начальный период биографии С. Л. Рубинштейна. Надо сказать, что художественная биография психолога – жанр весьма редкий в нашей науке (в качестве яркого примера можно вспомнить написанный Ж. П. Сартром сценарий для фильма о Фрейте, 1992). Еще четыре источника – «Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы» (1989) (в серии «Ученые СССР. Очерки, воспоминания, материалы»), «Сергей Леонидович Рубинштейн» (2010) и «Философия психологии» (2016) (обе книги – в серии «Философия России второй половины XX века») и «Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна» (2011) (в серии «Методология, теория и история психологии») – при всей их содержательной значимости также никак нельзя назвать в полном смысле слова научными биографиями, так как фактически они являются сборниками статей и очерков многих авторов, освещающих самые разные аспекты биографии, а также философских и психологических взглядов С. Л. Рубинштейна. Примерно теми же словами можно охарактеризовать и гигантский (в шести томах!) сборник «Психология человека в современном мире», содержащий материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна (2009).

Обозревая книги о С. Л. Рубинштейне, рискуем сделать вывод, что, как это ни парадоксально, полноценная научная биография С. Л. Рубинштейна до сих пор еще не написана: книги о С. Л. Рубинштейне, аналогичной упомянутым выше научным биографиям Л. С. Выготского (Выгодская, Лифанова, 1996), А. Н. Леонтьева (Леонтьев А. А. и др., 2005) и А. Р. Лурии (Хомская, 1992), все еще не создано.

О *Б. Г. Ананьеве*, помимо книги Н. А. Логиновой «Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы» (2006), следует указать еще несколько дополнительных информативных публикаций, в большинстве своем также подготовленных Н. А. Логиновой.

В книге Н. А. Логиновой «Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева» (2005) последние три главы посвящены формированию научной школы Б. Г. Ананьева, концептуальной системе Б. Г. Ананьева и комплексным исследованиям индивидуальности, проводимым под его руководством в 1963–1972 гг. Кроме того, в этой книге с историко-научной точки зрения большой интерес представляют, наряду со списком архивных материалов (Логинова, 2005, с. 244–246), содержащиеся в приложении 2 «Автобиографические материалы Б. Г. Ананьева и воспоминания о нем»: «Жизнеописание Б. Г. Ананьева, сделанное им собственноручно в 1933 г.» (там же, с. 271–273), ранее не публиковавшиеся «Воспоминания А. А. Бодалева о Б. Г. Ананьеве» (там же, с. 274–276) и «Мои воспоминания об отце» Н. Б. Ананьевой (там же, с. 277–282).

Оценивая капитальную монографию Н. А. Логиновой «Антропологическая психология Бориса Ананьева» (2016), направленную преимущественно на освещение вопросов теории, надо иметь в виду, что в этой книге, помимо чисто теоретических глав, содержится также глава, которая представляет собой обширный биографический очерк Б. Г. Ананьева (Логинова, 2016, с. 9–51), куда включены уникальные фотографии из семейного альбома (Б. Г. Ананьев – ученик реального училища, молодой ученый в 1932 г., среди сотрудников Института мозга в 1935 г., с женой и дочерью в 1951 г. и др.). Кроме того, наряду с перечисленными работами и в настоящее время большое значение имеет составленный Н. А. Логиновой в 2007 г. биобиблиографический указатель работ Б. Г. Ананьева (Борис Герасимович Ананьев, 2007).

Ценные сведения о Б. Г. Ананьеве и его школе (в особенности в период 1940–1950-х годов) мы обнаруживаем в книге «Становление психологической школы Б. Г. Ананьева» (2003) Е. И. Степановой – «ученицы, соратника и продолжателя идей Б. Г. Ананьева» (Степанова, 2003, с. 5). В этой книге большой исторический интерес представляют не только главы, рассказывающие о том, как складывалась школа Б. Г. Ананьева, но и раздел «Приложения», где приводятся «Уточненный и дополненный список научных трудов Б. Г. Ананьева» (189 источников) (там же, с. 195–207), письма А. А. Смирнова и Н. Ф. Доб-

рынина Е. И. Степановой (там же, с. 208–209), список научных конференций и съездов психологов (1945–1993) (там же, с. 210–211), составленный Б. Г. Ананьевым план исследования интеллекта взрослых (1968) (там же, с. 212–213) и некролог Б. Г. Ананьева, помещенный в «Ленинградской правде» 20 мая 1972 г. (там же, с. 214–215).

Особое место среди публикаций, посвященных Б. Г. Ананьеву, занимает вышедший в 2008 г. сборник «Методология комплексного человекознания и современная психология», подготовленный по материалам конференции, приуроченной к столетию Б. Г. Ананьева. Сборник открывается статьей А. Л. Журавлева и В. А. Кольцовой об уникальности научного подхода Б. Г. Ананьева. Далее в четырех разделах оценивается вклад Б. Г. Ананьева в становление комплексного человекознания и формирование Ленинградской научной школы психологии (в первом разделе), рассматриваются различные аспекты проблемы личности и субъекта в концепции Б. Г. Ананьева и в современной психологии (во втором разделе), вопросам психологии развития посвящен третий раздел, в четвертом разделе обсуждаются вопросы реализации принципов комплексного человекознания в современной психологической науке. Всего в данном сборнике опубликовано свыше семидесяти статей (в дополнение к ним см. также подборку статей под рубрикой «К 100-летию со дня рождения Б. Г. Ананьева» в «Психологическом журнале» за 2007 г., т. 28, № 5, с. 32–110).

О жизни и творчестве еще одного выдающегося психолога — К. К. Платонова мы можем узнать из его автобиографии «Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога)» (2005) (при чтении этой книги невольно возникает подозрение, что К. К. Платонов еще с 1920-х годов вел достаточно подробные дневниковые записи, в итоге позволившие ему на завершающем этапе своей профессиональной карьеры создать интереснейший, насыщенный множеством подробностей рассказ не только о своей жизни и профессиональной деятельности, но и о развитии советской психологии в целом).

Не будем забывать и о вышедшей в 2007 г. книге «К. К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века», содержащей материалы юбилейной научной конференции, проходившей в Институте психологии РАН 22 июня 2006 г. и посвященной столетию со дня рождения К. К. Платонова. В этой книге, состоящей из трех разделов, силами большого коллектива отечественных авторов (в книге представлены двадцать четыре статьи тридцати одного автора) описываются

ся и анализируются методологические и общетеоретические взгляды К. К. Платонова и их развитие в современной психологии (в первом разделе), оценивается вклад К. К. Платонова в развитие различных областей психологии (во втором разделе), рассматриваются некоторые вопросы исследования психологии личности (в третьем разделе).

Принципиальное значение в данной публикации имеет вводная статья «Основные направления исследований К. К. Платонова и их развитие в современной психологии» ответственных редакторов сборника – А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой и Т. И. Артемьевой (К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века, 2007, с. 9–17). Завершая статью, ее авторы отмечают: «Проведенная научная конференция, а также представленные в данной книге материалы, конечно, не смогли охватить все направления деятельности К. К. Платонова. Все, кто хорошо знал Константина Константиновича, многократно убеждались в энциклопедическом характере его ума (интеллекта). Многие из его наследия еще профессионально не осмыслены. В перспективе историкам психологии предстоит большая работа по анализу и представлению его плодотворных научных идей, ожидающих своего использования и развития в современной психологии» (там же, с. 17).

Для нас эти слова и сегодня важны, их можно, как нам думается, с полным правом обобщить: историкам отечественной психологии еще предстоит большая работа по анализу, осмыслению и развитию плодотворных научных идей, наработанных в свое время не только К. К. Платоновым, но и многими другими выдающимися отечественными психологами, творившими в советский период. На примере анализа психологического наследия К. К. Платонова хорошо видно, что нам есть с чем работать и на что опираться в своем движении вперед.

К счастью, в настоящее время полноценная научная биография К. К. Платонова уже написана. Мы имеем в виду вышедшую в 2016 г. в издательстве «Института психологии РАН» в серии «Методология, теория и история психологии» книгу Т. В. Зверевой и О. Г. Носковой «Психологическое наследие К. К. Платонова».

В предисловии указано, что «в основу книги положена кандидатская диссертация Т. В. Зверевой, защищенная в МосГУ в 2012 г. на тему «Система психологических взглядов К. К. Платонова», научный руководитель – О. Г. Носкова». Данное обстоятельство подразумевает высокий уровень работы с материалом и хорошо продуманные, логи-

чески и эмпирически обоснованные результаты и выводы. И действительно, книга Т. В. Зверевой и О. Г. Носковой является примером адекватного использования и оптимального сочетания исследовательских методов на всех этапах исследования — в ходе тщательного поиска и отбора исходной эмпирии, последующего упорядочивающего описания и детальной аналитики имеющегося в наличии и доступного для изучения материала. О содержании и логической структуре книги можно судить по названию пяти глав: 1) «Изучение персоналий в историко-психологических исследованиях: подходы и методы»; 2) «Жизненный путь, этапы профессиональной деятельности К. К. Платонова»; 3) Интенсивность научной деятельности К. К. Платонова и ее тематика на разных этапах жизни»; 4) «Систематизация психологического наследия К. К. Платонова по разным темам и направлениям»; 5) «Эпистолярное наследие К. К. Платонова как источник знаний о его личности и творчестве. Характеристика научной школы К. К. Платонова».

Нельзя не отметить при этом очень важную роль, которую в данной книге играет раздел «Приложения», занимающий почти треть объема (Зверева, Носкова, с. 150–213) и включающий в себя семь насыщенных конкретными историческими сведениями приложений: 1) «Научные публикации по психологии К. К. Платонова», 2) «Список основных научных докладов и выступлений по психологии труда и авиационной психологии К. К. Платонова (1930–1963) (Фонд К. К. Платонова, архив ИП РАН)»; 3) «Дополнение к списку работ К. К. Платонова»; 4) «Система проблем психологии труда (Платонов, Казаков, 1980); 5) «Диссертации, выполненные под руководством К. К. Платонова»; 6) «Публикации о К. К. Платонове и его научном наследии»; 7) «„Карта личности“ и инструкция к ее заполнению, изданная на правах рукописи сектором психологии Института философии АН СССР в 1967 г.».

Упомянутая Н. А. Логиновой книга К. С. Маслова о А. А. Крогиуса (Маслов, 2014) существенным образом восполняет пробелы в наших знаниях об этом замечательном ученом. Позиция автора ясно выражена в начале книги: «Мы даем биографию А. А. Крогиуса на широком фоне развития психологии (и психологии слепых), и, порой, быть может, даже „растворяем“ его жизнь в жизни современной ему науки. Однако автору менее всего хотелось бы, чтобы этот труд рассматривали как учебник по истории психологии слепых. В то же время, автор не стремился представить жизнь А. А. Крогиуса как перечень фактов в хронологическом порядке» (там же, с. 13).

В качестве дополнительного источника к биографии А. А. Крогиуса следует указать книгу А. Л. Южаниновой «История саратовской психологической школы в лицах» (2018), где отдельный параграф посвящен А. А. Крогиусу (Южанинова, 2018, с. 144–179), работавшему в Саратовском университете в 1919–1932 гг. Кроме того, благодаря эффективно используемому А. Л. Южаниновой приему группировки биографий саратовских психологов по поколениям из параграфа «Ученики С. Л. Франка и А. А. Крогиуса: саратовские психологи второго поколения» (там же, с. 180–199) мы узнаём об учениках А. А. Крогиуса – Э. Л. Берковиче, Г. П. Иванове и Н. В. Касаткине.

В целом в книге А. Л. Южаниновой наряду с рассказом о А. А. Крогиусе и его учениках мы находим биографические очерки о многих других психологах, живших и работавших в Саратове – о С. Л. Франке, В. С. Мерлине, И. В. Страхове, Л. П. Добраеве, Н. В. Крогиусе (внуке А. А. Крогиуса), И. Э. Стрелковой (дочери Э. Л. Берковича), Р. Г. Селивановой, Е. И. Гарбере, А. А. Понукалине, Р. Х. Тугушеве, В. В. Козаче и др.

Завершая обзор научно-биографических сведений о восьми отечественных психологах, упомянутых в статье Н. А. Логиновой, сформулируем интересный вопрос: написана ли научная биография *В. М. Бехтерева как психолога?* Характерно, что Н. А. Логинова в своей статье указывает только автобиографию В. М. Бехтерева (1928) и две небольшие и к тому же семидесятилетней давности (!) брошюры В. М. Мясищева о нем (1953, 1956). Складывается впечатление, что научно-биографическая книга о В. М. Бехтереве как психологе до сих пор не написана (т. е. дело обстоит еще хуже, чем с научной биографией С. Л. Рубинштейна). Разумеется, существует множество биографий В. М. Бехтерева и посвященных его творчеству книг (см., например: Акимов, Спивак, 1982; Бальдыш, 1979; Губерман, 1977; Дмитриев, 1960; Козлов, 1928; Левченко, 2003; Мунипов, 1969; Никифоров, 1988, 2015; Осипов, 1947; Сборник, посвященный Владимиру Михайловичу Бехтереву, 1926; Юбилейный сборник трудов по психиатрии и невропатологии, посвященный В. М. Бехтереву, 1903; и др.), в том числе и в серии «Жизнь замечательных людей» (Никифоров, 1986), однако во всех этих книгах, насколько мы можем судить, В. М. Бехтерев показан прежде всего как врач, психиатр и невропатолог, но не как психолог, создатель рефлексологии и организатор научных исследований и мероприятий, на котором, что примечательно, держалась вся психологическая наука в России в первое десятилетие советской власти.

Так что вопрос о научной биографии В. М. Бехтерева как психолога остается открытым. К сожалению, то же самое можно сказать и о многих других наших знаменитых врачах, психиатрах, физиологах, биологах, педагогах и философах, работавших на стыке с психологией – П. К. Анохине, И. С. Бериташвили, Л. В. Занкове, Э. В. Ильенкове, А. С. Макаренко, Л. А. Орбели, И. П. Павлове, А. А. Ухтомском, Г. П. Щедровицком. При желании этот список может быть без особых усилий увеличен в несколько раз.

Еще десять имен

Теперь мы должны хотя бы коротко сказать о книгах, вовсе не упомянутых в статье Н. А. Логиновой. В ходе поисков мы обнаружили следующие большие биографические книги.

О *Н. А. Бернштейне* написаны две прекрасные книги – «Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего» И. М. Фейгенберга (2004) и «Мир как живое движение: Интеллектуальная биография Николая Бернштейна» И. Е. Сироткиной (2020). Обратим внимание на то, что И. Е. Сироткина использует в названии книги выражение «интеллектуальная биография» (вместо привычного для нас выражения «научная биография»), очевидно, ориентируясь на давно сложившиеся в зарубежной историографии традиции и стандарты (еще одним свежим примером интеллектуальной биографии может служить книга А. Ясницкого о Л. С. Выготском – Yasnitsky, 2018).

О *В. С. Мерлине* имеется книга А. И. Щebetенко «Профессор Вольф Соломонович Мерлин. Жизнь в психологии и среди людей (Историко-психологический очерк)» (2016) (обратим внимание на размещенную в книге в качестве предисловия рецензию Е. В. Левченко).

Научной биографией *В. Н. Мясищева* можно считать книгу В. П. Стрельцовой «Психологические воззрения В. Н. Мясищева» (2009) (являющуюся, как и книга Т. В. Зверевой, результатом диссертационного исследования). В монографии Е. В. Левченко «История и теория психологии отношений» творческий путь и концепция В. Н. Мясищева достаточно подробно описаны в шестой главе «Психология отношений человека В. Н. Мясищева» (Левченко, 2003, с. 175–225).

О *И. М. Сеченове* две книги были в свое время написаны М. Г. Ярошевским – «Иван Михайлович Сеченов. 1829–1905» (1968) (в отечественной историографии психологии эту книгу с определенными оговорками следует считать, по-видимому, первой настоящей научной

биографией психолога) и «Сеченов и мировая психологическая мысль» (1981); кроме того, в ранее уже упоминавшейся коллективной монографии «Иван Михайлович Сеченов. К 150-летию со дня рождения» (1980) И. М. Сеченов показан во всех аспектах своей многогранной научной и общественно-политической деятельности.

О *И. А. Сикорском* имеется книга В. И. Менжулина «Другой Сикорский. Неудобные страницы истории психиатрии» (2004). В этой увлекательно написанной книге речь идет преимущественно о И. А. Сикорском как о человеке и гражданине, о его общественно-политических взглядах и убеждениях. Подробно рассматриваются такие вопросы, как взаимоотношения И. А. Сикорского с властями и коллегами, его националистические и расистские установки, участие в качестве эксперта в деле Бейлиса и т. п. Но сведения о И. А. Сикорском как психологе в книге минимальны (да и как психиатре при чтении книги не складывается целостного представления).

Между тем у нас есть все основания не обходить вопрос о месте и роли И. А. Сикорского в истории российской психологии – достаточно сослаться на его оригинальные (хотя и далеко не бесспорные из-за субъективных идеологических предпочтений и уклона в сторону психиатрии) книги «Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении» (Сикорский, 1904, 1912, 2022), «Начатки психологии» (Сикорский, 1909) и «Душа ребенка» (Сикорский, 1909). На самом деле уже есть две кандидатские диссертации, посвященные И. А. Сикорскому-психологу – Е. Б. Мурзиной (2011) и Д. С. Тимофеева (1995), но до издания монографий у этих авторов дело, к сожалению, не дошло – в отличие от ранее упомянутых диссертаций Т. В. Зверевой и В. П. Стрельцовой,

Из книг о *Г. И. Челпанове*, выполненных в жанре научной биографии, следует указать книгу Н. К. Аджавенко «Георгий Челпанов. Жизненный путь и научный подвиг» (2012), а также книгу И. В. Гладковой «Георгий Челпанов. Интеллектуальная биография и философия» (2005).

О *А. А. Ухтомском* имеется книга С. Е. Резника «Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документальная сага с мемуарным уклоном» (2015). Книга замечательная, но и в ней, как и в книге В. И. Менжулина о И. А. Сикорском, собственно психологические воззрения А. А. Ухтомского освещаются минимально.

О *С. Н. Шпильрейн* имеется книга В. М. Лейбина «Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней» (2008). Кроме того, в 2007 г. на русском языке была опубликована книга швейцарской писатель-

ницы и психолога Сабины Рихебехер «Сабина Шпильрейн: „почти жестокая любовь к науке“». В качестве дополнительных материалов к биографии Сабины Шпильрейн укажем еще два ценных источника: книгу С. Ф. Сироткина «Сабина Шпильрейн. Материалы к биобиблиографии» (2006) и сборник архивных материалов «За кулисами психоанализа: неизданные дневники и письма Сабины Шпильрейн» (2023).

За рубежом и в России о психоаналитике и писательнице *Луизе Андреас-Саломе* (Луизе Густавовне фон Саломе), родившейся и проведшей детство и юность в России, написана уже не одна книга (см., например, книги Франсуазы Жиру (2005) и Игоря Талалаевского – 2020), но зададим вопрос: насколько каждая из этих книг является научной, а не художественной биографией? В любом случае ознакомление с биографией этой удивительной и странной женщины, оставившей большой след в истории науки о душе, следует начинать с ее откровенных воспоминаний «Прожитое и пережитое» (2002).

Из зарубежных психологов, которых формально (по месту своего рождения) можно считать российскими, следует назвать *Е. В. Антипову* (1892–1974) – выдающегося педагога, психолога, специалиста по социальной и коррекционной психологии. Е. В. Антипова внесла огромный вклад в развитие психологии в Бразилии, где она жила и работала с 1929 г. и до конца своих дней. В настоящее время благодаря творческим усилиям Н. Ю. Масоликовой и М. Ю. Сорокиной – сотрудников Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына – мы располагаем научной биографией Е. В. Антиповой (Масоликова, Сорокина, 2018; см. также: Образование для всех и ученые-эмигранты, 2014; Российское научное зарубежье, 2010, вып. 1–2).

Итоги

Завершая наш обзор научных биографий отечественных психологов, вернемся к поставленному в начале статьи вопросу. По итогам обзора наша арифметика по вопросу о научных биографиях отечественных психологов в общем и целом выглядит следующим образом: к восьми указанным в статье Н. А. Логиновой персонам мы добавили еще десять, при этом мы обнаружили свыше тридцати книг – научных биографий об этих ученых-психологах.

Много это или мало? Думается, это очень мало, если иметь в виду, что общее количество отечественных психологов, достойных полноценной научной биографии, должно быть, пожалуй, не менее ста.

Разумеется, смягчая критерии понятия «научная биография», при желании можно выделить еще целый ряд книг, в которых достаточно глубоко и подробно описывается жизнь и творчество отечественных психологов. Мы не упомянули диссертационные исследования и книги (материалы конференций, сборники статей) о Л. И. Анцыферовой, Е. А. Будиловой, В. А. Вагнере, А. И. Введенском, Б. В. Зейгарник, И. А. Ильине, А. Ф. Лазурском, Б. Ф. Ломове, Н. А. Менчинской, В. Д. Небылицыне, Я. А. Пономареве, Г. И. Россолимо, И. В. Страхове, А. А. Смирнове, Б. М. Теплове, вступительные статьи, комментарии к книгам серий «Психологи Отчества», «Психологи России», «Живая классика», «Мастера психологии», «Памятники психологической мысли», «Методология, теория и история психологии», «Научные школы Института психологии РАН», «Психологическое наследие» и т. п., работы В. В. Большаковой о наших дореволюционных психологах (М. М. Троицком, А. П. Нечаеве, И. А. Сикорском, М. И. Владиславлеве и др.), публикации В. П. Зинченко о советских психологах (Н. А. Бернштейне, Л. С. Выготском, П. Я. Гальперине, В. В. Давыдове, А. В. Запорожце, П. И. Зинченко, Т. П. Зинченко, Ф. Д. Горбове, А. Н. Леонтьеве, М. И. Лисиной, А. Р. Лурия, М. К. Мамардашвили, С. Л. Рубинштейне, А. А. Ухтомском, Г. Г. Шпете, Г. П. Щедровицком, Д. Б. Эльконине), работы Е. П. Гусевой и О. Е. Серовой, а также работы автора данной статьи о Г. И. Челпанове и Психологическом институте, публикации о представителях Ярославской психологической школы, работы Н. Ю. Стоюхиной о советских психотехниках и т. д.

Все эти и многие другие источники биографической направленности мы рассматриваем как своего рода семена и зародыши будущих научных биографий, как исходный материал для создания целостной картины. В 2024 г. исполняется пятьдесят лет с момента публикации статьи М. Г. Ярошевского «Биография ученого как науковедческая проблема» в сборнике «Человек науки» (1974). Не хотелось бы подойти к этой дате с пустыми руками.

В области научных биографий нам предстоит еще много работы, но уже сейчас можно наметить определенные цели и формы работы. Мы полагаем, что пришло время для подготовки и издания специальной научно-биографической серии книг о российских психологах («Научные биографии психологов России», «Российская психология в научных биографиях», «Российская психология в лицах» и т. п.), формирования исчерпывающей базы данных и соответствующего сайта в Интернете. Как можно более полная информация об отечественных

психологах нужна всем — не только историкам психологии, но и психологам-теоретикам, психологам-практикам, преподавателям и студентам, представителям смежных с психологией наук и областей знания, а также нашим зарубежным коллегам-историкам.

Литература

- Абульханова К. А., Славская А. Н.* Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «Модэк», 2010.
- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989.
- Аджавенко Н. К.* Георгий Челпанов. Жизненный путь и научный подвиг. Мариуполь: ЧАО «Газета „Приазовский рабочий“», 2012.
- Акимов Г. А., Спивак Л. И.* Владимир Михайлович Бехтерев. Л.: Изд-во ВМедА им. С. М. Кирова, 1982.
- Андреас-Саломе Л.* Прожитое и пережитое / Пер. с нем. и предисл. В. Седельника. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
- Бальдыш Г. М.* Бехтерев в Петербурге-Ленинграде. Л.: Лениздат, 1979.
- Бехтерев В. М.* Автобиография. М.: Библиотека «Огонек», 1928.
- Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы / Авт., сост. Н. А. Логинова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006.
- Борис Герасимович Ананьев, 1907–1972: Биобиблиографический указатель / Российская акад. образования, гос. науч. учреждение «Ин-т образования взрослых». СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2007.
- Выгодская Г. Л., Лифанова Т. М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996.
- Гладкова И. В.* Георгий Челпанов. Интеллектуальная биография и философия / Федер. агентство по образованию. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005.
- Губерман И. М.* Бехтерев: страницы жизни. М.: Знание, 1977.
- Дмитриев В. Д.* Выдающийся русский ученый В. М. Бехтерев. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960.
- Жиру Ф. Лу.* История свободной женщины / Пер. с фр. Е. Мурашкинцевой. М.: Колибри, 2005.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Введение: Уникальность научного подхода Б. Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

- За кулисами психоанализа: неизданные дневники и письма Сабины Шпильрейн, ученицы К. Юнга и З. Фрейда / Сост. Г. Ц. Лотан, В. Э. Шпильрайн; под науч. ред. Ф. Р. Филатова. Санкт-Петербург: Скифия: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2023.
- Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2017.
- Зверева Т. В., Носкова О. Г.* Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Зинченко В. П.* Лев Выготский: жизнь и деятельность // *Философия психологии* / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 220–226.
- Иван Михайлович Сеченов. К 150-летию со дня рождения / Под ред. П. Г. Костюка, С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М.: Наука, 1980.
- К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К. К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- К 90-летию со дня рождения А. Р. Лурии (1902–1977) // *Вестник МГУ. Сер. 14. «Психология»*. 1992. № 2. С. 1–74.
- К 100-летию со дня рождения А. Р. Лурии // *Вопросы психологии*. 2002. № 4. С. 3–131.
- К 100-летию со дня рождения А. Р. Лурии (1902–1977) // *Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология»*. 2002. № 4.
- К 110-летию со дня рождения Александра Романовича Лурии // *Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология»*. 2012. № 2. С. 5–137.
- Козлов И. В.* Жизнь, деятельность и учение академика В. М. Бехтерева. Таганрог, 1928.
- Левитин К. Е.* Мимолетный узор. М.: Знание, 1978. (Прочти, товарищ!)
- Левитин К. Е.* Личностью не рождаются. М.: Наука, 1990.
- Левитин К. Е.* Мимолетный узор. 2-е изд., испр. и доп., с предисл. автора. М., 1997.
- Левченко Е. В.* История и теория психологии отношений / Отв. ред. А. А. Крылов. СПб.: Алетейя, 2003.
- Лейбин В. М.* Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней. М.: Когито-Центр, 2008.

- Леонтьев А. А.* Л. С. Выготский: книга для учащихся 9–11 классов средней школы. М.: Просвещение, 1990.
- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.
- Леонтьев А. Н.* Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2000.
- Леонтьев А. Н.* Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл–ИЦ «Академия», 2004.
- Леонтьев А. Н.* Психологические основы развития ребенка и обучения / Под ред. Д. А. Леонтьева, А. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.
- Леонтьев А. Н.* Эволюция, движение, деятельность / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2012.
- Логинова Н. А.* Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.
- Логинова Н. А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Логинова Н. А.* Биографические исследования истории психологии // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 38–50.
- Лурия А. Р.* Этапы пройденного пути: Научная автобиография / Под ред. Е. Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Лурия А. Р.* Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека / Под общ. ред. В. И. Белопольского. М.: Когито-Центр, 2002.
- Лурия А. Р.* Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии / Под ред. Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьева, Е. Г. Радковской. М.: Смысл, 2003.
- Лурия А. Р.* Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2004.
- Лурия А. Р.* Лекции по общей психологии: учеб. пособие. М.–СПб.: Питер, 2007.
- Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека. СПб.: Питер, 2008.
- Лурия Е. А.* Мой отец А. Р. Лурия. М.: Гнозис, 1994.

- Маслов К. С.* В свете незримого: жизнь и судьба А. А. Крогиуса. Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 2014.
- Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю.* Елена Антипова: русский апостол Бразилии (1892–1974). М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2018.
- Менжулин В. И.* Другой Сикорский. Неудобные страницы истории психиатрии. Киев: Сфера, 2004.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Мунипов В. М.* В. М. Бехтерев. М.: Медицина, 1969.
- Мурзина Е. Б.* Психологические воззрения в творческом наследии И. А. Сикорского: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Российский гос. социальный ун-т, 2011.
- Мясищев В. Н.* Выдающийся русский ученый В. М. Бехтерев. М.: Знание, 1953.
- Мясищев В. Н.* В. М. Бехтерев – замечательный ученый, врач, педагог, общественный деятель. Киров, 1956.
- Никифоров А. С.* Бехтерев. М.: Молодая гвардия, 1986.
- Никифоров А. С.* В. М. Бехтерев: Книга для учащихся 9–10 классов средней школы. М.: Просвещение, 1988.
- Никифоров А. С.* Основатель отечественной неврологии и психиатрии В. М. Бехтерев: Зигзаги судьбы и научной жизни. М.: Ленанд, 2015.
- Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России: Материалы международного научного colloquium / Сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2014.
- Осипов В. П.* Бехтерев. М.: Гос. изд-во медицинской литературы, 1947.
- Павлов И. П.* Письмо к молодежи // Павлов И. П. Избранные произведения / Под общ. ред. Х. С. Коштыянца. М.: Гос. изд-во политической л-ры, 1949. С. 19–20.
- Платонов К. К.* Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога) / Под ред. А. Д. Глоточкина, А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, В. Н. Лоскутова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл: 2006.

- Психология человека в современном мире (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.). В 6 т. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Резник С. Е.* Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документальная сага с мемуарным уклоном. СПб.: Алетейя, 2015.
- Рихебехер С.* Сабина Шпильрейн: «почти жестокая любовь к науке» (биография) / Пер. с нем. К. А. Петросян, И. Е. Попов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
- Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 1 [Пилотный]: Медицинские науки: XIX–первая половина XX в. / Авт.-сост. М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
- Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX–первая половина XX в. / Авт.-сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
- Сартр Ж. П.* Фрейд: сценарий: первый вариант (1959 г.) / Пер. с фр. и предисл. Л. Токарева. М.: Новости, 1992.
- Сборник, посвященный Владимиру Михайловичу Бехтереву. К 40-летию профессорской деятельности (1885–1925). Л., 1926.
- Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989.
- Сергей Леонидович Рубинштейн / Под ред. К. А. Абульхановой. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Сикорский И. А.* Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1904.
- Сикорский И. А.* Душа ребенка: С кратким описанием души животных и души взрослого человека. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1909. Т. IV.
- Сикорский И. А.* Начатки психологии. Изд. 2-е, доп. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1909. Т. VI.
- Сикорский И. А.* Всеобщая психология с физиогномикой, в иллюстрированном изложении. 2-е изд., существенно доп. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1912. Т. XIV.
- Сикорский И. А.* Всеобщая психология с физиогномикой: в иллюстрированном изложении. М.: Академический проект, 2022.
- Сироткин С. Ф.* Сабина Шпильрейн. Материалы к биобиблиографии. Ижевск: Ergo, 2006.

- Сироткина И. Е.* Мир как живое движение: Интеллектуальная биография Николая Бернштейна. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. А. Г. Асмолов. М.: Когито-Центр, 2020.
- Славская А. Н.* Основы психологии С.Л. Рубинштейна: философское обоснование развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Соколова Е. Е.* Психология деятельности: становление и перспективы развития. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2023.
- Степанова Е. И.* Становление психологической школы Б. Г. Ананьева: Памятные даты и события. СПб.: Симпозиум, 2003.
- Стрельцова В. П.* Психологические воззрения В. Н. Мясищева. Тверь: СФК-офис, 2009.
- Талалаевский И.* Три фурии времен минувших. Хроники страсти и бунта. Лу Андреас-Саломе, Нина Петровская, Лиля Брик. СПб.: Алетейя, 2020.
- Тимофеев Д. С.* Психологические воззрения И. А. Сикорского: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1995.
- Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999.
- Тулмин С.* Моцарт в психологии // *Философия психологии* / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 263–278.
- Фейгенберг И. М.* Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего. М.: Смысл, 2004.
- Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К. А. Абульхановой, С. В. Тихомировой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Философия психологии / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
- Хомская Е. Д.* Александр Романович Лурия. Научная биография. М.: Воениздат, 1992.
- Щебетенко А. И.* Профессор Вольф Соломонович Мерлин. Жизнь в психологии и среди людей (Историко-психологический очерк). Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2016.
- Щедровицкий П. Г.* «Трагедия о Гамлете, принце Датском, У. Шекспира» как тип мыследеятельности Л. Выготского // *Философия психологии* / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 227–243.

- Эриксон Э. Г.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1996.
- Юбилейный сборник трудов по психиатрии и невропатологии, посвященный В. М. Бехтереву (к 25-летию научной и педагогической деятельности – 1878–1903). Т. 1–2. СПб., 1903.
- Южанинова А. Л.* История саратовской психологической школы в лицах. Саратов: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018.
- Ярошевский М. Г.* Иван Михайлович Сеченов. 1829–1905. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1968.
- Ярошевский М. Г.* Трехаспектность науки и проблемы научной школы // М. Г. Ярошевский. Социально-психологические проблемы науки. М.: Наука, 1973. С. 174–184.
- Ярошевский М. Г.* Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Наука, 1974. С. 19–57.
- Ярошевский М. Г.* Сеченов и мировая психологическая мысль. М.: Наука, 1981.
- Ярошевский М. Г.* Л. С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб.: Международный фонд истории науки, 1993.
- Ярошевский М. Г.* Л. С. Выготский: в поисках новой психологии / Предисл. Е. Е. Соколовой. Изд. 2-е, доп. М.: ЛКИ, 2007.
- Ярошевский М. Г.* Л. С. Выготский: в поисках новой психологии / Предисл. Е. Е. Соколовой. Изд. 3-е. М.: Либроком, 2013.
- Ярошевский М. Г.* Л. С. Выготский – исследователь научного познания // Философия психологии / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 244–262.
- Ярошевский М. Г., Чеснокова С. А.* Уолтер Кеннон (1871–1945). М.: Наука, 1976.
- Yaroshevsky M.* Lev Vygotsky. Moscow: Progress Publishers, 1989.
- Yasnitsky A.* Vygotsky: An Intellectual Biography. New York: Routledge, 2018.

Психологическая теория в контексте научной политики позднего советского периода

В. И. Коннов

Центральным событием для психологической науки позднего советского периода стало создание академического Института психологии. Новый институт превосходил по масштабу все предшествующие отечественные психологические учреждения, однако наиболее важным было то, что психология впервые получила представительство в академии наук. В контексте советской научной системы это подразумевало значимое повышение ее статуса: к ведению академии относились фундаментальные дисциплины, признанные необходимыми для создания базы научно-технического развития.

Таким образом, сам факт создания института означал существенные изменения для психологической науки. Однако этим дело не исчерпывалось: по замыслу директора нового института Б. Ф. Ломова, центральным направлением работы планировалось сделать не традиционные для советской психологической науки вопросы человеческого развития и педагогики, а инженерную психологию, что означало движение в сторону прикладных и опытно-конструкторских работ. Все это должно было сопровождаться существенным ростом затрат и внедрением исследовательских и организационных практик, не характерных для советской психологии. В перспективе эти перемены могли существенно изменить облик всей психологической науки и в целом путь, который намечал Ломов для нового института, вряд ли мог быть совсем бесконфликтным.

Рассмотрим планы Б. Ф. Ломова и их реализацию в отражении психологической теории в том виде, как она развивалась в новом институте. Теоретические работы будем оценивать с точки зрения культурного контекста, в котором они появлялись, а для реконструкции этого контекста принимать во внимание актуальное на тот момент

положение психологов в научном сообществе, сложившуюся на первом начальном этапе работы организационную ситуацию в Институте психологии, а также сочетание исследовательских интересов директора нового института и его коллег как в руководимом им ИП АН СССР, так и вне его. При этом необходимо принимать во внимание общую политическую ситуацию, которая в сильно политизированном советском обществе прямо влияла на состояние дел в той или иной дисциплине. Источниками, которые делают возможной реконструкцию контекста в таком понимании, служат публикации в научных и общественных изданиях этого периода, материалы Научного архива Института психологии и Архива академии наук.

Исследовательская программа Б. Ф. Ломова

Начнем с истоков инженерной психологии, которая стала основой исследовательской программы Ломова (Коннов, 2020). Отечественная предыстория этого направления хорошо известна (Бодалев, 2007), однако не менее важную роль для Ломова играл зарубежный опыт этой дисциплины, в первую очередь американский. Об этом влиянии свидетельствует, в частности, и само название «инженерная психология» — буквальный перевод с английского языка, выполненный, по оценке некоторых ученых, не совсем точно (Пископпель, Щедровицкий, 1980; Стенограмма, 1979, л. 73). То, какую роль играли для Ломова зарубежные источники, также отчетливо видно в его главной книге по этому направлению «Человек и техника» (Ломов, 1966): ее библиография почти наполовину состоит из иностранных работ, преимущественно американских. И если для советской науки 1960-х годов в этом нет чего-то из ряда вон выходящего, то именно для психологической работы это было необычным, так как психология считалась успешным примером создания самостоятельной советской гуманитарной дисциплины, опиравшейся главным образом на собственный материал и способной развиваться автономно от западных образцов. Любопытно, что внимание Ломова к западным источникам еще и сегодня может служить поводом для упреков в его адрес (Смолян, 2017, с. 627).

По библиографии к этой книге можно также судить, кто именно из американских специалистов служил для Ломова ориентиром. Первое место и по упоминаниям, и по количеству источников занимает Альфонс Чапанис, охарактеризованный Ломовым в популярной статье этого же периода как «глава американской инженерной психоло-

гии» (Ломов, 1970, с. 38). Учитывая, что Ломов определенно занимал аналогичную роль в СССР, вполне естественным выглядит его внимание к публикациям своего американского визави.

Работы Чапаниса отличает ряд характерных черт, связанных с его профессиональными приоритетами. Центральная тема для него — взаимодействие человека с системами управления. Наибольший интерес для Чапаниса представляли прикладные задачи, в их решении ему удавалось добиться заметных успехов. На его счету по крайней мере два изобретения, ставших мировыми стандартами: различимые на ощупь рукоятки рычагов в управлении самолетов и знакомое всем четырехрядное расположение цифр на кнопочной панели телефона. И если с признанием в прикладной сфере у Чапаниса проблем не возникало, то в среде фундаментальной науки он чувствовал себя гораздо менее уверенно: как он пишет в своих воспоминаниях, за долгое время работы в Университете Джонса Хопкинса ему так и не удалось стать своим среди университетских ученых (Chapanis, 1999).

При этом никак нельзя сказать, что успех в сфере прикладных исследований пришел Чапанису сам собой. Характерной чертой его карьеры была постоянная работа по продвижению своих исследований: он непрерывно готовил выступления на конференциях, посвященных развитию самых разных технологических направлений, регулярно писал статьи для популярных изданий и внимательно следил за развитием техники, с прицелом обнаружить ниши, где могли бы найти применение его исследования. Его востребованности со стороны технологических корпораций также способствовала готовность исходить, в первую очередь, из интересов заказчика — черта, воспитанная в нем, по его собственным воспоминаниям, вооруженными силами, в которых в годы войны началась его исследовательская карьера и которые оставались одним из его важнейших клиентов в послевоенные годы.

Если считать «Человека и технику» программной книгой Ломова, то можно констатировать, что его исследовательская программа сложилась к началу 1960-х годов. И стоит отметить, что для этого периода принятие работ американского специалиста в качестве образца было вполне характерным для советской гуманитарной науки. В это время в ней появляется целое движение «американизаторов», как обозначил его американский социолог Р. Видмер (Vidmer, 1980). Это движение возникло благодаря провозглашенному Хрущевым курсу на возврат к «ленинским принципам», который был обозначен, в частности, такими заявлениями: «Нам следует помнить указание

В. И. Ленина — уметь, если нужно, учиться у капиталистов, перенимать то умное и выгодное, что у них есть» (Хрущев, 1962, с. 3). Частью реализации этой политики был целый ряд новаций в советской науке, наиболее известной среди них стала реабилитация кибернетики, бывшей изобретением американского математика Н. Винера, но именно в Советском Союзе 1960-х годах выросшей до масштабов целой научной отрасли.

Однако после снятия Хрущева эта политика начала сворачиваться, и в советской науке конца 1960-х годов, когда Ломов занимался подготовкой проекта создания Института психологии, обращение к американскому опыту уже воспринималось с меньшим энтузиазмом. Тем не менее и в организации института, и в приоритетах, заданных его первым директором, можно заметить черты, напоминающие образец инженерной психологии по Чапанису.

По словам самого Ломова, его изначальным планом было создание института, специализирующегося именно на инженерной психологии (Ломов, 1991). Проект разросся до общепсихологического института прежде всего потому, что академический институт необходимо было планировать с более широким фундаментальным тематическим охватом. Однако Ломов сумел сохранить фактический приоритет за прикладными исследованиями и, став директором, настойчиво занимался поиском заказов, вовлекая в работу института все новых партнеров. Этот акцент на прикладной науке и внимание к практическому продвижению своей отрасли отчетливо напоминают стиль Чапаниса, хотя, надо заметить, Ломов в результате сумел добиться внедрения психологических исследований в более масштабные проекты, чем это удалось его американскому коллеге, в том числе — в советскую космическую программу.

Но такой подход плохо согласовывался с моделью организации советской науки, которая была выстроена как централизованный комплекс, управляемый, как и советская экономика, на основе планирования. Централизация означала поступательное движение исследовательских результатов из фундаментальной науки в прикладную, а далее — в опытно-конструкторские работы. Эта модель не отличалась гибкостью и могла провоцировать существенные издержки, но была эффективна в осуществлении масштабных научно-технических проектов.

Работа Института психологии в определенном смысле диссонировала с такими принципами организации. Уровень вовлеченности

в прикладные исследования выделял его и среди психологических организаций, и среди других гуманитарных институтов академии. Конечно, сам факт заказов на прикладные работы не был чем-то уникальным, но то, насколько часто и явно институт пересекал границы между научными дисциплинами и производственными отраслями, было необычным. И хотя это не составляло формального нарушения, такой образ действий шел вразрез с вертикальной организацией советского научного комплекса.

Диссонанс возникал и с представлениями о роли науки по отношению к государству, преобладавшими среди психологов. В качестве двух главных государственных задач, в решении которых они должны были участвовать, принимались образование и идеология. Именно такое понимание продвигалось Академией педагогических наук, под патронажем которой психология работала в послевоенные десятилетия. Новый же институт явно руководствовался другими приоритетами. Ломов прямо заявлял, что педагогическая психология должна остаться в ведении АПН (Ломов, 1979) и, хотя и признавал важность идеологии, не выдвигал никаких инициатив в этой области. Необходимый объем идеологической работы, по-видимому, выполнялся сектором социальной психологии во главе с заместителем директора Е. В. Шороховой (Белопольский и др., 2020б), но попыток расширить идеологическую роль психологии институт не предпринимал. Показательно, что именно за такое отношение к идеологическим вопросам Ломова открыто упрекал директор Института марксизма-ленинизма А. Г. Егоров (Стенограмма, 1983, л. 76).

Такой подход был способен вызвать недовольство и у старшего поколения психологов. С их точки зрения тот факт, что официально провозглашенный главным в стране психологический институт не решает закрепленные за психологией государственные задачи, а занят поиском заказов из областей, официально с психологией никак не связанных, вполне мог расцениваться как оппортунизм, особенно, учитывая, что в выполнении этих заказов задействуются ресурсы, значительно превышающие те, на которые может рассчитывать психология в осуществлении ее главных функций. В целом же модель научной работы, которая продвигалась в Институте психологии под руководством Ломова, была продолжением линии на обновление отечественной психологической науки, наметившегося еще в начале 1960-х годов и, как и аналогичные попытки в других научных дисциплинах, например, в экономике, встретившая сопротивление.

Психологическая теория в ИП АН СССР

Учредительными документами за ИП АН СССР закреплялись «оказание теоретической и методической помощи высшим и средним специальным учебным заведениям, школам, соответственным научным и идеологическим учреждениям по этим отраслям науки» (Постановление, 1971, л. 18), иначе говоря, от института ожидалось выдвижение психологической теории, которая должна была стать обязательным ориентиром для всех психологических учреждений страны (Коннов, 2022).

Эта задача осложнялась тем, что в институте оказались объединены представители предельно разных течений советской психологии. С момента создания в состав института была включена лаборатория «Психофизиология индивидуальных различий» Института психологии АПН, которая была главным центром дифференциальной психологии. Основателем лаборатории был лидер этого направления Б. М. Теплов, а на момент создания ИП АН СССР ей руководил В. Д. Небылицын. Осенью же 1972 г. к институту присоединился сектор философских проблем психологии Института философии, основанный С. Л. Рубинштейном, а с 1960 г. возглавляемый Е. В. Шороховой (Белопольский и др., 2020а). Что же касается директора Ломова, то он представлял ленинградскую психологическую школу, в мае 1972 г. ее общепризнанный лидер Б. Г. Ананьев ушел из жизни, и мало у кого вызывало сомнение, что эта роль переходит к Ломову.

В результате в новом академическом учреждении сошлись представители трех сильно различающихся психологических течений науки. И одна из немногих объединявших их черт заключалась в том, что все они (каждое по своим причинам) расходилось с центральной для советской психологии теорией деятельности, автором которой был декан психологического факультета МГУ Алексей Леонтьев.

К началу 1970-х годов Леонтьев обладал исключительным положением: декан факультета психологии МГУ и академик АПН, он пользовался широким признанием как в Советском Союзе, так и за рубежом: западные специалисты видели в нем главного продолжателя традиции культурно-исторической психологии, читали и переводили его работы, а в 1968 г. ему была присвоена почетная степень доктора Парижского университета. Этот авторитет подкреплялся активным использованием идеологических инструментов — по оценке историка советской науки Л. Грэхэма: «Среди всех известных советских психологов послесталинского периода Леонтьев был одним из наиболее

воинственно настроенных в плане идеологии» (Грэхем, 1991, с. 212). И. Е. Сироткина и Р. Смит отмечают: «Пользуясь своим положением в Московском университете и своими партийными связями, Леонтьев приобрел значительное влияние и даже власть над новым поколением российских студентов, которые начали занимать научные должности в расширяющемся поле» (Sirotkina, Smith, 2012, p. 436).

На протяжении 1960-х годов теория деятельности Леонтьева пользовалась статусом идеологически верной, марксистской психологии. Ее основой служила идея о том, что психические процессы возникают в результате преобразования различных форм внешней предметной деятельности. Из этого следовало ключевое методологическое положение: психические процессы следует изучать как результат истории изменений внешних практик.

Однако у данного подхода были противники. В частности, он напрямую критиковался С. Л. Рубинштейном. В своей книге «Принципы и пути развития психологии» Рубинштейн адресует Леонтьеву и его сотрудникам такое высказывание: «Не верно, подставляя на место теоретической или умственной, мыслительной деятельности психическую деятельность вообще, утверждать, что она впервые возникает в результате „интериоризации“ этой последней. Всякая внешняя материальная деятельность человека уже содержит внутри себя психические компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется ее регуляция. Нельзя, сводя действие человека к одной лишь внешней исполнительской его части, вовсе изъять из внешней практической деятельности человека ее психические компоненты и вынести „внутренние“ психические процессы за пределы „внешней“ человеческой деятельности — как это сознательно или бессознательно, эксплицитно или имплицитно делается, когда утверждают, что психическая деятельность возникает в результате интериоризации внешней деятельности» (Рубинштейн, 1959, с. 135). Определяющим для Рубинштейна было положение об «органическом единстве сознания и деятельности» (там же), исключающее возможность вывести первое из последней.

Критически была настроена и ленинградская школа. Ее позицию сформулировал В. Н. Мясищев, который, имея в виду психологию деятельности, писал: «Она страдает еще недоразвитием, и существенным пробелом ее является то, что психика рассматривается преимущественно как процессы, но носитель их — личность — изучается недостаточно. Деятельность исследуется в отрыве от деятеля.

Объект — процессы психической деятельности — изучается без субъекта — личности» (Мясищев, 1960, с. 70). Этот же пассаж цитируется в программной книге Ананьева «Человек как предмет познания», впервые вышедшей в том же 1960 г. (Ананьев, 1980, с. 137). Ленинградцев не устраивало то, что модель психики, предполагавшая концентрацию внимания на истории формирования психических процессов, вытесняла из поля зрения психологии другие исследовательские объекты — свойства личности, социальную ситуацию, психофизиологические процессы. В формируемой этой школой комплексной модели человека все эти факторы предлагалось рассматривать как влияющие на поведение человека и получалось, что теория деятельности стесняет ее развитие.

Напряжение существовало и между Леонтьевым и главным представителем дифференциальной психологии Б. М. Тепловым. На широко известной сессии Академии наук и Академии медицинских наук, созванной с целью утвердить теорию И. П. Павлова в качестве общей основы наук о человеке, Теплов был среди группы, выступавшей за перевод психологии на психофизиологическую базу. Леонтьев же оказался среди теоретиков, подвергнутых Тепловым резкой критике за неспособность перенести психологию на научную, «павловскую» основу.

Объединение в новом институте ученых, выступавших лидерами трех наиболее заметных направлений советской психологии, которые критически относились к теории деятельности, делало практически неизбежным то, что новый институт будет препятствовать расширению ее влияния. При этом и сам Леонтьев воспринял проект нового института критически: будучи членом комиссии, готовившей проект ИП АН СССР, он выступал против его создания (Пономаренко, 2012, с. 75–76). В результате новая расстановка сил прямо располагала к столкновению в теоретическом поле двух разных моделей — деятельностной и комплексной (Белопольский и др., 2021).

Напряжение между теоретиками ИП АН СССР и представителями теории деятельности возникало не только в результате споров, в которые были вовлечены объединенные в институте школы. Проблема заключалась также и в самом содержании леонтьевской теории. Настаивая на том, что все явления, изучаемые психологией, такие как потребности, мотивация, личностные черты и т. д., являются результатами интернализации деятельности, направленной на объекты внешнего мира, деятельностная психология затрудняла применение широкого спектра подходов, используемых в наиболее динамично раз-

вивавшихся отраслях мировой психологической науки – социальной психологии, дифференциальной психологии, психологии личности и др. Сама леонтьевская школа была сосредоточена на общей психологии и психологии развития и уделяла меньше внимания прикладным направлениям. Но именно они должны были стать главными для Института психологии: при создании в его составе появились отделы теоретической и экспериментальной психологии, социальной психологии, инженерной психологии и психологии труда, нейрофизиологических основ психики и специальных прикладных проблем (Постановление, 1971, л. 20). Показательно отсутствие в этом перечне разделов по общей психологии, которая считалась основным направлением исследований в рамках психологии деятельности.

Ситуация в советской гуманитарной науке в целом также складывалась не в пользу теории деятельности. Именно в этот период дискурс гуманитарных наук начинает смещаться от заверений в соответствии официальной идеологии и готовности распространять ее догматы на новые области знания к демонстрации способности поставлять объективные данные об обществе и индивидах, которые могут быть востребованы в народном хозяйстве и политическом управлении. Применение этой стратегии стало возможным главным образом благодаря стремительному развитию вычислительной техники, которая открывала широкие перспективы использования моделей, основанных на множестве параметров и статистических связях между ними. С подобными построениями связывалась возможность точного математического исследования психологических и социальных процессов, что ранее казалось невозможным.

Эти новации стали одной из причин возникновения технократического движения, которое в той или иной степени затронуло все индустриальные страны. Его главной целью была замена политического, по сути компромиссного метода принятия решений, научным, основанным на, как казалось тогда, точных вычислениях. Одной из важных идеологических опор технократического движения служила общая теория систем, утверждавшая, что все организационные процессы в природе подчиняются единым принципам (Lillianfeld, 1978). Этот тезис использовался для обоснования возможности перенести методы исследования, характерные для естественных наук, на социальное управление. В США технократическое движение вылилось в создание многомиллионной индустрии управленческого консультирования, флагманом которой стала «RAND Corporation».

В СССР же его развитие оказалось одним из важных факторов внутренней политической жизни.

Ситуация с гуманитарными науками в СССР характеризовалась тем, что в соответствии с официальной марксистско-ленинской философией они признавались частью идеологии, а значит, не могли претендовать на самостоятельную объективность. Сама же философия рассматривалась как выразитель интересов наиболее многочисленного и прогрессивного рабочего класса, и на этом основании за ней закреплялся идеологический контроль над другими науками. Теория же систем выдвигала претензию на уравнивание статуса гуманитарных и естественных наук путем подведения под последние математической базы. Таким образом, эта теория стала одним из инструментов, с помощью которых сложившаяся в годы хрущевской «оттепели» реформистская группа намеревалась потеснить консерваторов в гуманитарной науке, а также в СМИ и в идеологическом аппарате.

Благодаря поддержке этой группы была реабилитирована кибернетика, а также значительно укрепила свои позиции математическая экономика: в начале 1960-х обе дисциплины уже имели профильные институты в составе Академии наук. Сложнее обстояло дело с социологией, которая в силу своего предмета представляла угрозу устоявшейся системе сбора и интерпретации политической информации. Институт конкретных социальных исследований открылся лишь в 1969 г., но уже в 1972 г. в нем была проведена реорганизация, в ходе которой из него ушли главные сторонники сближения советской социологии с западными образцами.

История советской психологии складывалась иначе. Она не подвергалась прямым запретам в сталинские годы, а работа психологов во время Великой Отечественной войны официально признавалась успешной (Кольцова, Олейник, 2006). В начале 1950-х годов возникла угроза поглощения психологии психофизиологией, однако психологам удалось отстоять самостоятельность своей дисциплины. Хотя на упоминавшейся уже совместной сессии академий учение Павлова о рефлексах и было признано в качестве основы психологической науки, одновременно продолжал развиваться ряд других направлений. Эта ситуация была зафиксирована на Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии 1962 г., в документах которого признавалась самостоятельность предмета психологии, отличного от предмета физиологии,

а также необходимость дополнить павловское учение новыми психологическими теориями (Психологическая наука, 1997).

В результате спада идеологического давления в психологии 1960—начала 1970-х годов развивается целый ряд направлений, представлявших разные трудно сочетаемые между собой точки зрения. В подобных условиях вопросы теории приобретали для директора нового института, в задачи которого входила координация всей советской психологии, особое значение. В силу этих официально закрепленных задач институт не мог выступать за развитие всех школ. Их необходимо было объединить в концептуальных рамках, но по возможности так, чтобы это не требовало принципиального пересмотра их основополагающих моделей. И оптимальным для этой задачи был именно системный подход. Его важное преимущество заключалось в том, что любой феномен можно было анализировать в качестве системы, обозначая другие связанные с ним феномены в качестве подсистем, которые в таком случае рассматривались исключительно с точки зрения статистически устойчивого влияния на данную систему без анализа их собственного внутреннего устройства. Так, в одном случае можно было анализировать в качестве системы человеческую личность, а общество — в качестве одной из подсистем, влияющих на функционирование личности. А в другом — принимать в качестве системы общественное взаимодействие, в котором теперь уже личность с ее интересами выступает лишь как одна из подсистем. При этом в обоих случаях не было необходимости согласовывать между собой теории общества и теории личности, которые могли и дальше опираться на различные модели. Таким образом, в отличие от теории деятельности системная теория позволяла сохранить автономию сильно различающихся между собой отраслевых психологий, одновременно формируя картину единой науки, способной объединить их результаты под эгидой общей схемы.

Переходя к столкновению системной теории и теории деятельности, сразу же следует сказать, что оно не выплеснулось на публику. В воспоминаниях современников нет свидетельств о личных конфликтах двух главных оппонентов — Леонтьева и Ломова, хотя неловкие ситуации иногда и возникали между представителями ленинградской и московской школ (Кондратьев, 2015, с. 52–53). Не найти личных выпадов в адрес друг друга и в их работах. Более того, Ломов как младший партнер практически никогда не упускал возможности с уважением упомянуть старшего — Леонтьева. В случаях же, когда

надо было представить психологическое сообщество в целом, они неоднократно выступали сообща, в роли соавторов. Так было в 1963 г., когда в «Вопросах психологии» вышла статья «Человек и техника», нацеленная на то, чтобы закрепить роль психологов в разработке новых технологий (Леонтьев, Ломов, 1963). В 1973 г. в статье «Парапсихология: фикция или реальность?» они вместе выражают скептическое отношение психологического сообщества к исследованиям телепатии (Зинченко и др., 1973). А в 1976 г. Леонтьев и Ломов совместно с сотрудником отдела науки ЦК, по свидетельству современников, выступавшего партийным куратором психологии, В. П. Кузьминым публикуют статью «Актуальные задачи психологической науки» (Леонтьев и др., 1976).

В этой статье, вышедшей в главном идеологическом журнале «Коммунист», можно найти условия компромисса между двумя школами. Прежде всего статья демонстрирует их готовность совместно работать для закрепления статуса психологии как научной дисциплины, способной решать общественные и экономические проблемы. Основной акцент в статье сделан на прикладном значении психологической науки, главное внимание уделяется ключевой для Ломова инженерной психологии. В тексте дается характеристика условий для возникновения ее исследовательского поля: «человеческий фактор» становится «особым измерением всего процесса создания и эксплуатации техники», а «учет этого фактора в производстве — задачей большой государственной важности, настоятельным требованием научно-технической революции» (там же, с. 74). Здесь же характеризуется миссия этого направления — изучение психических процессов и функций с целью решения инженерных задач. В том же, что касается теории, главенствующее место отводится приоритетам Леонтьева. В качестве «теоретико-методологических принципов и положений советской психологии» упоминаются «отражательная сущность психических явлений, их регулятивная функция в деятельности», «общественно-историческая природа сознания», «единство сознания и деятельности» (там же, с. 79) — по сути, все основные тезисы деятельностной психологии. Но, как показали дальнейшие теоретические работы Ломова, принимая основные термины этой теории, он вкладывал в них иное содержание.

Леонтьев и Ломов достаточно часто встречались на официальных мероприятиях, связанных с психологией, в том числе на ученом совете ИП АН СССР. В архивах сохранились стенограммы этих засе-

даний, которые дают представление о характере разногласий между двумя психологами. Представления Ломова о теории деятельности отражены в его докладе на открытии совета, состоявшемся в июне 1972 г. Заявив о том, что «разработка проблемы деятельности» определено входит в круг задач нового института и отметив, что «эта проблема, по существу, начала разрабатываться именно в нашей стране», он определяет ее положение следующим образом: «Здесь многое сделано в области коммуникации деятельности, была попытка противопоставить бихевиоризму. В связи с развитием ряда специальных областей психологии проблема деятельности приобрела острое значение. При этом имеет смысл обратить особое внимание вопросам психологии регуляции деятельности, прогнозированию и планированию деятельности. В этом отношении имеются некоторые исследования в Советском Союзе. Я думаю, что они могли бы послужить почвой для разработки всех проблем. Наряду с разработкой проблемы деятельности в нынешней ситуации имеет смысл развернуть исследования в области проблемы общения, я имею в виду психологические аспекты общения. Если в области разработки проблемы деятельности достигнуты большие успехи, проблема общения находилась вне поля конкретных научных исследований. Между тем здесь возникает целый ряд специальных вопросов, и я думаю, что в составе Института целесообразно заняться проблемой общения, механизмов, его средств и способов, соотношения процессов общения, познания и деятельности» (Стенограмма, 1972, л. 9–10). Таким образом, Ломов воспринимал теорию деятельности не как общеметодологическую основу психологии, а как одну из проблем, связанную с рядом специальных тем, перечень которых он и приводит.

Присутствовавший на этом заседании Леонтьев не вступал в дискуссию. Однако его взгляд на охват теории деятельности был озвучен на другом заседании, состоявшемся несколько месяцев спустя, на котором обсуждались вышедшие незадолго до этого две его статьи, посвященные основам теории деятельности. Отвечая на вопрос Е. В. Шороховой, в котором она просит наметить основные «узлы» теории, пригодные к разработке «на уровне позитивного эксперимента» (Стенограмма, 1973, л. 18), Леонтьев дает предельно широкий перечень направлений, куда попадают и психология личности, и дифференциальная психология, и психология развития, и детская психология, и социальная психология. Далее, в дискуссии с П. К. Анохиным о разграничении физической деятельности и деятельности

как психологической категории Леонтьев прямо возражает против подобных ограничений: «Это заставляет меня протестовать против всякой попытки действовать по формуле „кесареву — кесарю, а богу — богово“» (там же, л. 28).

Проблема предмета психологии

Вопрос предмета имел критическое значение для советской психологии (Коннов, 2022) и, конечно же, находился в центре внимания Леонтьева задолго до 1970-х годов. Для него как для ведущего теоретика психологии важно было отграничить предметное поле психологии, с одной стороны, от биологического изучения человека, а с другой — от социального: первое рассматривалось как задача физиологии, второе — исторического материализма, который выступал в роли коммунистической версии социологии. Это была непростая задача, так как требовалось показать, что у психологии есть свой материальный объект исследования, что позволило бы ей считаться наукой, а не разделом философии, и тут же обосновать, что этот объект обладает спецификой, не позволяющей свести методы его исследования к инструментарию физиологии.

Решение Леонтьева отличается элегантностью. В статье, впервые опубликованной в 1960 г., он заявляет, что «специфически человеческие способности и функции складываются в процессе овладения индивидом миром человеческих предметов и явлений», а «их материальный субстрат составляют прижизненно формирующиеся устойчивые системы рефлексов» (Леонтьев, 1983, с. 94). Таким образом, для психологии определен надежный объект — системы рефлексов. Но ведь тогда получается, что по своей природе он явно попадает в область изучения физиологии? Нет, считает Леонтьев, не попадает. «Если в высших психических процессах человека различать, с одной стороны, их форму, т. е. зависящие от морфологической „фактуры“ чисто динамические особенности, а с другой стороны, их содержание, т. е. осуществляемую ими функцию и их структуру, то можно сказать, что первое определяется биологически, второе — социально. Нет необходимости напоминать, что решающим является содержание». И таким образом, «процесс овладения миром предметов и явлений, созданных людьми в ходе исторического развития общества, и есть тот процесс, в котором происходит формирование у индивида специфически человеческих способностей и функций» (там же). Выходит, что системы

рефлексов выступают одновременно и материальным объектом — органами особого рода, но при этом требуют исследования с социальной стороны через историю их формирования.

Эти формулировки — итог длительной работы Леонтьева в условиях доминирующего влияния марксизма-ленинизма. В этой доктрине изначально заложено неприятие феноменологических концепций. Любое учение, рассматривающее психический мир человека как реальность особого рода, расценивается как продолжение идеализма, который, в свою очередь, связан с религиозным мировоззрением, враждебным классовым интересам пролетариата. Леонтьев, по сути, решает задачу создания психологической теории, в которой не было бы представления о психическом как реальности особого рода. Однако следствием этого становится разрыв с основным вектором развития западной психологии, в которой в 1960—1970-е годы на первый план выходит когнитивное направление, основанное именно на рассмотрении психических процессов как особых феноменов и использовании для их характеристики аналогии с компьютером.

Ломов включается в дискуссию о границах предмета психологии уже после начала работы ИП АН СССР, в 1976 г. выходит его статья «Биологическое и социальное как методологическая проблема психологии». И в отличие от Леонтьева Ломов аккуратно, но настойчиво движется к признанию особой природы психического. «Говоря о социальной обусловленности нейрофизиологии человека, важно отметить, что здесь вряд ли имеет место прямое, непосредственное влияние социального на физиологическое. Оно опосредствуется психикой человека» (Ломов, 1976, с. 88). Какова же природа этого посредника? Ответ Ломова — системная. «Психическое в отношении к нейрофизиологическому рассматривается как системное качество. Психические явления сопоставляются не с отдельными нейрофизиологическими процессами, а с организованными совокупностями таких процессов. При этом (что важно подчеркнуть) способ организации трактуется как детерминируемый не внутримозговыми отношениями, а взаимодействием организма со средой, прежде всего — с поведением» (там же, с. 89). В это время общая теория систем чрезвычайно популярна среди советских ученых, и для психологии как нельзя лучше подходит ее постулат о том, что система элементов в результате их взаимодействия может приобретать новые свойства, которыми ни один из этих элементов не обладает. Заслуживает внимание то, что в том же 1976 г. выходит книга В. П. Кузьмина «Принцип системности в теории и ме-

тодологии К. Маркса», в которой выдвигается именно такой взгляд (Кузьмин, 1976).

Определяющую роль для характеристики психического в марксистской философии играла категория «отражение». И ожидаемо, что между Леонтьевым и Ломовым проявляются расхождения в ее трактовке. Ключевым был вопрос о том, из каких процессов складывается отражение. Ответ, который Леонтьев дает в специально посвященной этой проблеме статье: отражение формируется в результате активных процессов: «Для того, чтобы возникло отражение, одного только воздействия отражаемого объекта на живую систему, являющуюся субъектом отражения, еще недостаточно. Необходимо также, чтобы существовал „встречный“ процесс — деятельность субъекта по отношению к отражаемой реальности» (Леонтьев, 1966, с. 50). Главный же среди этих процессов — уподобление, определяемое Леонтьевым как «процесс, осуществляемый эффекторными звеньями любой перцептивной системы, динамика которого воспроизводит перцепируемые физические свойства объекта» (там же, с. 52). По его мнению, этот процесс — постоянная черта всех процессов восприятия.

В свою очередь, взгляд Ломова на природу отражения, изложен в его главной теоретической книге «Методологические и теоретические проблемы психологии». Теорию о том, что отражение складывается в результате уподобления, он осторожно характеризует как неподтвержденную: «Достаточно строгих ее подтверждений еще нет. Вместе с тем проводимые исследования порождают много сомнений. Однако они не дают пока оснований и отвергать эту гипотезу полностью» (Ломов, 1984, с. 154). Но главной для дальнейших исследований он видит другую линию: «Вряд ли оправдано связывать механизм психического отражения с работой какого-либо одного звена воспринимающей системы: рецепторного, центрального или эфферентного. По-видимому, исследуя механизм психического отражения, нужно брать всю систему в целом, всю совокупность развертывающихся в ней процессов» (там же, с. 155).

В этом принципиальное расхождение теорий. Для Ломова психическое складывается из множества процессов, имеет системный характер и может изучаться через исследование широкого круга различных феноменов. Для Леонтьева же основой психики, на которой должна быть сосредоточена психология, являются процессы, направленные от человека на внешний мир, все то, что укладывается в понятие «деятельность». Ее основной характеристикой выступает нацеленность

на какой-то внешний предмет — «предметность». В одной из своих главных теоретических статей «Проблема деятельности в психологии» Леонтьев пишет: «Деятельность может казаться беспредметной, но научное исследование деятельности необходимо требует открытия ее предмета. При этом предмет деятельности выступает двояко: первично — в своем независимом существовании, вторично — как психический образ предмета, как продукт „детектирования“ субъектом его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» (Леонтьев, 1972, с. 98). Отсюда следует важный вывод: «Внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение» (там же, с. 104).

Эти положения служат основой исследовательской программы Леонтьева. В центре его внимания различные виды деятельности, в каждом из которых можно выделить ряд элементов — мотив, цель, действия и операции. Внутренняя деятельность также раскладывается на эти единицы, и их можно зафиксировать в лабораторных условиях. Следующий шаг — установить связи между деятельностью и физиологическими процессами в мозге. И это вовсе не означает «спуск» с психологического на физиологический уровень. Характеризуя психологические исследования мозга и органов восприятия, Леонтьев пишет: «Законы, управляющие процессами их функционирования, конечно, проявляют себя, но лишь до того момента, пока мы не переходим к исследованию их результата в виде предметного действия или образа, анализ которых возможен лишь на уровне психологического анализа деятельности человека» (там же, с. 108).

Непосредственный разбор этой программы предпринимается Ломовым в статье «К проблеме деятельности», которая вышла в учрежденном в ИП АН «Психологическом журнале» в 1981 г. И здесь он явно нацелен на то, чтобы сместить теорию деятельности с места рамочной теории психологии. Его главные теоретические возражения заключаются в следующем: разделить внешнюю и внутреннюю деятельность невозможно, так как они всегда протекают совместно, и, раз их нельзя разделить, психические процессы не получится объяснить как внутреннюю деятельность, возникшую в результате интериоризации внешней. На практике это означает, что исследовательская программа Леонтьева не может быть реализована.

При этом сам автор теории деятельности упоминается в статье лишь однажды: «Деятельность, как справедливо подчеркивал А. Н. Леонтьев, — это реальная связь субъекта с объектом, в которую необходи-

мым образом включена психика» (Ломов, 1981, с. 10). Таким образом, несмотря на то что статья представляет собой, по сути, критический разбор его теории, Леонтьев появляется в ней как ученый, внесший важный вклад в построение марксистской психологии. Но это упоминание используется для того, чтобы подчеркнуть: предметом психологического исследования должна быть, в первую очередь, деятельность, направленная на реальные объекты и осуществляемая в реальных условиях. Однако в центр внимания психологии следует поставить субъекта деятельности, а «деятельность, рассматриваемая безотносительно к ее субъекту (например, при алгоритмическом ее описании), никакими психологическими характеристиками, конечно, не обладает» (там же, с. 11).

В таком же духе — уважительном, но с явным намерением потеснить с первого плана — выдержана итоговая оценка теории деятельности. «В системе разработанных марксизмом категорий, на которые опирается психология в развитии общей теории (а также и специальных теорий), важнейшая роль принадлежит категории деятельности». Но «вместе с тем „объяснительный потенциал“ этой категории может быть эффективно использован только в системе других категорий, таких, как общественные отношения, общение, личность сознание и др.» (там же, с. 21).

Тактику Ломова, применяемую им к теории деятельности, можно описать как «окружение»: его усилия направлены на то, чтобы поместить ее в кольцо психологических теорий, с которыми она может сосуществовать в рамках системного подхода. И его главная цель не полемика с Леонтьевым, а формирование теоретической рамки, которая сделала бы возможным сохранение и дальнейшее расширение многообразия советской психологии, но при этом поддерживала бы картину ее единства и соответствия официальной идеологии.

Психологическая теория в эпоху «большой науки»

Задача внедрения новой теоретической рамки решается Ломовым в серии статей, выходящих на протяжении 1970-х годов в ведущих научных изданиях — «Вопросы психологии», «Вопросы философии», «Вестник АН СССР» (Коннов, 2017). В статье 1971 г. «О роли практики в развитии теории общей психологии» он начинает с демонстрации способности психологической науки приносить практически полезные результаты, а затем переходит к использованию приведен-

ного им обзора для обоснования необходимости разработать общую психологическую теорию: «В последние десятилетия особенно бурное развитие получили те отрасли и направления психологической науки, которые связаны с решением практических задач (социальная, педагогическая, медицинская, инженерная психология, психология труда и спорта и др.). Именно они, пожалуй, в первую очередь определяют процесс дифференциации психологии на современном этапе. Но вместе с тем, чем более дифференцируется психология, тем острее становится потребность в разработке ее общей теории» (Ломов, 1971, с. 26). Главная мысль этого пассажа: теории, подходящей для того, чтобы объединить современную психологию пока нет, ее еще только нужно создать.

Основы этой теории были сформулированы Ломовым в 1975 г. в статье «О системном подходе в психологии», в которой прямо заявлено, что системный подход способен объединить и интегрировать все отрасли психологии. Такую возможность ему дает то, что все психологические качества человека рассматриваются им в качестве системных. «Человек как бы находится на пересечении многих разнопорядковых систем. В этом плане о его существовании можно говорить как о полисистемном процессе, принадлежность человека многим системам так или иначе проявляется в его психологических качествах. Вместе с тем психика представляет собой нечто целое, интегральное» (Ломов, 1975, с. 38). Однако, несмотря на интегральное единство психики, «сама природа психического такова, что в процессе ее исследования мы сталкиваемся с необходимостью рассмотрения разнопорядковых отношений: отношения отражения к отражаемому объекту (отражение как образ объекта), отношение отражения к его носителю (отражение как функция мозга), отношение отражения к поведению (отражение как регулятор поведения). Все эти отношения реализуются в едином процессе, динамика которого зависит от конкретных условий его протекания. Таким образом из самой сути психических явлений вытекает необходимость сочетания нескольких планов анализа» (там же, с. 39).

Ломов хорошо понимает связанные с этим подходом сложности. Намечая «общие требования» к его развитию, он фактически перечисляет препятствия. Во-первых, рассмотрение психических явлений с позиций разных систем и, соответственно, разных отраслей психологии дает несовместимые между собой данные. Во-вторых, психика представляет собой сложную изменчивую систему, состояния которой плохо поддаются фиксации. В-третьих, в психологических опи-

саниях часто смешиваются терминологии, относящиеся к разным системам, и для реализации системного подхода требуется создание единой системы классификации психологических свойств. В-четвертых, при анализе систем не получается использовать представления о линейных отношениях между явлениями и предстоит еще только найти подходящие для их описания математические инструменты. И в-пятых, системный подход требует рассматривать явления не статично, а только в их развитии.

Вряд ли Ломов, располагая информацией и о реальном состоянии психологических исследований, и о доступных советским психологам ресурсах, всерьез рассчитывал, что эти проблемы могут будут решены в обозримой перспективе. Учитывая это, оценка системного подхода в качестве парадигмы показывает, что в нем было относительно слабое ядро — фактически в нем не сформировалась какая-то единая методика, которая могла бы служить образцом для дальнейших исследований и устойчиво приносить надежные результаты. В то же время другие элементы, которые Т. Кун относил к понятию парадигмы в широком смысле, — особый язык и объяснительные модели — были в ней хорошо развиты и детализированы (Kuhn, 1977).

Это делало системный подход как нельзя более подходящим на роль общей рамки для широкого круга исследований, которые должен был координировать Институт психологии. По характеристике Ломова, данной в статье «О состоянии и перспективах развития психологии в СССР» 1977 г.: «Этот институт уже развернул исследования в областях общей, социальной, инженерной, математической психологии, психофизики, общей и дифференциальной психофизиологии, нейропсихологии. В нем разрабатываются также и некоторые прикладные проблемы. Постепенно Институт психологии АН СССР начинает выполнять и координирующую функцию, направленную на укрепление совместной работы психологов СССР, он развернул также работы по дальнейшему развитию сотрудничества психологов социалистических стран» (Ломов, 1977, с. 21). При этом Ломов делал акцент именно на гибкости избранного подхода. Заявляя, что «разработка системной теории является основной теоретической задачей Института психологии», Ломов пояснял: «Неверно представлять себе дело таким образом, что общая теория — это набор общих идей и принципов, расположенных в одной плоскости. Уровни теории в современной психологии различны. Одни из них относятся к самым общим законам и свойствам психического, другие — к специальным

областям человеческой деятельности, третьи трактуют частные вопросы. Можно, по-видимому, говорить о макро-, мезо- и микроуровнях анализа психических явлений и соответственно о разных уровнях теоретических обобщений» (там же, с. 19).

Статус центрального института по психологии естественным образом предполагал вовлечение ИП АН СССР в решение государственных управленческих задач. В статье Ломов указывает два возможных направления: участие в «совершенствовании систем управления народным хозяйством» (там же, с. 13) и осуществление «идеологической функции психологии» (там же, с. 14). Однако он не акцентирует на них внимание и не пытается использовать их в качестве путей к расширению влияния психологической науки. В качестве основного способа укрепить ее общественное положение Ломов явно предпочитает расширение прикладного значения. В статье психология отстаивается прежде всего как наука, способная обеспечить рост производительности в различных отраслях экономики, а не нацеленная на совершенствование политического управления.

Не проявляя интереса к расширению влияния психологии в политико-идеологическом поле, Ломов в то же время постепенно формирует наступательную позицию по отношению к другим общественным дисциплинам. В статье, вышедшей в «Вестнике Академии наук», который уже по своему статусу адресовался всему научному сообществу, он открыто высказывает недовольство существующим разделением предметных сфер: «К сожалению, до сего времени при разработке таких категорий, как сознание, познание, личность, общение, общественные отношения, и других исследователи нередко подменяют психологические аспекты исследования философскими, социологическими, этическими, педагогическими и иными аспектами. В связи с этим необходимо четко определить те аспекты категорий, которые могут и должны изучаться психологической и никакой другой наукой» (Ломов, 1979, с. 45). Путь к укреплению позиций психологии в поле общественной науки лежит через переговоры: «Для этого, бесспорно, потребуются большая совместная творческая работа психологов с представителями других наук, прежде всего с философами» (там же). Философы рассматриваются в качестве главных партнеров не только в этом пассаже. В самом начале статьи указывается, что «дальнейшее развитие философии (в особенности разработка таких проблем, как роль субъективного фактора в историческом процессе, в социальной организации и управлении обществом,

познавательная деятельность человека, творческое мышление, роль интуиции в познании и др.) немислимо без серьезной опоры на результаты психологических исследований» (там же, с. 35). Таким образом Ломов заявляет о намерении психологии взять на себя разработку целого ряда вопросов, которые ранее относились к исключительному полю философии.

В том же 1979 г. выходит статья «Психологическую науку на службу практике», написанная Ломовым в соавторстве с А. А. Бодалевым и В. В. Лучковым. Участие Бодалева во многом показательно — так же, как и Ломов, ученик Ананьева и ранее декан психологического факультета ЛГУ, в 1979 г. после смерти Леонтьева он занял должность декана психологического факультета в Московском университете. Это назначение прямо свидетельствовало об усилении позиций ленинградцев. И в статье фактически предлагается их программа развития советской психологии, отражающая намеченные в предшествующих публикациях Ломова приоритеты — утверждение системного подхода в качестве рамочной теории, упор на прикладную психологию и укрепление позиций в поле междисциплинарных исследований. Обозначенные же цели отличаются масштабностью: «Координация исследовательской и научно-прикладной деятельности как основных психологических центров страны... так и психологических подразделений, имеющих в пединститутах и в ведении отдельных ведомств, должна быть поднята с уровня простой констатации того, что делается в каждом из этих центров, как это имеет место сейчас, на уровень работы всех их по единому плану. Очевидно, что в этом плане, который надо создавать уже сейчас, а вводить в действие в начале очередной пятилетки, необходимо, учитывая объективную и субъективную подготовленность каждого научного подразделения, определить задания каждого из них, наметить ориентировочные рубежи, на которые в результате выполнения этих заданий они должны выйти, договориться о формах фиксации получаемых результатов» (Бодалев и др., 1979, с. 18–19). Необходимым условием для успеха такого сложного комплексного предприятия является системный подход: «Только системно организованная дисциплина способна обеспечить практическую проверку теоретической состоятельности поставляемого знания, а главное — его адекватность многомерной ситуации реального использования» (там же, с. 20).

Выдвижение системного подхода Ломова полностью соответствовало духу времени: теория систем находилась на пике популярности

в СССР и оставалась в центре внимания в западных странах, хотя там пик ее влияния пришелся на 1960-е годы. Ее возникновение было, по сути, ответом на проблему роли гуманитарных дисциплин в эпоху «большой науки», и эту же проблему уже применительно к психологии решал Ломов, продвигая системный подход. Отличительными чертами новой эпохи были сближение науки с промышленностью, в первую очередь с оборонной, и восприятие ею ряда характерных черт индустриального производства. Наука все в большей мере включается в производственные цепочки и вследствие этого вынуждена все тщательней подгонять свои результаты под промышленные стандарты, что, в свою очередь, сказывается на содержании исследований. Главным полем, на котором реализовывались эти изменения, была физика, и здесь масштаб преобразований, затронувших западный и советский научные комплексы, был примерно равным. В психологии же эти масштабы явно различались. Три главных направления военной работы психологов, обеспечившие быстрый рост этой науки в США, — отбор военнослужащих по психологическим показателям, психологическая реабилитация и воздействие на моральный дух населения (Herman, 1995), — привели к буму в таких отраслях, как психометрика, психотерапия и социальная психология. В послевоенном же СССР психология развивалась под воздействием других социально-политических факторов (Кольцова, Олейник, 2006). Резкий рост затронул инженерную психологию, одной из главных публикаций по которой была как раз книга «Человек и техника» (Ломов, 1966). Тем не менее в психологии в целом четко проявились черты новой организационной модели: резко возросший масштаб исследований, большие коллективы, включая многочисленный вспомогательный персонал, использование нового оборудования, а также сближение исследований с процессом проектирования.

Что же касается Института психологии, то он в полной мере носил на себе приметы большой науки. По технической оснащенности он принципиально отличался от всех предшествовавших ему советских психологических учреждений. За первые три года работы института на закупку оборудования было потрачено около 2 млн рублей, и к 1975 г. в нем функционировало четыре компьютера (Отчет, 1972, 1973, 1974). Их обслуживанием занимался специальный научно-технический отдел, а доля инженерно-технического персонала составляла около 30% от общего штата института (Отчет, 1974). В психофизиологических исследованиях, проводимых в институте, активно исполь-

зовалась энцефалография и ряд других диагностических технологий. И в исследованиях, в которых задействовались эти технологические ресурсы, не считались приоритетными принципиальная теоретическая новизна или полная согласованность множества используемых подходов. Гораздо больше внимания уделялось четкости результатов и их соответствию нуждам заказчиков.

Как отражение своей эпохи можно рассматривать и теорию деятельности Леонтьева, сложившуюся в принципиально иных исторических обстоятельствах и, соответственно, представлявшую собой иной, по-своему уникальный тип психологии. Период становления теории деятельности пришелся на 1920—1930-е годы (Леонтьев и др., 2005). В целом он предполагает университетскую лабораторию, в том виде, в котором она сложилась в последние десятилетия XIX в. и оставалась определяющей для психологических исследований до Второй мировой войны. Исследовательские работы, осуществляемые в этом контексте, подразумевают небольшие коллективы, состоящие, как правило, из задающего цели и выбирающего методы профессора и небольшого числа сотрудников. Более того, на характере этих работ сказывались общие трудности данного периода советской истории: в большинстве случаев они были сжатыми, осуществлялись, используя минимум ресурсов, и по возможности создание специальных экспериментальных ситуаций заменялось в них более доступным наблюдением. Одновременно это была эпоха накаленных теоретических дискуссий, что предопределяло предельное внимание к формулировкам и концепциям. Оригинальность играла особую роль, но понималась по-особенному, главным образом в том смысле, что любое заимствование из зарубежных источников могло сразу же навлечь на автора обвинения в «подобострастии» к «буржуазной» науке. Естественно, что в таких условиях теоретическая работа приобретала особое значение.

Различия между двумя видениями психологии — как университетской лабораторной дисциплины и как «большой науки» — проявились в следующих характерных чертах.

Прежде всего теория Леонтьева, следующая монистическому в своей основе марксизму, принимает в качестве стратегии поиск во всех исследуемых явлениях единого принципа и ожидает в качестве результата сведение исследуемого явления к данному принципу. Теория же Ломова, допускающая гораздо больше «вольностей» с марксизмом и принимающая его скорее на уровне терминов, чем содержательно, заведомо предполагает множественность точек зрения

и исходит из того, что явление может раскрываться в результате его описания с каждой из них. Это делает ее гораздо более подходящей на роль рамочной теории, так как позволяет включить в общее видение все множество психологических подходов, в то время как теория деятельности не дает возможности сгладить моменты «несоизмеримости» между ними.

Теория Леонтьева также ориентирована на определенный вид психологического исследования и относительно мало — на прикладные задачи. Подход Ломова, напротив, ставит последние в основу психологического проекта. В принципе его можно рассматривать как теоретическое дополнение к инженерной психологии, которая была основным направлением для Ломова, его первоначальным проектом было создание института инженерной психологии, который превратился в общепсихологический институт лишь позднее (Ломов, 1991). Его усилия по созданию нового института увенчались успехом во многом благодаря поддержке со стороны промышленности, в том числе оборонной. И в дальнейшем наиболее ярким примером работ, осуществляемых в интересах обороны были исследования для авиационной и космической отраслей (Экспериментально-психологические исследования, 1978).

По контексту формирования леонтьевскую психологию можно охарактеризовать как тесно связанную с преподаванием. В ситуации 1920—1930-х годов исследовательских учреждений и должностей в области психологии было мало, и большинству психологов приходилось вместе с исследовательской работой выполнять большую преподавательскую нагрузку. К тому же, по воспоминаниям современников, преподавание было для Леонтьева призванием. И, надо сказать, это отразилось в его теории. Она логична, последовательна и способна удивлять — черты, которые вполне можно связать с успешным преподавательским опытом ее автора. Формированию этих черт также мог способствовать контекст постоянной напряженной полемики, отличавший сталинский период советской науки.

В свою очередь, ломовский подход, сложившийся в позднесоветскую эпоху в контексте крупнейшего в стране психологического института, также может рассматриваться как отражение условий своего появления. Системный подход гибок и относительно легко сочетается с другими, даже сильно расходящимися между собой направлениями. Эти черты не всегда работают как преимущества, их обратная сторона — снижение внутренней согласованности концепции и вы-

сокий уровень абстрактности описаний. Но, если обратить внимание на главную аудиторию, которой адресуется системный подход, то эти недостатки оказываются приемлемыми: то, что может служить барьером для начинающих свое знакомство с психологией студентов, достаточно легко преодолевается профессиональными исследователями, уже отдающими себе отчет, что реальная исследовательская работа никогда в полной мере не соответствует внутренне согласованным теоретическим моделям.

Если оценить системную психологию Ломова как научно-исследовательскую программу в понимании И. Лакатоса, то ее приоритетом был не прирост эвристического потенциала в смысле постановки новых проблем и выдвижения принципиально новых решений, а возможность включения в оборот уже существующего потенциала различных ветвей психологии, включая представлявшую главный интерес для самого Ломова ее инженерную отрасль (Лакатос, 2003). Таким образом в качестве главного официального лица советской психологии он решал политическую задачу создания соответствующего официальной доктрине образа психологической дисциплины, что было необходимо для сохранения ее социального статуса как признанной науки и расширения доступа к нужным для исследовательской работы ресурсам. Необходимость решать эту задачу была предопределена тем, что в 1970-е годы в советской гуманитарной науке складывалась новая ситуация: главным основанием для государственной поддержки гуманитарных дисциплин вместо готовности расширять зону влияния идеологии становилась способность стабильно получать результаты, применимые в производстве или в других практических отраслях. Другим моментом, делающим выдвижение новой рамочной теории необходимым, было утверждение нового Института психологии как головной психологической организации в стране, для чего нужно было продемонстрировать способность охватить в принятой в нем концепции все советские психологические исследования. Учитывая быстрый рост и разветвление психологического сообщества, такое требование выглядело завышенным и добиться подобного охвата можно было в лучшем случае на уровне введения общего языка, который позволял бы описывать разнообразные психологические исследования, при этом не требуя от них реального пересмотра собственной теоретико-методологической базы (Юревич, 2018).

В то же время влияние марксизма не сводилось к идеологическому навязыванию искусственных стандартов. К рассматриваемому

периоду марксистское мировоззрение в значительной степени интегрировалось в общую культуру, что имело следствием в том числе и появление оригинальной советской психологии. Но, став частью культуры, марксизм, появившийся как, по определению, радикальное интеллектуальное течение, парадоксальным образом превратился в консервативную силу, противостоящую попыткам обновления культурного поля. В качестве же пути обновления главным образом воспринималось обращение к западным образцам, что в психологии означало поворот к методам позитивной науки. И Леонтьев с Ломовым оказались главными представителями этих двух противоборствующих тенденций научной политики.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980.
- Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А.* История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. 2020а. Т. 41. № 5. С. 97–107.
- Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Первые годы научной деятельности сектора социальной психологии в Институте психологии АН СССР // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020б. Т. 5. № 3. С. 197–226.
- Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Зарождение системного подхода в институте психологии АН СССР В 1972–1973 гг. // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1 С. 36–45.
- Бодалев А. А.* Борис Федорович Ломов – воспитанник ленинградской психологической школы и талантливый продолжатель ее традиций // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 14–16.
- Бодалев А. А., Ломов Б. Ф., Лучков В. В.* Психологическую науку на службу практике // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 17–22.
- Грэхэм Л.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Изд-во полит. лит., 1991.
- Зинченко В. П., Леонтьев А. Н., Ломов Б. Ф., Лурия А. Л.* Парапсихология: миф или реальность? // Вопросы философии. 1973. № 3. С. 128–136.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: МосГУ, 2006.

- Кондратьев М. Ю.* Отечественное профессиональное психологическое сообщество. М.: Генезис, 2015.
- Коннов В. И.* Формирование теоретико-методологической базы психологических исследований на этапе становления Института психологии АН СССР // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 43–55.
- Коннов В. И.* Инженерная психология в культурном контексте советской науки 1960-х гг.: Опыт исследовательской программы Бориса Ломова // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 4. С. 17–30.
- Коннов В. И.* Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х: теоретические и социально-политические истоки // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1. С. 6–27.
- Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Изд-во полит. лит., 1976.
- Лакатос И.* Методология исследовательских программ. М.: АСТ, 2003.
- Леонтьев А. Н.* Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 48–56.
- Леонтьев А. Н.* Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972. № 9. С. 95–108.
- Леонтьев А. Н.* Биологическое и социальное в психике человека // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения в двух томах. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 76–95.
- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.
- Леонтьев А. Н., Ломов Б. Ф.* Человек и техника // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 29–37.
- Леонтьев А. Н., Ломов Б. Ф., Кузьмин В. П.* Актуальные задачи психологической науки // Коммунист. 1976. № 6. С. 73–82.
- Ломов Б. Ф.* Человек и техника. М.: Советское радио, 1966.
- Ломов Б. Ф.* Инженерная психология // Наука и человечество. М.: Знание, 1970.
- Ломов Б. Ф.* О роли практики в развитии теории общей психологии // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 26–35.
- Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.
- Ломов Б. Ф.* Соотношение социального и биологического как методологическая проблема психологии // Вопросы философии. 1976. № 4. С. 83–95.

- Ломов Б. Ф.* О состоянии и перспективах развития психологии в СССР // Вопросы психологии. 1977. № 5. С. 9–24.
- Ломов Б. Ф.* Психология в системе наук и в общественной практике // Вестник АН СССР. 1979. № 6. С. 35–45.
- Ломов Б. Ф.* К проблеме деятельности // Психологический журнал. 1981. № 5. С. 3–22.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф.* Выступление на торжественном собрании, посвященном 15-летию образования Института психологии АН СССР // Психологический журнал. 1991. № 4. С. 16–26.
- Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
- Отчет о научно-исследовательской работе за 1974 года Института психологии АН СССР. АРАН Ф. 2097. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–67.
- Отчет о научно-исследовательской и организационной работе Института психологии АН СССР за 1972 год. Д. 2. Л. 1–28.
- Отчет о научно-исследовательской и организационной работе Института психологии АН СССР за 1973 год. Д. 6. Л. 1–53.
- Пископнель А. А., Щедровицкий Л. П.* Инженерная психология или эргономика? // Вопросы психологии. 1980. № 3. С. 88–101.
- Пономаренко В. А.* На чьих плечах стоим. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Постановление Президиума Академии наук Союза ССР 16 декабря 1971 г. Об организации Института психологии АН СССР. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 957.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. Изд-во Академии наук СССР, 1959.
- Смолян Г. Л. В. П.* Зинченко и становление инженерной психологии в СССР // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 626–643.
- Стенограмма заседания Президиума АН СССР. 26 мая 1983 г. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864.
- Стенограмма заседания секции общественных наук Академии наук СССР. 6 декабря 1979 г. АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 287.
- Стенограмма заседания Ученого Совета Института психологии АН СССР. 7 марта 1973 г. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 9.

- Стенограмма первого заседания Ученого Совета Института психологии. 29 июня 1972 г. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 3.
- Хрущев Н. С.* Развитие экономики СССР и партийное руководство народных хозяйством // Правда. 1962. 20 ноября. С. 1–5.
- Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, К. К. Платонов. М.: Наука, 1978.
- Юревич А. В.* Структура психологических теорий // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 141–159.
- Chapanis A.* The Chapanis Chronicles. Santa Barbara: Aegean Publishing Company, 1999.
- Herman E.* The Romance of American Psychology. Berkley: University of California Press, 1995.
- Kuhn T.* The Essential Tension. Chicago: University of Chicago Press, 1977.
- Lillianfeld R.* The Rise of Systems Theory: An Ideological Analysis. New York: John Wiley and Sons, 1978.
- Sirotkina I., Smith R.* Russian Federation // D. Baker (Ed.). The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives. New York: Oxford University Press, 2012. P. 412–441.
- Vidmer R. F.* Management Science in the USSR: The Role of Americanizers // International Studies Quarterly. 1980. № 3. P. 392–414.

История зарождения психологического сообщества в СССР

О. А. Артемьева

Введение

История советской психологии в представлениях многих современных специалистов ассоциируется, с одной стороны, с ограниченным кругом выдающихся ученых, а с другой – с ограничениями развития в особых условиях советской научной политики. Обедненные представления о путях и достижениях собственной науки негативно сказываются на становлении профессионального самосознания психологов-исследователей и практиков. Между тем в работах современных отечественных ученых формы односторонности в освещении истории науки преодолеваются (Артемьева, 2011; Ахутина, 2019; Историческая преемственность..., 2019; Костригин и др., 2015), прежде всего благодаря реализации таких принципов историко-психологического исследования, как принцип конструктивно-позитивного анализа истории психологии и принцип единства коллективного и индивидуального творчества в развитии психологического познания (см.: Кольцова, 2004). При этом историки психологии вычленяют конструктивные идеи, возникшие в ходе развития научного познания, уделяя внимание не только его индивидуальному, но и коллективному аспекту.

Абсолютизация вклада отдельного ученого и негативных аспектов социальной детерминации науки преодолевается при анализе развития советской психологии как истории становления научного сообщества: в качестве субъекта научного познания изучаются не только отдельные ученые и их группы, но и научное сообщество в целом. Оно представляет собой не просто совокупность входящих в него ученых, а единство, вырабатывающее нормы и идеалы собственной исследовательской деятельности. Единство научного сообщества при определении предмета и методов исследования, научных ценностей и т. п. возникает

не сразу. Этому, согласно Т. Куну, предшествует этап допарадигмальной науки с характерными для него противоречиями, дискуссиями, поиском и выработкой идеалов и норм научного познания (Кун, 1977).

Целостный подход к изучению *истории советской психологии как становления ее научного сообщества* и достижения им стадии парадигмальной науки впервые представлен и реализован в наших работах (Кольцова, Артемьева, 2013). В предложенном подходе к изучению психологического сообщества получают развитие представления об уровневой организации субъекта научного познания, реализованные в философских, науковедческих и психологических работах. Хотя в философской традиции понятие коллективного субъекта научного познания является достаточно разработанным, психологический подход позволяет дать ему содержательное наполнение, раскрыть стадиальную динамику становления. Представления об уровневом характере коллективного субъекта научного познания и творческой деятельности, а также его детерминации реализованы в работах М. Г. Ярошевского, В. П. Карцева и А. В. Юревича (Карцев, 1984; Юревич, 2001; Ярошевский, 1979). Социально-психологический вектор разработки феномена коллективного субъекта научной деятельности перспективен в рамках теории коллектива (Петровский, 1982; Уманский, 1980) и деятельностного подхода к исследованию субъекта совместной деятельности (Донцов и др., 1998).

Наиболее эвристичным в нашем исследовании зарождения психологического сообщества представляется *субъектный подход* к изучению научного коллектива и научного сообщества. Его основы заложены в работах А. Л. Журавлева. Автор выявляет общее в психологических свойствах личности, малой и большой группы, а также общества в целом (Журавлев, 2000). И определяет следующие уровни субъектности: 1) уровень потенциальной субъектности, или предусубъектности (субъектность как взаимосвязанность и взаимозависимость совокупности индивидов); 2) уровень реальной субъектности (субъектность как совместная активность); 3) уровень рефлексирующей субъектности (субъектность как групповая саморефлексивность) (Журавлев, 2009).

Процедура исследования

При определении критериев достижения стадий коллективного субъекта сообществом советских психологов в нашем исследовании учитывалась значительная временная протяженность основных процессов, протекавших в истории науки. Поэтому для изучения истории

становления научного сообщества как коллективного субъекта были выделены две стадии – становящегося и развитого коллективного субъекта. В качестве критериев их достижения – целостность как взаимосвязанность и взаимозависимость, общественная значимость деятельности, предметность, иерархичность, саморефлексивность, способность к самоорганизации и саморазвитию.

Временные рамки исследования становления научного сообщества психологов как коллективного субъекта были ограничены 1922–1953 гг. 1922 г. отмечен рядом событий в истории науки и общества: создания СССР, избрания И. В. Сталина генеральным секретарем ЦК КПСС, организации Главнауки, высылки представителей интеллигенции, роспуска Психологического общества при Московском университете. 1953 г. связан, прежде всего, с окончанием сталинского периода в развитии советской науки, а также с конструктивным решением задач, обозначившихся во время Павловской сессии (Стоюхина, Журавлев, 2021), в том числе в ходе Совещания по вопросам психологии 1952 г. (Журавлев, Стоюхина, 2022).

С целью реконструкции истории зарождения научного сообщества в советской психологии проведен биографический и историографический анализ, анализ результатов научной деятельности советских психологов (диссертаций, монографий, учебных пособий, сборников трудов, журнальных и газетных публикаций, материалов научных съездов и конференций, предисловий к переводным изданиям, рецензий) и сленговый анализ заголовков научных работ советских психологов с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена (см.: Артемьева, 2015а). Всего в анализе участвовали 1546 работ 39 ведущих отечественных психологов, опубликованных на русском языке в СССР с 1922 по 1953 г.

Полученные результаты позволили расширить представления о динамике становления отечественного психологического сообщества и дополнительно выделить стадию предсубъектности, которая ранее уже предлагалась (Журавлев, 2009; и др.). Дадим характеристику каждой из трех стадий: предсубъектности, становящейся и развитой субъектности.

Стадии становления психологического сообщества

Первая стадия зарождения научного сообщества – стадия предсубъектности – зафиксирована в советской психологии в послереволюционный период дискуссий о возможностях построения марксистской

психологии. Стадия становящегося коллективного субъекта, согласно полученным данным, была достигнута в условиях относительно стабильной плановой научной политики 1930-х годов. Достижение стадии развитого субъекта обнаружено в истории развития советской психологии в 1940—начале 1950-х годов. Критерии и показатели достижения стадий становления и развития научного сообщества как коллективного субъекта представлены в таблице 1.

В качестве критериев формирования *стадии предсубъектности* нами рассматривались достижения целостности как взаимосвязанности и взаимозависимости членов психологического сообщества и выраженной общественной значимости практической и исследовательской деятельности. Конкретными обнаруженными показателями *взаимосвязанности и взаимозависимости членов* сообщества в этот период были: активная научная коммуникация в форме научных дискуссий внутри психологического сообщества, начиная с дискуссии о марксизме в психологии (1923—1924) до рефлексологических и реактологической дискуссий (1929—1931), а также издания советских психологических журналов («Психология», «Педология», «Психофизиология труда и психотехника» и др.). Кроме того, по результатам сленгового анализа выявлено усиление взаимосвязи тематики исследований ведущих психологов, а также выделение марксистской психологии в качестве предмета этих связей (Артемьева, 2015а).

Показателями *общественной значимости деятельности* психологов является их участие в выполнении социального заказа в сфере как практической психологии (сопровождение дошкольного, среднего, высшего, а также специального образования, индустриализации и т. п.), так и психологических исследований (построения новой марксистской психологии). Уже в этот период было положено начало активной институционализации советской психологии. Работали и открывались новые научные психологические центры, финансируемые государством. Прежде всего основанный в г. Петрограде в 1918 г. Институт по изучению мозга и психической деятельности под руководством В. М. Бехтерева, созданная в 1921 г. Российская академия художественных наук, где проводил междисциплинарные исследования Г. Г. Шпет, и др.

Продолжил свою работу Научный институт им. П. Ф. Лесгафта, на базе которого разрабатывались проблемы зоопсихологии. И собственно Психологический институт им. Л. Г. Щукиной, выведенный в 1925 г. из структуры университета и продолживший свое существо-

Таблица 1
Стадии зарождения научного сообщества в советской психологии

Стадия	Период	Критерий	Показатель
1. Стадия предсубъектности	1922—1931	Взаимосвязанность и взаимозависимость членов сообщества Общественная значимость деятельности	Активные научные дискуссии внутри психологического сообщества; организация работы советских психологических журналов; усиление взаимосвязи тематики исследований ведущих психологов Институционализация психологии, работа научных психологических центров, финансируемых государством; участие психологов в выполнении социального заказа (по борьбе с беспризорностью, народному просвещению, индустриализации и т. п.)
2. Стадия становящегося субъекта	1932—1939	Предметность деятельности	Научное самоопределение, конкретизация методологических основ советской психологии; противопоставление отечественной психологии зарубежной (прекращение публикации переводов, усиление критики научных работ «буржуазных» психологов); подведение первых итогов развития советской психологии
		Иерархичность субъекта	Создание советской системы подготовки и аттестации научных кадров, появление советских докторов наук; реализация партийного принципа в организации научных и учебных центров психологии
		Саморефлексивность	Осмысление результатов развития советской психологии в обзорных и историко-психологических работах ведущих психологов; издание и признание научным сообществом фундаментального труда, обобщающего результаты развития советской, марксистской психологии
3. Стадия развитого субъекта	1940—1953	Способность к самоорганизации и саморазвитию	Работа специализированных научных психологических центров; активная работа диссертационных советов и защита докторских диссертаций по психологии; успехи прикладной и практической психологии в выполнении социального заказа военного времени и фундаментальной психологии — в отстаивании статуса психологии как самостоятельной науки в ходе Павловской сессии

вание в качестве самостоятельного научного учреждения. Знаковым событием, свидетельствующим о внимании государства к психологической науке, стало назначение в 1923 г. его директором К. Н. Корнилова, провозгласившего лозунг построения марксистской психологии и сменившего на этом посту основателя института Г. И. Челпанова.

В решении конкретных прикладных, общественно значимых задач борьбы с беспризорностью, индустриализации и т. д. участвовали психологи — сотрудники лабораторий, созданных в 1920—1923 гг. Центрального института труда при ВЦСПС, Государственного психоаналитического института и др.

О всесоюзном масштабе решаемых психологическим сообществом задач свидетельствует целый ряд организованных психологических съездов, прежде всего, Первый и Второй всероссийские съезды по психоневрологии (1923, 1924) и Первый всесоюзный съезд по изучению поведения человека (1930).

Критериями достижения научным сообществом *стадии становящегося коллективного субъекта* в 1932—1939 гг. стали иерархичность коллективного субъекта и предметность его деятельности. В качестве конкретных показателей *иерархичности* научного сообщества по результатам исследования выявлены следующие: реализация партийного принципа в организации работы научных и учебных центров психологии; создание новой советской системы подготовки и аттестации научных кадров.

Набор студентов для обучения в научно-образовательных центрах, в частности в Государственном институте психологии, педологии и психотехники, еще с 1920-х годов проводился с учетом их рабоче-крестьянского происхождения. При инспекции работы института, в ходе инициированных Советом народных комиссаров «чисток», проверок социального состава работников и студентов главную роль выполняли партийные работники (см., например: Костригин, 2017а, 2017б). В 1932 г. на пост руководителя института был назначен выпускник Института красной профессуры В. Н. Колбановский. В 1935 г. отечественная психология получила первых советских докторов наук: научные степени были присвоены П. П. Блонскому, С. В. Кравкову, К. Н. Корнилову.

О формировании в этот период *предметности деятельности* членов психологического сообщества свидетельствуют: научное самоопределение сообщества и конкретизация методологических основ советской психологии. Члены научного сообщества определялись в своей

принадлежности к советской психологической науке как сфере исследовательской и практической деятельности. Вырабатывали общие представления о предмете, методах и принципах работы.

В трудах Л. С. Выготского, М. Я. Басова, С. Л. Рубинштейна и др. проводился глубокий анализ основных положений работ К. Маркса и В. И. Ленина, в том числе впервые опубликованных в 1929–1930 гг. «Философских тетрадей» В. И. Ленина; разрабатывались основы конкретно-научной методологии советской психологии. Подводились первые итоги развития советской психологии. В частности, в 1933 г. вышла обзорная статья А. Р. Лурии «Пути советской психологии за 15 лет». 1935 г. ознаменован выходом учебного пособия «Основы психологии» С. Л. Рубинштейна, его «попытки дать целостную систему психологии» (Рубинштейн, 1935, с. 6), определить предмет и методы, место советской психологии в мировой науке и перспективы реализации в психологии «марксистско-ленинской методологии» (Рубинштейн, 1935, с. 37).

Вместе с тем росло противопоставление отечественной психологии и зарубежной. Усилилась критика отечественных и тем более зарубежных психологических работ. Прекратились публикации переводных книг европейских и американских психологов. Если в первой половине 1930-х годов переводные работы еще публиковались при условии наличия критических предисловий (см., например: Выготский, 1932), то после 1935 г. не обнаружено ни одного переводного психологического издания (Артемьева, 2015а). Противопоставление отечественного научного сообщества «буржуазным» ученым происходило в связи с методологическим самоопределением сообщества, его философских и конкретно-научных ориентиров.

Этот этап зарождения психологического сообщества был ознаменован закрытием в ходе реформы печати специализированных психологических журналов, в том числе «Психология» и «Педология», выходявших в 1928–1932 гг.

Плодом целенаправленной научной политики по построению самобытной марксистской науки стал новый коллективный субъект научной деятельности, осознающий стоящие перед ним общественные задачи, противопоставляющий себя «буржуазному» психологическому сообществу, руководимый «красными профессорами» и новыми, признанными советской властью докторами наук.

В качестве критериев перехода научного сообщества к *стадии развитого коллективного субъекта* в 1940–1953 гг. рассматривались

саморефлексивность, а также способность к самоорганизации и саморазвитию. Показателями *саморефлексивности* психологического сообщества в этот период являются: осмысление результатов развития советской психологии в обзорных и особенно в историко-психологических работах ведущих психологов. Прежде всего издание фундаментального труда, обобщающего конкретные результаты коллективных психологических исследований и разработки методологических основ советской психологии, учебника «Основы общей психологии» С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1940). Выход пособия вызвал активное обсуждение представленного комплекса идей внутри научного сообщества, сопровождался целым рядом рецензий (Артемьева, 2015б; Богданчиков, 2009), а его автор был представлен ведущими советскими учеными к соисканию и удостоен «Сталинской премии» в 1942 г. Кроме того, на этот период приходится значительное число историко-психологических публикаций, историографических и учебных работ, представляющих научные и философские истоки и достижения отечественной психологии, в частности, Б. Г. Ананьева, Б. М. Теплова, М. В. Соколова и др.

Конкретными показателями способности сообщества советских психологов к *самоорганизации и саморазвитию* в 1940—начале 1950-х годов являются: работа специализированных научных психологических центров не только в столице, но и в регионах; активная деятельность диссертационных советов и защита докторских диссертаций по психологии; успехи прикладной и практической советской психологии в решении общественно значимых задач военного времени, а также достижения отечественной фундаментальной психологии — в отстаивании статуса психологии как самостоятельной науки в период Павловской сессии (см.: Артемьева, 2021; Стоюхина, Журавлев, 2021).

Заключение

Таким образом, в ходе зарождения научного сообщества в течение трех десятилетий с 1922 по 1953 г. советские психологи выработали общие теоретико-методологические основы фундаментальных и прикладных исследований. В 1920-х годах был определен философский уровень методологии психологического исследования — диалектико-материалистическое марксистское учение. В 1930-х годах благодаря осмыслению и развитию философско-психологических по-

ложений работ К. Маркса и В. И. Ленина в трудах Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна был заложен методологический фундамент советской общепсихологической концепции: представление о психической деятельности как предмете исследования и объективном методе ее изучения; принципы развития, детерминизма, единства сознания и деятельности, личностного и деятельностного опосредования психического и др. Выработаны оригинальные решения психогностической, психофизиологической и психосоциальной проблем. В середине 1930-х годов основные дискуссии переместились из области методологического поиска в область теоретических и даже методических изысканий. Возможность дублирования научных исследований и методологической разобщенности была сведена к минимуму. Это способствовало оформлению отечественной психологии как «нормальной науки» (Кольцова, Артемьева, 2011).

Следующий за рассмотренными периодами этап можно считать временем развития оформившегося психологического сообщества, новых достижений в его самоорганизации и признании со стороны государства. На эти годы приходится открытие первого после закрытия на пороге 1930-х годов психологического журнала «Вопросы психологии» (1954—1955); основание Общества психологов СССР (1957); открытие факультетов психологии в Московском и Ленинградском государственных университетах (1966); организация и проведение в г. Москве XVIII Международного конгресса по психологии (1966); наконец введение научных степеней кандидатов и докторов наук по психологии (1968). Этот период развития советского психологического сообщества интересен в плане как анализа результатов и психологических механизмов развития научного сообщества, так и определения возможностей приложения к исследованию этого развития куновских представлений о стадиях «кризиса парадигмы» и «экстраординарной науки» (см.: Кун, 1977).

Собранные материалы и полученные результаты позволяют осмыслить историю отечественной психологии в конструктивном ключе, конкретизировать заслуги советского психологического сообщества в развитии науки и общественной практики. Реализация субъектного подхода обеспечивает возможность исследования истории становления советской психологии не как противостоявшей мировой, но как обнаружившей, пусть и в противоречивых условиях своего развития, специфические возможности и уникальный путь познания психологической жизни личности и группы.

Внимание к сообществу ученых в исторической ретроспективе способствует выявлению ресурсов развития психологической науки, преодолению даже самых сложных условий. Позволяет аргументированно противостоять попыткам дискредитации достижений отечественной психологии и представления ее как компромисса или симбиоза науки и власти (Артемьева, 2011), изучать историю советского психологического сообщества не как пассивной мишени идеологического давления и репрессивной научной политики и вместе с тем не как прагматичного партнера партийной власти в борьбе за влияние, а как коллективного субъекта, проявившего в сложных социальных условиях способность к самоорганизации и саморазвитию.

Описание истории развития психологического познания как единства коллективного и индивидуального творчества позволяет реализовать конструктивно-позитивный принцип историко-психологического анализа. Такой подход к представлению истории отечественной психологии важен при организации не только исследовательской, но и учебной деятельности в ходе диалога со студентами психологических факультетов с ориентацией на выработку позитивной профессиональной идентичности будущих психологов.

Есть основания полагать, что представление о стадиях становления сообщества советских психологов может быть использовано для характеристики развития национальных научных сообществ в других социогуманитарных дисциплинах, в том числе других стран. Независимо от формы политического и экономического устройства научное сообщество является системообразующим уровнем социально-психологической детерминации развития науки (Артемьева, 2015а). В иерархии коллективного субъекта познания этот уровень опосредует влияние общества на научные группы и научно-социальный круг ученого. Воспринимая актуальные общественные потребности и получая социальный заказ, сообщество ученых вырабатывает методологические установки, направляющие деятельность конкретных ученых, работающих в научных организациях и первичных исследовательских коллективах.

Литература

Артемьева О. А. Был ли симбиоз? (по поводу статьи А. Ясницкого «Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920–1930-х гг.») // Вопросы психологии. 2011. № 5. С. 101–110.

- Артемьева О. А. Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015а.
- Артемьева О. А. «Оружием критики» (анализ рецензий отечественных психологов первой половины XX столетия) // Вопросы психологии. 2015б. № 1. С. 123–132.
- Артемьева О. А. К 70-летию Павловской сессии: американская историография советской психологии // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 122–131.
- Ахутина Т. В. О «ревизионизме в выготсковедении». Комментарий к статье А. Ясницкого и Э. Ламдана «В августе 1941-го» (2017) // Российский журнал когнитивной науки. 2019. Т. 6. № 1. С. 70–79.
- Богданчиков С. А. Обращаясь к основам (анализ рецензий на «Основы психологии» и «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна) // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 119–130.
- Выготский Л. С. Проблема развития ребенка в исследованиях Арнольда Гезелла. Критический очерк // А. Гезелл. Педология раннего возраста. Пер. с англ. М.–Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1932. С. 3–14.
- Донцов А. И., Дубовская Е. М., Улановская И. М. Разработка критериев анализа совместной деятельности // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 61–71.
- Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред.: А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 133–151.
- Журавлев А. Л. Коллективный субъект: Основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Журавлев А. Л., Стояхина Н. Ю. Совещание по вопросам психологии 1952 г. (К 70-летию проведения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 71–80.
- Историческая преемственность в отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Карцев В. П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1984.
- Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

- Кольцова В. А., Артемьева О. А.* К истории становления советской психологии как «нормальной» науки // Известия Иркутского гос. унта. Сер. «Психология». 2013. Т. 2. № 1. С. 43–52.
- Костригин А. А.* «Работа в целом не удалась»: Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017а. № 1. С. 108–138.
- Костригин А. А.* «В поисках правильной линии»: Стенограммы заседаний по делу по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017б. № 2. С. 113–184.
- Костригин А. А., Мироненко И. А., Чупров Л. Ф.* Дискуссия по статье А. Ясницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 430–438.
- Кун Т.* Структура научных революций. Пер. с англ. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1977.
- Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982.
- Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. Пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1935.
- Стоюхина Н. Ю., Журавлев А. Л.* «Павловская» сессия: новое прочтение // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 49–58.
- Уманский Л. И.* Психология организаторской деятельности школьников. М.: Просвещение, 1980.
- Юревич А. В.* Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
- Ярошевский М. Г.* О генезисе субъекта научного познания // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 68–80.

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Психологическое наследие А. А. Богданова

О. Г. Носкова

Краткий биографический очерк А. А. Богданова

В 2023 г. исполняется 150 лет со дня рождения А. А. Богданова. Что о нем известно историкам научной мысли? Психологические идеи А. А. Богданова представлены в отечественной историко-психологической литературе недостаточно. В книге А. В. Петровского «История советской психологии» (1967) содержательно они не рассматривались, обозначалась лишь их принадлежность к ревизионизму, позитивизму и механицизму в философии, объявленным в 1920-х годах главным объектом критики. Упоминались две его публикации: «Тектология» (Богданов, 1913а, 1922, 1927), которая оценивалась как реализация махистских философских взглядов автора, и статья о загадках первобытного мышления (Богданов, 1925), представленная лишь как свидетельство перехода автора от эмпириомонизма к рефлексологии (Петровский, 1967, с. 72). В нашей статье и других публикациях не доставало полноты и системности в освещении психологических взглядов Богданова (Носкова, 1999). Попробуем реконструировать психологические идеи ученого, их место в его биографии и научно-философском творчестве. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы способствовать признанию многочисленных заслуг А. А. Богданова в разных видах научной деятельности и обосновать право причислить его к отечественным российским и советским психологам.

Александр Александрович Богданов (Малиновский) родился 22 (10 по старому стилю) августа 1873 г., умер 7 апреля 1928 г., член РСДРП(б) (с 1903 г. по 1910 г.), участник революции 1905 г., врач-психиатр, философ и социолог, экономист, публицист и писатель-фантаст, один из организаторов Социалистической академии, «Пролет-

культы», естествоиспытатель, организатор и директор первого в мире Института переливания крови (1926–1928), автор «Всеобщей организационной науки – тектологии».

Ранние детские годы Богданова прошли в г. Соколке Гродненской губернии, где его отец работал учителем физики в школе¹. Семья переехала в г. Тулу, здесь юноша окончил гимназию с золотой медалью. В 1893 г. он поступил на естественно-научное отделение Московского университета, однако был отчислен со 2-го курса за участие в студенческих волнениях и отправлен в Тулу под надзор полиции и родителей. В 1899 г. он окончил медицинский факультет в Харьковском императорском университете, специализировался в области психиатрии, во время ссылки работал врачом в психиатрической больнице г. Вологды (1900–1903). Еще в студенческие годы юноша оказался вовлечен в деятельность рабочих кружков тульского оружейного завода. Он перевел с друзьями «Капитал» К. Маркса и подготовил учебное пособие для рабочих по основам марксистской политической экономии (Богданов, 1897), высоко оцененное В. И. Лениным и выдержавшее более 10 переизданий до 1917 г. Революционная деятельность Богданова закономерно трансформировалась от народнических идей к идеям РСДРП. Он участвовал в организации III, IV, V съездов РСДРП, разделял взгляды большевистской фракции. Участие в революции 1904–1905 гг. завершилось для него арестом. После годичного тюремного заключения с 1906 до 1913 г. жил в эмиграции. В 1913 г., в год 300-летия дома Романовых, как и другие «политически неблагонадежные» лица, смог по амнистии вернуться в Россию (Александр Александрович Богданов, 2021; Гловели, 1989; Горцха, 1995).

Его философские труды под общим названием «Эмпириомонизм» (Богданов, 1904а, б, 1905, 1906а) были негативно оценены В. И. Лениным, опубликовавшим под псевдонимом В. Ильина в 1909 г. книгу «Материализм и эмпириокритицизм...» (Ленин, 1961, 2021). В. И. Ленин увидел в работах А. Богданова опасный для партии вариант ревизии марксистского философского учения. В результате идейного противостояния Богданов был исключен из состава ЦК РСДРП, а в 1910 г. вышел из партии и полностью прекратил свое участие в революционной деятельности, сосредоточился на научных исследованиях и просвещении рабочих.

1 Сведения о жизни творчестве и творчестве А. А. Богданова в настоящее время доступны по многим источникам (Гловели, 1989; Горцха, 1995; Локтионов, 2021б; Неизвестный Богданов, 1995; и др.).

Важно отметить, что политическая оценка трудов Богданова лидером РСДРП(б) В. И. Лениным, сформировавшаяся на основе критического прочтения его ранних философских публикаций, к сожалению, не пересматривалась, хотя, несомненно, имела место определенная эволюция взглядов А. Богданова, и это стало одним из ведущих обстоятельств, затруднивших знакомство многих поколений наших соотечественников с его творчеством.

Как протекала жизнь и деятельность Богданова после его возвращения в Россию? Он занимался изданием своих трудов, подготовленных в годы эмиграции, публиковал книги: «Всеобщая организационная наука — тектология», Ч. 1 (1913)¹; «Философия живого опыта» (1913); «Наука об общественном сознании» (1914). Во время Первой мировой войны Богданов — полковой врач на фронте, был комиссован по состоянию здоровья. Октябрьскую революцию 1917 г. он принял, но страдал от низкого уровня культуры солдат и рабочих, пытался быть полезным стране, разрабатывая программу пролетарского университета, энциклопедии для рабочих, стоял у истоков проекта «Пролетарской культуры» (1918—1920), преподавал экономику в Московском университете (1918—1923), был членом президиума Социалистической академии (1918), а позже и Коммунистической академии, выступал там с докладами (Богданов, 1925, 1927). Зимой 1921 г. в Москве представил пленарный доклад на Первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и управлению производством; доклад был посвящен основам тектологии и ее использованию в восстановлении народного хозяйства. В 1923 г. был арестован ГПУ по подозрению в причастности к группе «Рабочая Правда», но через 1,5 месяца был освобожден как невиновный, однако его преподавание в Московском университете было прекращено. В печати продолжалась развернутая русскими марксистами кампания по тенденциозной критике философских взглядов Богданова, критиковалась также и тектология как воплощение и развитие этих философских взглядов.

Преподавание и публикация работ стали для Богданова затруднительны. С 1923 г. он начал заниматься исследованиями в области гематологии, ставил опыты на себе по трансфузному переливанию крови, получал обнадеживающие данные по положительному эффекту обменного переливания крови в его влиянии на общее самочувствие

1 Часть 2 «Тектологии» была опубликована в Санкт-Петербурге в 1917 г., а часть 3 — в Берлине. В дополненном виде часть 3 этой книги была издана посмертно в Москве в 1929 г.

участников опыта, повышение энергетических возможностей человека, появление признаков омоложения, симптомов успешного лечения хронических заболеваний. Эти исследования были поддержаны властью (И. В. Сталиным) и Богданов оказался в роли основателя и директора первого в мире Института переливания крови на ул. Большая Якиманка в Москве. Его сотрудники и последователи научились консервировать кровь и ее компоненты, обеспечили порядка 7 млн переливаний крови, в годы Великой Отечественной войны спасали жизни раненых (Белова, 1974). Однако подвижническая деятельность А. А. Богданова, ставившего опыты на себе, привела его к смерти в результате 12-го опыта.

Признание научного творчества А. А. Богданова началось с публикации его «Тектологии» в 1989 г. В 1990-е годы стал возможным относительно объективный историко-научный анализ философских идей А. Богданова, рассмотрение его полемики с товарищами по партии, идеологическими противниками (Коргунюк, 1991; Локтионов, 2021б; и др.). В редакции журнала «Вестник РАН» в 1994 г. прошло коллективное обсуждение творчества А. А. Богданова, получившее отображение в публикации «Красный Гамлет». В 1995 г. в Англии (г. Норвич) состоялась международная конференция, посвященная истории организационных учений, в центре внимания участников конференции было творчество А. Богданова. Доклады многих отечественных и зарубежных ученых были опубликованы в журнале «Вопросы философии» (1995, № 8).

В Екатеринбурге с 1999 г. действует Автономная некоммерческая организация «Международный институт Александра Богданова» (МИАБ). Сегодня практически все главные книги ученого переизданы, доступны широкому читателю. Идеи А. Богданова получили обстоятельную оценку со стороны ведущих представителей общественных и гуманитарных наук. В 2021 г. сотрудниками Института философии РАН опубликован сборник статей, посвященных жизни и творчеству А. А. Богданова (Александр Александрович Богданов, 2021). Прделана большая работа многими учеными культурологами, социологами, философами, сложились благоприятные условия для рассмотрения психологического наследия А. А. Богданова.

Философские идеи А. А. Богданова и их эволюция

По нашему мнению, психологические взгляды ученого не могут быть полноценно рассмотрены вне его философских идей, минуя занятую

им позицию в области философской методологии научного познания. Еще в 1890-е годы, занимаясь вопросами просвещения рабочих, участников революционного движения, Богданов популярно рассказывал рабочим не только об основах экономических знаний, представляющих концепцию К. Маркса, но также касался проблем социальной философии, а также общемировоззренческих марксистских взглядов. В 1899 г. он получил диплом врача-психиатра и опубликовал свою первую философскую работу «Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. Жизнь. Психика. Общество».

Ученый рассматривал философские и научные труды К. Маркса с позиции позитивистских идеалов научного познания, как научные теории, состоящие из научных истин, имеющих относительное, а не абсолютное содержание и значение. Многие важные, с точки зрения Богданова, категории и понятия в работах К. Маркса и его единомышленников были лишь намечены, не имели определений, достаточных для эмпирического изучения соответствующих им явлений действительности. Требовалось также, по его мнению, приложить немало коллективных усилий для разработки, уточнения методологии научного познания мира, отвечающего идеалам марксистской философии. Богданов обсуждал положения этой программы с товарищами по революционной деятельности, с которыми он отбывал ссылки в Калуге, Вологде, в Италии. Среди его единомышленников – В. А. Базаров, А. М. Горький, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов и др. Центральной была идея разработки такой «картины мира», где были бы соотнесены разные стороны действительности, к познанию которых можно было бы применить единый подход, метод. Предполагалось на деле (а не только в программных марксистских заявлениях) преодолеть дуализм в понимании мира естественной природы и явлений «духа», избавить науку от обращения к сверхъестественным сущностям.

Что требовало научной доработки в марксистской философии и социологии, с точки зрения Богданова? В познании природы категория «материя» утратила свое значение. Согласно работам физиков начала XX в., в частности, идеям австрийского физика Эрнста Маха и др., в естествознании более адекватно было бы использовать понятие энергии. Энергетический подход последовательно реализовался Богдановым в его первой философской книге применительно к изучению физических законов природы, явлений жизни, в анализе психики, включая феномены индивидуального сознания (Богданов, 1899, с. 215–248), и в области исследования общества.

Энергетический подход систематически дополнялся в трудах Богданова «историческим методом исследования», использованным К. Марксом в объяснении экономических явлений.

Согласно историческому материализму, для изучения законов общественной жизни марксисты рассматривали как аналоги материи и духа *базис и надстройку*. Базис (бытие, производительные силы и производственные отношения) первичен, определяет надстройку (явления общественного сознания — обычаи, мораль, право и пр.). Богданов был согласен с этим законом К. Маркса, полученным в результате исторического анализа закономерностей происхождения и развития категории меновой стоимости в человеческом обществе.

Производительные силы — понятие, требовавшее, по мнению Богданова, уточнения, ибо они не исчерпываются техническими орудиями, но предполагают развитие способности, умений и знаний о том, как ими пользоваться (включают опыт работающих людей) (Богданов, 1906б, с. 61–64). *Производственные отношения* (составляющие суть экономики) — это отношения людей, которые могут реализоваться также только с помощью сознания (индивидуального и общественного) (там же). *Бытие* (не само по себе, но бытие людей), по сути, — это трудовая деятельность коллективного субъекта в среде. Бытие людей невозможно без психики, сознания субъектов общественного бытия, таким образом, разделение бытия и сознания относительно, «они тождественны в известном смысле» (там же, с. 57)¹.

Богданов взял на вооружение идею К. Маркса о том, что наряду с основным вопросом философии о соотношении материи и духа (сознания) в ситуации *созерцательной позиции исследователя* — нужно поставить другой вопрос — *о переделке мира в интересах людей*. И в этом новом контексте возникают новые для классической философии вопросы: какова должна быть трудовая деятельность людей для успеха их борьбы с природой, какие использовать орудия, источники энергии, технологии воздействия, каков опыт — общества как коллективного субъекта, каковы способы получения, сохранения опыта и его передачи другим людям? Отсюда возникает ключевое значение категории *опыта* в философии Богданова.

Методы познания должны отвечать единым требованиям (позитивистским), доказавшим свою эффективность в естествознании.

1 Для В. И. Ленина подобные высказывания были проявлением явного идеализма, вариантом «теории тождества общественного бытия и общественного сознания» (Ленин, 2021, с. 138–139).

К ним, в частности, относятся: требование объяснять сложные явления с помощью известных, простых; использовать в рассуждениях научные методы получения и анализа эмпирических фактов, а не только исключительные итоги логических рассуждений, следующих из теории; выявлять новые взаимодействия изучаемого явления в меняющейся среде как источник изменений; искать причинно-следственные связи в изучаемых явлениях, опирающиеся на научные закономерности, а не на обращение исследователя к сверхъестественным силам, искать и научно объяснять происхождение изучаемых явлений в их относительно простых предшественниках и аналогах сложных феноменов, а не наоборот. Следствием ориентации ученого на эти позитивистские критерии научности стало его стремление к монизму в картине мира и в методах его познания. Отсюда название философской концепции Богданова — «эмпириомонизм».

Последовательное и предельно ясное изложение философских идей Богданова представлено в его книге «Философия живого опыта» (1913), где автор излагает свое понимание сути философии, ее функций на разных этапах истории общества, отношения к предметным наукам и религии.

Читателю становится понятно, что «картина мира», или «универсум», включает как существующие до и независимо от познающего субъекта разные стороны действительности, среди них: а) неживая природа; б) совокупность живых организмов во всем их многообразии; в) общество, состоящее из людей, наделенных психикой, сознанием. Общество как коллективный субъект жизнедеятельности противостоит природной и социальной среде. Для успешного существования и прогрессивного развития людям необходимо познание реальности, которая их окружает, требуется методология ее изучения, объяснения и преобразования. Человек и общество, по мысли Богданова, смогли выделиться из мира животных благодаря изобретению средств фиксации и трансформации содержания индивидуального и, главное, коллективного опыта. Мир действительности (универсум) во всех своих проявлениях в эмпириомонизме подчиняется принципам причинности, при этом эти принципы усложняются при переходе от неживой к живой природе, а также при переходе к изучению психики, сознания человека и общества (выделяются принципы причинности, социальной причинности и приспособления) (Богданов, 1906б).

Принцип приспособления оказывается общим в развитии жизни в природе и обществе, он включает три положения: «1) Исходной точ-

кой этого процесса (приспособления) являются изменяющиеся отношения жизненных форм к их среде; в области этих отношений возникает движущая сила развития. 2) Новые приспособления, порождая новые формы, могут вызывать необходимость и в других еще приспособлениях: первичные формы приспособления дают толчок к развитию вторичных и т. д. 3) Материалом для новых приспособлений служат наличные уже элементы жизненного процесса, так что развитие никогда не создает ничего по существу нового» (там же, с. 50). Принцип приспособления, по Богданову, демонстрировал действенность закона сохранения энергии во всех проявлениях универсума, а не только в физико-химических процессах неживой природы. Он предложил также критерии прогресса, регресса и деградации в развитии жизненных форм (там же).

Богданов считал себя, свое научно-философское творчество последовательным развитием положений К. Маркса, увязанным с новейшими достижениями позитивной науки, естествознания конца XIX—начала XX в. И, на наш взгляд, у него были для этого весомые основания, что подтверждают публикации отечественных философов (Александр Александрович Богданов, 2021; Локтионов, 2021б; Локтионов, Шарова, 2021; Никитина, 1994; Плеханов, 2021; Садовский, 1995; и др.). В частности, ни сам Богданов, ни австрийский физик Эрнст Мах не объявляли действительность, состоящей исключительно из элементов психических. Для приобщения взглядов Богданова к субъективному идеализму (и якобы связанному с ним позитивизму Э. Маха, или махизму) русские марксисты использовали приемы приписывания своим оппонентам высказываний и суждений, им не принадлежащих (Богданов, 1904б; Ленин, 2021; и др.).

В своей книге, подводящей итоги многолетним философским исканиям, Богданов (1913а) специально выделяет понятие *живой опыт*, подчеркивая, что наука должна помогать людям справляться в первую очередь с актуальными, новыми задачами, проблемами, а не только освещать опыт взаимодействия людей, природы и общества в прежние исторические эпохи. В книге «Философия живого опыта» Богданов специально обсуждает происхождение материализма как направления философии, противоположного идеализму; представлена историческая ограниченность материализма «Нового времени», оппозиция Богданова «эмпириокритицизму» (работам Р. Авенариуса и Э. Маха), «солипсизму» (субъективному идеализму английского епископа Дж. Беркли) и «прагматизму» (В. Джемса и Дж. Дьюи). В этой книге

читатель найдет вехи эволюции философских поисков и находок ученого, отображенные в его публикациях философской направленности в течение 15 лет интенсивной работы (см.: Богданов, 1899, 1901, 1903, 1904а, б, 1905, 1906а, б, 1910, 1913б, 2021 и др.).

Итак, философская концепция Богданова была направлена на новые для классической философии задачи, а именно понимать действительность не с созерцательной позиции индивидуального субъекта познания, а в жизнедеятельности людей как коллективных субъектов совместного труда. В самой краткой форме «эмпириомонизм» рассматривается автором в книге 1913 г. как «социально-трудовое миропонимание» (Богданов, 2013б, с. 256–257), где к энергетическому принципу добавляется и становится лидирующим принцип *организационный*. Эмпириомонизм характеризуется шестью положениями:

I. Трудовая причинность. В процессах природы общество исследует энергетические явления как, возможно, полезные в производственных процессах, или, другими словами, «всякое данное явление представляет для коллектива в его практике технический источник других явлений» (там же, с. 257). В производстве на первый план выступают законы сохранения и преобразования энергии, степень организованности элементов комплексных явлений, с которыми имеют дело люди в труде.

II. Элементы опыта. Действительность, или мир опыта, рассматривается как «человеческая коллективная практика во всем ее живом содержании, во всей сумме усилий и сопротивлений, образующих это содержание. Всякая задача практики состоит в целесообразной организации опыта, а это требует выделения его элементов. Элементы опыта всецело соотносительны практической или познавательной задаче. Это – кристаллы социальной активности, образуемые в потоке труда-опыта, как материал для планомерной группировки соответственно потребностям того коллектива, который является носителем или субъектом опыта» (там же, с. 232). Итак, в философии Богданов предлагает новое понимание элементов опыта, *чувственно-трудовое* (там же, с. 257). Другими словами, элементы опыта людей включают, как их образы, представления, порожденные в индивидуальном сознании органами чувств отдельных людей, так и знания, составляющие основу производственных технологий, имеющие социально-трудовое социально-организационное происхождение и способ применения.

III. Объективность. Вместо абстрактно-философского понимания терминов *объективный/субъективный* Богданов предлагает по-

нимать объективным в опыте то, что является *социально-согласованным*, или *социально-организованным*. Психический опыт организован индивидуально, это опыт одного человека, он имеет субъективный характер; опыт социально-организованный Богданов называет *физическим* опытом¹; психический и социальноорганизованный опыт связаны взаимопереходами (там же, с. 257).

IV. Социоморфизм. Это — учение о социоморфизме мышления коллективного субъекта познания. Суть учения состоит в понимании того, что «основу для методов познавательных дают методы практические» (там же). Социально-трудовой генез форм мышления коллективного субъекта деятельности предполагает, что «источником и моделью для связи понятий в познании служит связь элементов техники в производстве и экономическая связь между людьми» (там же).

V. Подстановка. «Теория всеобщей подстановки», разработанная Богдановым, рассматривает отношения между символами (высказываниями и т. п.) и их содержанием как элементами социального и индивидуального опыта. Постоянная, относительно устойчивая, социально согласованная связь содержаний и символов позволяет субъекту познания исследовать, группировать, организовывать факты (содержания), оперируя символами. По Богданову, именно метод подстановки любого содержания к любым символам составляет главный способ, инструмент сохранения, приумножения и передачи опыта от одного поколения к другому в человеческом обществе в отличие от стадных животных (там же, с. 258).

VI. Картина мира. Общую картину мира Богданов представляет «как непрерывную цепь развития форм, переходящих путем борьбы и взаимодействия от низших ступеней организованности к высшим. Идеальным, только логически мыслимым началом этой мировой цепи прогресса была бы полная неорганизованность, чистый хаос элементов вселенной. Высшая до сих пор достигнутая степень — человеческий коллектив с его объективно закономерной организацией

1 Обозначение социально-организованного опыта термином «физический», на наш взгляд, было не вполне удачным и привело к путанице. Ибо слова физика, физический воспринимаются многими читателями как естественная наука, изучающая явления природы, существующие до и вне человеческой цивилизации, а Богданов имел в виду другое — объективное (социально согласованное) содержание социального опыта, по сути, социально согласованное знание коллективного субъекта труда как компонент социального опыта.

опыта, которую он вырабатывает в своем труде – миростроительстве» (там же, с. 258).

Если добавить к вышесказанному недавние публикации на русском языке Эрнста Маха (Богданов, 2021; Мах, 2021), а также материалы полемики А. Богданова с русскими марксистами (Богданов, 1908, 1910, 2021; Коргунюк, 1991; Ленин, 1961, 2021; Локтионов, 2021б; Плеханов, 2021; и др.), станет понятно, почему Богданов предлагает разрабатывать научную методологию познания действительности вместо философии. И почему в качестве такого рода науки в его «Философии живого опыта» оказывается «Тектология», или «Всеобщая организационная наука» (Богданов, 1913б, с. 259).

Всеобщая организационная наука «Тектология»

Идея тектологии (всеобщей организационной науки) возникла у Богданова не вдруг, но вызревала в течение многих лет параллельно его философским исканиям единого метода научного познания разных сторон действительности. Тектология понималась как наука о создании сложных явлений, комплексов, возникающих в объемлющей среде, объединяющих структурно оформленные в некотором единстве элементы, связанные между собой, и внешней средой активностями и сопротивлениями. Тектология описывает общие закономерности порождения, существования и функционирования, изменения и кризисы системного по своей природе объекта (комплекса) вплоть до его исчезновения как единого целого, преобразования в элементы других целостностей или множество разобщенных элементов. Богданов описывает типичные структуры системных объектов, отличающиеся структурным отношением ядра и периферии, преобладанием процессов усложнения организации, повышения ее энергии или процессов деградации и дезорганизации. Важны критерии развития системного образования (признаки прогресса и регресса). Предложенные термины тектологии (конъюгация, организация, дезорганизация, ингрессия, депрессия, тектологическая граница и пр.) и ее общие законы¹ разрабатывались автором таким образом, чтобы они оказывались

1 А. В. Петровский пишет: «Не вызывает сомнений факт известной близости «законов» коллективной рефлексологии к изобретенным Богдановым тектологическим законам. Однако было бы ошибкой отождествлять философию Богданова и методологию Бехтерева» (Петровский, 1967, с. 168).

применимы в исследовании явлений неживой природы, жизни, форм активности человека, индивидуального сознания, психики, а также в исследовании социальных явлений, видов деятельности коллективного субъекта (общества) и общественного сознания. Текст тектологии (Богданов, 1989) содержит множество примеров из разных наук об обществе, психологии, биологии, естествознания, которые доказывают справедливость теоретических обобщений «всеобщей организационной науки» и энциклопедичность познаний ее автора.

К сожалению, русские марксисты и советские философы начала XX в. видели в богдановской тектологии лишь реализацию идей позитивизма и махизма, с которыми следовало непримиримо бороться (Ленин, 2021; Локтионов, 2021а, б; Петровский, 1967; Попков, 2021; Рыбас, 2021; и др.). Подобная установка привела к утрате отечественных приоритетов в истории научных идей. Так, до сих пор не до конца преодолено спорное представление о том, что первым автором положений *общей теории систем* является австрийско-американский философ – Людвиг фон Берталанфи, хотя этот ученый начал читать лекции на эту тему в Чикагском университете лишь в 1937 г. В отличие от этого ученого Норберт Винер признался в ответном письме к академику А. Л. Тахтаджяну в том, что был знаком с берлинским изданием «Тектологии» Богданова и использовал его идеи в разработке технической кибернетики (Тахтаджян, 1972).

В. В. Попков (2021), М. В. Локтинов (2021) и другие авторитетные отечественные и зарубежные ученые утверждают, что Александр Богданов был основоположником общей теории систем. Для психологов важна не только общая теория систем и ее ветви (синергетика, теория катастроф, кибернетика, фрактальная теория и др.). Системная методология исследования мира психической реальности, а также изучения, описания и конструирования социотехнических эргатических систем особенно важна для инженерной психологии, эргономики, организационной психологии, психологии управления, экономической психологии. На наш взгляд, важно соотнести работы Б. Ф. Ломова и его коллег по внедрению и развитию системной методологии в психологических науках с работами А. А. Богданова.

Психологическое наследие А. А. Богданова

Мы видели выше, что философская концепция А. А. Богданова выстраивалась как единая методология научного познания всех сторон

действительности, составляющих универсум (в их числе – неживая природа, живые организмы, человек как их часть и как член социума, общество как коллективный субъект, противоборствующий с природой). Согласно позитивистским требованиям, важно было представлять универсум и все его составляющие как подчиняющиеся общим законам естествознания (принципу причинности, сохранения и преобразования энергии, принципам непрерывности, развития, ибо, по А. А. Богданову, *природа не знает скачков*, следует научно объяснять качественно новые явления универсума на основе накопления и преобразования противоречий в исторически предшествующих им формах.

В отдельных предметных науках рубежа XIX–XX вв. психические явления в сознании отдельного человека и явления социальные были слабо изучены по сравнению с явлениями неживой природы и биологическими явлениями. Психологические исследования, подходы и концепции, которые существовали в рассматриваемый период времени, помимо эмпирического материала, неизбежно отображали используемые их авторами разные философские взгляды, которые Богданов не устраивали, так как они не отвечали позитивистским критериям.

Богданов, по сути, не оставил завершенных научных психологических концепций, он наметил программу будущей психологической науки, содержание которой должно быть согласовано с его эмпириомонизмом.

В соответствии с историческим взглядом, или, как он позже писал, «социогенетическим» методом познания, ему нужно было хотя бы в первом приближении указать на аналоги, зародыши психических явлений (будущего сознания) у относительно простых живых организмов; следовало найти в живых существах признаки сохранения и преобразования энергии и специально рассмотреть возможности реализации энергетического подхода в явлениях сознания (в том числе в его относительно простых аналогах, а также в предельно сложных психических формах – в анализе разнообразия личностей и далее в феноменах общественной жизни).

Задачи поставлены были грандиозные, требовавшие коллективных усилий многих ученых, А. А. Богданову в разной степени удалось реализовать свои научно-теоретические замыслы. И это понятно, если учесть, что наукой и философией ему приходилось заниматься урывками, совмещая студенческие занятия с революционной дея-

тельностью, а позже с образом жизни революционера, врача, ссыльного, политзаключенного, политэмигранта. И несмотря на все эти жизненные обстоятельства, в публикациях А. А. Богданова можно найти материалы, которые не только позволяют представить состояние психологической науки по ссылкам А. А. Богданова¹, но и нередко оригинальный вклад ученого, его авторское видение обсуждаемых научных вопросов.

Для А. А. Богданова «человек есть результат всех внешних влияний, которые на него действуют, и в то же время человек есть сумма его деятельности» (Богданов, 1899, с. 204).

В своей первой философской книге «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899) А. А. Богданов ограничивается общим описанием психических форм и их рассмотрением как форм приспособления организма к среде обитания. Здесь обсуждаются вопросы: какие формы психических процессов существуют? как и когда возникает психика в природе? как в области психических явлений может проявляться всеобщий закон причинности? какими методами можно изучать психические процессы?

А. А. Богданов выделяет относительно простые и сложные формы психики; первые обеспечивают приспособление организма в среде и целесообразные в ней движения (об этих формах психики можно судить, наблюдая движения организмов в среде). Вторые (сложные) формы психики включают явления *сознания*, которые могут познаваться непосредственно, методом самонаблюдения; именно эти явления составили основу психологии при ее выделении из биологии. Явления сознания связаны с движениями организма, но движения могут осуществляться и бессознательно. К формам психики А. А. Богданов относит продукты работы органов чувств (образы разной модальности), явления памяти, переживания, эмоции, чувства и волю. Для людей с развитым сознанием, по А. А. Богданову, доступен механизм постановки целей и творчество, способность к труду («деятельность, направленная на достижение заранее поставленных целей») (там же, с. 147). Этим людям свойственна также познавательная деятельность, в которой образы сравниваются, устанавливаются различия и сходства, общее. Общее и различия устанавливаются как в отношении образов

1 Среди имен известных ученых, упоминаемых Богдановым, – И. М. Сеченов, В. Вундт, Ч. Дарвин, М. Мюллер, Л. Нуарэ, Г.-Л. Гельмгольц, В. Гумбольдт, В. Джемс, Н. Ланге, Р. Авенариус, Э. Мах, Э. Вебер, Г. Фехнер, П. Жанэ, А. Бинэ, Ж. Бабинский, Л. Леви-Брюль и др.

явлений действительности, так и в отношении переживаний субъекта познания.

Явлениям сознания А. А. Богданов посвящает особое приложение в этой книге (там же, с. 214–248). Здесь делается попытка представить явления сознания как тесно связанные с физиологическими процессами мозга. С точки зрения ученого, в работе центральной нервной системы проявляются различные трансформации энергии (увеличивается или понижается ее запас, происходит передача нервной энергии от периферии к центрам, и наоборот, и пр.). Переживание страдания Богданов соотносит с понижением энергии в центральной нервной системе, напротив, повышению энергии сопутствуют приятные переживания. Аналогично явления представлений и воли также соотносятся с энергетическими изменениями.

Специально рассматривается проблема исторического генезиса элементов сознания (там же, с. 225–231). В качестве самой примитивной формы предшественников сознания рассматриваются двигательные реакции одноклеточных живых существ (амебы) на непосредственные внешние средовые воздействия (питательное вещество, световой луч и пр.) как проявления «общей чувствительности» (там же, с. 226–227).

Богданов обсуждает возможность порождения сознательных явлений (локализующихся в корковых центрах сознания) из бессознательных психических явлений, которые могут продуцироваться в центрах спинно-мозговых и субкортикальных; эти процессы, по его мнению, могут составлять основу ярких образных представлений, галлюцинаций, иллюзий и т. п. у человека.

К явлениям нормального человеческого сознания А. А. Богданов относит только те процессы, которые «лежат в пределах памяти» (там же, с. 242). Рассматривая поведение «лунатиков», а также феномены патологического раздвоения личности, А. А. Богданов выделяет формы периодической смены двух сознаний, двух «личностей» в одном организме, «одна из которых может совершенно ничего не помнить о том, что делала и думала другая» (там же). В этом случае периоды господства второй личности для первой будут периодами бессознательного состояния. А. А. Богданов предлагает, кроме того, строго различать сознание «непосредственное» и сознание «организованное» (там же, с. 243). «Сознание, не организованное памятью, являясь в данный момент как сознание, вслед затем выступает для познания как бессознательное» (там же). И далее А. А. Богданов пишет: «Вне

памяти сознание немислимо, потому что только память делает возможным какое-либо познание... Чем слабее, беднее, неопределеннее образ воспоминания, тем, вообще говоря, менее сознательным представляется то непосредственно пережитое состояние, которое в нем отражается. Всем этим еще раз обнаруживается относительность разграничений внутреннего и внешнего мира» (там же).

А. А. Богданов предполагает, что в мире живых существ неорганизованное сознание проявляется гораздо более широко, нежели относительно организованное. Сознание организованное, систематизированное памятью оказывается, по А. А. Богданову, продуктом развития из сознания неорганизованного, хаотичного (там же).

Для А. А. Богданова контуры будущей психологической науки могут быть намечены в исследовании, построенном по аналогии с кантовской «Критикой чистого разума» или работой Р. Авенариуса «Критика чистого опыта». Богданов отмечает в статье «Жизнь и психика» (1903) (включенной позже в книгу первую «Эмпириомонизма»), что ему необходимо проделать работу в области «Критики психического опыта». В частности, важно выяснить, какие функции выполняют психические переживания, если они не являются просто эпифеноменами, сопровождающими жизнь организма, каковы границы психического опыта и его объективное познавательное значение (Богданов, 1904б, с. 54–55).

Мир психического опыта понимается А. А. Богдановым как сложная совокупность психических переживаний, сопровождающих человека в разные периоды его жизни. Эти переживания имеют эмоциональную окраску (аффекционал), они либо исчезают без следа, либо могут быть интенсивными, сопровождающимися двигательной активностью, но с разной степенью ее отображения в поле сознания. А. А. Богданов приводит примеры разных форм психических переживаний личности при психопатологии: действия лунатика при эпилепсии, случаи множественного сознания, или болезненного раздвоения личности, описанные американским психиатром Мак-Нишем, когда при втором состоянии женщина владела только тем, чему в нем научилась. Показательны примеры экспериментов над пациентами, страдавшими истерией, в которых с помощью внушения испытуемые выполняли действия, адекватные внушенной инструкции и неосознаваемые ими (опыты П. Жанэ, А. Бинэ, Ж. Бабинского и др.).

Для А. А. Богданова приведенные примеры – служили иллюстрацией жизненных функций психических переживаний, роли сознания

в жизни личности, которое он понимал не как некую вещь, субстанцию, но как отношение, центральную координацию организма в его взаимодействиях со средой обитания. Если текущее сознание дает субъекту непосредственные психические переживания, отображая работу «главного центра координации» активности человека, центрального нервного аппарата, то наряду с ним А. А. Богданов признает существующим и второстепенную активность (бессознательное), регулируемую с помощью субкортикальных нервных структур. Сведения, на которые опирался А. А. Богданов в своих рассуждениях о сознании, психике, были построены с опорой на достижения современной ему сравнительной биологии, анатомии и физиологии ЦНС, на достижения психиатрии и неврологии, психофизиологии.

Вызывают интерес идеи А. А. Богданова относительно применения им *энергетического взгляда* на природу сознания в области «психоэнергетики» (Богданов, 1904б, 1905). Так, он предполагал, что центры сознательной психики оказываются, как правило, в организме человека обладающими более высоким потенциалом энергии, которая «перетекает» к центрам бессознательной психики. Эти процессы должны обеспечиваться усиленной ассимиляцией энергии в высших центрах по сравнению с низшими. Высокий энергетический потенциал нервных центров и связанные с ним движения сопровождаются приятными ощущениями, и наоборот; эти физиологические процессы, с точки зрения А. А. Богданова, составляют биологическую основу механизма *«психического подбора»* (Богданов, 1905). Последний рассматривается Богдановым как регулятор психического развития, действие которого объединяет как биологические ресурсы живого существа, обладающего развитой психикой, так и результаты его жизнедеятельности в меняющейся среде. Однако если в ранних работах Богданов видел главные механизмы психического подбора как связанные с физиологическими процессами изменения просвета сосудов под влиянием нервной иннервации, то позже, к 1905–1906 гг., он добавляет роль эмоций, «аффекционала». «Сознание» А. А. Богданов определяет как *«область координированных изменений психической системы»* с помощью ассоциативной связи (там же, с. 54), здесь имеются в виду изменения образов, переживаний, эмоций, волевых актов *во времени*, а также по их энергетической насыщенности и содержанию. Возрастание или уменьшение энергии психической системы отождествлялось Богдановым с «непосредственным возрастанием или уменьшением ее жизнеспособности» (там же, с. 50). Отсюда делался вывод о приспособо-

бительной роли психических переживаний приятного или неприятного (включая болевые ощущения), ибо тем самым организм получал сигналы о том, как усилить и продлить приятные переживания, и одновременно содействовать повышению жизнеспособности организма (либо, напротив, избегать ситуаций снижения жизнеспособности).

Однако, по Богданову, психический опыт не тождествен целиком непосредственным переживаниям, протекающим в поле сознания. Психический опыт содержит также психические переживания и представления, полученные косвенным путем. Кроме того, А. А. Богданов отмечает, что люди никогда не ограничиваются личным психическим опытом, но используют опыт других людей: «Эта несравненно более широкая сфера психического опыта конструируется человеком на основании „высказываний“ других организмов» (там же, с. 62). В качестве высказываний могут выступать действия, движения других людей, а также их суждения об общих и различных признаках сравниваемых явлений, выраженные в словах понятия.

Здесь неизбежно возникают вопросы о том, когда и как возникла речь, существуют ли ее аналоги у животных и, если да, в чем принципиальное отличие человеческой речи от ее предшествующих аналогов в развитии человечества. Ответ на эти вопросы рассмотрим чуть ниже, ибо они связаны с анализом перехода от понимания сути индивидуального сознания к сознанию человека — члена сообщества.

Вернемся к рассмотрению вопроса о психическом подборе как центральном механизме развития психики отдельного живого организма, обладающего сознанием, в частности, человека. Психический подбор А. А. Богданов рассматривает как выражение «психической причинности», или выражение принципа причинности в области психических явлений, по аналогии с естественным отбором как биологической причинностью (там же, с. 67). Отмечается противоречивость психического подбора, который может быть положительным, т. е. способствовать воспроизведению и поддержанию состояний организма при положительном аффекционале; либо это может быть отрицательный подбор, ведущий к разрушению привычек, способов действия, к устранению неадекватных требованиям среды переживаний, образов и представлений. Далее предлагается некая общая схема психических форм (образов, чувств, эмоций, воли, словесных понятий, ассоциативно связанных). Рассматриваются возможные случаи гармоничных сочетаний психических комплексов, процессов, а также их конкурентные отношения в составе одной личности.

В завершении второй книги «Эмпириомонизма» А. А. Богданов показывает применимость его понятийного аппарата в изучении вариантов психического развития человека через механизм психического подбора. Предлагалась «схема анализа», включающая три «стороны» психического подбора: 1) «материал переживаний, подлежащий психическому подбору» (по степени его количества и разнообразия); 2) направление психического подбора (в положительную или отрицательную сторону; к сохранению и усилению переживаний или, наоборот, к их ослаблению и устранению из опыта; в эмоциональной окраске переживаний – в их удовольствии или страдании; 3) интенсивность психического подбора в различные моменты жизни человека, которая может проявляться в интенсивности эмоциональных переживаний (там же, с. 93–94). Сочетание этих трех сторон психического подбора позволяет объяснить его результаты, типы строения личности, которые вырабатываются у изучаемого человека в течение его жизни.

Богданов предлагал вариант *нормы* психического развития человека в случае, когда имеет место некоторая идеальная комбинация, максимально возможная для данной эпохи сумма переживаний человека: внешние впечатления составляют максимально яркое поле опыта личности; все указанные переживания эмоционально насыщены, сильно изменяют энергетическое равновесие личности, являются «наслаждениями» и «страданиями», примерно равно встречающимися; периоды счастья сменяются периодами горя и пр. Далее рассматриваются в отдельности проявления отрицательного и положительного психического подбора в их влиянии на особо важные для жизни стороны психического опыта, а также оценивается гармоничность (прочность и устойчивость) комплексов психической системы личности. Рассматриваются условия в истории жизни личности (периоды счастья или, напротив, страданий), способствующие или мешающие развитию активно-волевого типа личности.

Автор убедительно описывает предпосылки развития различных типов личности, среди них: выдающиеся примеры «энциклопедического гения своего времени», тип «счастливчика», которому все удается; тип представителя «эллинизма» (артистического гения). Классификация А. А. Богданова включает также варианты личностных типов, развивающиеся в условиях отрицательного психического подбора (утопист, тип «иудея» по Гейне, ветхозаветные пророки, протопоп Аввакум); типы многочисленных вариантов «обывателей», ведущих паразитический образ жизни; типы личности, порождаю-

щиеся жизнедеятельностью человека в условиях негативных влияний нездоровья, узости жизненного опыта, и примеры других негативных влияний. Отдельно выделяются варианты развития личности в условиях профессиональной специализации; в этой области отмечаются случаи выдающихся профессиональных достижений, способностей, но за их пределами в личности нередко проявляется «эклектизм, бесвязность опыта, и бесцветность психики, детскость форм мышления» (там же, с. 121–122).

Рассмотренные типы личности автор считал своего рода «предельными абстракциями», выражающими типичные тенденции приспособления. Возникает вопрос: работает ли предложенный метод при анализе «конкретного» случая? А. А. Богданов убедительно использует свою схему анализа в объяснении противоречивых проявлений личности шекспировского Гамлета (там же, с. 125–130). Он указывает на двойственность психического склада его личности, существование в нем «воина» и «эстетика», личностных конструкций, сложившихся в прежней благополучной жизни. Сущность шекспировской трагедии А. А. Богданов видит как «историю преобразования эллинской души в иную, более законченно-целостную форму (форму личности воина. — *О. Н.*) силою мучительной борьбы, силою глубоких страданий. Ничего принципиально загадочного для нашей точки зрения трагедия не представляет: она всецело соответствует в своем развитии законам действия психического подбора; она самое авторитетное свидетельство в пользу их познавательной ценности» (там же, с. 130).

О связи явлений индивидуального и общественного сознания

К 1905–1906 гг. в процессе философских поисков в публикациях А. А. Богданова развертываются «мостики», связывающие рассуждения о психике отдельного живого существа при его выделении из мира неживой природы, гипотезы, описывающие порождение специфически человеческих характеристик сознания, отличающих его от аналогов у высших животных. Это вторая фундаментальная проблема, слабо изученная в науке рассматриваемого периода. Эту проблему, по А. А. Богданову, нельзя решить, изучая человека как индивидуума, как Робинзона на острове. Человеческое в человеке рождается лишь в его взаимодействии с другими людьми, эта мысль Л. Фейербаха, развивается и в трудах К. Маркса, который, как мы помним, писал

о том, что человек в процессе труда не только преобразует природу, но преобразует тем самым и себя самого (см.: Богданов, 1913б, с. 195). Однако, по справедливой оценке А. А. Богданова, эта мысль требовала научного обоснования и развернутого обсуждения.

Что же такое общество? Отдельные люди, даже взятые в совокупности, по Богданову, еще не представляют собой общества. «В понятии „общества“ уже заключается идея организованности, объединения жизненной совместности людей» (Богданов, 1906б, с. 60). Первичным организующим приспособлением, по А. А. Богданову, объединения людей в общество является «социальный инстинкт», его суть состоит в «стремлении человека держаться вместе с другими людьми и действовать совместно с ними и одинаково с ними» (там же, с. 67). Далее следовало сопоставить аналогии психики и сознания, обеспечивающие взаимопонимание и согласованное поведение у стадных животных, опираясь на данные *социальной зоологии* и собственные наблюдения. Здесь А. А. Богданов указывал на известные биологам проявления выразительных движений у животных, подражание как проявление социального инстинкта (там же, с. 67). Однако ключевым отличием образа жизни древних людей от высших стадных животных А. А. Богданов считал вслед за К. Марксом совместный труд как исторически наиболее важную форму жизнедеятельности, в которой порождались новые специфически человеческие приспособления. Наряду с социальным инстинктом требовалось выделить и другие организационные способы, обеспечивающие понимание людьми намерений и действий друг друга, а также выражение своих намерений, объединение действий нескольких людей для достижения единой цели.

Итак, А. А. Богданов ставил вопросы о том, *чем психика, сознание человека отличается от его аналогов у высших животных, когда сознание приобретает у древних наших предков сугубо человеческие признаки, что способствует этому?*

Новым в психике людей, занятых совместным трудом, оказывается средство фиксации содержания трудового действия, способа применения орудия труда, найденных технических приспособлений в труде. Помимо зрительных образов, подражания действиям успешного работающего человека, в истории цивилизации вырабатывается такое новое средство. Сначала в индивидуальном сознании, в форме образов и представлений сохраняются следы успешных трудовых движений, которые ассоциативно связываются с гортанными криками работающего, образующими древние аналоги слов. Эти первые слова

оказываются в роли символов-знаков, удерживающих образы трудовых движений, которые принимаются и одинаково воспроизводятся всеми участниками трудового процесса. Таким образом, предлагается гипотеза о происхождении речи, представленная немецким филологом Людвигом Нуарэ в его работе «Происхождение языка» (1877), а также в работе его последователя Макса Мюллера (1891). Согласно гипотезе Л. Нуарэ особенные произвольные гортанные звуки, которые сопровождали трудовые движения работающего человека, могли стать корнем будущих слов — «знаков» выполняемых трудовых актов, понятных для всех участников этого процесса¹.

Таким образом, по мысли А. А. Богданова, именно речь оказалась в историческом развитии человечества «организующей формой» всей системы общественного труда во всех его видах (Богданов, 1906, с. 70). Речь и другие символы рассматривались А. А. Богдановым как первые древнейшие формы идеологии, выполнявшей организующее приспособление (функцию) в общественно-трудовой борьбе людей за существование. В цитируемой статье 1902 г. можно найти главные идеи А. А. Богданова в отношении природы идеологических явлений, их генеза, форм, вариантов изменчивости, которые в систематизированном виде оказались позже представлены в его книге «Наука об общественном сознании» (1914).

Итак, речь, по А. А. Богданову, — первый древнейший элемент духовной культуры. Слова — символы-знаки, орудия передачи опыта, его общезначимого содержания, имеющего социально важное значение. Внутренняя речь — аналог внешней речи, основа для развития мышления. Природа мышления человека, по А. А. Богданову, социальна, хотя оно протекает в сознании отдельного человека. Сначала складывалось обсуждение проблем в группе, в коллективе, позже стало возможным обсуждение проблем одним человеком — без собеседников (мышление это внутренняя речь — минус звук) (Богданов, 1999).

Таким образом, в системе представлений А. А. Богданова именно *социально-генетическая* точка зрения, развивающая опыт социальной философии и экономики К. Маркса, позволила по-новому рассмотреть природу наиболее сложных психических процессов, выделяющих человека из мира животных, а именно явлений речи, мышления и их продуктов — понятий. Последние, по А. А. Богданову, состав-

¹ Ближайшие идеи о происхождении речи высказывал лет за 15 до Л. Нуарэ российский филолог и философ А. А. Потебня в своем сочинении «Мысль и язык» (1862) (см.: Давидзон, 1925, с. 27).

ляют основу знаний, технологий, являющихся главным содержанием технических приспособлений (производительных сил) общества как коллективного субъекта производственной деятельности и познания в их историческом развитии.

Завершая рассмотрения психологического наследия А. А. Богданова, следовало бы указать на его идеи, касающиеся области социальной психологии. Эта область упоминается неизбежно как звено, завершающее картину мира, как феномены общественного сознания, порожденные и функционально связанные с видами жизнедеятельности общества как коллективного субъекта. Содержание всех форм общественного сознания относится, по А. А. Богданову, к идеологии, фиксируется в культуре общества с помощью речи, текстов и других символов. Каждая из форм общественного сознания может стать объектом социально-психологического исследования, если исследователь ограничится изучением ее проявлений в конкретной группе социума либо займется их сравнительным исследованием в нескольких группах как основанием решения некоторых социально важных задач практики. Формы идеологии: идеалы воспитания и перевоспитания людей, цели и средства воздействия на сознание масс; традиции, мораль и нравственность; обычаи, право, религия, искусство, политика, наука и т. д. И каждая из форм идеологии в разной степени представлена в трудах А. А. Богданова.

Публикуя в 1914 г. первое в стране учебное пособие по изучению общественного сознания (Богданов, 1999), А. А. Богданов считал своей жизненной миссией развитие научных идей, с помощью которых можно подготовить лидеров пролетариата к сознательной революционной борьбе по переустройству общества. Он был одним из теоретиков «Пролеткульта», общественного движения первых послереволюционных лет. Сознательная революционная борьба должна, по его мнению, ориентироваться на некие нормы, идеалы новой жизни, идеалы новых общественных отношений и проявлений психики у отдельных людей и в обществе, его отдельных группах. Ученого не устраивала метафора К. Маркса, в которой идеологические явления соотносились с производственной жизнедеятельностью общества как надстройка над неким базисом. Вместо этой метафоры А. А. Богданов предлагал другую: идеологические явления в их соотношении с производственной жизнью общества аналогичны мозгу в живом организме. Мозг в своем происхождении порождается организмом, но на определенном этапе его развития выполняет функции регуляции его активности и всей его

приспособленности к среде обитания (там же, с. 262). Читатель может самостоятельно применить эту богдановскую метафору к вариантам трактовки возможных соотношений идеологии, или общественного сознания (*надстройки*), и производственной активности общества (*бытия* общества как коллективного субъекта труда). Владение научными знаниями, технологией, по А. А. Богданову, — безусловно, ключевая составляющая производительных сил общества, ибо без них машины, техника, бесполезны, превращаются в груды железа (там же, с. 263).

Отечественными культурологами признана «социально-трудовая теория типов культуры» А. А. Богданова, суть которой состоит в закономерной обусловленности типов мышления (и познания в целом) способом организации коллективной трудовой деятельности людей (Никитина, 1994). Типы культур (и типы господствующих идеологий во всех их основных формах) описаны и проанализированы А. А. Богдановым при сравнении типичных характеристик производительного труда людей применительно к четырем историческим эпохам: 1) первобытных культур; 2) культур авторитарных; 3) культур индивидуалистических; 4) культуры коллективистической (Богданов, 1999). Независимо от конкретной исторической эпохи А. А. Богданов различал два типа форм общественного труда: 1) консервативный и 2) изменяющийся труд. Им соответствуют, по мнению А. А. Богданова, привычный и пластичный типы мышления субъектов труда. Доказано, что консервативные формы общественного труда исторически являются первичными и сопряжены с авторитарными формами мышления его субъектов, которые распространяются и на другие идеологические формы. Истоки авторитарного мышления А. А. Богданов соотносит с развитием разделения труда, вычленением роли организатора и исполнителей, с углублением различий в их функциях и особенностях психической регуляции действий людей. Отрыв роли организаторов и фиксация в обществе их особого статуса способствовала, по мнению А. А. Богданова, фетишизации этой роли. Авторитарное мышление — типичная характеристика психического склада людей родового и феодального общества, в котором лидирующим регулятором общественной жизни оказывалась религия (Богданов, 1903, 1910, 1999 и др.). Организующие функции религии рассматривались Богдановым и его единомышленниками как полезные инструменты, которые могут помочь политикам в решении управленческих задач, но эти положения вовсе не означали призывов к «богостроительству», в которых критики обвиняли А. А. Богданова и А. В. Луначарского.

Предположительно социально-трудовая теория типов культуры не только объясняет исторически ушедшие общественные феномены, но может применяться и сегодня для понимания социально-психологических особенностей поведения людей на предприятиях, где преобладают консервативные или изменчивые технологии. Указанные закономерности могут быть полезны также в прогнозировании особенностей развития психики субъектов труда в зависимости от изменчивости содержания труда и используемых средств. Есть основания рассматривать богдановскую трудовую типологию культуры как аналог деятельностной детерминации феноменов общественного сознания людей в системе координат исторического анализа, а не только в масштабах исследования развития психики человека в его онтогенезе.

Социогенетический подход и физиологическое учение о рефлексах помогли А. А. Богданову создать убедительный вариант объяснения некоторых «загадок первобытного мышления», а именно феноменов описанных, но не достаточно объясненных Л. Леви-Брюлем (Levy-Bruhl, 1922). К таким феноменам относится явление «алогизма» примитивного мышления, состоящего в «первичной неопределенности значений звуковых и мимических символов», в одинаковом обозначении явлений, противоположных по значению. Приспособительная ценность проявлений алогизма мышления, по А. А. Богданову, состоит в том, что одинаково обозначенные противоположные по значению явления могут соотноситься с общей частью — единым двигательным ответом (например, спасением от опасности бегством). Сущность алогизма понимается А. А. Богдановым через «обобщающую природу рефлексов» (Богданов, 1925, с. 83). Динамический алогизм, по А. А. Богданову, помогает в творческих актах, статический алогизм чаще оказывается проявлением культурной инертности, отсталости. Интересен его анализ проявлений «магизма», когда реальные явления замещаются их именами, заклинаниями; сходными с ними явлениями «тотемизма». Все эти магические феномены могут быть поняты и адекватно объяснены с использованием организационной точки зрения на природу идеологических объектов как явлений общественного сознания, как регуляторов поведения людей — членов сообщества, а не отдельных индивидуумов.

Выводы

1. В творчестве А. А. Богданова психологические идеи не были случайностью, они составляли важное звено в его философских и на-

учных воззрениях. Возможно, что сам выбор медицинского образования со специализацией в области психиатрии был сделан целенаправленно, для получения научных сведений о норме и патологии психики человека, проведения собственных наблюдений над психически больными пациентами.

2. Психика, сознание отдельного человека понимались А. А. Богдановым как важное звено в его картине мира, рассматривались на основе современных автору достижений естествознания, наук о мозге, физиологии ЦНС и других мозговых структур, психофизиологии, психиатрии, экспериментальной психологии.
3. Ученый предлагал систематизацию психологических знаний, проводимую с позиции социогенетического метода, принципа развития, энергетического принципа, принципа непрерывности в рассмотрении изучаемых явлений, принципа причинности, принципа приспособления живой формы к среде обитания, организационного принципа, включающего психические процессы в целостную психическую систему регуляции жизнедеятельности человека как методологическим положениям, отвечающим критериям позитивизма.
4. В творчестве ученого был поставлен ряд фундаментальных задач психологической науки и предлагались гипотетические варианты их решения. Среди таких задач: проблема объяснения возникновения предпосылок психических явлений в ряду простейших живых организмов на уровне амебы; проблема зарождения явлений сознания, психических переживаний в их разнообразных формах у стадных животных, трансформация сознания к ее человеческим формам; происхождение речи в историческом развитии человека; выявление организационной функции речи, выполняющей роль средства взаимопонимания людей в совместном труде; порождение человеческих свойств психики отдельного индивидуума в процессе социально трудового взаимодействия и пр.
5. Богдановым разработана схема анализа развития личности, объясняющая принцип действия «психического подбора» и включающая совокупность критериев-детерминант развития разных типов личности. Мы можем рассматривать предложенную ученым схему анализа как качественную *модель* описания вариантов развития личностных типов. Дана классификация типов личности, образуемых сочетанием вариантов выраженности детерминант

развития личностных типов. Показана возможность применения указанного подхода (схемы анализа, модели) в объяснении конкретных казусов на примере трансформаций переживаний и действий Гамлета в одноименной трагедии Шекспира. «Модель» детерминант образования личностного типа, на наш взгляд, может быть использована в сознательном проектировании методов воспитания, перевоспитания, воздействия в соответствии с конкретными условиями жизни в обществе и принятым общественным идеалом личности.

6. Идеи, изложенные в «Науке об общественном сознании» (науке о явлениях идеологии), могут применяться в социально-психологических исследованиях, так как содержат ответы на вопросы о природе, сущности, генезе идеологических форм в истории человечества в связи с изменениями общественного труда. Подход, предложенный А. А. Богдановым, позволяет увидеть неустранимость идеологии в общественной жизни, необходимость ее позитивных форм, обеспечивающих подготовку новых поколений людей к выполнению гражданского долга, сохранению устойчивости страны в противодействии внешней агрессии. С другой стороны, общество и психологи (исследователи и практики) оказываются вооруженными пониманием опасностей возможных негативных идеологических воздействий на сознание людей. Могут быть конструктивно использованы идеи богдановской трудовой типологии культуры в оценке существующих и проектировании новых видов труда, производства, в прогнозировании характеристик ментальности субъектов труда, обусловленных содержанием и формами организации их совместной трудовой деятельности.
7. Положения «Тектологии» А. А. Богданова могут использоваться при разработке идей системной методологии научного познания в любой отрасли психологической науки.
8. Есть основания рассматривать научное творчество А. А. Богданова как важный научно-методологический вклад в становление отечественной психологии конца XIX–начала XX в. Психологические идеи ученого затронули темы, важные для многих научных направлений. Среди них – общая психология, сравнительная психология, психофизиология, когнитивная психология, психология личности, психология развития, дифференциальная психология, клиническая психология, социальная психология, психология

воздействия, психология воспитания, психология религии, организационная и экономическая психология, психология труда и др.

9. Остаются, несомненно, вопросы о том, какое влияние могло оказать научно-философское творчество ученого на психологические взгляды его современников, но они требуют специального историко-психологического исследования.

Литература

- Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и общ. ред. М. В. Локтионов, Б. И. Пружинин. М.: Росспэн, 2021.
- Белова А. А.* А. А. Богданов. М.: Медицина, 1974.
- Богданов А. А.* Краткий курс экономической науки. М., 1897.
- Богданов А. А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа—Жизнь—Психика—Общество. СПб.: Издатель, 1899.
- Богданов А. А.* Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901.
- Богданов А. А.* Из психологии общества: Авторитарное мышление // Образование. 1903. № 4. С. 40–56; № 5. С. 88–105; № 6. С. 15–34.
- Богданов А. А.* Психический подбор: Эмпириомонизм в учении о психике // Вопросы философии и психологии. 1904а. № 3 (73). С. 335–379; № 4 (74). С. 485–519.
- Богданов А. А.* Эмпириомонизм: статьи по философии. Кн. I. 1904б.
- Богданов А. А.* Эмпириомонизм. Кн. II. М., 1905.
- Богданов А. А.* Эмпириомонизм. Кн. III. М., 1906а.
- Богданов А. А.* Развитие жизни в природе и обществе // А. А. Богданов. Из психологии общества (Статьи 1901–1904 гг.). 2-е изд., доп. СПб., 1906б. С. 38–109.
- Богданов А. А.* Приключения одной философской школы. СПб.: Изд-во тов. «Знание», 1908.
- Богданов А. А.* Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). СПб., 1910.
- Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. СПб., 1913а.
- Богданов А. А.* Философия живого опыта. Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. СПб., 1913б.
- Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 2. М., 1917.

- Богданов А. А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. Ч. 1–2. 2-е изд., заново перераб. и доп.; Ч. 3. 1 изд. Берлин–Пг.–М., 1922.
- Богданов А. А.* Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. 10. С. 67–96.
- Богданов А. А.* Пределы научности рассуждений // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. 21. С. 244–263, 282–290.
- Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 3. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1929.
- Богданов А. А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2 кн. / Под ред. Л. И. Абалкина, А. Г. Аганбегяна, Д. М. Гвишиани, А. Л. Тахтаджяна, А. А. Малиновского. М.: Экономика, 1989. Кн. 1.
- Богданов А. А.* Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах // А. А. Богданов. Познание с исторической точки зрения. Избранные психологические труды / Сост. О. Г. Носкова. М.: МПИСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 1999. С. 261–470.
- Богданов А. А.* Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха? // Э. Мах. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Ленанд, 2021. С. 27–33.
- Гловели Г. Д.* А. А. Богданов. Биографический очерк // А. А. Богданов. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. С. 36–44.
- Горьха Г.* Предисловие: Стадии жизни и творчества А. А. Богданова // Неизвестный Богданов. В 3 кн. Кн. 1: А. А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М., 1995. С. 5–11.
- Давидзон И. Л.* Примечания переводчика к предисловию автора кн. Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории развития человечества. Киев: Гос. изд-во Украины, 1925. С. 27.
- Коргунок Ю. Г.* «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 27–38.
- Красный Гамлет. Опыт коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова // Вестник Российской Академии Наук. 1994. Т. 64. № 8. С. 738–752.
- Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. XVIII. М., 1961. С. 7–384.

- Ленин В. И.* Как Богданов исправляет и «развивает» Маркса // Ленин и Плеханов против Богданова. 2-е изд. М.: Ленанд, 2021. С. 136–144.
- Локтионов М. В.* А. А. Богданов как основоположник общей теории систем // Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и общ. ред. М. В. Локтионов, Б. И. Пружинин. М.: Росспэн, 2021а. С. 168–179.
- Локтионов М. В.* Опередивший время. Российские марксисты против Богданова // Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и общ. ред. М. В. Локтионов, Б. И. Пружинин. М.: Росспэн, 2021б. С. 230–248.
- Локтионов М. В., Шарова В. Л.,* Богданов – титан российского возрождения // Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и общ. ред. М. В. Локтионов, Б. И. Пружинин. М.: Росспэн, 2021. С. 3–8.
- Мах Э.* Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. 3-е изд., доп. М.: Ленанд, 2021.
- Мюллер М.* Наука о мысли. СПб., 1891.
- Неизвестный Богданов. В 3 кн. / Сост. Н. С. Антонова, Н. В. Дроздова; ред. Г. А. Бордюгов. М., 1995.
- Никитина Н. Н.* Философия культуры русского позитивизма начала века: Учебник для вузов. М., 1994.
- Носкова О. Г.* А. А. Богданов и психологическая наука // А. А. Богданов. Познание с исторической точки зрения / Сост. О. Г. Носкова. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 1999. С. 6–38.
- Петровский А. В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967.
- Плеханов Г. В.* Ответ г. А. Богданову // Ленин и Плеханов против Богданова. 2-е изд. М.: Ленанд, 2021. С. 17–128.
- Попков В. В.* Наука и вера Александра Богданова // Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и общ. ред. М. В. Локтионов, Б. И. Пружинин. М.: Росспэн, 2021. С. 41–49.
- Рыбас А. Е.* Актуальность философии эмпириомонизма // Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и общ. ред. М. В. Локтионов, Б. И. Пружинин. М.: Росспэн, 2021. С. 49–68.
- Садовский В. Н.* Эмпириомонизм Богданова: Забытая глава философии науки // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 50–63.

О. Г. Носкова

Тахтаджян А. Х. Тектология: история и проблемы // Системные исследования: Ежегодник / Под ред. И. В. Блауберга. М.: Наука, 1972. С. 93–102.

Lévy-Bruhl L. La mentalité primitive. Paris, 1922.

Noiré L. Der Ursprung der Sprache. Mainz, 1877.

Историко-психологический анализ концепций деятельности А. Н. Леонтьева и Е. А. Климова¹

О. Г. Носкова

Психологическая теория деятельности, разработанная трудами многих отечественных психологов (М. Я. Басов, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, Г. В. Суходольский, В. А. Бодров, Д. Н. Узнадзе, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, З. А. Решетова и др.), продолжает выполнять функции ключевой фундаментальной общетеоретической концепции, но остаются вопросы, обусловленные особенностями ее использования в разных областях прикладной психологии.

Цель настоящего историко-психологического исследования заключается в сравнительном анализе содержания психологических концепций деятельности в работах А. Н. Леонтьева и Е. А. Климова (см.: Носкова, 2021); предмет исследования – содержание понятий данных научных концепций.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что содержание понятий и терминов теории деятельности может быть особенным в результате направленности автора концепции на изучение специфичных видов деятельности человека, а также в зависимости от прикладных задач, которые предполагается решать с помощью научной концепции исследователем; от его представлений о проблемах, для которых могут быть в принципе использованы разрабатываемые понятия и категории научной теории.

Метод исследования – сравнительный понятийно-категориальный анализ, историко-психологическое сопоставление текстов сравниваемых авторов.

¹ Текст подготовлен по материалам доклада на III Международной научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии», 14–15 октября 2021 г. в Институте психологии РАН.

Рассмотрим кратко отличия концепции деятельности в работах А. Н. Леонтьева и Е. А. Климова, сравнивая последовательно содержание их структурных компонентов. В качестве сопоставляемых текстов были использованы публикации ученых, отображающие итоговые этапы их творчества: три статьи А. Н. Леонтьева, опубликованные в журнале «Вопросы философии» в начале 1970-х годов, позже почти целиком вошедшие в его книгу «Деятельность. Сознание. Личность» (1975) (Леонтьев, 1972а, б, 1974, 1975), методическое руководство Е. А. Климова, посвященное программе психологического изучения профессий в целях профориентации (Информационно-поисковая система..., 1972), монография «Образ мира в разнотипных профессиях» (Климов, 1995) и учебники «Введение в психологию труда» (Климов, 2004а) и «Основы психологии» (Климов, 1997).

Понятие деятельности

А. Н. Леонтьев соотносит понятие деятельности с мотивом и потребностью личности; понятие *деятельность* применяется и для обозначения форм активности животных, а также для описания отдельных психических процессов (мыслительная деятельность, ориентировочная деятельность и пр.); последнее понятно и оправданно, так как в центре внимания ученого были при этом процессы филогенеза психики человека и, соответственно, проблема предьстории деятельности человека в активности животных (Леонтьев, 1975, с. 99). У Е. А. Климова понятие «деятельность» – процесс, осуществляемый человеком (ее субъектом), сознательно регулируемый и направленный на достижение социально значимых целей; понятие *деятельность* применяется только к человеку, но не к отдельным психическим процессам или к активности животных (Климов, 1997, с. 196–197).

Структура активности личности, субъекта деятельности

В работах А. Н. Леонтьева структура активности человека представлена с помощью понятий *деятельность, действия и операции* (Леонтьев, 1972а, с. 104–106). Как известно, по А. Н. Леонтьеву, конкретный акт поведения психолог может отнести к *деятельности* в том случае, если результат этой активности соотносится с мотивом (предметом актуальной потребности) субъекта; в том случае, если результат актив-

ности — цель, эта активность должна быть обозначена как *действие* (а не деятельность); наконец, если результат и процесс осуществления акта поведения практически не контролируются сознанием субъекта, то перед психологом — *операция*, а не действие или деятельность. Возможны переходы: деятельность-действие; действие-операция, и наоборот; критерий идентификации эмпирического феномена человеческой активности с соответствующими понятиями — соотнесение его с мотивом, целью или способом достижения цели. Таким образом, в начале изучения некоей поведенческой активности человека психолог должен выяснить отношение субъекта к выполняемому процессу и способ участия его сознания в регуляции данной активности. В работах сотрудника А. Н. Леонтьева — П. Я. Гальперина — в целях управления процессом формирования умственных действий разработана структура действия, включающая ориентировочную часть, исполнение, контроль выполнения и оценку результата.

Согласно Е. А. Климову *структура* активности человека как ее субъекта включает активные (порождаемые субъектом) и социально детерминированные формы: деяния, действия, макроэлементы и микроэлементы действий (Климов, 2004а, с. 171–172). Критерий идентификации — уровень регуляции активности субъектом. Климовым высоко оценивается и используется гальперинская структура действия (Климов, 1997). Термин *операция* Е. А. Климовым не используется, возможно, в связи с тем, что данный термин был занят. Так еще в начале XX в. он использовался в практике организации труда и производства. Слово «операция» тогда и до сих пор в этом контексте понимается как часть производственного процесса, охватывающая трудовые функции (действия), выполняемые одним работником на ограниченной части производственного пространства с помощью установленного там оборудования.

Целеполагание. В концепции А. Н. Леонтьева цели выдвигает личность, хотя они и зависят от объективных условий (Леонтьев, 1972а); цели связаны с мотивом; возможны переходы: мотив-цель, цель-мотив. Е. А. Климов, рассматривая феномены целеполагания субъекта труда, выделяет цели, социально заданные и принятые субъектом для выполнения, которые должны быть непременно достигнуты субъектом труда с соблюдением социально регламентированных характеристик, а также и цели, порожденные субъектом самостоятельно. Анализируется их соотношение, возможные конфликты, взаимопереходы (Климов, 2004а, с. 66–68).

Предмет деятельности

По мнению А. Н. Леонтьева, предмет деятельности (или предметное содержание деятельности) — это предмет потребности его субъекта. Он существует в двоякой форме: и как внешний относительно субъекта объект, вещь, и как его образ, порожденный в сознании субъекта. Последнее имеет место в том случае, если он соотнес свою потребность (как нужду) именно с данным объектом-предметом, т. е. его потребность стала предметной (Леонтьев, 1972а, с. 98). А. Н. Леонтьев подчеркивает, что конкретные виды деятельности могут различаться по разным признакам (по их форме, по способам их осуществления, по их эмоциональной напряженности, по их временной и пространственной характеристике, по их физиологическим механизмам и т. д.), однако основное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов. Ведь именно предмет деятельности и придает ей определенную направленность» (там же, с. 104). Для А. Н. Леонтьева направленность личности, определяется ее потребностями и их осознанием в форме личностного смысла деятельности и ее компонентов (Леонтьев, 1974, 1975).

Для Е. А. Климова понятие *предмет деятельности* имеет иное значение, он дает такое определение: «Предмет труда (предметная область, предметное содержание деятельности) — система свойств и взаимоотношений объектов, явлений, процессов, которыми человек должен мысленно или практически оперировать на определенном трудовом посту» (Климов, 2004а, с. 70). Однако это не означает игнорирования Е. А. Климовым отношений субъекта деятельности к себе, к явлениям окружающей действительности (и других аналогов смысловых отношений), которые, в частности, представлены в его обзоре психических регуляторов деятельности человека (там же, с. 33–48).

Продукт деятельности

А. Н. Леонтьев специально не обсуждает эту тему; для Е. А. Климова, напротив, это понятие важно. *Продуктом труда* он именуется результат действий, адекватный социально заданной цели, обладающий ожидаемым набором полезных качеств. Другими словами, подчеркивается, что не всякий результат действий (деятельности) соответствует нормативно заданному продукту. Требуемые чувственные и вербальные характеристики продукта деятельности должны быть усвоены субъектом трудовой деятельности, представление о продукте труда состав-

ляет важную часть профессионального опыта, содержание профессиональных знаний и, следовательно, содержание образовательных программ. Поэтому Е. А. Климову было важно разработать для психологов некую схему множества возможных объектов, явлений, составляющих разнообразие продуктов трудовой деятельности (таблица 1). Все множество продуктов труда разделено Е. А. Климовым на три вида, по форме (фактуре): 1) «вещеподобные» продукты труда, длительно существующие целостности, системы; 2) процессы, функциональные эффекты, состояния систем; 3) информация, знаково-символические объекты. Второе основание членения множества продуктов труда – специфические области их существования (мир субъективной реальности) либо внешняя по отношению к человеку-потребителю продуктов реальность; последняя, в свою очередь, делится на явления природного мира либо мира культуры (Климов, 2004б, с. 129).

Таблица 1

Группировка промежуточных и конечных продуктов труда
(Климов, 2004б)

Вид продуктов труда	Внешняя реальность		Внутренний мир человека
	Природа	Культура	
Вещеподобные, длительно существующие	А	Б	В
Процессы, состояния систем	Г	Д	Е
Информация, знаки символы	Ж	З	И

Почему важно знать, что является продуктом труда работника? Потому что характеристики продукта труда определяются специальными знаниями, которыми должен владеть субъект труда, эти знания составляют основу его профессиональной компетентности.

Орудия деятельности

А. Н. Леонтьев рассматривает орудия деятельности (как частный случай орудий труда) в самом общем виде, развивая мысль К. Маркса о том, что это средства, с помощью которых человек преобразует внешний мир и в этом процессе меняет самого себя. Культурно-исто-

рическая теория психики Л. С. Выготского, идеи которого развивает и А. Н. Леонтьев, ставила задачу объяснить специфические особенности психики человека по сравнению с животными, появившиеся в результате филогенеза, а также механизмы превращения ребенка как существа, способного к реактивному поведению, в человека, произвольно, сознательно управляющего своим поведением. Произвольное поведение — это поведение опосредованное; средством овладения своими действиями являются знаки, символы, язык, речь. В теории деятельности А. Н. Леонтьева рассматриваются общие психологические механизмы перестройки высших психических функций от их натуральной формы к произвольной, сознательно регулируемой, специфически человеческой, отличающей человека от высших животных и взрослого социализированного человека от младенца. По А. Н. Леонтьеву, внешние предметные средства трудовой деятельности, какими бы сложными они ни были, остаются орудиями и не могут стать субъектами деятельности. Леонтьев не рассматривает конкретные формы орудий деятельности, как и те специфические трансформации, которые порождает овладение ими субъектом деятельности. Это частные вопросы, но именно такие вопросы интересны для Е. А. Климова, которому важно в целях профориентации и профконсультации объяснить и описать профессиональные способности человека как следствия овладения им особыми орудиями в конкретной деятельности. Е. А. Климов разрабатывает группировку разновидностей внешних предметных и функциональных орудий-средств трудовой деятельности (Климов, 2004а, с. 150–155) как познавательный инструмент психологов-профконсультантов (см. таблицу 2).

Условия деятельности, среда. А. Н. Леонтьев не считал условия деятельности, среды значимыми конструктами и специально не обобщал. Для концепции Е. А. Климова понятие условий деятельности субъекта важно, так как факторы условий могут менять состояния, ресурсы, внутренние возможности субъекта деятельности. Понимая закономерные связи условий, процессов и результатов деятельности, психологи могут оценивать варианты организации труда, предлагать рекомендации по оптимизации труда. Ученый разработал обзорную характеристику условий труда, охватывающую внешние и внутренние условия, кроме того, им выделены варианты условий по степени их изменчивости (Климов, 2004а, б, с. 147–150). Понятие условий деятельности характеризует особенности среды как системы, в которую включается работающий человек. Предлагаются разновидности

Таблица 2
Группы орудий, средств труда

Группа	Характеристика орудий, средств труда
А	Вещественные средства для <i>приема</i> информации
Б	Вещественные средства для <i>обработки</i> информации
В	Вещественные средства для <i>передачи</i> информации
Г	Вещественные средства для <i>практических действий</i> в природной технической, информационной среде
г ₁	Ручные орудия труда
г ₂	Машины с ручным управлением
г ₃	Автоматы, аппараты непрерывного действия, автоматизированные системы
Д	Внешние функциональные средства
Е	Внутренние функциональные средства
Ж	Знаки, символы, язык, коды, тексты как средства <i>хранения и передачи информации</i>

производственной среды, в которых важно ориентироваться психологу, изучающему профессии. Частные разновидности среды: среда предметная, витальная, важная для жизни, физико-химическая; информационная; социальная. Проявлениями социальной среды являются: форма организации труда, трудовой договор, организационная культура, контакты, взаимодействия, типы профессионального общения. Психологу труда важно учитывать экономические условия труда; разнообразные риски (для жизни и здоровья субъекта деятельности, его материальных ресурсов, социального статуса, карьерного роста и пр.), так как все эти характеристики должны адекватно отображаться в сознании субъекта труда и учитываться им в регуляции трудовой активности.

Функциональное содержание деятельности

А. Н. Леонтьев рассматривает этот вопрос в самом общем виде, для него важен принцип соответствия строения внешней и внутренней деятельности; традиционные психические функции (ВПФ) заменяются терминами *психические процессы, действия, компоненты психической деятельности*. Е. А. Климов функциональное содержание деятельнос-

ти представляет в форме выделения психических действий (имеющих цель, ориентиры, исполнение и контроль, при этом использует модель структуры действия П. Я. Гальперина); предлагает программу анализа психических действий как разновидностей профессиональных действий (перцептивных, мнемических, контроля и самоконтроля, логических, имажинитивных, сенсомоторных, коммуникативных и организационных), предлагает метод психологического функционального анализа деятельности, состоящий в психологической интерпретации содержания профессиональных задач (Климов, 1997, с. 151–195).

Содержание сознания личности

А. Н. Леонтьев рассматривает этот вопрос в общем виде, выделяя в содержании сознания личности такие компоненты, как чувственная ткань, значения и смыслы, но, видимо, для него главной задачей было объяснить процессы возникновения и развития (в фило- и онтогенезе) структуры сознания и его механизмов, отвлекаясь от проблем содержательного наполнения сознания у конкретных обследуемых личностей в данный момент времени (Леонтьев, 1972б). Е. А. Климов рассматривает данный вопрос так, чтобы психологу было понятно, зачем это все нужно изучать и как организовать конкретное эмпирическое исследование феноменов содержания сознания конкретных субъектов трудовой деятельности, изучение которых предлагается рассматривать, руководствуясь *обзорной схемой психических регуляторов труда* (Климов, 2004а, с. 33). Эта схема (рисунок 1) включает разновидности чувственных и вербальных образов объектных компонентов трудового поста, всех составляющих профессиональных задач и условий их достижения, образное отображение себя как субъекта деятельности, а также традиционно изучаемые в психологии разновидности субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Содержание сознания субъекта труда – составляет *предметное содержание его деятельности*.

Образ мира

В представлении А. Н. Леонтьева образ мира – категория, отражающая в первую очередь личностные особенности субъекта деятельности (Леонтьев, 1975). Е. А. Климов эмпирически проверяет предположение о том, что у представителей разнотипных профессий образ ми-

Рис. 1. Обзорная схема психических регуляторов труда (Климов, 2004а, с. 33)

ра своеобразен как следствие типичных особенностей предметного и функционального содержания осуществляемой ими профессиональной деятельности (Климов, 1995).

Классификация видов деятельности

Эта тема не затрагивалась А. Н. Леонтьевым, видимо, перед ним не стояло соответствующей исследовательской задачи. Для Е. А. Климова данный вопрос оказался существенно важным в связи с задачами профориентации и профконсультации молодежи. Под руководством Е. А. Климова в начале 1970-х годов была разработана 100-признаковая многоцелевая эмпирическая классификация профессий, опробованная на значительном множестве специальностей, по которым проводилось обучение в профтехучилищах Ленинграда (Информационно-поисковая система..., 1972); затем была предложена упрощенная компактная (16-признаковая) классификация профессий, которую могли усвоить и использовать старшеклассники (см. рисунок 2).

Каждая профессия рассматривается при этом как многопризнаковый объект. Признаки профессий упорядочены в 4 яруса, базовый ярус – типы профессий по предмету труда (социономические, или «человек–человек», сигнономические, или «человек–знак», арто-

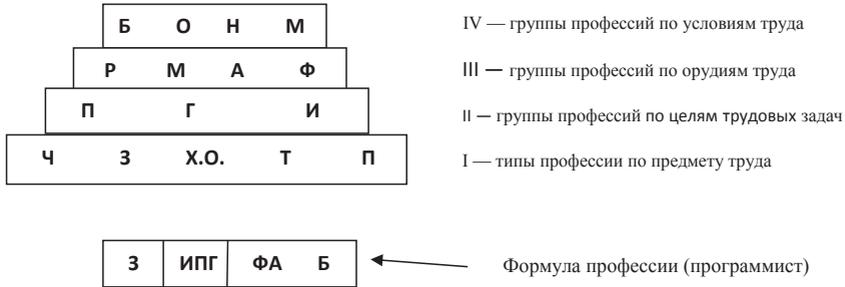

Рис. 2. Профориентационная классификация профессий для старшеклассников (Климов, 2004б)

номические, или «человек–художественный образ», технономические, или «человек–техника», бионические, или «человек–живая природа»). Второй ярус образуют группы профессий по *преобладающей трудовой задаче*, и ее *цели* (преобразовательные, гностические, изыскательские). На третьем ярусе – группы профессий по главным *орудиям труда*, применяемым профессионалом (ручные, механические, автоматизированные, функциональные). Четвертый ярус делит профессии по характеристикам *условий труда*, предъявляющим специфические требования к индивидуально-личностным качествам работника, его здоровью (условия бытовые, работа на открытом воздухе, работа в необычных, экстремальных условиях, работа в условиях повышенной моральной ответственности работника). В конкретной профессии может быть сочетание любых признаков каждого уровня, и место профессии в классификации определяется выделением преобладающих признаков в каждом ярусе, при этом складывается «формула» данной профессии, которую можно соотнести с особенностями оптанта (человека, выбирающего профессию). В консультативной практике встречаются случаи, когда оптанта не имеет никаких сколько-нибудь оформленных личных профессиональных планов, в таких ситуациях психолог может строить работу с оптантом так, чтобы наметить ориентиры признаков каждого уровня классификации профессий, составить из них «формулу профессии» и искать варианты соответствия ей.

Научная и прикладная ориентация теории

Теория деятельности А. Н. Леонтьева и его ближайших коллег (П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, З. А. Решетова, В. В. Давыдов,

Д. Б. Эльконин и др.) с самого начала была направлена в первую очередь на проблемы обучения, воспитания и развития детей и подростков. Она оказалась также полезной в объяснении феноменов восстановления нарушенных психических функций при ранениях рук бойцов, пострадавших во время Второй мировой войны. Леонтьевская теория деятельности с ее центрацией на потребностях и смыслах личности, реализуемых в исследуемой деятельности, несомненно, полезна. Она применяется, насколько нам известно, в объяснении феноменов трансформации личности на разных этапах ее жизни, в психологической работе с представителями разных возрастов, в самых разных жизненных ситуациях. Для последнего десятилетия жизни А. Н. Леонтьева именно разработка теории личности была центральной научной проблемой, а психологическая концепция деятельности выступала не столько в качестве самостоятельного предмета изучения, сколько в функции средства научного объяснения развития, трансформации личности¹.

Концепция деятельности Е. А. Климова в своем создании была ориентирована на иные прикладные задачи, а именно на исследование формирования и функционирования человека как субъекта труда. Климовская концепция может использоваться и в интересах работодателей, и в интересах личности профессионала, объекта консультирования и оказания психологической помощи. Эта концепция помогает изучать и внешнюю предметную трудовую деятельность, и внутреннюю деятельность (внутрисубъектную), а также их сочетания. Климовская концепция, как нам представляется, адекватна новым прикладным задачам, для решения которых недостаточно объяснить процесс формирования, развития ПВК, важно объяснять и само функционирование человека как субъекта труда (ибо он не только развивается, но еще и повседневно выполняет заданные трудовые обязанности).

Какие специфические задачи практики стоят перед психологами труда, инженерными психологами и эргономистами, организационными психологами?

- проектирования личного профессионального плана, прогнозирования успешности будущей профессиональной деятельности;

1 Так, по свидетельству А. Л. Журавлева, в начале 1970-х годов А. Н. Леонтьев собственноручно обозначил тему своих исследований в рамках сотрудничества с Институтом психологии АН СССР как разработку психологической теории личности, и этот факт подтверждается архивными документами.

- рационализации условий и средств труда, участия в проектировании новых видов труда;
- содействия росту производительности и качества труда, профилактики ошибок в труде;
- рационализации функциональных состояний, повышения работоспособности субъектов труда;
- преодоления утомления, стресса, монотонии;
- содействия профессиональному обучению и повышению квалификации;
- профилактики травматизма и аварийности в труде и пр.

Современных прикладных психологов волнует вопрос о том, какую концепцию предпочесть для психологического изучения трудовых и нетрудовых, непрофессиональных видов деятельности (деятельности общения, игровой, спортивной, досуговой и пр.)? С чего начать исследование, как соотнести в своей работе разные психологические концепции деятельности?

Не претендуя на единственно верное решение, можно предложить следующий предварительный вариант. Виды деятельности человека целесообразно представить как некий *континуум*, включающий множество деятельностей, отличающихся по степени социальной регламентации их содержания, целевой направленности, способов и орудий осуществления, условий.

Для деятельностей, где социальная регламентация *максимальна*, подходит больше концепция Климова (но она не исключает одновременного привнесения субъектом его собственных целей, вариаций способов выполнения в их фрагментах, творческого отношения субъекта к скоростным параметрам и пр.). Для деятельностей, *где нет жесткой регламентации* указанных компонентов, предметное содержание порождается субъектом деятельности, все ее трансформации инициируются смыслами, актуальными изменениями потребностей, и связанными с ними мотивами действующей личности. Здесь более адекватной оказывается концепция А. Н. Леонтьева.

Выводы

1. Л. С. Выготский выделил в своей рукописи «Исторический смысл психологического кризиса» (1927) (Выготский, 1982) две главных причины развития психологии (открытого кризиса начала XX в.):

- многообразии философских позиций психологов;
- развитие практики, прикладной психологии.

И в наше время практика, новые прикладные задачи, которые берутся решать психологи, остается одним из главных двигателей развития психологической теории (психологической теории деятельности).

2. Развитие психологической теории происходит не только в виде приложения сложившихся концепций к новой области практических задач, но сами новые специальные практические задачи и ориентация исследователей на их решение способствуют изменению и дополнению ранее оформленных теорий.
3. Своеобразие практических задач психологии труда – главная причина новаций в психологической теории деятельности Е. А. Климова при ее сравнении с теорией А. Н. Леонтьева, ибо их философские позиции едины (оба ученых использовали положения марксистской философии).
4. В практической работе психолога опора на разные психологические концепции деятельности определяется содержанием прикладных задач. В психологическом изучении человека как профессионала и его трудовой деятельности полезно, согласно нашему опыту, начинать с выяснения вопроса о том, в какой мере деятельность социально задана, культурно-исторически, объективно регламентирована, что именно в ней нормировано, а затем, что привносит (или может привнести) конкретный субъект деятельности, личность в осуществление деятельности, а также как деятельность может повлиять на ее субъекта.
5. Психологическая концепция деятельности Е. А. Климова не заменяет теорию деятельности А. Н. Леонтьева, но опирается на нее, развивает и существенно ее дополняет.

Литература

- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–438.
- Информационно-поисковая система «Профессиография» / Под ред. Е. А. Климова. Л.: ВНИИ проф. тех. образования, 1972.
- Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. К психологичес-

- ким основам научной организации труда, учения, спорта. Казань: КГУ, 1969.
- Климов Е. А.* Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.
- Климов Е. А.* Основы психологии. Учебник для вузов. М.: Культура и спорт—Юнити, 1997.
- Климов Е. А.* Введение в психологию труда. Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004а.
- Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения. М.: Изд. центр «Академия», 2004б.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972а. № 9. С. 95–108.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972б. № 12. С. 129–139.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность и личность // Вопросы философии. 1974. № 4. С. 87–97.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Изд-во полит. лит., 1975.
- Носкова О. Г.* Проблемы психологии деятельности и ее субъекта в творчестве Е. А. Климова (к 90-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2021. № 2. С. 120–128.

Биосоциальная проблема в советской психологии

И. А. Мироненко

Введение

В теории и методологии советской психологии особое место занимала разработка биосоциальной проблемы. На всех этапах жизни советского государства, на каждом по-своему, она была предметом внимания и вопросом принципиальной значимости, едва ли не центральным для той теоретической модели человека, которая лежала в основании советской психологии и отражала идеологический и социальный заказ советского государства.

Научная психология исходит из предположения, что психика не существует вне живого организма. Психические процессы, состояния и свойства возникли в процессе эволюции жизни на земле. В этом качестве психическая деятельность, в том числе и психика человека, относится к предмету биологии, подчиняется биологическим законам и может быть подвергнута анализу с применением соответствующей методологии. Однако со времен античности сложилось понимание того, что существенная часть закономерностей психической жизни человека не поддается объяснению в терминах биологических наук, выходит за рамки биологических закономерностей. Б. Ф. Ломов отмечает: «С самого начала развития психологии как самостоятельной области научного знания в ней возникли две главные линии: одна – ориентированная на естественные науки, другая – на общественные <...> Стремление соединить эти две линии <...> разработать цельную теорию <...> неизбежно ведет к постановке проблемы соотношения биологического и социального в человеке» (Ломов, 1984, с. 342).

Вопрос о соотношении биологического и социального Б. Ф. Ломов называет первым, с которым приходится столкнуться при обращении к изучению развития человека: «В истории науки были перебра-

ны практически все возможные формально-логические связи между понятиями „психическое“, „социальное“ и „биологическое“. Психическое развитие трактовалось и как полностью спонтанный процесс, не зависимый ни от биологического, ни от социального, и как производный только от биологического или только от социального развития, и как результат их параллельного действия на индивида или взаимодействия и т. п.» (там же, с. 362).

Каждая психологическая теория в явной или неявной форме дает свои ответы на вопросы: как связаны биологическое (природное) и социальное (культурное) в человеке? Дополняет ли социальное биологическую природу, служит ли ее продолжением, или они разделены некоей границей, и их следует рассматривать в отрыве друг от друга? А может быть, между биологическим и социальным существуют отношения антагонизма? Что определяет структуру личностных типов и черт — биологические свойства человека или качества, коренящиеся в культуре, культивируемые социумом? И наконец, что такое *индивидуальность* человека — уникальный вариант типовой структуры или нечто большее — уникальность самой структуры и сущности личности? Какова природа этой уникальности, можно ли объяснить ее, оставаясь в рамках материалистической науки?

Эти вопросы имеют далеко не отвлеченно научный интерес. Самым непосредственным образом они затрагивают идеологию общества, принципы социальной справедливости, основания социальной стратификации, вопросы социальной мобильности. Иными словами, занимаемая по данному вопросу позиция той или иной научной школы самым непосредственным образом оказывается в зоне общественного интереса, идеологии и социального заказа.

Советская психология существовала в двуполярном мире, когда государственная идеология в стране не просто существенно отличалась от западной, но позиционировалась как своего рода противник, антагонист последней. Не случайно разработки в области биосоциальной проблемы в советской психологии имели характер существенно иной, чем в западной науке, и составляли специфику теории и методологии советской психологической школы, отличающую ее от других школ своего времени.

Nature and Nurture. Социальный заказ как фактор постановки биосоциальной проблемы в XX в.

В первое столетие существования академической психологии, с момента «становления психологии как самостоятельной науки» в послед-

ние десятилетия XIX в. до последних десятилетий XX в., в мировой психологии биосоциальная проблема рассматривалась как проблема соотношения в формировании человеческой индивидуальности врожденного и приобретаемого в процессе воспитания — nature and nurture¹. В контексте социальных конфликтов первых десятилетий этого периода и последующего противостояния в мире двух политических систем, «капиталистического лагеря» и «лагеря социалистического», вопрос о соотношении nature and nurture — один из самых идеологически заряженных. Научные теории и факты здесь непосредственно соотносятся с уровнем социальной мобильности, существующим в обществе, с принципами рекрутации в те или иные социальные группы. Структура соотношения различных школ в психологии XX в. во всей полноте отразила историческую эпоху сосуществования антагонистических социальных систем с их обостренной чувствительностью к идеологическим аспектам научного знания.

В русле идеологии «капиталистического лагеря» последовательно предпринимались попытки научного обоснования того, что идеал «общества равных возможностей», порожденный демократическими буржуазными революциями, не входит в противоречие с фактом наследуемости власти, богатства и социального статуса в капиталистическом обществе XX в. В 1905 г. выдающийся американский психолог, один из основоположников бихевиоризма, Э.Л. Торндайк писал: «В реальном жизненном состязании, смысл которого не в том, чтобы достичь цели, а в том, чтобы обойти других, главным и решающим фактором является наследственность» (цит. по: Левонтин, 1993, с. 117). Показательно, что это утверждение было сформулировано за пять лет до возникновения хромосомной теории наследственности, за 10 лет до разработки статистической теории корреляций и за 13 лет до обоснования теории наследственности количественных признаков. Иначе говоря, утверждение Торндайка представляет собой не научно обоснованную констатацию фактов, а отражение того, во что он хотел верить и чего требовал социальный заказ.

Социальный заказ капиталистического общества США во второй половине XX в. сводился к оправданию сложившейся практики ничтожно малой социальной мобильности и, по существу, наследственной передачи права принадлежности к привилегированным социальным группам на фоне декларирования «общества равных возможностей». Исследования зарубежных социологов показыва-

1 Природа и воспитание (англ.).

ют, что социальная мобильность в американском и западноевропейском обществе, т. е. возможность перехода из одной социальной группы в другую, невелика и постоянно снижается в течение XX в. В 1952 г., например, 83% американских деловых руководителей были сыновьями бизнесменов или высококвалифицированных работников. Это на 10% больше, чем в первой четверти века (Левонтин, 1993). Оправданием служили теории и экспериментальные доказательства биологического наследования важнейших личностных качеств, исследования конституционально обусловленных свойств личности. Идея наследуемости психологических качеств позволяет объяснить неравенство людей в капиталистическом обществе их природным неравенством. Она позволяет выдвинуть следующее объяснение неравенства социального положения людей при капитализме: это общество равных социальных возможностей, насколько оно может быть таким, учитывая природное неравенство людей. Вот как формулирует эту точку зрения в 1994 г. психолог Р. Хернстайн: «Привилегированные классы прошлого, возможно, не намного превосходили биологически тех, кого они угнетали, вот почему революция имела довольно большой шанс на успех. Разрушив искусственные барьеры между классами, общество способствовало созданию биологических барьеров. Когда люди займут свое естественное место в обществе, высшие классы будут, по определению, иметь большие способности, чем низшие» (Herrnstein, Murray, 1994; цит. по: Левонтин, 1993, с. 133). Психолог Р. Хернстайн и политолог Ч. Муррей представили концепцию ведущей роли наследственного интеллекта в жизненном успехе во всех областях жизни (Herrnstein, Murray, 1994). Авторы на основе статистики доказывают, что интеллектуальная элита США, люди с высоким IQ, тендируют к обособлению от прочих групп населения и занимают «верхние этажи» в социальной структуре общества. Их книга стала предметом широкой дискуссии, концепция вызвала много возражений, однако уже факт внимания к ней свидетельствует о ее значимости и влиятельности.

Таким образом, от призывов к радикальным социальным трансформациям, с которых западная демократия начиналась в эпоху буржуазных революций, идеология «победившей» демократии переориентировалась на выполнение социального заказа стабилизации существующего порядка вещей. В свете этого социального заказа либерально-демократическое общество позиционировалось как оптимальная, соответствующая вечной природе человека и потому

вечная и универсальная в своих основаниях форма социальной организации.

На протяжении всего XX в. множились научные доказательства наследуемости психологических качеств. Ознакомившись с достижениями психогенетики, читатель поверит, что всё на 100% зависит от наследственности. Однако противоположная идея — всё на 100% зависит от среды — также представлена в мировой науке.

Общее мнение ученых сегодня может быть выражено так: индивидуальность зависит на 100% от наследственности и на 100% от среды. Наукой также были получены доказательства решающего значения средовых влияний на формирование индивидуальности. В первую очередь в этом направлении была ориентирована советская психология.

Основание советского государства в существенной степени было грандиозным социальным экспериментом — проверкой теории Маркса в масштабах огромной страны и в перспективе мыслилось как начало мировой революции. Идеология требовала от науки обоснования возможности радикальной перестройки общества и воспитания нового человека, что предполагало преуменьшение значимости фактора наследственности и развитие исследований влияния социума на личность человека, изучение меры этого влияния и его механизмов. Именно такому идеологическому заказу отвечала культурно-историческая теория, которая закономерно возникла в советской психологии. Идеологический запрос советского государства — поставленная перед наукой с момента его образования задача создать нового человека, живущего по законам нового общества, — способствовал тому, что направление, развивающее подход с позиций решающей роли воспитания, общества, средовых воздействий, получило статус ведущего. Его развитию был дан зеленый свет, к работе привлекались лучшие силы отечественной науки.

Две традиции постановки биосоциальной проблемы в мировой науке

Таким образом, в мировой психологической науке с момента ее становления как самостоятельной академической дисциплины сложились два принципиально отличных подхода к биосоциальной проблеме.

В западной психологической науке, несмотря на многообразие школ и направлений, доминировали представление об определяющем значении биологического начала в человека и тенденция к размыва-

нию границ между социальным и биологическим. Принципиально иной подход к биосоциальной проблеме сложился в советской психологии. В основу этой уникальной теории биосоциального единства человека положена исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России в отечественной науке рубежа XIX–XX вв. (прежде всего в работах великих русских физиологов) традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, понимания социального как отмены, запрещения биологически естественного, социализации как запрета природного и естественного поведения, культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы.

Основу подхода составило открытие И. М. Сеченовым центрального торможения как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействие среды. Понятие центрального торможения позволило материалистически объяснить произвольность человеческого поведения, «способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам с тем, чтобы следовать собственной программе» (Ярошевский, 1996).

Произвольность человеческого поведения, его волевой характер, несводимость к отдельным непосредственным актам-реакциям и возможность их оттормаживания были в центре внимания Ухтомского. Открытие И. П. Павловым механизма условных рефлексов позволило объяснить, как взамен естественной системы реакций возникает новая, в основе которой уже не законы природы, а условные законы внешней ситуации, интериоризируемые индивидом. Особое значение для понимания закономерностей человеческого поведения имело открытие Павловым второй сигнальной системы. Слово как особый вид социально условного сигнала признается главным регулятором человеческой психики, подчиняя человеческое поведение и сознание законам уже не природы, а часто вопреки этим законам — социуму и запечатленной в языке культуре.

«Учение о борьбе за существование, — писал К. А. Тимирязев, — останавливается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека одна борьба — с борьбой за существование» (Вагнер, 1998, с. 54).

В. А. Вагнер (1849–1934), основоположник и классик отечественной сравнительной психологии, усматривает зачатки разумного поведения у животных именно в способности последних действовать вопреки инстинкту: «О способности разума до известных пределов

подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты» (там же, с. 184). У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам: «У человека способности разумные подавляют инстинкты тем легче... чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит» (там же, с. 185).

Эта идея противопоставления законов природы и социума особенно ярко выражена в работах Вагнера о факторах и законах эволюции материнства. Вагнер включается в современную ему дискуссию о причинах существования в истории развития так называемых диких народов периода, когда «детоубийство и вытравливание плода, в колоссальных размерах, представляют собой явление общераспространенное» (там же, с. 79). С позиций эволюционной теории Ч. Дарвина Вагнер выясняет, почему данное страшное явление возникает именно на этой стадии развития живого мира. Вовсе не свойственное животным, оно возникает на определенной стадии «дикости» культуры (не самой низкой) и вслед за прохождением какого-то исторического периода развития общества полностью исчезает.

Подвергая критике широкий круг теорий, Вагнер предлагает следующее объяснение. Смысл данного этапа в эволюции человечества заключается в освобождении от власти биологического закона борьбы за существование вида, что становится возможным на определенном уровне развития разума, когда «у человека-дикаря дети убиваются вследствие того, что его психическая жизнь поднялась до степени понимания своих грубых индивидуальных прав на жизнь, какой она ему нравится» (там же, с. 87).

Если бы подобное отношение к потомству закрепилось в инстинкте какого-либо вида животных, этот вид был бы обречен на быстрое вымирание. У человека же «мать сначала сделалась детоубийцей, а потом, когда на место биологического закона борьбы за существование, регулировавшего у животных отношение матери к потомству, стало общество и взяло эту задачу в свои руки, материнская любовь получила новые силы и новое, только человеку присущее содержание» (там же, с. 87).

На данном примере Вагнер демонстрирует понимание человека как существа, находящегося в едином ряду с другими проявлениями жизни, но это единство диалектическое, включающее противопоставление, противоречие как источник внутреннего развития: «На земле человек только один, пользуясь силою своих разумных способнос-

тей, преступил <...> железный закон отбора и преступил его дважды: сначала, когда использовал борьбу индивидуальности самки-матери с потомством в пользу первой из этих сторон, а потом, когда признал за побежденной стороной — ребенком право на жизнь и взял эту жизнь под охрану общества, когда, другими словами, он противопоставил силе биологических законов — силу законов социальных» (там же, с. 77).

Диалектическое понимание природы человека воплощено в концепции эволюционного развития человека Б. Ф. Поршнева. «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического» (Поршнева, 1974, с. 17), — антиномия, которую он решает. Решение основано на идее инверсии, когда некоторое качество дважды превращается в свою противоположность, подпадая под формулу Фейербаха «выворачивание вывернутого». Возникновение человека, следуя этой логике, надо представлять как «перевертывание» животной природы в такую, с какой люди начали свою историю. Затем начинается собственно человеческая история, которая может быть представлена как «перевертывание» природы этого промежуточного звена.

Проблему соотношения и генетического перехода между биологическим и социальным Б. Ф. Поршнева называет великой темой философии и естествознания, «загадкой человека», решение которой может быть найдено, если рассматривать человека как существо, исторически изменяющееся не только путем медленного постепенного изменения частных особенностей, но и путем качественных скачков: «На заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным типом, но и представлял его противоположность. Только если понимать дело так, между этими полюсами протягивается действительная, а не декларируемая словесно дорога развития» (там же, с. 16–17).

Подобно Вагнеру, описывающему картины детоубийства как неизбежный этап превращения животного в человека, Б. Ф. Поршнева представляет наших далеких предков-троглодитов в таком виде, который вряд ли может понравиться тем, кто верит в существование неких «общечеловеческих ценностей», возникших неизвестно каким образом, но сразу. По мнению Б. Ф. Поршнева, наш далекий предок питался трупами животных, недоеденными хищниками, стремился избежать всякой продуктивной деятельности и жить за счет эксплуатации себе подобных. Зерном социального в психике троглодита, корнем, из которого развился язык как основная особенность чело-

веческой психики, Б. Ф. Поршнев считает способность суггестивно воздействовать на животных, а затем и на себе подобных, запрещая, оттормаживая текущее естественное поведение.

Для понимания подхода к проблеме сущности человеческой личности, который лежит в основе отечественных психологических теорий, особое значение имеют две философские традиции, влияние которых на развитие отечественной психологии А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский (1996, 1998) отмечают с самого начала развития психологической науки в России. У истоков первой из них стоял Николай Чернышевский, у второй – Владимир Соловьев. Они заложили в России традиции постановки проблемы личности в психологии, исходя из противостоявших друг другу способов осмысления ее природы.

К антропологическому принципу Чернышевского восходит «русский путь в науке о поведении» – от Сеченова до Павлова и Ухтомского и марксистской советской психологии с ее естественно-научным деятельностным подходом. К теологическому принципу Соловьева восходит апология «нового религиозного сознания» в трудах Н. А. Бердяева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, С. Л. Франка и др. – религиозно-философское направление, казалось, навсегда исчезнувшее в России после 1922 г. и знаменательным образом возродившееся в постсоветский период.

Стороны этого противостояния прежде чем занять собственную идейную позицию, испытали неудовлетворенность этой второй позицией. Чернышевский и Павлов были воспитанниками духовной семинарии, Ухтомский учился в духовной академии. Соловьев начал творческий путь в качестве студента-естественника, а в дальнейшем становится слушателем лекций Юркевича и подает прошение об отчислении с физико-математического факультета.

В отношении марксистской антропологии сегодня представляется необходимым отойти от идеологизированных стереотипов и привычного на протяжении 70 лет советской власти восхваления, и бездумного очернения, которое мы часто наблюдали в 1990-е годы. В марксистской антропологии сочетаются два основных положения. Каждое из них имеет полемически заостренный характер, а сочетание их кажется парадоксальным.

Во-первых, теория Маркса последовательно естественно-научна. Весь мир и человек как его часть имеют естественное историческое происхождение. Ничего сверхъестественного нет. Человек принадлежит природе, он полноправная часть живого мира.

Во-вторых, человек понимается как полностью социальное существо. Теория Маркса социоцентрична, все специфически человеческие качества не выводятся из неизменных родовых общечеловеческих свойств, а однозначно обуславливаются устройством общества в определенный исторический период, общественными отношениями. Это положение марксистской теории подвергалось наибольшей критике, теорию Маркса не раз объявляли утопичной за то, что ее постулаты не соотносятся с «человеческой природой».

Как же сочетаются в марксистской антропологии названные положения? Центральный момент в марксистской версии человека — историко-материалистическая трактовка общественных отношений, не имеющая аналогов в истории мировой мысли (Человек..., 1995). Общественные отношения, отношения между сознательными индивидуумами, определяются не волей, не сознанием, они не идеальны по своей сущности. В их основе — объективные законы жизнедеятельности людей, характер труда и его распределение между индивидами, развитие материальных сил и средств, воспроизводящих саму человеческую жизнь. Человек — общественно-производящее существо, это его первичное и основное качество. Его субъективность и идеальность сознания выступают как вторичные качества. Человек в теории Маркса рассматривается, с одной стороны, как закономерный результат эволюции животного мира, законы его поведения определяются законами природы. С другой стороны, взаимодействие человека с природой опосредуется специфическим, тоже закономерно в эволюции возникшим образованием: социумом, культурой, — которое преломляет человеческое развитие в культурно заданном направлении. Таким образом, направление, в котором действует естественный отбор, теперь определяется востребованностью обществом тех или иных качеств, не обязательно биологически полезных. В работах советских методологов подчеркивалось, что единство биологического и социального в человеке имеет в своей основе противоречия, которые порождают диалектическое развитие как культуры, так и биологии человека.

Представление о человеке, развиваемое марксизмом, глубоко диалектично, в нем заложено внутреннее противоречие, отрицание отрицания власти законов природы, — источник активности и развития. Сущность человека, по Марксу, состоит в том, что он активно преобразует мир, он деятелен. Известный представитель гуманистической психологии Э. Фромм считает Маркса родоначальником радикального гуманизма. Фромм ставит Маркса в один ряд с такими мысли-

телями, как Б. Спиноза, И. В. Гёте, Г. В. Ф. Гегель, для которых человек живет до тех пор, пока он одержим творчеством, собственными усилиями преобразует мир.

В этой связи отметим принципиально различную трактовку эволюционной теории Ч. Дарвина российскими и западными учеными. Теория Дарвина, популярная в России и до Октябрьской революции, после революции становится особенно актуальной и социально востребованной. Дух и буква этой теории как нельзя лучше соответствовали идеологическим установкам советской власти, провозгласившей целью сформировать «нового человека». На вооружение берутся два основных тезиса Дарвина:

- вид изменяется,
- направление изменений определяется внешними средовыми условиями.

На основе такого подхода развивалась российская сравнительная психология в советский период, которая по сути являлась российской школой эволюционной психологии. Предметом изучения было закономерное, закрепляемое как прижизненно, так и наследственно изменение поведения и психики в результате изменений условий обитания. В свете понимания изменяющейся цивилизационной среды человека как важнейшего фактора естественным был вывод о продолжающейся биологической эволюции человека. О том, что биологическая эволюция человека продолжается и, более того, ускоряется с ускорением научно-технического прогресса, прямо говорил Б. Г. Ананьев, называя, в частности, появление новых орудий труда и познания важнейшим фактором этой эволюции.

Такой подход радикально отличается от направления эволюционной психологии, которое бурно развивается в современной мировой науке.

Эволюционная психология как современное научное направление в западной науке (Buss, 2019; Cartwright, 2000) возникла в русле развития социобиологии (Dawkins, 1976; Wilson, 1975). Социобиология стала развиваться во второй половине 1970-х годов вследствие открытия генетиками механизмов так называемого группового наследования («семейного отбора»). Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид, а группа, связанная родственными узами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись

биологически обусловленному индивидуально эгоистическому поведению, — различные проявления альтруизма и самопожертвования.

В свете этих открытий стало понятно то, что сам Дарвин объяснить не мог и считал парадоксальными, — случаи, достаточно распространенные в животном мире, когда индивиды воздерживаются от того, чтобы иметь собственное потомство, создавая взамен наилучшие условия для выращивания потомства своих сородичей. Так, необъяснимым для Дарвина было существование рабочих муравьев. Наличие генов, обеспечивающих проявления альтруизма в сообществе, несомненно, биологически целесообразно и обеспечивает сообществу в целом лучшие условия для выживания по сравнению с группами, члены которых не помогают друг другу. Социобиология претендует на объяснение биологической целесообразностью всех видов общественного поведения животных и той или иной доли в социальном поведении человека. В крайних вариантах под логику биологической целесообразности в борьбе за существование вида подводится все социальное поведение людей.

Современные западные эволюционные психологи полагают, что основные механизмы психики человека сложились в далеком прошлом, когда происходил процесс образования вида современного человека, и закреплены генетически, оставаясь адекватными той среде, в которой обитал человек на заре своего существования и в процессе приспособления к которой он формировался, так называемой среды эволюционной адаптации (СЭА). Интенсивно обсуждается в литературе этого направления, какой была эта среда, какие задачи необходимо было решать нашим предкам для того, чтобы выжить в ней. Эволюционная психология активно взаимодействует со сравнительной психологией и этологией, из описаний жизни современных нам приматов заимствуя материал для гипотетических реконструкций СЭА.

В работах российских психологов вопросы эволюции человека начали разрабатываться существенно раньше, чем на Западе, и с существенно иных, по сути альтернативных, теоретико-методологических позиций. Представляется, что это различие подходов делает работы отечественных специалистов по сравнительной психологии особенно актуальными в контексте современного развития мировой науки (Журавлев и др., 2017; Ушаков, Журавлев, 2015).

Русская религиозно-философская традиция в плане постановки проблемы личности человека имеет, как отмечалось в литературе, такую особенность: в отличие от западной философии человек не выступает здесь в качестве воплощения индивидуализма. Он всегда по-

нимается как некая «соборность в иерархии бытия». С одной стороны, говорится о целостности и уникальности личности, с другой — о ее подчиненности высшему началу. В центре внимания здесь осмысление предназначения человека, перед которым выдвигаются определенные нравственные императивы, поступки которого соразмеряются с общечеловеческими целями. Вот почему в отечественной философии так сильны религиозные и этические мотивы. «Персоналистски ориентированная русская философия менее всего была озабочена тем, чтобы установить диктат индивида <...> подчинить мир человеку. <...> русская философия, осмысливая предназначение человека, выдвигает перед ним определенные нравственные императивы, соразмеряет его поступки с общечеловеческими целями» (Человек..., 1995, с. 13).

Вот какое понимание человеческой сущности предлагает, например, Михаил Иванович Владиславлев (1840—1890), один из ведущих ученых России в области психологии доэкспериментального периода ее развития, профессор, декан историко-философского факультета и впоследствии ректор Санкт-Петербургского университета.

Человек — творение Создателя, часть вселенной, основанной на определенных принципах гармонии. Он вписан в «иерархию», где ниже — животные, а выше — другие, неизвестные формы жизни, отрицать существование которых на основании того, что мы не видим их проявлений, Владиславлев считает неправомерным: ведь и муравьи могут не подозревать о нашем существовании. Человек — часть вселенной, часть этой иерархии. Он от природы наделен «инстинктивными влечениями человеческой души», априорно ему присущи: 1) желание бытия, 2) нравственные принципы и стремления, окончательные цели которых лежат за пределами нашего сознания и отдельного человеческого существования.

«Повинуясь своим влечениям, мы идем по линии, которая заканчивается за сферой нашего существования» (Владиславлев, 1881, т. 2, с. 337), потому что человек стремится к истине, добру и красоте, но в земном существовании абсолютные знание, красота и добро недостижимы. Следуя своим природным влечениям, человек стремится сделать свою жизнь полной, сильной, значительной и прекрасной. Воля — основа человеческого существования, в естественном состоянии она направляет человеческую активность по правильному пути, заданному ему «нравственным чувством»¹. Если человек откло-

1 Владиславлев, получивший образование в Германии, как большинство российских интеллигентов досоветского периода, разделял веру Канта

няется от нравственных координат – внутри него создается «ложная личность», как мистер Хайд в докторе Джекиле, что становится причиной страданий. Интересна в этой концепции трактовка проблемы свободы воли. Человек свободен в своих поступках, его воля свободна. Но сущность человека заложена Создателем, изменить ее человек не может. Свобода Создателя, в свою очередь, ограничена – он не может определять поступки человека. Отсюда представление о совести и об ответственности человека. Таким образом, страдание рассматривается как результат собственных ошибок, но не как обязательный атрибут человеческой природы (последнее характерно для западной философии).

Представляется чрезвычайно важным то, что становление психологической науки в России происходило в ситуации острой полемики и постоянного заинтересованного диалога между двумя направлениями, естественно-научным и духовно-философским. Это изначально придало диалектический характер постановке проблемы личности в российской психологии, ибо «цельность в науке – это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» (Василюк, 2003, с. 3).

Этот постоянно – если не эксплицитно, то имплицитно – присутствующий контрапункт препятствовал односторонней, «уплощенной» и внутренне непротиворечивой трактовке сущности личности, что не позволило в дальнейшем снизить в естественно-научной советской психологии напряжение поставленной сверхзадачи монистического материалистического объяснения явлений духовной жизни личности, духовного начала в ней. Благодаря этому стало возможным и быстрое возрождение православной духовно-философской психологии в постсоветской России после 70 лет декларируемого атеизма и воинствующего материализма.

Биосоциальная проблема и кризис психологии

То, что душевные явления зависят от культуры, социального окружения, известно со времен античности. Уже в V в. до нашей эры софисты обратили внимание на зависимость душевных явлений от социально-исторического контекста. Поведение людей рассматривалось ими уже не только как следствие материальных причин, неотвратимых законов,

в нравственный закон, априорно данный человеку, он высоко ценил, переводил сочинения Канта.

царящих в природе, но и в его зависимости от мышления и речи. Язык и мысль полны условностей и пристрастий, изменчивы и доступны манипулированию. Софисты и позже Сократ положили начало пониманию души как культурного феномена. Линия исследований в русле биосоциальной проблематики может быть прослежена на всем многовековом пути развития психологической науки.

Представляется неслучайным, что выделению психологии в отдельную область научного знания в конце XIX в. предшествовало возникновение нового типа отношений между индивидом и социумом. Ускорение исторического процесса к середине XIX в. достигло уровня, когда скорость радикальных изменений в культуре стала соразмерной смене поколений, что породило проблему «отцов и детей». Дети не хотели больше следовать примеру родителей, так как к жизни в их мире опыт родителей был уже непосредственно не применим. Культура, устройство общества, впервые предстала как нечто подверженное переменам, временное и условное, и стал возможным сам вопрос об отношении личности, «социального индивида» как относительно самостоятельного деятеля к этим переменам, к социуму, сложилось представление о личности как о субъекте и объекте культурно-исторического процесса. Важной проблемой психологии стала проблема сочетания в человеческой природе природного (общечеловеческого) и социального (культурно обусловленного).

Однако до Первой мировой войны еще доминировало представление о том, что социум, культура — что-то хотя и изменяющееся исторически, но несомненно более стабильное, чем индивидуальная психика. Дюркгейм доказывал, что именно социум, культура, является носителем той системы понятий, усвоение которой индивидом только и придает его изменчивой психической жизни характер устойчивого человеческого разума. Обосновывая зависимость психической организации человека от социума, Э. Дюркгейм доказывал, что в основе всех категорий, которыми оперирует человеческое мышление, лежит единая общественная практика, объединяющая всех членов какой-либо социальной общности: «Если бы в один и тот же период истории люди не имели однородных понятий о времени, пространстве, причине, числе и т. д., всякое согласие между отдельными умами сделалось бы невозможным, а следовательно, стала бы невозможной и всякая совместная жизнь. В силу этого общество не может упразднить категорий, заменив их частными и произвольными мнениями, не упразднивши самого себя <...>. Если же какой-нибудь ум открыто нарушает

общие нормы мысли, общество перестает считать его нормальным человеческим умом и обращается с ним как с субъектом патологическим» (цит. по: История психологии, 1992, с. 279–280). Категории, которыми оперирует человеческое мышление, Дюркгейм называет «ценными орудиями мысли, терпеливо созданными в течение веков общественными группами, вложившими в них лучшую часть своего умственного капитала. В них как бы резюмирована каждая часть человеческой истории» (там же, с. 282).

Проблема культурных различий, встречи человека с чуждой ему культурной реальностью все еще представлялась возможной лишь в контексте рассмотрения экзотических стран и отдаленных от западной цивилизации народов.

Первая мировая война перевернула привычный европейцам мир. Социальные потрясения и антагонистические противоречия, охватившие мир после ее начала, открыли новый план проблемы личности. Отношения индивида и социума приобрели новый характер. Смена биологических поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда радикально меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, о справедливости, понятия о том, как следует поступать в той или иной ситуации и как следует относиться к тем или иным явлениям. Впервые в истории науки возникло новое понимание соотношения социально-культурного и психического как относительно стабильного индивида в изменяющемся мире.

Каждый период в развитии науки имеет своего рода «визитную карточку» — основную проблему, вокруг которой концентрируются усилия ученых, в русле решения которой возможны максимальные для своего времени научные достижения. Так, психологические исследования в XVII в. концентрировались вокруг психофизической проблемы, проблемы соотношения психики и физического мира, и даже проблема психофизиологическая, проблема соотношения психики и организма, ставилась учеными того времени как психофизическая. Успехи естествознания в XVIII в. послужили причиной выдвижения на первый план проблемы психофизиологической. Проблема соотношения природного и культурно обусловленного в человеческой психике на рубеже XIX–XX вв. обрела новое измерение. Значимость этих вопросов в общественной жизни была столь велика, что проблема противоречивых отношений индивида и культуры, общества, стала

«нервом» психологических исследований и теорий XX в., как для теоретических школ, так и для практической психологии (Мироненко, 2005, 2015).

Выготский в качестве основного противоречия, вокруг которого шла борьба теорий во время кризиса психологии, называет противоречие между психологией естественно-научной, объяснительной, и спиритуалистической, понимающей, описательной. Путем к выходу из кризиса он считает разрыв с последней. Таким образом, раскол между двумя психологиями — психологией высших психических функций и психологией низших психических функций, сопровождавший развитие психологии на всех этапах и закреплённый в трудах Декарта, Канта, Вундта, — должен был быть преодолен «движением снизу», распространением естественно-научной методологии на исследования в области сознания и высших чувств. Работы Выготского, тем не менее, показывают, что он осознавал и другое противоречие, более глубокое и драматичное, чем противоречие между научным детерминистским способом мышления и телеологическим (последний он считал более уместным в литературе и искусстве). Противоречие, вокруг которого незатухающая борьба шла на всем протяжении более чем векового кризиса психологической науки.

«Надо нацело расстаться с недоразумением, будто психология идет по пути, уже проделанному биологией, и в конце пути просто прикнет к ней как часть ее. Думать так — значит не видеть, что между биологией человека и животных вклинилась социология и разорвала психологию на две части, так что Кант и отнес ее к двум областям» (Выготский, 1982, с. 377). Напомним, что у Канта речь идет о том, что психология не должна существовать в качестве отдельной науки, но область ее должна быть разделена между биологией и социологией.

Проблема наследственного и приобретенного, изменчивости и неизменности человеческой психики стала центром психологических исследований XX в. как для теоретических школ, так и для практической психологии. Почти все важнейшие достижения психологии последнего столетия представляют собой варианты ее решения. Такова модель Фрейда, где четкое разделение и противопоставление биологического и социального является центральным моментом и представляет собой источник и причину развития и функционирования человеческой психики. Из неприятия представлений Фрейда об антагонизме биологического и социального вырастает неофрейдизм во всех его вариантах, а затем гуманистическая психология, где были

предложены неантагонистические модели взаимоотношений биологического и социального.

Нет нужды говорить, что для отечественной школы разработка биосоциальной проблемы была важнейшим и приоритетным направлением. Непосредственное и прямое отношение к проблеме биологического и социального в человеческой психике можно отметить практически во всех крупных разработках в области общей, возрастной, педагогической, дифференциальной, клинической психологии XX в. Идеологическое значение вопроса было настолько велико и напряжение в этой области настолько сильно, что собственно конструктивное научное обсуждение проблемы изменяемости человека, соотношения врожденного и приобретенного в процессе социализации практически прекратилось, дискуссия между школами стала затухать, разработка психологической теории велась в рамках отдельных школ, теоретические разработки которых сопоставлялись почти исключительно в практических прикладных работах, эклектически. Таким образом, идеологическая связанность школ в отношении подхода к важнейшей теоретико-методологической проблеме XX в. — биосоциальной — послужила важнейшим фактором раскола и так называемого столетнего кризиса психологии, в результате которого психология распалась на отдельные школы, разделенные принципиальными различиями и противоречиями в отношении теории, методологии, самого понимания предмета науки.

Биосоциальная проблема в отечественной психологии

Большое влияние на разработку проблемы психологии человека в отечественной науке оказал А. Ф. Лазурский (1874—1917), ученик В. М. Бехтерева, учитель М. Я. Басова и В. Н. Мясищева. Его теория представляет существенный интерес как знаковое явление, характеризующее становление подхода к проблеме биологического (природного) и социального (культурно-обусловленного и формируемого) в советской психологии.

Для анализа и описания структуры психики А. Ф. Лазурский (1995, 2019) вводит два основных понятия — «эндопсихика» и «экзопсихика». Под эндопсихикой понимается «внутренний механизм» человеческой личности, преимущественно природой определяемые свойства. К эндопсихике можно отнести темперамент и задатки. Экзопсихика включает отношения человека к внешним объектам и явлениям

жизни. Она формируется прижизненно и преимущественно отражает внешние окружающие человека условия, обстоятельства, в которых он живет, деятельность, которой он занимается. В каждом случае речь идет о сложных комплексах элементарных процессов и функций, которые определяются для эндопсихики внутренними причинами, а для экзопсихики – внешними.

В качестве примера А. Ф. Лазурский рассматривает эндо- и экзопсихические комплексы, свойственные парижской богеме начала XX в. Эндокомплексом, предрасполагающим к занятиям искусством, является сочетание развитого воображения, повышенной восприимчивости, аффективной возбудимости, развитого эстетического чувства. В качестве экзокомплекса выступают особенности личности, порожденные условиями жизни в больших художественных центрах: молодежь, не обремененная семьей (не на что содержать семью), живущая компанией (одному тоскливо в пустой и неудобной комнате), неряшливая (нет жены и прислуги, которая заботилась бы о порядке), беззаботная (ибо заботиться не о ком), живущая то впроголодь, то устраивающая кутежи (доходы зависят от продажи картин).

Характерно, что у Лазурского эндо- и экзопсихика разведены по своим основаниям и природе. Экзопсихика не является продолжением эндопсихики. Это разные сущности, которые могут находиться в разных отношениях и доминировать друг над другом. При этом личностные типы по Лазурскому делятся на три уровня в зависимости от активности взаимодействия со средой (от пассивных и безуспешных попыток приспособиться до активного переделывания среды обитания).

Низший уровень в классификации образуют «неприспособившиеся», люди, не сумевшие адекватно и эффективно приспособиться к требованиям жизни. На этом уровне выраженные экзопсихические комплексы не сложились. По психологическому содержанию этот уровень может быть классифицирован лишь по природным эндопсихическим комплексам на типы: рассудочный, аффективный и активный.

Средний уровень в классификации представлен «приспособившимися». Эти люди оказались достаточно адаптивными, чтобы найти себе место под солнцем и приспособиться к требованиям среды. Они приносят пользу обществу и обеспечивают себе комфортное существование. У людей, относящихся к этому уровню, сформированы психосоциальные комплексы, гармонично объединяющие эндо- и экзопсихику, порождая типы, характерные для своего времени:

- а) теоретики-идеалисты (ученые, художники, религиозные деятели);
- б) практики (человеколюбцы, общественники, властные, хозяйственники).

Высший уровень составляют личности, интенсивность душевной жизни которых столь велика, что они нацелены на преобразование среды своего обитания. Их особенность — творчество. Лазурский называет их «приспосабливающиеся». Жизнь этих людей всегда полна упорной борьбы, часто им приходится переносить лишения, они обычно хуже устроены в жизни, чем люди среднего типа. Психологический центр их душевной жизни — преобразование мира в определенном направлении, поэтому классификация внутри уровня строится по развитым экзопсихическим комплексам-идеалам, среди которых Лазурский называет: альтруизм; знание; красота; религия; общество; внешняя деятельность, инициатива; система, организация; власть, борьба.

Таким образом, в отношении биосоциальной проблемы в концепции Лазурского можно отметить а) четкое разделение эндопсихики (биологического) и экзопсихики (социального) — это две различных по своей природе и сущности системы, которые могут в разной степени соответствовать друг другу и в разной степени друг над другом доминировать; б) тезис о том, что чем выше «уровень» личности, тем больше в ней выражено доминирование экзопсихического: для личности высшего уровня эндопсихика уже не является сколько-нибудь существенной характеристикой, в то время как низший уровень развития личности практически полностью определяется природным началом. Можно видеть, что по мере развития личности, повышения ее уровня, которое, по Лазурскому, происходит быстро в детстве, затем замедляется и, наконец, останавливается, достигнув определенной точки, социальное «вытесняет» биологическое, ослабляет его значимость и влияние для личности.

Основания разработки проблемы биологического и социального в советской психологии были заложены культурно-исторической теорией Л. С. Выготского и субъектно-деятельностным подходом С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2003, 2009). В этих теориях в самой яркой форме проявилась специфика постановки проблемы биологического и социального, была сформирована та платформа, на основе которой строились в дальнейшем теория и методология.

Выготский выделял в человеческой психике два уровня психических функций: «натуральные» (низшие) и «культурные» (высшие).

В соответствии с культурно-исторической теорией человек качественным образом отличается от животного тем, что «лицо человеческой психики» составляют высшие (культурные) психические функции. Натуральные психические явления имеют врожденный, наследственный характер. Они есть и у человека, и у животных. К ним относятся, например, функциональные механизмы познавательных процессов (острота зрения, цветовая и световая чувствительность, некоторые механизмы памяти и внимания, скорость сенсомоторной реакции и др.). Формирование этих психических функций подчиняется законам биологического созревания, законам онтогенеза.

Высшие психические функции присущи только человеку. Под культурными, или высшими, психическими функциями следует понимать *сложные психические процессы, формирующиеся прижизненно, социальные по своему происхождению, опосредованные по психологическому строению и произвольные по способу своего осуществления*. В отличие от натуральных, культурные психические явления детерминированы социально. Их психологическая структура опосредована «психологическими орудиями» — знаковыми системами, в первую очередь речью и социально закрепленными способами их формирования.

Формирование высших психических функций происходит по законам интериоризации — превращения внешнего во внутреннее. Следовательно, они детерминированы не биологически, а социально. Процессы интериоризации протекают в двух аспектах. Во-первых, вначале высшие психические функции возникают как форма взаимодействия между людьми (например, между младенцем и матерью, когда она учит его называть предмет словом, между учителем и учеником, когда учитель объясняет новый способ решения задачи), т. е. как *интерпсихический* процесс. Затем, по мере овладения деятельностью, они превращаются в *интрапсихический*, внутренний, процесс. Во-вторых, сначала высшие психические функции разворачиваются как внешняя предметная деятельность, опирающаяся на относительно элементарные сенсорные и моторные процессы (например, арифметике обучают с помощью счетных палочек, которыми непосредственно манипулирует учащийся). Затем перестройка психологической структуры идет по линии свертывания внешних компонентов действий и их автоматизации. Благодаря автоматизации умственных действий, вначале усвоенных как сознательное достижение поставленной цели, становится возможным прогрессивное обучение, надстраивание новых и новых

образований над старыми, которые существуют в виде подчиненных слоев внутри нового целого.

В 1920—начале 1930-х годов Л. С. Выготский в МГУ тесно сотрудничал с А. Н. Леонтьевым, который впоследствии отмечал существенное влияние идей Л. С. Выготского на свое научное развитие, и с А. Р. Лурией. Развивая представления Л. С. Выготского о высших психических функциях, А. Р. Лурия разработал и подтвердил опытным путем свою теорию структурно-функциональной организации работы мозга. В соответствии с этой теорией высшие психические функции лабильны, динамичны, изменчивы по своей морфологической мозговой структуре в отличие от «натуральных», которые имеют природную мозговую локализацию. При выпадении в результате травмы или иной причины отдельных участков мозга, играющих роль звеньев в структуре высших психических функций, эти звенья замещаются другими. Каждое звено представляет собой отдельную функциональную психическую единицу и связано с определенной мозговой структурой. Таким образом, субстратом высших психических функций являются сложные мозговые системы, причем каждая из них объединяет звенья, расположенные во множестве отделов коры и подкорки. Многие функциональные звенья являются общими для нескольких высших психических функций. Поражение их в результате травмы черепа или органического заболевания приводит к появлению закономерных сочетаний нарушений психических функций, которые описываются как нейропсихологические синдромы, по которым в клиниках всего мира диагностируются поражения мозга.

Таким образом, мозг работает как единое целое, состоящее из множества высококодифференцированных частей, каждая из которых играет свою специфическую роль. Непосредственно с мозговыми структурами следует соотносить не какую-либо высшую психическую функцию в целом, а ее отдельные звенья — психические функции из числа тех, которые Л. С. Выготский считал натуральными.

Центральное место в концепции Л. С. Выготского занимает представление об активности субъекта. Активность растущего человека выступает как основание введения Л. С. Выготским понятия социальной ситуации развития. Подчеркивая социально-историческую детерминацию «социальной ситуации», Выготский разъясняет, что и сам ребенок выступает ее активным участником. Во-первых, растущий человек меняет социальные условия своими действиями. Во-вторых, социальные ситуации преобразуются под влиянием внутреннего от-

ношения к ним и жизненного плана личности. Среди разных форм активности растущего человека, направленной на окружающий мир, особенно важными Л. С. Выготский считает сотрудничество ребенка со взрослым и коллективную деятельность детей. На основе социального взаимодействия у ребенка возникает способность к самосознанию и самоконтролю. Положение об индивидуально своеобразной переработке и переосмыслении человеком социальной действительности приводит Выготского к фундаментальному выводу о том, что «главным трактом» развития является не столько постепенная социализация, привносимая ребенку извне, сколько индивидуализация, возникающая на основе внутренней социальности ребенка.

Признание воли, а затем автономии первыми стержневыми образованиями структуры формирующейся личности характеризует подход Л. С. Выготского к проблеме развития последней. Через 20 лет к таким же выводам приходит Э. Эриксон, создавая свою эпигенетическую концепцию развития Я человека. Однако для Эриксона и воля, и автономия — это ранние проявления заложенной в природе индивида внутренней программы. Для Л. С. Выготского же эти новообразования — результат деятельного, а затем и речевого взаимодействия, сотрудничества растущего человека с миром взрослости, т. е. основания этих новообразований детерминированы не биологически, а социально. Как и в теории Лазурского, социально-культурное предстает здесь не как продолжение и развитие биологической видовой программы, а как сила, переделывающая, изменяющая природную программу.

Точно так же в русле субъектно-деятельностного подхода С. Л. Рубинштейна жизнь личности, ее развитие не может осуществляться по заранее намеченному общечеловеческому, т. е. видовому, природному, плану или сценарию. Человек как некая сущность, вносящая в поток бытия определенный тип изменений (в основе которых порождение нового на основе самоопределения и самопричинения), изменяя мир, сам изменяется в процессе активного взаимодействия с окружением. Конечные цели и формы изменений не предзаданы: «Субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть: направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» (Рубинштейн, 1986, с. 106). Психические свойства личности — не изначальная данность; они формируются и развиваются в ходе деятельности.

Постановка биосоциальной проблемы в психологических школах Московского и Ленинградского университетов

В 1966 г. были открыты первые в России и СССР факультеты психологии одновременно в двух университетах — Московском и Ленинградском. Ведущее место в советской психологии 1960—1980-х годов заняли так называемые московская школа психологии (школа А. Н. Леонтьева) и ленинградская школа (школа Б. Г. Ананьева). Обе школы основывались на положениях культурно-исторической теории и субъектно-деятельностного подхода, в обеих школах утверждалась идея социальной детерминации психики человека, причем социальное не было продолжением или развитием биологического. Напротив, подчеркивалась его самостоятельная, несводимая к биологии природа и диалектический характер взаимодействия с биологией. Однако в разработке этих положений имелись существенные различия.

Центральное место в теории деятельности А. Н. Леонтьева занимает положение, что определяющее значение для понимания места и роли психики в эволюции жизни на Земле (Леонтьев, 1972) и особенностей человеческой психики имеет деятельность — социально обусловленная и оснащенная культурными орудиями: «Личность человека ни в каком смысле не является предшествующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается» (Леонтьев, 1975, с. 173). Психика человека социально детерминирована, более того, «внутреннее» представляет собой прямое порождение и даже слепок «внешнего» — социального. Таким образом, достаточно прямолинейно предполагается, что, исследуя «внешнее», деятельность субъекта, можно непосредственно понимать и «внутреннее» как прямое отражение «внешнего». В центре внимания А. Н. Леонтьева высшие уровни человеческой психики: сознание и личность, социально детерминированные процессы их формирования, и отражение в структуре сознания и личности социальных детерминант.

Другой аспект культурно-исторической теории и субъектно-деятельностного подхода был предметом исследований ленинградской школы Б. Г. Ананьева (Ананьев, 1961, 1968, 1977; Головей и др., 2017; Логинова, 2016; Методология..., 2008; Mironenko, 2020). Б. Г. Ананьев развил идеи Л. С. Выготского, не нашедшие воплощения в развитии школы А. Н. Леонтьева. Так, П. Я. Гальперин, вспоминая харьковский период своей деятельности, подчеркивал, что учение о предметной деятельности «привело к существенному изменению в акценте исследований — Л. С. Выготский подчеркивал влияние высших психических

функций на развитие низших психических функций и практической деятельности ребенка, а А. Н. Леонтьев подчеркивал ведущую роль внешней, предметной деятельности в развитии психической деятельности, в развитии сознания» (Гальперин, 1983, с. 241).

Именно влияние высших психических функций на развитие низших было основным предметом широкомасштабных эмпирических исследований школы Б. Г. Ананьева. Главу о влиянии жизненного пути человека на его онтогенетическую эволюцию в книге «Человек как предмет познания» Б. Г. Ананьев начинает, цитируя Л. С. Выготского: «Новая генетическая психология исходит, как писал Л. С. Выготский, из понимания психического развития как диалектического единства двух принципиально различных рядов и основную задачу исследования видит в адекватном изучении каждой возрастной ступени. Одним из этих рядов, по его определению, является натуральный ряд развития, другим – культурное или социальное развитие. Особенно важно изучение законов „сплетения“ обоих рядов развития на каждой возрастной ступени, поскольку феноменальная картина развития, свидетельствующая о таком сплетении, описана достаточно выразительно» (Ананьев, 2001, с. 93).

Человек, в понимании Б. Г. Ананьева, является продуктом индивидуально-психического развития, которое выступает в трех отчетливо разведенных аспектах:

- онтогенетической эволюции психофизиологических функций индивида (представитель вида *Homo sapiens*);
- жизненного пути – истории личности (субъекта и объекта культурно-исторического процесса);
- становления деятельности и истории развития человека как субъекта труда, познания и общения.

Б. Г. Ананьев выделяет два класса *первичных* индивидуальных свойств: а) возрастно-половые свойства, б) индивидуально-типические свойства. К последним относятся конституциональные особенности (телосложение и биохимическая индивидуальность), нейродинамические свойства мозга, особенности функциональной геометрии больших полушарий (симметрии–асимметрии парных рецепторов и эффекторов).

Взаимодействие первичных свойств определяет *вторичные* индивидуальные свойства: а) динамику психофизиологических функций, б) структуру органических потребностей.

Высшая интеграция индивидуальных свойств представлена в *темпераменте* и *задатках*.

Основная форма развития индивидуальных свойств — онтогенетическая эволюция, которая осуществляется по определенной филогенетической (видовой) программе. Данная программа не остается неизменной, но постоянно модифицируется под воздействием фактора индивидуальной изменчивости, диапазон которой непрерывно растет как в процессе социальной истории человечества, так и в процессе индивидуального онтогенеза как результат активного воздействия социальных свойств личности на характеристики индивида.

Исходным моментом развития *личности* является ее *статус* в обществе, т. е. особенности ее экономического, правового, политического положения, и статус общности (группы, субкультуры), в которой складывается и формируется данная личность. На основе статуса строятся в процессе воспитания системы *общественных функций* — *ролей* и *целей* и *ценностных ориентаций*. *Первичные* личностные свойства — статус, роли и ценностные ориентации — складываются вначале как бы вовне личности, в системе ее взаимодействия с социальным окружением, и интериоризируются в процессе социализации. На основе первичных личностных свойств формируются *вторичные* — *мотивация* и *структура общественного поведения*. Высшая интеграция личностных свойств — *характер* человека и его *склонности*. Основная форма развития личности — жизненный путь человека, его социальная биография.

Исходными характеристиками человека как *субъекта деятельности* являются *сознание* (отражение объективной действительности) и *деятельность* (преобразование действительности). Характеристиками человека как субъекта служат не только его природные свойства, но и знания, умения, а также технические средства труда. Высшей интеграцией субъектных свойств является творчество человека, а наиболее обобщенными эффектами (вместе с тем потенциалами) — способности и талант. Основная форма развития субъектных свойств — история производственной деятельности человека в обществе, начиная с ранних стадий подготовки и обучения.

Центральное место в концепции Б. Г. Ананьева занимает понятие *индивидуальности*. В научном сообществе за его учением закрепилось название «теория индивидуальности». Индивидуальность, по Б. Г. Ананьеву, — это не просто индивидуальное своеобразие, уникальность личности, отличие человека от других. Б. Г. Ананьев назы-

вает *индивидуальностью* целостное единство всех уровней организации человека, которое является результатом слияния натурального и культурного развития человека. Индивидуальность придает человеку свойство целостности, обеспечивает саморегуляцию и стабилизацию психофизиологических функций, взаимосвязь тенденций и потенций человека. К проявлениям индивидуальности относятся самосознание, Я-концепция, индивидуальный стиль деятельности.

Процесс человеческого развития здесь построен на взаимодействии различных, не слитых по своей природе начал. Есть ряд относительно независимых факторов, влияние которых опосредуется и интегрируется индивидуальностью человека. Именно индивидуальность определяет вектор, путь и направление человеческого развития. Индивидуальность изначально присутствует и проявляет себя, преломляя и соединяя биологическую программу, социально определяемую программу развития личности и программу становления субъекта деятельности, которая заложена в орудийно-деятельностных компонентах воспитания. В зрелом возрасте фактор индивидуальности становится доминирующим. Единого закона человеческого развития ни в природе, ни в культуре, нигде вне самого человека просто нет.

Легко заметить, что в данной концепции для подструктур индивида, личности, субъекта исходными являются не психологические категории. Б. Г. Ананьев выводит подструктуру индивида из биологических свойств человека, личность — из конкретных социальных характеристик, субъекта — из материальной базы, орудий, созданных цивилизацией. Вид, социум, цивилизация как бы прорастают в человека, формируя его психику, каждый в соответствии со своими законами. И только индивидуальность по своей природе представляет собой явление психическое. Таким образом, психическое составляет интегрирующую основу и ядро, вектор и индивидуальный закон развития человека.

Исследования школы Б. Г. Ананьева фокусировались на том влиянии, которое оказывает личность, ее жизненный путь, избираемые виды деятельности на процесс онтогенеза человека, что приводит к *индивидуализации онтогенеза*. В первую очередь изучалось онтогенетическое развитие психических процессов: сенсорных процессов, восприятия, памяти, внимания, мышления. Их развитие отслеживалось на протяжении жизни, включая в первую очередь период зрелости. Описаны поразительные эффекты индивидуализации онтогенеза

психических функций, которые особенно выражены после возраста биологической зрелости (20–25 лет), когда, согласно данным психофизиологии, достигаются возрастные оптимумы в развитии данных функций. Таким образом, в школе Б. Г. Ананьева идеи развития человека на протяжении всей жизни были развиты существенно раньше, чем в западном мейнстриме. Эффекты индивидуализации онтогенеза особенно впечатляющи на примерах развития сенсорных функций, которые традиционно рассматриваются как «физиологическая периферия» личности. В школе Б. Г. Ананьева исследовались сдвиги чувствительности, происходящие под воздействием объективных условий, прежде всего, *феномены сенсбилизации* в области зрения, слуха, вкусовой чувствительности, обоняния и других модальностей. Эти феномены рассматривались как показатели возможности прижизненного развития чувствительности в зрелом возрасте.

Б. Г. Ананьев утверждал, что в процессе жизни личности все психофизиологические функции перестраиваются, так что мозг и человеческое тело в целом превращаются в целостную систему, обеспечивающую функционирование субъекта и соответствующую образу жизни личности.

Б. Г. Ананьев и его сотрудники в широкомасштабных экспериментах продемонстрировали удивительные эффекты индивидуализации онтогенеза психофизиологических функций, в первую очередь сенсорно-перцептивных, в результате особенностей жизненного пути личности и становления субъекта профессиональной деятельности, описанные, в частности, в работах «Теория ощущений» (Ананьев, 1961), «Сенсорно-перцептивная организация человека» (Ананьев, 1977) и др. В этих трудах представлены данные, не имеющие аналогов в мировой науке и не утратившие актуальности.

В соответствии с концепцией Б. Г. Ананьева в процессе индивидуального развития взаимодействие биологических и социальных факторов порождает внутренние противоречия, которые и оказываются движущими силами индивидуального развития. Эти противоречия рассматриваются на уровне психических процессов, в структуре которых Ананьев выделил функциональные, операциональные и мотивационные компоненты (механизмы).

Развитие функциональных механизмов подчиняется законам онтогенеза. Операциональные механизмы развиваются в результате освоения культурно-исторического опыта человечества. Противоречие между природными психофизиологическими функциями и соци-

альными операциями в структуре психического процесса разрешается путем тренировки и структурирования созревающих функций в соответствии с общественно выработанными способами действия, таким образом, направление развития функций определяется содержанием деятельности человека и мотивацией его социального поведения.

Индивидуализация, нарастание индивидуального своеобразия — основной эффект человеческого развития и его показатель для Б. Г. Ананьева. В соответствии с его концепцией *индивидуальное своеобразие* нарастает по мере взросления и служит показателем общего уровня развития, в том числе способностей.

Путем достижения гармонии, как внутренней, так и в отношениях с миром, Ананьев считал специализированное развитие человека, его становление как субъекта деятельности. Оптимистический взгляд Ананьева в этом отношении разительно отличается от распространенного в западной психологической традиции представления о гармонии как о состоянии, присущем человеку от природы, и утрачиваемом в результате приспособления к требованиям жизни в обществе. Такой взгляд ярко выразил, например К. Г. Юнг, который полагал, что в силу особенностей нашей цивилизации развитие человека идет по линии специализации, по линии развития только одной из его функций, которая определяет место человека в обществе, обычно род его основных занятий (Юнг, 1995). Эта функция, обычно и от природы наиболее развитая, приобретает высокодифференцированный, сознательный характер. Однако такое усиленное и одностороннее развитие одной из функций приводит к угнетению функции, ей противоположной, которая вытесняется в область бессознательного, приобретает архаический, примитивный, недифференцированный характер. Такой специализированный характер развития К. Г. Юнг считал причиной внутреннего разлада, драматической расколотости души человека, которую он сравнивал с мучительной раной.

Б. Г. Ананьев считал, что каждый человек уже по рождению является индивидом, личностью, субъектом (в соответствии с тем значением, которое придавалось каждому из этих понятий в его теоретической модели), но стать индивидуальностью удастся далеко не каждому. В том, чтобы помочь людям на этом пути, помочь найти и создать себя, Б. Г. Ананьев видел главную практическую задачу психологии, и в этом колоссальный гуманистический заряд его учения. Формирование индивидуальности Ананьев считал возможным благодаря тому,

что биологические и социальные свойства человека взаимно влияют друг на друга в процессе развития, вызывая изменения в широчайшем диапазоне индивидуальной изменчивости.

Опираясь на положение С. Л. Рубинштейна, согласно которому основным для развития личности является *принцип интеграции*, Б. Г. Ананьев приходит к выводу, что «развитие действительно есть возрастающая по масштабам и уровням интеграция – образование крупных „блоков“, систем или структур, синтез которых в определенный момент жизни человека выступает как наиболее общая структура его личности» (Ананьев, 1968, с. 155). Но одновременно, по его мнению, развитие личности есть и «все возрастающая дифференциация ее психофизиологических функций, процессов, состояний и личностных свойств, соразмерная прогрессирующей интеграции» (там же).

Биологическое и социальное в русле структурно-функциональных моделей личности в российской психологии 1960–1980-х годов: модели А. Г. Ковалева и К. К. Платонова

Разработка проблемы личности в советской психологии в основном происходила в русле структурно-функционального подхода с фокусом на поиске ответа на вопрос «Что есть личность?» и внеконтекстуальных характеристиках личности.

В качестве основных структурных компонентов личности А. Г. Ковалев рассматривает *темперамент* (систему природных, биологически обусловленных, свойств человека), *направленность* (систему потребностей, интересов и идеалов, социальную по своему происхождению) и две подструктуры, формирование которых определяется взаимодействием биологического и социального в процессе жизни: *способностей* (интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств) и *характера* (системы отношений и способов поведения) (Ковалев, 1970). Первым компонентом в структуре личности является направленность, именно направленностью определяется ход жизнедеятельности, в процессе которой из задатков формируются способности, происходит становление характера и развиваются психические процессы.

Практически одновременно с теорией А. Г. Ковалева идеи структуры личности были разработаны К. К. Платоновым (К. К. Платонов..., 2007; Кольцова, Журавлев, 2017), в концепции которого также с полной ясностью представлено предлагаемое решение биосоциальной проблемы. Он выделяет четыре подструктуры личности:

1. Подструктура *направленности и отношений личности*, которые проявляются в виде моральных черт. Они не имеют врожденных задатков и формируются путем *воспитания*, поэтому эта подструктура может быть названа социально-обусловленной. Она включает желания, интересы, склонности, стремления, идеалы, убеждения, мировоззрение. Все это – формы проявления направленности, отношения личности.
2. Подструктура *опыта*, которая объединяет знания, навыки, умения и привычки, приобретенные путем *обучения*, но уже с заметным влиянием биологически и даже генетически обусловленных свойств личности. Ведущая форма развития качеств этой подструктуры – обучение – обуславливает и уровень их анализа – *психолого-педагогический*.
3. Подструктура *индивидуальных особенностей психических процессов* или функций памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств, воли. К. К. Платонов подчеркивает силу биологической и генетической обусловленности психических процессов и функций. Процесс формирования и развития индивидуальных особенностей психических процессов осуществляется путем *упражнения*, а изучается данная подструктура в основном на *индивидуально-психологическом уровне*.
4. Подструктура *био психических свойств*, в которую входят половые и возрастные качества личности, типологические проявления личности (темперамент). Процесс формирования черт этой подструктуры (а точнее, их переделки) осуществляется путем *тренировки*. Свойства личности, входящие в эту подструктуру, больше зависят от физиологических особенностей мозга, а социальные влияния их только субординируют и компенсируют (Платонов, 1972). Поскольку активность этой подструктуры определяется силой нервной системы, то изучаться она должна на *психофизиологическом и нейропсихологическом*, вплоть до молекулярного, уровне.

По мнению К. К. Платонова, в эти подструктуры могут быть уложены все известные свойства личности. Причем часть этих свойств относится в основном только к одной подструктуре, например, убежденность и заинтересованность – к первой; начитанность и умелость – ко второй; решительность и сообразительность – к третьей; истошаемость и возбудимость – к четвертой. Другие, и их больше, лежат на пересечениях подструктур и являются результатом взаимосвязей различных собственных подструктур. Примером может служить морально-вос-

питанная воля как взаимосвязь 1-й и 3-й подструктур, музыкальность как взаимосвязь 3-й, 4-й и обычно 2-й подструктур.

Концепция интегральной индивидуальности В. С. Мерлина

В фокусе *концепции интегральной индивидуальности В. С. Мерлина*, основателя и руководителя пермской школы психологов, соотношение социально-типичного и индивидуального. Под личностью В. С. Мерлин понимает человека как субъекта общественно-трудовой деятельности в контексте его отношений к миру.

Высокообобщенные, относительно устойчивые и постоянные отношения сознания к определенным объективным сторонам действительности составляют свойства личности. Они социально типичны, поскольку формируются в процессе общественно-трудовой деятельности. Такие отношения являются результатом и выражением направленности, характера, способностей – всего многообразия разноразличных индивидуальных свойств.

В теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлин выделяет три уровня индивидуальных свойств: уровень организма, уровень индивидуально-личностных свойств, уровень субъекта социальных отношений – направляющий развитие личности (Мерлин, 1986, 1988). Среди взаимосвязей между свойствами В. С. Мерлин выделяет, во-первых, инвариантные *функциональные зависимости* внутри подсистем одного уровня, а во-вторых, *много-многозначные связи* между разноразличными свойствами. Таким образом, структура личности предстает в виде многоуровневой системы взаимных связей и организации индивидуальных психических свойств. Благодаря связям, в которые вступают между собой отдельные свойства, образуются *симптомокомплексы свойств личности*. Поскольку отношения личности социально типичны, симптомокомплексы также социально типичны, они характеризуют определенные типы личности. Процесс развития личности выражается в увеличении связей между свойствами, относящимися к разным уровням организации индивидуальности и увеличении тенденции много-многозначности этих связей как проявление индивидуализации личности.

Заключение

К концу советского периода развитие психологической науки в СССР достигло состояния парадигмы (Психологическая наука..., 1997),

в контексте которой важнейшее значение имело положение о диалектической взаимосвязи природного и культурно обусловленного (социального) в человеке. Постсоветский период стал периодом динамичных и радикальных изменений, временем парадоксального сочетания тенденций в развитии российской психологии. Это, во-первых, время интеграции мировой науки после длительного периода, когда «школы» развивались в контексте так называемого кризиса психологии относительно независимо, в отсутствие единой общепринятой теории. Во-вторых, это время распада целостного научного направления, сложившегося в СССР.

Современное нам профессиональное сообщество сложилось на основе разрушения института советской психологической науки. С прекращением существования советского государства были сняты идеологические и другие искусственные барьеры на пути развития психологии, которая в советское время отчасти насильственно удерживалась в русле монометодологического течения, естественно-научного по своей ориентированности и основанного на марксистской философии с приоритетом фундаментальных теоретико-методологических исследований.

В это же время перед психологами открылись новые горизонты профессиональной деятельности, хорошо обеспеченный финансово рынок психологических услуг потребителю. На фоне сворачивания программ финансирования фундаментальных исследований произошел бум в области психологического образования и психологической практики, который с неизбежностью сопровождался радикальными изменениями в подготовке специалистов и выходом на рынок психологических услуг людей, уже никак не связанных с советской российской психологической школой.

В 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР) и в весьма ограниченном количестве, а в 1990-х годах уже более 300 вузов России ежегодно выпускали более 5000 психологов. Профессиональное сообщество в 1990-х годах за короткий период выросло в численности в тысячи раз. Такой бурный количественный рост не мог не сопровождаться падением качества образования в массе и – в массе же – сменой ориентации от сложных фундаментальных теоретических построений отечественной науки к западным теориям, в доступной форме представленным в переводных учебниках и обращенным к запросам востребованной обществом психологической практики.

На фоне отхода растущего профессионального сообщества от российской научной традиции последняя в результате длительной изоляции за «железным занавесом» фактически выпала из поля зрения зарубежных коллег. Таким образом, современный процесс интеграции мировой науки для отечественной психологии оказался вызовом самому ее существованию в качестве самобытной школы (Мироненко, 2015).

Выбора вступать или не вступать в мировую науку у российских психологов нет. Но есть выбор: вступать туда как продолжатели одной из великих школ XX в. или как развивающаяся провинция. Отечественное профессиональное сообщество и каждый из его членов в отдельности стоят сегодня перед необходимостью выбора одного из возможных путей:

- Согласиться с тем, что ничего существенного, сопоставимого по значимости с достижениями зарубежной психологии советской наукой сделано не было, принять роль представителей «развивающейся» провинции мировой науки. В этом случае теоретико-методологическое наследие российской психологии советского периода с неизбежностью ждет судьба артефактов умершей цивилизации.
- Признавая достижения отечественных авторов, приняв роль «наследников» советской психологии, перетолковать и перекроить это «наследство» по образу и подобию западной науки, акцентируя сходства и параллели, адаптировать отечественные психологические теории к западным, придавая при этом последним статус обобщающих научных систем¹.
- Обозначить самобытность отечественной психологической школы, акцентировать ее полемический потенциал по отношению к другим школам. Включиться в мировой процесс, не потеряв собственного лица, как самостоятельное направление, которое в принципе не может быть сведено ни к одной из принятых за рубежом теорий.

¹ В отношении таких достаточно распространенных сегодня попыток актуально звучат слова Л. С. Выготского: «При таких попытках приходится просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в <...> сводимые воедино системы» (Выготский, 1982, с. 330).

Третий путь – самый сложный, но только он обеспечит для отечественной науки возможность стать полноценной частью единой мировой психологической науки, которая формируется на наших глазах, ибо «цельность в науке – это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» (Василюк, 2003, с. 3). Задавшись целью показать самобытность отечественной школы в контексте различных направлений мировой психологической науки, в поисках общих оснований для соотнесения теорий целесообразно обратиться к биосоциальной проблематике. Представление о человеке как о существе, бесконечно и радикально изменяющемся вместе с творимым им миром, адекватно социальной реальности мира XXI столетия (Журавлев и др., 2018; Мироненко, 2019; Мироненко, Журавлев, 2019; Mironenko, Sorokin, 2015, 2022) и представляется востребованным и перспективным. Это положение, противоположное тезису об «общечеловеческой», а значит, видовой, природной сути человека, на котором строился западноцентрический мейнстрим второй половины XX в., обретает новую актуальность и новый смысл на рубеже XX–XXI вв., в процессе глобализации, когда постановка биосоциальной проблемы из контекста Nature & Nurture перешла в контекст места и роли цивилизаций и этносов в мироустройстве.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Теория ощущений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. 3-е издание. СПб.: Питер, 2001.
- Вагнер В. А.* Сравнительная психология / Под ред. Г. В. Калягиной. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1998.
- Василюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ–Смысл, 2003.
- Владиславлев М. И.* Исследования основных явлений душевной жизни. В 2 т. СПб., 1881.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.

- Гальперин П. Я. К воспоминаниям об А. Н. Леонтьеве // А. Н. Леонтьев и современная психология / Под ред. А. В. Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 240–244.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Менталитет, общество и психосоциальный человек // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.
- История психологии: период открытого кризиса (нач. 10-х–середина 30-х гг. XX в.) / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
- К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К. К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Ковалев А. Г. Психология личности. М.: Просвещение, 1970.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л. Жизнь и научное творчество К. К. Платонова // Выдающиеся ученые Института психологии РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 171–190.
- Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах. М.: Наука, 1995.
- Лазурский А. Ф. Классификация личностей. М.: Юрайт, 2019.
- Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда / Общ. ред. и предисл. Ю. Г. Рычкова, И. В. Равич-Щербо. М.: Прогресс-Универс, 1993.
- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
- Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
- Логинова Н. А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1984.
- Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

- Мерлин В. С.* Личность как предмет психологического исследования. Пермь: ПГПИ, 1988.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Мироненко И. А.* Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 88–94.
- Мироненко И. А.* Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Мироненко И. А.* Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии. В 2 т. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Платонов К. К.* О системе в психологии. М.: Мысль, 1972.
- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–108.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2009.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Психологическое содержание институтов и модель психосоциального человека // Новое в науках о человеке: к 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина. М.: Ленанд, 2015. С. 211–220.
- Человек / Под ред. П. С. Гуревича. М.: Республика, 1995.
- Юнг К. Г.* Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Ярошевский М. Г.* Наука о поведении: русский путь. М.: Ин-т практической психологии, 1996.

- Buss D. M.* Evolutionary psychology: the new science of the mind. 6th ed. N. Y., 2019.
- Cartwright J.* Evolution and Human Behaviour. London: Macmillan Press Ltd, 2000.
- Dawkins R.* The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Herrnstein R. J., Murray Ch.* The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life. Free Press, 1994.
- Mironenko I. A.* Boris Ananiev's Theory of Self-Determination of Human Development // Oxford Research Encyclopedia of Psychology, 2020. doi: 10.1093/acrefore/9780190236557.013.664
- Mironenko I. A., Sorokin P. S.* Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological crisis // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. № 4. P. 35–45.
- Mironenko I. A., Sorokin P. S.* Activity theory for the de-structuralized modernity // Integrative Psychological & Behavioral Science. 2022. V. 56. P. 1055–1071.
- Wilson E. O.* Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1975.

Психология религии в СССР и культурно-историческая теория Л. С. Выготского: точки пересечения и новые возможности¹

А. М. Двойнин

Введение

Советский период в истории отечественной психологии стал чрезвычайно продуктивным и плодотворным временем для развития данной научной области. Именно в этот период появилось множество новых теорий и концепций, было сделано немало научных открытий в самых различных областях психологического знания: от детской и педагогической психологии — до инженерной и спортивной. Сложились различные научные школы и были созданы новые научно-исследовательские направления.

Вместе с тем подлинное значение советского периода развития психологической науки в России заключается не в частных методических разработках, отдельных теоретических решениях или направлениях исследований. Подлинное ее значение раскрывается в создании *новой психологической науки* на фундаменте философии марксизма. Советскими психологами во многом была решена амбициозная задача перестройки *всей* психологии: были сформулированы базовые методологические принципы познания (отражения, единства сознания и деятельности, развития, системности и др.), разработан категориальный аппарат новой психологии и создано большое количество теорий разного уровня на основе учения К. Маркса и Ф. Энгельса о социальной сущности человека и общественно-исторической природе человеческой психики.

Разработка такого масштабного проекта весьма существенно повлияла на мировой научно-исследовательский ландшафт в XX в., сделав советскую психологию одним из фундаментальных направлений

¹ В статье использованы тексты и материалы, ранее опубликованные автором: Двойнин, 2019а, 2022 и др.

психологической науки, наряду с психоанализом, бихевиоризмом, гештальтпсихологией и др. Среди крупнейших научных школ, подходов и теорий в советской психологии назовем культурно-историческую теорию Л. С. Выготского, теорию деятельности А. Н. Леонтьева, субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна, комплексный подход в человекознании Б. Г. Ананьева, теорию субъективных отношений В. Н. Мясищева, теорию установки Д. Н. Узнадзе и др.

Обращает на себя внимание то, что в работах их представителей и последователей сложно встретить даже упоминания религии в контексте обсуждения психологических вопросов, не говоря уже о сколько-нибудь серьезной проработке специальных проблем психологии религии (Двойнин, 2019б). Активно развивались такие отрасли психологической науки, как общая, возрастная, педагогическая, дифференциальная, инженерная психология и др. Очевидно, что психология религии не была в фокусе приложения усилий советских психологов.

Такая ситуация выглядит странной, поскольку психология религии как исследовательский проект в СССР существовала и развивалась: проводились полевые исследования религиозных сообществ, велась теоретическая работа (критика буржуазных подходов, разработка марксистской психологической концепции религии), выпускались научные статьи и монографии (см.: Психология религии в России..., 2019). Создается впечатление, что психология религии в СССР развивалась достаточно обособленно, практически не пересекаясь с ключевыми советскими психологическими теориями и научными школами.

Подобное *непересечение* требует методологической рефлексии, осуществлять которую в рамках данной статьи мы будем на примере одной из значимых и масштабных теорий, разрабатывавшихся советскими психологами в качестве целостного общепсихологического подхода к изучению психики — культурно-исторической теории Л. С. Выготского (1986—1934). Теоретические идеи, сформулированные этим ученым и развивавшиеся его коллегами, учениками и последователями, позволили достичь прогресса в разработке самых разных областей психологической науки: от общей, возрастной и педагогической психологии — до нейропсихологии, когнитивных наук и психологии искусства. Идеи Л. С. Выготского проникли и в другие области научного знания: педагогику, семиотику, искусствоведение, философию науки и др.

Попытаемся понять, почему эта одна из ключевых советских психологических теорий не получила своего развития и воплощения

в предметном поле психологии религии, где пролегают точки их пересечения и каковы возможности приложения культурно-исторической теории Выготского к проблемам данной отрасли в настоящее время.

Основные идеи культурно-исторической теории Л. С. Выготского

Культурно-историческая теория, или культурно-историческая психология Л. С. Выготского, представляет собой весьма обширный корпус научных знаний и разработок, созданный в 1920—1930-е годы самим ученым в сотрудничестве с учениками и коллегами А. Р. Лурией, А. Н. Леонтьевым, Л. И. Божович, А. В. Запорожцем и др. Это направление, за пределами России нередко отождествляемое с *марксистской психологией* в целом, во многом определило развитие отечественной психологической науки в XX в., а также существенно повлияло на мировую психологию и культурную антропологию¹.

Культурно-историческая психология Л. С. Выготского включает в себя философский фундамент, общепсихологическую теорию высших психических функций, прикладные концептуальные разработки в области развития отдельных психических функций (мышления, речи, сознания, воли и др.), методологию психологического исследования, эстетическую теорию.

Охват проблем психологии, которые попали в фокус культурно-исторической теории, чрезвычайно широк: вопросы природы человеческой психики и сознания, логики психического развития здорового и аномального ребенка и формирования отдельных психических функций человека, проблема выявления психологических основ обучения и проблема эстетических переживаний человека при восприятии произведений искусства, а также многое другое. Помимо этого, важной составляющей научно-исследовательской работы Выготского был поиск новых методов изучения высших психических функций

1 Необходимо отметить, что культурно-историческая теория Выготского была не единственным вариантом марксистской психологии в России в XX в. На базе марксистского учения выстраивались и другие проекты психологии, например, связанная с культурно-исторической психологией теория деятельности А. Н. Леонтьева, субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна, реактология К. Н. Корнилова и др. Однако именно культурно-историческая психология Выготского получила наибольшее освещение и признание среди психологов и культурных антропологов за пределами России.

человека и создание новой психологии на философском фундаменте марксизма.

Необходимо подчеркнуть, что ученый создавал не конкретную психологическую теорию, а целостную *объективную психологическую науку*, призванную прийти на смену целому ряду отдельных психологических школ конца XIX—начала XX в. (интроспективная психология, психоанализ, бихевиоризм, понимающая психология и др.)¹. Рождение единой психологической науки должно было произойти как рождение *общей психологии* — дисциплины, раскрывающей фундаментальные универсальные законы человеческой психики на основе единой системы понятий, принципов познания и методологии психологического исследования (Выготский, 2000а). Однако, несмотря на такой глобальный замысел, учение Выготского *de facto* стало лишь одним из предложенных проектов, который, несмотря на свою успешность, не привел к преодолению раздробленности психологии на различные школы и направления.

Ядром культурно-исторической психологии является так называемая теория высших психических функций, раскрывающая социальную природу человеческой психики и определяющую роль культуры в развитии и формировании психических процессов человека (сознания, мышления, речи, памяти, внимания, воли и др.)².

Л. С. Выготский творчески применяет философские идеи К. Маркса и Ф. Энгельса для решения философских и методологических проблем психологии. В частности, материалистическое понимание диалектики исторического развития общества, ключевой роли социальных отношений и общественной (трудовой) практики для развития отдельного человеческого индивида и социальных групп.

1 Напомним, что это происходило в период открытого методологического кризиса в психологии в 1910—1930-е годы, связанного с осознанием непродуктивности и бесперспективности развития психологии как эмпирической науки о сознании с главным методом познания — интроспекцией.

2 Здесь следует сделать оговорку о том, что в текстах самого Выготского, по свидетельству современных историографов (П. Кайлер, А. Ясницкий), не встречаются формулировки «культурно-историческая теория», «культурно-историческая школа» в отношении собственного подхода. Такое обозначение заложенного Выготским научного направления было введено уже после его смерти противниками и критиками ученого, а затем уже принято сторонниками и последователями его идей (подробнее см.: Кайлер, 2012; Yasnitsky, 2012).

Исследователь рассматривает психику не как статичное явление, а как находящееся в постоянном развитии – филогенетическом и онтогенетическом.

Л. С. Выготский утверждает, что тот тип психики, которым обладает человек, является продуктом особой линии эволюционного развития человеческих существ (антропогенеза), отличающейся от линии эволюции остального животного мира. С появлением орудийной деятельности, языка происходит дистанцирование человека от природы, а его дальнейшее развитие приобретает исторический характер (Выготский, 2000е; Выготский, Лурия, 1993). Начинает аккумулироваться социальный опыт и вырабатываются культурные формы поведения, которые передаются из поколения в поколение. Причем эта передача реализуется не через генетическую программу, а посредством прижизненного усвоения социокультурного опыта («окультуривания», по Выготскому) через обязательное взаимодействие с другими людьми. Человек, ранний онтогенез которого проходил вне социального взаимодействия и без усвоения социокультурного опыта, остается на уровне психического развития животного и не способен к выработанным в человеческом обществе культурным формам поведения.

«Окультуренная» психика *Homo sapiens*, выражающаяся в наличии сознания, дает человеческому существу уникальную способность – не быть заложником непосредственно данных ему «здесь-и-сейчас» наличных условий, но выходить за их пределы в своем образе мира, т. е. воспринимать действительность в историческом контексте (в единстве прошлого, настоящего и будущего) и в контексте усвоенного социального опыта. Поднимаясь над «властью» наличных стимулов, провоцирующих *реактивное* по своей сути поведение, человек благодаря сознанию становится способным регулировать свое поведение и психические процессы, становясь существом *активным*, преобразующим мир.

Л. С. Выготский пишет: «Вся наша жизнь, труд, поведение основаны на широком использовании опыта прежних поколений, опыта, не передаваемого через рождение от отца к сыну... Я располагаю не только теми связями, которые замкнулись в моем личном опыте между безусловными рефлексам и отдельными элементами среды, но и множеством таких связей, которые были установлены в опыте других людей» (Выготский, 2000в, с. 237–238).

Все психические функции ученый предлагает разделять на низшие (или натуральные) и высшие (культурные).

Низшие психические функции (НПФ) есть и у животных, и у человека. Они являются продуктом эволюционного развития *Homo sapiens* и биологически обусловлены. Их развитие в онтогенезе есть, по сути, *созревание*. Они наиболее тесно связаны с развитием организма человека и не нуждаются для своей работы в культурных средствах. Низшими психическими функциями человек не может управлять — они не поддаются волевому контролю. К ним можно отнести ощущение, непреднамеренное восприятие, механическую (непроизвольную) память, непроизвольное внимание, наглядно-действенное («ручное») мышление и др.

В противоположность им, высшие психические функции (ВПФ) — это те процессы, которые отличают психику человека от психики всех других представителей животного мира. Они социально обусловлены и вне общества у человека не формируются; их развитие возможно только в процессе усвоения социокультурного опыта. ВПФ поддаются волевому контролю — человек может ими управлять. К ним относятся преднамеренное восприятие, логическая память, произвольное внимание, словесно-логическое (понятийное) мышление, речь, творческое воображение, воля и др.

Л. С. Выготский полагал, что ключевая ошибка многих психологов, которая заводит в тупик исследования психики человека, заключается в попытках трактовать ВПФ как имеющие натуральное происхождение, в неумении взглянуть на них как на продукт исторического развития, «в смешении и неразличении природного и культурного, естественного и исторического, биологического и социального... короче — в неправильном принципиальном понимании *природы* изучаемых явлений» (Выготский, 2000е, с. 513; курсив мой. — А. Д.).

В свете сказанного исследователь приходит к выводу о необходимости рассматривать культуру не как *один из факторов* развития ВПФ, а как их *источник и движущую силу*. Отметим, что этот постулат является принципиальным. Метафорически выражаясь, он — «камень в фундаменте» всей культурно-исторической психологии.

Культура является продуктом социальной жизни и деятельности людей. Культурное развитие психики человека реализуется в социуме, в определенной *социальной ситуации развития* — характерной для конкретного возрастного этапа системе социальных отношений человека, которая обуславливает динамику его психического развития в этот период (Выготский, 2005). Для развития ребенка важную

роль выполняет взрослый, в сотрудничестве с которым достигается развивающий эффект.

По мнению Л. С. Выготского, следует различать две линии психического развития человека: 1) натуральную, естественную, которая является результатом биологической эволюции; 2) культурную, социально-историческую, которая есть результат исторического развития общества. Эти две линии слиты в реальном процессе психического развития индивида.

Поскольку каждая из этих линий достаточно автономна, исходно Л. С. Выготский полагал, что ВПФ не являются продолжением или более высокой ступенью развития НПФ. ВПФ, по мысли ученого, имеют качественное своеобразие и структурно отличаются от НПФ, поскольку формирование ВПФ идет по иным законам, нежели законы натурального развития психики. Надо отметить, что это положение еще при жизни его автора вызывало критику со стороны оппонентов (см.: Рубинштейн, 2007; Lewin, 1931). Суть возражения такова: противопоставление натурального и культурного путей развития некорректно, ВПФ не надстраиваются над НПФ, а скорее преобразуют их. Позднее и сам Л. С. Выготский признал ошибочность своей изначальной трактовки (см.: Завершнева, 2007).

Каким же образом происходит формирование ВПФ? Л. С. Выготский полагает, что путем использования для регуляции своего поведения выработанных человечеством специальных *культурных средств*, или *психологических орудий*¹. К ним он относит различные виды знаковых систем: невербальные знаки, язык, письмо, счет, рисование и т. п.

Исследователь приводит следующий пример. Если перед человеком стоит психологическая задача через определенное время вспомнить некоторую информацию, в культуре существует специальное средство, облегчающее решение этой задачи — например, завязать узелок на память. Используя это культурное средство, человек как бы вводит его в качестве искусственного «стимула-средства» в непосредственную связь «стимул—реакция», которая характерна, по Л. С. Выготскому, для принципа работы НПФ (в качестве стимула служат обстоятельства, в которых необходимо что-либо вспомнить, а в качестве реакции — сам акт воспоминания). Таким образом, образуется новая, трехчленная структура психического процесса — ВПФ: «стимул—искусственный

1 Л. С. Выготский проводит определенные аналогии использования культурных средств с использованием технических орудий, которые расширяют ограниченные возможности человеческого тела.

стимул—действие». Узелок на память здесь является *знаком*, опосредствующим память как психическую функцию, а сам описанный процесс называется *сигнификацией*, или *знаковым опосредствованием* (Выготский, 2000е). Знак есть «всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением — чужим или собственным» (там же, с. 567). Л. С. Выготским с коллегами экспериментально показан процесс знакового опосредствования при решении детьми различных психологических задач: на восприятие, воспроизведение, внимание, мыслительные действия и др. (Выготский, 2000д, ж; Зинченко, 1961; Леонтьев, 1931, 1965).

Использование подобным образом культурных средств при решении человеком многообразных психологических задач является способом *овладения собственной психикой*, в приведенном примере — процессом памяти. Процесс использования узелка — это и есть ВПФ, существующая исходно в форме внешнего действия: «...человек в узелке, завязываемом на память, в сущности конструирует извне процесс воспоминания, заставляет внешний предмет напоминать ему, т. е. напоминает сам себе через внешний предмет и как бы выносит, таким образом, процесс запоминания наружу, превращая его во внешнюю деятельность» (Выготский, 2000е, с. 572).

ВПФ, являясь исходно внешней деятельностью, в процессе развития «сворачивается» во внутренний, психический план. Этот процесс называется *интериоризацией*. Вот что пишет об этом автор теории: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая... Переход извне внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции. За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей» (там же, с. 617).

Для человека ключевой знаковой системой является язык. Специфика языковых знаков (слов) заключается в том, что они обладают *значением*. Именно с овладением значениями и практическим их применением для системного овладения собственной психикой Л. С. Выготский связывает развитие сознания. По мысли ученого, сознание имеет семантическую природу¹. Другими словами, осознать что-ли-

1 Отметим, что взгляды ученого на природу сознания существенно и не раз менялись на протяжении его научной биографии: от редукционистских,

бо — это приписать определенному объекту значение. Вместе с этим, исследуя развитие мышления и речи ребенка (овладение детьми житейскими и научными понятиями), ученый открыл не только нелинейный характер связей между этими психическими функциями, но и пришел к выводу о системном строении сознания — интеграции высших психологических процессов в «динамические смысловые системы», обозначая этим конструктом единство интеллектуальных и аффективных процессов (Выготский, 2000д).

Точки непересечения советской психологии религии и культурно-исторической теории Л. С. Выготского

Несмотря на то, что идеи Л. С. Выготского, как мы уже сказали, получили широкое развитие в самых разных областях психологического знания и за их пределами, с советской психологией религии его идеи почти не пересекались. Говоря «почти», мы не утверждаем, что подобных пересечений не было вовсе. Они были, однако являлись скорее *исключениями из общей картины*. Некоторые подобные исключения мы приведем, однако их поиск — это отдельная задача, требующая дальнейших историко-психологических изысканий. Наша же задача в настоящей статье заключается в создании общей картины того *объективного отношения*, в котором находились культурно-историческая теория и советская психологии религии.

Методологический анализ данного отношения показывает автономию и обособленность культурно-исторической теории и советской психологии религии, а также позволяет выделить несколько *точек их непересечения*.

1. Исследуемая проблематика. Если обратиться к работам Л. С. Выготского, то можно увидеть, что сам ученый специально не исследовал вопросы психологии в их связи с религией. Мы не встречаем у него ни анализа актуальных проблем психологии религии, ни (за редким исключением) примеров из области религиозной жизни индивида. Анализируя ту или иную психологическую фактологию или ссылаясь на факты для подтверждения или опровержения разных теоретических построений, Выготский практически не приводит фактологических свидетельств из сферы религии, а также не цитирует работы

постулирующих рефлекторную природу сознания, — до системных, связанных с означиванием действительности и ее осмыслением (см.: Выготский, 2000б—г, а также: Ferrari et al., 2010; Zavershneva, 2014).

по психологии религии известных на тот момент ученых – У. Джеймса, З. Фрейда, Т. Флурнуа, Ж.-М. Шарко, П. Жане, Т. Рибо и др. В фокусе исследовательского интереса Л. С. Выготского были другие научные проблемы – природы сознания, исторического и онтогенетического развития психики, психологических основ обучения, психологии искусства и др.

Вместе с тем необходимо отметить, что в своих работах ученый касался проблемы магического поведения и мышления при анализе закономерностей психического развития ребенка или при рассмотрении исторического развития высших психических функций (см., например: Выготский, 2000е; Выготский, Лурия, 1993). Надо сказать, что факты детского магического мышления на момент разработки культурно-исторической теории уже были известны психологам. Так, в 1920-е годы швейцарский исследователь Ж. Пиаже выявил, что проявления магического мышления – образа мыслей, при котором люди думают, что их мысли и действия непосредственно влияют на реальные события в материальном мире – являются нормальным промежуточным этапом развития интеллекта ребенка примерно в возрасте 3–7 лет (Пиаже, 2008). Поэтому неудивительно, что Л. С. Выготский, занимавшийся проблемами детского психического развития и фокусировавшийся главным образом на развитии мышления и речи, обсуждал этот феномен и даже провел экспериментальную работу по выявлению магического мышления у ребенка (см.: Выготский, Лурия, 1993).

Также в работе «Этюды по истории поведения», впервые опубликованной в 1930 г., Л. С. Выготский и А. Р. Лурия обсуждают, отчасти критически, теорию Л. Леви-Брюля о дологическом (пралогическом) мышлении первобытного человека, мыслящего, как считал французский антрополог, в отличие от цивилизованного человека алогично и магически (Выготский, Лурия, 1993). Тем самым советские психологи, как утверждается, заочно участвовали в дискуссии 1924–1930 гг. о дологическом мышлении (см. об этом: Дамте, 2022).

Этими фактами присутствие околорелигиозной проблематики в работах Выготского, по сути, и ограничивается. Тем не менее при отсутствии исследовательского фокуса на религиозной проблематике, в работах представителей культурно-исторической теории можно встретить отдельные редкие примеры из религиозной жизни. Так, А. Н. Леонтьев, обсуждая искусственные стимулы-средства для намеренной дезорганизации памяти (для произвольного забывания),

приводит пример верования одного мексиканского племени из работы известного британского антрополога Дж. Фрезера: для успешного сбора определенной породы кактусов жены сборщиков должны пройти обряд очищения от грехов; в процессе обряда они исповедуются перед одним из богов — отцом-огнем — в своих любовных связях, имевших место до замужества; каждая женщина изготавливает веревочку и завязывает на ней узелок на каждого бывшего любовника, а после исповеди бросает в костер; таким образом, бог огнем уничтожает веревочку и тем самым очищает женщину от грехов. Психологический смысл такого действия, по А. Н. Леонтьеву, — овладение процессом забывания через уничтожение знака негативных воспоминаний (Леонтьев, 1931).

Если анализировать специальные работы по психологии религии советского периода (1917–1991)¹, то можно выявить достаточно широкий спектр исследуемых в них проблем: например, психологических корней религии и религиозной веры, структуры религиозного настроения, мотивации религиозного поведения, уровней религиозного сознания, психологического значения исповеди и медитации, роли внушения и подражания в распространении массовых психозов на религиозной почве и мн. др. Однако данная проблематика не являлась органическим продолжением и конкретизацией проблем общей, возрастной, социальной или педагогической психологии в контексте сферы религии. Исследователи религиозной психологии при постановке проблем, как правило, отталкивались от:

- других проблем психологии религии (например, необходимость изучения религиозной мотивации обосновывается возможностью лучше понять корни религиозного поведения);
- более общих философских проблем религии, разумеется, в марксистской трактовке (например, как возникает и функционирует такая форма иллюзорного отражения действительности, как религия в обществах на определенном этапе их развития);
- практических задач атеистической пропаганды, которая велась в СССР с различной степенью интенсивности в разные годы (например, как эффективнее выстроить антирелигиозную агитацию среди представителей нетрадиционных религиозных движений).

Соответственно, результаты конкретных исследований в области психологии религии, как правило, не обсуждались с позиции того,

¹ Их аннотированный перечень см.: Психология религии в России..., 2019.

что они могли бы дать другим отраслям психологии, или с точки зрения того, какой вклад они вносят в разработку общепсихологической проблематики.

2. Методология исследований. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского позволила не только переосмыслить старые проблемы психологической науки, поставить новые, но и совершила определенный прорыв в методологии исследований. Например, такой общий метод, как экспериментальное формирование высших психических функций, путем введения в экспериментальную ситуацию искусственного стимула-средства, облегчающего решение испытуемым психологической задачи, стал одним из важнейших методов познания в возрастной психологии. Достаточно вспомнить методику двойной стимуляции Выготского—Сахарова (Сахаров, 1930), примененную для изучения образования понятий у детей (Выготский, 2000д); методики, использованные А. Н. Леонтьевым для изучения развития опосредствованного запоминания и произвольного внимания (Леонтьев, 1931) и др.

Л. С. Выготским был создан и применен к анализу природы и механизма эстетического восприятия так называемый объективный метод психологии искусства (Выготский, 1987). Этот метод исследователь противопоставлял двум другим путям познания: 1 — изучению психологии творца и того, как она выражается в художественном произведении; 2 — изучению эстетических переживаний человека, воспринимающего это произведение. Идея Выготского состояла в том, чтобы, взяв за основу само произведение искусства как систему «раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию» (Выготский 1987, с. 27), выявить механизм и структуру этой эстетической реакции.

Казалось бы, описанные методы очевидно приложимы к изучению религиозных проявлений психики. К примеру, если рассматривать религиозный ритуал или религиозные понятия («грех», «рай», «ад», «сансара» и т. п.) как искусственные стимулы-средства, которые верующий использует для решения той или иной психологической задачи (выбора «правильного» варианта поведения, принятие значимого решения и т. п.), то открываются широкие возможности для эмпирических исследований психологии верующих. Также метод психологического анализа, примененный Л. С. Выготским к сфере искусства, вполне может быть применен и к такой сфере, как религия. Религиозный ритуал или нарратив можно рассмотреть как особую систему

исторически сложившихся в обществе и специально организованных стимулов, которые должны вызывать соответствующие религиозные переживания и действия. Тем самым становится доступным путь к выявлению подлинной психологической значимости различных составляющих религии.

Реализация обоих описанных методов для познания религиозных проявлений психики предполагает *функциональный* взгляд на религию — как на систему стимулов, средств, которые используются для решения человеком и обществом психологических задач разного типа и масштаба. Конечно, данный подход в определенном смысле редуccionистский: он сводит такой комплексный социокультурный феномен, как религия, к системе психологических стимулов и средств. Однако за этой методологической редуccionией не обязательно стоит редуccionия онтологическая: исследование религии с функциональной точки зрения — это изучение ее лишь в одной плоскости, а именно — в плоскости ее психологической значимости. При этом такая методологическая редуccionия является теоретическим допущением и, строго говоря, не доказывает «земное» происхождение религии, а также не нацелена на разрушение ее сакрального статуса в каком-либо обществе.

Как уже было замечено, Л. С. Выготский не касался специальным образом вопросов психологии религии, хотя, возможно, и преуспел бы в этом, если бы обратился к ним, как к вопросам психологии искусства. Вместе с тем ни его концептуальные идеи (например, о знаково-символическом опосредствовании, о низших и высших психических функциях, об этапах развития психики ребенка и возрастных новообразованиях), ни методологические инновации так и не были сколько-нибудь системно применены и проработаны в советской психологии религии.

Т. А. Фолиева и Т. В. Малевич пишут, что по мере возраставшего в СССР интереса к психологии религии в 1960–1980-е годы¹ (после его упадка в 1930-е годы), «в своих рассуждениях исследователи чаще всего опираются на труды Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и действительный подход» (Фолиева, Малевич, 2016, с. 80).

С такой формулировкой мы не вполне можем согласиться.

Теоретический анализ литературы показывает, что цитирования работ Л. С. Выготского (и А. Н. Леонтьева) исследователями религии не столь многочисленны и носят в основном декларативный

¹ Е. В. Орёл уточняет, что после 1971 г. интерес религиоведов к проблемам психологии религии стал ослабевать (Орёл, 2018) (см. ниже).

характер. Какой-либо глубокой теоретической проработки проблем психологии религии на основе концептуальных идей этих психологов или эмпирических исследований, построенных на методологии культурно-исторической теории или теории деятельности, мы не находим, т. е. о реальной опоре речь не идет.

Д. М. Угринович в книге «Психология религии» (1986) посвящает идеям ученого немногим больше двух страниц текста. И по-видимому, это самое значительное (с точки зрения объема текста) в советской психологии религии обращение к трудам данного психолога.

При этом заслуживает уважения то, как автор весьма тонко и точно подмечает органичную связь идей основателя культурно-исторической теории и проблематики психологии религии, хотя, к сожалению, делает это, как он сам пишет, «не вдаваясь в подробный анализ этих положений Л. С. Выготского» (Угринович, 1986, с. 81). Д. М. Угринович связывает фиксируемые Л. С. Выготским особенности мышления ребенка (синкретизм¹) с религиозным мышлением: «Преобладание в психике ребенка субъективных связей, основанных на поверхностных впечатлениях, употребление слов в их номинативной (указывающей) функции, наконец, „магическое“ отношение к слову как к свойству вещи — все эти особенности психики ребенка создают возможности для формирования ложных, фантастических (а следовательно, при определенных условиях, и религиозных) связей в его сознании, а также для превращения усваиваемых им религиозных понятий (бога и т. п.) в якобы существующие реальные объекты» (там же, с. 81–82).

Другой советский исследователь религии А. И. Клибанов, отводя идеям Л. С. Выготского фундаментальную роль в советской психологии, отмечает недостаточность связи последней с современными ей исследованиями религии: «Исследования как мифологии, так и религии имеют, на мой взгляд, еще не введенный по-настоящему в действие резерв в виде социально-исторической психологии. Между тем именно советской психологической науке принадлежит приоритет в фундаментальной постановке и разработке проблем социально-исторической детерминированности психических (очень широко

1 Д. М. Угринович поясняет: «Синкретизм мыслительной деятельности ребенка заключается, по Выготскому, в том, что он не в состоянии отделить субъективные связи, возникающие в его сознании на основе случайных ассоциаций и впечатлений, от объективных связей окружающего мира» (Угринович, 1986, с. 80).

понимаемых) процессов. Я назову работы С. Л. Рубинштейна „Бытие и сознание“ (М., 1957), А. Н. Леонтьева „Проблемы развития психики“ (М., 1965), Б. Ф. Поршнева „Социальная психология и история“ (М., 1966), коллективные работы „История и психология“ (М., 1971), „Психология и религия“ („Вопросы научного атеизма“, вып. 11. М., 1971). Но и они, в свою очередь, были подготовлены психологическими идеями Л. С. Выготского, проникнутые историко-материалистическим пониманием процессов духовного мира человека» (Клибанов, 1978, с. 12–13).

Вообще декларативность в отношении психологических концепций при отсутствии реальной опоры на них в конкретных исследованиях свойственна психологии религии советского периода. В соответствующих публикациях авторы в начале обычно апеллируют к психологическим понятиям и общим концептуальным положениям. Затем при анализе конкретного материала (теоретического или эмпирического) эти понятия или положения практически не прорабатываются и не используются как инструменты для «препарирования» объекта исследования. Реальными инструментами выступают либо философские идеи (марксистские), либо социологические; нередко делаются простые эмпирические обобщения вне контекста какой-либо психологической или иной теории. Другими словами, психологические концепции не были внятно воплощены в советских психологических исследованиях религии, не служили для них «осевым скелетом».

Например, в исследовании мотивации религиозного поведения Л. Н. Ульянова (1971), результаты которого опубликованы в психологическом выпуске журнала «Вопросы научного атеизма», в качестве основных понятий исследования используются концепты «мотив», «мотивация поведения», которым автор дает психологическую характеристику, ссылаясь на работы советских психологов. Однако при этом само эмпирическое исследование выстроено в конкретно-социологическом ключе. В статье Ю. Ф. Борункова, посвященной содержанию понятия «религиозная вера», отмечается, что данный концепт «является одним из основных понятий в психологии религии» (Борунков, 1971, с. 43). Вместе с тем анализ, проводимый далее автором, в основном опирается на философский и теологический материал и лишь незначительно – на психологический.

3. Академические сообщества. Для выявления объективного отношения советской психологии религии и культурно-исторической теории Выготского следует рассматривать не только их внутринауч-

ное содержание (исследовательскую проблематику, методологию исследований), но и внешние, социальные условия их бытия.

Исследовательские изыскания в области психологии религии советского периода велись в подавляющем большинстве случаев учеными, принадлежавшими не к психологическому сообществу, а к сообществу философов, социологов и/или пропагандистов атеизма. Точнее, к тому сообществу людей, которых мы сегодня могли бы идентифицировать как религиоведов, а в советское время — как «историков и теоретиков атеизма и религии» (например, Ю. Ф. Борунковым, В. Р. Букиным, А. И. Клибановым, В. И. Носовичем, М. Г. Писманком, М. А. Поповой, Д. М. Угриновичем, М. И. Шахновичем и мн. др.). Из психологического сообщества к вопросам религии обращалось очень малое количество ученых, к тому же несистематически — эти психологи имели специализации и основные профессиональные интересы в других областях, не связанных напрямую с религией. К числу таких немногих ученых можно отнести Р. А. Авербух, А. С. Залужного, В. Н. Колбановского, К. Н. Корнилова, Г. Ю. Малиса, В. И. Мамлеева, К. К. Платонова, Н. А. Рыбникова, С. Н. Шпильрейн, В. Е. Рожнова. При этом ни одного из них нельзя с определенностью назвать последователем или представителем культурно-исторической теории, разработанной Л. С. Выготским.

На настоящий момент нам не удалось обнаружить следов какого-либо участия Л. С. Выготского, а также его учеников и последователей в жизни академического сообщества исследователей религии. Мы не встречаем свидетельств, которые бы указывали на совместные научные проекты, участие представителей культурно-исторической психологии в научных мероприятиях исследователей религии — конференциях, семинарах, совещаниях.

Впрочем, нельзя не упомянуть одно событие, которое можно рассматривать как исключение из общей картины. Речь идет о дискуссии, состоявшейся в 1924–1930-х годах, о теории дологического мышления Л. Леви-Брюля. В ней, помимо философов и социологов, как утверждается, заочно приняли участие психолог В. И. Мамлеев, а также Л. С. Выготский и А. Р. Лурия (см.: Дамте, 2022). Сама дискуссия началась с работ Р. М. Выдры (1924, 1925) и А. А. Богданова (1925), в которых обсуждался полагаемый Л. Леви-Брюлем алогизм мышления примитивных людей с точки зрения марксизма. Не вдаваясь в содержание этой дискуссии, отметим других ее участников, полемизировавших друг с другом на страницах различных периодических изда-

ний – Ф. Месина¹ (1929), В. И. Мамлеева (1930а, б, в), А. Д. Миллера (1929), П. Ф. Преображенского (1926).

Реконструировавший данную дискуссию Д. Дамте описывает участие Л. С. Выготского и А. Р. Лурии так: «Следующим важным этапом развития рассматриваемой дискуссии стал выход в свет в 1930 году книги Л. С. Выготского и А. Р. Лурии „Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок“» (Дамте, 2022, с. 37). И далее описывает содержание позиции советских психологов по поводу теории французского антрополога. Отмечается, что затем дискуссия перешла в очный формат – в декабре 1930 года в ходе заседания Института философии Коммунистической академии был сделан доклад Р. М. Выдры «О дологическом мышлении», в обсуждении которого приняли участие философы и социологи П. Г. Малинкин, В. К. Никольский, С. А. Токарев, Н. П. Токин и др. (Дамте, 2022).

Обращают на себя внимания некоторые особенности, касающиеся характера участия Л. С. Выготского и А. Р. Лурии в данной дискуссии. Во-первых, авторы книги «Этюды по истории поведения», обсуждая теорию Л. Леви-Брюля, нигде не упоминают других участников дискуссии (их публикации) и не полемизируют с ними. Насколько мы можем судить по приводимым Д. Дамте архивным свидетельствам, участники очного этапа дискуссии, по-видимому, также не анализируют позицию представителей культурно-исторической психологии (Дамте, 2022). Однако достойным внимания является замечание автора статьи об этой дискуссии (со ссылкой на архивные материалы) о том, что Л. С. Выготский и А. Р. Лурия «не смогли присутствовать» (там же, с. 47) на упомянутом заседании Института философии Коммунистической академии в декабре 1930 г. По крайней мере, это свидетельствует о том, что у Л. С. Выготского и А. Р. Лурии, с одной стороны, и у исследователей религии – с другой, был личный контакт, в ходе которого возможность такого участия, как минимум, обсуждалась.

Если говорить об участии советских психологов, не являющихся представителями культурно-исторической психологии, в мероприятиях, проводимых исследователями религии (философами, социологами и др.), то это были единичные случаи. Например, выступление В. Н. Колбановского на Всесоюзном семинаре по пропаганде научного атеизма, где он прочел лекцию о роли научной психологии

1 Под этим псевдонимом публиковалась философ и переводчица Ф. А. Коган-Бернштейн.

в атеистической пропаганде (Колбановский, 1963). Также важно отметить первое специальное Всесоюзное совещание по проблемам психологии религии, проведенное Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС 7–9 января 1969 г. в Москве (Колбановский, 1969). На нем выступали не только философы и социологи, но и представители психологического академического сообщества В. Н. Колбановский и К. К. Платонов, психиатры В. Е. Рожнов и М. А. Рожнова. По результатам этого совещания в 1971 г. вышел специальный выпуск периодического сборника «Вопросы научного атеизма» (1971) со статьями участников мероприятия.

Показательно, что обращение психологов к вопросам религии в виде публикаций и участия в тематических совещаниях носило, по-видимому, не вполне добровольный характер. Оно диктовалось насущными идеологическими и политическими задачами и не обходилось без применения административного давления.

Так, К. К. Платонов вспоминает:

«В 1964 г. мне было сказано директорами Института философии Петром Алексеевичем Федосеевым, в кабинете которого это и происходило, и только что созданного Института научного атеизма – Александром Фёдоровичем Окуловым:

– Все пишут книги по научному атеизму так, что их читают только атеисты. Напишите такую, как ваша „Занимательная психология“, чтобы ее читали и верующие!

– Но для этого мне надо получить второй инсульт или хотя бы легонький инфаркт, чтобы выкроить для этого время, – попробовал я отшутиться.

Тогда четвертый наш собеседник неожиданно строго спросил:

– Вы коммунист или нет?

И я, поняв, что шутки неуместны, несколько лет работал, готовя книгу „Психология религии. Мысли и факты“ (Политиздат, 1967)¹. Я перечитал все „священные книги“, „Журнал Московской епархии“ за 1960-е годы и вообще прочел все, что только было возможно.

Но первым, что я прочел, была книжка Виктора Николаевича Колбановского „Роль научной психологии в атеистической пропаганде“ (М., 1963), потому что она была единственной уже написанной советским психологом работой, посвященной этому вопросу.

¹ Помимо данной книги (Платонов, 1967), К. К. Платоновым позднее были изданы и другие работы по психологии религии (Платонов, 1969, 1971, 1975, 1984).

Так наши пути вновь пересеклись на этом неожиданном участке. Позже, в 1969 г., мы оба приняли участие в организации и проведении конференции по психологии религии¹, а в 1970 г. – в редактировании 11-го выпуска сборника „Вопросы научного атеизма“, специально посвященного психологии религии (М., 1971)» (Платонов, 2005, с. 202–203).

Достоверные данные об участии советских исследователей религии в жизни психологического сообщества пока не получены. Доподлинно неизвестно, были ли переходы из психологического сообщества в религиозное и наоборот, в связи с обучением, стажировками или научным наставничеством. Однако даже, если подобные переходы и были, то, вероятно, они носили единичный характер.

В общем отсутствие ощутимых пересечений на уровне академических сообществ нам представляется довольно существенным фактором, повлиявшим на то, что идеи культурно-исторической теории так и не были воплощены в советской психологии религии. Поскольку необходимые социальные связи между психологическим сообществом и сообществом исследователей религии не были выстроены в должной мере, между учеными практически не было продуктивного взаимного обмена идеями и исследовательским инструментарием. Скорее всего, исследовательское предметное поле другого комьюнити воспринималось в определенной степени как чужая территория. Соответственно, были определенные различия и в научных традициях, а также в языках описания субъективной стороны религии.

4. Академические институты. На уровне академических институций культурно-историческая теория Выготского и советская психология религии, по-видимому, также не пересекались. Институционально культурно-историческая психология разрабатывалась в разные годы на базе многих научных и образовательных учреждений, ключевыми из которых можно считать ныне действующие Психологический институт Российской академии образования, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (психологические подразделения: лаборатории, кафедры, факультет), Московский педагогический государственный университет².

1 Имеется в виду упомянутое выше Всесоюзное совещание по проблемам психологии религии, проходившее 7–9 января 1969 г. в Москве.

2 Приведены официальные названия данных институций, действительные на настоящий момент. За советский период (1917–1991) названия данных учреждений неоднократно менялись.

При этом, насколько нам известно, психология религии не входила в официально утвержденные направления научных исследований, реализовывавшихся на базе данных институций. Также нет свидетельств того, что она входила в планы научных исследований или фигурировала в отчетах других крупных психологических центров — нынешних Института психологии Российской академии наук и Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В. М. Бехтерева, носивших в советские времена другие названия¹. В немногих советских научных журналах по психологии, например «Вопросы психологии» (издается с 1955 г.), «Психологический журнал» (издается с 1980 г.), «Вестник МГУ. Сер. 14. Психология» (издается с 1977 г.), также практически отсутствовали публикации по религиозной проблематике. В качестве исключений можно упомянуть несколько работ: Колбановский, 1969; Платонов, 1969, 1975.

Результаты исследований по психологии религии, как правило, публиковались в религиозоведческих (и философских) периодических изданиях: «Вопросы научного атеизма» (издавался с 1966 по 1989 г.), «Вопросы философии» (издается с 1947 г.), «Наука и религия» (издается с 1959 г.) и др.

Основная исследовательская работа в области психологии религии в советский период концентрировалась в религиозоведческих институциях: в ранние годы советской власти (1920—1930-е годы) — в специальных антирелигиозных отделах и секциях непсихологических институтов, например, в комиссии по религиозной идеологии² Ком-

1 Надо при этом сказать, что в 1920—1930-е годы многие научно-исследовательские учреждения участвовали в развертывании антирелигиозной пропаганды или выполняли исследовательские задания, если в этих учреждениях функционировали антирелигиозные отделы или секции (Метель, 2017). Например, Психоневрологический институт (ныне — Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В. М. Бехтерева) как раз участвовал в развертывании антирелигиозной пропаганды (см.: Антирелигиозная работа..., 1932).

2 Данная комиссия, созданная в 1926 г. правоведом и видным большевиком М. А. Рейснером, позднее была переименована в комиссию по истории религии (1928), а затем преобразована в антирелигиозную секцию (1930) Института философии Коммунистической академии. Задумывавшаяся на момент создания комиссии научно-исследовательская программа предполагала (в числе прочих направлений) исследование социологических и психологических аспектов религии (Метель, 2017). Указывается, что в этой комиссии работала Р. А. Авербух, которая

мунистической академии¹, позднее (с конца 1950—начала 1960-х) — в основном на университетских кафедрах научного атеизма, а главное в Институте научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, функционировавшего с 1964 по 1991 г. в Москве.

Ю. П. Зуев в обширной статье, посвященной истории функционирования данного института, приводит шесть основных научных направлений в его исследовательской работе, в число которых входили «социология и психология религии и атеизма»² (Зуев, 2009, с. 10). Однако, несмотря на это, большинство проводимых в рамках данного направления исследований носили выраженный социологический уклон. При этом в издаваемом институтом периодическом сборнике «Вопросы научного атеизма» количество публикаций по данному направлению в 1960—1980-е годы уступало количеству публикаций по таким тематическим направлениям, как «Религии в современном мире», «Атеистическое воспитание» и в отдельные временные периоды — по направлениям «История атеизма», «История религии», «Массовый атеизм», «Методология, философия религии» (см.: Метель, 2022).

наряду с религиозоведческой проблематикой, разрабатывала, по сути, психологическую тему «Формы религиозного мышления» (там же, 2017). Однако здесь, по-видимому, речь идет не о психоаналитике Розе Абрамовне Авербух (коллеги А. Р. Лурии), которая занималась вопросами психологии религии: вела семинар по психоанализу религиозных систем и сект при Государственном психоаналитическом институте в 1920-е годы, а также читала соответствующие тематические доклады/лекции (Овчаренко, 2000; Рождественский, 2019; Фолиева, Малевич, 2016). Мы предполагаем, что в комиссии по истории религии работала ее сестра — историк Ревекка Абрамовна Авербух. Этот вопрос требует дальнейшего выяснения.

- 1 Коммунистическая академия (1918—1936) объединяла ряд научных институтов по общественным наукам и была высшим учебным заведением. В 1936 г. Коммунистическая академия была упразднена, а ее институты включены в Академию наук СССР.
- 2 Другие направления научно-исследовательской работы Института научного атеизма, сообщаемые Ю. П. Зуевым, следующие: философские проблемы научного атеизма и критики религии; особенности вероучений, социальной позиции и деятельности религиозных организаций в СССР; религия и атеизм за рубежом, религия в современной идеологической борьбе; теория и практика атеистического воспитания; религия и атеизм в политической истории и культуре общества (Зуев, 2009).

Были ли отдельные проблемные группы¹, лаборатории или специальные отделы в Институте научного атеизма по тематике психологии религии, нам неизвестно. О. В. Метель в своем исследовании деятельности института приводит названия ряда его организационных подструктур, однако тематика психологии религии в них отсутствует (Метель, 2022). Пролить свет на этот вопрос может дальнейшее архивное исследование².

История развития психологии религии в СССР: концептуальный взгляд

Описанная общая картина отношения культурно-исторической теории Выготского и советской психологии религии, которая показывает почти полное отсутствие значимых пересечений, может быть объяснена, если вписать ее в более широкий контекст – в контекст закономерностей развития психологии религии в России в советское время (1917–1991).

С недавних пор история развития данной области знаний в указанный период привлекла внимание исследователей. Появились статьи, в которых освещаются отдельные аспекты истории советской психологии религии и персоналии (Дамте, 2015, 2018, 2019, 2020, 2022; Двойнин, 2019б; Орёл, 2018; Фолиева, 2015; Фолиева, Малевич, 2016; Чумаков, 2003). Достаточно подробно история развития психологии

- 1 В организационном плане научно-исследовательская работа в Институте научного атеизма проводилась главным образом в составе тематических проблемных групп. В них входили как сотрудники Института, так и внешние специалисты – сотрудники других научных учреждений и вузов (Зуев, 2009).
- 2 В неоднократно упомянутой нами статье Ю. П. Зуева есть следующее свидетельство, на основе которого можно полагать, что психологи или ученые, занимавшиеся проблемами психологии религии, могли состоять в разных по тематике проблемных группах непсихологической ориентации: «В начале 80-х гг., когда в стране начали появляться миссионеры и адепты „религий нового века“, мистических культов, когда в связи с этим в институт поступали многочисленные запросы от партийно-идеологических работников, пропагандистов атеизма о том, „что это такое“ и „как с этим поступать“, была создана проблемная группа по исследованию современных форм мистицизма и новых религиозных движений (руководитель – В. Ф. Миловидов). В состав этой группы вошли религиоведы, культурологи, психологи, представители других научных специальностей» (Зуев, 2009, с. 18–19; курсив мой. – А. Д.).

религии в СССР освещена в коллективной монографии «Психология религии в России XIX—начала XXI века» (2019).

Ранее нами была предложена концепция «трех явлений» отечественной психологии религии, вскрывающая логику исторического развития данной области знаний в нашей стране (Двойнин, 2019а). В рамках этого концептуального взгляда кратко разберем историю психологии религии советского периода.

Если обратиться к истории развития отечественной психологии религии в целом, то даже беглый ретроспективный анализ показывает, что у нее была непростая судьба, которая разительно отличается от становления данной области знаний в Европе и Америке.

В основе концепции «трех явлений» психологии религии в России лежат два фундаментальных положения.

Во-первых, *история развития психологии религии в России в большей мере детерминирована экстермальными факторами, чем интернальными*. Психология религии в нашей стране не развивалась последовательно и кумулятивно. На исторической сцене она появлялась трижды и дважды практически исчезала, т. е. существовала спорадически и в определенной степени эмерджентно. Причем исчезала не в результате внутринаучной борьбы научно-исследовательских программ (в духе И. Лакатоса) или «сдвига» парадигм (в понимании Т. Куна), а из-за конкретных исторических трансформаций российского общества в конце 1910—1920-х годах и в 1990-е годы. Ни изменения в понимании предмета исследования, ни смена основного научного метода содержательно не задавали логику исторического развития российской психологии религии, а носили производный характер.

Подобную мысль высказал ранее М. В. Чумаков, отметивший, что этапы развития психологии религии в России выделяются «не только и не столько в зависимости от логики идей внутри данного направления, сколько в зависимости от внешних условий» (Чумаков, 2003, с. 200), поскольку «влияние общественных, идеологических факторов было действительно существенным» (там же).

Во-вторых, *история психологии религии в России в большей степени релевантна истории религиоведения, нежели психологии*. Несмотря на то, что в целом судьбы гуманитарных наук в России (особенно в XX столетии) очень похожи, тем не менее у психологии и религиоведения они несколько различаются, что существенно для понимания истории развития российской психологии религии.

В соответствии с концепцией, фундаментальным конституирующим отечественную психологию религии фактором постулируется качественно определенное и исторически обусловленное *отношение науки к религии* в России. Изменения данного отношения в начале и в конце XX в. под влиянием общественно-политических событий, по нашему мнению, приводили к смене этапов развития психологии религии в нашей стране.

Именно это отношение, положенное нами в основу периодизации развития российской психологии религии, позволяет не только разграничить этапы, но вместе с тем увидеть логику развития и историческую континуальность данной научной области. Оно же дает возможность объяснить спорадический и в некотором роде эмерджентный характер отечественной психологии религии: всякое новое ее появление (или оживление) на исторической сцене есть следствие рекомбинации связей между двумя элементами социокультурного пространства – наукой и религией.

Отношение науки к религии включает в себя две стороны: перцептивную (как воспринимается) и ценностную (как оценивается). В истории развития психологии религии в нашей стране мы видим смену этого отношения три раза. При этом каждый раз изменяется и перцептивная, и ценностная сторона отношения. Данные трансформации можно представить в виде социокультурной матрицы отношения науки к религии в России, разворачивающейся в историческом континууме (таблица 1).

Примерно с XIX в.¹ вплоть до начала 1920-х годов религия наукой воспринималась как внутренний опыт, особое возвышенное «чувство» в человеческой душе, внутреннее устремление к божественному и расценивалось как имманентное свойство человека. С 1920-х годов наука «впитывает» идеи атеизма, начиная относиться к религии как к вредному пережитку общества. Такое отношение сохраняется вплоть до 1991 г. С 1990-х годов отношение к религии трансформируется: она все чаще воспринимается и расценивается как важный социальный институт, значимый элемент культуры.

Общая концептуальная схема развития отечественной психологии религии в России представлена в таблице 2. Если обратить внимание на представленную в ней датировку этапов, то можно заметить, что они хронологически «наслаиваются» друг на друга.

1 Корректно датировать начало формирования этого отношения достаточно проблематично, поэтому данная оценка нуждается в уточнении.

Таблица 1

Социокультурная матрица отношения науки к религии в России в историческом континууме

Религия		Ценностный аспект отношения		
		Естественна	Вредна	Значима
Перцептивный аспект отношения	Внутренний опыт («чувство») человека	Религия – имманентное «чувство» человека (XIX в. – начало 1920-х годов)		
	Общественный пережиток		Религия – вредный пережиток общества (1918–1991)	
	Социальный институт			Религия – важный социальный институт (1990-е годы – наст. вр.)

В контексте данной концептуальной схемы, охарактеризуем этап идейной борьбы с религией (с 1920-х годов по 1991 г.), соответствующий советскому периоду, и попытаемся объяснить почти полное отсутствие значимых пересечений культурно-исторической теории Выготского с советской психологией религии.

Социально-исторические трансформации в России, связанные с октябрьской революцией 1917 г., становление в последующие годы идеологической диктатуры большевиков и борьба с инакомыслием ознаменовали уход с исторической сцены дореволюционной психологии религии – успешно развивавшейся области знаний, чрезвычайно разнообразной по направлениям научных разработок: от этнографического и психиатрического – до религиозно-философского и духовно-академического (Психология религии в России..., 2019; Двойнин, 2019б).

Развернулась борьба за повсеместное внедрение коммунистической доктрины во все сферы общественной жизни, включая науку. По мысли идеологов этой борьбы, наука должна была «впитать» в себя марксизм, а всякие альтернативные ему научные идеи и методологии должны были быть искоренены как «чуждые» и «враждебные»

Таблица 2

Концептуальная схема развития психологии религии в России

Критерий периодизации: отношение науки к религии	Этапы развития психологии религии в России	Базовый исследовательский вопрос	Формат проявления психологии религии
Религия – имманентное «чувство» человека	I. Психологизация религии (с 1860–1870-х годов по 1918 – нач. 1920-х годов)	Как человек переживает религию?	Дискурс
Религия – вредный пережиток общества	II. Идеиная борьба с религией (с 1920-х годов по 1991 г.)	Как искоренить религию из человека?	Исследовательский проект
Религия – важный социальный институт	III. Диалог с религией (с 1990 г. по наст. вр.)	Как религия влияет на человека?	Область исследований

новому обществу. В этих условиях существование немарксистской науки стало попросту невозможным. Понятно, что больше всего такая идеологическая экспансия затронула гуманитарные науки, в том числе психологические и религиоведческие дисциплины.

Вместе с тем можно констатировать определенные различия в том, как сходили с исторической сцены дореволюционные психология и религиоведение. Исчезновение дореволюционной психологии с ее исходно немарксистскими философскими основаниями, ставшими неприемлемыми в период идеологизации науки, было катализировано внутринаучными причинами: в 1910–1930-е годы мировая психология переживала методологический кризис, связанный с неудовлетворительным концептуальным пониманием предмета психологии (сознания) и основного метода его познания (интроспекции). При этом ликвидация дореволюционных исследований религии (включая психологические) была связана скорее с *социальной стигматизацией их объекта* («религия – опиум народа») и *дискредитацией ученых* (обвинения в «академизме» и апологии религии).

Прежняя дореволюционная психология религии фактически прекращает свое существование в нашей стране к началу 1920-х годов (с высылкой в 1922 г. из Советской России представителей интеллигенции, включая философов, мыслителей и ученых). Однако ее религиозно-философское направление продолжает свое некоторое развитие

вплоть до 1950-х годов в трудах философов, оказавшихся в эмиграции: Н. А. Бердяева, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, С. Л. Франка.

На смену ей в 1920–1930-е годы приходит психология религии новой формации (это ее второе явление) — как идеологически и политически ангажированная дисциплина, чья главная задача виделась в антирелигиозной работе и пропаганде атеизма на основе классового подхода. Войнствующее безбожие постреволюционных лет требовало от науки о религии не столько исследовательской составляющей, сколько агитационной и пропагандистской устремленности на борьбу с религией. Академизм, стремление к мировоззренчески нейтральному исследованию и дискурсу приравнивалось к апологетике (Антонов, 2013). Церковная и университетская наука, как отмечает К. М. Антонов, фактически лишились права голоса в дискурсе о религии. Автор заключает: «Сложившаяся к концу предреволюционного периода более и менее устойчивая система научно-исследовательских программ была разрушена в ходе революционного вмешательства власти во внутринаучную жизнь» (Антонов, 2013, с. 92).

Общей социокультурной «почвой» для данного этапа развития психологии религии стало *отношение к религии как вредному пережитку общества*. Базовый исследовательский вопрос данного периода можно сформулировать так: «Как искоренить религию из человека?». К. М. Антонов подчеркивает, что в советском религиоведении «религия априори рассматривалась не просто как форма иллюзорного сознания, но как сущностно реакционная и даже контрреволюционная общественная сила. Это негативное жизненное отношение к религии становится неотъемлемой предпосылкой ее научного изучения» (Антонов, 2014, с. 65).

В 1920-е годы изыскания советских ученых и мыслителей были проникнуты определенным постреволюционным романтизмом, поиском инновационных методов заново выстраиваемых научных дисциплин на основе марксизма. В эти годы появляются работы Л. Дунаевского, В. И. Майского, направленные против психологии религии, критически представляющие ее в качестве «буржуазной» служанки теологии. Состоялась дискуссия о дологическом мышлении Л. Леви-Брюля в отечественной науке. При этом в русле психоаналитического направления отечественной психологии, сращиваемого с марксизмом, а также педологии проводились некоторые конкретные исследования по психологии религии. Психоаналитическое направление научных изысканий представлено работами Р. А. Авербух, Г. Ю. Ма-

лиса, М. А. Рейснера, С. Н. Шпильрейн и др., в которых анализируются бессознательные корни (архетипы, комплексы, влечения и т. п.) религиозных верований. Педологическое направление психологии религии разрабатывается в работах А. С. Залужного, Н. А. Рыбникова, ряде научных изысканий К. Н. Корнилова. В их трудах ставится проблема социальной обусловленности религиозности ребенка.

После политических кампаний по разгрому психоаналитического направления в 1931–1932-х годах и педологии в 1936 г. отечественная психология религии затухла. Ее возрождение в конце 1950-х–1960-е годы связано с усилением мер по организации атеистической пропаганды среди населения на основе доктрины «научного атеизма» — от ученых потребовалось новое научное знание о психологии верующих. Так называемый «научный атеизм» стал идейной и методологической базой отечественной психологии религии, противопоставлявшей себя «буржуазным», «реакционным», «идеалистическим» и т. п. взглядам на психологию верующих. Несмотря на искусственность данной доктрины, можно согласиться с М. Ю. Смирновым, который пишет: «Надо признать, что научный атеизм был основательной, кропотливо и умело сооружаемой конструкцией, по-своему продуманной и стройной» (Смирнов, 2018, с. 144).

В эти годы учеными предприняты этнографические и социологические исследования, которые позволили получить также и психологический материал. Психология религии получает явный социологический уклон с формализованными методами научного исследования — анкетированием, интервью. Можно сказать, что в 1960–1970-е годы исследовательский интерес ученых постепенно начинает выходить на передний план по сравнению с воинствующим атеизмом 1920–1930-х годов.

Важными вехами в истории психологии религии в России стали уже упоминавшееся Всесоюзное совещание по проблемам психологии религии, проведенное в 1969 г. Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, а также спецвыпуск периодически выходившего сборника «Вопросы научного атеизма» (1971), полностью посвященного проблемам психологии религии.

Вместе с тем, как отмечает Е. В. Орел, ни само это совещание, ни вышедший сборник «не имели в дальнейшем масштабного продолжения. Большинство авторов „переключились“ на проблемы социологии религии и отошли от изучения вопросов психологии религии» (Орёл, 2018, с. 109). Она уточняет, что выраженный интерес религио-

ведов к психологии религии можно датировать 1965–1971 годами, так как «именно в это время выходит в свет большинство публикаций по данной тематике» (Орел, 2018, с. 108)

Тем не менее исследования по психологии религии продолжились. В 1970–1980-е годы ученые постепенно отходят от прикладной задачи в исследованиях – помощи атеистической пропаганде – и начинают фокусироваться на построении марксистской концепции психологии религии; выходят критические работы М. А. Поповой «Критика психологической апологии религии» (1973) и «Фрейдизм и религия» (1985), обобщающая книга Д. М. Угриновича «Психология религии» (1986).

В целом советский этап развития психологии религии позволил ей сформироваться как *исследовательскому проекту*, который, несмотря на идеологическую и политическую ангажированность, снизившую его познавательные достижения, был все же плодотворным.

Достаточно непросто разобраться, чем объясняются непересечения культурно-исторической теории Выготского, формировавшейся, как и советская психология религии в 1920–1930-е годы, под тем же самым идеологическим и политическим диктатом. Можно искать объяснения в личных научных предпочтениях Выготского¹ и его соратников, например, в отсутствии интереса к религии у конкретных ученых-психологов. Или искать причины в их мировоззренческих установках, например, в наличии негативного или благожелательного личного отношения к религии. В настоящее время это поле для дальнейших исследований², и мы оставим его в стороне, не умаляя при этом значимости личностных факторов в развитии науки.

1 Например, в воспоминаниях о Л. С. Выготском приводится много свидетельств его увлечений такими областями, как литература и театр, но не религиозными вопросами (см.: Левитин, 1990).

2 У этого исследовательского поля есть перспективы. Например, в книге К. Е. Левитина «Личностью не рождаются» (1990), посвященной описанию жизни и деятельности Выготского и его учеников – А. Р. Лурии и А. Н. Леонтьева, приводятся воспоминания приятеля детства Л. С. Выготского – С. Ф. Добкина. Он полагает, что одной из двух книг, оказавших существенное влияние на пробуждение у Выготского интереса к психологии в юности, была книга У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Другой книгой стала «Психопатология обыденной жизни» З. Фрейда. В отношении работы У. Джеймса С. Ф. Добкин говорит: «На Льва Семеновича эта книга произвела сильное впечатление, на меня тоже (он дал прочитать эту книгу и мне), и мы много о ней говорили» (см.: Левитин, 1990, с. 28). В современной научной литературе можно также

Если же принять во внимание описанный контекст развития психологии религии в советской России, то можно выдвинуть гипотетические объяснения, корни которых — в описанном выше отношении науки к религии в советское время.

Из-за негативного, во многом воинственного и неприязненного, отношения к религии (особенно в 1920—1930-е годы) запрос на ее объективные психологические исследования фактически отсутствовал. Любые появлявшиеся научные изыскания испытывали серьезное идеологическое давление и должны были быть идеологически выверенными: соответствовать официальной марксистско-ленинской доктрине и текущим политическим задачам советского партийного руководства. Также эти исследования должны были преследовать сугубо практическую цель — способствовать искоренению религии как вредного «пережитка» старого классового и капиталистического общества, усиливая отрицательное отношение к религии советского общества в целом. Очевидно, что при таком подходе собственно научная проблематика, особенно фундаментальная, выхолащивалась.

Для психологических исследований в других областях, также проводившихся в условиях идеологической и политической диктатуры, пространства для «маневра» было больше. Можно было проводить вполне объективные с точки зрения методологии научные исследования психологических проблем, мало связанных с идеологией и политикой, прикрывая их идеологической риторикой и цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Либо творчески осваивать идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, создавая на базе их философских идей новые психологические теории, как это делали Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, В. Н. Мясищев и многие другие советские психологи¹. Для психологов потенциальная привлекательность вопросов религии — сферы, негативно окрашенной и с точки зрения марксистской философии бесперспективной для развития общества в целом, с выхолащенной научной проблематикой вкупе с прикладными задачами атеистической агитации и пропаганды — явно была невысо-

встретить утверждения, что после прочтения этих работ «Лев Семенович перестает быть верующим и начинает искать объяснения многообразия опыта» (Телегина и др., с. 53).

1 Тем не менее, это не убергло ряд психологических направлений от последующего идеологического «разгрома» и фактического закрытия — достаточно вновь вспомнить судьбы психоанализа и педологии в советской России (см.: Психологическая наука в России..., 1997).

ка. Уже в силу этих причин религия в то время вряд ли могла бы рассматриваться в оптике культурно-исторической теории безоценочно с функциональной точки зрения. Например, как набор культурных средств, которые особым образом влияют на формирование психических процессов и поведения человека.

На фоне этого очевидно, что вопросы природы человеческой психики и сознания, логики психического развития здорового и аномального ребенка, формирования отдельных психических функций человека и т. п., бывшие в фокусе научных исследований представителей культурно-исторической теории, являлись более привлекательными и перспективными для построения марксистской психологии, ведь именно такую фундаментальную задачу ставил перед собой Выготский¹.

Возможно ли приложение культурно-исторической теории Л. С. Выготского к изучению религиозного сознания?

Крушение советской общественно-политической системы в нашей стране в 1990-е годы, переход от тоталитарного общества к открытому, крах идеологических регуляторов науки и, как следствие, появление возможностей для идейного плюрализма и методологического разнообразия, отказ от атеистической пропаганды привели к исчезновению марксистской психологии религии. Отношение науки к религии в России существенно изменилось (см. приведенную выше концептуальную схему в таблице 2). Религия стала признаваться важным социальным институтом, к диалогу с которым психология начала стремиться и осваивать религиозно-антропологические идеи. Базовый исследовательский вопрос сменился и стал звучать так: «Как религия влияет на человека?».

Стало формироваться профессионально-ориентированная – христианская – психология в ее православном варианте (Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, Ю. М. Зенько, А. Лоргус, В. Х. Манёров, Б. Ничипоров, В. И. Слободчиков, Л. Ф. Шеховцова и др.). При этом третье явление российской психологии религии во второй половине 1990-х годов, стоящей на академических позициях, стремящейся к идеологичес-

1 Следует отметить отсутствие свидетельств оказания административного давления на Выготского и его последователей с целью побудить их к исследованию религиозной проблематики или, наоборот, воздержаться от него.

кой нейтральности и методологическому объективизму, оказалось «заретушировано» и отчасти интерферировано набиравшей обороты христианской психологией.

В 2000–2010-е годы наблюдается оживление психологии религии. Существенно растут количество публикаций и спектр охватываемых ими тем: религиозная идентичность и самосознание верующих, типы религиозности и личностные свойства верующих, влияние религиозной группы на психику человека, психологическое благополучие и адаптация религиозной личности, психологические защиты верующих и религиозный копинг, психологическое значение религиозных практик, отношение к религии различных социальных и возрастных групп и мн. др. (подробнее см.: Двойнин, 2018). В России появляются также исследования, выполненные в русле когнитивного подхода, клинической психиатрии. Психология религии выделяется в отдельную междисциплинарную *область исследований*.

В отечественной психологической науке, долгие годы строившейся на фундаменте марксизма, в 1990-е годы запустился процесс пересмотра философских оснований и теоретических построений. Советские научные школы и направления, прежде цветущие и динамично развивавшиеся, стали переживать спад интереса и активности, приходя в кризисное состояние (теория установки, теория субъективных отношений, теория деятельности и др.). Несмотря на это, культурно-историческая теория Л. С. Выготского, также испытывавшая кризисные явления, не канула в Лету, хотя ее прежние передовые позиции в умах отечественных психологов несколько пошатнулись. Исследования, выполненные в ее русле, продолжили появляться, а ключевые идеи — воспроизводиться в различных областях психологии, как фундаментальных, так и прикладных (психолингвистика, психология обучения, дефектология и др.)

Тем не менее культурно-историческая теория Выготского не была сколько-нибудь содержательно приложена к изучению религиозных проявлений психики ни в российской, ни в зарубежной психологии и остается мало востребованной.

Любая теория жива до тех пор, пока способна служить действенным инструментом научных открытий. Когда она утрачивает эту способность, то вполне закономерно отправляется на свалку истории или вырождается в культ, служители которого стараются канонизировать и законсервировать идеи отцов-основателей, отчего некогда эвристичные и передовые концептуальные положения превращают-

ся в сухие догмы. Культурно-историческая теория не раз раскрывала свой эвристический потенциал на самом разном предметном поле и при этом не выродилась в культ. Поэтому мы убеждены, что она способна стать эффективным инструментом научных открытий даже в такой необычной для нее области, как психология религии.

Надо сказать, что в современной зарубежной психологии религии развиваются культууроориентированные исследовательские проекты, например, историко-культурный подход Я. А. Бельзен (Belzen, 1997, 2010, 2019), социокультурная психология Т. Зиттен (Zittoun, 2019), проект психологии религии как герменевтического культурного анализа У. Попп-Байер (Popp-Baier, 1997) и др. При этом работы Выготского иногда цитируют в зарубежной психологии религии (например: Belzen, 2010). Тем не менее, при всех достоинствах данных проектов (постулирование фундаментальной роли культуры, отсутствие выраженного редукционизма и др.), они выстраиваются в русле гуманитарной методологии с ее нацеленностью на реконструкцию религиозной жизни уникальной личности, описательными методами и интерпретационными схемами, которые имеют мало отношения к воплощению идей Л. С. Выготского о механизмах развития и функционирования психики, а также к его естественно-научной методологии исследования.

Ниже мы покажем, как культурно-историческая теория может быть оригинально приложена к анализу одной из фундаментальных проблем психологии религии – вопросу о природе религиозного сознания. Отметим, что предложенные нами решения и сделанные выводы пока находятся в статусе теоретических гипотез, нуждающихся в эмпирической проверке.

Религиозное сознание современным религиоведением рассматривается в качестве одной из важных составляющих религии. Неудивительно, поэтому, что вопрос о природе религиозного сознания неразрывно связан с вопросом о природе религии в целом. Поиски ответов имеют богатую историю и уходят вглубь веков. Множество теорий было создано в результате титанических интеллектуальных и эмпирических усилий разных поколений исследователей; выделились и сформировались фундаментальные подходы к природе религиозных феноменов (философский, теологический, социологический, психологический и др.). Однако до сих пор указанные вопросы не имеют ответов, достоверность которых была бы настолько высока, а неоспоримость – очевидна, чтобы обрести статус объективной истины.

Вместе с тем нельзя не заметить существенный прогресс последних десятилетий, связанный с получением новых научных данных относительно религии в сфере когнитивных наук, нейробиологии, культурной антропологии, археологии, психологии. Эти данные позволяют по-новому взглянуть на старые проблемы религиоведческой науки, в том числе на проблему природы религии и религиозного сознания.

Вероятно, наиболее эвристичные попытки переосмыслить генезис, функции, общественную и индивидуальную ценность религии предпринимаются в последние десятилетия представителями таких направлений, как когнитивное религиоведение и эволюционная психология религии. Исследователи из этих областей также пытаются раскрыть природу религиозного сознания (религиозного мышления и религиозного опыта). В ряде обзорных и концептуальных работ демонстрируется идейное многообразие относительно вариантов решения данных проблем (Буайе, 2017; Зубковская, 2021; Малевич, 2016; Малевич, Фолиева, 2014; Марков, 2009; Михельсон, 2013; Сергиенко, 2013; Шахнович, 2013; Пюсийанен, 2013; Atran, 2002; Barrett, 2011; Norenzayan, Shariff, 2008; Rossano, 2006).

Анализируя конкретные исследования когнитивных религиоведов и эволюционных психологов религии, нельзя не отметить научную значимость многих добытых фактов, иногда даже несмотря на их противоречивость. Амбициозные попытки раскрыть функции религиозных феноменов или выявить их объективную ценность для человека и социума, безусловно, вызывают симпатии. Как и устремленность на поиск универсальных, общих каузальных закономерностей функционирования и развития религии. Сильной стороной указанных научных направлений, по нашему мнению, является использование экспериментальной методологии и опора главным образом на количественные методы исследования. Это задает высокие требования к верификации высказываемых религиоведами гипотез, которые в конечном счете способствуют лучшей воспроизводимости результатов и большей достоверности сделанных на их основе выводов.

Вместе с тем обращает на себя внимание один существенный недостаток, свойственный когнитивному религиоведению и эволюционной психологии религии¹. Это избыточный редукционизм в отношении такого сложного и комплексного феномена, как религия.

1 Мы опускаем здесь множество частных критических аргументов в адрес конкретных выводов и гипотетических построений представителей данных направлений.

Сводить все многообразие религиозных явлений, например к функциям обеспечения просоциального поведения или к религиозным понятиям, нарушающим интуитивные ожидания человеческого индивида, не кажется хорошей идеей. Методологически редукция оправдана для решения конкретных исследовательских задач. Однако не следует забывать, что редукция – лишь часть познавательной процедуры, технологический прием, а не способ раскрытия сущности явления. Религия как объект исследования многомерна; в ней сосуществуют биологические, социологические, антропологические, психологические, культурологические и другие «пласты», при анализе каждого из них могут быть выявлены свои специфические закономерности.

Представители когнитивного религиоведения игнорируют значение культурно-исторических факторов развития религии и религиозного сознания, предпочитая объяснять специфику религиозных феноменов особенностями когнитивной «архитектуры» психики. Эволюционисты же, как правило, редуцируют культурно-исторические факторы к общим эволюционным механизмам и не раскрывают своеобразие вклада данных факторов в развитие религии.

Негативные последствия подобной методологической «слепоты» фатально сказываются на изучении религиозного сознания. Исследования в области возрастной психологии и социологии в XX в. показали, что высший, сознательный уровень психики не формируется вне человеческого сообщества, без овладения социокультурным опытом, в первую очередь языком (Davis, 1940; Gesell, 1941). Поэтому возникает запрос на разработку альтернативных когнитивному религиоведению и эволюционной психологии религии подходов, которые, сохраняя при этом естественно-научную направленность, не будут игнорировать самобытность и важность культурного и социального контекстов религиозных феноменов.

Именно в качестве такого альтернативного подхода мы видим культурно-историческую теорию Л. С. Выготского.

Для начала обратимся к тому, как объясняются в рамках этой теории магическое поведение и мышление. Их суть раскрывается в уже упоминавшейся нами работе Выготского и Лурии «Этюды по истории поведения» (1993). Первое, что при этом необходимо отметить, – это то, что магическое поведение, по предположению авторов, является специфически человеческим паттерном и, по-видимому, не присущим животным. Основаниями для такого предположения стали результаты анализа учеными ряда примеров, свидетельствующих о том, что при-

митивный человек применяет магические действия там, где цивилизованный, находящийся на более высокой ступени общественного развития человек, использовал бы технические орудия и соответствующие им действия. Мы бы сказали, что магические действия *замещают* действия практические – преобразующие действительность. Это означает, что магия применяется человеком как средство подчинения себе природы, что, в свою очередь, может быть истолковано как формирование новой, специфически человеческой формы приспособления. Авторы исследования справедливо утверждают, что магические действия могут быть направлены не только на природу, но и на овладение собственным поведением. Другими словами, магия представляется психологическим орудием воздействия человека на самого себя, посредством психологического воздействия на промежуточную силу природы (Выготский, Лурия, 1993).

Л. С. Выготский и А. Р. Лурия фактически разделяют взгляд на магию упоминаемого ими В. Данцеля как на субъективную, инстинктивно применяемую психологическую технику, а также повторяют мысль Дж. Фрезера о том, что магия *заменяет естественные законы – законами психологическими*¹. В магическом поведении видится недостаточная дифференциация субъективного и объективного планов восприятия действительности примитивным человеком. Выделение же субъективного и объективного становится возможным только в результате практического преобразования действительности и развития технических средств в человеческом сообществе.

Выделение человеком своего Я из объективного мира, т. е. расчленение субъективного и объективного, является одним из существенных признаков сознания (Акопов, 2010; Чуприкова, 1999). Хотя Выготский и Лурия, не пользуются в данном контексте понятием сознания, по существу, в магическом поведении проявляется особая *синкретическая форма сознания*, в которой субъективное и объективное представлены практически в нерасчленном виде. Вместе с тем в настоящее время в психологической науке существует и альтернативная трактовка сознания в соотношении с магическим мышлением. Так, Е. В. Субботский полагает, что сознание само представляет способность человека находиться в двух типах реальностей: обычной, видимой и магической, невидимой. Это возможно, как считает

1 Данная интерпретация сущности магических действий разделялась исследователями самых различных теоретических ориентаций (см. также: Фрейд, 2022).

автор, благодаря постоянной работе у человека особого психологического механизма — «усилия разграничения реальностей» (Субботский, 2015).

Мы уже выше писали, что феномен магического мышления, который присущ детям на определенных этапах онтогенеза (3–7 лет), изучался Выготским и Лурией экспериментально. Было показано, что ассоциативная связь между изменением некоего предъявляемого ребенку объекта с одновременным действием какого-либо постороннего стимула воспринималась им как причинно-следственная (Выготский, Лурия, 1993).

Основываясь на идеях культурно-исторической теории Выготского, сформулируем ряд теоретических гипотез и допущений, которые позволят определенным образом посмотреть на природу религиозного сознания.

Религия в контексте рассматриваемого направления предстает как результат и продукт общественно-исторического развития, которое сущностно отличается от биологической эволюции¹. Религия, таким образом, не является порождением естественных когнитивных механизмов психики или эволюционным продуктом мозговой деятельности. С психологической точки зрения, религия представляет собой особую систему исторически сформировавшихся культурных (знаково-символических) средств (коллективных репрезентаций, знаков, символов, действий и др.), способствующих овладению человеком собственной психикой и поведением². Следует отметить, что выработка знаково-символических средств религии происходит в процессе общественной практики, в ходе совместной практической деятельности людей.

1 Здесь и далее утверждения о происхождении религии, делаемые в русле культурно-исторической психологии, не следует воспринимать в метафизическом ключе. Это лишь часть теоретической конструкции, возводимой для выявления психологической значимости религии и природы религиозного сознания. Данные утверждения следует рассматривать как допущения, необходимо вытекающие из базовых посылок культурно-исторической теории. Метафизический вопрос о (не)существовании сверхъестественных агентов, их роли в генезисе религии выносится за скобки и здесь не рассматривается.

2 Очевидно, что у религии как у системы знаково-символических средств есть не только психологические, но и общественные функции — формировать общественные отношения и управлять ими, а также нормировать психику и поведение индивида в социуме и управлять им.

Эти знаково-символические средства можно назвать особыми *религиозными психологическими орудиями*, или *сверхъестественными психологическими орудиями*. К ним можно отнести религиозные вербальные и невербальные знаки и символы, сценарии, ритуальные действия, духовные упражнения, религиозные нормы и т. п. Верующий использует их для осознанной регуляции собственного и чужого поведения, а также для управления собственными психическими процессами.

Религиозные знаково-символические средства можно систематизировать, выделив четыре группы «религиозных психологических орудий», которые *опосредствуют* поведение верующего:

- 1) религиозные объекты (природные или рукотворные);
- 2) религиозные действия (ритуалы);
- 3) религиозные образы (объективированные или субъективные);
- 4) религиозные значения (понятия).

Подобная группировка позволяет дифференцировать разные формы оперирования религиозными психологическими орудиями, или, другими словами, формы *религиозного опосредствования* различного уровня сложности.

Исследования Выготского, его коллег и последователей (например: Выготский, 2000ж; Гальперин, 1966; Леонтьев, 1965) показали, что формирование высшей психической функции в онтогенезе проходит несколько этапов: от осуществления внешнего действия с объектом — к внутреннему оперированию образами, а затем — к оперированию значениями (понятиями). При решении психологической задачи ребенок сначала научается использовать внешние объекты как знаки в ходе практического действия — например кубики, палочки. Затем, по мере развития, ему становится доступно опосредствование образами (например, рисуночными изображениями предметов, а потом их внутренними образами). Далее, на более зрелом этапе развития, ребенок осваивает значения слов и начинает их использовать в процессе опосредствования собственных психических функций и поведения.

Что касается ребенка, постепенно осваивающего религиозные знаково-символические средства в процессе религиозной социализации, то можно выдвинуть гипотезу о том, что в данном случае описанная выше последовательность этапов будет также присутствовать. Если же освоение религиозных знаково-символических средств осуществляется во взрослом возрасте, то эта закономерность вряд ли будет наблюдаться. Однако при этом различия в психологической

сложности применения подобных культурных средств, по-видимому, будут сохраняться.

Например, вероятно, самая простая в психологическом плане форма религиозного опосредствования — это использование в качестве искусственного стимула-средства религиозного объекта. Например, ношение когтя медведя может быть использовано человеком в качестве защитного средства от губительного действия злого духа. Психологическая значимость оперирования данным религиозным объектом заключается в овладении собственным страхом и подчинении его себе.

Также в качестве психологически простой формы религиозного опосредствования можно выделить использование символического (ритуального) действия. Ритуальное протыкание стрелами чучела животного перед охотой служит способом овладения собственной неуверенностью в ее успехе.

Еще одной формой религиозного опосредствования можно считать использование религиозного образа, объективированного во внешней форме (например, креста), или субъективного образа (образной репрезентации Бога). Одним из примеров такого опосредствования служит использование иконы при молитве в качестве возможного средства сосредоточения, т. е. овладения собственным вниманием.

Наиболее сложной формой религиозного опосредствования является оперирование религиозными значениями (понятиями). Использование понятий Бога, рая и ада, греха, спасения, просветления, джихада и т. п. требует более высокого уровня психического развития, чем употребление ранее описанных знаково-символических средств. Пример данной формы опосредствования — молитва, посредством которой человек может овладеть целым комплексом собственных психических процессов и состояний, а также разнообразными поведенческими проявлениями.

В логике культурно-исторической психологии Выготского религиозное сознание предстает как психологическая функциональная система, результирующая усвоение главным образом *вербальных* знаково-символических средств в процессе «окультуривания» в рамках определенной религиозной традиции. Генезис религиозного сознания может быть гипотетически описан как формирование, а затем интеграция более простых форм религиозного опосредствования (с использованием объектов, действий и образов) и сложной формы — вербальной.

Мы полагаем, что при систематическом использовании религиозных культурных средств (в соответствии с нормами, которые опре-

деляются религиозной традицией, предписываются вероучением) не только психические процессы и поведение человека становятся опосредствованными, но и *жизненные отношения* человека с миром опосредствуются религиозными действиями и значениями. Включение этих значений в контекст жизненных отношений приводит к формированию *личностных смыслов*. Гипотетически, таким образом, происходит формирование *динамических смысловых систем*, конституирующих религиозное сознание, т. е. интегрирующих в целостную психологическую функциональную систему интеллектуальные и аффективные процессы у верующего.

Религиозное сознание не следует рассматривать как наполненное исключительно религиозным знаково-символическим содержанием. В действительности у конкретного верующего, который является носителем сформированного религиозного сознания, могут быть локализованы в сознании нерелигиозные содержания в форме значений, смыслов, образов и т. п. При этом интегрированность религиозных и нерелигиозных компонентов в различные динамические смысловые системы может быть различной.

Генезис религиозного сознания, т. е. процесс знаково-символического опосредствования психики религиозными психологическими орудиями, происходит в процессе деятельности, наиболее интенсивно — в культовой. Культовая деятельность является знаково-символической, поскольку ее *предмет* — религиозные значения и смыслы. Определенная регулярность культовых действий (к примеру, участие в литургии, коллективных молитвах, чтение священных текстов, обращение к таинствам в сочетании с рефлексией на свою жизнь, бытие в целом и т. п.) может быть рассмотрена в рамках культурно-исторического психологии как упражнение *сигнификативной функции (сознания)*, упражнение, которое постепенно приводит к формированию *религиозного сознания* человека. Здесь уместна аналогия с ребенком, который, используя в игре разные предметы (например, кубики) для означивания других предметов (домов), тем самым тренирует свою сигнификативную функцию (сознание).

Знаково-символическая (культовая) деятельность, нередко сначала осуществляется в коллективной форме как внешний акт: начинающий верующий участвует в религиозных обрядах и ритуалах, наблюдает за происходящим, пытается понять значения того или иного символического действия или предмета. Выполняемые верующим нормативные предписания на стадии вхождения в культ, как прави-

ло, еще не имеют личностного смысла, а подлинное их значение он еще не представляет, поскольку не овладел религиозными понятиями. Эти действия скорее воспринимаются как «полезные», а сама эта фаза напоминает фазу подражания в психическом развитии ребенка. По мере овладения в процессе этой деятельности религиозными значениями к коллективной форме деятельности добавляется индивидуальная, а внешние знаково-символические действия переходят во внутренние, т. е. интериоризируются: мысленное обращение к Богу с просьбой, благодарностью, исповедью, обещаниями и т. п.

Как мы сказали выше, с точки зрения создателя культурно-исторической психологии, психологические орудия (в нашем случае — религиозные знаково-символические средства) используются для овладения собственной психикой и поведением. По-видимому, в этом и заключается их реальная и объективная *психологическая функция*. Она не специфична, как и сам механизм формирования религиозного сознания (знаково-символическое опосредствование). Специфичны сами религиозные психологические орудия.

Мы полагаем, что эти орудия дают *возможность символически преодолеть естественные ограничения собственной психики* при психологическом воздействии на объективную действительность¹. К примеру, человек не может *волевым усилием* поменять сложившиеся обстоятельства, но, используя религиозные средства (молитва к Богу), он *символически* задействует *волю Бога* (за счет субъективного переживания доступа к всемогущему сверхъестественному агенту). В объективной реальности происходит попытка психологически овладеть ситуацией, получить над ней субъективный контроль. Схожим образом технические устройства позволяют преодолеть ограничения собственной психики, но уже в действительности. Например, за счет возможности быстрого доступа к массивам информации смартфон позволяет человеку преодолеть когнитивные ограничения доступа к собственной долговременной памяти.

Заключение

Подведем итоги. Экскурс в историю развития психологии религии в СССР позволил отразить основные точки пересечения данной области знаний с культурно-исторической теорией, создан-

1 Попытки психологического воздействия на объективную действительность возникают при слитности в определенной мере субъективного и объективного плана восприятия у человека.

ной Выготским и его соратниками. Такими точками явились исследуемая проблематика, методология исследований, академические сообщества и академические институты. Мы не видим здесь значимых пересечений, за исключением немногих единичных и малозначимых случаев. В целом это отражает общую картину истории развития психологических исследований религии в СССР: официальная советская психологическая наука не занималась разработкой религиозной проблематики, а те исследования, которые проводились, осуществлялись главным образом непсихологами, носили социологический уклон и были подчинены задачам антирелигиозной пропаганды и атеистического воспитания.

Вместе с тем культурно-историческая теория Л. С. Выготского, не устаревшая и поныне, показала хорошие возможности приложения к анализу одной из фундаментальных проблем психологии религии — проблеме религиозного сознания.

Несмотря на наличие у культурно-исторической психологии признаков гуманитарной науки, ее стремление раскрыть универсальные законы психики и найти базовые объяснительные принципы показывает естественно-научную ориентацию данной теории. Об этом свидетельствует и применение преимущественно экспериментальной методологии исследования.

Выготский сместил акценты в понимании источника и движущих сил развития психики человека. Они находятся не в организме ребенка или его личности, а вовне — в социальном взаимодействии и культуре. Сознание человека, как и высшие формы поведения, — не результат биологической эволюции, а продукт культурно-исторического развития человечества.

Это общее видение логики процесса психического развития человека позволяет рассмотреть религию культурно-исторически — как особую систему знаково-символических средств, которыми человек пользуется как психологическими орудиями для овладения собственной психикой и поведением, для опосредствования своих жизненных отношений и психологическим овладением ситуацией (обстоятельствами).

Природа религиозного сознания, рассмотренная нами в оптике культурно-исторической теории Выготского, раскрывается в следующих положениях:

- религиозное сознание представляет собой психологическую функциональную систему, результирующую процесс усвоения

- главным образом вербальных знаково-символических средств определенной религиозной традиции;
- религиозное сознание конституируется как динамические смысловые системы, интегрирующие интеллектуальные и аффективные процессы у верующего;
 - религиозное сознание является социальным по происхождению;
 - религиозное сознание формируется в процессе овладения собственной психикой, поведением, а также при психологическим овладении ситуацией;
 - религиозное сознание формируется в деятельности, преимущественно в культовой;
 - в функциональном плане религиозное сознание является психической функцией сигнификации — означивания действительности религиозными значениями;
 - религиозному сознанию в определенной мере присуща слитность субъективного и объективного, что предрасполагает его носителя к психологическому воздействию на действительность с помощью религиозных знаково-символических средств;
 - механизм формирования религиозного сознания служит знаково-символическое опосредствование поведения человека религиозными психологическими орудиями (религиозными объектами, образами, значениями, ритуальными действиями).

В отличие от культурно-исторической теории подход когнитивного религиоведения внеисторичен: в нем ставится на одну доску религиозная психика дикаря и современного образованного верующего, что не позволяет увидеть качественные различия в уровнях организации их психики. Например, в логике когнитивного религиоведения проблема религиозного сознания *de facto* сводится к проблеме религиозного мышления как оперирования понятиями, нарушающими наши интуитивные ожидания. Постулируется, что специфика религиозного мышления определяется особенностями когнитивной «архитектуры» психики человека, а не культурными и социальными детерминантами. Чувственная, аффективная сторона религиозного сознания в концептуальных построениях когнитивных религиоведов не представлена.

В пространстве эволюционных теорий религии, строящихся на нейробиологических исследованиях, религиозное сознание, как правило, предстает как религиозный опыт — некое переживание сакрального и сверхъестественного, которому ищутся соответствующие

нейробиологические корреляты и маркеры. Понятийная, знаково-символическая сторона и социокультурные факторы генезиса религиозного сознания практически остаются вне исследовательского фокуса. Те же эволюционные теории, которые оперируют категориями просоциальности, кооперативности и т. п., в своих объяснительных схемах и вовсе обходятся без понятия религиозного сознания, предпочитая бихевиористскую терминологию.

Дальнейшее развитие теории Л. С. Выготского в обозначенном нами ключе может стать хорошим альтернативным проектом для когнитивного религиоведения и эволюционной психологии религии, а также пролить свет на многие тайны субъективной стороны религиозных явлений.

Литература

- Акопов Г. В.* Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Антирелигиозная работа научно-исследовательских учреждений // Антирелигиозник. 1932. № 10. С. 53–54.
- Антонов К. М.* От дореволюционной науки о религии к советскому религиоведению: трансформация системы научно-исследовательских программ и формирование «советской» формации дискурса о религии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. I. «Богословие. Философия». 2013. Вып. 6 (50). С. 67–97.
- Антонов К. М.* Этнос отечественного религиоведения 1920–1980-х годов // «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX–начала XXI в. / Сост., предисл., общ. ред. К. М. Антонова. М.: ПСТГУ, 2014. С. 59–78.
- Богданов А. А.* Учение о рефлексам и загадки первобытного мышления // Вестник Коммунистической академии. 1925. № 10. С. 67–96.
- Борунков Ю. Ф.* О понятии «религиозная вера» // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. Психология и религия / Ред. А. Ф. Окулов и др. М.: Мысль, 1971. С. 43–57.
- Буайе П.* Объясняя религию: Природа религиозного мышления. Пер. с фр. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
- Вопросы научного атеизма. Вып. 11. Психология и религия. М.: Мысль, 1971.

- Выготский Л. С.* Психология искусства / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Психология. М.: Эксмо, 2000а. С. 14–120.
- Выготский Л. С.* О психологических системах // Л. С. Выготский. Психология. М.: Эксмо, 2000б. С. 216–232.
- Выготский Л. С.* Сознание как проблема психологии поведения // Л. С. Выготский. Психология. М.: Эксмо, 2000в. С. 233–248.
- Выготский Л. С.* Психика, сознание, бессознательное // Л. С. Выготский. Психология. М.: Эксмо, 2000г. С. 249–261.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь // Л. С. Выготский. Психология. М.: Эксмо, 2000д. С. 262–509.
- Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Л. С. Выготский. Психология. М.: Эксмо, 2000е. С. 512–755.
- Выготский Л. С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Л. С. Выготский. Психология. М.: Эксмо, 2000ж. С. 828–891.
- Выготский Л. С.* Психология развития человека. М.: Смысл–Эксмо, 2005.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребёнок, М., 1993.
- Выдра Р. М.* Объективный момент в парциальном мышлении // Под знаменем марксизма. 1924. № 12. С. 111–133.
- Выдра Р. М.* «Загадки» первобытного мышления и их разгадка // Под знаменем марксизма. 1925. № 7. С. 152–163.
- Гальперин П. Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в современной психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1966. С. 259–276.
- Дамте Д. С.* Психология религии М. А. Поповой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. I. «Богословие. Философия. Религиоведение». 2015. Вып. 2 (58). С. 89–101.
- Дамте Д. С.* Психология религии В. И. Мамлеева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. I. «Богословие. Философия. Религиоведение». 2018. Вып. 80. С. 83–96. doi: 10.15382/sturI201880.83-96
- Дамте Д. С.* Об основных направлениях советской психологии религии в 1920-х гг. // Религиоведческие исследования. 2019. № 1 (19). С. 50–73. doi: 10.23761/rrs2019-19.50-73

- Дамте Д. С. Психологическая теория религии М. А. Рейснера // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 146–157.
- Дамте Д. С. Дискуссия о дологическом мышлении в отечественной психологии религии в 1920-х гг. // Религиоведческие исследования. 2022. № 1 (25). С. 25–52. doi: 10.23761/rrs2022-25.25-52
- Двойнин А. М. Психология религии в постсоветской России (с 2000-х гг. по настоящее время) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. I. «Богословие. Философия. Религиоведение». 2018. Вып. 77. С. 118–135. doi: 10.15382/sturI201877.118-135
- Двойнин А. М. Психология религии в России: на пути к самоопределению // Культурно-историческая психология. 2019а. Т. 15. № 3. С. 13–21. doi: 10.17759/chp.2019150302
- Двойнин А. М. Психология религии в России: история, современные тенденции и перспективы развития // Новые тенденции и перспективы психологической науки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019б. С. 418–441.
- Двойнин А. М. Природа религиозного сознания в оптике культурно-исторической психологии Л. С. Выготского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. I. «Богословие. Философия. Религиоведение». 2022. Вып. 104. С. 123–143. doi: 10.15382/sturI2022104.123-143
- Завершнева Е. «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л. С. Выготского) // Новое литературное обозрение. 2007. № 3 (85). С. 67–90.
- Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М.: АПН РСФСР, 1961.
- Зубковская А. А. Современный эволюционизм и проблемы изучения религии: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2021.
- Зуев Ю. П. Институт научного атеизма (1964–1991) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения: Сборник / Ю. П. Зуев, В. В. Шмидт, сост. и общ. ред. Ч. 1. М.: Институт научного атеизма–Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС, 2009. С. 9–36.
- Кайлер П. «Культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа»: от мифа (обратно) к реальности // Психологический журнал Международного ун-та природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 34–46.
- Клибанов А. И. Теоретические проблемы исследований религиозного синкретизма // Проблемы религиозного синкретизма и разви-

- тия атеизма в Чувашской АССР: Сборник статей по литературе, истории, экономике / Под общ. ред. А. И. Клибанова. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1978. Вып. 86. С. 6–29.
- Колбановский В. Н.* Роль научной психологии в атеистической пропаганде (Стенограмма лекции, прочит. на Всесоюзном семинаре по пропаганде науч. атеизма). М.: Знание, 1963.
- Колбановский В. Н.* Совещание по проблемам психологии религии // Вопросы психологии. 1969. № 4. С. 178–183.
- Левитин К. Е.* Личностью не рождаются / Отв. ред. В. В. Давыдов. М.: Наука, 1990.
- Леонтьев А. Н.* Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.–Л.: Учпедгиз, 1931.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 2-е изд. М.: Мысль, 1965.
- Малевич Т. В.* Эволюционное значение религии: между адаптацией и побочным продуктом // Вестник ПСТГУ. Сер. I. «Богословие. Философия. Религиоведение». 2016. Вып. 4 (66). С. 84–104. doi: 10.15382/sturI201666.84-104
- Малевич Т. В., Фолиева Т.* «Естественность» религии и «естественная религия» в когнитивном религиоведении // Философия и культура. 2014. № 11. С. 1605–1617. doi: 10.7256/1999-2793.2014.11.13380
- Мамлеев В. И. Л.* Леви-Брюль. Первобытное мышление // Антирелигиозник. 1930а. № 4. С. 99–101.
- Мамлеев В. И.* Проблема первобытной примитивной психики // Антирелигиозник. 1930б. № 5. С. 30–41.
- Мамлеев В. И.* Проблема первобытной примитивной психики // Антирелигиозник. 1930в. № 6. С. 46–53.
- Марков А. В.* Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 45–56.
- Месин Ф.* Леви-Брюль и его теория прелогизма // Научное слово. 1929. № 9. С. 3–42.
- Метель О. В.* Изучение религиозной проблематики в стенах Коммунистической академии: от кабинета религиозной идеологии к антирелигиозной секции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. I. «Богословие. Философия. Религиоведение». 2017. Вып. 69. С. 71–86.
- Метель О. В.* Институт научного атеизма и развитие религиоведческих исследований в СССР в 1960–80-х гг. // Журнал Белорусского государственного ун-та. История. 2022. № 2. С. 40–50. doi: 10.33581/2520-6338-2022-2-40-50

- Миллер А. Д.* Проблемы первобытного мышления // Психология. 1929. Т. II. Вып. 1. С. 140–147.
- Михельсон О. К.* Подходы к изучению религии в современной эволюционной психологии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31. № 3. С. 63–76.
- Овчаренко В. И.* Российские психоаналитики. М.: Академический проект, 2000.
- Орел Е. В.* Советская психология религии в 60–70-е гг. XX века: заметки на полях // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. I. «Богословие. Философия. Религиоведение». 2018. Вып. 75. С. 102–110. doi:10.15382/sturI201875.102-110
- Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.: Директ-Медиа, 2008.
- Платонов К. К.* Психология религии. Факты и мысли. М.: Политиздат, 1967.
- Платонов К. К. В. И. Ленин и вопросы психологии религии // Вопросы психологии. 1969. № 5. С. 3–12.*
- Платонов К. К.* Психологические корни религии // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. Психология и религия / Ред. А. Ф. Окулов и др. М.: Мысль, 1971. С. 29–42.
- Платонов К. К.* Психология религии и атеистическое воспитание // Вопросы психологии. 1975. № 3. С. 18–26.
- Платонов К. К.* Человек и религия. Минск: Народная асвета, 1984.
- Платонов К. К.* Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога) / Под ред. А. Д. Глоточкина, А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, В. Н. Лоскутова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Попова М. А.* Критика психологической апологии религии (Современная американская психология религии). М.: Мысль, 1973.
- Попова М. А.* Фрейдизм и религия. М.: Наука, 1985.
- Преображенский П. Ф. Боас Ф.* Ум первобытного человека / Пер. с англ. А. М. Водена. М.–Л., 1926 // Печать и революция. 1926. № 4. С. 168–169.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Психология религии в России XIX–начала XXI века / Ред.-сост. К. М. Антонов. М.: ПСТГУ, 2019.
- Пюсийанен И.* По ту сторону религии: когнитивная наука и изучение человеческого поведения / Пер. И. Анофриева; ред. Е. Ворон-

- цова, Т. Малевич // Религиоведческие исследования. 2013. № 78. С. 126–137.
- Рожественский Д. С.* История и теория психоанализа: психоанализ в российской культуре: Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2007.
- Сахаров Л. С.* О методах исследования понятий // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 1. С. 3–33.
- Сергиенко Р. А.* Когнитивные теории религиозного сознания: модели транскультурной репрезентации: Дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2013.
- Смирнов М. Ю.* Научный атеизм в советском высшем образовании: периодизация и содержание // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2018. № 3. С. 144–171.
- Субботский Е. В.* Невидимая реальность: сознание в зеркале магического мышления // Психолог. 2015. № 3. С. 33–67. doi: 10.7256/2409-8701.2015.3.14198
- Телегина А. С., Павлова Д. К., Бодрова С. Е., Пескишева Е. Р.* Страницы из жизни Льва Семеновича Выготского // Молодежная наука: тенденции развития. 2017. № 1. С. 52–56.
- Угринович Д. М.* Психология религии. М.: Политиздат, 1986.
- Ульянов Л. Н.* Опыт исследования мотивации религиозного поведения // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. Психология и религия / Ред. А. Ф. Окулов и др. М.: Мысль, 1971. С. 219–235.
- Фолиева Т. А.* Психоаналитические теории в психологии религии // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 12. № 1. С. 219–226.
- Фолиева Т. А., Малевич Т. В.* Психология религии в XX веке: основные вехи развития // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34. № 4. С. 68–91. doi: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-68-91
- Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.: Эксмо, 2022.
- Чумаков М. В.* Некоторые аспекты развития психологии религии в России // Проблемы религиозной и философской герменевтики: Материалы (Омск, 18–19 сентября 2003 года) / Отв. ред. Д. П. Синельников. Омск: Наука, 2003. С. 197–202.
- Чуприкова Н. И.* Мозг, психика, сознание // Мир психологии. 1999. № 1 (17). С. 84–97.

- Шахнович М. М.* Когнитивная наука и исследования религии // Государство, религия и Церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31. № 3. С. 32–62.
- Atran S.* In Gods We Trust. The Evolutionary Landscape of Religion. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
- Barrett J. L.* Cognitive science of religion: looking back, looking forward // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. V. 50 (2). P. 229–239.
- Belzen J. A.* The Historicocultural Approach in the Psychology of Religion: Perspectives for Interdisciplinary Research // Journal for the Scientific Study of Religion. 1997. V. 36 (3). P. 358–371.
- Belzen J. A.* Towards Cultural Psychology of Religion: Principles, Approaches, Applications. Dordrecht, 2010.
- Belzen J.* What, Why and How? Meta-reflections on Cultural Psychological Approaches to the Scientific Study of Phenomena Called Religious // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2019. V. 53 (1). P. 158–187.
- Davis K.* Extreme Social Isolation of a Child // American Journal of Sociology. 1940. V. 45. P. 554–565.
- Ferrari M., Robinson D. K., Yasnitsky A.* Wundt, Vygotsky and Bandura: A Cultural-Historical Science of Consciousness in Three Acts // History of the Human Sciences. 2010. V. 23 (3). P. 95–118.
- Gesell A.* Wolf Child and Human Child. The Life History of Kamala, the Wolf Girl. L.: Harper & Brothers, 1941.
- Lewin K.* Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie // Erkenntnis. 1931. Bd. I. S. 421–466.
- Norenzayan A., Shariff A. F.* The Origin and Evolution of Religious Prosociality // Science. 2008. V. 322. P. 58–62.
- Popp-Baier U.* Psychology of Religion as Hermeneutical Cultural Analysis – Some Reflections with Reference to Clifford Geertz // Hermeneutical Approaches in Psychology of Religion / J. A. Belzen (Ed.). Amsterdam, 1997. P. 195–212.
- Rossano M. J.* The Religious Mind and the Evolution of Religion // Review of General Psychology. 2006. V. 10 (4). P. 346–364. doi: 10.1037/1089-2680.10.4.346
- Yasnitsky A.* Revisionist Revolution in Vygotskian Science: Toward Cultural-Historical Gestalt Psychology // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. V. 50 (4). P. 3–15.

Zavershneva E. The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology // The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology. Cambridge, 2014. P. 63–97.

Zittoun T. A Sociocultural Psychological Approach to Religion // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2019. V. 53 (1). P. 107–125.

Обсуждение вопросов советской психотехники и психологии труда на психологических съездах первой половины XX в.

Н. Ю. Стоюхина

В российской психологической историографии такие организационные мероприятия, как психологические съезды, пользуются заслуженным вниманием исследователей (Аншакова, Кольцова, 2016; Артемьева, 2015; Богданчиков, 2002; Будилова, 2008; Журавлев, Стоюхина, 2020, 2021, 2022; Носкова, 1997; Петровский, 1967; Соколов, 1956а, 1956б; Стоюхина, 2010а, б, 2012, 2022а, б, в; Стоюхина, Башук, 2019; Стоюхина, Журавлев, 2021; Стоюхина, Мазиллов, 2013, 2014; Тутунджян, 1966; Ясницкий, 2010, 2012; и др.). Причина этого в том, что на научных съездах (конференциях, совещаниях) профессиональное сообщество решает множество проблем, связанных с развитием различных отраслей психологии и, участвуя в дискуссиях, вырабатывает методологические (и идеологические) основания психологии, называет основные векторы работы на ближайшее будущее, прогнозирует организационное строение научной дисциплины. О важности научной дискуссии писала В. А. Кольцова; по ее мнению, именно научная дискуссия является адекватной моделью развития психологического знания в целостности его логико-научного, социально исторического, субъектно-личностного и организационно-научного аспектов, при этом оставаясь возможной единицей историко-психологического исследования (Кольцова, 2001). О. А. Артемьева подошла к анализу научных дискуссий с историко-психологической точки зрения, считая детальную разработку самой проблемы научной дискуссии, ее содержания следствием изучения реальной истории науки (Артемьева, 2012, с. 74). Для истории психологии было бы важно последовательно рассмотреть организационное оформление различных научных отраслей психологии на съездах и конференциях, и, по нашему мнению, хронологический принцип позволил бы

увидеть постепенно разворачивающуюся картину формирования и развития как содержательной стороны отрасли психологии, так и организационной.

В центре нашего внимания оказались психологические съезды в дореволюционной России, советской России и СССР (до Второй мировой войны), рассматриваемые с точки зрения обсуждаемых на них вопросов психологии труда и психотехники. Постепенное и поэтапное разворачивание буквально на наших глазах вопросов и проблем, выраженных в выступлениях докладчиков, а порой и в прениях, создает объемную картину развития отдельной отрасли психологии — психологии труда в СССР.

В данном исследовании мы использовали книги, сборники материалов, а также статьи и заметки, изданные во время проводимых съездов, представляющих собой непосредственный отклик на проходящее или только что прошедшее событие. Мы использовали те же названия научных мероприятий, которые встречались в литературе описываемого периода: авторы статей и заметок зачастую использовали в качестве синонимов «съезд», «конференция», «симпозиум», «конгресс». Также хочется обратить внимание на даты жизни называемых нами психологов и психотехников (обнаружены не все); в случае, когда даты нам неизвестны, ставились знаки вопроса. То же относится и к инициалам, которые отсутствуют у некоторых специалистов. Этим мы хотели показать, как много неизвестного еще в истории психотехники и психологии труда, несмотря на огромный проделанный ими труд.

Российские психологи без психологии труда и психотехники

В дореволюционной России было шесть съездов по психологии (Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии, 1906, Санкт-Петербург; Второй Всероссийский съезд по педагогической психологии, 1909, Санкт-Петербург; Первый Всероссийский съезд по экспериментальной психологии, 1910, Санкт-Петербург; Второй Всероссийский съезд по экспериментальной психологии, 1913, Санкт-Петербург; Третий Всероссийский съезд по экспериментальной психологии, 1916, Петроград; Четвертый Всероссийский съезд по экспериментальной психологии, 1917, Петроград). Вопросы психологии труда там не ставились, однако был один доклад, в котором рассматривались вопросы психологии труда.

Это был доклад педагога-педолога Т. Г. Маркарьянца (1884–1937) «Работоспособность взрослых и детей в различные часы дня» (Маркарьянец, 1911) на Первом Всероссийском съезде по экспериментальной педагогике. Т. Г. Маркарьянец (он же Маркарьян) был дидаскологом, т. е. предлагал «сделать содержанием педагогического образования изучение деятельности успешных в педагогике людей, обладающих уникальными человеческими качествами» (Дубицкая, 2016, с. 5). В середине 1920-х гг. он занимался тем, что сейчас называется профессиональными педагогическими тренингами (там же, с. 6), а в 1910 г. Маркарьянец поставил вопрос об усталости и работоспособности, основываясь на сравнительном методе, сопоставив данные 9 школьников и 20 учителей, полученные при помощи динамометра и эргографа Дюбуа. Он предположил, что «устойчивость работоспособности в различные часы дня у детей намного больше, чем у взрослых, – потому и необходимо обратить большее внимание на точное определение типа работоспособности учителя» (Маркарьянец, 1911, с. 301). В прениях по его докладу выступивший психиатр и психолог А. В. Владимирский (1875–1932) поддержал докладчика и выразил сожаление, что нигде в литературе не встречал ссылок на то, как бороться с чувством приспособляемости к работе. Психиатр и криминальный антрополог А. Л. Щеглов (1867–1919) огорчился от того, что «русская молодежь за границей оказывается менее работоспособной, чем наши соседи... физически... более сильная... и интеллектуально более развитая, оказывается менее годной к работе, менее способной работать в той или другой отрасли знания. Это обидное сознание нашей пониженной работоспособности» (Прения по докладам..., 1911, с. 306).

Данный эпизод был единственным, касавшимся вопросов психологии труда, случившимся на психологическом съезде в дореволюционной России, он показал едва обозначивший интерес к вопросам психологии труда, в данном случае – учителя.

Первый Всероссийский съезд деятелей по борьбе с детской дефективностью

Интерес к труду учителей заметно проявился на Первом Всероссийском съезде деятелей по борьбе с детской дефективностью (24 мая–2 июня 1920 г., Москва), где выступало много психологов; прозвучали выступления о профессиональной подготовке работников-дефектологов: психиатра Т. И. Юдина (1879–1949) «О необходимости пси-

хиатрической подготовки для работников в области дефектологии», психолога А. М. Шуберт (1881–1963) «Психология и роль психолога в учреждении для дефективных детей», логопеда и сурдопедагога, руководителя Ортофонического института (Ленинград) Д. В. Фелдберга (1873–1942) «О подготовке педагогов в учреждения для дефективных детей», педагога и врача В. П. Кащенко (1870–1943) «К вопросу о подготовке педагогов дефективных детей» и др. Очевидно, присутствующие осознали, что проблему специальной профессиональной подготовки сотрудников учреждений нужно решать немедленно, потому что на смену дореволюционному воспитателю пришли «самые разнообразные элементы, в большинстве совсем не подготовленные к трудной и ответственной роли воспитателя дефективных детей. <...> Намечая идеального воспитателя-учителя будущего, докладчик Футар указывал, что вербовать этих педагогов следует только из пролетарской среды, он должен быть политически образован, как воспитатель пролетарских детей» (Детская дефективность, преступность..., 1922, с. 59). В то же время участники съезда понимали, что можно предъявлять любые профессиональные требования к работникам, но этих работников просто нет, поэтому делегаты решили ходатайствовать о «немедленном откомандировании из армии педагогов и врачей, работавших с умственно отсталыми, морально и физически дефективными детьми» (там же, с. 49), об улучшении материального положения воспитателей и педагогов, приравняв их в снабжении к рабочим тяжелого физического труда, а при выборе кандидатов рекомендовали обращать внимание на тех, кто обладает выдержкой, выносливостью, уравновешенностью, любовью к детям и пр.

Политика военного коммунизма, использованная властью в годы гражданской войны, привела страну в экономический тупик, требовала изменений в государстве. Советскую Россию понемногу завоевывали идеи НОТ, к тому же НОТовское движение было активно поддержано властью: Л. Д. Троцким, Г. М. Кржижановским, М. В. Фрунзе, Н. А. Семашко, Е. М. Ярославким, Н. К. Крупской и др. Эти идеи упали на подготовленную почву: в 1918–1919 гг. в российских газетах появлялись статьи, где говорилось о необходимости планового подхода к вопросам рационализации, а русская военная промышленность и железные дороги уже имели опыт массового нормализованного производства (Психологическая наука в России..., 1997, с. 53); психологи активно поддержали научную организацию труда.

Психотехник С. С. Чахотин (1883–1973) (Стоюхина, 2017) выделял три этапа в развитии научной организации труда в мировой экономи-

ке: первый этап связан с Америкой, с теорией Тейлора, достижениями Фрэнка Б. Гилберта и Генри Форда (труд должен быть максимально целесообразен), но там «на людей смотрели как на части механизмов и обращались с ними соответственно» (Биггарт, 2012, с. 55). Второй этап проходил в Европе, где велись исследования человеческой кооперации в организационной деятельности, там же возникла прикладная психология. В то же время стало ясно, что «отчуждение работников от результатов их труда», отсутствие чувства собственного достоинства, рождаемого в процессе труда, не дает им проявить свои способности в полной мере, поэтому третий этап завершился в СССР, где «организационная механика» и «менеджмент», по мнению Биггарта, дополняли друг друга и должны были привести к освобождению человечества (там же).

Первая Всероссийская конференция по научной организации труда и производства

Этот последний, триумфальный, этап в развитии НОТ (по С. С. Чахотину) был отмечен созывом Первой Всероссийской конференции по научной организации труда и производства, организованной по инициативе Народного комиссариата путей сообщения, Центрального комитета Всероссийского объединенного профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта (Цектран) и лично Л. Д. Троцкого (1879–1940) — главы Реввоенсовета Республики (РВСР — высшего коллегиального органа военной власти). Следует отметить, что 11 ноября 1920 г. на заседании по вопросам улучшения эксплуатации железных дорог под председательством Л. Д. Троцкого было решено созвать инициативную конференцию по тейлоризации, чтобы обозначить вопросы рационализации, упорядочения, организации всех отраслей железнодорожного транспорта как стратегически важного для развития экономики страны. Сначала решили, что участниками предстоящей конференции будут работники железнодорожного транспорта, но потом пригласили теоретиков и практиков из других областей народного хозяйства, проявивших заинтересованность к улучшению организации транспорта.

Конференция проходила в Москве 20–27 января 1921 г. Присутствовало 313 членов и примерно 100 гостей конференции: работников железных дорог было 196; психофизиологов, представителей Института по изучению мозга и психической деятельности (Петроград) и Центрального института труда (Москва) — 21; остальные — инже-

неры, техники, представители профсоюзов. На пяти секциях: Организация работ в механическом производстве и железнодорожных мастерских, Организация работ в железнодорожном транспорте, Вопросы организации управления и его частей, Рефлексология труда, мероприятия по объединению работ по научной организации — всего был прочитан 81 доклад; из них на секции рефлексологии труда (руководитель — В. М. Бехтерев) — 13 (Стоюхина, 2022б).

На заседании, открывшем конференцию, прозвучали формулировки ее участников, определившие на долгое время вектор первооткрывателей в науке: «...мы входим в мир новый, и что мы будем <...> строителями этого лучшего будущего — вот это сознание должно успокаивать наши нервы и укреплять наши силы для строительства будущего» (там же, с. 6), — говорил В. М. Бехтерев (1857—1927); «нужно найти те источники, которые бы давали возможность в условиях социалистической организации общества пробуждать инициативу и заинтересованность каждого трудящегося и заставлять давать государству максимум того, что может дать каждый. Время, когда психология людей изменится... еще не скоро настанет» (там же), — призывал А. А. Богданов (1973—1928).

Утреннее заседание 21 января началось с доклада В. М. Бехтерева «Рациональное использование человеческой энергии в труде» (Бехтерев, 2022). Он отметил, что личная, идейная заинтересованность каждого работника в труде, обеспеченная его культурным развитием, состоит в осознании общепольного значения своего труда как необходимого фактора цивилизации, что важнее для понятия производительности труда, чем забота о рациональном применении самой человека как трудовой машины. С помощью просвещения рабочих можно и нужно привить рабочему понимание государственной важности и достоинства его труда.

Доклады, заявленные на секции рефлексологии труда, звучали 21, 22 и 24 января:

- Л. Б. Грановский (врач-гигиенист, 1878—1954). «К вопросу об органах и методах изучения живого труда»;
- О. А. Ерманский (основатель науки управления, автор термина «научная организация труда», 1867—1941). «Научный подбор личности рабочих»;
- В. В. Ефимов (физиолог, 1890—196?). «Психофизиологические основы утомления живых машин»;

- К. Х. Кекчеев (физиолог труда, 1893–1948). «Изучение рабочих движений по способу Джилльбрета в лаборатории Московского государственного психоневрологического института»;
- Л. А. Левенстерн (инженер-тейлорист, 1877–1921). «Выбор профессии»;
- В. А. Левицкий (врач-гигиенист, 1867–1936). «Продуктивность труда и гигиенический режим труда в промышленности»;
- В. Н. Мясищев (врач-психиатр, 1893–1973). «Принцип организации научного исследования труда»;
- А. А. Пресс (специалист по вопросам охраны труда, 1857–1930). «Соотношение между производительностью труда и социальной охраной его»;
- М. П. Пузанов (инженер, 1862–1935). «Влияние тейлоризации на сокращение несчастных случаев при производстве работ»;
- В. И. Рабинович (врач-невролог, 1890–1946). «Методологические основы профессиональной психологии»;
- Т. Н. Розенталь (врач-невролог, психоаналитик, 1884–1921). «Психоневрозы труда и их предупреждение»;
- Г. И. Челпанов (директор Психологического института, профессор, 1862–1963). «Ближайшие задачи психологии труда»;
- И. В. Эвергетов (психолог и психоневролог, 1872–1942). «Психология и профессиональный подбор».

О важности работы секции рефлексологии труда позже писал И. Н. Шпильрейн (1891–1937), ведь именно с этого события началось оформление первого этапа обсуждения вопросов психологии труда: «Больше всего и прежде всего говорилось о том, каким образом стимулировать производительность труда, каким образом поднять ее до нормы, ликвидировать то катастрофическое падение производительности, которое наблюдалось у нас в 1920–1921 гг. Под знаком этой постановки вопроса происходила I конференция по НОТ» (Шпильрейн, 1930а, с. 15). В ходе ее оформились две точки зрения на тейлоризм: тейлористы, отождествлявшие тейлоризм с НОТ и управлением, утверждавшие, что учение Ф. Тейлора возможно в любых общественно-экономических условиях, и антейлористы, считавшие, что тейлоризм ориентирован на предел возможностей человеческого организма при интенсификации труда, что противоречило провозглашенным в Советской России гуманным принципам в отношении человека труда. Шпильрейн вспоминал: «О психотехнике в этот период говорили

только теоретически и только в сослагательном наклонении. На первой конференции по НОТ было два доклада, посвященных вопросам психотехники, профессионального подбора, а именно: доклады профессоров Челпанова и Эвергетова. Оба эти доклада сообщали только об иностранных достижениях, но сообщали об этом, как об интересном факте, а не как о событии или научной дисциплине, которые имеют какое-либо касательство к нашей производственной практике» (там же, с. 16). Обсуждаемые на конференции вопросы труда, его интенсификации, привлечения рабочих на фабрику были, по выражению Шпильрейна, «академическими», т. е. никак не связанными с практикой, ведь пока оплата труда рабочего была очень низкой и на него никак нельзя было воздействовать. Таким образом, внимание было обращено на экономическую и техническую рационализацию, а вопросы организации труда, рабочей силы были отодвинуты на второй план.

На Первой конференции по НОТ произошла «первая серьезная схватка между тейлористами буржуазного толка и работниками, пытающимися верно оттенить понимание особых условий, при которых проходит научная организация труда и борьба за его нормальную производительность», — писал И. Н. Шпильрейн (1924а, с. 4), в то же время достижения этой конференции были весьма скромны: осознать себя, найти общую линию для своего выражения.

Как писал историк психологии А. В. Петровский (1924—2006), «слабость разработки психотехнических проблем — при отчетливо выраженной потребности в их разработке — отражала низкий уровень производительности труда, вызванный прежде всего тем, что материальные ресурсы для стимуляции труда были ничтожны, а новые высокие морально-психологические стимулы хотя и начинали складываться, но не получили еще массового распространения» (Петровский, 1967, с. 268).

В марте 1921 г. прошел X съезд Российской коммунистической партии (большевиков), провозгласивший переход к новой экономической политике (НЭП), пришедшей на смену политике военного коммунизма, которая проводилась правительством Советской России в годы гражданской войны и привела страну к экономическому упадку. Ожидалось, что введение НЭП изменит ситуацию за счет увеличения количества труда рабочих на фабриках, рост коэффициента полезности труда обусловит возникновение рационализаторской практики, и все это — на фоне споров о различиях советской рационализации от рационализации капиталистической (советская рационализация

зависит от того политического окружения, в котором находятся рабочие и работницы фабрики; рабочие принимают активное участие в управлении производством; стремление к полной механизации и машинизации; плановость).

В декабре 1922 г. сотрудник психотехнической лаборатории Центрального института труда (ЦИТ) И. Н. Шпильрейн выступил с докладами в Ассоциации преподавателей Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова и на психофизической секции Академии коммунистического воспитания. Он говорил о переживаемом зарубежной психотехникой кризисе, а затем описал происходящее в психотехнической работе в РСФСР: «Мы не пережили ни безудержного увлечения прикладной психологией в военное время, ни реакции против этого чрезмерного увлечения... психотехника развивается в условиях медленно-налаживающейся промышленной жизни... имеющиеся у нас психотехнические лаборатории все ставятся... при классовых (ВЦСПС) или административных (НКТ) органах пролетариата» (Шпильрейн, 1923, с. 122). Несмотря на то, что советская психотехника находилась еще в самом начале своего развития, только обозначилась, И. Н. Шпильрейн уже проанализировал наиболее известные заграничные методы испытания профессиональной пригодности некоторых особо вредных (металлисты, телефонистки, рабочие химической промышленности) и особо ответственных профессий (летчики, шоферы, машинисты), сопоставив полученные данные с уже имеющимися заграничными. Результаты его не удовлетворили, поэтому он добился скорого решения «целого комплекса вопросов, связанных с одним основным вопросом о симптоматической и прогностической ценности психотехнических испытаний вообще» (там же, с. 124): упражняемость отдельных профессионально важных качеств, связь между интеллектом и пригодностью к отдельным профессиям, соотношение между природными и приобретенными качествами; составление психогрмм профессий, разработка методов испытания, адекватных испытываемым качествам; проверка методов испытания путем вычисления корреляции.

Настало время для проведения съезда для психологов, которые в последний раз собирались на Третий Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике в 1916 г. (Четвертый Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике проходил в 1917 г. и был малочисленным – Стоюхина, Костригин, 2021, с. 209). За прошедшие годы случилось многое: закончилась Первая мировая война, прошли две

революции, началась и завершилась гражданская война, ученые продолжали работать, частью уехав из столиц в губернские города, где открывались новые университеты и институты, частью оставшись в Москве и Петрограде и работая во вновь созданных психолого-педагогических, санитарно-гигиенических организациях. Жизнь понемногу налаживалась, поэтому требовалось большое мероприятие, объединяющее психологов разных направлений и отраслей научного знания вокруг какого-то понятия. Таким собирающим, связующим понятием стала «психоневрология», предложенная В. М. Бехтеревым еще в 1904 г. для обозначения комплекса наук о поведении человека, который представляли: анатомия и физиология нервной системы, невропатология, психиатрия и психогигиена, психотехника, педология; это был «синтез наук, дающий всестороннее и законченное изучение личности — здоровой и больной — на всех этапах ее развития» (Незнамов и др., 2017, с. 8).

Первый всероссийский съезд по психоневрологии

Первый всероссийский съезд по психоневрологии проходил с 10 по 15 января 1923 г. в Москве. Инициатором съезда было руководство Московского психоневрологического института, выработавшее положение о съезде, получившее разрешение на его проведение и обратившееся к московским научным учреждениям с просьбой об участии. Обращение нашло широкий отклик в научных кругах, так как ученые, занимавшиеся психологией, психоневрологией и психиатрией, чувствовали необходимость научного общения, к тому же «в основу всей организации дела были положены те начала, которыми в течение многих лет руководились получившие в свое время довольно большую популярность всероссийские съезды по педагогической психологии и экспериментальной педагогике» (Первый всероссийский съезд по психоневрологии..., 1923, с. 246). Съехалось около 300 человек, из которых «64% было врачей, 24% — педологов, остальные — юристы, психологи, физиологи, инженеры» (Эмдин, 1923, с. 1). Съезд проходил на нескольких площадках: в большой аудитории 2-го МГУ на Девичьем поле, в Психологическом институте, Физическом институте, Клинике нервных болезней 2-го МГУ, Центральном институте труда, больнице им. Кашенко и т. д. Председателем организационного комитета избрали А. П. Нечаева (1870—1948), почетным председателем съезда — академика В. М. Бехтерева. На 31-м заседании (6 пленарных

и 25 секционных) было прочитано 156 докладов, распределившихся по секциям: физиологии нервной системы (академик И. П. Лазарев), неврологии (профессор Л. С. Минор), психологии (профессор Г. И. Челпанов), психиатрии (профессор В. А. Гиляровский), педологии (профессор Н. А. Рыбников), психофизиологии труда (доктор К. Х. Кекчеев), криминальной психологии (профессор С. В. Познышев). Работа секции психотехники и психофизиологии труда продолжалась в течение 14 и 15 января в здании Центрального института труда (Петровка, 24) (I Всероссийский съезд по психоневрологии..., 1923).

Взросший интерес к задачам физиологии труда со стороны врачей, педагогов, психологов и производственников побудил Организационный комитет съезда включить в его состав специальную секцию психофизиологии труда (в некоторых отчетах и статьях она носила название психофизиологии труда и психотехники).

Руководитель секции К. Х. Кекчеев (см.: Стоюхина, 2023) прочел свой доклад еще на пленарном заседании 11 января. Выступление на тему «Основные проблемы психофизиологии труда» (Кекчеев, 2023) было посвящено выявлению тех проблем, которые стали перед психологией и физиологией труда: профессиональная пригодность, энергетика труда и питания, влияние среды на производительность труда, профессиональная усталость и рационализация рабочих движений. Кекчеев отметил, что проблема экономии всех растроченных запасов недавно воевавших стран (сырья, энергии и человеческой силы) поставила перед прикладной психологией (психотехникой) задачу «изыскать способы определения у людей, главным образом молодых, наличности тех или иных психических и физических качеств, необходимых для выполнения различных работ» (Первый всероссийский съезд по психоневрологии..., 1923, с. 296). Созданные для этих целей многочисленные институты и лаборатории вселяли надежду на близкое разрешение проблемы, но «по мере углубления работы все более и более выяснялось, что вопрос далеко не так прост и что при решении вопроса о выборе профессии необходимо принять во внимание и влияние наследственности, и упражняемость, и факторы морального порядка; оказалось, что анализ профессий в целом не под силу современной науке, что необходимо изучать более мелкие деления профессий, специальности или даже, быть может, отдельные операции» (там же, с. 297).

Разработанное ранее и кажущееся стройным учение о питании, основанное на данных энергетики, пошатнулось под новыми исследованиями ученых, показавших, что в питании играют большую роль

основные пищевые вещества (белки, жиры и углеводы) и витамины: «Проблема питания стала сложнее, но зато выяснились многие вопросы массового питания, которые до сих пор были покрыты тайной» (там же, с. 298), т. е. вопрос о рациональном питании приобрел прочное и уточненное основание.

Проблема взаимосвязи рабочей среды (освещенность места работы, температура воздуха, его влажность, тишина или шум в рабочем помещении и т. д.) и производительности работы также вошла в сферу изучения физиологии труда.

Вопросы профессиональной утомляемости волновали ученых по всему миру, но, по мнению Кекчеева, особенно важны они были для «русских в связи с общим понижением физического состояния рабочего населения республики; в Советской России... следует... уменьшать профессиональную утомляемость и повысить, следовательно, производительность труда, рационализируя обстановку работы и вводя экономию рабочих движений» (там же, с. 299).

Второй пленарный доклад прочел сотрудник Центрального института труда (ЦИТ) Б. Н. Северный (1888–1938) «Задачи психотехники», где наметил вопросы методов исследования, интерпретации и математической обработки результатов (Эфрусси, 1923, с. 7).

Участники съезда ходили осматривать ЦИТ, «задуманный в том периоде революции, когда широта теоретического размаха мало считалась с материальными ресурсами и практическими потребностями дня» (Эмдин, 1923, с. 1), поэтому он «произвел впечатление большой, несколько монотонной выставки, а отнюдь не лаборатории» (там же).

Работы секции психофизиологии труда и психотехники были посвящены трем основным проблемам: профессиональному подбору; профессиональной усталости и методам ее изучения; исследованию рабочих движений.

Заведующий психотехнической лабораторией Наркомтруда И. Н. Шпильрейн в докладе «О психологическом анализе и классификации профессий» наметил принципы классификации профессий и специальностей с психотехнической точки зрения. По его мнению, слабая сторона психотехники – недостаточная обоснованность профессиональных психogramм (списков психических качеств, необходимых для успешной работы в той или иной профессии), на которых должна строиться рациональная психотехническая классификация профессий. Он выделил необходимость самонаблюдения во время выполнения изучаемой операции.

Доклад сотрудника психотехнической лаборатории ЦИТ А. А. Толчинского (1885–1941) «Год работы с аппаратурой Меде» был посвящен выводам, к которым пришла лаборатория в результате годичной работы с психотехническими аппаратами Меде. Спешно созданная (из-за срочной необходимости) методика экспериментального исследования Меде не дала возможности продумать, что именно из психических и физических качеств характерно для данной профессии и на что следует обращать особое внимание. В результате пострадали так необходимые в эксперименте свойства повторяемости и упражняемости, также выяснилось, что техническая сторона аппарата Меде имела существенные недостатки и нуждалась в большом переконструировании с соблюдением технических и психологических требований.

Два доклада (А. П. Нечаева «Опыт коллективного исследования летчиков» и В. А. Правдолюбова (1888–1932) «К вопросу об экспериментально-психологическом исследовании стенографов») были посвящены вопросу о коллективном испытании летчиков и стенографисток, причем оба выступавших не применяли аппаратов и ограничились изучением внимания и памяти испытуемых при помощи тестов на счет и с запоминание цифр. Было получено хорошее совпадение с «практическим» списком для слабых работников и удовлетворительное для средних.

Физиолог В. В. Ефимов прочел два доклада: «Вебер-фехнеровский закон при работе человеческих мышц», где подтвердил закон Вебера-Фехнера, и «Изучение усталости рабочих на заводах г. Москвы». В результате исследований выяснилось, что до 11 ч. утра человек устает незначительно, затем усталость начинает возрастать; пульс непрерывно замедляется к обеденному перерыву, затем немного возрастает и вновь понижается до конца дня; что касается скорости реакции и внимания, то оптимальное время для работы — 11 ч. утра. Подобного рода исследования позволили научно обосновать нормы выработки и ввести в систему Тэйлора недостающие ей психофизиологические коррективы.

Участница съезда психолог, профессор П. О. Эфрусси (1876–1942) с сожалением отметила весьма редкие попытки участников выразить непосредственный практический интерес, как это сделали А. П. Нечаев и В. В. Ефимов (Эфрусси, 1923, с. 8).

Доктор И. Е. Ишлондский в докладе «Физиологические методы изучения трудовых процессов и их критическая оценка» высказался о том, что ни один из методов чистой физиологии не может дать

полного представления об изменении физиологических состояний человека во время работы, поэтому требуется синтетический метод, как, например, измерение легочного газообмена, темпа и силы ударов (при изучении рубки зубилом) и величины перерывов в работе. Кривую темпа и силы ударов, получаемую на кимографической ленте при помощи пневматической передачи, докладчик назвал «живой эргограммой» и счел ее близкой к единой кривой генерального синтетического метода. В прениях отметили новизну этого метода.

Изучению и экономии рабочих движений посвятили свои доклады Н. П. Тихонов (1882—1942) «Научная съемка в применении к изучению труда», Н. А. Бернштейн (1896—1966) «Математическая обработка циклограмм» и А. П. Бружес (1887—1970) «Миографический и барографический метод изучения нажимных и ударных операций» (все трое — сотрудники ЦИТ). Первый докладчик подробно изложил методику циклографической съемки, разработанную им совместно К. Х. Кекчеевым с добавлением новых усовершенствований. Н. А. Бернштейн аналитически и графически выразил экспериментально установленные фрагменты ударных операций, подчеркнув, что при всем разнообразии профессиональных типов и индивидуальных вариаций они подчиняются общим закономерностям. Заведующий биомеханической лабораторией ЦИТ А. П. Бружес описал миографический метод изучения движений, позволяющий, не стесняя движений работающего, улавливать влияния всех переменных факторов и индивидуальные различия.

Как писал участник съезда под именем К. К. (предположительно К. Н. Корнилов), «работа секции подвела итог сделанному в Совроссии в области психофизиологии труда и наметила пути, по которым русская наука пойдет в ближайшие годы» (К. К., 1923, с. 85).

П. О. Эфрусси в своем взгляде на состояние психотехники как в России, так и в Европе в качестве основной выделила «проблему повышения производительности труда в различных областях практической деятельности, установления оптимальных... условий труда в различных профессиях» (Эфрусси, 1923, с. 8), для ее решения нужно изучать процессы труда «при разных внешних и психофизических условиях, изучать психологию рабочего, влияния волевого фактора, интереса и т. п. психологических моментов на общий ход и результат работы» (там же). Она считала очевидным отставание российских психотехников, поэтому для них на первом плане вопросы методологического характера, разработка профессиональных психограмм

и профилей, установление факторов внешней среды, стимулирующих или, напротив, задерживающих влияние на результаты работы и т. д. Больше всего психотехникой занимались в Центральном институте труда, на исследования в других учреждениях не хватало средств.

В резолюции, принятой секцией, отмечалось, что «изучение труда с психологической и физиологической сторон является насущной необходимостью для республики в настоящее время, т. к. без систематического изучения труда невозможно добиться длительного повышения производительности труда и его охраны. Сложная и многогранная проблема труда должна изучаться не только в специальных учреждениях, разрабатывающих вопросы психофизиологии труда, но и в учреждениях, лишь частично соприкасающихся с проблемой труда: в школах, в педагогических институтах, в психологических и физиологических лабораториях и т. д.» (Всероссийский научный съезд по психоневрологии, 1923, с. 4). Секция признала также необходимым учредить в Москве психотехническое общество.

Второй всероссийский психоневрологический съезд

Через год прошел Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии, или Второй психоневрологический съезд (3–10 января 1924 г.) в Петрограде (г. Петроград был переименован в Ленинград после смерти В. И. Ленина 26 января 1924 г., т. е. после съезда), привлекший большое количество специалистов. Данные незначительно разнятся: рефлексолог А. Л. Шнирман (1899–1960) писал о присутствии около 1500 человек (из них более 900 человек действительных членов) (Шнирман, 1925, с. 354); Г. Даян — о 906 человек, из них 429 врачей (Даян, 1924а, с. 163); Н. А. Соколов (1892–?) уточнил, что по количеству на первом месте стоят врачи, на втором — педагоги, и на третьем — психологи и рефлексологи; 455 женщин и 451 мужчин. Докладов всего заслушано 326, общее число заседаний составляло 79 (Соколов, 1924, с. 55). Из Петрограда было 591 человек, из Москвы — 153, из провинциальных городов — 162 (Зейлигер, 1924). В рамках съезда прошло два пленарных заседания и 70 заседаний отдельных секций, где было заслушано 326 докладов, из которых 216 — доклады научных работников г. Петрограда, в том числе 95 докладов сотрудников Государственной психоневрологической академии (Шнирман, 1925, с. 354). Общее заседание проходило в актовом зале Петроградского университета, секционные заседа-

ния – в его аудиториях. Председателем организационного комитета был избран академик В. М. Бехтерев, заместителями – профессора А. В. Гервер, В. П. Осипов, И. В. Эвергетов. Все докладчики и гости могли присутствовать на десяти секциях: нормальной и патологической рефлексологии (заведующий – академик В. М. Бехтерев); рефлексологии труда и технической рефлексологии (психотехники) (В. П. Кошкодамов); криминальной рефлексологии (П. И. Люблинский); педологической и экспериментальной педагогики (И. В. Эвергетов); педологии (А. П. Болтунов); детской дефективности (А. С. Грибоедов); неврологии и невропатологии (М. П. Никитин); психиатрии (В. П. Осипов); гипноза, внушения и психотерапии (А. В. Гервер); терапия нервных и душевных болезней (С. А. Бруштейн).

Психотехника, только заявленная на I Всероссийском съезде по психоневрологии (10–15 января 1923 г.) как самостоятельная прикладная отрасль психологии, на II Всероссийском психоневрологическом съезде выглядела значительно весомее: на секции «Рефлексология труда и техническая рефлексология (психотехника)» прошло 8 заседаний с докладами, рассматривающими процесс труда с различных сторон:

4 января

- Г. И. Россолимо. Профессиональная ориентация и патология;
- П. О. Эфрусси. К методике психотехнических исследований;
- И. Н. Шпильрейн. Трудовой метод анализа профессий;
- С. Г. Геллерштейн. К вопросу о методах психотехнического анализа профессий.

5 января

- А. К. Борсук. Что такое труд?
- Г. А. Коган. Проблемы рабочего физического труда и эволюция научных дисциплин, обслуживающих изучение физического труда;
- М. Я. Брейтман. Эргонологическая статика и динамика человеческого организма в связи с физиологией труда;
- К. Х. Кекчеев. Изучение ходьбы методом циклограмм;
- А. Ф. Вербов. Анализ движений, как метод изучения личности в нормальном и патологическом состоянии.

6 января

- В. В. Ефимов. Новое в учении об утомлении;

- В. В. Ефимов. Изучение утомления в производственной обстановке;
- В. И. Рабинович. Механизм утомления с рефлексологической точки зрения;
- Е. И. Рузер. Изучение утомления у стенографисток;
- В. П. Кашкадамов. Физическая трудоспособность и методы ее определения;
- Г. П. Зеленый. О ритмике рабочих движений;
- А. А. Дернова-Ярмоленко. Методы исследования двигательных функций у детей;
- Н. А. Бернштейн. Применение математики к анализу и синтезу;
- Г. А. Коган. Методология изучения физического труда и живой механической работы человека по приемам технической механики.

7 января

- П. О. Эфрусси. Психотехника и педагогика;
- И. М. Присман. Исследование одаренности у поступающих в специальные учебные заведения;
- А. П. Серебренников. К вопросу о выборе профессии;
- В. И. Рабинович. Роль школы в профессиональной консультации;
- А. Л. Шнирман, Малаховская. Значение школьной анкеты для профессиональной ориентации.

8 января

- А. А. Толчинский. О применении психологического метода к исследованию внимания в процессе работы;
- К. Х. Кекчев. Изменение дыхания и кровообращения во время работы;
- А. Г. Иванов-Смоленский. О процессе упражнения с точки зрения физиологии больших полушарий;
- И. Н. Шпильрейн. Законы упражняемости и автоматизации;
- И. Н. Шпильрейн. Психологический анализ профессии телефонисток;
- В. И. Рабинович. К методике профессионального отбора в школах «фабзавуча» металлообрабатывающей промышленности;
- А. Ф. Вербов. Изучение движений в производстве ящиков;
- А. П. Бружес. Рационализация работы заступом.

9 января

- А. А. Страхович. Об изучении очередей на Петроградской Центральной бирже труда;
- Н. Леонов. Организация системы немых справок в учреждениях;
- А. А. Сухов. Современная постановка в СССР дела психофизического изучения военкурсантов и воентруда;
- И. Н. Шпильрейн. Изучение профессии вагоновожатых;
- И. Н. Шпильрейн. Исследование вагоновожатых в лаборатории промышленной психотехники НКТ (Всероссийский съезд по педагогике, экспериментальной педагогике..., 1924).

Обозначились «боевые вопросы» съезда: отношение между психологией и рефлексологией; зависимость между психикой и обществом; широкое использование гипноза (Соколов, 1924) и т. д.; они-то и вошли в обзор большинства рефератов докладов съезда и отчетов. Отзывов на доклады, прозвучавшие в секции психотехники, было в прессе немного, отмечалось, что психофизиологи труда и психотехники пытались обобщить «рациональное распределение по профессиям рабочей силы государства, а с точки зрения личной – полное удовлетворение запросов отдельного индивидуума» (Даян, 1924б, с. 234). Особое внимание вызывали проблемы изучения профессиональной ориентации, утомления и рабочих движений, которые возможно исследовать только при постоянном «идейном и материальном содействии искательской работы со стороны государства, профсоюзов и заинтересованных учреждений» и «строго объективном изучении личности трудящихся в связи с окружающей ее социальной средой, прошлым индивидуальным опытом и наследственными свойствами» (там же).

Особенное значение для Советской России имели вопросы профессиональной ориентации. Разработка вопросов профпригодности предполагалось сосредоточить в центральном Консультационном бюро; проблема утомления – центральную проблему физиологии труда – хотели разрабатывать как в лабораториях, где можно создать надежную методику измерения утомления, так и в производственной обстановке. Особенное значение для страны, где был распространен физический немеханизированный труд, имела проблема рабочих движений, ее следовало решать комплексно – анатомами, физиологами, рефлексологами. Съезд, «констатируя разбросанность исследовательской работы и ее крайне недостаточную обеспеченность, нашел, что даль-

нейшее плодотворное изучение проблемы труда может производиться только при постоянном и материальном содействии изыскательской работе со стороны государства, профсоюзов и заинтересованных учреждений» (Бронштейн, 1924, с. 147), считал необходимым «оказывать содействие строго объективному изучению личности трудящихся в связи с окружающей ее социальной средой, прошлым индивидуальным опытом и наследственными свойствами в связи с эндокринной деятельностью, а также поощрять практическое использование данных рефлексологического исследования для трудового воспитания и научной организации труда» (Серебренников, 1924, с. 118).

С целью объединения усилий врачей, педагогов, криминалистов и техников в деле решения вопросов общественной значимости было предложено образовать Всесоюзную психоневрологическую ассоциацию.

В своих резолюциях съезд наметил целый ряд практических мер по разрешению ряда злободневных вопросов: борьбы с алкоголизмом, наркоманией, преступностью, рационализации труда, выбора профессий и изучения утомляемости, изучения детской дефективности — и др. Один из врачей — участников съезда писал: «нужно надеяться, что тот неослабевающий подъем и энтузиазм, с которым проходила вся работа съезда, послужит лучшим залогом успешного проведения в жизнь основных идей его, не только в крупных центрах, но и на всем протяжении нашего отечества» (Шевалев, 1924, с. 127). Следующий съезд предполагали созвать в Харькове в будущем 1925 г.

Вторая Всесоюзная конференция по научной организации труда

Сроки Второй Всесоюзной конференции по НОТ переносились не однажды. Секретариат учреждений, изучающих труд (СУИТ), и Комиссия созыва конференции по НОТ постепенно переносила срок с апреля 1923 г. на январь 1924 г. (Гефтер, 1923). Конференция проходила с 10 по 16 марта 1924 г. в Москве. Проблемы такой задержки носили организационный характер: то намеченное время пересекалось с сельскохозяйственной выставкой, то нужно было не пересечься со съездом Лиги «Время», то менялся состав Комиссии созыва конференции по НОТ... В итоге решили рассчитывать на 500 делегатов и запланировали секции: производственную, транспортную, физиологии труда, управления, организационных вопросов, секцию по подготовке рабочей силы.

В самом начале конференции стала понятна разница между предыдущей конференцией по НОТ (20–27 января 1921 г.), и второй. Первая конференция в основном имела характер демонстративный, декларирующий необходимость научной организации труда. Спустя два года заработали институты и организации по НОТ, пробудилась в массах трудового населения «организационная совесть», чувство коллективной ответственности, заинтересованности в рационализации производства и управленческого аппарата. Интерес широких масс, специалистов, институтов и учреждений в создании производственного и управленческого аппарата привлек к участию на конференции производственников, учащихся, официальных представителей профсоюзов, множество рабочих, нотовские кружки. На II Всесоюзной конференции по НОТ, «прошедшей под знаком делового и практического подхода к проблемам организации труда» (С. Г., 1924, с. 115), разгорелась борьба между группой «платформа 17-и» (членом ее был И. Н. Шпильрейн) и группой «платформа 4-х», возглавляемая Центральным институтом труда в лице А. К. Гастева. Конференция еще не признала рационализацию важнейшим методом социалистического строительства, не учла классового подхода к ней, но все же выразила основную мысль — основной, ударной задачей на ближайший период является усиление машинной техники, усиление индустриализации страны (там же). Участники подвели итоги проделанной работе, произвели оценку методов НОТ в применении к производству, управлению и другим областям хозяйственной жизни, наметили пути изучения живого фактора труда — человека. В конференции принимало участие около 400 делегатов, большинство из которых были из Москвы и Ленинграда, остальные из Украины, Татарской республики, Крымской республики, Сибири, Урала, Дальневосточной области, Туркестана, Кавказа, городов Советской России. «Как ни незначителен количественно и качественно этот опыт, он оказался вполне достаточным, чтобы стимулировать правильную постановку ряда важнейших проблем организации труда и наметить пути к их решению» (там же, с. 116).

И. Н. Шпильрейн в докладе наметил возможности использования НОТ и прикладной психологии в народном хозяйстве страны; «сфера деятельности прикладных психологов рассматривалась им в общегосударственном масштабе, а не только применительно к задачам отдельных предприятий (как это было свойственно большинству исследований в области зарубежной индустриальной психотехники

и тейлоризма)» (Кольцова и др., 1990, с. 114), чем определил многообразие объектов приложения психотехники – все сферы народного хозяйства страны. Основными направлениями психотехнической работы он считал: изучение профессий, профподбор и профконсультация, рационализация условий труда и подготовки к профессиональному труду и повышение эффективности пропаганды (психологии воздействия), что, на первый взгляд, выходило за пределы психологии труда.

Тезисы по применению прикладной психологии в НОТ выглядели так: «1. Прикладная психология (психотехника) вклинивается в четыре области работы по НОТ: изучение труда; профориентация; рационализация труда; ответственная работа. 2. Ударность той или другой работы зависит от общехозяйственного положения. По мере усиления плановости в хозяйстве растет значение профориентации. 3. Задача РКИ и Совнота централизовать каждую из намеченных линий работы с целью учета опыта в обеспечении планового и научно-прикладного характера работы» (Шпильрейн, 1924б, с. 53).

Все вопросы, связанные с психофизиологией труда, были проработаны на заседаниях специальной секции психофизиологии труда и разделились на направления: профессиональный подбор, изучение движений, изучение утомления.

По проблеме профподбора выступали, кроме И. Н. Шпильрейна, М. А. Юровская (1895–1987), представлявшая Казанский институт НОТ, с докладом «Психотехника, ее значение в современных условиях СССР и ее ближайшие задачи» и директор Всеукраинского института труда (ВСУИТ) из Харькова Ф. Р. Дунаевский (1887–1960), рассказавший о проблеме и методологии профподбора. Близкие по поставленным вопросам, эти два доклада воплотили два различных подхода – практический и теоретический. В результате была достигнута примиряющая линия, по которой одинаково важными признавались оба подхода. В ряде докладов были затронуты отдельные, наиболее важные проблемы, связанные с профподбором: проблема упражняемости, проблема профессиографической методологии и проблема методики испытаний.

На остальных секциях – рационализация производства, организация управления и административной техники, методика НОТ в учреждениях, педагогика и методология, НОТ на транспорте, НОТ в военном деле, НОТ и педагогика, НОТ в высшей школе – протекала содержательная и интересная работа. «Программные выступления, часто теоретически достаточно запутанные и неясные... сменились докладами о проделанной... работе. Обмен достижениями и опытом

столичных и провинциальных институтов позволил выявить практику НОТ в масштабе СССР» (С. Г., 1924, с. 117).

По результатам работы конференции были изданы сборники тезисов докладов с большим количеством авторов. Так, в секции психофизиологии труда были опубликованы тезисы Н. А. Бернштейна, А. П. Бружеса, А. Ф. Вербова (1891–1977), С. Г. Геллерштейна (1896–1967), И. М. Гуревича, А. В. Дубровского, Ф. Р. Дунаевского, В. В. Ефимова, В. Е. Игнатьева (1860–1927), К. Х. Кекчеева, Н. И. Озерецкого (1892–1955), В. И. Рабиновича, Е. И. Рузера (1886 – ?), С. Г. Рысса (1902–1937), Б. И. Северного, А. А. Толчинского, И. Н. Шпильрейна, В. М. Экземплярского (1889–1957). Однако нотовец и участник конференции С. Гинц оценил работу психофизиологической секции как скромную: «Количество докладов заслушанных было меньше намеченного. Порядок работ был нарушен. Некоторые доклады не состоялись именно по последней причине. Часть докладчиков „болела“ в Москве. Некоторые не приехали: Казани и Ленинграду <...> не дано было средств на проезд. Их неприезд сделал работу секции одноцветной: только психологической» (Гинц, 1924, с. 23). Автор с сожалением заметил, что психофизиологическая секция конференции уступила секции психотехники и рефлексологии труда на 2-м психоневрологическом съезде (он прошел 3–10 января 1924 г.): рефлексологи, ученики Павлова, пытались приложить общие методы рефлексологии к проблемам труда, упражняемости и ритма работы; часть докладов были представлены повторно (впервые их зачитали на 2-м психоневрологическом съезде), некоторые доклады, в том числе пленарные, были ранее опубликованы в журналах и сборниках, т. е. ничего существенно нового на секции не было представлено. В резолюции съезда, в части, касающейся проблемы утомления, зафиксировали: «В распоряжении физиологии труда еще не имеется ни общепризнанной теории утомления, ни надежной объективной и пригодной для практики методики его измерения» (там же). Таким образом, разработка и применение методики измерения утомления стала очередной практической задачей.

Для следующей важной задачи – научно-обоснованного подбора работников – необходимо предварительно проделать большую работу по профессиографированию: изучить и описать профессии, классифицировать их, подобрать соответствующие методы испытаний пригодности. Для ее разрешения С. Гинц вслед за И. Н. Шпильрейном поддержал «трудовой метод» наблюдения за профессиональной деятельностью работника, когда психолог овладевал профессией и, осно-

выявляясь на самонаблюдении, описывал необходимые и желательные психологические качества, требуемые для осуществления профессии. Таким образом уже описали так называемые «средние профессии»: телефонистов, вагоновожатых, наборщиков и т. д. Несмотря на близость трудового метода к методу самонаблюдения, используемому в субъективной психологии, это был шаг вперед по сравнению с применяемыми методами анкетного и простого наблюдения.

Задача выработки тестов — «упрощенных безаппаратурных психологических испытаний, долженствующих выявить степень развития исследуемого качества у испытуемого» (там же, с. 24) — следует из предыдущей; об этом доложили представители Харьковского института труда, отметившие основную трудность — поверку тестов. Они подчеркнули существенную проблему: результаты испытания любым тестом дают различные показания в одаренности испытуемых, а также — в предшествующей упражняемости исследуемого свойства.

И сразу наметилась новая задача — изучение упражняемости по группам людей, по отдельным их свойствам, а также в зависимости от приемов упражнения. Если бы любое свойство человека можно было безгранично развивать и найти рациональные способы тренировки воспитания, тогда бы просто подбирали человеческий материал схожих ступеней развития, равноупражненность его, игнорируя различия его природной одаренности. Проблему назвали и обозначили, и пока решать ее рекомендовали тестами для профотбора, но, пользуясь осторожно и координируя свою работу с профгигиенистом, педагогом и физиологом, — об этом говорилось в докладах представителей Казанского института труда. Основным предназначением методов исследования кандидата на профессию признали профилактическое (там же).

На секции также было предложено в дальнейшем заменить психофизиологическую, психотехническую лаборатории амбулаторией, чтобы буквально «на ходу, экономя время, исчерпывающе выявить психофизиологические данные рабочей машины» (там же, с. 25). Антропометрия была признана обычной клинической методикой для измерения до и после работы физиологических состояний, исследование методом тестов интеллектуальной и моторной одаренности.

I Международный съезд по научной организации труда

Безусловно, победой советских «нотовцев» (работников НОТ) было их участие в работе I Международного Съезда по НОТ в Праге 19–30

июля 1924 г., где они впервые встретились и обменялись своим организационным и научным опытом с нотовцами различных стран. Чехословакия как страна — хозяйка съезда была представлена Академией труда, образованной первым президентом Чехословакии Т. Г. Масариком (1850—1937), представителями различных министерств, промышленных, торговых и земледельческих объединений и вузов. Равной им по количеству была американская делегация, также присутствовали представители Польши, Румынии и, как писал И. Н. Шпильрейн, русские эмигранты. «Англия, Франция и Германия почти не были представлены» (И. Ш., 1924, с. 3). По мнению Шпильрейна, съезд был создан для привлечения в страну американского промышленного капитала в пику французскому, «парализующему предприимчивость чешских промышленников»; к тому же для американцев это был путь экономического проникновения в Европу (там же).

В советскую делегацию вошли: в прошлом активная революционерка, руководитель Научно-экспериментального института техники управления, член Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Е. Ф. Розмирович-Трояновская (1886—1953) с докладом (Розмирович, 1924), активный участник нотовского движения, инженер Ф. Ноа (1924), руководитель психотехнической лаборатории при НКТ И. Н. Шпильрейн, заведующий научным отделом НКПС М. И. Васильев с докладом о применении научной организации на железных дорогах и водных путях. И. Н. Шпильрейн рассказал о деятельности лаборатории промышленной психотехники НКТ, доложил о трудовом методе профессиографии и принципах исследования упражняемости, именно это направление в то время занимало сотрудников лаборатории. На примерах из области различных профсоюзов он продемонстрировал прикладную работу лаборатории (И. Ш., 1924, с. 5).

I Всесоюзная конференция по психофизиологии труда и профессиональному подбору

Следующее научное мероприятие прошло через три года, это была I Всесоюзная конференция по психофизиологии труда и профессиональному подбору, прошедшая 29 мая—3 июня 1927 г. в Москве.

В состав оргбюро конференции вошли все известные и крупнейшие психотехники того времени: председатель — И. Н. Шпильрейн (Институт охраны труда Наркомата труда СССР), С. Г. Геллерштейн (Психологический институт 1-го МГУ), К. Х. Кекчеев (Наркомат про-

свещения), А. Ф. Кларк (Институт по изучению мозга, Ленинград), О. Л. Кузнецов (Наркомат труда СССР), Г. С. Матульский (Наркомат здравоохранения РСФСР), Г. И. Россолимо (Клиника нервных болезней 1-го МГУ), К. И. Сотонин (Казанский институт НОТ), Ф. Р. Дунаевский, М. Ю. Сыркин (Всеукраинский институт труда), Ю. П. Фролов (Военно-санитарное управление). На пленарных заседаниях выступавшие делились мыслями об организации психотехнической работы, о нынешнем положении психотехнической науки и практики, о работе военно-санитарного управления по психофизиологии и психотехнике военного труда.

Работа конференции была представлена секциями: методологии тестовых испытаний одаренности (председатель – И. А. Залкинд, 1891–1939), профессиографии (председатель – В. И. Рабинович), профподбора (председатель – И. Н. Шпильрейн), физиологии труда (председатель – К. М. Быков, 1886–1959), секции по вопросам утомления, упражнения и рационализации труда (председатель – И. В. Карпов, 1891–1965), которые проходили в Психологическом институте (Первая Всесоюзная конференция..., 1927). Как писал Н. Н. Шпильрейн в отчетной статье, «доклады были даны не только учреждениями, работающими в крупных центрах, как Москва, Ленинград, Харьков, Киев, Ростов, но и из самых, казалось бы, отдаленных и заброшенных городов нашего Союза: Ташкента, Иркутска, Омска. Большинство участников конференции были врачи; наряду с ними было большое число психологов и педагогов» (Шпильрейн, 1927, с. 113).

В пленарном докладе «Основные задачи и современное положение психотехники», прочитанном утром 29 мая, И. Н. Шпильрейн отметил, что более 100 тысяч человек прошли через психотехнические испытания за прошедший год: «Спрос на работников в области психотехники чрезвычайно повысился за последнее время. Нет ничего удивительного в том, что вопросы прикладной психофизиологии начинают интересовать те круги научных специалистов, которые по роду своей подготовки наиболее близки к нашей работе: педагоги, психологи, врачи и физиологи с разных сторон подходят к разрешению стоящих перед ними проблем» (Психофизиология труда и психотехника..., 1929, с. 10). При этом одной из важнейших проблем, подлежащих скорейшему разрешению, оставалась кадровая: «Психотехникой занимаются и педагог, и врач, и психолог. Пора подумать о создании при наших высших учебных заведениях специальных кафедр или отделений, которые готовили бы работников профессиональной психофизиологии

или профподбора. Это необходимо... и потому, что пора определить, какие именно науки и в каком объеме должны входить в подготовку психотехников» (там же, с. 11). Как о большом достижении он говорил о приглашении советских психотехников на IV Международную конференцию по психотехнике в Париж осенью этого же года и о готовности советских ученых соответствовать такому мероприятию: они «явятся туда не как ученики, а как представители страны, где психотехническая работа не отстает от международного уровня» (там же).

На этой конференции остро встал один вопрос организационного оформления советской психотехники – необходимость создания психотехнического общества, а также некоего постоянного функционирующего органа – Ученого Секретариата (позже его назвали Правлением) Всероссийского общества психотехники и прикладной психофизиологии (ВОПиПП), который бы занимался книгоизданием, организацией журнала, общим руководством. Заявление на создание Всероссийского общества было подано в НКВД и уже восемь месяцев рассматривалось; за время ожидания стало очевидным, что психотехнических сил в СССР очень мало, нет возможности распылять их по республикам, и Шпильрейн предложил трансформировать общество во Всесоюзное.

На заседании секции «Методологии тестовых испытаний одаренности», проходившем 30 мая, И. Н. Шпильрейн назвал основной теоретической проблемой психотехники «установление различий между отдельными людьми или группами людей» (Шпильрейн, 1929, с. 62) при определении интеллектуальной успешности или эстетических суждений с помощью тестов. Причину кризиса в современной психологии он видел в «недостаточности старых психологических понятий» (там же), проявившейся с развитием именно психотехники. Шпильрейн назвал семь проблем, определяющих поиски теоретической психотехнической мысли за последние годы:

1. Незаработанность общей методологии: какими должны быть методы современной психотехники.
2. Устаревшая терминология психотехники, временно заменяемая описанием особенностей трудового поведения.
3. Необходимость выделения профессиографии в специальную методологическую и практическую проблему, так как профессия требует изучения с разных сторон и для разных целей: для профподбора, изучения производственного утомления, рационализации.

4. Терминологические трудности тестологии, слабая разработанность новых областей исследования.
5. Взаимоотношения между общей и специфической одаренностью.
6. Взаимоотношения между статическими и динамическими свойствами личности.
7. Незаработанность количественных определений патологических явлений в профилактике производственного утомления, аварийности и их слабая объективная диагностика.

Кроме этого, И. Н. Шпильрейн выделил еще одну большую неизученную область приложения психотехники – «вопросы воздейственно-го эффекта», которые у основателя психотехники Г. Мюнстерберга (1863–1916) рассматривались под углом зрения торговой рекламы, хотя ее возможности гораздо шире: именно сейчас нужно «повлиять на индивидуум или на коллектив, добиться наиболее скорого и точного усвоения индивидуумом или коллективом знаний или навыков. Наибольший педагогический эффект будет иметь воздействие, основанное на знании природы процессов познания и усвоения навыков» (там же, с. 67).

В *методологической секции* особое внимание вызвали доклады о методах проверки пригодности тестов, что неслучайно – «на этой конференции впервые собрались провинциальные и столичные работники по прикладной психофизиологии» (Коган, 1928, с. 65). Психологи, психотехники и педологи уже занимались составлением тестов, и, учитывая их интерес к этой деятельности и желая предотвратить ошибки в их использовании, психологи-тестологи во главе с П. П. Блонским (1884–1941) приняли решение о создании Московского тестологического объединения при Институте методов школьной работы, первое заседание которого состоялось сразу после конференции – 16 мая (Методология советской психологии..., 2022, с. 93).

На конференции была выделена самостоятельная секция для обсуждения тестологических проблем и вопросов. Представители Всеукраинского института труда выступили с большой и тщательно проведенной работой, посвященной методам математической проверки; в прениях оспаривалась математическая показательность репрезентативности, константности, стабильности и пригодности. В. М. Коган (1903–1985) из Института охраны труда подчеркнул однобокость только математического анализа тестов и настаивал на необходимости пользоваться при этом анализе также специфически психологическими методами. Он также заметил, что «практический материал приме-

нения тестов, представленный в многочисленных докладах главным образом провинциальных работников, как будто внушал вполне оптимистические настроения своими высокими корреляциями, практическими достижениями и оправданностью тестов на практике» (Коган, 1928, с. 66), но эти оптимистические тенденции, основанные исключительно на непосредственной практике, столкнулись с невозможностью только практического применения тестов без теоретических исследований. Среди теоретических вопросов центральным был вопрос о тесте как методе профотбора; согласия достигнуто не было, и делегаты от Всеукраинского института труда предложили применять тесты только для отбора одаренных.

В результате прений была принята резолюция, отмечающая важность как психологического, так и математического анализа результатов тестов и, в частности, настаивающая на необходимости найти показатели пригодных тестов.

На секции профессиографии среди работ по составлению профессиограмм отдельных специальностей И. Н. Шпильрейн выделил исследование профессии пожарного, проведенное лабораторией Института охраны труда под руководством Д. И. Рейтынбарга (1899–1977), представляющее последнюю ступень в развитии трудового метода. Методологии профессиографии был посвящен доклад А. А. Гайворовского (1899–1963) из Минска, предложившего метод естественного профэксперимента. В резолюции секции отметили важность использования всех методов, дающих знания о профессии, причем выделили трудовой метод, который, по мнению конференции, мог применяться везде, где это разрешат условия профессиональной работы.

На секции по профподбору наряду с методологией работы посвятили много времени обсуждению условий научности психотехнических исследований. Конференция подчеркнула крайнюю необходимость тщательного профессиографического обоснования методики и объединения прикладной работы по психотехнике с научно-исследовательской. Специальное заседание секции профподбора было посвящено вопросам психотехники на транспорте, о чем говорили докладчики московской, ростовской, тифлисской и харьковской лабораторий. Наибольший интерес различных лабораторий, работающих на транспорте, вызвала профессия паровозных машинистов и фабрично-заводских учеников транспорта; выявилось стремление транспортных лабораторий к объединению их работы в одном центре.

С. Г. Геллерштейн сделал два доклада — об упражнении и утомлении в секции «утомления, упражнения и рационализации труда». Специальные темы в этой секции были также представлены преимущественно работниками Института охраны труда: об изучении утомления ткачих при переходе с двух на три станка; об изучении утомляемости вагоновожатых московского трамвая в зависимости от смен работы.

В *физиологической секции* представили преимущественно работы военных лабораторий.

Был решен еще один важный организационный вопрос: мировое психотехническое сообщество анонсировало IV Международный съезд психотехников в октябре 1927 г. Париже; советские психотехники решили участвовать в нем и утвердили профессоров Г. И. Россолимо и И. Н. Шпильрейна ответственными за связь с международной ассоциацией по психологии и психотехнике, а в дальнейшем, если участие будет одобрено, то ответственными за формирования делегации.

III Международный конгресс по научной организации труда

В Риме с 5 по 8 сентября 1927 г. прошел III Международный конгресс по научной организации труда. Среди секций — индустрии, агрикультуры, публичных учреждений, домашнего хозяйства — не было секции по психофизиологии труда и психотехники, но эти вопросы обсуждались во всех секциях, в основном в секции индустрии. Как писал И. М. Бурдянский (1895—1938), заявлено было 176 докладов, отпечатана «сотня», из них психотехнических — около 20, причем, почти все они были «случайными сообщениями на случайные темы, не дающими картины состояния психотехники в международном масштабе» (Бурдянский, 1928, с. 75). Выступления от советской делегации были представлены двумя докладами: О. А. Ерманского (1867—1941) — о границах научного применения хронометража как «методе измерения того, что есть, параллельно с вопросом о норме, как о том, что должно быть» (там же, с. 79), и В. Я. Подгаецкого (1889—1937) — «о физиологической рационализации женского труда на свеклосахарных плантациях (из серии его работ по рационализации сельско-хозяйственного труда)» (там же). Вывод И. М. Бурдянского весьма оптимистичен: «Несмотря на их (докладов. — Н. С.) случайность, несистематичность, а подчас и слабость, все же психотехника развилась за последние годы, заняв солидное место наряду с другими дисциплинами в общем учении о рационализации труда» (там же, с. 80).

IV Международный съезд психотехников

На IV Международный съезд психотехников (10–14 октября 1927 г., Париж) в числе делегатов от разных стран была делегация и от СССР – 10 человек. Вопросами, подлежащими обсуждению на съезде, были: принципы построения метода, психотехнический словарь, математические методы; тесты: обучаемость и постоянство, составление шкалы достижений; профотбор; изучение человеческого труда; проблема рационализации; профотбор на транспорте; профориентация; психотехника и ученичество; психотехника и школа; психотехника и умственная гигиена; организация психотехники. Выступили с докладами: А. М. Мандрыка (1894–1942/1943). «О математической обработке психотехнического материала», И. Н. Шпильрейн. «О современном состоянии профессиографии», С. Г. Геллерштейн. «Упражнение и прогноз в психотехнике», Н. Д. Левитов (1890–1972). «О профотборе», М. Ю. Сыркин (1900–1942). «О математических критериях оценки тестов». «Из работ Съезда и обмена мнений выяснилось, что постановка работ и достижения советской психотехники вполне могут быть поставлены на один уровень с западноевропейскими достижениями, а в вопросах профессиографирования – и выше» (Макаров, 1928, с. 197). Психотехники наметили проблемы, которые ждали разрешения в ближайший период времени: психологическое изучение причин несчастных случаев; психологический анализ факторов, влияющих на производительность труда; проблема обучаемости (упражнения); проблема изучения характера и создания соответствующих тестов; математические и статистические основы психотехнической работы.

Выступлений было множество, материалы конференции опубликованы (*Compte Rendus...*, 1929). И. Н. Шпильрейн писал: «Обилие тем съезда не позволяет дать сколько-нибудь полного обзора всех сообщенных на нем научных достижений. Следует отметить, что на этом съезде были впервые представлены многие страны, как Польша, Литва, Латвия и СССР. Мы имели возможность ознакомиться с важнейшими учреждениями, работающими по психотехнике и профессиональному подбору в Париже и в Бордо. Надо сказать, что как в отношении числа этих учреждений и их материального оборудования, так и абсолютно количества подготовленных работников СССР в настоящее время уступает Германии, но не другим странам» (Шпильрейн, 1928, с. 74).

Следующий международный психотехнический съезд назначили на 10–17 сентября 1928 г. в Утрехте (Голландия). В состав международного Бюро психотехнических съездов вошли: Jean-Maurice La-

hy (1872–1943), Édouard Toulouse (1865–1947), Franziska Baumgarten Tramèr (1883–1970), Giulio Cesare Ferrari (1867–1932), Walter V. Bingham (1880–1952), Winifred Jessie Gertrude Spielman (1898–1978), Bronisław Biegeleisen-Żelazowski (1881–1963), Jan Wojciechowski (1871–1938), Otto Lipmann (1880–1933), Walther Moede (1888–1958), Emilio Mira y López (1896–1964), Abraham Anton Grünbaum (1885–1932), Г. И. Россолимо (1860–1928), И. Н. Шпильрейн.

Первый Всероссийский педологический съезд

Первый Всероссийский педологический съезд, проходивший 27 декабря 1927 г.—3 января 1928 г. в Москве, стал рубежным для дальнейшего развития науки о детях в СССР, повысив и закрепив статус педологии как официальной науки советского государства. Об этом свидетельствовало присутствие на съезде с выступлениями Н. И. Бухарина (1888–1938), А. В. Луначарского (1875–1933), Н. А. Семашко (1974–1949), Н. К. Крупской (1869–1939). Центральным на съезде был доклад А. Б. Залкинда, сообщившего о достижениях советской педологии. Среди множества вопросов он предложил включить в педологию изучение профессиональной пригодности подростка, одаренности и утомляемости, т. е. психотехники подросткового возраста. Это было важно, потому что именно детский труд был основой советской педологической системы, исходящей из основ марксизма. Учитывая, что «труд... является создателем всех общественных ценностей... главным содержанием и основой всякой творческой активности... радостный, освобожденный труд для рабочего класса, для человечества», он «должен изучаться в связи со всем душевным содержанием трудящейся личности, на основе социально-цельной трудовой устремленности работающего» (Залкинд, 1929, с. 23). При анализе трудового процесса была важна социально-трудовая доминанта, поэтому педологи изучали переходный возраст учащихся школ ФЗУ, биомеханику труда у младших школьников, общественно-полезный труд в школе, проводили биомеханические эксперименты над детским трудом, много сделали «по обоснованию труда в детском саду, где детский труд в разных формах является фактически половиной всей воспитательной работы» (там же, с. 35). Перспективными исследованиями в области психотехники назвали вопросы о дозировке труда в различных возрастах, индивидуального утомления, методов умственной работы школьника, профориентации школьника.

Тема трудового воспитания в школе как основного условия развития всех видов активности учащихся и главный стимул для общего развития прозвучала на заседании пленума по педологии труда в докладах В. М. Бехтерева и Л. Л. Васильева (1891–1966) «Основные положения рефлексологии труда в связи с педологией», В. В. Белоусова «Проблемы педологии детского труда», И. Г. Розанова (1890–1975) «Очередные вопросы педологии труда, выдвигаемые практикой социального воспитания», Д. И. Петрова «О вопросах изучения энергетики, динамики и значения ручного труда у ребенка», Л. И. Рождественского «Типы детского труда в школе», Поповича «Рационализация детского физического труда в школе с точки зрения гигиены», А. К. Борсука (1882–?) «Профорентация и трудпригодность современных школьников», Н. Д. Левитова «Профессиональная консультация подростков», А. Н. Граборова (1885–1949) «Ручной труд во вспомогательной школе».

Л. Л. Васильев в докладе (совместно с В. М. Бехтеревым) «Основные положения рефлексологии труда в применении к школе» дал теоретические предпосылки физиологии труда. Исходным пунктом послужило положение о сложности процесса взаимодействия между человеком, социальной и космической средой, разложимым на момент приспособления человека к среде и среды к человеку. «Высшей формой приспособления человека к среде является познание, а приспособление среды к человеку — труд, причем трудовая деятельность по существу есть деятельность рефлекторная, состоящая из наступательных сочетательных рефлексов, направленных на овладение средой, и подчиняющаяся законам условных сочетательных рефлексов» (Кириенко, 1928, с. 25) — писал один из участников съезда о докладе Бехтерева и Васильева. Авторы сделали важный практический вывод для педологии: воспитание трудовых навыков подчиняется общим законам условных сочетательных рефлексов, но сведение трудовых актов к сочетательным рефлексам недостаточно, так как механизм сочетательных рефлексов — частный случай образования доминанты (целеустремленности). Трудовые акты могут подкрепляться возбуждением со стороны и явлением затормаживания; повышение и понижение трудовых актов сводятся к подкреплению и угасанию этой трудовой доминанты. Поэтому доминантный принцип — принцип целеустремленности — должен быть в центре внимания трудовой школы.

И. Г. Розанов (1890–1975) назвал основные области, где работают дети: 1) бытовой, домашний труд, дающий большую физическую нагрузку для детей и тормозящий развитие детского организма; 2) труд

производственный, с нерациональной тратой сил; им заняты до 90% детей с 15-летнего возраста; 3) свободная техническая деятельность детей, часто затухающая из-за неиспользования средой; 4) общественно-полезный труд детей в школе. Педология должна обратить внимание на: 1) биофизические основы детского труда, 2) биомеханику и энергетику детского труда, 3) его психотехнику, 4) технико-инженерный анализ труда, 5) формирование трудовой установки детей и формы организации детского труда, 6) изучение проблемы общественно-полезного детского труда, 7) вопрос о режиме труда и отдыха, 8) правильную классификацию типов труда. Все эти вопросы должны быть в ведении специального органа по труду, к организации которого следует приступить на съезде.

Л. И. Рождественский в выступлении «Типы детского труда в школе» провел трудоведческий анализ школьной работы. Взяв за исходную точку целевую установку работы, он описал основные типы: обработка материала, сбор материала, художественная деятельность, развитие технических навыков, общественно-организационная деятельность. В советской школе трудовая деятельность учеников направлена главным образом на обработку, тем больше, чем старше учащиеся; тип работы по развитию технических навыков убывает с повышением возрастной группы (Рыбников, 1928, с. 47).

Д. И. Петров подчеркнул отличие детского труда от взрослого: «Если от взрослого мы требуем возможно большей автоматизации движений, то в детском труде мы стремимся к возможно большему объединению двигательной части с другими и в особенности с умственной частью. Самый анализ детского труда должен идти по линии изучения энергетики процесса, динамики и статики» (там же, с. 48). Он познакомил с основными выводами по изучению энергетики и динамики труда при работе по дереву.

Л. С. Выготский (1896–1934) отметил важность такого частного вопроса, связанного с проблемой переходного возраста и послужившего предметом обсуждения на съезде, как вопрос о профконсультации: «Работа по установлению профпригодности подростков должна ставиться на серьезной педологической базе с учетом биологических особенностей, влияния социально-бытовых условий при длительном объективном наблюдении и повторных психотехнических испытаниях. Эта работа должна вестись согласованно органами Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомтруда и ВСНХ» (Выготский, 1928, с. 66). В резолюции секции отмечалась важность постановки проблем

профконсультации и профориентации и их связи с задачей индустриализации СССР.

По итогам съезда А. Б. Залкинд заметил, что Наркомат труда, являясь инициатором докладов по использованию психотехники в педологии, тяготеет к проблеме взрослого труда, внося в детскую область материалы лишь от своего избытка, в то время как психотехнический фонд СССР действительно надо органически связать с педологией (педопсихотехника), но без психологизма, присущего психотехнике. В СССР также нужна детская психофизиология (Залкинд, 1929а, с. 67).

Вопросы воздействия труда на личность ребенка были вновь поставлены в докладе Л. С. Выготского в ноябре 1930 г. в Коммунистической академии. Его доклад «Педология и психотехника» был посвящен психотехнике детского и юношеского возраста: теперь она должна «перестроить всю систему понятий психотехники взрослых в аспекте развития, воспитуемости и воздействия на процесс образования тех форм поведения, изучением которых психотехника занята» (Выготский, 2010, с. 112), она может и должна развиваться как одна из педологических дисциплин. Психотехнике следует пересмотреть психотехнические понятия, отражающие психические явления у взрослых людей, под углом педагогики. Тем самым Л. С. Выготский наметил зарождение в СССР новой отрасли психотехники — педологической психотехники, или педагогической психотехники, «в смысле указания на ту практическую область, на ту практическую деятельность, которой непосредственно должно служить психотехническое исследование этого рода» (там же, с. 113). Педология только выиграет от этого взаимодействия: строя целостную картину детского развития, она приобретает в общей психотехнике и в педологической психотехнике значение одной из основных руководящих дисциплин и в области своих современных исследований, так как «педолог не может подойти к явлениям и фактам, не квалифицировав их как психотехническое явление... там, где педология касается всех проблем воздействия с педологической точки зрения (вопросы профессионального развития, трудовой подготовки), педология приобретает в общей психотехнике и педологическую психотехнику» (там же).

V Международная конференция по психотехнике

С 10 по 14 сентября 1928 г. в голландском городе Утрехт (или, как тогда писали, Ютрехт) проходила V Международная конференция

по психотехнике. Ожидался приезда большой советской делегации: С. Г. Геллерштейн, А. Ф. Кларк (1890–1941), А. И. Колодная (1895–1976), Н. Д. Левитов, А. М. Мандрыка, П. М. Рубинштейн, П. А. Рудик (1893–1983), Г. Я. Смышляев (1905–1937), М. Ю. Сыркин, Ю. П. Фролов (1892–1967), З. И. Чучмарев (1888–1961), И. Н. Шпильрейн, М. А. Юровская (V Международная психотехническая..., 1928, с. 93). Планировалось обсуждение следующих вопросов: темперамент и характер; упражняемость; несчастные случаи (там же, с. 87). Как сообщил в обширном отчете С. Г. Геллерштейн, советские психотехники активно участвовали в работе конференции: А. И. Колодная выступала в прениях в секции «Психология несчастных случаев», М. А. Юровская – в секции «Проблемы характера и темперамента», а М. Ю. Сыркин подробно изложил «Исследование упражнения и способности к упражнению по методу последовательно-возрастающего усложнения» в секции «Проблемы воспитуемости» (Геллерштейн, 1928, с. 201). На этой секции также прозвучал доклад Н. Д. Левитова «Воспитуемость одной сенсорно-моторной функции и дифференциальный диагноз» об исследовании «упражняемости функции, испытываемой тестом субституции (подстановки)» (там же, с. 204). И. Н. Шпильрейн «остановился на вопросе о природе процесса упражнения и подчеркнул, как один из важных признаков упражнения, преодоление сопротивления. Геллерштейн сделал ряд критических замечаний по докладам Myers'a, Peters'a и Сыркина (в частности – о пределе кривой упражнения) и высказал несколько соображений по вопросу о происхождении „plateau“ на кривых упражнения и о специфической упражняемости интеллектуальных функций» (там же). С удовлетворением Геллерштейн отметил внепрограммный доклад председателя советской делегации И. Н. Шпильрейна, прочитанный им по просьбе большого числа иностранных делегатов. Доклад касался состояния психотехники в СССР и вызвал большой интерес и оживленные прения. К советской делегации со стороны делегатов других стран было исключительное внимание, выразившееся, в частности, в том, что в резолюции были учтены предложения советской делегации (V Международная психотехническая..., 1928).

Тем временем планировался IX Международный съезд по психологии, намеченный в Yale University (New Haven, Connecticut, USA) в первую неделю сентября 1929 г., который должен был стать первым психологическим съездом, проводимым в Америке (Париж, 1889 г.; Лондон, 1892 г.; Мюнхен, 1896 г.; Париж, 1900 г.; Рим, 1905 г.; Женева,

1909 г.; Оксфорд, 1923 г.; Гроннинген, 1926 г.). Председателем комитета по созыву съезда стал James McKeen Cattell (1860–1944). «Для подготовки советской делегации главнаука РСФСР выделила тройку в составе К. Н. Корнилова, И. Д. Сапира и И. Н. Шпильрейна» (Иностранная информация, 1928, с. 228).

IX международный психологический съезд

IX международный психологический съезд прошел в запланированное время – с 1 по 7 сентября 1929 г. в Нью-Хейвене (Коннектикут, США), его объединили с очередным годичным съездом американской психологической ассоциации, поэтому закономерным было присутствие более 800 делегатов из Канады и США, а из других стран – около 100 человек. Заседания съезда происходили в помещении одного из старейших и знаменитых университетов – Yale University, под председательством Дж. М. Кеттелла (1860–1944) – старейшего из американских работников по экспериментальной психологии и одного из первых учеников Вундта. Шпильрейн писал, что «количество представленных докладов было так велико, что совершенно не представлялось возможным заслушивать и обсуждать их в пленарных заседаниях. Пленум собирался только для деловых заседаний и для заслушивания часовых лекций крупнейших представителей отдельных течений в науке» (Шпильрейн, 1930б, с. 75); каждый вечер читали по две лекции и для популяризации психологии они были публичными (так один из докладов читал И. П. Павлов (1849–1936) – о взаимоотношении между корковой и подкорковой областью в выработке условных рефлексов). Состоялось 42 тематических заседаний, а также заседания по соглашению отдельных ученых, заинтересованных в постановке специальных вопросов.

Несмотря на то, что конгресс был посвящен вопросам психологии (в самом широком значении), с психотехническими докладами выступили два участника. И. Н. Шпильрейн рассказал о положении психотехники в СССР, описав, как организационно устроена психотехника в промышленности, на транспорте и в школе, сообщил о теоретических и практических работах Всеукраинского института труда, об исследованиях по изучению воздейственного эффекта слова и плаката, проходивших под его руководством. Он выделил роль психотехники в разработке теории психологии и указал «на влияние, которое она имела на перевооружение психологии на основе диалек-

тического материализма» (там же, с. 81). Геллерштейн доложил о своих опытах исследования упражнения. И. Н. Шпильрейн, принял предложение группы работников прикладной психологии о докладе в узком кругу, рассказав о промышленных взаимоотношениях и о роли психотехнической работы в промышленности СССР, заинтересовал слушателей новыми веяниями в организации труда в СССР (7-часовой рабочий день, непрерывная неделя, трехсменная работа, участие женщин в производстве, роль профсоюзов в рационализации, оплата квалифицированного и неквалифицированного труда, вопросы движения и профессионального образования).

Это был первый психологический съезд, где участвовали советские психологи В. М. Боровский (1882–1963), С. Г. Геллерштейн, А. Р. Лурия (1902–1977), И. Н. Шпильрейн. Поэтому следовало скорректировать прежний состав президиума: Н. Н. Ланге (1858–1921) и И. Р. Тарханов (1846–1908) умерли, Н. О. Лосский (1870–1965) стал гражданином Франции, А. Л. Мендельсон (1865–1940) и В. С. Серебренников (1862–1942) мало кому известны. В. М. Боровского, А. Б. Залкинда, И. П. Павлова и И. Н. Шпильрейна включили в состав президиума от СССР, из прежних членов в президиуме остался Г. И. Челпанов.

Следующий съезд назначили на август 1932 г. в Копенгагене.

И. Н. Шпильрейн высоко оценил итоги этого съезда и участие советских психологов в нем, в то же время отметил неправоту тех психологов, которые считали советскую психологию по уровню выше, чем психология остальных стран: «Сила наша пока только в том, что мы подчеркиваем значение единственно научных гносеологических принципов. Это нужное дело. Нам необходимо марксистски овладеть психологией» (там же, с. 82), а для этого недостаточно только цитировать классиков, нужно кропотливо исследовать действительность. Он счел несчастливым отказ от поездки Залкинда, Корнилова, Сапира — «наиболее известных работников в области провозглашения необходимости внесения в психологию философских построений марксизма» (там же), хотя они могли бы показать свои достижения на основании марксистских философских принципов, доказать, что они лучше овладели материалом, если бы приехали в Нью-Хейвен.

Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека

Еще в период подготовки к I Всесоюзному съезду по изучению поведения человека (25 января–2 февраля 1930 г., Ленинград) А. Б. Зал-

кинд отмечал: «Борьба за материализм в советский психоневрологии — одна из ярких глав десятилетней истории нашей культурной революции» (Залкинд, 1929б, с. 454). Несмотря на отставание советской психоневрологии, она должна была решить насущные задачи современной практики, где основной стала проблема кадров — «вопрос о закономерностях в развитии и воспитании нужных нам людей» (там же), которую трудно решить, пока «в толковании природы социалистической личности существует резкий разрыв» (там же), пока не решена проблема темпа социалистической перестройки, т. е. темпа изменения дооктябрьских человеческих качеств, пока не создана твердая, единая система для изучения всех элементов производственного поведения человека. В преддверии Всесоюзного съезда по изучению поведения человека провозгласили основную цель съезда — идеологически объединить разрозненные психоневрологические дисциплины, связать их в общую плановую систему и организованно включить в обслуживание практики реконструктивного периода; это объединение должно было пройти в дискуссии диалектиков с механистами; обсуждении места психоневрологических наук в соцстроительстве и марксизма — в учении о личности. Ожидалось, что эти вопросы будут прорабатываться на четырех секциях (общая, клиническая, педологическая, психотехническая) и что в конце съезда психоневрологи построят общую идейную платформу для психоневрологических наук, соединяющую их по линии их сращивания с задачами социалистической реконструкции (там же, с. 457).

Съезд объединил психоневрологов идеологически и методологически: «...огромное большинство съезда в ряде актов и решений обнаружило преданность диктатуре пролетариата, готовность отдать свои силы на социалистическое строительство» (Куразов, 1930, с. 3). Собрание было многолюдным: 1400 членов с решающим и совещательными голосами, 2000 гостей. Активность участников высокая: заслушано свыше 150 докладов, велись оживленные дискуссии по многим вопросам (Торбек, 1930, с. 18). Присутствовало 3200 участников, на 97,5% составляли лица с высшим образованием, 45% — имели научный стаж 6 и более лет (там же).

Все внимание участников было направлено на вопросы воздействия на поведение человека: сразу же после революции в октябре 1917 г. встал вопрос о создании/формовке/организации/выковывании «нового человека». Прошло десять лет, следовало подумать: почему этот «новый человек» не стал массовым явлением?

После докладов философов И. К. Луппола (1896–1943), Н. А. Карева (1901–1936) последовал пленарный доклад А. Б. Залкинда «Психоневрологические науки и социалистическое строительство», заслуживающий особого внимания, так как в социальных науках «великий перелом» начался именно с этого доклада, четко обозначившего новый виток классовой борьбы. Он заявил о немногочисленных антимарксистских выступлениях на съезде, не встретивших поддержки со стороны научных школ и участников съезда: «Психоневрологические науки Союза не пойдут ни за идеалистами, ни за механистами... Психоневрологическая научная работа должна строиться на марксистском фундаменте неотрывно от задач социалистического строительства» (Залкинд, 1930а, с. 162). А. Б. Залкинд сделал упор на вопросах воздействия — быстром созидании наилучших качеств у воспитавшихся в процессе строительства социализма, где главное — кадры: «Все секторы психоневрологии обязаны озаботиться о проработке наилучших научных приемов для тщательного отбора кадров (проблема выдвигенчества и т. д.), продумать пути и методы наиболее эффективного продвижения этих кадров к необходимой культурной и производственной квалификации: построить указания для средней и высшей школы, для работы со взрослыми, для фабрично-заводского и сельскохозяйственного производства, — указания о наиболее эффективных коллективных и индивидуальных педагогических подходах в области подготовки кадров» (Залкинд, 1930б, с. 7). С сожалением он отметил отсутствие сектора научной работы в психоневрологии, поэтому-то и нет психоневрологического обоснования методики учебно-воспитательной работы со взрослой массой трудового населения СССР по вопросам партийного учебно-воспитательного дела и в области массовой политико-просветительной деятельности, в то время как необходимо изучать «творческие возможности взрослой трудящейся массы, учебно-воспитательную емкость психики взрослого человека и методические приемы для педагогического воздействия на аудиторию, являющуюся объектом массовой пропагандистской и агитационной работы» (там же, с. 10). А. Б. Залкинду виделась важной перспективная работа психоневрологов среди широких масс населения в литературе и в аудитории, по изучению языка масс самых разных слоев, упрощению языка излагаемого научного материала — «максимум доступности его для самых широких масс», для построения приемов массовой культурно-воспитательной работы. Психоневрологические науки должны решать практические задачи,

отвечая на «вопросы наибоыстрейшего созидания наилучших качеств у воспитывавшихся в процессе строительства социализма трудовых масс» (Рудик, 1930, с. 66).

За 12 лет советской власти, констатировал Залкинд, в стране вырос новый массовый человек, представляющий собой «массовый нервно-психический аппарат» (Залкинд, 1930в, с. 310), чья неиссякаемая творческая инициатива видна в народном хозяйстве, в военном деле, в воспитательной работе, в искусстве, в науке; этот новый массовый человек с колоссальным трудом пробивается через учебу на рабочих факультетах, совпартшколах, вечерних университетов, через всю многообразную систему рабочего образования: он пошел учиться, порой, не имея первоначального образования, научной системы, а психоневрологические науки не могут помочь. Таким образом, между культурной революцией и психоневрологией образовались ножницы, для преодоления которых необходимо создать массовую психоневрологическую литературу, массовую консультацию, массовый инструктаж, массовую пропаганду, чтобы «указать нервно-психические формы здорового, наиболее рационализованного поведения» (там же, с. 311). Совершенно очевидно, делал вывод А. Б. Залкинд, что основная часть представителей психоневрологических наук бездействуют, а то, что они делают, они делают «не под тем углом зрения и не для тех целей, которые выдвигает строительство социализма» (там же, с. 313).

Директор Государственного института экспериментальной психологии К. Н. Корнилов (1879–1957) сразу заявил, что методологическая задача съезда — теоретическая разработка марксистской методологии как системы теоретических предпосылок психологии. Под этим углом он рассмотрел вопросы марксистской методологии в военной психологии, психотехнике, психологии обучения грамоте, психологии восприятия, судебной психологии, заключив: «Вся наша работа... упирается в вопросы классовой и марксистской психологии. <...> Нельзя просто оперировать с абстрактным человеком, который не принадлежал бы ни к какой социальной группе. Поэтому мы говорим, что марксистская психология есть по преимуществу классовая психология» (Корнилов, 1930, с. 149).

Вопросы психологии труда наиболее полно раскрыл И. Н. Шпильрейн в докладе «Задачи психотехники в реконструктивный период» (Шпильрейн, 1930в); незадолго до съезда — 2 декабря 1929 г. — он прочитал его в Коммунистической академии, доклад прошел обсуждение

и был опубликован отдельной книжкой (вместе с прениями) (Шпильрейн, 1930а). Докладчик остановился на проблемах психотехники в реконструктивный период, полностью поддержав А. Б. Залкинда: лозунг «Пятилетка в четыре года» требует воплощения механизации производства, технического вооружения промышленности, создания новых видов производства и, конечно, усиления самодеятельности масс в деле организации и управления производством. Психотехникам предстоит решить ряд задач. Первая воспитательная задача — идеологическая подготовка кадров, чтобы миллионы трудящихся переключились на новые (в организационном и техническом отношении) формы труда, так как «рабочий, привыкший работать со старыми машинами, рабочий с прежними трудовыми навыками оказывается неприспособленным для того, чтобы работать в нынешних условиях нашего производства» (там же, с. 3). Вторая задача — техническая подготовка масс для новых условий труда; для этого нужно сменить агитационную работу на пропагандистскую и докладную — на преподавательскую. Кроме влияния на отдельную личность, тренировки ее, следует задуматься «о психологическом воздействии массового масштаба, законы которого должны изучаться с помощью использования громадного пропагандистского опыта Коммунистической партии, совершенно еще недостаточно разработанного в методологическом отношении» (Шпильрейн, 1930г, с. 15). Роль психотехников в трудовой жизни трудящихся усложняется: «Рабочий сознательно берется за социалистическую реконструкцию, за коммунистический строй... ему нужна не только техническая, но и идеологическая подготовка» (Шпильрейн, 1931, с. 9), значит, психотехники должны помочь в массовой воздейственной работе, в массовом идеологическом воспитании через преподавательскую деятельность, через газеты, плакаты, митинги и через систематические курсы, методологически изучая, оформляя и улучшая это самое «воспитание масс». Шпильрейн обозначил вопросы психологической дифференциации, применимые уже не для слушателей в аудитории, а для агитаторов, пропагандистов, преподавателей: хороший воспитатель, преподаватель, агитатор учитывает массу факторов — социальные и биологические (т. е. возрастные, половые) различия, индивидуальной подготовки, опыт аудитории и т. д. — и в зависимости от них «может учесть, какие требования предъявляет коллектив к преподавателю, какие доводы убедительны для этого коллектива» (там же, с. 10). Не выявив закономерности возрастных, половых, социальных различий в группах, бесполезно про-

водить отбор или давать оценку, «потому что нельзя оценить никакого коллектива или человека вне рассмотрения общественной группы, к которой он принадлежит» (Шпильрейн, с. 11), цель профотбора или иного воздействия не будет достигнута.

Заседания психотехнической секции начались 27 января 1930 г. Президиум секции был представлен ведущими психотехниками: А. П. Болтунов (1883–1942), А. К. Борсук, Л. И. Бурлюк, Ю. А. Васильев, С. М. Василейский (1888–1961), С. Г. Геллерштейн, И. А. Залкинд, Ф. А. Ковтунова, Н. Д. Левитов, А. М. Мандрыка, И. А. Митников, Н. М. Ободан, В. П. Осипов (1871–1947), В. И. Пономарев, В. И. Рабинович, Э. А. Рахмель, П. А. Рудик, Серапионов, Я. Г. Смышляев, М. Ю. Сыркин, Ю. И. Шпигель (1898–?), И. Н. Шпильрейн, М. А. Юровская. Секция провела семь заседаний.

Первое заседание было методологическим, где обсуждались основные принципы психотехники.

А. М. Мандрыка в докладе «Основные принципы общей методологии и вопросы теории психотехнических испытаний» подчеркнул новые пути в развитии психотехники: «Здесь как раз чувствовался тот сдвиг в психотехнической работе, который был присущ работе секции, да и всего съезда в целом. <...> Вопросы методологии, разрабатываемой на основе диалектического материализма, борьба с идеалистическими и механистическими тенденциями в психотехнической теории и практике – вот то новое, что шло на смену голой эмпирике» (Антонюк, 1930, с. 227). Выступая по вопросам профориентации и психогигиены, А. С. Грибоедов (1875–1944) указал на необходимость учета физического развития и здоровья, одаренности, успешности, характера социальных, художественных трудовых навыков и эмоций, социальной среды при профориентационной работе, а также на значение психогигиены. В двух последующих выступлениях – В. А. Артемова (1897–1982) «К вопросу о социальной психотехнике» и А. И. Колодной (1895–1975) «Целостное изучение личности как принцип профессионального подбора» – авторы поставили своей целью обосновать задачи нового раздела психотехники – социальной психотехники – и дать пример целостного изучения личности.

Второе заседание было посвящено проблемам одаренности и профпригодности. Доклад представителей психотехнической секции Всеукраинского научно-технического общества М. Ю. Сыркина и А. М. Мандрыки «Основные методологические требования, предъявляемые к исследованиям по профессиональному и учебному от-

бору, по профессиональной и учебной успешности и к публикации о подобных исследованиях» привлек большое внимание. Докладчики выделили стадии процесса исследования по профотбору: 1) профессиограмма; 2) выработка методики испытания; 3) установление индексов точности испытаний; 4) установление индексов связи между результатами испытаний и показателями профессиональной успешности. Они выдвинули основные требования к публикации материалов для их понимания широким кругом лиц, сопоставления с данными другой лаборатории и активного использования.

Выступление Н. Д. Левитова «Динамические показатели по тестам» касался индексов, выражающих отношение одной степени выполнения теста к другой у одних и тех же лиц. В. М. Коган в докладе, посвященном количественным и качественным показателям по тестам, пришел к выводу о необходимости учета качественных показателей, так как только статистических данных, учитывающих количественную сторону, не всегда бывает достаточно. А. П. Болтунов, говоря о статистике в прикладной психологии, также указал на необходимость синтеза математической формы и психологического содержания.

На третьем заседании активно обсуждались доклады П. А. Рудика «Проблемы измерения интеллектуальной одаренности в ВУЗах» и Я. С. Ривина (1893/1895—?) «К проблеме выдвиженчества». Проблема, поднятая Ривиним, была очень важной, он отметил, что психотехника может дать ряд существенных указаний, куда выдвигать работника в зависимости от имеющихся данных и возможностей, которыми он обладает; факторы социального отбора должны сохранять свою силу при выдвижении. Т. Н. Баранова сообщила о попытке применения тестовой методики в условиях Средней Азии среди национальных меньшинств («Принципы приспособления тестовой методики измерения умственного развития к условиям Средней Азии»).

Четвертое заседание было посвящено докладам А. К. Борсука, Н. Ф. Добрынина (1890—1981), И. Н. Дьякова (1891—1937) и др. Доклад Добрынина «Изучение ударных бригад как новой формы труда» привлек всеобщее внимание новизной проблемы, докладчик описал отдельные этапы дальнейшего исследования. Анкетное обследование, применявшееся им для изучения ударных бригад во время Всесоюзного съезда ударников, была недостаточной, но само исследование, писал участник съезда, продемонстрировало отношение рабочего-хозяина, заинтересованного в скорейшем построении социализма

в стране. А доклад И. Н. Дьякова «Опыт экспериментального изучения производственных реакций» неприятно удивил слушателей: докладчик отверг существующие методы изучения утомления и, считая их несостоятельными, предложив лишь метод двузначных чисел А. П. Нечаева. В прениях оппоненты спорили с докладчиком. Доклад Борсука «Профорентация и школа», выдвинувшего схему организации профорентационной работы с учащимися школы, был принят очень хорошо (там же).

На этом же заседании обсуждали создание Психотехнического института, который «концентрировал бы всю работу по психотехнике и давал бы соответствующее методологическое руководство» (там же, с. 229). Такое учреждение было необходимо из-за возросшего количества психотехников, нуждавшихся в подготовке, которая пока «распылена по ряду учреждений (педагогический факультет 2-го МГУ, Педагогический институт им. Герцена, различные курсы). Нужно твердое руководство в деле подготовки квалифицированных специалистов, ибо все усложняющиеся задачи, стоящие перед психотехникой, настоятельно требуют должного разрешения» (там же).

Пятое заседание посвятили вопросам изменчивости как основной проблеме психотехники, и здесь ведущим был теоретический доклад «Проблема изменчивости в психотехнике» С. Г. Геллерштейна, который указал на необходимость уточнения понятий «упражнения», «утомления» как факторов прогрессивной и регрессивной изменчивости, привел доказательства значимости изучения кривых упражнения; «процесс утомления должен изучаться по линии установления лябильных признаков, выпадающих в процессе работы» (там же, с. 230). Таким же содержательным был доклад П. М. Рубинштейна «Опыт дифференциального исследования упражняемости высших и низших функций», установившем на обширном экспериментальном материале две основных кривых упражнения по скорости и точности протекания функции, которые в сочетании дают характеристику типа.

На шестом заседании прозвучали доклады В. В. Ефимова «Опыт рассмотрения нервно-умственного утомления с точки зрения теории квант», А. А. Крогиуса (1971–1933) «Исследование умственного утомления» и В. С. Линтварева «О влиянии производственного процесса на коллектив работниц» и др. В своей теории расходования химической энергии клетками нервного вещества В. В. Ефимов предположил, что менее утомленная клетка дает более частые нервные разряды, более утомленная — менее частые разряды, как бы переходя на другой

уровень запаса энергии в клетке. А. А. Крогиус привел данные исследования утомления по различным методам, причем указал, что наиболее показательным является метод Бурдона.

Из докладов седьмого заседания в прессе был отмечен доклад И. В. Карпова «Проблема измерения характера в современной психотехнике», осветившего постановку вопроса по изучению характера в Западной Европе и Америке и настаивавшего на широком изучении характера у нас, и еще один теоретический доклад С. Г. Геллерштейна «К вопросу о профессиональной типологии», описавшего углубленное понятие профессиональной пригодности с учетом их развития. В вопросе о профессионально важных признаках, необходимых для профессии, он предложил заменить совокупность этих признаков их единством, т. е. структурой личности.

Резолюция, принятая психотехнической секцией, была обширной и касалась теоретических, практических, идеологических, организационных сторон советской психотехники; в ней говорилось о необходимости:

- внимательного изучения идеологических сдвигов революционной эпохи и новых социалистических форм труда (выдвижение, соцсоревнование, ударные бригады, законов упражнения и обучаемости);
- классового подхода к составлению и применению тестов;
- тщательного учета роли формально-психологических предпосылок успешности и профпригодности, знаний и подготовки испытуемых;
- анализа социально-классовой направленности образовательного и культурного уровня и национальных особенностей обследуемых групп;
- не только количественного, но и качественного анализа применяемых в психотехнике тестов;
- внедрения в исследовательскую практику минимума обязательных критериев оценки психотехнических испытаний;
- разработки специальных методов исследования типологических особенностей человека, связанных с его трудовым поведением и обусловленных биологическим и социальным фактором;
- осторожного переноса зарубежных методов исследования человеческого характера;
- обеспечения плановой подготовки психотехников, включения ее в пятилетний план и «обращение» состава психотехников;

- создания Всесоюзного психотехнического общества;
- создания научно-исследовательского и научно-практического института по психотехнике;
- организации правильной подготовки и переподготовки психотехников в соответствии с нуждами промышленности, сельского хозяйства, транспорта и обороны страны;
- организационно-планового и методологического руководства работой по профподбору со стороны Межведомственной комиссии при НКТ с участием органов здравоохранения;
- усиления внимания органов просвещения к значению психотехники для политпросветработы, внешкольной и школьной профподготовки детей и подростков, вооружения населения техническими знаниями и изобретательства;
- распространения психотехнических исследований на область допрофессионального труда, изучения технической деятельности детей и подростков в школе;
- увеличения изданий по психотехнике;
- стандартизации и удешевления оборудования психотехнических лабораторий;
- изучения труда психотехников с целью его нормирования и создания для него гигиенических условий (Резолюция психотехнической секции..., 1930).

VI Международная конференция по психотехнике

VI Международная конференция по психотехнике, проходившая с 23 по 27 апреля 1930 г. в Барселоне, по мнению И. Н. Шпильрейна, с самого начала была не самой удачной – ее будто «вдвинули» (Шпильрейн, 1930д, с. 327) между пятой в Утрехте (10–14 сентября 1928 г.) и седьмой, которая только намечена в Москве. Со сроками тоже не все получились сразу: сначала назначили на осень 1929 г., но это совпало с Международным психологическим съездом в Нью-Хейвене (1–7 сентября 1929 г.), затем перенесли на апрель 1930 г., но в это время в Америке проходил съезд по умственной гигиене (этим объясняется отсутствие английских и американских делегатов в Барселоне). И по количеству присутствующих и их докладов она не была представительной – всего 29 докладов, из которых семь было представлено советскими делегатами, пять – испанскими, 4 – немецкими и т. д. Но прочитано докладов было еще меньше, так как приехали не все,

кто прислал доклад. Так, от СССР на конференции присутствовали только И. Н. Шпильрейн (Москва) и М. Ю. Сыркин (Харьков).

Основными темами работы конференции были: критика тестов, предложенных для исследования промышленного утомления; правила и нормы статистических измерений; психотехнические методы, рекомендуемые для исследования личности (там же).

Шпильрейн высказался о докладе М. Ю. Сыркина: он «исходил из необходимости установить принципиальную разницу между чисто математической или биологической вариативностью и той общественно обусловленной вариативностью, которою обладает всякий обследуемый психотехнический коллектив. Сыркин подчеркнул значимость ошибок, возможных там, где недооценивается это специфическое отличие объектов измерения психотехники, от всяких других биологических объектов измерения» (там же, с. 330). По докладу развернулись оживленные прения, выступавшие подчеркнули математически безупречное построение доклада и сочувственно отнеслись к точке зрения автора, установившего специфическое отличие психотехнических исследований от непсихотехнических биологических измерений.

Доклад И. Н. Шпильрейна (1930е) «Элементы теории психотехники» встретил заинтересованное отношение в отдельных своих положениях (социологизация психотехники как основная теоретическая база, критика капиталистической природы тестов на интеллект) скорее сочувственное отношение. Автор наметил место психотехники среди других наук о человеке в свете марксистской теории, указал на роль, которую должны играть в психотехнике социальные моменты и учение К. Маркса об обществе, служащего основанием для изучения социальной динамики. Таким образом, доклад стал пропагандистским и вызвал интерес «к строительству социалистического общества, к жизни СССР. Объяснение мира оказалось неразрывно связанным с производящимся его изменением» (Шпильрейн, 1930ж, с. 170).

Итогом VI Международной конференции по психотехнике в Барселоне Шпильрейн назвал углубление исканий общетеоретической базы психотехнической работы и рост удельного веса советской психотехники.

I съезд Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии

Еще шел I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека (25 января–2 февраля 1930 г.), а правление Всероссийского психотех-

нического общества на заседании 28 января 1930 г. вместе с приглашенными делегатами съезда начали готовиться к следующему съезду по психотехнике, предварительно его назвав «I съезд Всероссийского психотехнического общества (с участием представителей союзных республик)». Присутствующие решили: если власти утвердят новый статус общества – Всесоюзный, то съезд будет называться «Съездом Всесоюзного общества психотехников». Местом проведения съезда был запланирован Ленинград, ориентировочная дата – декабрь 1930 г. (Постановление оргбюро I съезда..., 1930, с. 247). Наркомат внутренних дел РСФСР утвердил устав Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии 16 июля 1930 г. (Устав Всесоюзного общества психотехники..., 1930), и психотехническое общество стало всесоюзным, имелись активно действующие отделения в Азербайджанской ССР, Узбекской ССР, Украинской ССР и, конечно, в ряде городов РСФСР.

Кроме организационного момента у психотехников накопилось много нерешенных проблем, которые назвал И. А. Митников после поведенческого съезда: «Требования страны к психоневрологии нашли в психотехнических работах очень слабый отклик» (Митников, 1930, с. 247), которые он объяснил состоянием психотехники, буквально нарисовав портрет отрасли. Работа по прикладной психофизиологии и психотехнике велась в Наркомате здравоохранения (НКЗ), Наркомате труда (НКТ), Наркомате просвещения (НКП), Наркомате путей сообщения (НКПС), Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ), Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), Наркомате по военным и морским делам СССР (НКВиМД) и Военном ведомстве, чей вклад в развитие психотехнической деятельности был не одинаков. Опережал всех по материальным вложениям, количеству учреждений и объему работ Наркомат здравоохранения, далее шли – Наркомат труда, Наркомат просвещения, ВСНХ и РКИ. По всей стране было 108 психофизиологических и психотехнических учреждений, причем больше всего – в Наркомате здравоохранения (47), 21 – в Наркомате труда, 19 – в Наркомате просвещения, 12 – в ВСНХ и 2 в РКИ; каждое подобное учреждение носило печать того ведомства, к которому принадлежало. Кроме этого, психотехническая работа была включена в работы профдиспансеров, профамбулаторий, вузов, втузов, промышленных предприятий и отдельных школ ФЗУ. По данным И. А. Митникова, годовой бюджет всех учреждений был примерно 1 млн 400 тыс. рублей, некоторые учреждения за год осваивали от 150

тыс. до нескольких сотен рублей в год. К сожалению, эти учреждения зачастую располагались в тесных помещениях, даже в одной комнате, предоставленной временно.

Важный вопрос: сколько человек числилось работниками прикладной психофизиологии и психотехники? Митников назвал 500 человек и детализировал: 171 – в НКЗ, 132 – в НКТ, 72 – в НКП, 58 – в РКИ, 33 – остальные (там же, с. 248). Этим же данным придерживался И. Н. Шпильрейн: «Сейчас по Союзу насчитывается 489 человек, работающих по психотехнике и профессиональному подбору» (Диспут по вопросу о профессиональной подготовке..., 1930, с. 269). И. М. Бурдянский назвал свои данные: «Мы имеем по Москве в обществе около 70 человек, по всему РСФСР 140 человек» (Перевыборы правления..., 1930, с. 260), впрочем, тут же сослался на данные Шпильрейна о «почти 500». В одной из газет, писавших о съезде, автор заметки назвал около 200 психотехнических лабораторий, рассеянных по Советскому Союзу: «в текущем году только один Наркомпрос пропустит через психотехнические испытания 1300 тыс. учащихся, облегчая им выбор профессии. Число психотехников тоже растет невероятно быстрыми темпами: недавно их было всего 200, а сейчас уже 600 человек» (К I Съезду Всесоюзного общества..., 1931, с. 406). Забегая вперед, отметим, что через 6 лет В. Н. Колбановский в своей статье, обозначивший ликвидацию психотехники, называл уже другое число: «За сравнительно короткое время психотехники организовали свыше 200 лабораторий и станций на предприятиях промышленности, сельского хозяйства, транспорта, коммунального хозяйства и т. д.... Организовано „Всесоюзное психотехническое общество“, насчитывающее к 1934 г. свыше 900 членов» (Колбановский, 1936).

Образовательный статус психотехников был еще одним поводом для беспокойства руководства психотехников: «От агробиолога, через филологов, техников, инженеров, педагогов к психологам и врачам. Образование работников колеблется от высшего – профессура – до скромного среднего», у большинства из них – краткосрочные практико-ориентированные курсы. Все это снова инициировало разговоры о создании института по подготовке кадров психотехников (Стоюхина, 2017б).

Время проведения съезда сместилось – с запланированного декабря 1930 г. на 20–25 мая 1931 г. Начавшийся в Ленинграде I Всесоюзный съезд по психотехнике и прикладной психофизиологии был заявлен как подготовительный к открывающейся в сентябре в Москве

VII Международной психотехнической конференции. На съезд собралось свыше 900 делегатов — психотехников, психофизиологов, научных работников Коммунистической академии и рабочих крупнейших ленинградских фабрик и заводов. Проведение съезда сопровождалось обширной информационной поддержкой в прессе. Так, на второй день работы газета «Известия» писала: «Задача открывшегося вчера в Ленинграде первого съезда Общества психотехники и прикладной психофизиологии — помочь психотехнике как передовому и политически наиболее важному звену в цепи психоневрологических наук подняться на более высокую методологическую ступень, соответствующую задачам социалистической реконструкции. Съезд будет содействовать расширению связи психотехники с широкими рабочими и колхозными массами и использованию психотехники в тех областях, куда она еще почти не проникла — детский и женский труд, политехнизация школы и рационализация быта. Вместе с тем съезд должен наметить меры к укреплению психотехнического фронта научными кадрами и должен внести большую политическую целеустремленность и большую плановость во всю исследовательскую и практическую работу» (К I Съезду Всесоюзного общества..., 1931, с. 404). «Красная газета» в заметке «Наука, поворачивающая рычаги пятилетки» подчеркнула значение вопросов, которые страна задала психотехникам: «Как поставить каждого работника на „свое место“, почему происходят несчастные случаи и как от них уберечься, как скорее всего научить работника его новой профессии, как повысить производительность труда без вреда для рабочего и т. д. „Фабрики“, на которых будут изготовлены ответы, уже существуют <...> Первое заседание съезд посвятил обрисовке марксистско-ленинской методологии, которой должна быть пронизана вся работа советских психотехников» (там же, с. 406).

В течение первых двух дней съезда 20–21 мая были прочитаны основные, «программные» доклады, задавшие тон остальным участникам съезда, выступавших 22–25 мая. Тезисы выступлений так и опубликовали — в двух частях, в книгах разного объема под общим названием «На психотехническом фронте». Первая часть сборника объединила 14 докладов ведущих психотехников Москвы, Киева, Харькова, Баку и Краснодара по проблемам методологии психотехники в свете идеологии (И. Н. Шпильрейн. «Положение на психотехническом фронте»), основные проблемы физиологии труда (С. И. Каплун, 1897–1943. «Современное состояние физиологии труда и очередные задачи, стоящие перед ней в настоящий период социалистического

строительства»), а также по методологическим проблемам: тестологии (М. И. Сыркин. «Классовые и национальные различия в тестах интеллекта и их интерпретация»; Д. С. Лопухин. «Методы конструирования и подбора задач для теста»), профконсультации (А. М. Мандрыка. «О методологии профконсультационной работы»), психотехники и педологии в свете политехнизма (А. П. Болтунов. «Проблемы школьной психотехники и пути их разрешения»; И. Г. Розанов. «К вопросу о новых задачах психотехники и психофизиологии труда в связи с реконструкцией детского труда»; Л. С. Выготский, С. Г. Геллерштейн. «К вопросу о педолого-психотехническом исследовании политехнизма»; И. В. Карпов. «О критериях и методах определения конкретного содержания производственных элементов политехнизма для политехнизации ФЗУ»; А. А. Гайворовский, В. Н. Андреева. «Проблемы психотехники политехнизма»), профпригодности (Н. Д. Левитов. «Критерии учебной и производственной эффективности психотехнических испытаний профессиональной пригодности»), психотехнических измерений национальных меньшинств (Ф. Ибрагимбеков, 1901–1985. «К проблеме национальных тестов»), измерения квалификации (А. И. Розенблум, 1900–1937. «Методология и методика измерения квалификации»), развития технического интеллекта («И. В. Карпов. «Проблема технического интеллекта и современной психотехники» (На психотехническом фронте, 1931а).

Доклад И. Н. Шпильрейна о положении на психотехническом фронте задал тон съезду. С первых слов он назвал особенность психотехники: из всех разделов психологии она имеет наибольшую практическую значимость, что позволяет считать ее наиболее важным участком проверки теории, и «политически наиболее ответственным участком психологии ввиду того, что ее исследования в наибольшей степени имеют своим предметом общественные явления... Рост политического значения рационализации в связи с развитием социалистического наступления еще увеличивает политические требования к психотехнике» (Шпильрейн, 1931б, с. 3). Он отметил неоднозначность заимствования зарубежного опыта советскими специалистами-психотехниками: с одной стороны, это овладение техническими приемами, с другой – отсутствие «объективно правильной теории», у психотехники капиталистических стран «эkleктическая смесь идеализма и механицизма» из-за ее «двуличности» (там же, с. 4). Докладчик критично оценил состояние советской психотехники, которая все еще не преодолела методологического наследства капиталистической

психотехники, хотя, безусловно, в ответ на потребности советского строительства она выполнила значительную практическую и теоретическую работу по профподбору, охране труда, изучению языка плакатов и т. д.; по его мнению, «недооценка значения марксистско-ленинской теории снизит как теоретическую, так и практическую ценность этих работ» (там же). Он обозначил ряд первоочередных задач, методологических и практических. К первым отнес внимательное изучение основоположников марксизма-ленинизма, критику теоретиков буржуазной психотехники; борьбу с некритическим использованием методов капиталистической психотехники; взаимоотношения психотехники с психологией, педагогикой и физиологией труда; ко вторым — перестройку профотбора к целям политехнического образования, «идеалу коммунистического общества политехнически образованных людей» (там же, с. 7); замену профконсультации профориентацией, объединив диагностику и подготовку; расширение функции профподбора за счет заключения колхозниками контрактов на зиму, «социалистического совместительства» и иных комбинаций физического и умственного труда. Были названы и организационные задачи: утвердить основной методологической ячейкой для психотехники психотехническую секцию Коммунистической академии, а для практической ответственной работы, организации психотехников вокруг задач социалистического строительства, воспитания массы практических работников, создания актива, наблюдения над ведущейся работой и текущего исправлении ее недостатков — Всесоюзное общество психотехники и психофизиологии труда; усилить партийное и рабочее ядро психотехников и т. п.

Вторая часть сборника объединила 86 тезисов к докладам, расположенных в алфавитном порядке (На психотехническом фронте, 1931б) от Ананьева до Ющенко. Был прочитан 81 доклад (Всесоюзный психотехнический съезд, 1931). Интересна география участников: Баку, Воронеж, Киев, Ленинград, Луганск, Макеевка, Минск, Москва, Нижний Новгород, Одесса, Оренбург, Ростов-на-Дону, Самарканд, Харьков. Круг вопросов, о которых сообщили докладчики, был необычайно широк, обсуждались как методологические (методология профессионального тестирования, тестовая методология), так и практические задачи (профконсультация, профориентация, профпригодность подростков и взрослых, организация психотехнической работы, музыкальное развитие школьников, изучение психофизиологических функций рабочих, исследование плакатов, создание аппаратурных

методик исследования, профессиографирование, изучение факторов аварийности и травматизма, ударничество и работа непрерывным потоком, использование труда женщин). Исследования проводились в каменноугольной промышленности, на ткацкой фабрике, в народном образовании и фабрично-заводских училищах, в Красной армии, на воздушном флоте, в металлургической промышленности, на автотранспорте и железнодорожном транспорте, в сельском хозяйстве.

Итоговая резолюция, принятая съездом Всесоюзного общества по психотехнике и прикладной психофизиологии, была принята 26 мая 1931 г. и состояла из нескольких резолюций по отдельным проблемам: о психотехнике и психофизиологии; о физиологии труда; практические установки в области психотехники и физиологии труда; резолюция по докладам о социалистических формах труда; резолюция по докладам о политехнизме; резолюция военного совещания; резолюция по вопросам профконсультации и профотбора; профконсультация и политехническая школа; профессиоведение и связь с ФЗУ; профконсультационное заключение; резолюция по водительским профессиям; установка для практических работников, работающих в национальных республиках СССР по вопросу о тестах; постановление собрания ударной бригады транспорта; предложение бригады по тяжелой металлургии. Завершал этот список документов, выработанных съездом, социалистический договор делегатов, представляющих следующие научно-исследовательские и научно-практические учреждения: А. М. Мандрыка (Центральная психотехническая лаборатория Межведомственного совета); И. В. Карпов (Киевское отделение Центрального научно-исследовательской станции профотбора и опытной психотехнической станции); Н. Д. Левитов (Институт по изучению профессиональных болезней имени В. А. Обуха Мосздравотдела, Институт охраны здоровья детей и подростков, Москва); А. А. Толчинский (Центральная лаборатория НКТ РСФСР, Ленинград); М. Ю. Сыркин (Институт гигиены и патологии труда, Харьков); Либерман (Институт охраны здоровья детей и подростков, Ленинград); С. Г. Рубинштейн, М. И. Венцова (Центральная научно-исследовательская станция профотбора, Харьков); В. Н. Андреева (Педолого-психотехническая лаборатория Краснодарского педагогического института); Л. А. Гордон (Филиал НИИ педагогики, Института труда, Бюро профконсультации, Киев).

На съезде также работали психотехнические бригады, сформированные по областям психотехники: аппаратурная бригада (руководи-

тель — Н. Ободан); тестовая бригада (руководитель — А. Мандрыка); бригада по кадрам (руководитель — С. Антонюк); бригада по психогигиеническому движению (руководители — А. Залкинд, Л. Рохлин); транспортная бригада (руководитель — Ю. Шпигель), которые после съезда, уточнив ситуацию на местах, выступили с соответствующими постановлениями, наметив основные действия на ближайшие полгода-год (Материалы бригад..., 1932).

Первый съезд Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии был подготовительной ступенью к VII Международной психотехнической конференции, назначенной на 6 сентября 1931 г. в Москве. Позже появились уточненная информация: «13 сентября 1931 г. в Москве собирается VII Международный психотехнический конгресс. К этому времени организуется выставка, которая должна возможно полнее отобразить достижения нашей советской психотехники и психофизиологии труда и иллюстрировать работу по возможности всех связанных с этими науками учреждений. На выставке должны быть особо подчеркнуты те области, в которых мы вправе предполагать, что советская психотехника стоит впереди зарубежной, а также те особенности, в которых выражается классовый, пролетарский характер нашей науки и ее отличия от науки буржуазной» (Подготовка к VII Международному психотехническому конгрессу, 1930, с. 438).

Т. Л. Коган (1898—?), исполнявшая обязанности директора Государственного института психологии, педологии и психотехники (ГИППП) в 1931—1932 гг., писала, что Всесоюзный съезд по психотехнике и физиологии труда определил задачи, стоящие перед психотехникой в Советском Союзе. У психотехников много недостатков: отставание теории от практики; отсутствие разработки богатого наследия трудов Ленина; извращения марксизма-ленинизма («механистическая концепция К. Н. Корнилова»; «заимствование идеалистической системы персонализма В. Штерна И. Н. Шпильрейном»; «некритическое перенесение на советскую почву ряда буржуазных теорий, тестов, методик»; «реакционные выводы Н. Д. Левитова и А. А. Смирнова (1894—1980) в трактовке вопросов профпригодности и профконсультации»; «идеалистический и формалистический подход в вопросах пропаганды техники безопасности И. Д. Рейтынбаргом») (Коган, 1931). Кроме ликвидации означенных проблем, Коган призывала вести борьбу на два фронта — с механицизмом и меньшевистствующим идеализмом. В советских докладах, заранее присланных на Международную конференцию,

по мнению Т.Л. Коган, представлен ряд конкретных работ, связанных с практикой социалистического строительства: «Идеалистическому, реакционному учению о личности, о врожденной и неизменной одаренности и профпригодности, подразделению на высшие и низшие профессии, биологизаторскому подходу к изучению человека, механистическому сведению человека к пассивно реагирующему автомату мы должны будем противопоставить действенную марксистско-ленинскую теорию, конкретное изучение развития личности человека в условиях классовой борьбы, ее творческой деятельности в условиях социалистической эпохи» (там же, с. 166). Она нашла много ценного в опубликованных тезисах психотехников Запада и Америки к предстоящей Международной психотехнической конференции, что следует взять, переработать советским специалистам. Т.Л. Коган рекомендовала проявить «чуткое отношение к иностранцам – близким нам психологам и психотехникам, которые съедутся в СССР. Их следует вовлечь в съездовскую работу, и социалистическими темпами коллективно выработать ряд мероприятий, решений, связанных с проблемами, стоящими на повестке дня конференции» (там же, с. 167).

За деятельностью психотехников внимательно наблюдали как со стороны партийных властей, так и внутри общества. Директор Комакадемии и главный редактор общественно-политического и научно-философского журнала «Естествознание и марксизм» Э.Я. Кольман (1892–1979), выступая в апреле 1931 г. на Всесоюзном совещании Общества воинствующих марксистов-диалектиков сказал: «Чрезвычайно больно было на конференции в Колонном зале слушать, как пионеры выступили с вопросом о политехнизации. Они заявили: „Вот вы сидите здесь, ученые люди; почему же вы для нас, для политехнизма ничего не даете?!“ Я сам во время моей работы в партийном аппарате ставил перед товарищами из Комакадемии эту задачу. <...> Приходится констатировать, что ничего в этой области не сделано. <...> Возьмем хотя бы такую область, как область психотехники и педологии. Никаких твердых установок у них нет. В психотехнике – сплошная путаница. Кроме эклектизма, кроме попыток заимствовать модное буржуазное словечко, подделаться под то последнее дуновение ветра, которое они воображают последним словом партийной директивы, ничего нет. Полная бесхребетность, полное отсутствие работы над самим собой, отсутствие серьезной экспериментальной базы. <...> Они, например, позволяют себе говорить так: „Раз меня критикуют, психотехника перестает существовать“. Были такие выступления? Были. <...> А ведь

педология, психотехника представляют собою чрезвычайно нужное дело. Это нужнейшие науки для социалистического строительства. <...> Нужна разработка теории, нужна разработка определенных нормативных данных для политехнизма. Все это необходимо сделать, и все это не делается. Так что прорывов у нас еще очень и очень много (Кольман, 1931, с. 74).

Психотехник А. А. Таланкин (1898–1937), находившийся в непосредственном подчинении Э. Кольмана в Комакадемии, выступая перед украинскими психологами в Харькове 12–13 июня 1931 г. на собрании Ассоциации институтов естествознания при Комакадемии и Ассоциации институтов естествознания при Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских научных учреждений (ВУАМ-ЛИН), после «разоблачения» Корнилова и его школы, «бехтеревцев и Куразова, и Франкфурта, и Шпильрейна» (Корсаков, Данилов, 2017, с. 141), посвятил несколько слов и психотехнике: «Психология и психотехника составляют единую психологическую науку. Само собой разумеется, это не исключает того, что у психотехники есть свои собственные теоретические задачи. <...> Психотехника имеет свою собственную теоретическую работу по вопросам индивидуальных различий, по проблеме одаренности, утомления, по вопросам методологии тестов и т. д. <...> Совершенно иное значение приобретает теперь профподбор: не то старое раскладывание рабочих по различным группам, профессиям на основе испытания общей одаренности, ибо общая одаренность, в конце концов, — это миф. Решая задачу профподбора, психотехника начинает связываться с педагогическим процессом. Она должна идти в школу и решать там ряд важнейших вопросов профподбора. Психотехника должна служить рационализации труда. Она не исчерпывает проблему рационализации, потому что в целом наука о рационализации — очень большая наука, которая обслуживает и самый технологический процесс. <...> Рационализация может быть понимаема сейчас только в тесной связи с проблемой социалистических форм труда — соцсоревнования, ударничества, с проблемой рабочего изобретательства» (там же).

VII Международная психотехническая конференция

VII Международная психотехническая конференция не открылась в намеченную ранее дату — 6 сентября, она состоялась в Москве с 8 по 13 сентября. Председателем ее был И. Н. Шпильрейн. Обширная

пресса, освещавшая съезд, писала о 140 иностранных делегатах (О VII Международной психотехнической конференции, 1931, с. 409) из 17 стран (там же, с. 413). Важность этого съезда для советской психотехники трудно переоценить — столько иностранных известных ученых-психотехников одновременно трудно представить: Ляи (Франция), Липман (Германия), Штерн (Германия), Мира (Испания), Китсон (САСШ), Феррари (Италия), Клапаред (Швейцария), Пьерон (Франция) и др. Для гостей были организованы встречи с представителями советской власти. Внеаучная программа была обширной.

10 сентября делегаты конференции посетили ЦИТ, где директор института А. К. Гастев ознакомил их с решением проблемы подготовки промышленных кадров. Затем они осмотрели колонию бывших правонарушителей в Болшеве и Лефортовский изолятор, некоторые посетили Третьяковскую галерею и музеи (там же, с. 410). 11 сентября «в ВСНХ иностранные участники конференции имели беседу с начальником научно-исследовательского сектора тов. Бухариным. Делегатов интересовали вопросы планирования научно-исследовательской работы, применения принципов диалектического материализма в психотехнике, продвижения наиболее ценных работников и вопросы пятилетки. Отвечая на вопрос о продвижении, тов. Бухарин подробно остановился на том, что весь советский строй и все мероприятия советской власти направлены к максимальному развитию творческих сил пролетариата. В Госплане тов. Крицман подробно изложил делегатам принципы планирования народного хозяйства в СССР» (Международная психотехническая конференция, 1931). 12 сентября некоторые иностранные делегаты посетили Наркомпрос РСФСР и «имели длительную беседу с замнаркомом тов. В. П. Милютиным. Среди делегатов были представители Франции, Германии, Польши, Бельгии и Испании. Тов. Милютин подробно ознакомил делегатов с нашим культурным строительством и всей системой народного образования. Он рассказал о характере наших учебных заведений — от дошкольных до вузов, где каждое низшее звено обеспечивает переход учащегося к высшей ступени обучений. <...> Особое впечатление произвело на делегатов то обстоятельство, что наши национальные школы обучают детей на родном языке, и то, что в наших школах обучение ведется на 70 языках. Тов. Милютин подчеркнул, как основное отличие нашей школы ее политехнические основы и то, что попутно у нас ведется работа по всеобщему обучению. <...> Беседа продолжалась 2,5 часа. В заключение т. Малютин предложил делегатам посетить один

из фабзаввузов Москвы с тем, чтобы воочию увидеть, как у нас проводятся в жизнь идеи Маркса о соединении обучения с производительным трудом» (Иностранные делегаты психотехнической конференции..., 1931).

Пленарные доклады на съезде были сгруппированы по трем основным темам, объединенных в симпозиумы:

- 1 симпозиум. Теория психотехники. Докладчики: В. Штерн (1871–1938), Ж. Ляи (1872–1943), И. Шпильрейн;
- 2 симпозиум. Применение математических показателей в психотехнике. Докладчики: В. Бингем (1880–1952), В. Блюменфельд (1882–1967), А. Мандрыка, А. Пьерон (1881–1964), А. Фессар (1900–1982);
- 3 симпозиум. Психология профессий. Докладчики: Ф. Баумгартен (1883–1970), С. Геллерштейн, О. Липман (1880–1933), У. Р. Майлс (1885–1978), Э. Мира (1896–1964), Г. Рупп (1880–1955); около 80 секционных докладов.

Советскими психотехниками были освещены: 1) проблема женского труда (В. М. Коган, Б. С. Маршева, И. И. Окунева); 2) вопрос о психотехнике работы непрерывным потоком в советских условиях (О. П. Кауфман, П. Г. Маркир, Р. И. Почтарева); 3) вопросы психологии промышленного травматизма, роли личного фактора в нем и профессионального подбора на опасные по травматизму профессии (Э. А. Рахмель, Е. И. Рузер, Ю. И. Шпигель) (Корнеев, 1932, с. 42).

Безусловно, содержание докладов VII Международная психотехнической конференции заслуживает отдельного подробного рассмотрения, так много там было сказано важного. Отметим особенность VII Международной психотехнической конференции, о которой писали в то время все участники и обозреватели. Даже сейчас, спустя десятилетия, очевидно, что, проводя в 1931 г. это важное мероприятие, советская власть имела четкое намерение — поднять научный престиж советской психотехники, показать западным коллегам, что революция не только не привела к сокращению научной деятельности, но и вызвала беспрецедентный подъем в этой области и в других абсолютно новых направлениях (Gouarné, 2012). То, что конференция прошла в Москве, — это, конечно, заслуга И. Н. Шпильрейна, чей интерес лоббировал Ж.-М. Ляи.

По инициативе советской стороны на конференции был поставлен вопрос по научно-теоретическим основам психотехники, о философской линии, проникнутой классовым духом. И, как сви-

детельствуют многочисленные статьи-обзоры советских психотехников, опубликованные по следам конференции, а также отклики из-за границы, тщательно собранные редакцией журнала «Психотехника и психофизиология труда», «на 7-й международной психотехнической конференции очень ясно противостояли друг другу две точки зрения: советская часть съезда говорила о науке классовой и подчеркивала разницу между капиталистической наукой, стоящей на страже интересов своего социального заказчика — капитала — и пролетарской наукой, быстро развивающейся в условиях господства пролетариата. Крупнейшие представители иностранной науки не пытались критиковать пролетарскую психотехнику как таковую или противопоставить ей преимущества буржуазной психотехники. Напротив, они отрицали классовый характер той и другой науки и утверждали, что наука служит только истине, объективной, вечной, внеклассовой» (Шпильрейн, 1931в, с. 247). Одна из статей Шпильрейна так и называлась — «О расслоении в лагере буржуазной интеллигенции» (И. Н. Ш., 1933).

Идеолог советской психологии 1930-х годов В. Н. Колбановский (1902–1970) подчеркнул особенность конференции: «Лучшие представители буржуазной науки поняли необходимость изучения той почвы, которая в противовес капиталистической способствует дальнейшему развитию науки. Знакомство с советской действительностью, работы научно-исследовательских институтов проливают свет на кое-какие темные стороны социально-политической действительности на Западе. Обмен мнений и опытом с представителями другого, враждебного капитализму нового прогрессивного строя на конференции неизбежно превратился в участок острой классовой борьбы на научном фронте» (Колбановский, 2022, с. 304; Стоюхина, 2022г).

В отзывах о конференции писали больше о триумфе советской психотехники: «Советская психотехника бодро смотрит на свое будущее. Перед ней грандиозные задачи и огромные возможности. В ее руках надежный метод. Ей обеспечено руководство партии» (там же), чем о реальных психотехнических (теоретических и практических) достижениях, о которых речь шла в оригинальных статьях психотехников.

VIII Международную конференцию решили созвать в Вене в 1933 г., но она состоялась на год позже. В Праге в 1934 г. была проведена последняя предвоенная VIII Международная психотехническая конференция.

I Уральский областной съезд психотехников и физиологов труда

С 30 января по 4 февраля 1932 г. в Москве проходила XVII Всесоюзная конференция Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), на которой Г. К. Орджоникидзе в докладе «Итоги развития промышленности за 1931 г. и задачи 1932 г.» отметил завершение первой пятилетки в 4 года, возросший выпуск продукции на 20%, введение в эксплуатацию индустриальных гигантов – Нижегородский (Горьковский) и Московский автомобильные заводы, Харьковский тракторный завод, Саратовский завод комбайнов, Уральский завод тяжелого машиностроения (1-я очередь); начало создания новой угольно-металлургической базы – Урало-Кузбасского комбината. Предполагалось, что созданный в первую пятилетку производственный задел поможет развиваться всем отраслям промышленности и обеспечит дальнейшую реконструкцию и механизацию сельского хозяйства. Психотехники откликнулись на это созывом I Уральского областного съезда психотехников и физиологов труда. Съезд проходил в Свердловске с 11 по 16 марта 1932 г. Перед Уральской областью встала задача «стать крепким фундаментом новой мощной угольно-металлургической базы. К решению этой задачи должны быть привлечены работники психотехники и физиологии труда» (Уральский областной съезд..., 1932б, с. 229).

Правление ВОПиПП было представлено И. Н. Шпильрейном, С. Г. Геллерштейном, А. М. Мандрыкой. Состоялись выступления по вопросам труда в строительстве Урало-Кузнецкого комбината (УКК) (В. В. Реутов, Свердловск), перспектив развития психотехнической работы в Уральской области (Г. И. Нецкий, Д. П. Прошляков, Свердловск), технике безопасности (Д. И. Рейтынбарг, Москва), конструирования аппаратурных тестов и приборов (Г. Н. Скородинский, А. А. Нейфах, Москва), травматизме (Ю. И. Шпигель, Москва), профконсультации (А. А. Кушинников, Ленинград; Г. В. Мельцер, Н. П. Славинская, Свердловск; И. О. Макаров, В. В. Поликарпова, Магнитогорск; и др.), работали секции по психотехническому изучению профессий и рационализации труда, по физиологии труда, по промышленному травматизму и производственному обучению (Уральский областной съезд..., 1932а).

Съезд считал необходимым установить точное понятие психотехники в ее отношении к психологии, ликвидировать отрыв психотехники от смежных дисциплин; установить связь с физиологией труда, преодолев господствующие в физиологии труда энергетическую точку

зрения и игнорирование социального характера трудового процесса; одинаковое использование в работе школы педологов со знанием производства и психотехников со знаниями педагогической психологии.

Отметив появление на Урале психотехнических учреждений, к сожалению, плохо обеспеченных кадрами психотехников и физиологов труда, съезд постановил, что необходимо открыть осенью 1932 г. в Свердловске вуз по обучению психотехников и физиологов труда, поручив правлению Уральского отделения ПиПП добиться соответствующих правительственных мероприятий, материальной базы, кредитов, обеспечения вуза преподавателями и учащимися. Также следовало добиться в ближайшие полгода перевода не менее 10 человек ответственных работников по психотехнике и физиологии труда на работу из центра в Уральскую область. Участники съезда постановили сделать упор на воспитании профессионально важных качеств интеллекта, школьных и производственных навыков, производительности и безопасности труда, но «не отбор и не подбор, а рациональное распределение с компенсацией недостатков становится основным методом психотехники» (там же, с. 230). На XVII партийной конференции было указано, что работа научно-исследовательских институтов должна иметь реальные результаты на фабриках и заводах, поэтому «центр тяжести работы психотехника должен перейти в цех и в школу. <...> Основные задачи психотехники и физиологии труда на производстве – помочь в рационализации производственного обучения; облегчении вхождения новых кадров в производство; рационализации рабочего процесса; рационализации орудий труда; обеспечении безопасности труда и рационализации ее пропаганды; построении нового социалистического типа машины; дифподбора» (там же).

В результате участниками съезда было принято несколько резолюций по:

- профконсультационной работе в целом;
- профконсультационной работе фабрично-заводских семилетках (ФЗС) и школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ);
- унификации методов и методик;
- планированию профконсультационной работы;
- психологическому анализу профессий;
- психотехническом изучении промышленного травматизма;
- плакату по безопасности труда;
- психотехнической аппаратуре (Уральский областной съезд..., 1932).

Съезд по психотехнике в угольной промышленности

Съезд по психотехнике в угольной промышленности проходил в поселке Рутченково (в настоящее время — узловая станция Донецкой железной дороги), туда приехали председатель правления ВОПиПП И. Н. Шпильрейн, члены Московского отделения С. И. Антонюк, С. Г. Геллерштейн, В. М. Коган, А. А. Нейфах, Маркина, Г. А. Ротштейн; от украинского отделения общества ВОПиПП председатель правления П. И. Долгин, а также психотехники К. Е. Абрамович, А. И. Розенблюм и М. Ю. Сыркин. Прозвучали доклады: И. Н. Шпильрейн. «О борьбе на два фронта в психотехнике»; Костюченко. «Планирование кадров и генеральный план механизации Донбасса»; С. Г. Геллерштейн, С. Г. Дубец. «Задачи психотехники в угольной промышленности»; К. Е. Абрамович, А. И. Розенблюм. «Основные направления профподбора»; Ройтблат. «Техническая пропаганда в каменноугольной промышленности»; Г. А. Ротштейн. «Плакат в системе борьбы за безопасность»; В. Т. Баранов. «Рационализация сигнализации на подъемных машинах»; В. Г. Дубец. «Классификация подземных профессий»; С. И. Антонюк, В. Г. Дубец. «Профессия врубового машиниста»; В. Т. Баранов. «Профессия врубового машиниста»; В. Т. Баранов. «Профессия машиниста подъемных машин»; Кульков. «Профессия машиниста электровоза»; Н. В. Штейнбух, Котова. «Профессия электрослесаря»; В. М. Коган. «Участие психотехники в рационализации учебного процесса»; три доклада о планах работ по психотехнике на 1932–1933 гг. и о направлениях работ на вторую пятилетку Института кадров «Угля» (Рутченково), Института организации безопасности труда; М. Ю. Сыркин. Сводный доклад бригады о работах Институтот (А. Р., 1933, с. 84).

Съезд был созван в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1932 г., поставившего конкретные задачи, главная из которых — «борьба за механизацию Донбасса и проведение новых революционных методов организации труда (системы Карташева, Епифанцева и др.), за новую вербовку рабочей силы для Донбасса и перераспределение рабочей силы на шахтах в целях укрепления кадров угольных рабочих, за мероприятия по улучшению качества продукции и др.» (Резолюция совещания по психотехнике..., 1932, с. 411). Несмотря на малочисленность съезда, споры и прения касались специфики психотехнической работы в угольной промышленности. Например, в выступлении В. Г. Дубец о сравнительной профессиограмме подземных профессий новым был прием составления сравнительной профессиограммы для ряда профессий, но вызвал возражение принцип

группировки профессий. Были вопросы: как готовить машинистов электровозов в условиях дефицита кадров? Обычно обучение продолжается 2 года, а нужно уложиться в 3–6 месяцев. Как учитывать учебную и производственную успешность, например, у машинистов подъемных машин? Использовать ли механизированную фиксацию (работомер) или тахограф? И т. д. Проблем было много и психотехники Донбасса не справлялись, поэтому было решено помочь кадрами и прислать в ноябре из Москвы и Харькова консультационную бригаду для помощи в планировании работ.

Заключение

Съезд по психотехнике в угольной промышленности в донбасском поселке Рутченково был последним съездом, где обсуждались проблемы психотехники (психологии труда). В 1936 г. советское психотехническое движение закончило свое существование (Стоюхина, 2016, 2018). К вопросам психологии труда обратились лишь на совещании по психологии труда 28 февраля–4 марта 1957 г. (Стоюхина, 2022а), отринув старое название отрасли – «психотехника» – и взяв новое – «психология труда».

Подробный анализ истории съездов, на которых вопросы психологии труда занимали главное или важное место, позволил нам уточнить динамику изучения вопросов психологии труда в советской психологии в первой половине XX в., а также проанализировать периодизацию развития психологии труда в СССР, ранее намеченную нами в рамках психологии воздействия (Стоюхина, 2016).

Оптика психологических съездов и конференций помогает выделить следующие этапы психологии труда (в рамках психотехники) в первой половине XX в.:

Этап I – допсихотехнический, подготовляющий к восприятию и выделению вопросов психологии труда: начало XX в.–1921 г.

Этап II – зарождение психотехники в русле научной организации труда и психоневрологии – 1921–1924 гг. (Первая Всероссийская конференция по научной организации труда и производства, 20–27 января 1921 г., Москва; Первый всероссийский съезд по психоневрологии, 10–15 января 1923 г., Москве; Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (Второй психоневрологический съезд), 3–10 января 1924 г., Петроград; Вторая Всесоюзная конференция по научной организации

труда, 10–16 марта 1924 г., Москва; I Международный съезд по научной организации труда, 19–30 июля 1924 г., Прага) Для этого этапа было характерно: активная самопрезентация на внутрисоветской и зарубежной площадке, показ результатов исследований и обмен мнениями по их поводу, использование зарубежного опыта, часто повторение зарубежных исследований и экспериментов, проводимых не по заранее выстроенному плану, а как спонтанная реакция на возникшую производственную нужду.

Этап III – поиск путей развития – 1925–1926 гг. Некоторая стагнация в психотехническом движении, как нам кажется, была обусловлена отсутствием руководящего органа у психотехников, который бы взял на себя ответственность задать вектор развития профессиональному сообществу, несмотря на то, что количество самих психотехников росло, как и их исследований, о чем можно судить по количеству публикаций. Были только отдельные психологи-практики, интересовавшиеся и занимавшиеся вопросами психологии труда по запросам наркоматов, к которым принадлежали Институты, лаборатории или кабинеты.

Этап IV – бурное организационное строительство советской психотехники – 1927–1930 гг., расцвет советской психотехники, что можно видеть по количеству съездов как психотехнических, так и других (например, педологический или же всероссийские санитарно-гигиенические конференции, психофизиологические, рационализации производства, не упомянутые в данной статье): I Всесоюзная конференция по психофизиологии труда и профессиональному подбору, 29 мая–3 июня 1927, Москва; III Международный конгресс по научной организации труда, 5–8 сентября 1927 г., Рим; IV Международный съезд психотехников, 10–14 октября 1927 г., Париж) Первый Всероссийский педологический съезд, 27 декабря 1927 г.–3 января 1928 г., Москва; V Международная конференция по психотехнике, 10–14 сентября 1928 г. Утрехт (Голландия); IX Международный психологический съезд, 1–7 сентября 1929 г., Нью-Хейвен (США); I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека, 25 января–2 февраля 1930 г., Ленинград; VI Международная конференция по психотехнике, 23–27 апреля 1930 г., Барселона. Участие советских психотехников в международных научных мероприятиях на этом этапе беспрецедентно. Характерно для этого этапа: организация Всероссийского общества психотехники и прикладной психофизиологии

(ВОПиПП); создание собственного журнала; активное использование новых методических «инструментов» – тестов; попытка их методологического осмысления и практического применения; исследования, подчиненные общему плану, исходившему от правления ВОПиПП; обмен опытом.

Этап V – идеологическая перестройка психотехники – 1931 г. Инициированная призывом И. В. Сталина критика и самокритика вызвала волну обличений, что не могло не сказаться на исследованиях – появились работы, в малой степени относящиеся к теоретический или практической, наполненные идеологическими высказываниями. То же было видно в работе съездов (I Всесоюзный съезд по психотехнике и прикладной психофизиологии, 20–25 мая 1931 г., Ленинград; VII Международная психотехническая конференция, 8–13 сентября 1931 г., Москва).

Этап VI – время отраслевых съездов – 1932 г. – как отклик психотехников на голос компартии, звучавший в партийных документах: I Уральский областной съезд психотехников и физиологов труда, 11–16 марта 1932 г., Свердловск; Съезд по психотехнике в угольной промышленности, 21–26 июня 1932 г., Рутченково (Донбасс).

Этап VII – постепенное сворачивание психотехнической деятельности – 1933–1936 гг.

Безусловно, периодизация психотехнического движения требует дальнейшего уточнения и разработки.

Литература

- А. Р.* Совещание по психотехнике в каменноугольной промышленности // Советская психотехника. 1933. № 1. С. 84–85.
- Антонюк С.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека. Ленинград, 25 января–1 февраля 1930 г. // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2–3. С. 225–246.
- Аншакова В. В., Кольцова В. А.* К столетию первых съездов по экспериментальной педагогике в России // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня–2 июля 2016 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 377–381.

- Артемьева О. А.* Отечественная психология на переломе. Уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012.
- Артемьева О. А.* Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Бехтерев В. М.* Рациональное использование человеческой энергии в труде // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 2. С. 254–297. doi: 10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_011
- Биггарт Дж.* Сергей Степанович Чахотин – русский тейлорист в Берлине (1922–1926) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына / Отв. ред. Н. Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2012. С. 48–68.
- Богданчиков С. А.* Забытый съезд: О Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 89–98.
- Бронштейн А. И.* Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной психологии и психоневрологии в Петрограде (3–10 января 1924 г.). Секция рефлексологии труда и профессиональной рефлексологии (психотехника) // Гигиена и санитария путей сообщения. 1924. № 1–3. С. 139–147.
- Будилова Е. А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. Вторая половина XIX–начало XX в. // Труды по истории русской психологической мысли: вторая половина XIX–начало XX века / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Наука, 2008. С. 163–378.
- Бурдянский И.* Психотехника на III Международном конгрессе по НОТ (Рим, 5–8 сентября 1927 г.) // Психофизиология и психотехника труда. 1928. № 1. С. 75–80.
- Всероссийский научный съезд по психоневрологии // Известия. 1923. 17 января. С. 4.
- Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-й съезд по психоневрологии) в Петрограде с 3 по 10 января 1924 г. Расписание занятий. Пг., 1924.
- Всесоюзный психотехнический съезд // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 2–3. С. 171–173.
- Выготский Л. С.* Итоги съезда // Народное просвещение. 1928. № 2. С. 56–67.

- Выготский Л. С.* Педология и психотехника // Культурно-историческая психологи. 2010. № 2. С. 105–120.
- Геллерштейн С. Г.* Современное состояние психотехники по данным V Международной психотехнической конференции (10–14 сентября в г. Утрехте, Голландия) // Психофизиология труда и психотехника. 1928. № 3–4. С. 194–205.
- Гефтер М.* К созыву Всесоюзной конференции по НОТ // Время. 1923. № 2. С. 69–71.
- Гинц С.* О работе психофизиологической секции // Время. 1924. № 7. С. 23–25.
- Даян Г.* Второй психоневрологический съезд. Некоторые итоги // Красная новь. 1924а. № 2 (19). С. 155–166.
- Даян Г.* Второй психоневрологический съезд. Некоторые итоги // Красная новь. 1924б. № 3 (20). С. 223–238.
- Детская дефективность, преступность и беспризорность. По материалам Первого Всероссийского съезда 24 мая–2 июня 1920 г. М.: Гос. изд-во, 1922.
- Диспут по вопросу о профессиональной подготовке работников по профподбору. Заседание Московского отделения ВПО 6/II-1930 г. (Сокращенная стенограмма) // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2–3. С. 269–284.
- Дубицкая Е. А.* Развитие идей дидактики в современной профессиографии // Педагогика и психология образования. 2016. № 1. С. 5–14.
- Журавлев А. Л., Стоюхина Н. Ю.* «Павловская» сессия глазами психологов (к 70-летию проведения) // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5. С. 4–12.
- Журавлев А. Л., Стоюхина Н. Ю.* Б. М. Теплов и Б. Г. Ананьев в юбилейных докладах к тридцатилетию советской психологии // Международная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Б. М. Теплова «Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм» / Под ред. М. К. Кабардова, Ю. П. Зинченко, А. К. Осницкого. М.: ПИ РАО, 2021. С. 73–77.
- Журавлев А. Л., Стоюхина Н. Ю.* Совещание по вопросам психологии 1952 г. (К 70-летию проведения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 71–80.
- Залкинд А. Б.* Педология в СССР. М.: Работник просвещения, 1929а.
- Залкинд А. Б.* Психоневрологические науки в реконструктивный период // Педология. 1929б. № 4. С. 453–457.

- Залкинд А. Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Педология. 1930а. № 2. С. 161–164.
- Залкинд А. Б.* Психоневрологические науки и социалистическое строительство // Психоневрологические науки в СССР: Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Отв. ред. А. Б. Залкинд. М.—Л.: Госмедиздат, 1930б. С. 5–12.
- Залкинд А. Б.* Психоневрологические науки и социалистическое строительство // Педология. 1930в. № 3. С. 309–323.
- Зейлигер.* 2-й Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии // Медицинский работник. 1924. № 7. С. 21–22.
- И. Н. Ш.* О расслоении в лагере буржуазной интеллигенции // Советская психотехника. 1933. № 3. С. 295–301.
- И. Ш.* Международный Съезд по НОТ в Праге // Время. 1924. № 12. С. 3–6.
- Иностранная информация // Психофизиология и психотехника труда. 1928. № 3–4. С. 228–230.
- Иностранцы делегаты психотехнической конференции в Наркомпросе // Известия. 1931. № 253 (4460). 13 сентября. С. 2.
- K I Съезду Всесоюзного общества психотехники и психофизиологии труда Ленинграда 20–25 мая 1931 г. // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 4–6. С. 406.
- К. К.* Вопросы труда на I Всероссийском съезде по психоневрологии // Гигиена труда. 1923. № 3–4. С. 84–85.
- Кекчеев К. Х.* Основные проблемы современной физиологии труда // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023. Т. 8. № 2. С. 225–239. doi: 10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_010
- Кириенко А.* Из работ I педологического съезда // На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 22–31.
- Коган В. М.* Вопросы практики и методологии тестов на Всесоюзной конференции по психофизиологии труда и профподбору (29/V-3/VI-1927) // Тесты: Теория и практика: В 3 сб. Сборник 1 / Под ред. М. С. Бернштейна, П. П. Блонского, М. И. Зарецкого, А. А. Смирнова, А. М. Шуберт. М.: Работник просвещения, 1928. С. 65–66.
- Коган Т. Л.* К VII Международной психотехнической конференции // Психология. 1931. Т. V. Вып. 2. С. 161–167.
- Колбановский В. Н.* Так называемая психотехника // Известия. 1936. 23 октября. С. 4.

- Колбановский В. Н.* К вопросам психотехники (заметки делегата 7-й международной конференции по психотехнике) // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 4. С. 292–306. doi: 10.38098/irpan.opwp_2022_25_4_12
- Кольман Э.* Боевые вопросы естествознания и техники в реконструктивный период // Под знаменем марксизма. 1931. № 3. С. 56–78.
- Кольцова В. А.* Научные дискуссии как единица анализа в историко-психологическом исследовании // История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития (III Московские встречи по истории психологии) / Под ред. В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника, О. Е. Серовой. М., 2001. С. 11–13.
- Кольцова В. А., Носкова О. Г., Олейник Ю. Н. И. Н.* Шпильрейн и советская психотехника // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 2. С. 111–133.
- Корнеев В.* К итогам VII Международной психотехнической конференции // Военно-санитарное дело. 1932. № 2. С. 40–43.
- Корнилов К. Н.* Психология и социалистическое строительство // Психоневрологические науки и социалистическое строительство в СССР: стенографический отчет I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Под ред. А. Б. Залкинда. Л.–М.: Государственное медицинское изд-во, 1930. С. 127–149.
- Корсаков С. Н., Данилов С. И.* Из истории советской психологии 1920–1930-х гг.: А. А. Таланкин // Философские науки. 2017. № 10. С. 131–150.
- Куразов И.* Некоторые итоги I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека // Человек и природа. 1930. № 4. С. 3–8.
- Макаров И. О.* О 4-м Международном съезде по психотехнике // Тесты. (Теория и практика). Сборник второй / Под ред. М. С. Бернштейна, П. П. Блонского, М. И. Зарецкого, А. А. Смирнова, А. М. Шуберт. М.: Издание Научно-педагогического института методов школьной работы (НПИМШР), 1928. С. 195–198.
- Маркарьянц Т. Г.* Работоспособность взрослых и детей в различные часы дня // Первый Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике в С.-Петербурге с 26 по 31 декабря 1910 г. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1911. С. 292–301.
- Материалы бригад, созданных на I Всесоюзном психотехническом съезде, доработанные после съезда // Советская психотехника. 1932. № 1–2. С. 74–78.

- Международная психотехническая конференция // Известия. 1931. № 253 (4460). 13 сентября. С. 2.
- Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология / Сост. и отв. ред. Н. Ю. Стоюхина, А. А. Костригин, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.
- Митников И. А.* Подготовка первого Всесоюзного съезда по психотехнике // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2–3. С. 247–250.
- На психотехническом фронте. Материалы к Первому съезду Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии. Май 1931, Ленинград. Ч. 1. Тезисы докладов 20–21 мая. М.–Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931а.
- На психотехническом фронте. Материалы к Первому съезду Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии. Май 1931, Ленинград. Ч. 2. Тезисы докладов на заседаниях 20, 23, 24, 25 мая. М.–Л.: Изд. Оргбюро съезда, 1931б.
- Незнанов Н. Г. Акименко М. А., Коцюбинский А. П. Школа В. М. Бехтерева: от психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме. Т. I. Этапы развития.* СПб.: Альта Астра, 2017.
- Ноа Ф.* Рационализация промышленности и инженерные организации в СССР // Время. 1924. № 12. С. 9–12.
- Носкова О. Г.* История психологии труда в России (1917–1957) / Под ред. Е. А. Климова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- О VII Международной психотехнической конференции // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 4–6. С. 409–414.
- Первая Всесоюзная конференция по психофизиологии труда и профессиональному подбору в Москве с 29 мая по 3 июня 1927 г.: программа занятий. М., 1927.
- Первый всероссийский съезд по психоневрологии. Рефераты докладов // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1923. Т. 3. С. 246–319.
- I Всероссийский съезд по психоневрологии в гор. Москве от 10 до 15 января 1923 г. Расписание занятий. М., 1923.
- Пере выборы правления Всероссийского психотехнического общества // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2–3. С. 250–262.
- Петровский А. В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967.
- Подготовка к VII Международному психотехническому конгрессу // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 5. С. 438.

- Постановление Оргбюро I Съезда по прикладной психофизиологии и психотехнике от 28 января 1930 г. // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2–3. С. 247.
- Прения по докладом Щеглова и Маркарьянца // Первый Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике в С.-Петербурге с 26 по 31 декабря 1910 г. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1911. С. 301–307.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- V Международная психотехническая конференция в Ютрехте // Психофизиология труда и психотехника. 1928. № 2. С. 93–96.
- Резолюция психотехнической секции I Всесоюзного съезда изучению поведения человека. Ленинград. 25 января–1 февраля 1940 г. // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2–3. С. 234–237.
- Резолюция совещания по психотехнике в угольной промышленности (происходившего в Рутченкове (Донбасс) с 23 по 26 июня 1932 г.) // Советская психотехника. 1932. № 5–6. С. 400–411.
- Розмирович Е.* НОТ в СССР // Время. 1924. № 12. С. 6–9.
- Рудик П.* Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Научное слово. 1930. № 4. С. 64–82.
- Рыбников Н.* Советский школьник по работам секции первого школьного возраста // На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 37–49.
- С. Г.* Вторая Всесоюзная конференция по НОТ // Гигиена труда. 1924. № 4. С. 115–119.
- Серебренников А. П.* Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной психологии и психоневрологии (2-й съезд по психоневрологии) // Педологический журнал. 1924. № 1 (4). С. 89–119.
- Соколов М. В.* Вопросы психологической теории на русских съездах по педагогической психологии // Вопросы психологии. 1956а. № 2. С. 8–22.
- Соколов М. В.* Критика метода тестов на русских съездах по экспериментальной педагогике (1910–1916) // Вопросы психологии. 1956б. № 6. С. 16–28.
- Соколов Н.* Второй Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии в Петрограде (3–10 января 1924 года) // Наш труд. 1924. № 2. С. 55–56.
- Стоюхина Н. Ю.* Психологические съезды начала XX в. и первых лет советской власти о психологическом знании для средних школ // Мир науки, культуры, образования. 2010а. № 1 (20). С. 159–163.

- Стоюхина Н. Ю.* Первые психологические съезды о психологическом знании для учащихся // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010б. С. 406–416.
- Стоюхина Н. Ю.* Г. И. Челпанов и дискуссия о психологии в школе на первых психологических съездах // Альманах научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Г. И. Челпанова. Вып. 5. М.: ПИ РАО–МГППУ, 2012. С. 248–270.
- Стоюхина Н. Ю.* О периодизации истории советской психотехники // European Social Science Journal. 2015. № 5. С. 228–240.
- Стоюхина Н. Ю.* Психология воздействия в советской психотехнике: 1920–1930-е гг. Ярославль: РИО: ЯГПУ, 2016.
- Стоюхина Н. Ю.* Сергей Степанович Чахотин и НОТ: КОВОТЕП–ОСВАГ–СССР // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017а. № 5. С. 142–166.
- Стоюхина Н. Ю.* Психотехническое образование в СССР в 1930-х гг.: нереализованный проект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017б. Т. 31. С. 1381–1385. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970291.htm>.
- Стоюхина Н. Ю.* Психотехники в 1936 г.: новые факты // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. Вып. 2. М.: АСОУ, 2018. С. 525–536.
- Стоюхина Н. Ю.* Советская психология труда на новом этапе (к 65-й годовщине совещания по вопросам психологии труда) // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022а. Т. 7. № 1. С. 51–72.
- Стоюхина Н. Ю.* Рефлексология труда как основание психологии труда (К 165-летию В. М. Бехтерева и 100-летию Конференции по научной организации труда) // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022б. Т. 7. № 2. С. 233–253. doi: 10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_010
- Стоюхина Н. Ю.* К истории психологии труда в СССР: выступление К. К. Платонова на совещании 1952 г. // История современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института пси-

- хологии РАН, 16–18 ноября 2022 г., Москва / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022в. С. 171–173.
- Стоюхина Н. Ю.* В. Н. Колбановский о психотехнике: к 120-летию со дня рождения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022г. Т. 7. № 4. С. 266–291. doi: 10.38098/ipran.opwp_2022_25_4_011
- Стоюхина Н. Ю.* «Физиолог-трудовед» и психотехник Крикор Хачатурович Кекчеев (к 130-летию со дня рождения) // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023. Т. 8. № 2. С. 181–207. doi: 10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_008
- Стоюхина Н. Ю., Башук Е. Н.* Первый съезд по педагогической психологии: жажда реформ // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 87–100.
- Стоюхина Н. Ю., Журавлев А. Л.* «Павловская» сессия: новое прочтение // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 49–58.
- Стоюхина Н. Ю., Костригин А. А.* Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 1 (21). С. 192–218.
- Стоюхина Н. Ю., Мазилев В. А.* Забытый съезд: Первый Всероссийский съезд по психоневрологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 4. С. 251–260.
- Стоюхина Н. Ю., Мазилев В. А.* Неизвестные съезды: Второй психоневрологический // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 1. С. 277–288.
- Таланкин А.* О повороте на психологическом фронте. М.—Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931.
- Торбек В.* О Съезде по изучению поведения человека // Дошкольное воспитание. 1930. № 3. С. 18–21.
- Тутунджян О. М.* Международные психологические конгрессы // Вопросы психологии. 1966. № 3. С. 165–174.
- Уральский областной съезд психотехников и физиологов труда // Советская психотехника. 1932а. № 1–2. С. 78–79.
- Уральский областной съезд психотехников и физиологов труда (11–16 марта, г. Свердловск) // Советская психотехника. 1932б. № 3. С. 229–237.

- Устав Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2–3. С. 285–290.
- Шевалев Е.* Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной психологии и психоневрологии // Современная медицина. 1924. № 2–3. С. 125–127.
- Шнирман А. Л.* Рефлексологическая секция Всероссийского съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. М.–Л., 1925. С. 354–375.
- Шпильрейн И.* Положение и задачи психотехники на Западе и в Р. С. Ф. С. Р. // Вестник Коммунистической академии. 1923. № 2. С. 114–129.
- Шпильрейн И.* II Всероссийская конференция по научной организации труда // Время. 1924а. № 7. С. 3–7.
- Шпильрейн И. Н.* НОТ и прикладная психология // Вторая Всероссийская конференция по НОТ: тезисы докладов. 1924б. Вып. II. С. 58.
- Шпильрейн И.* Первая всесоюзная конференция по психофизиологии труда и профотбору // Гигиена труда. 1927. № 10. С. 113–118.
- Шпильрейн И. Н.* IV Международная конференция по психотехнике и профессиональной ориентации (Париж, 10–14 октября 1927 г.) // Психофизиология труда и психотехника. 1928. № 1. С. 68–74.
- Шпильрейн И. Н.* Основные теоретические проблемы психотехники // Психофизиология труда и психотехника. Всесоюзная конференция по психофизиологии труда и профподбору, 1-я. Москва, 29 мая–3 июня 1927 г. / Под ред. И. Н. Шпильрейна. М.: Госмедиздат, 1929. С. 62–67.
- Шпильрейн И. Н.* Психотехника в реконструктивный период. Стенограмма доклада в Коммунистической академии 2 декабря 1929 г. и прений по докладу с предисл. И. М. Бурдянского. М.: Изд-во Комакадемии, 1930а.
- Шпильрейн И.* IX Международный психологический конгресс // Психотехника и психофизиология труда. 1930б. № 1. С. 75–82.
- Шпильрейн И. Н.* Задачи психотехники в реконструкционный период // Психоневрологические науки и социалистическое строительство в СССР: стенографический отчет I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Под ред. А. Б. Залкинда. Л.–М.: Госмедиздат, 1930в. С. 150–175.
- Шпильрейн И. Н.* Психотехника в реконструктивный период // Психоневрологические науки в СССР. Материалы I Всесоюзного съезда

- по изучению поведения человека / Отв. ред. А. Б. Залкинд. М.—Л.: Госмедиздат, 1930г. С. 14—18.
- Шпильрейн И. Н.* VI Международная психотехническая конференция в Барселоне // Психотехника и психофизиология труда. 1930д. № 4. С. 327—333.
- Шпильрейн И. Н.* Элементы теории психотехники // Психотехника и психофизиология труда. 1930е. № 4. С. 237—242.
- Шпильрейн И. Н.* Три съезда (Об участии советских психотехников в международных конференциях) // Вестник Коммунистической академии. 1930ж. № 37—38. С. 167—170.
- Шпильрейн И. Н.* Задачи психотехники в реконструктивный период: стенограмма доклада на съезде по изучению поведения человека (январь, 1930 г.). Л.—М.: Госмедиздат, 1931а.
- Шпильрейн И. Н.* Положение на психотехническом фронте // На психотехническом фронте. Материалы к Первому съезду Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии. Май 1931, Ленинград. Ч. 1. Тезисы докладов 20—21 мая. М.—Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931б. С. 3—11.
- Шпильрейн И. Н.* О повороте в психотехнике // Психотехника и психофизиология труда. 1931в. № 4—6. С. 247—285.
- Эмдин П. И.* Первый Всероссийский Съезд по психоневрологии. Ростов-на-Дону, 1923.
- Эфрусси П. О.* Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10—15 января 1923 г. Пг.: Начатки знаний, 1923.
- Ясницкий А.* Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920—1930-х гг. // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 101—112.
- Ясницкий А.* Реконструкция поездки А. Р. Лурии на IX международный психологический конгресс // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 86—93.
- Ясницкий А.* Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века // Науки о человеке: история дисциплин / Под общ. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2015. С. 299—329.
- Compte Rendus de la IVème Conférence Internationale de Psychotechnique. Paris, Institut international de coopération intellectuelle, 10—14 octobre 1927. Paris: Alcan, 1929.
- Gouarné I.* Isaak N. Spielrein. VIIe Conférence internationale de psychotechnique. Moscou, 8—13 septembre 1931. Présentation // Bulletin de Psychologie. 2012. T. 65 (3). № 519. P. 277—281.

Разработка проблем психологии нравственности в Институте психологии АН СССР в 1972–1991 гг.¹

А. Л. Журавлев, А. А. Костригин

В российской психологии становится востребованной область исследований, посвященных истории научно-исследовательской и научно-организационной деятельности различных психологических центров. Описываются истоки научных исследований в Психологическом институте РАО (Рубцов, 2012; Серова, 2022), на факультетах психологии Московского (Ждан, 2006), Санкт-Петербургского (Логина, 2019; Шаболтас, Гришина, 2018) и Ярославского (Карпов, 2020) университетов, кафедры психологии Ярославского государственного педагогического университета (Мазилев, Слепко, 2021) и др. Ведется изучение истории создания, становления и развития Института психологии АН СССР (РАН) (Белопольский и др., 2020, 2021; и др.).

Традиционно историко-психологический анализ деятельности психологического центра касается существовавших в нем научных подразделений или школ, а также разрабатывавшихся в нем отраслей психологии, однако представляется перспективным расширить проблемное поле и обратиться к такой единице анализа, как *научное направление* (Елисеева, Олейник, 2019; Костригин, Журавлев, 2022). Это позволит дифференцировать вклад научного центра в разработку широкого спектра психологических проблем, объединенных сходной тематикой.

Изучение истории развития научных направлений в Институте психологии АН СССР (РАН) находится на начальном этапе разработки – существуют исследования в основном отраслевого характера (Воловикова, 2012; Дробышева, Журавлев, 2018; Сергиенко, Тарабрина, 2007; и др.). Специальные историко-психологические работы только начали выполняться, например, описаны характеристики развития

¹ Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2023-0001.

научного направления космической психологии (Дикая, 2011) и методологии психологии (Костригин, Журавлев, 2022).

Среди направлений психологических исследований в Институте психологии АН СССР (РАН) особое место принадлежит *психологии нравственности*. Нравственно-психологическая проблематика, с одной стороны, является специфической и самостоятельной, и ее предметное поле выступает самодостаточным, с другой — носит междисциплинарный характер (базируется на социальной психологии и психологии личности, пересекается с педагогической, экономической психологией, психофизиологией и др.). В российской науке проблемы психологии нравственности начали разрабатываться на рубеже XIX–XX вв. (Калинин, Костригин, 2018; Серова, 2007; Старшинова, 2010), имели свою специфику в советское время (Бражникова, 2018; Гостев, Борисова, 2012; Курносова, 2020; Моисеева, 2011) и приобрели новый статус на современном этапе (Журавлев, Юревич, 2013; Мироненко, 2010) развития психологической науки. Особый интерес представляет развитие направления психологии нравственности в рамках конкретного психологического центра — Института психологии АН СССР (РАН). Сужение объекта исследования (до публикаций одной организации) позволит определить факторы становления и развития данного научного направления.

Цель данной работы — анализ *истории разработки проблем психологии нравственности* в Институте психологии АН СССР в советский период. Исследование опирается на историко-психологические работы по данному вопросу (Воловикова, Журавлев, 2018), расширяя источниковую базу и предлагая новые аспекты историко-психологического анализа. Хронологические рамки ограничены советским периодом (1972–1991 гг.) деятельности Института психологии АН СССР. Разработку нравственно-психологических проблем в обсуждаемый период можно обозначить *предпосылками* развития направления психологии нравственности в постсоветский (1990-е годы) и современный российский (2000–2020-е годы) периоды. В настоящее время начальный этап исследования нравственно-психологических проблем проанализирован недостаточно, существует необходимость определения ведущих персоналий, занимавшихся этими вопросами, векторов разработки психологии нравственности, ключевых публикаций, которые заложили основы данной проблематики в Институте психологии.

Анализ исследований по направлению психологии нравственности в Институте психологии АН СССР проводится на основе изданных

сотрудниками монографий и сборников научных трудов (во внешних издательствах, собственном издательстве, с грифом Института психологии), а также статей в «Психологическом журнале» как академическом периодическом издании по психологии. Особенностью анализа выступает акцент не только на индивидуальных статьях, но и на их включенности в коллективные работы, которые нами рассматриваются как основная площадка публикационной активности, характеризующаяся тем, что статьи отдельных авторов объединены одной темой в рамках коллективной монографии или сборника научных трудов. Мы предполагаем, что основным типом публикаций, вносивших вклад в разработку направления психологии нравственности, являлись статьи именно в коллективных изданиях. Это связывается нами с тем, что в отличие от основных отраслей психологии, которые разрабатываются одновременно во многих научных и образовательных центрах и обсуждаются в межинституциональных изданиях, более узкие научные направления, являющиеся специфически для конкретной научной организации, возникают и развиваются во внутренних изданиях и, в первую очередь, в работах локального научно-исследовательского сообщества и публикационного пространства, сформированных на базе этой организации (Костригин, Журавлев, 2022). Рассмотренные далее идеи можно считать основами, на которых строились последующие исследования по психологии нравственности в Институте психологии.

Кроме того, исследования сотрудников Института психологии АН СССР по психологии нравственности разделены на отрасли – социальной психологии, психологии личности, психологии труда и управления. Зарождение данного направления в Институте психологии АН СССР происходило на пересечении этих отраслей и носило междисциплинарный характер (внутрипсихологического уровня) (Журавлев, 2007), что обуславливает необходимость структурированного рассмотрения нравственно-психологических разработок в публикациях Института психологии.

Постановка вопросов психологии нравственности в работах сотрудников сектора философских проблем психологии Института философии АН СССР

Собственно направления психологии нравственности в советской психологии и в начале функционирования Института психологии АН

СССР не существовало. Вопросы этого направления исследовались в различных отраслях психологии и не имели четкой спецификации как по проблематике, так и по терминологии. Становление психологии нравственности в Институте психологии АН СССР было подготовлено исследованиями специалистов в области истории и методологии психологии, общей и социальной психологии, психологии личности, до организации Института психологии сотрудниками сектора философских проблем психологии Института философии АН СССР, которые в сентябре 1972 г. перешли в состав Института психологии (Белопольский и др., 2020).

Изучение проблем психологии нравственности до организации Института можно разделить на два этапа: 1960-е годы и начало 1970-х годов. В 1960-е годы в отдельных статьях И. А. Джидарьян обращалась к проблеме соотношения нравственных и эстетических чувств (Джидарьян, 1964), Е. В. Шорохова проанализировала феномен самосознания и выделила в качестве его компонента представление человека о себе как нравственной личности (Шорохова, 1966), Л. И. Анцыферова описала взгляды на духовную сущность и этические феномены личности в зарубежной гуманистической психологии (Анцыферова, 1970).

В 1972 г. вышли три монографии – Е. А. Будиловой «Философские проблемы в советской психологии» (1972), К. К. Платонова «О системе психологии» (1972) и «Проблемы способностей» (1972). Хотя к тому времени Институт психологии АН СССР уже был организован, эти книги еще не относились к продуктам его научно-исследовательской деятельности: книги были сданы в печать до начала работы авторов в Институте психологии, а на двух из них («Философские проблемы в советской психологии» и «Проблемы способностей») стоял гриф Института философии АН СССР. Данные монографии предшествовали нравственно-психологическим разработкам в Институте психологии АН СССР после 1972 г.

В работе Е. А. Будиловой косвенной постановкой проблем психологии нравственности являлось определение в качестве одной из ведущих задач советской психологии формирование нового человека, в частности, его нравственное и моральное воспитание (Будилова, 1972, с. 188). Историко-психологическим примером такой разработки ею была обозначена деятельность известного педагога А. С. Макаренко (там же, с. 114).

В теоретико-методологической работе К. К. Платонова «О системе психологии» выделялись нравственные и моральные явления, которые

могут стать объектом психологических исследований и приобретать вид различных отношений между людьми. Автор проводил различие между этими феноменами, предположив, что нравственные явления — объективные, а моральные — субъективные. «Нравственные явления — это явления реального мира, выражающиеся, в частности, в определенных объективных отношениях между людьми. Психические явления точнее называть моральными явлениями. Личности присущи моральные свойства; она переживает свои и чужие поступки как моральные или аморальные. Но для других людей объективно эти же поступки являются нравственными или безнравственными актами объективного поведения» (Платонов, 1972а, с. 28–29). Платонов рассмотрел несколько нравственных понятий, которые могли бы анализироваться на разных уровнях психологии: нравственные потребности, способности, сознание, деятельность. В частности, он специально обратился к нравственным способностям в книге «Проблемы способностей», которые он понимал как «такую структуру личности, которая определяет нравственные, полезные для общества и его отдельных членов поступки человека» (Платонов, 1972б, с. 192). Высокому уровню выраженности нравственных способностей соответствуют развитое нравственное сознание и поступки, а также активное противодействие нарушениям нравственных норм (там же).

Наконец, К. К. Платонов обозначил направление психологического анализа специфических аспектов общественного сознания и других категорий социальной психологии как *нравственную психологию*. «После возникновения понятия „мы“ можно предполагать начало формирования элементов нравственной психологии. Вплетаясь в групповую трудовую деятельность, элементы религиозной и нравственной психологии становились специфическими формами и индивидуального, и группового, и общественного сознания» (Платонов, 1972а, с. 104). Одним из ключевых понятий этого направления он выделял непосредственно нравственное сознание. «Нравственное сознание возникало и изменялось как нравственная групповая психология, обобщавшая социально полезный опыт общения людей в определенных группах и в соответствующих исторических условиях. Объективно зафиксированные нравственные нормы отражают соответствующее (или не соответствующее) им нравственное (и безнравственное) поведение и другие особенности в индивидуальном и в групповом сознании в виде различных моральных (и аморальных) психических явлений» (там же, с. 110).

Хотя в работах К. К. Платонова было использовано понятие «нравственной психологии», однако его теоретический анализ и результаты эмпирических исследований других авторов (Л. И. Анцыферовой, Е. А. Будиловой, И. А. Джидарьян, Е. В. Шороховой) лишь ставили отдельные нравственные, моральные и этические вопросы, которые только в будущем вошли в новую область исследований. Функцией этих ранних работ являлось обоснование принципиального использования понятий «нравственность», «мораль» и «этика» в психологической литературе, в частности в дальнейших работах сотрудников Института психологии АН СССР в 1970-е и 1980-е годы.

Изучение проблем психологии нравственности в Институте психологии АН СССР в 1972–1991 гг.

В первых же изданиях Института психологии АН СССР ставились вопросы психологии нравственности, однако чаще всего они были частью или аспектом других психологических проблем. Изучение тематики психологии нравственности, по нашему мнению, происходило внутри нескольких отраслей психологии — социальной психологии, психологии личности, психологии труда и управления. Представим разработки сотрудников Института по этим областям.

Проблематика психологии нравственности в публикациях Института психологии АН СССР по социальной психологии

Разработка вопросов психологии нравственности в рамках социальной психологии была связана с решением актуальных проблем общества, изучением различных социальных регуляторов (в частности нравственных норм) поведения человека и группы, исследованием нравственно-психологических феноменов в коллективах, решением вопросов в прикладных сферах (семейных взаимоотношений, воспитания детей).

Общественная проблематика в области психологии была обозначена Б. Ф. Ломовым в работе «Психологическая наука и общественная практика» (1974). Он предлагал использовать социально-психологические знания и методы при создании системы образования и воспитания, формировании у граждан таких морально-нравственных качеств, как трудовая дисциплина, чувство ответственности, правосознание и др. (Ломов, 1974, с. 28). Одним из общественных феноменов, в отношении которых сотрудниками Института психологии АН

СССР проводились исследования социально-психологического характера, было социалистическое соревнование. В сборнике научных трудов «Социально-психологические аспекты социалистического соревнования» (1977) под редакцией Е. В. Шороховой были рассмотрены психологические механизмы социалистического соревнования, которые включали в себя и воздействие морально-нравственных норм. Е. В. Шорохова, К. К. Платонов, О. И. Зотова и В. В. Новиков обозначили социалистическое обязательство как один из ведущих компонентов соревнования; обязательство направлено на достижение общественно значимой трудовой цели и является, по сути, морально-нравственным свойством и состоянием человека. «Социалистическое соревнование оказывается наиболее действенным тогда, когда выраженные в нем цели связаны с высшими духовными ценностями общества и когда эти цели воспринимаются участниками соревнования как цели коллектива и их личные цели» (Шорохова и др., 1977, с. 32). Кроме того, обязательство становится также моральным переживанием. «В этом сложном процессе возникает чувство внутренней моральной обязанности выполнять обязательство, которое не оставляет личность до тех пор, пока цели, поставленные в обязательстве, не будут достигнуты. В случае невыполнения обязательства создается ощущение морального дискомфорта, а выполнение его вызывает глубокое удовлетворение — чувство исполненного долга перед обществом» (там же).

Участие в социалистическом соревновании оказывает влияние на мотивационную сферу личности — в процессе исполнения социалистического обязательства подкрепляются высоконравственные мотивы (там же, с. 34; Зотова, 1977, с. 87), а на всех этапах соревнования воздействуют морально-психологические стимулы: в самом начале — как общественно значимое мероприятие, в процессе — как соперничество в достижении полезной цели и желание продемонстрировать свои сильные стороны, в конце — в виде известной и заметной всем награды (Кучевская, Кучевский, 1977, с. 156, 160–161).

Проблема *социальной регуляции поведения* являлась одной из ключевых в социально-психологических исследованиях Института психологии АН СССР в первое десятилетие его работы. Было издано несколько монографий и сборников научных трудов, в которых обсуждались вопросы социальной регуляции поведения личности и группы.

В сборнике научных трудов «Методологические проблемы социальной психологии» (1975) под редакцией Е. В. Шороховой обсуждались как теоретико-методологические вопросы проведения

социально-психологических исследований, так и основные социально-психологические феномены. Нравственно-психологическая проблематика в этом издании опосредованно была связана с изучением проблем регуляции поведения человека на основе моральных норм и ценностных ориентаций. Так, М. И. Бобнева поставила вопрос о социальных нормах как социально-психологических регуляторах поведения человека и коллективов. «Усвоение человеком ценностей и норм коммунистического общества, требуемых обществом социальных правил и стандартов поведения, согласование своего поведения с установлениями общества, подчинение своих действий и поступков высшим нормам должного поведения, вырабатываемым обществом, — непременное условие формирования гражданина» (Бобнева, 1975, с. 221). В частности, к социальным нормам она относилась этически. «В сфере производства социальное поведение людей регулируется с помощью многочисленных средств — правовых, экономических, административных, этических и собственно социальных норм и установлений» (там же, с. 235). Кроме того, М. И. Бобнева выделила деонтический аспект социальных норм, в котором отражаются представления о должном, желаемом, одобряемом, ожидаемом в обществе, а также о качествах личности и ее поведении — самоотверженности, героизме, стойкости, убежденности, альтруизме, самоотдаче и др. (там же, с. 237–238).

М. И. Бобнева совместно с О. И. Зотовой в качестве механизмов регуляции поведения рассмотрели ценностные ориентации. Будучи элементом духовной культуры человека, ценностные ориентации содержат общественные и личностные идеалы (в том числе нравственные) (Зотова, Бобнева, 1975, с. 253), а расхождение ценностных ориентаций личности с социальными нормами или недостаточная их сформированность ведут к моральной неустойчивости и отсутствию нравственно воспитанной воли (там же, с. 252–253).

В 1976 г. вышла коллективная монография «Психологические проблемы социальной регуляции поведения» (1976) под редакцией Е. В. Шороховой и М. И. Бобневой, в которой сотрудники Института психологии АН СССР изучали различные вопросы социально-психологической регуляции поведения, в том числе были обозначены аспекты нравственной регуляции. Рассматривая проблему факторов социальной детерминации поведения человека, Е. В. Шорохова относилась мораль и нравственные нормы к регуляторам отношений внутри общественных групп (Шорохова, 1976, с. 9); в содержании же отноше-

ния человека к обществу, группам и отдельным людям присутствуют нравственные нормы, принципы и правила (там же, с. 10). «Нравственные нормы выступают как регуляторы поведения общественных групп и личности в более широком диапазоне. Их действенная сила опирается на силу общественного мнения, на силу традиций, привычки. Фактически пронизывая все сферы взаимоотношений людей как членов определенных общностей, нравственные нормы фиксируют в большей степени, чем правовые установления, общечеловеческие правила поведения» (там же, с. 10–11). Содержание самих нравственных норм соотносится с категориями добра и зла.

М. И. Бобнева обосновала то, что социальные нормы участвуют «в формировании „высшего этажа“ регулятивных механизмов поведения человека: его идеалов, убеждений, мировоззренческих установок, высших нормативных представлений и нравственных образований – чувства долга, совести» (Бобнева, 1976, с. 148). Усвоение человеком социальных норм и других регуляторов поведения предполагает не только познание их содержания и механизмов воздействия, но и их нравственную оценку, которая определяет их соответствие принятым в обществе системам нравственности и морали (там же, с. 163). Таким образом, нравственная и ценностная детерминация поведения реализуются благодаря наличию системы социальных нравственных норм и соотносительности норм и ценностей (там же, с. 147).

В конце 1970-х годов сотрудниками Института психологии АН СССР были сформулированы понятия самостоятельных нравственных феноменов в сфере регуляции поведения. М. И. Бобнева в своей монографии «Социальные нормы и регуляция поведения» (Бобнева, 1978) дала определение нравственным нормам: они, «складываясь исторически, оформляют и регулируют отношение людей к „абсолюту“, соотносят поведение с абсолютными принципами, эталонами, идеалами» (там же, с. 30). Спецификой нравственных норм является объективная необходимость их соблюдения всеми людьми. «Любое нарушение абсолютных нравственных норм наносит ущерб человечеству как роду, является преступлением против самой природы человека как общественного существа. Основным критерием нравственности тех или иных норм является проявление в них отношения человека к другому человеку и самому себе как к подлинно человеческому существу – личности» (там же, с. 33).

В сборнике статей «Психологические механизмы регуляции социального поведения» (1979) были продолжены исследования со-

циально-психологической регуляции поведения. Е. В. Шороховой и М. И. Бобневой было введено понятие нравственного развития личности, в которое входит усвоение высших форм нравственной регуляции — представлений о долге, о возвышенном и высоком, системы высших ценностей, совести (Шорохова, Бобнева, 1979, с. 15).

Следующим вектором изучения нравственно-психологических вопросов была *социальная психология коллективных феноменов*. В коллективной монографии (Коллектив и личность, 1975) К. К. Платонов совместно с А. Д. Глоточкиным описал различные социально-психологические явления в воинских коллективах, отметил влияние на личность солдата нравственных оценок его действий и поступков со стороны коллектива, а также формирование организованности и воинской дисциплины на основе идейно-нравственных и уставных принципов (Глоточкин, Платонов, 1975, с. 254, 256). И. А. Джидарьян обратилась к социально-психологическим особенностям функционирования творческих коллективов и показала, что представители таких коллективов должны обладать высокой идейно-нравственной ответственностью, так как они влияют на многомиллионную аудиторию потребителей (Джидарьян, 1975б, с. 205). Кроме того, особое внимание необходимо уделять нравственно-психологической атмосфере внутри творческих коллективов (там же, с. 220), развитию моральных качеств у лидеров, например, у режиссеров (там же, с. 207).

В сборнике научных трудов «Социально-психологический климат: теория и методы изучения» (1979), вышедшем под редакцией Е. В. Шороховой, В. И. Антонюк, О. И. Зотова, Г. А. Моченов и Е. В. Шорохова провели историко-психологический анализ концепций социально-психологического климата, они отметили, что ранними обозначениями этого феномена были термины «морально-психологическая обстановка», «моральное состояние группы», «морально-психологический климат» и др. (подобные термины встречались и в 1970—1980-е годы) (Антонюк и др., 1979, с. 11). Это свидетельствует о том, что моральные нормы и ценности являются психологическими регуляторами поведения членов группы, а также выступают составляющими психологического единства коллектива. Значение нравственных качеств личности в развитии климата показала В. А. Кольцова: она изучала влияние социалистического соревнования на формирование социально-психологического климата и выявила, что в процессе соревновательного общения участники высоко ценят нравственно-этические качества других соревнующихся — отзывчивость, принци-

пиальность, требовательность к себе и другим, честность и др. (Кольцова, 1979, с. 72). Таким образом, важным фактором формирования социально-психологического климата являются нормы и принципы общения членов группы между собой.

В 1980-е годы социально-психологические исследования нравственно-психологических проблем имели *прикладной характер*. Так, в сборнике научных трудов «Прикладные проблемы социальной психологии» (1983) В. П. Левкович подняла вопрос о нравственном развитии детей в рамках семейного воспитания. «Поскольку значительную часть жизни ребенок проводит в семье, именно здесь начинают складываться его первые нравственные представления, формироваться нравственные оценки различных сторон жизни» (Левкович, 1983, с. 99). Ведущим фактором формирования нравственности у ребенка выступают семейные отношения, которые «создают в семье специфическую морально-психологическую атмосферу, которая играет важную роль в решении каждой семьей ее воспитательных задач» (там же, с. 100). Стиль общения родителей, характер деловых отношений между родителями и детьми, наконец взаимоотношения супругов влияют на формирование нравственных качеств, нравственного отношения к труду и нравственных отношений ребенка с другими людьми (там же, с. 106, 113–115).

Кроме собственно нравственных вопросов, к направлению психологии нравственности относятся *проблемы духовности и этики*, которые в определенной степени затрагивали сотрудники Института психологии АН СССР в советский период. В области социальной психологии такая разработка касалась только семейного и нравственного воспитания: В. П. Левкович рассматривала в качестве основы нравственного воспитания детей в семье интерес родителей к внутреннему, духовному миру ребенка (там же, с. 101).

В заключение этого раздела рассмотрим публикации сотрудников Института психологии в «Психологическом журнале». Здесь присутствовали те же векторы психологии нравственности: общественная проблематика и прикладные исследования (воспитание детей, супружеские отношения), но выделялись и новые темы — нравственность в этнической и политической психологии.

Б. Ф. Ломов выделял этический вид общественных отношений, в которых формируется человек, а также обозначал моральные принципы, убеждения и идеалы как результат включенности в общественные отношения и усвоения форм общественного сознания (Ломов,

1981, с. 7, 16; 1983, с. 17). В. П. Левкович писала о нравственном развитии детей в рамках семейного воспитания (Левкович, 1981), что было подробнее раскрыто в ее упоминавшихся выше работах. В сфере супружеских отношений В. П. Левкович и О. Э. Зуськова выделили благоприятные условия для взаимодействия супругов – это формирование нравственных отношений через соблюдение норм вежливости, чуткости, тактичности, доброжелательности, внимательности; уровень моральной мотивации и сознания; единство нравственных позиций (Левкович, Зуськова, 1985).

Нравственные проблемы в этнической психологии рассмотрели В. П. Левкович и Н. Г. Панкова. Они обозначили нравственно-психологическую проблематику в изучении этнического сознания и показали, что в основе функционирования этнических стереотипов лежат моральные убеждения, компонентами этнического самосознания является осознание группой своего морального единства и общности нравственных ценностей, функцией обрядов выступает поддержание моральных принципов (Левкович, Панкова, 1983).

В области политической психологии С. К. Рошин представил различные группы общества по уровню выраженности идейно-нравственных ценностей и качеств личности: группа людей, основу мировоззрения которых составляют идейно-нравственные ценности социализма; нормативно-конформистская группа; конъюнктурно-приспособительская группа; группа людей, находящихся в состоянии аномии (Рошин, 1990).

Таким образом, изучение нравственных проблем в рамках социальной психологии в изданиях Института психологии АН СССР касалось проблем регуляции поведения членов различных групп и общества в целом, воздействия на их деятельность через нравственные нормы, оценки, формирование нравственных представлений, убеждений и сознания, источником которых являются социальные феномены.

Вопросы психологии нравственности в публикациях Института психологии АН СССР по психологии личности

В сфере психологии личности сотрудниками Института психологии АН СССР в 1972–1991 гг. изучались различные нравственные личностные феномены, нравственные компоненты в структуре мотивации деятельности человека, роль нравственности в развитии самосознания личности, осуществлялось выделение нравственно-психологической проблематики в самостоятельную область исследований.

Сотрудниками Института психологии АН СССР проводились исследования по вопросам *нравственного развития личности, ее качеств и факторов мотивации* (Теоретические проблемы психологии личности, 1974). Е. В. Шорохова, ответственный редактор сборника статей, отмечала актуальность изучения моральных качеств личности (Шорохова, 1974, с. 5). К. А. Абульханова-Славская анализировала проблему соотношения индивидуального и общественного в психологии и рассматривала место моральных установок в структуре личности (Абульханова-Славская, 1974, с. 56). В. Г. Асеев отмечал важную роль изучения мотивационной сферы личности при организации мероприятий, направленных на морально-нравственное воспитание граждан (Асеев, 1974, с. 122). И. А. Джидарьян выделила нравственно-этический компонент мотивации поведения человека (Джидарьян, 1974, с. 148), обозначила в качестве самостоятельных группы нравственных потребностей и чувств (там же, с. 165). К последним она относила такие феномены, как нравственные чувства долга, совести, чести, патриотизма и др., а также ввела понятия нравственного облика личности, эмоционально-нравственных отношений и др. (там же, с. 166). По ее мнению, формирование нравственных чувств совпадает с развитием нравственных потребностей.

К. К. Платонов проанализировал структуру характера и особо выделил моральные качества личности (Платонов, 1974, с. 205). И. И. Чеснокова считала, что морально-нравственные нормы и принципы поведения влияют на формирование самосознания; развитие личности заключается в соотношении себя в самосознании с морально-нравственными образцами (Чеснокова, 1974, с. 224). Историко-психологические истоки зарождения нравственно-психологических идей были обозначены Е. А. Будиловой, которая проанализировала роль рефлекторного принципа, развивавшегося И. М. Сеченовым, в объяснении управления человеком собственным поведением, в том числе нравственными поступками, рассмотрела концепции личности П. Ф. Каптерева, П. Ф. Лесгафта, А. Ф. Лазурского, где особое внимание ими уделялось нравственным и моральным свойствам (Будилова, 1974, с. 256, 264, 266, 273).

В. Г. Асеев в отдельной монографии «Мотивация поведения и формирование личности» (1976) обратил внимание на формирование социальной ответственности личности, которое связывается с расширением интеллектуальных, волевых и моральных возможностей регулирования собственного поведения (Асеев, 1976, с. 135). В процессе

развития личности происходит повышение ответственности за свои поступки, потребности, цели, идеалы, мотивационную направленность, качества. Другим вопросом в книге В. Г. Асеева, связанным с развитием моральных качеств личности, являлось формирование нового человека в советском обществе, участие психологии в котором заключалось в раскрытии психологических механизмов формирования мировоззрения, общественно-политических и моральных убеждений, стимулирования нравственного развития (там же, с. 138, 141). Важную роль в воспитании играет и человек, его осуществляющий — руководитель или воспитатель, а также его ориентация на высшие, моральные, социальные мотивы (там же, с. 138, 146). Регуляторами поведения человека выступают различные социальные установления и санкции, к которым относятся и моральные нормы — они осуществляют оценку поступков личности (там же, с. 150). Противоположными, негативными с морально-нравственной точки зрения качествами личности В. Г. Асеевым назывались моральное разложение, моральная «свобода», безответственность, эгоизм и др.

В конце 1970-х годов была издана коллективная монография «Социальная психология личности» (1979) под редакцией М. И. Бобневой, в которой происходил перенос социально-психологических разработок сотрудников Института психологии АН СССР на проблематику психологии личности. В. П. Левкович рассмотрела феномен моральной регуляции активности личности и обосновала в качестве критерия нравственного развития человека наличие саморегуляции (как высшего уровня моральной регуляции). «Специфика природы нравственности именно в том и состоит, что она предполагает саморегуляцию поведения. Для человека как нравственного субъекта характерно активное отношение к окружающему, формирование о нем собственного мнения и регуляция своего поведения на основе ответственности и требовательности к себе» (Левкович, 1979, с. 68). Уровень морального развития человека связывается не только со следованием моральным и нравственным нормам, но и выработкой нравственных мотивов, целей, представлений и идеалов, которыми человек руководствуется в своем поведении. Сам процесс усвоения моральных норм человеком (моральная социализация — там же, с. 71) осуществляется через их рациональное осознание и интернализацию.

Задачу психологии в нравственном развитии личности описала К. А. Абульханова-Славская в своей книге «Деятельность и психология личности» (1980). По ее мнению, спецификой психологии в срав-

нении с этикой является возможность первой понять механизмы нравственной активности личности. «Личность не просто следует правилам и нормам, а, предъявляя все более высокие нравственные требования к себе, достигает общественных идеалов. Психология при этом соизмеряет не столько намерения и степень их реализации, не столько должное и желаемое, сколько те силы, которые были отданы личностью ее борьбе за достойные человеческие отношения» (Абульханова-Славская, 1980, с. 180). Таким образом, К. А. Абульхановой-Славской была обоснована теоретико-методологическая база будущей разработки психологии нравственности и этики личности, которой она более активно занималась в 1990-е годы (Абульханова, Славская, 1998).

Вопрос *развития самосознания* в связи с нравственностью продолжала более детально разрабатывать И. И. Чеснокова в книге «Проблема самосознания в психологии» (Чеснокова, 1977). В формировании самосознания человека важную роль играют нравственные нормы, в отношении которых он формирует определенные позиции, тем самым развивая собственную самооценку и образ себя. Ярко этот процесс проявляется у подростков. «В подростковом возрасте впервые в развитии личности акты самосознания — самопознание, самонаблюдение, самоотношение, саморегулирование поведения и деятельности — становятся необходимыми потребностями личности. Степень развития этих потребностей влияет на формирование нравственных качеств личности в процессе ее дальнейшего становления. В свою очередь, потребность в самосознании стимулируется возникновением в этом возрасте другой важнейшей потребности — потребности в самовоспитании, в целенаправленном стремлении изменить себя в связи с осознанием собственных психологических несоответствий внешним требованиям, идеалам, нравственным образцам, которым надо следовать» (там же, с. 67).

В конце 1980-х годов нравственные аспекты изучения личности обозначились как *самостоятельная область исследований* в Институте психологии АН СССР: в этом векторе отразились основные вопросы разработки проблем психологии нравственности в рамках психологии личности — нравственных личностных феноменов, нравственного развития, нравственных компонентов мотивации, но уже на новом уровне. В сборнике научных трудов «Активность и жизненная позиция личности» (1988) обсуждались психологические аспекты активности личности, в том числе и морально-нравственные. М. И. Воловикова

поставила вопрос о соотношении интеллектуального и морального развития личности. Как она полагала, существует определенное противоречие между развитием интеллекта, которое характеризуется приобретением качеств гибкости в решении задач, и моральных суждений и оценок, которые выражаются, наоборот, в консервативности и фиксированности. Такая ситуация, с одной стороны, может вызвать рассогласование в поведении человека при решении моральных задач, с другой – усложнять структуру его личности. М. И. Воловиковой было установлено, что наиболее «оптимальной возможностью полного и активного включения в решение моральных проблем на уровне всей личности (а не ее отдельных сфер – интеллектуальной или моральной) обладают те личности, у которых достаточно хорошо развита сфера интеллекта при одновременной консервативной позиции в области морали» (Воловикова, 1988, с. 178). Таким образом, сначала человек решает моральную задачу с помощью интеллекта, а при неудовлетворяющем решении – с помощью моральных представлений и принципов.

В этом же году был издан сборник научных трудов советских и болгарских психологов «Актуальные вопросы психологии личности» (1988), в котором был самостоятельный раздел, посвященный нравственному развитию личности. И. А. Джидарьян предложила системное рассмотрение потребностной сферы личности, в частности, нравственной ее составляющей. Она обосновала связь «нравственного» и «системного» подходов к изучению человеческих потребностей. «Они дополняют и взаимообуславливают друг друга, поскольку реальный масштаб нравственных процессов, социально-нравственное содержание мира человеческих потребностей наиболее полно проявляют и обнажают себя не в изолированно-функционирующих потребностях, а в более общих закономерностях и тенденциях их развития как целостной системы. Нравственная ориентированность системного рассмотрения индивидуальных потребностей проявляется также и в том, что в этом случае более четко выявляется соотнесенность отдельных потребностей человека не только друг с другом, но и с личностью в целом, с различными сферами ее жизнедеятельности, с реальными процессами нравственного воспитания и самовоспитания со всеми их сложностями и противоречиями, с ее мировоззрением и всем образом жизни» (Джидарьян, 1988а, с. 94). В качестве категорий анализа нравственного развития личности ею были выделены нравственные потребности, которые она предложила в 1974 и 1975 гг. (Джидарьян,

1974, с. 168; 1975а, с. 284), нравственная мотивация, нравственная характеристика личности как субъекта потребностей и деятельности, нравственное содержание саморегуляции, нравственные деформации в структуре потребностей и др. Последнему феномену она посвятила более поздние работы (Джидарьян, 1991).

Наконец в 1988 г. под редакцией Е. В. Шороховой и В. П. Левкович был издан сборник научных трудов по результатам проведения советско-венгерского симпозиума в Москве (октябрь 1986 г.) «Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности» (1988), который зафиксировал данную проблематику и в названии отдельного издания Института психологии АН СССР. Кроме того, разработка этих вопросов, по мнению редакторов сборника, соответствовала социально-историческим условиям происходившей в то время перестройки. «Перестройка, начавшаяся во всех сферах социально-экономической жизни страны, с особой остротой ставит проблему повышения активности личности. В книге проанализированы причины снижения активности личности и намечены пути ее формирования и оптимизации. Идея социальной справедливости является одним из центральных моментов перестройки. В связи с этим представляется перспективным предпринятый в книге социально-психологический подход к общественному идеалу как нравственному регулятору общественных отношений, выступающему в виде феномена социальной справедливости» (Левкович, Шорохова, 1988, с. 4).

В материалах научных трудов обсуждались теоретические и практические проблемы развития личности и общества в условиях современного им социально-экономического развития. Так, Е. В. Шорохова обозначила аспект формирования нравственных убеждений в процессе развития личности в контексте общественных связей (Шорохова, 1988, с. 8). В. Г. Асеев проанализировал мотивационные аспекты регуляции нравственного поведения личности. По его мнению, нравственная регуляция поведения соотносится с общими закономерностями мотивационной регуляции и включает определение значимости нравственных категорий как мотивов. «Одна из наиболее интересных закономерностей заключается в том, что если расположить социально значимые поступки человека в континуум по уровню нравственной важности их объективного результата, то мы получим своеобразное зональное строение этого континуума, отражающее не только указанную содержательную, но и динамическую характеристику типа доступности реализации нравственного поступка» (Асеев, 1988,

с. 36–37). В. Г. Асеев описал мотивационную сторону нравственных действий по степени легкости/трудности их реализации и желательности/обязательности их исполнения.

И. А. Джидарьян продолжила разработку системных идей в изучении нравственного аспекта формирования потребностей личности. «Совершенно очевидно, что нравственно акцентирующая стратегия исследования человеческих потребностей, включение нравственных аспектов в предмет исследования потребностей личности значительно обогащает и расширяет возможности их конкретно-научного, содержательного анализа, в том числе и психологического» (Джидарьян, 1988б, с. 48). Формирование личности ею связывается с общей направленностью мотивационно-потребностной сферы и ориентацией на нравственные ценности. Благоприятное для личности удовлетворение потребностей должно стать компонентом деятельности по активному освоению и созиданию материальных и духовных ценностей общества, при котором достигается нравственное и духовное развитие личности, расширение творческого потенциала, происходит более полное раскрытие способностей, дарований и талантов людей (там же, с. 49). И. А. Джидарьян предложила подход к формированию потребностной сферы через закон их «возвышения», что отражается на индивидуальном развитии человека. «Нравственно-психологические и собственно личностные аспекты закона „возвышения“ потребностей связаны с действием этого закона на уровне индивидуального субъекта и наиболее отчетливо проявляются в содержании таких механизмов, которые определяются процессами индивидуализации и гармонизации» (там же, с. 50–51).

Продолжая свои исследования, В. П. Левкович совместно с О. Э. Зуськовой подробно рассмотрела такой фактор нравственной саморегуляции членов семьи, как уровень моральной мотивации супругов. «Уровень моральной мотивации супругов в различных сферах семейного взаимодействия является показателем развития их морального сознания и самосознания» (Левкович, Зуськова, 1988, с. 147). При высоком уровне развития моральной мотивации люди в качестве мотива выбирают моральные нормы и принципы, а взаимоотношения супругов регулируются, помимо эмоциональной привлекательности, нравственными категориями совести, долга, ответственности.

Духовно-психологические вопросы в области психологии личности ставились по всем основным векторам нравственно-психологических исследований. Так, Е. В. Шорохова при описании предметного

поля психологического изучения личности анализировала понятия «духовная сущность», «духовная жизнь», «духовный мир», «духовные свойства», «духовные способности» и др. (Шорохова, 1974). В. Г. Асеев выделял в структуре мотивации личности духовные потребности, которые обладают специфическими свойствами: духовные потребности вторичны и формируются позже биологических, выполняют важнейшую регуляторную функцию поведения, часто превосходя влияние биологических потребностей (Асеев, 1974, с. 129; 1975, с. 264). Г. С. Тарасов разрабатывал психологические аспекты развития духовных потребностей, которые проявляются в теоретико-познавательной, художественной и коммуникативно-речевой деятельности как социально-значимых сферах жизнедеятельности. Общественная направленность этих видов деятельности выражается в том, что в них осуществляется обмен социальным содержанием – общественными и индивидуальными ценностями (Тарасов, 1975, с. 278). В дальнейшем Г. С. Тарасов предложил трактовку духовных потребностей как стремления человека к духовному саморазвитию (Тарасов, 1979, с. 5).

Т. И. Артемьева отмечала важную роль духовной культуры, духовных явлений общества в формировании способностей личности, в частности, во влиянии на их развитие собственно духовной деятельности индивида (Артемьева, 1974, с. 182). Для развития способностей важную роль играют материальные и духовные стимулы (Артемьева, 1977, с. 15).

О духовных феноменах писала И. А. Джидарьян: о духовных потребностях (Джидарьян, 1974, 1975а, с. 283; 1988б, с. 49), духовных ценностях, входящих в нравственную ориентацию человека и мотивационно-потребностную сферу человека (Джидарьян, 1988б, с. 51), духовно-нравственном развитии личности, базирующемся на нравственной ориентации (там же, с. 49). Особое внимание она уделила психологическим характеристикам эстетической потребности, которая является одним из ярких проявлений духовных потребностей (Джидарьян, 1976). «На самом деле удовлетворение эстетической потребности основано не на эстетическом наслаждении и не на тех разнообразных переживаниях, которые возникают при восприятии произведений искусства, как это представляется на первый взгляд, а на процессе освоения личностью духовных ценностей, овладении их общественным содержанием» (там же, с. 10). Эстетическая потребность оказывает влияние и на другие мотивационные образования личности: «познавательные, нравственные, коммуникативные, твор-

ческие и другие побуждения приобретают в структуре эстетической потребности несколько другой смысл и окраску по сравнению с тем, что определяет содержание потребности человека в познании, нравственности, общении и т. д. в собственном смысле слова» (там же, с. 122).

К качествам и эмоциональным состояниям адаптированной личности О. И. Зотова и И. К. Кряжева относили переживание духовного комфорта, удовлетворительное самочувствие, ощущение жилищно-бытовой устроенности, положительные отношения с товарищами и высокий уровень удовлетворенности этими отношениями (Зотова, Кряжева, 1977, с. 180). И. И. Чеснокова выделяла в структуре самосознания духовное Я, которое выражается в целостности внутреннего бытия личности, связности и преемственности ее духовного развития (Чеснокова, 1974, с. 218). В качестве одного из истоков концепции духовного Я она отмечала, в частности, идеи И. М. Сеченова, У. Джемса и др. (Чеснокова, 1977, с. 24, 44).

Историко-психологическая линия анализа проблем духовности также была затронута в работе Е. А. Будиловой, она рассмотрела взгляды И. М. Сеченова на духовные свойства личности с материалистической и рефлекторной точек зрения, идеи А. Ф. Лазурского о духовном развитии личности (Будилова, 1974, с. 256, 273). Л. И. Анцыферова обсуждала концепции духовных потребностей и ценностей человека, предложенные зарубежными гуманистическими психологами (Анцыферова, 1974).

Нравственно-психологическая тематика активно обсуждалась в «Психологическом журнале». Рассматривая проблемы коммунистического воспитания и формирования нового человека советского общества, Е. В. Шорохова отмечала среди важных качеств такого человека нравственные мотивы, регулирование нравственного поведения, нравственную зрелость и др., а среди средств воспитания обосновывала нравственные стимулы (Шорохова, 1980). Она развивала эту тематику совместно с А. А. Бодалевым. Авторы перечисляли компоненты нравственного развития человека – «нравственные убеждения, установки, отношения, ценностные ориентации и связанные с ними основные тенденции поведения» (Бодалев, Шорохова, 1983, с. 21). Кроме того, нравственные аспекты формирования и поведения личности выделялись Е. В. Шороховой в ряду основных направлений исследований в Институте психологии АН СССР: нравственной регуляции, нравственных убеждений, морально-нравственного поведения, нравственного развития детей, моральных отношений

как основы социально-психологического климата и др. (Шорохова, 1982, с. 39–41, 45, 48).

К теме воспитания относится и работа И. И. Чесноковой: она рассмотрела нравственные компоненты самовоспитания. «Самовоспитание, в процессе которого личность развивает свои способности, нравственные, волевые качества, новые отношения к миру, к людям, к самому себе, является своеобразной творческой деятельностью» (Чеснокова, 1980, с. 64). Самовоспитание включает приобретение нравственных ценностей, усвоение нравственных норм, «формирование нравственного кредо» и пр.

Представлялись теоретические разработки в области нравственной психологии личности. Анализируя основы динамического подхода к изучению личности, Л. И. Анцыферова выделила в качестве одного из центральных направлений развития личности формирование мотивационно-потребностной сферы, в которой значимое место занимают духовные потребности (Анцыферова, 1981). В рамках проблемы типологии личности К. А. Абульханова-Славская рассматривала вопросы нравственной регуляции поведения, нравственно-психологической устойчивости и неустойчивости и др. (Абульханова-Славская, 1983).

Наконец, проводился историко-психологический анализ идей в области психологии нравственности. Так, В. А. Кольцова показала, что Г. В. Плеханов разрабатывал некоторые проблемы нравственности – нравственных идеалов, чувств, состояний, убеждений и др. (Кольцова, 1981). В более поздней работе она же рассмотрела идеи М. В. Ломоносова о нравственных качествах, нравственном воспитании и развитии личности (Кольцова, 1986). В статье Е. А. Будиловой, посвященной 100-летию журнала «Вопросы философии и психологии», было показано, что важными проблемами, обсуждавшимися в этом журнале, были нравственность, мораль, свобода воли, духовное существование человека и др. (Будилова, 1989).

Изучение проблем психологии нравственности в рамках психологии личности заключалось в выделении нравственных феноменов, которые могут быть специфичны только для психологической науки. Динамика разработки вопросов этого направления была высокой на протяжении всего рассматриваемого периода публикационной активности сотрудников Института психологии АН СССР, что обусловило формирование психологии нравственности в качестве самостоятельной области исследований.

Проблемы психологии нравственности в публикациях Института психологии АН СССР по психологии труда и управления

Особый интерес представляет разработка проблем психологии нравственности в прикладных отраслях — психологии труда и управления. Исследования сотрудников Института психологии АН СССР касались нравственно-психологических компонентов в структуре личности руководителя, нравственного развития личности в трудовом коллективе и организации, нравственных сторон осуществления торговой деятельности.

А. Л. Журавлев, В. Ф. Рубахин и В. Г. Шорин в монографии «Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом» (1976) в *структуре личности руководителя* выделяли морально-этические качества (Журавлев и др., 1976, с. 40). К ним относятся те качества, которые непосредственно проявляются в общении и поддерживают эффективность работы: справедливость, обязательность, общительность, доброжелательность, приветливость в обращении с подчиненными, сдержанность и уравновешенность в общении (там же, с. 41). Авторами были предложены типы личности руководителей, среди которых выделялся «руководитель-товарищ»: в структуре его личности выделяется стремление к морали и этике. Кроме того, было выявлено, что при коллегиальном стиле руководства большую роль играют морально-этические качества (там же, с. 89). Позже А. Л. Журавлев продолжил изучение данной темы и обосновал, что важной функцией морально-этической сферы личности руководителя выступает то, что высокий уровень ее развития положительно влияет на формирование и других качеств — организаторских и педагогических (Журавлев, 1982, с. 77).

При описании перспектив использования психологических знаний при решении различных проблем общества Б. Ф. Ломов рассматривал применение психологии в организации производственных процессов, в частности в качестве ключевых механизмов эффективного функционирования совместной деятельности в *трудовом коллективе* им выделялось воздействие морального единства (Ломов, 1974, с. 11). В специальном отдельном издании «Психология и управление» (1978) Б. Ф. Ломовым и А. Л. Журавлевым разрабатывались принципы управления первичными трудовыми коллективами, одной из основ формирования единства коллектива ими обозначались деловые отношения, которые подкрепляются нравственными и психологическими связями (Ломов, Журавлев, 1978, с. 13). Кроме того, сам коллектив

выступает субъектом управления, а совместный труд является ведущим фактором нравственно-психологического развития личности в группе — формируются чувства ответственности и коллективизма, дисциплина и др. (там же, с. 18). В определенном смысле развитие коллектива, проходящее по нескольким стадиям, включает изменение и моральных компонентов: сначала моральные требования к поведению членов группы исходят от официальных руководителей, далее моральные требования поддерживаются ядром группы, наконец каждый отдельный член коллектива становится требовательным к самому себе (там же, с. 20).

В рамках системы *детерминации поведения человека в организации* М. И. Бобневой был выделен ее нравственный компонент, который преобразует личность и интегрирует ее в организацию. «Преобразование личности в первую очередь предполагает преобразование ее нравственных чувств и качеств, превращение ее в „нравственно интегрированную личность“» (Бобнева, 1979, с. 62). По ее мнению, включение человека в организацию сопровождается всесторонним развитием его деонтической сферы сознания и мотивации.

Н. В. Кучевская обратилась к нравственному аспекту изучения *торговой деятельности*. По ее мнению, духовно-нравственные компоненты взаимоотношений людей в торговле оказывают влияние на успешность экономической деятельности и формирование благоприятных производственных отношений. «Наиболее ярко проблема нравственности в отношениях между людьми выступает в торговле, где она проявляется на разных уровнях: продавец—продавец, продавец—покупатель, продавец—руководитель, торговое предприятие—поставщик. На каждом из этих уровней духовно-нравственный мир людей обуславливает комфортность их взаимодействия и эффективность деятельности личности и коллективов в целом. Одна из задач психологии — понять сложную систему зависимости производственно-экономических успехов предприятия торговли и торговли в целом от повышения уровня духовности и нравственности работников торговли» (Кучевская, 1988, с. 153). Нравственные характеристики личности, нравственные ценности и нормы, уровень развития моральной регуляции относятся к необходимым профессионально важным качествам личности работника торговли (там же, с. 154–156).

Духовные и этические проблемы в рамках психологии управления рассматривались Б. Ф. Ломовым и А. Л. Журавлевым применительно к качествам личности руководителя, Н. В. Кучевской — в отноше-

нии профессионально-этических норм взаимодействия сотрудников торговой сферы с другими членами трудового коллектива и покупателями.

В публикациях «Психологического журнала» (1980—1991) проблемы нравственности обсуждались в области управления бригадами, организации сферы обслуживания, профессиональной надежности оператора. А. Л. Журавлев и О. И. Зотова предложили многоуровневую организацию трудового соревнования между бригадами, в которой важную роль играло моральное стимулирование и поощрение (Журавлев, Зотова, 1981). О нравственных нормах в сфере обслуживания писала Н. В. Кучевская (Кучевская, 1981). В. А. Бодров рассматривал проблему профессиональной и функциональной надежности оператора и выделил среди причин ошибочных действий оператора по «личному фактору» морально-политические качества — недостаточную морально-политическую зрелость, моральную неустойчивость, низкую целеустремленность, недостаточность чувства коллективизма, недисциплинированность, нечестность и др. (Бодров, 1989).

Таким образом, разработка нравственно-психологических вопросов в Институте психологии АН СССР осуществлялась не только в рамках крупных отраслей (социальной психологии, психологии личности, психологии труда), но и вновь возникавших в тот исторический период — психологии управления, организационной психологии и даже экономической психологии (работы Н. В. Кучевской). Можно считать это показателем активного вхождения проблем психологии нравственности как в научно-исследовательскую деятельность Института психологии АН СССР, так и в отечественную психологию в целом в 1970—1980-е годы.

Обсуждение результатов исследования

Обобщая исследования нравственно-психологической проблематики в Институте психологии АН СССР в советское время, отметим следующие ее характеристики: отсутствие четкой дифференциации терминов «нравственный», «моральный» и «этический»; встроенность вопросов психологии нравственности в более крупные отрасли (социальной психологии, психологии личности, психологии труда и управления); прикладной характер исследуемых в связи с нравственностью вопросов — психологии семьи и воспитания, трудовой деятельности и управления, торговли и др.

В целях анализа формальных характеристик закрепления проблематики определенного научного направления предложим специальные *признаки* — *номинативный* (библиографический) — использование определенных терминов в названиях книг, разделов сборников, глав и статей, а также *содержательный* — обращение к этим же терминам на уровне текстов работ, т. е. при описании теоретических построений и результатов исследований.

В истории разработки психологии нравственности в Институте психологии АН СССР раньше возник содержательный признак — авторы начали использовать в текстах термины, касающиеся нравственных норм, ценностей, потребностей, чувств, развития, регуляции, управления с первых же изданий Института психологии. Номинативный признак единично встречался в виде употребления в названиях монографии и статьи Г. С. Тарасова термина «духовный», а также статьи В. П. Левкович термина «моральный» во второй половине 1970-х годов. Однако широко этот признак стал проявляться во второй половине 1980-х годов в виде использования более специфического термина «нравственный» — сначала термины присутствовали в названиях отдельных статей, затем — в названиях разделов сборников (добавим, кроме упомянутых, еще раздел «Психологические механизмы и условия нравственного развития личности» в сборнике «Психологические исследования социального развития личности» под редакцией И. А. Джидарьян, в котором она опубликовала отмеченную выше работу о нравственных критериях развития индивидуальных потребностей — Джидарьян, 1991), наконец — в названии отдельного издания. Таким образом, формально явные предпосылки формирования научного направления психологии нравственности сложились к концу 1980-х годов, неформально же данная проблематика несистематизированно обсуждалась раньше: термины из области психологии нравственности могут встречаться в самых разных работах и у самых разных авторов, однако только соединение этих двух критериев (номинативного и содержательного) свидетельствует о формировании научного направления. Кроме того, отметим, что номинативный признак проявился только в коллективных изданиях, в названиях же статей из «Психологического журнала» авторы не использовали термины по психологии нравственности. Тем самым подтверждается наш тезис о том, что именно коллективные монографии и сборники научных трудов могут считаться ведущими типами публикаций для закрепления научных направлений в публикационном пространстве и науке в целом.

Факторами постепенного развития проблем психологии нравственности в Институте психологии АН СССР выступили:

- социально-исторические – обращение к социальным проблемам советского общества, исторические условия разработки психологической науки с учетом резолюций съездов КПСС (Ломов, 1983);
- научно-организационные – вовлечение в разработку проблем психологии нравственности и морали руководства Института (директора Б. Ф. Ломова, заместителя директора по научной работе Е. В. Шороховой), постановка ими задач решения актуальных проблем общества (Ломов, 1974; Шорохова, 1982), включение морально- и нравственно-психологической тематики в научно-исследовательские планы Института психологии: на 1974 г. – основы производственной этики (АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 13. Л. 11), в предложениях по исследованиям на 1976–1980 гг. – формирование морального единства коллектива (АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 28. Л. 29) и духовных потребностей (АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 28. Л. 46), изучение закономерностей нравственного развития личности (АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 28. Л. 48), на 1977 г. – воспитание чувства ответственности в трудовой деятельности (АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 42. Л. 14), на 1982 г. – исследование психологических аспектов нравственной регуляции поведения личности (АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 115. Л. 11);
- логико-научные – трансформация проблематики социальной регуляции поведения в нравственные аспекты семейного воспитания и взаимодействия работников организации (в частности, в сфере управления и торговли); возникновение исследований в области психологии личности (Белопольский и др., 2023), а затем их изменение в сторону нравственного развития личности, нравственных и моральных ценностей и потребностей и др.);
- личностные – курирование (в виде исполнения роли ответственных редакторов) проблематики социальной психологии, психологии личности, психологии труда и управления в Институте психологии АН СССР персоналиями (Е. В. Шороховой, М. И. Бобневой, В. П. Левкович, И. А. Джидарьян), заинтересованными в изучении проблем нравственности, а также их индивидуальный вклад в виде большого количества публикаций по вопросам данного научного направления.

Отдельно рассмотрим особенности формирования направления психологии нравственности в Институте психологии АН СССР в контексте

те анализируемых отраслей — социальной психологии, психологии личности, психологии труда и управления. *Социально-психологические* разработки способствовали связи нравственно-психологической тематики с актуальными проблемами общества, выделению групповых и общественных нравственно-психологических феноменов, приложению методов и способов формирования взаимоотношений в коллективах и обществе к задачам нравственного развития и воспитания. В рамках *психологии личности* было подготовлено и вышло в свет наибольшее количество изданий¹, была сформирована самостоятельная область исследований по психологии нравственности (по номинативному признаку), более развернуто была представлена проблематика психологии духовности (вероятно, именно психология личности является основой для становления этого вектора психологии нравственности, который стал активно развиваться в последние годы в Институте психологии — Журавлев, Костригин, 2023). Изучение вопросов *психологии труда и управления* и их роли в формировании психологии нравственности в советский период представляется, с одной стороны, оригинальным (основными для изучаемого направления являлись социальная психология и психология личности), а с другой — закономерным и специфичным для Института психологии АН СССР: разработка проблем психологии нравственности в 2000-е годы была во многом связана с узким направлением исследований — экономической психологией (там же, 2023), поэтому перенос тематики одного направления в другое, по нашему мнению, является характерным для научных традиций Института психологии, в котором важное место занимают междисциплинарные исследования (Журавлев, 2007).

Проведем краткое сопоставление исследований по психологии нравственности в работах сотрудников до и после организации Института психологии АН СССР. Наиболее важным здесь представляется то, что конец предшествующего периода (1972) характеризовался введением К. К. Платоновым понятия «нравственная психология» и наличием соответствующего термина в заголовке параграфа в его книге «Проблемы способностей» — «Способности к нравственной и правоправной деятельности», однако затем на протяжении 15 лет в работах сотрудников Института психологии номинативный признак

1 Для сравнения: по психологии личности было издано 6 индивидуальных монографий, 7 коллективных монографий и сборников научных трудов; по социальной психологии — 2 индивидуальных монографии, 8 коллективных монографий и сборников научных трудов.

сформированности этого направления отсутствовал. Предположим, что это связано с *научно-организационными факторами* развития научных направлений: 1) при организации нового научно-исследовательского центра базовые психологические идеи необходимо развивать и обосновывать его сотрудникам заново, встраивая их в новую систему научных представлений и принципов, целей и задач; 2) при переходе исследователя в новую организацию его научные достижения теряют прежний уровень самостоятельности и требуют установления связи с доминирующими в организации основаниями научной школы. По нашему мнению, это произошло и с нравственно-психологическими разработками, которые могли бы успешно развиваться с тех отправных координат, которые заложили работы Л. И. Анцыферовой, Е. А. Будиловой, И. А. Джидарьян, К. К. Платонова, Е. В. Шороховой, однако исследователям пришлось заново пройти путь обоснования проблематики психологии нравственности.

Заключение

Изучение истории формирования научного направления психологии нравственности в Институте психологии АН СССР в советский период показало, что нравственно-психологическая проблематика обсуждалась в работах сотрудников Института с самого начала его функционирования, однако не была теоретически и методологически оформлена вплоть до конца рассматриваемого периода (с единичными случаями номинативного оформления в конце 1980-х годов). Выделение групп проблем, вопросов, феноменов, результатов исследований в области психологии нравственности, анализировавшихся на протяжении 1972–1991 гг., позволит в дальнейшем определить истоки разработки различных современных понятий и концепций в рамках уже сложившегося в Институте психологии направления психологии нравственности (Психологические исследования..., 2011; Психология нравственности, 2010; и др.).

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Соотношение индивидуального и общественного как методологический принцип психологии личности // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 34–82.
- Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.

- Абульханова-Славская К. А.* О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–29.
- Абульханова К. А., Славская А. Н.* К проблеме эгоцентризма // Психология личности: новые исследования / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 104–146.
- Активность и жизненная позиция личности / Отв. ред. К. А. Абульханова-Славская. М.: ИП АН СССР, 1988.
- Антонюк В. И., Зотова О. И., Моченов Г. А., Шорохова Е. В.* Проблема социально-психологического климата в советской социальной психологии // Социально-психологический климат: теория и методы изучения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, О. И. Зотова. М.: Наука, 1979. С. 5–25.
- Анцыферова Л. И.* Психология личности как «открытой системы» // Вопросы психологии. 1970. № 5. С. 168–177.
- Анцыферова Л. И.* Некоторые вопросы исследования личности в современной психологии капиталистических стран // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 278–318.
- Анцыферова Л. И.* О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.
- Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 13.
- Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 28.
- Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 42.
- Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 115.
- Артёмьева Т. И.* Социальная обусловленность развития способностей // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 170–186.
- Артёмьева Т. И.* Методологический аспект проблемы способностей / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1977.
- Асеев В. Г.* Проблема мотивации и личность // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 122–144.
- Асеев В. Г.* О роли биологических потребностей в генезисе человеческой мотивации // Соотношение биологического и социального в человеке: материалы к симпозиуму в г. Москве, сентябрь 1975 г. / Отв. ред. В. М. Банщикова, Б. Ф. Ломов. М., 1975. С. 263–272.
- Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.

- Асеев В. Г. Мотивационная регуляция нравственного поведения личности // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Институт психологии АН СССР, 1988. С. 36–42.
- Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А. История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 97–107.
- Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А. Зарождение системного подхода в Институте психологии АН СССР в 1972–1973 гг. // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 36–45.
- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л. Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Часть II. Тематические и лингвистические аспекты // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 5–15.
- Бобнева М. И. Социальные нормы как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 221–240.
- Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М.: Наука, 1976. С. 144–171.
- Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1978.
- Бобнева М. И. Особенности нормативной регуляции поведения человека в организации // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 44–75.
- Бодаев А. А., Шорохова Е. В. Психологические проблемы формирования нового человека // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 6. С. 20–29.
- Бодров В. А. Проблема профессиональной и функциональной надежности оператора // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 142–149.
- Бражникова А. Н. Психология нравственности: история и современность. М.: МИУ, 2018.
- Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1972.
- Будилова Е. А. Проблема личности в русской психологии второй половины XIX–начала XX в. // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 250–277.

- Будилова Е. А.* На рубеже веков (к 100-летию журнала «Вопросы философии и психологии») // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 5. С. 126–137.
- Воловикова М. И.* Моральное развитие и активность личности // Активность и жизненная позиция личности. М.: Институт психологии АН СССР, 1988. С. 170–186.
- Воловикова М. И.* История и современное состояние исследований в лаборатории психологии личности Института психологии РАН // Современная личность: психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 59–76.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* Вместо введения: вклад Института психологии РАН в исследование духовно-нравственных проблем личности и общества // Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 15–31.
- Глоточкин А. Д., Платонов К. К.* Воинские коллективы // Коллектив и личность. М.: Наука, 1975. С. 251–259.
- Гостев А. А., Борисова Н. В.* Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Джидарьян И. А.* О соотношении нравственных и эстетических чувств // Проблемы этики. М.: Наука, 1964. С. 59–89.
- Джидарьян И. А.* О месте потребностей, эмоций и чувств в мотивации человека // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 145–169.
- Джидарьян И. А.* О биологическом и социальном в связи с классификацией человеческих потребностей // Соотношение биологического и социального в человеке: материалы к симпозиуму в г. Москве, сентябрь 1975 г. / Отв. ред. В. М. Баншиков, Б. Ф. Ломов. М., 1975а. С. 281–287.
- Джидарьян И. А.* Творческие коллективы в искусстве // Коллектив и личность. М.: Наука, 1975б. С. 204–222.
- Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1976.
- Джидарьян И. А.* О нравственном воспитании потребностей личности // Актуальные вопросы психологии личности / Отв. ред.

- И. И. Чеснокова. М.: Институт психологии АН СССР, 1988а. С. 90–99.
- Джидарьян И. А.* Развитие и формирование потребностей личности и их нравственные аспекты // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Институт психологии АН СССР, 1988б. С. 47–52.
- Джидарьян И. А.* О социальных деформациях и нравственных критериях развития индивидуальных потребностей // Психологические исследования социального развития личности / Отв. ред. И. А. Джидарьян. М.: Институт психологии АН СССР, 1991. С. 120–137.
- Дикая Л. Г.* Вклад Института психологии Российской академии наук в развитие космической психологии // Национальный психологический журнал. 2011. № 1. С. 78–84.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (по материалам интервью) // Социальная и экономическая психология. В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 11–44.
- Елисеева И. Н., Олейник Ю. Н.* Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории «индивидуальность» в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.) // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 218–233.
- Ждан А. Н.* Становление и пути развития факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова // Вестник практической психологии образования. 2006. Т. 3. № 4. С. 4–11.
- Журавлев А. Л.* Об изучении личности руководителя производственного коллектива // Проблемы психологии личности: советско-финский симпозиум / Отв. ред. Е. В. Шорохова, О. И. Зотова. М.: Наука, 1982. С. 74–82.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юрвич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.

- Журавлев А. Л., Зотова О. И.* Некоторые социально-психологические аспекты организации социалистического соревнования на промышленном предприятии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 94–103.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности в 2002–2021 гг. Часть I. Библиометрический анализ // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 71–82.
- Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф., Шорин В. Г.* Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом. М.: ИУНХ, 1976.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
- Зотова О. И.* Направленность коллектива и социалистическое соревнование // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 79–90.
- Зотова О. И., Бобнева М. И.* Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 241–254.
- Зотова О. И., Кряжева И. К.* Методы исследования социально-психологических аспектов адаптации личности // Методология и методы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 173–188.
- Калинин И. В., Костригин А. А.* Учения о нравственном чувстве в русской психологической науке XIX в. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 4 (808). С. 148–166.
- Карпов А. А.* История факультета психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова // Ярославский психологический вестник. 2020. № 3. С. 143–155.
- Коллектив и личность / Под ред. К. К. Платонова. М.: Наука, 1975.
- Кольцова В. А.* Социально-психологический климат коллектива и социалистическое соревнование // Социально-психологический климат: теория и методы изучения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, О. И. Зотова. М.: Наука, 1979. С. 68–76.
- Кольцова В. А.* Проблемы социальной психологии в трудах Г. В. Плеханова (к 125-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 137–149.

- Кольцова В. А. Вклад М. В. Ломоносова в развитие отечественной психологической науки (к 275-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 6. С. 127–142.
- Костригин А. А., Журавлев А. Л. Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 99–120.
- Курносова М. Г. Генезис представлений о нравственности // Психолого-педагогический поиск. 2020. № 3 (55). С. 7–14.
- Кучевская Н. В. Некоторые проблемы и перспективы развития психологии сферы обслуживания // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 122–130.
- Кучевская Н. В. Нравственный аспект деятельности работников торговли // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Институт психологии АН СССР, 1988. С. 153–159.
- Кучевская Н. В., Кучевский В. Б. Соревнование: труд, цели, оценки // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 149–162.
- Левкович В. П. Моральная регуляция поведения и активность личности // Социальная психология личности / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 63–84.
- Левкович В. П. Психология семейного воспитания // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 6. С. 107–117.
- Левкович В. П. Социально-психологические аспекты семейного воспитания // Прикладные проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Наука, 1983. С. 99–116.
- Левкович В. П., Зуськова О. Э. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 3. С. 126–137.
- Левкович В. П., Зуськова О. Э. Уровень моральной мотивации супругов как фактор стабилизации семьи // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Институт психологии АН СССР, 1988. С. 146–153.
- Левкович В. П., Панкова Н. Г. Социально-психологический подход к структуре этнического сознания // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 4. С. 64–74.
- Левкович В. П., Шорохова Е. В. Введение // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред.

- Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Институт психологии АН СССР, 1988. С. 4–5.
- Логинова Н. А.* Становление психологического образования и научных исследований по психологии в Санкт-Петербургском государственном университете: 1940–1950-е гг. // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 59–72.
- Ломов Б. Ф.* Психологическая наука и общественная практика. М.: Знание, 1974.
- Ломов Б. Ф.* Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–17.
- Ломов Б. Ф.* Задачи психологической науки в свете решений XXVI съезда КПСС и июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 6. С. 3–19.
- Ломов Б. Ф., Журавлев А. Л.* Психология и управление. М.: Знание, 1978.
- Мазилев В. А., Сленко Ю. Н.* Психология труда, трудового обучения и воспитания в ярославской психологической школе: ранние этапы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 240–276.
- Мироненко И. А.* Проблемы нравственности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 5. № 4. С. 62–75.
- Моисеева В. С.* Духовно-нравственное развитие личности в истории психологической науки: Дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2011.
- Платонов К. К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972а.
- Платонов К. К.* Проблемы способностей. М.: Наука, 1972б.
- Платонов К. К.* Способности и характер // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 187–208.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Роцин С. К.* Общественно-политические процессы перестройки с позиций социальной психологии // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 26–38.

- Рубцов В. В.* Психологический институт Российской академии образования: история и современность // Психологическая наука и образование. 2012. Т. 17. № 4. С. 94–103.
- Сергиенко Е. А., Тарабрина Н. В.* Фундаментальные исследования по психологии развития в Институте психологии РАН и их значение для здоровья и образования детей // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 35–44.
- Серова О. Е.* Психологические аспекты духовно-нравственного учения о личности и народе И. В. Киреевского: историко-психологическое исследование: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Серова О. Е.* Всегда первый! К 110-летию создания Психологического института // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 10–27.
- Социальная психология личности / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979.
- Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977.
- Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: ИП АН СССР, 1988.
- Старшинова О. П.* Понятие «духовность» в современной психологии и русской святоотеческой традиции // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня–03 июля 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 398–405.
- Тарасов Г. С.* О материальных (биологических) и духовных потребностях человека // Соотношение биологического и социального в человеке: материалы к симпозиуму в г. Москве, сентябрь 1975 г. / Отв. ред. В. М. Банщикова, Б. Ф. Ломов. М., 1975. С. 273–280.
- Тарасов Г. С.* Проблема духовной потребности: на материале музыкального воспитания / Отв. ред. К. А. Абульханова-Славская. М.: Наука, 1979.
- Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974.
- Чеснокова И. И.* Самосознание личности // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 209–225.

- Чеснокова И. И.* Проблема самосознания в психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977.
- Чеснокова И. И.* О психологических предпосылках самовоспитания // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 4. С. 64–71.
- Шаболтас А. В., Гришина Н. В.* О становлении психологической науки в Санкт-Петербургском университете // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 76–85.
- Шорохова Е. В.* Проблема «Я» и самосознание // Проблемы сознания: материалы симпозиума / Отв. ред. В. М. Банщиков. М., 1966. С. 217–227.
- Шорохова Е. В.* Психологический аспект проблемы личности // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1974. С. 3–33.
- Шорохова Е. В.* Социальная детерминация поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М.: Наука, 1976. С. 5–28.
- Шорохова Е. В.* Психологические аспекты коммунистического воспитания // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 5. С. 3–25.
- Шорохова Е. В.* Основные итоги социально-психологических исследований в Институте психологии АН СССР // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 2. С. 34–54.
- Шорохова Е. В.* Проблемы психологии личности в условиях ускорения социально-экономического развития // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Институт психологии АН СССР, 1988. С. 6–11.
- Шорохова Е. В., Бобнева М. И.* Проблемы изучения психологических механизмов регуляции различных видов социального поведения // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 3–19.
- Шорохова Е. В., Платонов К. К., Зотова О. И., Новиков В. В.* Социально-психологические проблемы социалистического соревнования // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 23–40.

Век психологии в Ярославле

В. А. Мазиллов, Ю. Н. Сленко

Современная отечественная психологическая наука характеризуется многообразием направлений исследований. Одни стали популярны в последние десятилетия, другие не теряют своей актуальности вне зависимости от происходящих в обществе и государстве изменений. К последним может быть отнесено направление исследований, связанное с изучением вопросов истории развития психологической науки. Предметом историко-психологических исследований является изучение развития научных направлений, подходов, школ в психологии (Олешкевич, 2007; Парыгин, 2006; Сергеев, 2022; и др.), периодизация истории развития психологии (Олейник, 2008; и др.), проблемы развития методов психологии (Мазиллов, 2007; и др.) и методов историко-психологического познания (Фролова, 2022; и др.), история обсуждения и решения методологических проблем психологии (Коннов, 2022; Костригин, Журавлев, 2022; и др.), история развития психологии в зарубежных странах (Намазбаева и др., 2023; и др.), оценка вклада ученых в развитие психологии (Носкова, 2010; и др.). Отдельный интерес представляют исследования, посвященные изучению истории научных психологических учреждений (Стоюхина, 2022а; и др.), проблемам историко-психологического сообщества (Моргун, 2022; и др.), обсуждению будущего психологической науки (Журавлев и др., 2016; и др.; Мазиллов, 2022б; Юревич и др., 2018; и др.) и др.

Для отечественной психологии изучение ее истории является *крупным и самостоятельным разделом* современного психологического знания. При этом нельзя сказать, что институционализация последнего происходит исключительно в форме исследований отдельных явлений, событий, фактов истории психологии. Знакомство с ма-

териалами современных историко-психологических изысканий (см. например: Историческая преемственность..., 2019; История отечественной и мировой..., 2023; Развитие российской психологии..., 2019; и др.) позволяет выделить ряд наиболее популярных направлений исследований, связанных с изучением истории развития психологических институтов (научных школ, лабораторий, кафедр и организаций), с оценкой вклада отдельных ученых (психологов, философов, физиологов, психиатров и др.) в развитие психологии, с изучением истории познания отдельных проблем психологического знания. Каждое из этих направлений характеризуется разнообразием исследований и решаемых задач, что, вне всякого сомнения, способствует приращению историко-психологического знания. В качестве подтверждения приведем ряд характерных примеров.

История психологических институтов

Предметом данного типа исследований является изучение истории психологического образования и психологических исследований в институтах Санкт-Петербурга (Протанская, 2023), Воронежа (Кунаковская, Кривотулова, 2022), Москвы (Артемьева, 2022а), Саранска (Андронов и др., 2022) и др. Анализируется история психологических исследований в лабораториях академических НИИ (Журавлев, Холондович, 2022; Свенцицкий, 2022; Холондович, 2023) и на промышленных предприятиях (Стоюхина, 2022а); изучается история формирования психологических школ (Богданчиков, 2022; Логинова, 2022; Марцинковская, 2022; и др.). Важно, на наш взгляд, что усилия психологического сообщества в решении данных задач выходят за пределы изучения истории психологических институтов и учреждений в столичных городах и центрах.

Вклад отдельных ученых в развитие психологии

Конечно, данное направление историко-психологических исследований является наиболее представительным. Несмотря на относительно молодость психологической науки, в ее истории были и остаются плеяды выдающихся ученых, внесших несомненный вклад в решение многочисленных вопросов и проблем психологии. Можно упомянуть исследования, посвященные хорошо известным в отечественной психологии ученым: С. Л. Франку (Южанинова, 2023), Г. И. Челпа-

нову (Артемьева, Дубровская, 2022), И. П. Павлову и В. М. Бехтереву (Тукаев, 2023), Б. Ф. Ломову (Журавлев, Костригин, 2022б; Позняков, Журавлев, 2022а), В. Ф. Рубахину (Журавлев, Костригин, 2022а), Г. В. Суходольскому (Сергеев, 2022), Я. А. Пономареву (Галкина и др., 2022), Е. В. Шороховой (Журавлев, 2022а; Позняков, Журавлев, 2022б), В. А. Кольцовой (Трушкина, 2023; Олейник, Журавлев, 2022) и мн. др.

Особый интерес представляют работы, предметом изучения которых является жизнь и творчество менее известных психологов — М. С. Роговина (Мазилев, 2022а), К. И. Сотонина (Стоюхина, 2023б), С. М. Василейского (Стоюхина, 2023а), Н. А. Тих (Трошихина, 2022), В. С. Филатова (Журавлев, 2022б) и др. Специально отметим, что в последние годы объем таких работ значительно возрастает, что приводит к уменьшению числа «белых пятен» в истории психологической науки.

История изучения психологических проблем, феноменов, явлений

Несомненный интерес представляют историко-психологические исследования, посвященные формированию и решению отдельных дисциплинарных проблем психологической науки. Они существенно расширяют объем психологического знания, носящего, вне всякого сомнения, исторически обусловленный характер. В качестве примера таких исследований можно привести работы, посвященные изучению проблем психологии нравственности (Журавлев, Костригин, 2023), деятельности (Коннов, 2022), психофизиологии (Почебут, 2022), психологии труда (Стоюхина, 2022б) и инженерной психологии (Журавлев, Костригин, 2022а, б), общей психологии (Александрова, 2022), психологии волевых процессов (Батыршина, 2022), психосемантики (Петренко, 2022), психологии управления (Артемьева, 2022б), психологии сознания (Ждан, 2009) и мн. др.

Характерным признаком современного историко-психологического знания является значительное увеличение объема соответствующих исследований и расширение их проблемного пространства. Это является важнейшим фактором развития психологической науки — и психологического знания, и психологического сообщества.

И все же для современной отечественной психологии характерно явно недостаточное внимание к использованию *комплексного подхода* в организации историко-психологических исследований. Речь идет о применении широких обобщений в анализе истории психологической науки, истории отдельных периодов развития психологического

знания, установлении исторической связи между решением отдельных проблем психологии, развитием научных институтов и местом в этих процессах исторических личностей. В качестве типичных примеров можно привести исследования истории научных и образовательных учреждений – Института психологии РАН (Белопольский и др., 2022), Психологического института в Москве (Серова, 2022), психологических институтов и факультетов в Москве (Парамонова, 2022) и Ярославле (Факультет психологии..., 2020); следует обратить внимание на исследования истории психологических школ в Санкт-Петербурге (Ловягина, Хвацкая, 2021), Москве (Родионов и др., 2021), Перми (Вяткин, 2022) и др. Комплексный подход реализуется также в изучении истории направлений психологической науки – методологии психологии (Костригин, Журавлев, 2022), прикладной психологии (Носкова, 2021), психотехники (Стоюхина, 2016), истории психологии в отдельных российских регионах (Шикун, 2021) и др.

Приведенные примеры показывают, что актуальным и значимым является разработка вопросов развития психологических школ не только в центральных регионах страны, но и на периферии, развития истории психологии в региональных научно-исследовательских центрах (институтах, факультетах, кафедрах) и мн. др.

Авторы настоящего текста попытаются представить результаты комплексного анализа развития психологической науки в ярославском регионе как одном из центров развития отечественной психологии в XX–XXI вв.

Психология в Ярославле: люди, события, факты

Говоря о комплексном подходе к анализу истории развития психологии, авторы имеют в виду следующее. Комплексный подход предполагает выделение ряда системообразующих факторов в развитии психологической науки. При этом раскрытие каждого из них должно способствовать пониманию специфики развития психологической науки в зависимости от функциональной значимости этих факторов. В качестве последних могут выступать а) институционализирующие психологическую науку научные или образовательные учреждения; б) комплекс научных, социальных, политических, идеологических и других условий развития психологии; в) решение совокупности актуальных и значимых проблем психологии; г) наличие коллектива исследователей и др.

Совокупность описанных условий на ярославской земле была реализована практически в полной мере. Это позволяет говорить не только о возможности описания непрерывной истории развития психологии в Ярославле, но и о характеристике базовых идей, определяющих неповторимый облик ярославской психологической школы. Появление и разработка последних содержательно институционализировала развитие ярославской психологии в прошлом и продолжает определять ряд основных современных направлений исследований.

В начале зимы 1918 г. молодые преподаватели Ярославского педагогического института – Н.А. Соколов и С.А. Голованенко – положили начало истории психологического образования в Ярославле. Все предстояло делать с чистого листа: разрабатывать учебные программы, приобретать литературу, подбирать кадры, создавать специализированную кафедру. Спустя пять лет, в 1922 г. в структуру института уже входило около тридцати кафедральных подразделений, среди которых была и кафедра психологии. Текущий 2023 г. – особый для ярославского психологического сообщества, это год рубежа веков истории профессионального психологического образования и кафедры психологии в Ярославле. Ряд историко-психологических исследований, проведенных авторами в последние годы (Мазилев, 2018, 2019, 2020; Сленко, 2022), позволяет говорить и о предыстории развития психологии на ярославской земле в XIX–начале XX вв. Однако в настоящее время данная работа не имеет законченного вида и требуется более глубокий и детальный анализ архивных исторических материалов для систематического описания развития психологии в Ярославле в этот период.

История одного из старейших педагогических вузов России полна самых разных событий. Менялась страна, изменялось название вуза и его ведомственная принадлежность, развивалась структура и состав кафедральных подразделений. Однако преподавание психологии, психологические кадры и кафедра психологии были в структуре вуза на всем протяжении более чем столетней его истории.

Предпринимая попытку систематического описания истории кафедры психологии, авторы хотели бы в первую очередь подчеркнуть, что история кафедры психологии – это история Ярославского педагогического университета, шире – это история отечественной науки и образования в XX–XXI вв. Все более или менее значимые события в жизни страны и университета, отечественного образования так или иначе получили отражение в истории кафедры пси-

хологии. Создание в 1918 г. в Ярославле педагогического института потребовало привлечения квалифицированных кадров для организации профессионального образования. Так появилась первая волна профессиональных психологов на ярославской земле (Н. А. Соколов, С. А. Голованенко, А. Ф. Опочинский, Д. И. Орлов, В. С. Капелько, М. П. Поливанов, И. П. Четвериков, И. О. Зубов). Кардинальные изменения в жизни государства и общества потребовали активного включения преподавателей института в решение многочисленных проблем образования, воспитания, медицинского обслуживания населения, решения социальных и бытовых проблем практически всех категорий граждан. Именно с этим и были связаны основные направления работы преподавателей-психологов в первый период истории кафедры.

Конечно, наиболее активно преподаватели кафедры были включены в работу по реформированию региональной системы образования и профессиональной подготовки педагогов для работы в новых условиях жизни общества. В первую очередь это выразилось в работе преподавателей по повышению квалификации работников дошкольных образовательных учреждений, учителей школ, воспитателей и педагогов детских домов. Так, Н. А. Соколов — недавний выпускник исторического отделения Петербургской духовной академии по приезду в Ярославль в 1918 г. был назначен преподавателем детской психологии на ярославских земских педагогических курсах; в 1919 г. работал лектором по детской психологии на летних курсах переподготовки учителей в городах Ярославской области — Тутаеве, Пошехонье, Данилове; в 1921 г. — лектором по курсу трудовой школы на летних курсах переподготовки учителей и дошкольных работников в Ярославле и Пошехонье; в 1920—1921 гг. выполнял обязанности заведующего отделом подготовки учителей при Ярославском губоно.

Практически все преподаватели кафедры были включены в работу по борьбе с детской беспризорностью и преступностью — трагическими следствиями Первой мировой войны, революции и Гражданской войны.

Так, А. Ф. Опочинский — выпускник медицинского факультета Московского университета, служил ординатором эвакуационного госпиталя в Нижнем Новгороде и Ярославле (1914—1918), был заведующим детским приютом для подкидышей при Ярославской губернской земской больнице (1915—1916), старшим врачом пункта для цинготных военнопленных на станции Семибратово (1916), врачом и преподавателем школьной гигиены в эвакуированной в Ярославль Учительской

Иллукстской семинарии (1915–1918). Начав работу в педагогическом институте, совмещал ее с выполнением обязанностей врача-педиатра «Дома ребенка» (1918–1920), заведующего подотделом охраны материнства и младенчества (1920), заведующего подотделом охраны здоровья детей и рабочих подростков (1923–1924).

Еще один медик по специальности – выпускник медицинского факультета Юрьевского университета И. О. Зубов внес значительный вклад в развитие системы медицинского обслуживания в Ярославле: был председателем Ярославского общества врачей, распорядителем бесплатного родильного дома Общества врачей, председателем Ярославской туберкулезной лиги, организатором, преподавателем и ректором Народного университета, членом правления общества помощи алкоголикам, председателем общества «Молодая жизнь», преподавателем акушерской школы.

Недолгое время проработавший в институте В. С. Капелько – выпускник медицинского факультета Московского университета – принимал участие в работе по борьбе с детской дефективностью в Ярославской области. Так, он работал врачом-консультантом Комиссии по исследованию малолетних правонарушителей при Ярославском Губоно, врачом Ярославского Губздравотдела при подотделе охраны здоровья детей.

Начавшиеся в 1930-е годы глубокие перемены в экономической, политической, духовной жизни страны существенным образом повлияли на деятельность кафедры психологии института. Социальный состав и мировоззрение первых преподавателей психологии – преимущественно выпускников Московской, Петербургской и Киевской духовных академий – расходились с представлениями новой власти о том, каким должен быть преподаватель вуза в социалистическом обществе. Проходившие в 1929–1933 гг. чистки профессорско-преподавательского состава вынудили покинуть институт преподавателей психологии первой волны (Ермаков, 2001). Дальнейшая их судьба, к сожалению, либо до сих пор не известна (Н. А. Соколов, Д. И. Орлов, В. С. Капелько, М. П. Поливанов, И. О. Зубов), либо оборвалась 1937–1938 гг. (С. А. Голованенко), либо сложилась драматически (И. П. Четвериков).

Отсутствие квалифицированной замены ушедшим преподавателям вынудило руководство института активно привлекать к работе кафедры совместителей – педологов, психологов и психотехников московских вузов и научно-исследовательских учреждений. В стенах

института оказались известные в 1930-е годы или ставшие таковыми позднее Б. В. Беляев, П. Ю. Волобуев, Г. М. Гагаева, И. Н. Дьяков, П. А. Рудик, Л. М. Шварц. Однако отсутствие соответствующей московским меркам материальной базы, несистематичный характер работы совместителей соответствующим образом сказывались на кадровом составе кафедры и качестве преподавания психологических и педологических дисциплин.

Не успев оправиться от событий начала 1930-х годов, кафедра столкнулась с печально известным постановлением ЦК ВКП(б) 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Его роль и значение для отечественной психологии хорошо известны. Выход постановления привел к тому, что в течение следующих десяти лет (1936—1946) кафедры психологии в структуре института не было, преподаватели-психологи либо покинули институт, либо влились в состав кафедры педагогики. Между тем говорить о полном прекращении психологической работы в институте нельзя. Психологические дисциплины читались профессиональными психологами — А. А. Безрезниковым, А. М. Голяховской, Т. Г. Егоровым, А. Ф. Опочинским, И. М. Цветковым. В это же время в стенах института начала свой профессиональный путь Н. Ф. Талызина — будущий классик отечественной психологии, специалист в области педагогической психологии, психологии обучения и усвоения знаний.

Новый этап в истории кафедры начался после окончания Великой Отечественной войны, когда в 1946 г. заместителем директора института и заведующим кафедрой психологии был назначен В. С. Филатов — специалист в области методологии психологии, психологии речи, психологии личности, психологии развития и воспитания, ученик С. Л. Рубинштейна. Судьба связала В. С. Филатова с кафедрой психологии на долгие 25 лет, получившие меткое название «филатовского» этапа истории психологии на ярославской земле (Мурашев, 1998). С приходом Филатова кафедра получила второе рождение, ей было возвращено изначальное название.

В 1946 г. в советских школах было введено преподавание логики и психологии, что потребовало открытия в педагогическом институте соответствующего отделения, руководимого кафедрой психологии. Его выпускниками, получившими профессиональное психологическое образование, стали будущие преподаватели и сотрудники кафедры психологии и института — Н. П. Ерастов, Ж. И. Журавлева, В. В. Карпов, Т. В. Карпова, Г. А. Мурашев. Создание отделения потребовало

от В. С. Филатова привлечения на кафедру квалифицированных специалистов в области психологии и философии. Так, в истории института оставили свой след выдающиеся советские ученые Л. Н. Ланда, А. И. Рубин, А. О. Стернин, М. Г. Ярошевский.

В 1949 г. по инициативе В. С. Филатова в институте была открыта аспирантура по психологии, с небольшими перерывами функционирующая по сегодняшний день. Ее выпускниками стали психологи и педагоги, прославившие ярославскую психологическую школу, — Н. П. Ерастов, В. В. Карпов, Ю. К. Корнилов, В. В. Новиков, А. В. Филиппов, В. Д. Шадриков и мн. др.

Происходившие в конце 1950—начале 1960-х годов коренные изменения в системе общего и профессионального образования существенным образом повлияли на судьбу кафедры и определение ключевых направлений научно-исследовательской работы всей ярославской психологической школы. В 1958 г. вышел в свет закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Начавшаяся вслед за ним политехнизация школьного образования потребовала перестройки профессионального педагогического образования, подготовки учителей и научных кадров, владеющих сложной техникой и способных управлять обучением и развитием детей в новых условиях. Была открыта новая страница в истории кафедры. Вслед за выходом в свет закона в 1961 г. в институте прошло совещание по вопросам психологии труда, трудового обучения и воспитания. Его организаторами, помимо преподавателей кафедры, выступили Московское отделение Общества психологов, Министерство просвещения РСФСР и Институт психологии АПН РСФСР. Совещание 1961 г. считается первой в череде последовавших далее межвузовских научных конференций, проводившихся в ЯГПИ и посвященных вопросам психологии труда, трудового обучения и воспитания. Если участниками первой конференции преимущественно были представители зарождавшейся ярославской психологической школы, то уже во второй конференции (1964) участвовали К. К. Платонов, Н. Ф. Добрынин, А. В. Петровский, Т. В. Кудрявцев, Н. Ф. Талызина и др.; третья конференция (1966) отмечена участием Г. В. Суходольского, Е. П. Ильина, В. С. Мухиной, А. А. Бодалева; в четвертой (1969) участвовали О. А. Конопкин, Д. А. Ошанин; в пятой (1970) — Б. Д. Парыгин, Т. В. Габай, З. И. Калмыкова, А. М. Матюшкин, Д. Н. Завалишина, В. В. Чебышева и др. Кафедра психологии и молодая ярославская школа психологии приобретали всесоюзную известность.

Росту известности и востребованности проводимых кафедрой исследований способствовало открытие в 1964 г. проблемной лаборатории психологии труда, трудового обучения и воспитания. В первые годы в лаборатории изучались проблемы сигнального программирования, сенсорных основ обучения, информационной основы деятельности и мн. др.

Вслед за открытием лаборатории в 1966 г. по инициативе В. С. Филатова Ученый совет ЯГПИ получил право проведения защит кандидатских диссертаций по психологии. До этого преподаватели кафедры защищались в Москве (М. М. Рыбакова, 1953; Н. П. Ерастов, 1955; В. В. Карпов, 1964) и Ленинграде (А. В. Филиппов, 1965). Путь в большую науку был открыт основателям и ярким представителям ярославской психологической школы – В. В. Новикову (1967), В. Д. Шадрикову (1968), Ю. К. Корнилову (1970), Г. А. Мурашеву (1970), А. Г. Поддубному (1970), Ю. П. Вавилову (1971), М. М. Князеву (1973), В. Ф. Шевчуку (1973), В. Н. Шеминову (1973), Н. П. Воронину (1974).

Избранное направление работы в области психологии труда, инженерной психологии, психологии обучения и воспитания, создание экспериментальной базы, наличие сплоченного и профессионального коллектива кафедры и лаборатории сделало возможным осуществление еще одного направления работы, приближавшего научные исследования в области психологии к практике. Речь идет об исследованиях, которые проводились в ЯГПИ по договору с НИИ шинной промышленности. В Ярославле располагался ведущий в СССР Ярославский шинный завод, и город был одним из центров шинного производства в стране. География хозяйственных исследований неуклонно расширялась, вместе с этим рос научный потенциал ярославской психологической школы, созданной на кафедре психологии ЯГПИ. Исследования проводились на фабрике технических тканей «Красный Перекоп», в системе нефтехима и автопрома, завода асбестово-технических изделий, «Резинотехнике» и т. д. Результаты этих и множества других исследований были представлены в 1966 г. на Всесоюзной конференции «Научная организация труда и управления», проведенной в одном из крупных центров оборонной промышленности СССР – в г. Рыбинске.

«Филатовский» этап истории кафедры завершился открытием в 1970 г. в Ярославле государственного университета. Вслед за ректором института Л. В. Сретенским создавать фактически с «чистого листа» университет отправились многие преподаватели ЯГПИ. Не стали

исключением и психологи. Деканом факультета психологии ЯрГУ был назначен В. В. Новиков (1970–1971), заведующим кафедрой психологии В. С. Филатов (1970–1974), доцентом кафедры психологии, позже деканом факультета психологии (1971–1976), заведующим кафедрой психологии труда и инженерной психологии (1973–1982), проректором по учебной работе (1976–1982) В. Д. Шадриков, заведующим лабораторией факультета М. М. Князев (1970), доцентом кафедры психологии Ю. К. Корнилов (1971).

Переход в университет ведущих представителей ярославской психологической школы дал новый толчок развитию кафедры психологии. Продолжила работу лаборатория, по-прежнему проводились межрегиональные конференции по проблемам психологии обучения и воспитания, психологии труда и педагогической психологии, преподаватели продолжили реализацию хоздоговорных исследований. Значительный вклад в поддержание высокого статуса кафедры и ее развитие в этот период внесли заведующие кафедрой – Н. П. Ерастов (1970–1974), В. В. Карпов (1974–1979), Н. П. Воронин (1980–1982). Особенно необходимо отметить вклад в научное, кадровое, материально-техническое развитие кафедры В. В. Карпова, которому удавалось эффективно совмещать заведование кафедрой и руководство институтом (1970–1979). Вместе с тем на кафедре продуктивно трудились и молодые преподаватели, воспитанники «филатовского» поколения психологов В. Н. Белкина, Ю. П. Вавилов, Г. А. Мурашев, В. С. Овчинников, А. Г. Поддубный, М. М. Рыбакова, Ю. Н. Хованский, Е. П. Шулина и др.

Возращение в 1982 г. в качестве ректора института В. Д. Шадрикова, возглавившего также и кафедру психологии (1983–1985), стало отправным событием нового этапа развития кафедры. Вслед за ним пришли молодые выпускники факультета психологии ЯрГУ – Н. П. Ансимова, П. И. Губочкин, Е. Г. Заверткина, Н. Л. Иванова, Е. Н. Корнеева, И. В. Кузнецова, А. В. Матвеев, Е. Ю. Мишурова, Н. В. Нижегородцева, Ю. П. Поваренков, Н. Г. Рукавишникова, С. В. Шабров, Е. Н. Юрасова и мн. др.

Значительное обновление кадрового состава кафедры в 1980-е годы стимулировало развитие заложенных В. С. Филатовым идей психологии труда, трудового обучения и воспитания. Став еще ближе к решению проблем школьного, профессионального, вузовского образования, преподаватели обратились к разработке вопросов психологической готовности к обучению в школе, профессиональной ориентации и профессионального отбора, развития познавательных способностей

школьников, профессионального становления и реализации личности и мн. др. Так, имеющий сегодня всероссийскую известность Центр профориентации и психологической поддержки «Ресурс» был открыт в 1987 г. усилиями молодого кандидата наук И. В. Кузнецовой.

Стоит особенно отметить, что, несмотря на кардинальные изменения в жизни страны в 1980–1990-е годы, расцвет кафедры, рост числа молодых преподавателей и сотрудников, развитие научных исследований напрямую связаны с личностью и деятельностью В. Д. Шадрикова. Лишь формально оставив в 1985 г. институт и перейдя в министерство просвещения СССР (зам. министра просвещения, первый зам. председателя Госкомитета по народному образованию в 1988–1991 гг., зам. министра образования РФ в 1991–2001), В. Д. Шадриков продолжил научное руководство исследованиями на кафедре, стимулировал заключение хоздоговоров, руководил большинством аспирантов и докторантов, поддерживал карьерный и профессиональный рост преподавателей и сотрудников. Взяв на себя принятую еще в 1946 г. В. С. Филатовым ответственность за кафедру, В. Д. Шадриков продолжает и сегодня определять ключевые направления ее развития. Первые психологические кадры, подготовленные в стенах института, появились на кафедре в период работы отделения логики и психологии (1947–1954). И на рубеже 1980–1990-х годов в ЯГПИ был открыт специальный факультет «Школьная психология» (декан – Н. П. Ансимова), открыто отделение истории и психологии, позже самостоятельное психолого-педагогическое отделение в структуре Института педагогики и психологии (заведующая – Е. Н. Юрасова). Сегодня профессиональная подготовка психологов осуществляется в рамках профилей «Психология образования», «Психологическое консультирование в образовании», «Психология развития и воспитания личности», «Психологическое сопровождение семьи», «Психология карьерного сопровождения личности» и др. Их выпускники – М. В. Борисова, Н. А. Деревянкина, Л. А. Длужневская, Е. Г. Изотова, Е. В. Лапкина, Л. А. Пузырева, Ю. Н. Слепко, М. Г. Угарова, М. А. Юферова – в разное время работали и продолжают работать на кафедре психологии. Вместе с ними коллектив кафедры в разное время пополнился выпускниками вузов Москвы (Л. Г. Жедунова), Кирова (Т. В. Бугайчук, А. Г. Хаймина), Архангельска (А. Э. Цымбалюк).

Профессиональный, научный и карьерный рост молодых кадров «филатовского» периода был обеспечен получением в 1966 г. Ученым советом института права защит кандидатских диссертаций

по психологии. Так был открыт диссертационный совет по психологии (2001, председатель – Ю. П. Поваренков), через который прошло около 120 кандидатов и докторов наук, в том числе преподаватели кафедры – Е. Ю. Акимова, Т. В. Бугайчук, Н. А. Деревянкина, Л. Г. Жедунова, Е. Г. Заверткина, Е. Г. Изотова, Л. А. Огородникова, О. В. Ракитина, Ю. Н. Слепко, М. Г. Угарова, А. Г. Хаймина, А. Э. Цымбалюк, М. А. Юферова и др.

Ключевым направлением развития кафедры в 1960–1970-е годы стало проведение межрегиональных и всесоюзных конференций по психологии труда, трудового обучения и воспитания. Продолжив эту традицию в 1980–1990-е годы, сегодня кафедра является организатором всероссийских и международных конференций по проблемам системогенеза учебной и профессиональной деятельности, психологии способностей и одаренности, интеграции в психологии.

Традиция хоздоговорных исследований, свидетельствовавшая о востребованности научных разработок преподавателей кафедры в 1960–1980-е годы, продолжается и сегодня. Исследования проблем методологии психологии, психологии профессионального развития личности, психологии способностей и одаренности поддерживались ранее Российским гуманитарным научным фондом и Российским фондом фундаментальных исследований, а в настоящее время – Российским научным фондом.

Краткое описание пути развития кафедры конца XX–начала XXI в. показывает, что заложенные В. С. Филатовым направления работы продолжают реализовываться и сегодня. Во-первых, ведется непрерывная подготовка профессиональных и квалифицированных психологов собственными средствами – студентов, аспирантов, кандидатов и докторов наук. Во-вторых, осуществляется коммуникация с психологами – представителями других научных школ и направлений в организуемых кафедрой конференциях. В-третьих, продолжают контакты и взаимодействия с ведущими психологами страны. В-четвертых, ставятся и решаются крупные научно-исследовательские задачи, имеющие высокую актуальность и значимость для региона и страны, психологической науки и практики.

На кафедре всегда были и остаются лидеры – крупные ученые, имеющие всероссийское признание и авторитет – Н. А. Соколов, И. П. Четвериков, В. С. Филатов, В. Д. Шадриков, Н. П. Ерастов, В. В. Карпов, В. В. Новиков, М. М. Рыбакова, Ю. П. Поваренков, Н. П. Ансимова, В. А. Мазиллов, Л. Г. Жедунова и др.

Периодизация истории кафедры

Хронологически историю кафедры психологии следует вести с 1922 г., когда в отчете отдела педагогического образования Главпрофобра (07.03.1922) в структуре Ярославского педагогического института насчитывалось 26 кафедр, в том числе *кафедра психологии*. Между тем документы личного дела Н. А. Соколова (первого заведующего кафедрой и первого преподавателя психологии), а также отчеты института о работавших в нем специалистах и сотрудниках позволяют назвать 1918 г. датой начала преподавания психологии в Ярославском педагогическом институте. В 1918 г. Н. А. Соколов был избран в качестве преподавателя психологических дисциплин в институт.

Между тем воссоздание истории кафедры психологии — это не простое перечисление преподавателей, событий, мероприятий, это попытка встроить кафедру в развитие отечественной психологии, показать через призму ее истории историю развития психологической науки. Именно поэтому можно говорить о предыстории психологического образования на ярославской земле. Речь идет о том, что в 1838 г. в Ярославле психология появляется сразу в двух учебных заведениях: в Демидовском «высших наук училище» и ярославском духовном училище. Несмотря на фрагментарность имеющихся данных, сведения о преподавателях психологии (А. П. Аристов и И. А. Кедров) представляют значительную историческую ценность. Следующий этап предыстории развития психологии в Ярославле — профессиональная подготовка учителей для высших начальных училищ в Ярославском учительском институте (1908—1918). Несмотря на отсутствие психологии как самостоятельной учебной дисциплины в планах института, имеющиеся сегодня документы позволяют говорить о высокой значимости психологических знаний в подготовке учителей в начале XX в.

Переходя собственно к кафедре психологии педагогического университета, можно говорить о трех хронологически и качественно определенных *периодах* ее истории.

Первый период (1918—1936)

Начало кафедральной истории, как было показано выше, связано с появлением в институте первых преподавателей-психологов, созданием кафедры психологии и других специализированных психологических кафедр. В течение первого периода произошли два ключевых события, уже кратко описанных выше — чистка преподавательских кадров в 1929—1933 гг. и выход постановления ЦК ВКП(б) 1936 г. «О педоло-

гических извращениях в системе наркомпросов». Санкционированный в 1936 г. на государственном уровне запрет педологии является временем окончания первого периода истории кафедры. Основными направлениями исследований преподавателей кафедры в этот период можно назвать методологию психологии и общую психологию, возрастную и педагогическую психологию, психологию труда, психологию профессий и профессионального отбора, экспериментальную психологию и экспериментальную педагогику, педологию и педагогику, психиатрию и психопатологию и др.

Говорить о последовавших за этим десяти годах (1936–1945) как самостоятельном периоде истории кафедры не представляется возможным. Скорее речь может идти о переходном к современности времени, когда, несмотря на работу в институте профессиональных психологов (А. А. Березников, А. М. Голяховская, Т. Г. Егоров, А. Ф. Опочинский, И. М. Цветков), кафедра психологии как его структурное подразделение отсутствовала. Между тем примечательно, что исследовательская работа по психологии в институте не прекращалась. Например, Т. Г. Егоров в 1942 г. в МГУ защитил докторскую диссертацию на тему «Психология процесса формирования чтения»; в 1943 г. там же И. М. Цветков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Интерес и динамика его развития у учащегося».

Второй период (1946–1970)

Этот период имеет условное название «филатовского», так как связан с именем продолжительное время заведовавшего кафедрой психологии В. С. Филатова (Мурашев, 1998). В течение второго периода произошли важнейшие события, связанные с ростом кадрового и научно-исследовательского потенциала кафедры и ярославской психологической школы. Речь идет об уже отмечавшихся выше открытии отделения логики и психологии (1947), аспирантуры по психологии (1949), создании лаборатории психологии труда, трудового обучения и воспитания (1964), получении Ученым советом института права проведения защит кандидатских диссертаций по психологии (1966), проведении кафедрой межвузовских конференций и др.

Отметим, что в течение первого периода развитие кафедры практически полностью зависело от внешних условий и источников (правительственные решения, политика государства и идеология, непостоянство кадрового состава и др.). Во втором периоде многие потенциально негативные явления и события нивелировались ста-

тусом и активной позицией лидера кафедры и ярославской школы психологии – В. С. Филатова. Его управленческие и организационные решения, научные интересы и контакты в правительственных, образовательных, научных кругах обеспечили стабильное развитие кафедры и закрепление основных направлений научно-исследовательской работы. В качестве последних следует назвать разработку вопросов психологии труда, трудового обучения и воспитания, психологии производственного обучения, психологии личности и психологии развития, инженерной и педагогической психологии и др.

Окончание второго периода истории кафедры связано с позитивным шагом в развитии отечественной психологии и ярославской психологической школы. Как уже упоминалось, в 1970 г. был создан Ярославский государственный университет, для открытия факультета психологии которого были направлены ведущие психологи педагогического института – В. С. Филатов, В. В. Новиков, В. Д. Шадриков, М. М. Князев, Ю. К. Корнилов.

Третий период (1970—настоящее время)

Этот наиболее длительный период характеризуется развитием заложенных В. С. Филатовым идей и форм организации научных исследований, психологического образования и роста кадрового потенциала кафедры. Существенную роль в сохранении высокого уровня научных исследований и качества психологического образования сыграло, с одной стороны, продолжение филатовских традиций оставшимися на кафедре преподавателями и сотрудниками, с другой, постепенное пополнение кадрового состава молодыми выпускниками факультета психологии Ярославского государственного университета. Как и ранее, ключевое значение для развития кафедры сыграли ее лидеры, сохранявшие филатовские традиции управления и организации кафедральной жизни – Н. П. Ерастов, В. В. Карпов, Н. П. Воронин, В. Д. Шадриков, Н. П. Ансимова, Ю. П. Поваренков, В. А. Мазилев. Наличие уважаемых и признанных в научном и образовательном сообществе лидеров позволило кафедре не только успешно пройти сквозь беспокойные 1980–1990-е годы, но и подняться на более высокий уровень организации психологического образования и научных исследований. На всем протяжении третьего периода основными направлениями научных исследований являются проблемы теории, истории и методологии психологии, педагогической психологии и психологии труда, психологии профессионального и карьерного развития, пси-

психологии обучения, развития и воспитания личности. Помимо этого, кафедра расширила спектр традиционных направлений разработкой проблематики психологического консультирования и медиации, психологии семьи и детско-родительских отношений, психологии спорта и конфликтологии.

Заключение

Подводя итоги описания истории кафедры психологии педагогического института в Ярославле, следует обратить внимание на ряд важных моментов.

Имеющиеся в настоящее время у авторов исторические источники позволяют решить задачу описания непрерывной истории развития психологии на ярославской земле. Конечно, до сих пор остается значительное число «белых пятен», связанных не только с фрагментарностью данных о предыстории психологии в Ярославле, но и с недоступностью сведений о личности и деятельности отдельных преподавателей и сотрудников. Однако это не является существенным препятствием для комплексного описания основных направлений развития ярославской психологии в XX–начале XXI в.

Говоря о комплексном описании, необходимо обратить внимание на следующее. На всем протяжении развития психологии на ярославской земле ее представители были непрерывно включены в происходившие в стране и науке процессы – социального, образовательного, научного, политического, идеологического характера. Это позволяет говорить о том, что история ярославской психологии – это не один из множества фактов истории регионального характера, это отражение на конкретном примере истории российской науки и образования. В этом авторы видят особую ценность и значимость полученных в ходе исторического анализа результатов исследования. Несмотря на хронологическую и качественную специфику выделенных в ходе исследования периодов, авторы считают возможным говорить и о единых для всей истории кафедры идеях и формах организации ее образовательной и научно-исследовательской жизни. На протяжении каждого периода развития усилия преподавателей и сотрудников кафедры были направлены на решение актуальных для ярославского региона задач психологического сопровождения образования, научного обоснования повышения эффективности не только образовательной деятельности, но и промышленного производства, психологическое

сопровождение подготовки квалифицированных кадров для разных сфер социально-экономической жизни региона.

Решение отмеченных выше и множества других задач обеспечивалось непрерывной разработкой общей на протяжении всей истории кафедры проблемы понимания роли труда в психическом развитии человека. В течение первого периода эта идея нашла отражение в разработке педологических и психотехнических проблем трудового обучения и воспитания на разных уровнях образования (дошкольном, школьном, профессиональном и послепрофессиональном). Специфика второго периода истории кафедры была связана с разработкой проблемы политехнизации школьного и профессионального образования, научного обоснования повышения эффективности трудовой деятельности специалистов разных гуманитарных и технических специальностей. В течение третьего периода истории кафедры была не только продолжена разработка проблем политехнизации образования, но и созданы оригинальные концепции и теории психологии трудового обучения, воспитания и развития личности.

Наличие базовой идеи, объединявшей коллектив на всем протяжении непрерывной истории, позволяло решать актуальную задачу развития кадрового потенциала кафедры и ярославской школы психологии. Начиная с «филатовского» этапа кафедра имеет возможность непрерывного обновления кадрового состава средствами профессиональной подготовки молодых психологов, выпускников психологических специальностей, и подготовки кадров высшей квалификации. Это является одним из важнейших факторов и условий жизнеспособности кафедры на всем протяжении ее длительного исторического пути.

Помимо сказанного, необходимо обратить внимание на тот факт, что на всем протяжении своей истории кафедра психологии была открыта взаимодействию с другими научными и образовательными организациями подразделением педагогического университета. Так, в 1920-е годы преподаватели кафедры (Н. А. Соколов, И. П. Четвериков и др.) активно участвовали во всесоюзных съездах и конференциях по проблемам педологии и психотехники, экспериментальной психологии, дошкольного образования. В филатовский период кафедра была организатором всесоюзных конференций по вопросам психологии труда, трудового обучения, воспитания и развития личности. В 1970-е годы и по настоящее время кафедра продолжила организацию конференций и семинаров по проблемам психологии образования, психологии труда, общей психологии, методологии психологии и др.

Это всегда позволяло кафедре быть включенной в процессы развития отечественной психологии и решения общих актуальных и значимых задач психологической науки.

Литература

- Александрова Л. А.* Концепция «потока» в свете зарубежной и отечественной психологии: история возникновения, современное состояние и перспективы развития теории // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 3. С. 152–165.
- Андронов В. П., Макарова Е. С., Никишов С. Н.* История становления и развития кафедры психологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» // Огарёв-Online. 2022. № 15 (184). С. 8.
- Артемова О. А.* Анализ предметных связей сотрудников Психологического института (1913–1937 гг.) // Психолог. 2022а. № 6. С. 57–72.
- Артемова О. А.* Исследование способностей руководителя научного коллектива в истории советской психологии // Психологический журнал. 2022б. Т. 43. № 6. С. 66–75.
- Артемова О. А., Дубровская Л. Д. Г. И. Челпанов и ученики: результаты коллективной научной деятельности сотрудников психологического института (1912–1923 гг.) // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Психология». 2022. Т. 42. С. 3–20.*
- Батыршина А. Р.* Постановка и рассмотрение проблемы взаимосвязи интереса и воли в психологии конца XIX–середины XX веков // Вестник Университета Российской академии образования. 2022. № 3. С. 14–26.
- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Часть I. Научно-организационные и библиометрические аспекты // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 6. С. 5–17.
- Богданчиков С. А.* Не время для школ: к вопросу о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 1. С. 43–53.
- Вяткин Б. А.* Пермская научная психологическая школа в образовательном пространстве России: историческая хроника // Системное исследование индивидуальности растущего человека как субъекта образования. Материалы всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Пермь: ПГГПУ, 2022.

- Галкина Т. В., Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Яков Александрович Пономарев: некоторые результаты наукометрического анализа творческого наследия // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1 (124). С. 117–128.
- Ермаков А. М.* Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 3–4 (28–29). С. 135–143.
- Ждан А. Н.* Пути и принципы исследования сознания в истории психологии // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. № 1. С. 47–60.
- Журавлев А. Л.* Воспоминания о Е. В. Шороховой: жизненный и профессиональный путь ученого (к 100-летию со дня рождения) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022а. Т. 7. № 2 (26). С. 244–264.
- Журавлев А. Л.* Воспоминания о профессоре В. С. Филатове и моем распределении в Ярославский госуниверситет // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. «Гуманитарные науки». 2022б. Т. 16. № 3 (61). С. 524–542.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Психологическое наследие В. Ф. Рубахина (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2022а. Т. 43. № 1. С. 127–136.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Теоретические проблемы инженерной психологии в трудах Б. Ф. Ломова // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022б. Т. 7. № 1. С. 180–216.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Предпосылки формирования научного направления психологии нравственности в Институте психологии РАН в советский и постсоветский периоды // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8. № 1 (29). С. 6–54.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 году // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
- Журавлев А. Л., Холондович Е. Н.* Основные направления научно-исследовательской работы лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН в 2017–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 5–14.
- Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

- История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Коннов В. И.* Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х: теоретические и социально-политические истоки // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 6–27.
- Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 99–120.
- Кунаковская Л. А., Кривотулова Е. В.* Педагогическое образование в классическом университете: от истории к современным реалиям (опыт деятельности кафедры педагогики и педагогической психологии ВГУ) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Проблемы высшего образования». 2022. № 2. С. 41–44.
- Ловягина А. Е., Хвацкая Е. Е.* Ленинградская – Санкт-Петербургская научная школа спортивной психологии от истоков до наших дней. Часть 1. Развитие спортивной психологии в Ленинграде // Вестник спортивной науки. 2021. № 1. С. 74–78.
- Логинова Н. А.* Полвека без Б. Г. Ананьева: творческое наследие ученого в современной петербургской психологической школе // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 118–127.
- Мазиллов В. А.* Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61–85.
- Мазиллов В. А.* Иван Андреевич Кедров: первый труд по психологии, изданный на Ярославской земле // И. А. Кедров. Курс психологии. Иваново: Роша, 2018. С. 9–22.
- Мазиллов В. А.* «Всему начало здесь»: И. А. Кедров – первый психолог на ярославской земле // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1 (106). С. 139–147.
- Мазиллов В. А.* Психология на ярославской земле: первые шаги и становление // Факультет психологии Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. К 50-летию юбилею факультета психологии / Отв. ред. А. А. Карпов. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 52–86.

- Мазилев В. А.* История психологии как наука: вклад М. С. Роговина // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2022а. № 1. С. 10–24.
- Мазилев В. А.* Судьба научной психологии в XXI столетии: время и бремя выбора // Методология современной психологии. 2022б. № 15. С. 220–234.
- Марцинковская Т. Д.* Изменчивость и постоянство научной школы, или гармонизация прерванной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Психология. 2022. Т. 12. № 1. С. 8–18.
- Моргун А. Н.* Международное (мировое) историко-психологическое отраслевое сообщество: наукометрический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 178–214.
- Мурашев Г. А.* Из истории Ярославской психологии // Психологический пульс Ярославля / Под ред. В. В. Новикова. М.–Ярославль: МАПН, 1998. С. 21–47.
- Намазбаева Ж. И., Киричок О. В., Исабекова Т. Ш.* Психологическая наука в Казахстане – история и перспективы развития // Человек. Искусство. Вселенная. 2023. № 1. С. 15–22.
- Носкова О. Г.* Вопросы истории и методологии прикладной психологии в творчестве Е. А. Климова (к 80-летию со дня рождения) // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 2. С. 143–151.
- Носкова О. Г.* История прикладной психологии: субъектно-деятельностный подход // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. «Психология». 2021. № 2. С. 58–73.
- Олейник Ю. Н.* Периодизация истории психологии: проблемы и перспективы // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 2. С. 25–32.
- Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л.* Разработка проблем истории психологии в трудах В. А. Кольцовой (к 75-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 131–142.
- Олешкевич В. И.* История психологии как история психотехники // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 2. С. 32–39.
- Парамонова М. Ю.* 100-летие факультета дошкольной педагогики и психологии Московского педагогического гос. ун-та // Педагогическое образование и наука. 2022. № 4. С. 84–94.
- Парыгин Б. Д.* История отечественной социальной психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 2. С. 5–20.

- Петренко В. Ф.* Путь в психологию: о становлении экспериментальной психосемантики // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2022. № 4. С. 520–530.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л. Б. Ф.* Ломов о проблемах социальной психологии // Психологический журнал. 2022а. Т. 43. № 1. С. 5–16.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л. Е. В.* Шорохова как экономический психолог (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2022б. Т. 43. № 4. С. 109–117.
- Почебут Л. Г.* Актуальные проблемы психологии в послевоенный период (1945–1946 гг.) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 129–147.
- Протанская Е. С.* 90 лет психолого-педагогической подготовки кадров в вузе культуры // Вестник Санкт-Петербургского гос. института культуры. 2023. № 1 (54). С. 31–38.
- Развитие российской психологии накануне и после 1917 г.: тенденции, научные школы, персоналии: сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. Н. Олейник, Э. В. Тихонова. Саратов: Интерконтант, 2019.
- Родионов А. В., Родионова И. А., Уляева Л. Г.* Исторические вехи московской научной школы спортивной психологии. Часть I. Зарождение и развитие в советский период // Вестник спортивной науки. 2021. № 3. С. 79–83.
- Свенцицкий А. Л.* Возрождение отечественной социальной психологии // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 81–86.
- Сергеев С. Ф.* У истоков ленинградской школы инженерной психологии: Суходольский Геннадий Владимирович // Эргодизайн. 2022. № 1 (15). С. 72–76.
- Серова О. Е.* Всегда первый! К 110-летию создания психологического института // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 10–27.
- Сленко Ю. Н.* Ранние этапы преподавания психологии в Ярославле: от идеалистического к материалистическому пониманию психологической науки // Ярославский психологический вестник. 2022. Вып. 1 (52). С. 145–149.
- Стояхина Н. Ю.* Психология воздействия в советской психотехнике: 1920–1930-е гг. Ярославль: ЯГПУ, 2016.

- Стоюхина Н. Ю.* Деятельность психофизиологической лаборатории Горьковского автозавода и ее руководителя К. К. Платонова // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022а. Т. 7. № 1 (25). С. 148–177.
- Стоюхина Н. Ю.* Советская психология труда на новом этапе (к 65-й годовщине совещания по вопросам психологии труда) // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022б. Т. 7. № 1. С. 51–72.
- Стоюхина Н. Ю.* «Типичный русский интеллигент» и психотехник С. М. Василейский (к 135-летию со дня рождения) // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023а. Т. 8. № 1. С. 196–219.
- Стоюхина Н. Ю.* «Труд как источник радости» философа и психолога Константина Ивановича Сотонина (к 130-летию со дня рождения) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023б. Т. 8. № 1 (29). С. 268–289.
- Трошихина Е. Г.* Научный и жизненный путь выдающегося сравнительного психолога Н. А. Тих // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Психология. 2022. Т. 12. № 1. С. 71–82.
- Трушкина К. В.* Психолого-историческая реконструкция особенностей личности и индивидуального стиля научной деятельности В. А. Кольцовой // Национальное здоровье. 2023. № 1. С. 74–79.
- Тукаев Р. Д.* Великие российские ученые-медики, академики И. П. Павлов и В. М. Бехтерев и их вклад в развитие исследований и практик отечественного гипноза, гипнотерапии, психотерапии // Вестник психотерапии. 2023. № 85. С. 15–27.
- Факультет психологии Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. К 50-летию юбилею факультета психологии / Отв. ред. А. А. Карпов. Ярославль: Филигрань, 2020.
- Фролова С. В.* Цифровые наукометрические методы в современной истории психологии: перспективы и ограничения применения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 215–234.
- Холондович Е. Н.* Лаборатория истории психологии ИП АН СССР (1984–1992): предпосылки создания, программа, становление и развитие // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8. № 1 (29). С. 55–88.

- Шикун А. А.* Историография психологии Калининской области, реализуемая историко-психологической реконструкцией временного периода 1917–1990 годов // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. «Педагогика и психология». 2021. № 2 (55). С. 27–34.
- Южанинова А. Л.* Родоначальник саратовской университетской психологической школы С. Л. Франк (к 145-летию ученого) // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2023. Т. 23. № 1. С. 85–93.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 6–19.

Оценка персонала в советской организационной социальной психологии 1970—начала 1990-х годов: концепция и ключевые идеи

В. А. Чикер

Посвящается памяти организаторов
фундаментальных и прикладных исследований
в советской психологии докторов психологических наук
Евгения Сергеевича Кузьмина и Эмилии Сергеевны Чугуновой

Контекст развития советской психологии 1960—1980-х годов¹

При ретроспективном осмыслении достижений в области психологии 1970—1990-х годов проявляется явное противоречие между стремительным возрождением психологии труда и индустриальной/организационной психологии в нашей стране («восстановительный период») и традиционно сложившимся в общественном сознании обозначением этого периода в истории страны как этапа «застоя». Следствием этого можно считать мнение о вторичности идей отечественной психологии и представление об отсутствии в ней на этом этапе развития истинно уникальных, незаурядных и творческих работ. Но именно тогда возникали оригинальные и плодотворные замыслы не только в области теории психологии, но и в совершенно новых для страны направлениях прикладной и практической психологии. Чем дальше уходит от нас этот период советской психологии, тем яснее становится очевидность непродуктивности определений этого исторического этапа как этапа «застоя и стагнации».

Именно тогда, несмотря на множество идеологических проблем, существовавших в нашей стране, создавались и развивались новые фундаментальные направления и отрасли психологии, например: инженерная и социальная психология, психология управления

1 Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 23-28-00107.

и др. В эти же годы были открыты Институт психологии АН СССР, факультеты и кафедры психологии во многих вузах. Однако изменение социальной ситуации и общественных настроений в 1990-е годы очередной волной отразилось на развитии многих научных направлений психологии. Отечественные разработки стали забываться, их новаторское значение подчас вообще не принималось во внимание. Это коснулось как теоретических, так и прикладных работ по оценке персонала. В итоге оказалось, что основные современные модели оценки персонала ориентированы, как правило, на западные образцы, а фундаментальные разработки отечественных ученых в этом направлении практически забыты. Это отразилось и на терминологии. Понятие «кадры», начиная с 1990-х годов, было заменено на синонимичное «персонал».

Цель нашей работы – научный анализ комплексной модели оценки персонала (кадров) в советский период (1970–1990-е годы), предложенной и осуществленной в Ленинградском/Санкт-Петербургском университете. Мы считаем необходимым показать принципиально важные достижения в этой области, вспомнить первые масштабные пионерские психологические работы, которые начали реализовываться в отечественной организационной психологии более 50 лет назад. Был выполнен и целый ряд других работ в различных российских психологических центрах, например, в Институте психологии АН СССР, причем в тот же исторический период (подробнее см.: Журавлев, 1983, 1985; Служба..., 1989; Совместная деятельность..., 1988; Социально-психологические проблемы бригадной..., 1987; Социально-психологические проблемы..., 1983; Таранов, Журавлев, 1979; и др.).

Классические модели оценки персонала

Актуальность темы оценки персонала связана с постоянными и глубокими социальными и технологическими изменениями (особенно с переходом большинства сфер деятельности в область цифровых технологий), возросшей трудовой и профессиональной мобильностью кадров, повысившимися квалификационными требованиями к сотрудникам, а также новыми, динамичными отношениями сотрудников и работодателей, которые определяются широким распространением дистанционной работы. На сегодняшний день большинство солидных организаций имеют сформировавшиеся и одобренные высшим руководством системы оценки, основанные на самых разных мо-

делях (Роу, ван дер Берг, 2012), которые на данном этапе понимания вопроса могут быть подвергнуты систематизации.

Оценка персонала помогает решать проблемы аттестации, ротации, продвижения, развития, сокращения, подготовки и обучения, мотивирования и стимулирования персонала и др. В создании и адаптации таких моделей непосредственное участие принимают, в частности, специально подготовленные организационные психологи, помогающие выбирать и продвигать ту или иную концепцию оценки работников. На сегодняшний день отчетливо выделяются три основные модели в оценке персонала: по профессионально важным качествам (ПВК), компетенциям и функциональным требованиям (Чикер, 2018).

Самая длительная история разработки и практического применения относится к *модели профессионально важных качеств (ПВК)*. Понятие активно используется с начала прошлого века и максимально отражает базовые традиции отечественной и зарубежной психологии в области психологии труда, управления и психотехники (Беспалов, 2014). Любая модель ПВК – результат глубокого изучения определенного вида деятельности. В. А. Бодров определяет ПВК как «*всю совокупность психологических качеств личности, а также целый ряд физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, которые определяют успешность обучения и реальной деятельности*» (Бодров, 2001, с. 153). В англоязычной литературе этот термин не используется, а его синонимами чаще всего считаются понятия „professional quality“ и „professional attributes“. Именно *модель ПВК* была взята за основание при разработке системы комплексной оценки кадров, о которой речь подробно пойдет ниже (Комплексная..., 1991; Кузьмин и др., 1977; Чугунова, Панферов, 1978). В разработанной системе впервые в нашей стране применялась экспертная оценка сотрудников по принципу «360°», которая в дальнейшем станет универсальной практически для любых моделей оценки персонала. Основные трудности, с которыми столкнулись практики при использовании модели ПВК, определяются тщательной детализацией изучаемых личностных и профессиональных характеристик, что делают списки ПВК очень объемными и дробными.

Устранение этих трудностей стало одной из причин разработки *компетентностной модели* оценки персонала, которая сейчас является главенствующей в большинстве работ этого направления (Роу, ван дер Берг, 2012). Другая причина массового перехода к компетент-

ностной модели – критика традиционной (тестовой) системы оценки способностей, знаний и умений, по результатам которой, как оказалось, довольно трудно предсказать предполагаемую профессиональную успешность специалиста и руководителя. Согласно этой модели, эффективность организации объясняется *ключевыми качествами*, или *компетенциями* (competence), самой организации и ее сотрудников, проявляемых в реальной деятельности. Конечные суждения по оценке выделенных поведенческих индикаторов ключевых компетенций, как правило, производит группа экспертов по системе оценки «360°». Однако, как и критикуемые модели ПВК, компетентностные модели оказываются трудными в разработке и реализации, требуют больших материальных и интеллектуальных затрат, требуют глубокой детализации и конкретизации деятельности.

Функциональная модель оценки персонала отражает подход, связанный с реализацией функций управления (менеджмента) организации (Маслов и др., 2007; Чикер, 2018). Показатели модели, как правило, отражают сложившуюся организационную или индивидуальную систему управления и могут включать достаточно большое количество функций, выполнение которых в дальнейшем обеспечивается базовыми компетенциями сотрудников и руководителей. Примером может служить методика «Цикл управленческих умений» К. Л. Вилсона (см.: Чикер, 2003), которая основывается на теоретической концепции, выделяющей 23 основных менеджерских умения, описанных в соответствии с циклом универсальных функций управления. Ограничения в применении функциональных моделей заключаются в большой подготовительной работе по анализу специфики управленческих функций в конкретных организациях, что требует дополнительного исследовательского этапа в ее реализации. Диагностика менеджерских умений также традиционно проходит по принципу «360°».

Можно считать, что общим и объединяющим три базовые модели оценки персонала организаций является применение в них в том или ином объеме *экспертных оценок*. При этом требования, предъявляемые к описательным характеристикам деятельности, формированию экспертной группы, выбору шкалы оценок, обобщению результатов, принципам обратной связи, должны быть заложены на самых первых этапах работы по реализации схемы оценки персонала в каждой конкретной организации.

Сложившаяся практика свидетельствует о том, что запрос заказчиков психологам, как правило, формируется на прикладные работы,

связанные с *оценкой качества и эффективности работы сотрудников организаций различного статуса и должностной ответственности, в особенности категории руководителей*, что связано как минимум с двумя очевидными причинами. Первая — это высокая ответственность руководства за результаты деятельности персонала и организации в целом, а также первоочередная неотложная необходимость подбора для организации «ключевых» людей. Вторая — высокая стоимость любой качественной психологической экспертизы профессиональной деятельности и достижений. Крайне редко проводимая сплошная оценка всех сотрудников организации существенно повышает материальные затраты заказчиков работы.

Предпосылки создания комплексной методики оценки инженеров

Не существует более универсальной темы для любых организаций — промышленных, коммерческих, образовательных и др., чем тема оценки персонала. Она лежит в основании самого главного для всей организационной психологии вопроса *повышения эффективности деятельности отдельного сотрудника, структурного подразделения, организации в целом, научного или производственного направления деятельности*. В нашей стране 1960-е годы были годами технологического прорыва мирового уровня во многих областях науки, промышленности и производства. На самом передовом рубеже стояли специалисты космической области, достижения в которой, как доказала история, были неоспоримы. Одним из самых серьезных вопросов для руководителей передовых предприятий отрасли стал вопрос об оценке деятельности специалистов, разработчиков, изобретателей в высокотехнологичных областях деятельности, их подбор и обучение, а также прогноз эффективности их деятельности. Важно было оценить руководителей отрасли и проектировщиков, сформировать резерв на выдвижение и банк данных лучших инженеров нашей страны. Вдохновителем и организатором этой работы стал лауреат государственных и Ленинской премий, генеральный директор предприятия «Кулон», доктор технических наук Н. А. Викторов. Со стороны заказчика он организовал сотрудничество и финансирование работ по оценке персонала с кафедрой социальной психологии ЛГУ (Кузьмин и др., 1977). Со стороны кафедры работу возглавили Е. С. Кузьмин и Э. С. Чугунова. Была создана группа молодых сотрудников, состоящая из первых выпускников факультета психологии ЛГУ, которые впоследствии стали

совмещать научно-исследовательскую и преподавательскую работу. На разных этапах работы в группу входили: С. П. Безносков, В. П. Захаров, А. Н. Капустина, С. М. Михеева (Кравцова), Л. В. Мургулец (Фаустова), В. Н. Панфёров, С. Т. Посохова, Н. Г. Хитрова, В. А. Чикер (ответственный исполнитель), Н. Г. Чумакова и др. (см.: Дробышева и др., 2020; Панферов и др., 2018; Промышленная социальная..., 1982; Психология – производству..., 1977; Русалинова и др., 2018; Свенцицкий и др., 2018; и др.). Научно-исследовательские проекты финансировались хозяйственными договорами с крупными предприятиями Ленинграда и других регионов страны (Москвы, Прибалтики, Поволжья, Сибири). Финансирование поддерживалось с 1970 по 1991 г. С нуля были проведены обоснование и разработка современной системы оценки кадров. Эти исследования, как показало время, внесли значительный вклад в современное видение проблемы оценки персонала.

Основные этапы создания Комплексной методики оценки кадров

Критерии оценки эффективности деятельности персонала и организации могут быть различны, а практика их разработки имеет давнюю историю (Дафт, 2003). Оценка эффективности работы персонала в организации может проводиться в двух главных взаимосвязанных направлениях – *объективная оценка* (реальная продуктивность и эффективность деятельности) и *субъективная оценка* (основанная, как правило, на самооценке и суждениях независимых экспертов). Такой путь объединяет два основополагающих принципа современной психологии – системный и комплексный подходы, которые активно развивались с конца 1960-х годов теоретиками ленинградской/санкт-петербургской психологической школы (Ананьев, 2001; Ганзен, 1984). Именно эти теоретические постулаты и легли в основу разработки *Комплексной социально-психологической методики оценки профессионально важных качеств инженеров*, осуществляемой в ленинградском/санкт-петербургском государственном университете с начала 1970-х годов (см.: Дробышева и др., 2020; Капустина, Чикер, 2020). До этого столь сложная теоретическая и практическая задача в отечественной психологической науке не решалась.

Первый шаг в создании методики был сделан в направлении определения критериев эффективности такой сложной профессиональной деятельности, как проектная. Предстояло определить эффективность деятельности руководителей и специалистов различного должностно-

го статуса в проектных организациях и на промышленных «закрытых» предприятиях страны, занимавшихся в те годы реализацией космических и военных программ. Первоначальная цель была ясна – выявить критерии эффективности деятельности ключевых сотрудников и ведущих специалистов в области инженерных разработок, которая с трудом поддается объективному измерению, а ее результаты могут быть неопределенными и отсроченными по времени. Для этого должен был быть проведен *детальный функциональный анализ деятельности, описаны ее составляющие на каждой должностной позиции* (Чугунова, Панферов, 1978). На основании массовых опросов инженеров различного статуса в изучаемой области (были опрошены сотни технических специалистов и руководителей) с применением контент-анализа и групповых дискуссий были выделены содержательные блоки в перечне ПВК, а также разработаны эталонные модели основных параметров профессиональной деятельности личности инженера с учетом его специализации, пола, возраста и статуса (Безносков, 1977; Захаров, 1977; Капустина и др., 1982; Комплексная..., 1991; Чикер, 1985). В моделях отражались социально и профессионально значимые характеристики личности. Профессиональная деятельность специалиста рассматривалась в связи со спецификой конкретного предприятия, его структуры, организационной культуры, показателей экономической эффективности и т. д. (Капустина, Чикер, 2020; Чикер, 1985, 2018). Подбор кадров был основан на сопоставлении личностного профиля с моделью ПВК и включал специально подобранную батарею оценочных методик. Особая заслуга разработчиков эталонной модели заключалась в воплощении идей соединения объективных и субъективных оценок деятельности персонала различного уровня, комплексности оценки, активного внедрения экспертной оценки (ГОЛ – групповой оценки личности), т. е. экспертного метода «360°» и тестовых методов. Впервые огромный массив данных обрабатывался при помощи специально созданных компьютерных программ, что в те годы было существенным техническим прорывом. Было дано полное методологическое обоснование и описание предложенной модели оценки персонала (Комплексная..., 1991).

Методическое обеспечение процедуры оценки кадров

На основе определения эталонных требований к должностным и профессиональным позициям был обоснован *методический пакет*, на-

правленный на комплексную оценку профессиональных и личностных качеств сотрудников. С позиции психологической диагностики модель включала в себя, кроме субъективных экспертных оценок деятельности, объективную оценку интеллекта инженеров и руководителей, а также их личностных особенностей, специфику их поведения в критических ситуациях, мотивацию деятельности, профессиональные установки и т. д.

В методическом плане работа группы была пионерской. Впервые в СССР была проведена научная адаптация ряда известных зарубежных психодиагностических методик. Это методика Дж. Фланагана, диагностировавшая особенности интеллекта инженеров (В. А. Чикер); 16-факторная личностная методика Р. Кеттелла (форма С) (А. Н. Капустина, Л. В. Мургалец, Н. Г. Чумакова); проективная методика «Деловые ситуации» (Н. Г. Хитрова). Э. С. Чугунова изучала профессиональную мотивацию и творческую активность инженеров, разрабатывала опросные методики по выявлению формирования специфических мотивов профессиональной деятельности (Капустина и др., 1982; Капустина, Чикер, 1994; Комплексная..., 1991; Чикер, 2003). В основе оценки лежала передовая для того времени модель ПВК, описывавшая эталонные требования к личности и деятельности на каждой должностной позиции.

Групповая оценка личности. Важнейшим достижением Комплексной методики можно считать обоснование и внедрение основных принципов оценки персонала по системе 360° или 270° (экспертная оценка эффективности деятельности кадров – *групповая оценка личности – ГОЛ*) (Журавлев, 1975; Кузьмин и др., 1977; Русалинова, 1971; Чугунова, Панферов, 1978). Необходимо восстановить историческую справедливость, касающуюся первенства разработки этого метода в нашей стране по сравнению с западными разработками. Терминологическое определение метода несправедливо приписывается П. Уорду и отнесено только лишь к 1987 г. (Почебут, Чикер, 2020, с. 304). Однако, как мы видим, существуют более ранние отечественные работы с определением и обоснованием применения экспертной оценки, получаемой от окружения специалиста.

Оценку 360° можно рассматривать как систему оценок специалиста ближайшим профессиональным окружением с учетом социальной приемлемости его со стороны группы, коллектива, в котором он работает. Оценочные характеристики распределяются в соответствии с эталонной моделью по зонам соответствия требованиям к опреде-

ленной должностной группе: перспективной, превосходной, верхней номинальной, нижней номинальной, посредственной и зоной несоответствия (Комплексная..., 1991, с. 5). Сама по себе экспертная оценка представляет собой сложную пошаговую процедуру, которая позволяет минимизировать ошибки при подборе экспертов, изучив деловые и неформальные связи в коллективе, дать обратную связь оцениваемому, определить зоны роста и риска в профессиональной деятельности.

Приступая к оценке кадров, с целью максимально точного подбора независимых экспертов необходимо установить границы их компетентности для возможной оценки своих коллег. Здесь применим принцип «Никто лучше не знает, как работает член группы или коллектива, чем его коллеги, находящиеся с ним на линии центральных деловых связей». При сплошном обследовании небольших рабочих групп каждый член коллектива может выступать и в качестве аттестуемого, и в качестве эксперта («Все оценивают всех»). Такая ситуация складывается редко, поэтому, как правило, в целях поиска максимально осведомленных экспертов сотрудникам предлагается заполнить «Таблицу деловых связей» (там же, 1991, с. 14–15). В таблице указываются данные людей, с которыми оцениваемый чаще всего «пересекается» по деловым вопросам, его должность, подразделение, частота общения и оценка по шкале отношения (от симпатии до антипатии по 9-балльной шкале). Анализ шкалы отношений очень важен, поскольку люди с крайней эмоциональной оценкой своих коллег (как положительной, так и отрицательной) не могут рассматриваться в качестве потенциальных экспертов и исключаются из списка в силу их предполагаемого предвзятого отношения к аттестуемому.

Таким образом, для каждого аттестуемого сотрудника составляется список потенциальных экспертов, обладающих знаниями о профессиональных умениях и навыках оцениваемого и независимостью в эмоциональной составляющей этой оценки. Желательно, чтобы такой список включал в себя от 10 до 15 потенциальных экспертов, которые будут по возможности равномерно отражать схему «360°» или «270°». Предпочтительно иметь на каждого оцениваемого как минимум три эксперта «снизу», три «сверху», три на уровне своей должностной категории и самооценку. Как показывает знакомство с многими современными системами оценки персонала по принципу «360°», именно этот шаг оценки — шаг по максимально точному подбору экспертов — подчас пропускается, что провоцирует случайность

в их выборе и значительно снижает общую эффективность оценочной процедуры. Следующий этап применения методики ГОЛ — это заполнение оценочных листов экспертами (там же, 1991, с. 16–18) по шкале от 0 до 9 баллов (0 — качество отсутствует, 9 — наивысшая степень проявления качества). Оценочные листы отличаются друг от друга в зависимости от статуса оцениваемого (рядовые сотрудники, руководители), а списки оцениваемых качеств (ПВК) разделены на блоки, названия которых в современных подходах оценки персонала близки понятию «компетенция» (там же, с. 16–17). Для того чтобы существовало единое понимание каждого профессионально важного качества, которое оценивают эксперты, совместно со специалистами-филологами был создан «Словарь терминов к методике ГОЛ», к которому можно обратиться при поиске толкования того или иного качества (там же, с. 27–32). Создание и применение «словаря» — уникальный шаг, не имеющий аналогов в применении списков ПВК.

Как показали прикладные исследования, проведенные по предложенной комплексной схеме, экспертная оценка оказалась наиболее перспективной в плане определения эффективности деятельности, поскольку она выявляет социально-психологическую позицию в конкретном коллективе, профессиональный и личностный вклад в общее дело с точки зрения коллег-профессионалов, что, безусловно, имеет важное значение при принятии решения о промежуточной аттестации и должностных перемещениях.

Оценка интеллекта. Работа инженера представляет собой один из видов высокоинтеллектуальной деятельности, в основе которой лежат способности к технической деятельности. В разработанных списках ПВК эти свойства специалиста выделяются отдельно, что связывается как с образованием, так и с общей и специальной одаренностью. По своей природе эти свойства личности трудно поддаются экспертной оценке, что и побуждает исследователей дополнительно обратиться к тестовой диагностике общих и специальных технических способностей. Установлено, что интеллект — база, на которой при условии выраженной мотивации возможны профессиональные достижения как в области менеджмента, так и в области решения узкопрофессиональных задач (Чикер, 2003).

При оценке интеллектуального уровня и структуры интеллекта инженеров использовалось пять из тринадцати субтестов для диагностики общего и технического интеллекта из батареи тестов Дж. К. Фланагана (Flanagan, 1957), которые прошли проверку на надежность

и валидность. Субтесты можно применять как экспресс-методику и как средство массового тестирования общего и технического интеллекта. Каждый субтест может использоваться не только в батарее, но и по отдельности.

На основании полученных данных можно судить об общем интеллектуальном развитии специалиста, общих (тесты «Умозаключение», «Словарь») и специальных технических (тесты «Механика», «Сборка», «Шкалы») способностях. Тестирование позволяет оценить приобретенные знания (тесты «Механика», «Словарь»), способности к конструкторской деятельности (тесты «Сборка», «Шкалы»), способности к деятельности исполнительского характера (тест «Шкалы») (Чикер, 2003, с. 106). Таким образом может быть определена структура и уровневые характеристики интеллекта как специалистов, так и руководителей. Все субтесты были адаптированы к культурным условиям и прошли апробацию на репрезентативной выборке более 2000 человек. Методики проверены на надежность и валидность. При описании содержательной и совпадающей валидности оказалось, что из всех оценок экспертов по методике ГОЛ наиболее связанными с интеллектуальными показателями оказались оценки качеств ума и знаний, а также инженерно-организационных умений. При сравнении индивидуальных средних значений с данными по статусу, направлению деятельности, возрасту и полу давалось описание уровня и структуры интеллекта каждого оцениваемого относительно его конкретной деятельности (там же, с. 105, 108). Первоначально все оценки были представлены в 100-балльной шкале, а затем шкалированы в 10-балльную и соотнесены с зонами развития – перспективными и риска. Оценка интеллекта сопоставлялась с личностными особенностями и мотивацией, поскольку является лишь одной из составляющих, хотя и очень значимых профессиональных достижений специалистов и руководителей.

Оценка свойств личности. В советской психологии личность традиционно рассматривалась и как продукт, и как результат деятельности. Без оценки социальных качеств и эмоциональных свойств личности невозможно было описать ее своеобразие и предсказать реализацию интеллектуального потенциала и эффективности деятельности.

Для диагностики личностных свойств в реализации модели оценки персонала был необходим стандартизированный метод, с помощью которого можно достаточно широко оценить личностную сферу. Этому требованию полностью удовлетворяет 16-факторный личностный

опросник Р. Кеттелла, в котором личность описывается функционально независимыми и психологически содержательными измерениями — чертами личности. Тест, имевший к 1970 г. шесть параллельных форм, по сей день считается одним из лучших и по-прежнему используется специалистами для профессионального анализа личности во многих сферах деятельности. Структура факторов, полученная при применении теста, отражает вероятностную модель индивидуально-психологических свойств личности, демонстрирующую ее своеобразие. Она позволяет с большой точностью прогнозировать реальное поведение человека в определенных жизненных ситуациях.

В ходе создания комплексной методики по оценке персонала группой исследователей (И. М. Палей, А. Н. Капустина, Л. В. Мургулец, Н. Г. Чумакова) был осуществлен перевод, адаптация и стандартизация опросника Р. Кеттелла (форма С), который до того времени не применялся в нашей стране (Капустина, 2001; Комплексная..., 1991). Форма С опросника была полностью адаптирована к российским культурно-историческим условиям.

Форма С включает 105 вопросов и обладает видимыми преимуществами по сравнению с другими формами методики, прежде всего по параметру оперативности. В нее включен также дополнительный фактор MD, который дает важную информацию об адекватности самооценки личности. «Сырые» оценки могут быть шкалированы — переведены в «стены» в зависимости от статуса, пола и возраста опрашиваемых (там же, с. 84—95).

Оцениваются также и «блоки» коммуникативных, интеллектуальных и эмоциональных качеств личности, которые представляют собой факторы второго порядка — более обобщенные факторы личности. На основании полученных оценок строится индивидуальный профиль личности, характеристики которого соотносятся с моделью профессионально важных качеств инженеров определенного статуса. Многолетние исследования показали, что статус и пол являются основными факторами, связанными с личностными особенностями инженера. Различия в структуре личности мужчин и женщин проявляются в основном в эмоциональной сфере и социальном поведении, содержательно соотносятся с данными ГОЛ (Комплексная..., 1991, с. 59—62) и должны быть учтены в прогнозировании эффективности практически любого вида деятельности.

Диагностика поведения в стрессовой ситуации. Стрессоустойчивость личности рассматривается как одна из важнейших психо-

логических характеристик в деятельности руководителя. Не секрет, что деятельность руководителя сопряжена с экстремальными условиями и барьерами: производственными, организационными, социально-психологическими, межличностными. Общие эмоциональные свойства могут быть диагностированы при помощи шкал личностной методики Р. Кеттелла. Однако ситуативная диагностика позволяет посмотреть на особенности реагирования в стрессовых ситуациях с другой, дополнительной стороны. Метод анализа конкретных ситуаций раскрывает психологические механизмы, определяющие поведение руководителя при принятии управленческих решений в сложных, неопределенных и противоречивых ситуациях. Преодоление их определяется его административно-управленческими способностями (Капустина и др., 1982).

В качестве базовой идеи в разработке метода ситуативной диагностики была выбрана проективная методика ассоциативных рисунков С. Розенцвейга (Rozenweig, 1945), направленная на оценку поведения человека в фрустрирующей ситуации. Обстоятельства, мешающие достижению цели, выступают в роли фрустраторов (Комплексная..., 1991, с. 72–79). Изображаемые персонажи, по мнению Розенцвейга, могут различаться по полу, возрасту и другим характеристикам, удовлетворяющим целям конкретного исследования. Изменив социальный контекст и следуя рекомендациям Розенцвейга, в 1977 г. Н. Г. Хитровой под руководством Э. С. Чугуновой и при участии других членов группы была сконструирована методика «Деловые ситуации» (Чугунова, Хитрова, 1990). Содержание рисунков и их число (20 рисунков) изменилось, исходя из особенностей деятельности инженеров и пилотажной проверки предложенных ситуаций на надежность и валидность. Рисунки представляют собой изображение конфликтных ситуаций, которые характерны для производственных условий и обладают дифференцирующей силой. Особенности предъявления стимульного материала и его интерпретации сходны с методикой С. Розенцвейга.

Диагностика и анализ разрешения конкретных ситуаций направлены на изучение предпосылок осуществления управленческой деятельности, определение комбинации приемов по их устранению. Особенности решения теста дают дополнительную информацию при выдвижении в резерв, прежде всего на руководящую должность. Предполагалось, что сами социальные ситуации и способы их разрешения будут в дальнейшем использоваться и обсуждаться в рамках деловых игр и социально-психологических тренингов для руководи-

телей различного статуса с целью совершенствования их управленческих умений. Практика тренинговой работы в организациях начала осуществляться сотрудниками кафедры социальной психологии с начала 1990-х годов.

Социально-психологические установки и профессиональная мотивация инженеров

Интеллект, профессиональные и личностные свойства во многом определяют конечный результат любой деятельности, в том числе профессиональной. Однако реализация личностного потенциала без соответствующей мотивации имеет существенные ограничения. Социальные установки свидетельствуют о предрасположенности личности к определенному виду деятельности, лидерству, активности, позитивному отношению к труду. Помимо общего научного руководства проектом и его координации, изучения мотивации и социально-психологических установок инженеров, Э. С. Чугунова курировала комплексную методику оценки персонала (Комплексная..., 1991, с. 91–130).

Личностная и профессиональная мотивация отражает активность личности, ее интеллект и волю – это регуляторы социального поведения человека (см. также: Психологические проблемы социальной..., 1976; и др.). Установки специалистов показывают силу и интенсивность связи личности с профессией, а также направленность профессиональных интересов. В рамках предварительных опросов мотивации деятельности и творческой активности исследователями собиралась информация об особенностях работы инженеров в течение последних 10 лет. Так, учитывалась реальная творческая активность специалистов по следующим показателям: отчеты НИР и ОКР, выступления с докладами на научно-технических советах и конференциях, публикации статей, книг, рационализаторские предложения, заявки на изобретения и др. — это объективные показатели деятельности. В совокупности с другими оцениваемыми данными были выделены три базовых типа социальных установок технических специалистов: установка на сохранение, установка на совершенствование и установка на изменение. Каждый тип установки соотносился со статусом и полом оцениваемых специалистов и принимался во внимание при написании психологической характеристики аттестуемого.

Для успешных руководителей была выделена следующая факторная структура социально-психологических установок, связанных

с успешной деятельностью. С большой долей вероятности успешное руководство определяется установкой на профессиональный рост и самоконтроль, установкой на продвижение по службе и устойчивые взаимоотношения в коллективе, установкой на социальную активность и др. (там же, с. 102–106).

Мотивация, социально-психологические установки и профессиональная деятельность взаимообусловлены. Для изучения профессиональной мотивации и творческой активности личности в области инженерной деятельности специально были разработаны две анкеты: «Анкета профессиональной мотивации» и «Оценка личности инженера со стороны непосредственного руководителя» (там же, с. 120–122).

Важным элементом является оценка устойчивости и динамики мотивации, зависящая от целого ряда внешних и внутренних факторов, которые должны быть учтены при прогнозировании эффективности деятельности персонала. Весь комплекс полученных данных рассматривался при описании типов профессиональной мотивации. Применялись методы корреляционного и факторного анализа. Были выделены три основных типа профессиональной мотивации: доминантный, ситуативный и конформистский (суггестивный) (там же, с. 122–126). Показано, что мотивация только тогда находит свое направление в профессиональной деятельности инженеров, когда подкрепляется когнитивными характеристиками личности и ее познавательной активностью.

Заключение

Представленная в статье концепция комплексной оценки персонала и описание ее методического обеспечения позволяет утверждать, что, начиная с 1970-х годов, в советской психологии была построена и реализована теоретически обоснованная, эмпирически проверенная на репрезентативной выборке предприятий Советского Союза и не потерявшая своей актуальности методика оценки персонала.

По своему содержанию, структуре и процедурам она соответствует методу, известному сегодня как ассесмент-центр, понимание и описание которого во многом соответствует подходу, применяемому при оценке персонала, ориентированному на использование взаимно дополняющих методик (Базаров, 2013; Жуков, 2016). Ассесмент-центр отражает принципы системности и комплексности оценки персонала на базе имитации (моделирования) сложных ситуаций профессио-

нальной деятельности. Реальные профессиональные и личностные качества сотрудников оцениваются независимыми экспертами, а также сотрудниками организации в соответствии с требованиями должностных позиций, выявляя потенциальные возможности специалиста, его компетенции в соотношении с эталонной моделью.

Логическим следствием методики стало направление, связанное с разработкой обучающих программ для персонала самых различных организаций, основанных на предварительной оценке и определении необходимых зон развития умений и навыков. Это касается деловых и ситуационно-ролевых игр (Комплексная..., 1991, с. 69–70), а также самых разнообразных организационных тренингов, которые стали на настоящий период важнейшим направлением работы практических психологов Санкт-Петербургского государственного университета (18 программ..., 2007).

Персонал организации – ее основной ресурс, ее *социальный капитал*. Понятие «человеческий ресурс» теперь все чаще заменяется на понятие «человеческий капитал», а включенность в социальную систему позволяет расширить его до системного понятия «социальный капитал». Поэтому не случайно направление исследования социального капитала, развиваемое в последние годы на кафедре социальной психологии СПбГУ, в полной мере использует наработки, которые касаются принципов оценки персонала, а также его потенциала в контексте современных подходов к изучению индивидуальных характеристик, социальных связей, доверия, групповых норм, лояльности, репутации, методов его развития и др. (Почебут и др., 2021).

В настоящее время оценка персонала – неотъемлемая часть работы психолога в организации. Применяемые модели могут отличаться по множеству параметров (в том числе компьютеризации процесса), но базовые принципы остаются неизменными и устойчивыми. Они подробно и содержательно описаны в первых работах по оценке кадров отечественных психологов, выполненных еще в советское время.

Литература

- 18 программ тренингов. Руководство для профессионалов / Под ред. В. А. Чикер. СПб.: Речь, 2007.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.

- Базаров Т. Ю.* Интерес к Ассесмент Центру со стороны Заказчика // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 4. С. 43–48.
- Безносков С. П.* Об исследовании эталонов личности и руководящих работников // Психология личности и малых групп. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. Вып. 8. С. 114–118.
- Беспалов Б. И.* Профессионально важные компоненты деятельности человека и подходы к их психодиагностике // Организационная психология. 2014. Т. 4. № 4. С. 12–50.
- Бодров В. А.* Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов. М.: Пер Сэ, 2001.
- Ганзен В. А.* Системные описания в психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Дафт Р.* Организации. СПб.–М., 2003.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л., Чугунова Э. С.* История отечественной прикладной социальной психологии: развитие отношений фундаментальной науки и практики (по материалам интервью с Э. С. Чугуновой) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 90–103.
- Жуков Ю. М.* Эффективность центров оценки: историческая перспектива // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 4. С. 30–52.
- Журавлев А. Л.* К методике групповой оценки качеств личности // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга: материалы конференции / Под ред. А. А. Бодалева. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1975. С. 27–29.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологические проблемы управления // Прикладные проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Наука, 1983. С. 173–189.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологические проблемы аттестации руководителей производственных коллективов // Социальная психология и общественная практика / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович. М.: Наука, 1985. С. 27–37.
- Захаров В. П.* Опыт психографического изучения личности инженера // Психология – производству и воспитанию. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. С. 78–87.
- Капустина А. Н.* Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб.: Речь, 2001.
- Капустина А. Н., Хитрова Н. Г., Чикер В. А.* Некоторые аспекты социально-психологической диагностики личности инженера // Личность и деятельность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. Вып. 11. С. 166–171.
- Капустина А. Н., Чикер В. А.* К вопросу о социально-психологической

- диагностике профессионально-значимых качеств личности // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1994. Вып. 1 (№ 6). С. 75–82.
- Капустина А. Н., Чикер В. А.* Вклад Э. С. Чугуновой в развитие комплексного и системного подхода оценки персонала // Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика: Сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф., 29–30 сентября 2020 г. / Отв. ред. В. В. Белов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 6–9.
- Комплексная социально-психологическая методика изучения личности инженера: Учебное пособие / Под ред. Э. С. Чугуновой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
- Кузьмин Е. С., Викторов Н. А., Чугунова Э. С.* Методология индивидуальной и групповой оценки личности в Автоматизированных системах управления разрабатывающих предприятий (АСУРП) // Методология и методы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 157–172.
- Маслов Д. В., Ватсон П., Чилиши Н.* Применение функциональной модели оценки менеджмента для достижения устойчивых конкурентных преимуществ // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. № 3. С. 10–31.
- Панферов В. Н., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* Интегративный подход в социальной психологии как развитие методологии комплексного человекознания (интервью с В. Н. Панферовым) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 123–147.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А.* Организационная социальная психология. М.: Проспект, 2020.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В., Гуриева С. Д.* Методологическое обоснование изучения социального капитала организации // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 8–24.
- Промышленная социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, А. Л. Свенцицкого. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.
- Психологические проблемы регуляции социального поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М.: Наука, 1976.
- Психология – производству и воспитанию / Под науч. ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
- Роу Р., ван дер Берг П.* Подбор персонала в Европе: контекст, перспективы и программа исследования // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 3. С. 39–66.

- Русалинова А. А.* Применение метода групповых оценок в социально-психологических исследованиях // Экспериментальная и прикладная психология. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. Вып. 4. С. 22–28.
- Русалинова А. А., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История отечественной промышленной социальной психологии (интервью с А. А. Русалиновой) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 3 (11). С. 199–217.
- Свенцицкий А. Л., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История и опыт социально-психологической школы факультета психологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (интервью с А. Л. Свенцицким) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 93–122.
- Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М.: Наука, 1989.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987.
- Социально-психологические проблемы производственного коллектива / Отв. ред. Е. В. Шорохова, Е. С. Кузьмин, О. И. Зотова, В. Е. Семенов. М.: Наука, 1983.
- Таранов Е. В., Журавлев А. Л.* Социально-психологические основы опосредованных методов руководства // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 287–304.
- Чикер В. А.* Психологические факторы эффективности труда инженера // Психологическое обеспечение трудовой деятельности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. Вып. 12. С. 10–14.
- Чикер В. А.* Психологическая диагностика организаций и персонала. СПб.: Речь, 2003.
- Чикер В. А.* Оценка персонала в организациях: современное видение // Социальная и экономическая психология. Сборник научных трудов / Отв. ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 246–253.

- Чугунова Э. С., Панферов В. Н.* Социально-психологический анализ профессиональной деятельности инженеров // Вестник ЛГУ. Сер. «Экономика. Философия. Право». 1978. № 4 (23). С. 65–69.
- Чугунова Э. С., Хитрова Н. Г.* Рисуночный тест «Деловые ситуации» // Методики социально-психологической диагностики личности и группы. М.: Институт психологии АН СССР, 1990. С. 37–45.
- Rosenzweig S.* The Picture-association method and its application in a study of reactions to frustration of personality // Journal of Personality. 1945. V. 14. № 1. P. 3–23.

Фундаментальное и прикладное психологическое знание в деятельности психологической службы промышленного предприятия конца советского периода¹

А. А. Грачев

Эта статья конкретизирует и развивает основные положения, сформулированные в нашей предыдущей статье, посвященной участию Института психологии АН СССР в становлении социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор», входящей в число ведущих психологических служб страны (Грачев, 2017). В настоящей статье показана роль фундаментальной науки в формировании прикладного знания, реализованного на практике работы психологической службы промышленного предприятия — социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор».¹

На общем уровне существует некоторое единство мнений по поводу соотношения фундаментального и прикладного психологического знания. Так, естественное развитие науки обычно предполагает развитие как фундаментальной, так и прикладной составляющих, которые в своем единстве образуют гармоничное здание науки, в котором две составляющие обуславливают взаимное развитие (Грачев, 2013; Журавлев, Ушаков, 2011; Ломов, 1980).

Таким образом, прикладная психология, с одной стороны, испытывает влияние и пользуется достижениями фундаментальной психологии, а с другой — служит для последней источником практических проблем и основанием для использования высокой теории и методологии в виде операциональных моделей, позволяющих разрабатывать технологии управления реальностью.

В естественных науках прикладное знание чаще всего имеет форму инженерии, которая весьма развита: существует система научно-исследовательских институтов, занимающихся разработкой проектов,

¹ Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2022-0010.

технологий, опытных образцов, которые направлены на производство социально-значимых продуктов. Но в социальных и гуманитарных науках соответствующая инженерия, реализующая достижения этих наук, пока представлена слабо. В связи с этим прикладное знание развивается в значительной степени в академических научных организациях. Это характерно и для психологии, которая, будучи поначалу преимущественно наукой фундаментальной, на определенном этапе своего развития пришла к необходимости развивать прикладные области. Примером ориентации на использование фундаментального знания в прикладных аспектах можно считать Институт психологии РАН (ранее – АН СССР), что обеспечило Институту ведущую роль в развитии проекта психологической службы страны.

Часто к советскому периоду развития социальных и гуманитарных наук относятся скептически в связи с влиянием идеологии на содержание научных исследований. Однако сегодня приходит понимание того, что и в советский период было сделано много того, что не только соответствует современному уровню науки, но и указывает перспективы ее развития (Журавлев и др., 2016).

Это относится и к психологическим службам 1970–1980-х годов, которые появились в разных сферах социальной жизни. Свою роль в этом сыграла гуманизация общества, в частности, возрастание значимости человеческого фактора в промышленности и образовании. В образовании стали искать показатели эффективности в конечных результатах, связанных с психологическим и психическим здоровьем ученика, в промышленности пришло осознание значимости в плане производственной эффективности не только способностей работающего человека, но и его мотивации как проявления жизненных интересов работника.

В результате на отечественных предприятиях во второй половине прошлого столетия стали разрабатываться планы социального развития, которые содержали в себе социальные программы, направленные не только на улучшение условий труда, оптимизацию оплаты, профессиональный рост, но и на обеспечение персонала жильем, медицинским обслуживанием, на помощь в организации потребительских услуг, в передвижении на работу и с работы, в кредитовании, в организации досуга и др.

Потребность в развитии прикладного психологического знания была связана и с общей логикой развития любой науки, которая ищет своего приложения в практической области и, как следствие, начина-

ет, наряду с языком описания, объяснения, использовать язык воздействия, управления, что характерно для практикоориентированной психологии (Грачев, 2013; Журавлев, Ушаков, 2011). В связи с промышленными предприятиями эта проблема была связана с синтезом психологии труда и организационной психологии (и в значительной степени – с формированием современной организационной психологии). В этом отношении А. Н. Занковский, обсуждая типы исследований в организационной психологии, разделяет их на фундаментальные и прикладные, отмечая то, что прикладные исследования направлены на решение практических задач (Занковский, 2002).

Еще одна детерминанта была следствием развития социологии труда: был проведен ряд исследований, показавших роль знаний о человеке – о его трудовой мотивации, производительных силах, социальной активности. Необходимость таких знаний проявилась, в частности, в том, что социологи стали использовать в своих исследованиях психологические знания (модель ценностных ориентаций, модели потребностей, внешней и внутренней мотивации). Актуальность такого знания проявилась и в том, что один из ведущих социологов – В. А. Ядов – разработал концепцию диспозиционной регуляции социального поведения личности, нашедшую широкое распространение среди социологов и имеющую фактически психологическое содержание (Социология в России, 1998). В результате прикладное социологическое знание реализовалось в форме социологической службы промышленного предприятия. Начав свою работу с подготовки информационных материалов по запросам партийной организации и администрации, эти службы постепенно перешли к комплексной работе по социальному развитию, что существенно повысило их социальную значимость.

По этим же причинам и в психологии появились предпосылки создания «службы человека», имеющей преимущественно психологическое содержание. Созданием психологической службы в области образования руководил Психологический институт АПН СССР (Дубровина, 2022), а вот проект психологической службы промышленного предприятия разрабатывался под руководством Института психологии АН СССР в 1980-х годах на базе производственного объединения «Курганприбор» и апробировался в форме работы социально-психологической службы. При этом взаимодействие академических психологов, представляющих Институт психологии, и психологов практических – сотрудников службы – происходило как в форме изучения

соответствующих публикаций практиками, так и в виде непосредственного взаимодействия тех и других психологов.

Такое взаимодействие академических и прикладных психологов было характерно и для социологических, и для психологических служб. Так, социологи, проводя анализ работы служб социального развития, отмечают, что наставническую деятельность, обеспечивающую работу служб, вели Институт проблем управления АН СССР, Институт социологических исследований АН СССР, Институт психологии АН СССР, Ленинградский финансовый институт (Социология в России, 1998). Это предполагало довольно тесное взаимодействие академических и прикладных ученых, что, в частности, проявилось в разработке концептуальных основ служб социального развития промышленных предприятий.

Содержание и формы работы служб социального развития промышленных предприятий

Опыт работы социологических и психологических служб показал, что такого рода служба должна иметь комплексный характер, а это требует междисциплинарных знаний о человеке, ядром которых выступает психологическое знание. (К примеру, в одной из ведущих социологических служб – службе Пермского телефонного завода – социологическая лаборатория, являющаяся ядром службы, по мере своего развития трансформировалась в отраслевой научно-исследовательский отдел социологии и психофизиологии труда.)

Такой комплексный подход обнаружился в ходе анализа состава и задач, решаемых социологическими и психологическими службами (139 служб), проведенного нами совместно с Н. В. Крыловой (Грачев, Крылова, 1986) в 1986 г.

Состав типичной службы

По этим данным, в 51 % случаев основу службы составляла небольшая лаборатория (чаще всего она называлась лабораторией социологических исследований), которую возглавлял психолог или социолог (реже философ). Лаборатория находилась в подчинении либо начальнику отдела НОТ, либо заместителю руководителя по кадрам. Численность типичной лаборатории (60%) – до пяти человек.

В этом отношении служба «Курганприбора» отличалась от типичных служб того времени включенностью в более высокий уровень

управления, комплексностью и многочисленностью состава специалистов, что позволяло решать не только оперативные, но и стратегические и исследовательские задачи. На комплексный характер службы обращали внимание не только ее работники (Грачев, 2008; Таранов, 1983), но и академические ученые (Боровик и др., 1986; Журавлев, Зотова, 1982).

Решаемые службами задачи

Основной формой работы служб было составление планов социального развития для предприятия в целом. Конкретные направления проводимых ими работ были связаны со стабилизацией трудового коллектива на основе организации процесса адаптации молодых рабочих, совершенствования социально-психологического климата и других мероприятий, направленных на уменьшение текучести кадров.

Значительное место занимала работа с руководителями, резервом руководителей и инженерно-техническими работниками (аттестация, оценка профессионально важных качеств, обучение), пропаганда психолого-социологических знаний. Определенную часть своих задач службы связывали с внедрением бригадных форм труда, с развитием социальной активности, с обследованием общественного мнения и организацией социальной информации (к примеру, служба «Ваше настроение»). Большое внимание уделялось профориентации школьников, разработке мероприятий по оптимизации психофизиологического состояния.

Примечательно то, что служба «Курганприбора» решала все эти задачи и многие другие в форме проектирования целостной системы социального управления.

Взаимодействие службы с Институтом психологии, представляющем фундаментальную науку, по данному блоку задач отражено в таблице 1.

Перспективные задачи

Этот блок задач в значительной степени повторял решаемые задачи. Так, в качестве наиболее *перспективных* выделялись задачи, связанные с оптимизацией психофизиологического состояния, улучшением условий труда, организацией комнат психологической разгрузки. Большое внимание уделялось отбору и обучению руководителей и резерва, совершенствованию систем управления производством. Значительное место занимали задачи организации профотбора, систе-

Таблица 1

Взаимодействие службы «Курганприбора» с Институтом психологии АН по отработке задач, уже решаемых психологическими и социологическими службами СССР

Содержание задачи	Научно-методическое обеспечение	Участие ИП АН в научно-методическом обеспечении	Подразделение ИП АН
Составление планов социального развития	Разработка типового проекта среды предприятия, подразделения как среды жизнедеятельности работника. Разработка типовой технологии построения и внедрения плана социального развития цеха	Обсуждение проектов	Сектор социальной психологии
Совершенствование социально-психологического климата	Подбор методик для оценки социально-психологического климата	Помощь в подборе методик	Сектор социальной психологии: О. И. Зотова
Подготовка к внедрению бригадных форм труда	Разработка типовой системы подготовки предприятия, подразделений и рабочих групп к внедрению бригадных форм труда	Руководство разработкой типовой системы психологического обеспечения подготовки и внедрения бригадных форм труда	Сектор социальной психологии: А. Л. Журавлев
Развитие социальной активности	Разработка типовой системы реализации и развития социальной активности работника промышленного предприятия	Консультирование по разработке элементов типовой системы	Сектор социальной психологии: К. А. Абульханова-Славская
Обследование общественного мнения, организация службы «Ваше настроение»	Разработка технологии включения общественного мнения в принятие управленческих решений	Нет	Нет

Продолжение таблицы 1

Содержание задачи	Научно-методическое обеспечение	Участие ИП АН в научно-методическом обеспечении	Подразделение ИП АН
Обучение руководителей	Разработка типовых планов и программ обучения руководителей разных уровней социальной управлению	Обсуждение типовых планов	Сектор социальной психологии
Адаптация молодых рабочих	Разработка и внедрение типовой системы социально-психологической адаптации молодых рабочих	Помощь в подготовке кандидатской диссертации генерального директора ПО «Курганприбор» Е. В. Таранова по проблеме адаптации	Сектор социальной психологии: Е. В. Шорохова, П. Н. Шихирев, О. И. Зотова, А. Л. Журавлев
Профдиагностика и профконсультирование работников, профориентация школьников	Разработка профдиагностических процедур для основных профессий, типовой модели профориентации	Обсуждение процедур	Лаборатория психологии труда
Диагностика и оптимизация психофизиологического состояния	Подбор и апробация методик экспресс-диагностики психофизиологического состояния работника	Обсуждение методик	Лаборатория дифференциальной психофизиологии

мы профориентации и профконсультирования. Сотрудники многих служб намерены были организовать систему «Ваше настроение», совершенствовать бригадные формы организации труда.

Новыми для большинства служб были следующие задачи: организация психологической диагностики и консультирования, служб семьи, досуга. Было характерно, что организация дальнейшей работы основной части служб предполагалась в форме системы социального управления, хотя и выражались большие сомнения в реализации этой задачи.

Все эти задачи, обозначенные как перспективные, решала служба «Курганприбора», которая и на концептуальном, и на организационном уровне была настроена «по человеку» — по жизненным интересам работников промышленного предприятия.

Взаимодействие службы с Институтом психологии по этому блоку задач отражено в таблице 2.

Большая часть этих задач службой «Курганприбора» была решена (см. ниже), часть была решена лишь частично. Показателем научно-практической актуальности опыта службы является то, что на базе объединения «Курганприбор» совместно с Институтом психологии АН СССР было проведено несколько всесоюзных конференций, две из которых (1981 и 1985 г.) были посвящены обсуждению теоретических, методических и организационных основ работы социально-психологических служб промышленных предприятий.

Развитие социологических и психологических служб привело к тому, что эта работа была регламентирована на государственном уровне: было принято постановление Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам, Президиума АН СССР и ВЦСПС от 1 апреля 1986 г. «Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства и утверждении типового положения о службе социального развития предприятия, организации, министерства».

Для этого постановления примечательно то, что, с одной стороны, признается приоритет социологии в этой области (говорится о социологической работе в народном хозяйстве), но, с другой стороны, комплексность и практическая ориентированность в этой работе нашла свое выражение в обозначении этой службы как службы социального развития (а не социологической).

В этом постановлении были названы передовые службы социального развития страны — службы «АвтоЗИЛа», Ленинградского

Таблица 2

Взаимодействие службы «Курганприбора» с Институтом психологии по отработке задач, отмеченных психологическими и социологическими службами как перспективные

Содержание задачи	Научно-методическое обеспечение	Участие ИПАН в научно-методическом обеспечении	Подразделение ИПАН
Разработка целостной системы социального управления промышленным предприятием	Разработка проекта гуманистически ориентированной системы социального управления промышленным предприятием	Обсуждение проекта	Сектор социальной психологии
Организация психологической диагностики и первичного консультирования персонала	Разработка модели первичного психологического консультирования персонала промышленного предприятия	Нет	Нет
Разработка системы поддержки семьи	Разработка проекта системы поддержки семей работников промышленного предприятия	Нет	Нет
Разработка системы поддержки рабочих групп	Разработка системы формирования, развития и обеспечения деятельности рабочих групп	Разработка а) концепции совместной деятельности и б) системы психологического обеспечения бригадных форм организации труда	Сектор социальной психологии
Разработка системы реализации личностной, производственной и общественной активности	Разработка системы, обеспечивающей возможности самоуправления, технического творчества, общественной деятельности, организации досуга	Обсуждение компонентов системы	Сектор социальной психологии
Разработка системы «Здоровье персонала»	Разработка целостной системы, включающей в себя средства интегральной диагностики и организации здорового образа жизни персонала	Нет	Нет

объединения «Светлана», объединения «Курганприбор», Норильского горно-металлургического комбината, Тираспольского швейного объединения, Днепровского машиностроительного завода, Московского станкостроительного завода «Красный пролетарий», Пермского телефонного завода. В этом списке лишь одна служба – объединения «Курганприбор» – была психологической, остальные традиционно относились к социологическим.

Комплексность и междисциплинарность служб нашла свое отражение в знаменательной в этом отношении работе – практическом пособии «Служба социального развития предприятия», которая вышла в издательстве «Наука» в 1989 г. Руководителями авторского коллектива, состоящего примерно в равных пропорциях из социологов и психологов (с некоторым преобладанием социологов), выступили Б. Ф. Ломов (психолог) и В. Н. Иванов (социолог) (Служба..., 1989).

Наметившееся взаимодействие психологов и социологов в области разработки научно-методических основ служб социального развития промышленных предприятий прекратилось во второй половине 1980-х годов в связи с кризисом в промышленности, который привел к распаду служб предприятий. В настоящее время лишь складываются предпосылки возрождения таких служб в новых формах в связи с общемировой тенденцией гуманизации управления (к примеру, внедрение философии управления человеческими ресурсами).

Примечательно, однако, то, что в психологии обращение к опыту работы таких служб практически не представлено в связи с тем, что психологи-практики работают преимущественно не в промышленности, а в других организациях (в коммерческих, в силовых структурах, в образовании). А в современной истории социологии эти службы обозначаются уже не как службы социального развития, а как социологические. Так, в социологических работах (Социология в России, 1998; Щербина, 2008) в качестве передовых называются службы таких предприятий, как «КамАЗ», «ВАЗ», «АЗЛК», «Светлана», «Курганприбор», Тираспольское швейное объединение, и эти службы определяются как социологические, что справедливо для всех названных служб, кроме службы «Курганприбора».

Содержание и формы работы социально-психологической службы «Курганприбора»

В 1970–1980-х годах Институт психологии АН СССР был ведущим научным психологическим учреждением страны, сочетавшим в себе

как фундаментальный, так и прикладной потенциал. В Институте работали ведущие ученые, возглавляющие и развивающие научные школы, проходила подготовка психологов высшей квалификации.

В то же время, отвечая на запросы общества и самой науки, в Институте выполнялась серия прикладных исследований, реализующих фундаментальный потенциал. Прежде всего это работы в области авиационной и космической психологии, психологии труда и промышленной социальной психологии.

Институт сотрудничал с несколькими промышленными предприятиями, выступающими базами для исследований. Одним из таких предприятий было производственное объединение «Курганприбор». Результатом взаимодействия с этим предприятием стала защита генеральным директором объединения Е. В. Тарановым кандидатской диссертации, посвященной социально-психологическим проблемам адаптации молодого рабочего. Следующим шагом этого взаимодействия стало осмысление опыта использования социально-психологического знания в руководстве (Журавлев, Таранов, 1979). Наконец, в 1980 г. в объединении была создана социально-психологическая служба, которая а) во взаимодействии с Институтом психологии АН СССР (Б. Ф. Ломов, Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова, координатор — Н. В. Крылова) разрабатывала концепцию психологической службы производственной организации, б) работала как подразделение, обеспечивающее жизненные интересы работников объединения (см.: Грачев, 2016).

Общее руководство службой выполнял директор объединения — кандидат психологических наук Е. В. Таранов, непосредственное руководство — В. Н. Гюппенен, выполняющий функцию заместителя генерального директора по инновациям, а руководителем лаборатории, выступающей ядром службы, был А. А. Грачев — кандидат психологических наук, закончивший аспирантуру Института психологии под руководством Б. Ф. Ломова.

Содержание и формы работы службы подробно описываются в работах Е. В. Таранова, А. А. Грачева и сотрудников психологической лаборатории ПО «Курганприбор». В данной статье дается лишь краткая характеристика деятельности службы на уровне объединения.

Обогащение содержания труда

В объединении это направление было традиционным в связи с низким уровнем разрядности работ, поэтому социально-психологичес-

кая служба лишь конкретизировала эту работу: а) выделила «узкие места» – конкретные участки, определив специфику состояния монотонии на этих участках, б) разработала и внедрила рекомендации по обогащению содержания труда с учетом специфики участков.

Совершенствование условий труда

Совершенствование условий труда – традиционное для всех предприятий направление работы, находящееся в ведении соответствующей комиссии профсоюзного комитета, отдела техники безопасности предприятия, медсанчасти и регламентированное санитарно-гигиеническими требованиями. Социально-психологическая служба занималась условиями труда лишь в аспекте оптимизации психофизиологического состояния работников.

Совершенствование условий быта работников

- Преобразование системы общественного питания, организованной по критериям: а) минимальных затрат времени на обед – 15–20 мин, благодаря гибкому графику обеда, б) рациональности и культуры питания (контроль ассортимента и качества блюд, пропаганда рационального питания).
- Организация на территории объединения магазинов и киосков по продаже товаров первой необходимости.
- Организация собственного производства продуктов – птицефабрики, теплицы, оранжереи (это было актуально в связи с тотальным дефицитом продуктов).
- Создание на территории обувных мастерских, парикмахерских (только женских залов).
- Организация касс предварительной продажи билетов (железнодорожных, авиа), билетов в кинотеатры, театры, филармонию.
- Создание детских комнат на проходных: в этих комнатах родители в экстренных случаях могли оставить детей на время своей работы; комнаты работали в режиме детского сада.

Совершенствование системы оплаты труда

Инновационной формой в этом отношении для социально-психологической службы выступало лишь введение социальных показателей в комплексную систему эффективности и качества управления: служба определяла в этой системе балльную оценку подразделений, что влияло на размер премиальных выплат.

Условия для реализации социальной активности работников

Условия для реализации социальной активности работников в объединении — это система рационализаторства и изобретательства (комплексные творческие бригады, общественные патентные бюро, школы молодого рационализатора), общественные конструкторские и технологические бюро, система соревнования. Эти формы работы находились в ведении соответствующих отделов предприятия; служба лишь учитывала эти формы в общей системе социального управления предприятием.

Ранняя диагностика и профилактика заболеваний

Работа по диагностике и профилактике заболеваний проводилась в рамках комплекса мероприятий по организации здорового образа жизни работников (создание здоровых условий труда, мероприятия по оптимизации психофизиологического состояния, просветительская работа). Особое внимание уделялось методам, позволяющим выявлять состояние предболезни и проводить его профилактику (в составе службы в штате лаборатории был врач).

Разработка такой системы в объединении проходила с использованием скрининг-подхода (пошаговая диагностика). В скрининг-системе использовались методики, позволяющие производить комплексную оценку состояния организма по показателям биологически активных точек, омега-потенциала, уровня адаптивной реакции организма.

Оптимизация психофизиологического состояния работников

Оперативный контроль состояния работников входил в круг обязанностей цеховых психологов. Для диагностики состояния работников цеховые психологи и работники лаборатории использовали как общепринятые показатели (критическая частота световых мельканий, кожно-гальваническая реакция, пульс, субъективные оценки состояния), так и интегральные показатели омегаметрии (сверхмедленная активность головного мозга). Контрольные замеры, как правило, производились на рабочих местах.

По приказу генерального директора была внедрена система оптимизации состояния работников:

- рациональные режимы труда и отдыха с учетом специфики профессиональной деятельности;
- регламентированные перерывы, во время которых рабочие пили соки, чай (стимулирующие напитки за счет предприятия исполь-

зовались в основном на участках с монотонным трудом — на всех участках радиомонтажа, сборочных, штамповочных, некоторых участках операционного производства), делали производственную гимнастику, посещали комнату отдыха;

- посещение комнаты психологической разгрузки для рабочих радиомонтажного производства (наибольшая степень монотонности труда);
- функциональная музыка.

Для разработки мероприятий, оптимизирующих состояние по критерию травматизма, был проведен анализ травматизма (с учетом микротравм) по основным профессиям. В результате определились четыре основные группы профессий с учетом недельной динамики травматизма:

- травмы распределяются равномерно по всем дням недели (токари и столяры);
- большинство травм происходит в начале недели (слесари-ремонтники, гальваники, заточники, большинство из них — мужчины);
- наибольшее количество травм происходит в середине недели — дни наиболее интенсивной работы— (наладчики токарных автоматов, наладчики станков и прессовщики);
- основное число травм приходится на конец недели — штамповщики, фрезеровщики (явно выраженная монотония),

С учетом выявленной динамики был разработан и внедрен ряд мероприятий. Прежде всего с результатами анализа цеховые психологи и психологи лаборатории ознакомили самих рабочих и администрацию цехов (были проведены общие собрания и совещания).

Для устранения состояния монотонии на участках штамповки и операционной фрезеровки с учетом дней наибольшей опасности травматизма были внедрены мероприятия по обогащению содержания труда. В травмоопасные дни и часы начальники цехов должны были совершать регламентированный обход опасных участков (обход начальника — активизация состояния подчиненных).

В результате внедренных мероприятий травматизм существенно снизился.

Организация значимой для работников информации

Было сформулировано несколько требований к обеспечению работника полезной для него информацией:

- 1) производственной информацией, позволяющей осуществлять трудовую деятельность;
- 2) условий для получения «внепроизводственной» информации, не включенной в организацию производственного процесса, но обладающей личной значимостью;
- 3) возможности для удовлетворения потребности в познании (имеется в виду прежде всего информация, непосредственно не включенная в регуляцию поведения, но составляющая картину мира человека – информация о событиях в мире, новостях науки и техники, информация эстетического характера и т. п.).

С целью выявления запроса на информацию, имеющую личную значимость, был проведен опрос рабочих объединения.

Опрос показал, что запросы мужчин и женщин на значимую для них информацию довольно близки, однако различия все-таки есть. Так, женщины более всего заинтересованы в информации следующего характера:

- избавление от плохого настроения, раздражительности, усталости;
- умение красиво одеваться, хорошо выглядеть;
- воспитание детей;
- создание и сохранение семьи;
- обустройство жилища;
- планирование семейного бюджета;
- умение вести себя в обществе других людей;
- улучшение отношений с мужем;
- развитие способностей к общению с людьми.

Мужчины показывают заинтересованность в несколько иной информации:

- избавление от вредных привычек;
- избавление от плохого настроения, раздражительности, усталости;
- общение с лицами противоположного пола;
- обустройство жилища;
- отношения с женой;
- развитие способностей к общению с людьми;
- поиск своего места в жизни;
- организация оптимального питания;

- трудовое законодательство;
- жилищное законодательство.

Общим для рабочих оказалось то, что они заинтересованы в информации «внепроизводственного» характера – по избавлению от плохого настроения, раздражительности, усталости, умению красиво одеваться, хорошо выглядеть, устройству жилища, избавлению от вредных привычек, созданию и сохранению семьи, воспитанию детей, регулированию отношений с женой (мужем), развитию способностей к общению.

Такие вопросы, как организация рабочего места, профессиональное продвижение и др., не пользовались популярностью. Скорее всего, это было связано с довольно низкой разрядностью работ в объединении (разрядность работы – характеристика уровня содержательности труда). А различия между мужчинами и женщинами в значимости информации подтверждают большую ориентацию женщин на семью, на общение с лицами противоположного пола.

Консультирование работников

Используя данные, полученные в результате опроса работников, направленного на выявление их потребности в информации, служба организовала следующие формы консультирования:

1. Первичное консультирование работников по личным проблемам.
Консультирование проводили по запросу работников специалисты, имеющие психологическое образование: а) цеховые психологи и б) сотрудники лаборатории. Как правило, эти консультации были направлены на анализ конфликтных ситуаций на работе и в семье.
2. Консультирование по вопросам оптимизации состояния за счет организации режима труда и отдыха, двигательного режима и режима питания.
Эти консультации проводились с учетом диагностики состояния работников в форм беседы с рабочими критических (с точки зрения монотонии) участков. Такая диагностика позволяла дать рекомендации по организации режима труда и отдыха, двигательного режима, режима питания, использованию ауто-тренинга.
3. Консультации по вопросам физического развития детей.
Совместно с сотрудниками пединститута социально-психологическая служба обследовала уровень физического развития

детей 6–7-летнего возраста работников объединения. На основе диагностики родителям были выданы индивидуальные рекомендации по оптимизации уровня физического развития детей.

4. Профконсультирование.

Профконсультирование проводилось для а) учащихся 9–10 классов подшефных школ, проходивших в объединении производственную практику; б) учащихся профессионально-технических училищ, находящихся в ведении объединения.

Адаптация молодых рабочих

Эта работа проводилась в соответствии с принятыми в объединении общими требованиями:

1. Определение актуальных для адаптанта жизненных интересов. Проводится в процессе первичного собеседования с адаптантом (собеседование проводит начальник цеха вместе с цеховым психологом). Определение для адаптанта наставника.
2. Первичное знакомство адаптанта с коллективом (проводит цеховой психолог либо мастер при участии наставника).
3. Посвящение в рабочие (с выдачей трудового паспорта и поздравительной открыткой в адрес родителей).
4. Сопровождение адаптанта с регулярным контролем со стороны начальника цеха. (При наличии в цехе психолога ответственность за сопровождение адаптанта возлагается на него.)
5. Подготовка и проводы в армию (первичный этап подготовки к военной службе на базе объединения, торжественные проводы с вручением памятки, в которой описываются льготы при возвращении из армии).

Большую роль в адаптации молодого рабочего играл наставник. В этой связи в цехах существовали советы наставников, определяющие состав наставников и оказывающие влияние на процесс их обучения на факультете наставников.

Специфичным для «Курганприбора» в этой работе было участие в ней цеховых психологов, которые могли в наиболее полном объеме учесть жизненные интересы адаптантов.

Оперативное социальное управление – служба «Ваше настроение»

- встречи по заранее утвержденному графику руководителей объединения с коллективами непосредственно в цехах, на про-

- изводственных участках (с обязательным принятием решений по результатам встреч);
- ящики для предложений работников и специальные телефоны на проходных (обязательная регистрация предложений и принятие решений по каждому предложению с ответом в трехдневный срок работнику);
 - журналы решения социальных вопросов в каждом подразделении (запись делается ответственным по участку, бригаде; решение принимает начальник цеха с обязательной обратной связью);
 - автоматизированное табло «Ваше мнение» на проходных для определения общего мнения по наиболее значимым для объединения вопросам.

Содержание работы лаборатории научной организации труда, управления производством и социально-психологических исследований

Содержание работы лаборатории определялось тем, что она выступала ядром социально-психологической службы, в свою очередь, выступающей инструментом социального управления. В этой работе были определены три уровня работы, имеющие свою специфику.

1. *Работа на уровне производственных подразделений и организации в целом* – формирование оптимальной организационной среды.
2. *Работа с персоналом* – повышение удовлетворенности человека различными сторонами своей жизнедеятельности (как на производстве, так и в быту), оптимизация его психофизиологического состояния, повышение уровня развития личности.
3. *Работа с группой* (бригадные формы организации труда) – оптимизация социально-психологического климата и повышение уровня развития групп.

Формы работы лаборатории были направлены на обеспечение форм работы социально-психологической службы (см. выше).

Вклад лаборатории в работу службы был, в частности, отмечен тем, что ряд работников лаборатории, составляющей ядро службы, получили награды ВДНХ (медаль и удостоверения участников).

В состав лаборатории входили: психологи – 6 чел.; физиолог (физиологические методы оценки состояния, рациональное питание, двигательный режим) – 1 чел.; социолог (анализ социальной структуры организации, социальное проектирование) – 1 чел.; врач (интеграль-

ные методы диагностики состояния организма, разработка и апробация скрининг-системы) — 1 чел.; группа НОТ — 3 чел. Кроме того, в состав службы входили и цеховые психологи, работающие в крупных цехах объединения (в разные периоды — 6–7 чел.). Они были включены в штат цеха и находились в непосредственном подчинении начальнику цеха, а в функциональном — начальнику лаборатории. В трудовой книжке их должность обозначалась, как «цеховой психолог — помощник начальника цеха по социальным вопросам». (Должность цехового психолога была лишь в службе «Курганприбора».)

В наше время формы работы цехового психолога в значительной степени нашли свое отражение в программе подготовки психологов, проводившейся на базе кафедры организационной психологии РГПУ им. А. И. Герцена. Примечательно то, что студенты проходили производственную практику на базе цехов крупных промышленных предприятий Санкт-Петербурга и некоторые из них получали предложения придти на работу в цех после окончания учебы в должности заместителя начальника цеха по социальным вопросам.

Первоначально в составе лаборатории были два кандидата психологических наук. К настоящему периоду среди бывших сотрудников службы — один доктор психологических наук, пять кандидатов психологических наук, один кандидат социологических наук.

Общетеоретические основы разработки модели психологической службы промышленного предприятия

В разработке концепции психологической службы основную роль сыграло взаимодействие сотрудников службы с Институтом психологии АН СССР. Продуктивность такого взаимодействия была обусловлена тем, что в Институте психологии того времени (1970–1980-е годы) сложился *комплекс условий* для разработки и сопровождения психологической службы промышленного предприятия. Прежде всего это два научных подхода, определяющих как теоретические, так и прикладные исследования:

1. *Системный подход*, определяющий фундаментальные и прикладные исследования (Ломов, 1975, 1984, 1990). Согласно этому подходу, взаимодействие человека с миром (субъект-объектное и субъект-субъектное) имеет системный характер; соответственно этому и психика человека проявляет себя как система, реализующая три основные функции — когнитивную, коммуникативную

и регулятивную. При этом основные отношения человека к миру преимущественно определяются вхождением его в различные социальные системы и общей системой общественных отношений.

Важное значение в этой связи имело то, что Б. Ф. Ломов распространял действие системного подхода не только на сферу теории, но и на психологическую практику, указывая на их непосредственную связь и даже взаимозависимость.

В прикладном аспекте важное значение имело не только положение о системном строении психики, но и подход Б. Ф. Ломова, который он использовал при характеристике инженерной психологии, в центре которой стоял человек во взаимодействии с техникой. Это побуждало рассматривать согласование взаимных требований человека и техники.

В соответствии с этим в качестве основного объекта деятельности психологической службы стал рассматриваться *человек в организации*, предъявляющий к ней требования и реализующий в своей жизнедеятельности требования организации к нему (Таранов и др., 1981). При этом в качестве основных подсистем и элементов производственной организации рассматривались системы, включающие в себя человека.

2. Интенсивно развивающийся *личностный подход*, реализующий традиции научных школ С. Л. Рубинштейна и К. К. Платонова (Е. В. Шорохова, К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский и др.) и определяющий представления о человеке прикладного психолога (Абульханова, 1973; Платонов, 1969, 1972; Шорохова, 1975; и др.).

В соответствии с этим подходом в качестве объекта психологии рассматривается личность в ее взаимодействии с миром. При этом взаимодействие с миром может быть как субъект-объектным, так и субъект-субъектным, предполагающим взаимное согласование интересов. Существенно, что личность взаимодействует с миром на трех основных уровнях: личность—общество, социальная организация; личность—группа (коллектив) и личность—личность. Реализация личностью своих интересов проявляется в ее активности (в том числе общественной) в разных формах и в разных жизненных сферах.

В концепции психологической службы этот подход реализовался в безусловном (и для психолога приоритетном) учете интересов работников и рассмотрении всего спектра этих интересов, причем не только чисто профессиональных.

В плане разработки проблемы взаимодействия фундаментальной и прикладной психологии полезным был анализ методологических проблем прикладной психологии (Б. Ф. Ломов, Ю. М. Забродин), ориентирующий прикладного психолога на поиск специфичных методов, в значительной степени отличных от методов фундаментальной психологии.

На уровне теорий среднего уровня большое значение имели теоретические работы, проводившиеся в рамках сектора социальной психологии (Е. В. Шорохова). Это работы по социальной психологии управления, социально-психологической адаптации и др. Особое значение имела разработка концепции совместной деятельности (А. Л. Журавлев), объединившая системный и личностный подход и в то же время определившая основания для практического приложения. Не случайно именно А. Л. Журавлев был одним из академических ученых, активно взаимодействующих с социально-психологической службой «Курганприбора».

Свидетельством продуктивного взаимодействия с работниками службы может быть ряд его совместных публикаций с Е. В. Тарановым (генеральный директор объединения), А. А. Грачевым (начальник лаборатории, выступающей ядром службы), Д. А. Литвиненко (один из ведущих сотрудников лаборатории) (Журавлев, Таранов, 1979; Грачев и др., 1987). Такое взаимодействие было значимо для работников службы в связи с тем, что именно социально-психологическая составляющая имела наибольший вес в общей системе работы промышленного психолога (Грачев, 2016).

Наконец, помощь в разработке концептуальных основ психологической службы производственной организации оказали материалы сотрудников сектора социальной психологии П. Н. Шихирева, С. К. Рощина и В. А. Соснина, проводивших анализ зарубежной психологии, в значительной степени представляющий прикладную психологию, в частности, организационную.

Таким образом, комплекс исследований сотрудников Института психологии восполнял дефицит знаний о человеке, который ощутили социологические службы промышленных предприятий в процессе своей работы (психологических служб на промышленных предприятиях в то время еще не было) и помог в разработке концептуальных основ психологической службы производственной организации.

Системный и личностный подходы в разработке модели и организации социально-психологической службы

В значительной степени системный и личностный подходы к разработке модели и организации социально-психологической службы производственной организации был представлен в работе Е. В. Таранова, А. А. Грачева и В. Н. Гюппенена «Человек в производственной организации» (1981) и в последующих работах сотрудников службы. В работе Таранова, Грачева и Гюппенена использовались достижения как системного подхода в психологии, так и системного подхода к организации, характерного для организационной психологии того времени. Кроме того, была представлена и характерная для отечественной психологии ориентация в качестве объекта на человека в его взаимодействии с миром.

Ближе всего к разработке концептуальных основ психологической службы организации стояла в то время довольно молодая организационная психология. Общие положения, которые разделяли исследователи, работающие в этой области, состояли в следующем:

- основной объект организационной психологии — человек в социальной организации;
- основу организационной психологии составляет системный подход;
- организационная психология служит основанием для принятия тех или иных управленческих решений.

Однако эти положения разделяли и «управленцы», занимающиеся организациями, особенно представители такой области знаний, как организационное поведение. В результате сложно было определить специфику организационной психологии на концептуальном уровне.

В качестве характерного примера можно привести представления о структуре организации, содержащиеся в ставшем классическим руководстве по организационной психологии 1976 г. под редакцией М. Доннета. В нем описываются следующие подсистемы организации:

- производственно-техническая;
- воспроизводства (социализация новых членов, наказания и поощрения при введении правил);
- закупка и реализация (транзакции с внешней средой);
- институциональная (связь с обществом);

- адаптивная (предвидение изменений, планирование) (Dunnette, 1976).

Такую модель организации скорее можно назвать управленческой, а не психологической. Ближе к «человеческой» модели организации были представления о социотехнической системе и, наконец, большое влияние на системные представления об организации, характерные для психологической службы «Курганприбора», оказал системный подход Б. Ф. Ломова к объекту и предмету инженерной психологии. Согласно этому подходу, в центре прикладных инженерно-психологических исследований стояло взаимодействие человека и техники (Ломов, 1966).

В результате системный и личностный подходы нашли свое выражение в следующих положениях, отражающих концептуальные основы социально-психологической службы «Курганприбора»:

Организация представляет собой целеустремленную систему, ориентированную на производство определенного социально значимого продукта. Производство обеспечивается а) материально-технической и б) человеческой составляющими организации, а управление этими составляющими имеет форму управления производством и социального управления. Эти составляющие предъявляют друг к другу взаимные требования, отражающие взаимные интересы. При этом человеческая составляющая существует в двух формах — человек и группа.

В соответствии с этим можно выделить *три группы целей* и соответствующих им критериев эффективности:

- производственно-экономические, непосредственно связанные с самой сущностью производственной организации;
- социально-психологические (термин «социально-психологический» используется в широком смысле слова, как и в названии службы), отражающие интересы человека как члена организации и лежащие в основе социального управления;
- общесистемные, характеризующие организацию в целом как систему (активность и реактивность, устойчивость, подвижность, лабильность, динамичность, резистентность, скорость движения процессов внутри системы).

Последняя группа показателей в значительной степени была определена на основе анализа работ по свойствам высшей нервной деятельности, прежде всего Б. М. Теплова и В. Д. Небылицина, представивших системную характеристику высшей нервной деятельности.

Динамика производственной организации имеет две направленности – на адаптацию и развитие. Адаптация предполагает согласование внутренних и внешних процессов (включая взаимодействие материально-технической и человеческой составляющих). Развитие же связано с некоторым рассогласованием, не имеющим, однако, устойчивого характера.

Элементарными единицами (элементами, элементарными подсистемами) производственной организации являются системы «человек–рабочее место» и «группа–рабочая зона группы». *Элементарной же системой* производственной организации, обладающей всеми ее основными признаками как системы, является производственное подразделение.

Человек входит в эти системы лишь одной стороной – своим статусом, связанным с определенной ролью. В связи с этим человек и организация – две активные, взаимодействующие друг с другом системы. Это взаимодействие направлено на согласование взаимных интересов и может происходить в четырех основных формах: а) человек/группа изменяет организацию; б) человек/группа изменяет себя; в) организация изменяет человека/группу; г) организация изменяет себя. При этом как человек, так и организация входят в другие социальные системы, реализуя в соответствии с этим свои социальные функции.

Интересы человека как члена организации выражены в трех группах критериев эффективности:

- *индивидуальный уровень* (системы «человек–рабочее место»): удовлетворенность содержанием, оплатой, условиями, результатами труда, удовлетворенность профессиональным ростом, взаимоотношениями по горизонтали и вертикали, удовлетворенность жилищно-бытовыми условиями, организацией свободного времени; показатели оптимальности психофизиологического состояния, включая состояние здоровья;
- *групповой уровень* (системы «группа–рабочая зона группы»): соответствие разрядности (уровня сложности) работ уровню квалификации производственной группы как целого, соответствие производственного процесса сложившейся структуре группы, соответствие результатов работы групповому уровню притязаний, обеспечение возможностей для оптимального общения, благоприятный социально-психологический климат;
- *социальный уровень* (производственные подразделения, организация в целом) – оптимальные условия труда, оплата труда,

действенная система охраны здоровья, оптимальные условия для производственной и общественной активности, оптимальные жилищно-бытовые условия и условия для использования свободного времени, оптимальный профессиональный и образовательный состав, оптимальный половозрастной состав, наличие действенных общественных организаций, обеспечивающих интересы человека в производственной организации.

Стандарт социального управления в системе управления объединением

В 1983 г. в производственном объединении «Курганприбор» вступил в силу стандарт предприятия «Социальное управление», регламентировавший работу в рамках социального управления и выступающий в качестве промежуточного этапа разработки системы управления, обеспечивающей жизненные интересы персонала.

Этот стандарт определял уровни, направления и формы работ по социальному управлению и устанавливал области и формы взаимодействия социально-психологической службы с администрацией и подразделениями объединения.

Было определено, что содержанием социального управления является организация среды жизнедеятельности работников объединения на основе долгосрочного социального планирования и оперативного контроля мероприятий, что направлено на удовлетворение потребностей и интересов работников, развитие их личности.

В качестве субъекта социального управления выступала система «администрация, партийная и общественные организации (профсоюз, комсомольская организация)», а основным инструментом социального управления является социально-психологическая служба объединения. Примечательным было то, что попытка наделить партийные организации функцией социального управления как управления по жизненным интересам человека (как это было определено в концепции проектирования и записано в стандарте) в то время вызвала протест партийных работников, которые считали своей основной функцией реализацию государственных интересов. В результате социально-психологическая служба в своей работе более тесно взаимодействовала с профсоюзной организацией.

В стандарте определялись основные формы социального управления на следующих уровнях:

1. На уровне управления *производственным подразделением* основными формами социального управления являлась работа по планам социального развития подразделений и оперативное социальное управление.

Перспективный план социального развития составлялся сроком на один год и утверждался решением общего собрания подразделения.

Формы работы на этом уровне определялись разделами типового плана социального развития подразделения (см. ниже).

Несмотря на то, что субъектом социального управления на этом уровне выступал «четырёхугольник»¹ подразделения, ответственность за организацию работ возлагалась на руководителя подразделения. (Соответствующие опросы, проведенные в подразделениях, показали, что и рядовые работники воспринимают руководителя подразделения в качестве основного лица, принимающего социальные решения.)

Оперативный контроль за работой по социальному управлению на данном уровне осуществлялся четырёхугольником цеха с привлечением цехового психолога (в тех цехах, где они были). А при необходимости к работе по социальному управлению подразделения могли привлекаться специалисты – сотрудники лаборатории предприятия (по согласованию с начальником лаборатории).

Конкретные мероприятия по социальному управлению, содержащиеся в плане социального развития подразделения, принимались к исполнению только после утверждения их «четырёхугольником» и согласования с цеховым психологом. При этом сбор, анализ и своевременное предоставление текущей социальной информации осуществлял цеховой психолог.

2. На уровне *мастеров и бригадиров* осуществлялось управление двумя системами – «человек–рабочее место» и «группа–рабочая зона группы».

Определялось, что основными задачами управления на уровне «человек–рабочее место» являлось повышение удовлетворенности подчиненного различными сторонами своей жизнедея-

1 Четырёхугольник – условное обозначение, принятое на промышленных предприятиях советского периода: начальник подразделения, секретарь партийной организации подразделения, секретарь комсомольской организации, председатель профсоюзной организации.

тельности (как на производстве, так и в быту), оптимизация его психофизиологического состояния, повышение уровня развития его личности.

На уровне «группа—рабочая зона группы» основными задачами являлось обеспечение благоприятного социально-психологического климата и повышение уровня развития бригады. При этом мастера и бригадиры а) проходили обучение социальному управлению; б) проводили социальное управление на основе плана социального развития подразделения.

Социальные мероприятия, планируемые мастерами и бригадирами, согласовывались с цеховым психологом (при его наличии в штате), утверждались «четырёхугольником» подразделения и контролировались его руководителем.

3. На уровне управления *производственным объединением* осуществлялась работа по перспективному плану социального развития объединения, организация и контроль систем, обеспечивающих оперативное социальное управление на всех уровнях производственного объединения. (Такая форма работы практиковалась в подавляющем большинстве предприятий страны.) Этот план социального развития составлялся один раз в пять лет и утверждался решением коллектива объединения на общей конференции. На этом уровне организация работ по социальному управлению проводилась руководителем по социальному управлению, назначаемым генеральным директором объединения.

Общее руководство и контроль на этом уровне осуществлял генеральный директор объединения на основе информации, представляемой социально-психологической службой.

Основными задачами генерального директора на данном уровне социального управления являлись:

- стратегическое социальное планирование, общий контроль в области социального управления;
- обеспечение условий для самоуправления на всех уровнях объединения;
- совершенствование существующих и внедрение новых систем, обеспечивающих социальное управление;
- организация обучения социальному управлению руководителей высшего уровня (топ-менеджеров).

Характерной особенностью системы социального управления было то, что начальники подразделений в решении социальных вопросов находились в функциональном подчинении руководителя работ по социальному управлению. В то же время в их непосредственном подчинении были цеховые психологи, которые могли оказывать им помощь в социальном управлении. В свою очередь, цеховые психологи находились в функциональном подчинении начальнику лаборатории, который оказывал им необходимую методическую помощь.

Несмотря на то, что в стандарте в незначительной степени прослеживается влияние идеологической составляющей общества того времени, основу этого стандарта составляла работа по жизненным интересам работников.

Роль психологической службы, согласно этому стандарту, заключалась в том, что она выступала инструментом социального управления, так как любая другая служба выступает инструментом управления предприятием в соответствии с ее функциями. При этом основными критериями эффективности этой службы выступали жизненные интересы членов организации. В этом было основное отличие социально-психологической службы ПО «Курганприбор» от большинства других служб, которые в то время ставили основной целью повышение производительности труда.

План социального управления подразделением в системе управления объединением

В то время планы социального развития внедрялись не только в этом объединении, но и на других ведущих предприятиях страны. Этот опыт был довольно подробно описан в работах 1970–1980-х годов (см. например: Герчиков, 1984; Социология в России, 1998; Социология труда, 1993). В этом отношении опыт объединения «Курганприбор» заслуживал внимания, прежде всего, за счет комплексности и системности подхода к социальному управлению.

Прежде всего это было справедливо для планов социального развития подразделений «Курганприбора», которые являлись основой системы социального управления объединением. Особое значение при этом имели планы социального развития цехов. Эти планы в течение нескольких лет (до второй половины 1980-х годов – периода развала промышленного производства и, соответственно, служб) существовали в подразделениях и регламентировали социальное управление.

Годичный план социального развития подразделения включал одиннадцать обязательных разделов: обогащение содержания труда; совершенствование системы оплаты труда; улучшение условий труда, охрана здоровья и техника безопасности; разработка рациональных режимов труда и отдыха, средств восстановления состояния работников; повышение социальной значимости результатов труда; совершенствование системы профессионального роста; адаптация молодых рабочих; совершенствование системы социальной информации; улучшение жилищно-бытовых условий; организация свободного времени; обеспечение возможностей для реализации социальной активности (самоуправление, техническое творчество, общественно-политическая активность).

Подготовка к внедрению планов социального развития подразделений включала а) анализ существующих проблем в области социального развития подразделений; б) подготовку программы обучения и методического руководства по составлению планов для подразделений; в) обучение руководителей подразделений основам социального управления; в) разработку организационной поддержки его внедрения.

Ниже будут рассмотрены основные разделы плана, представленные в методических рекомендациях и обучении руководителей, и опыт работы по каждому из них (будут обсуждаться только внедренные мероприятия).

1. Обогащение содержания труда

В этом разделе описывается профессиональная структура подразделения и выделяются «узкие места», в первую очередь работы с высоким уровнем монотонии: проблемные для объединения виды работ — конвейерная сборка, намотка, монтаж плат, штамповка, операционная токарная и фрезерная обработка, зачистка, некоторые виды контроля изделий. Кроме того, в «методичке» дается обзор тех методов, которые могут использоваться для повышения уровня содержания труда.

Проблемы, часто определяемые цехами объединения:

- выраженная и слабовыраженная (по отзывам рабочих) монотония на отдельных участках (указываются конкретные участки);
- слабовыраженное деловое взаимодействие между работниками.

Мероприятия, содержащиеся в планах цехов:

- беседы руководителей и психологов с мастерами и бригадирами о необходимости смены рабочих мест;

- обучение рабочих всем операциям (либо блокам операций), имеющимся на участке, освоение смежных профессий, периодический перевод рабочего на другое рабочее место, периодическая смена места обслуживания, работа на нескольких станках (последовательная смена);
- совмещение операций, укрупнение операций, смена операций, смена типов элементов;
- самостоятельное планирование рабочими производственных заданий (последовательность операций, ритм и т. п.);
- создание комплексных бригад с возможностью взаимозамены рабочих;
- организация бригадных форм труда;
- перепланировка рабочих мест с целью организации возможностей для общения; проектирование рабочих мест с учетом взаимных выборов;
- трансляция функциональной музыки, управление процессом трансляции функциональной музыки самими рабочими (участие в составлении программ, регуляция громкости, определение продолжительности трансляции), организация творческой группы из работников цеха для создания музыкальных, познавательных программ, литературных передач;
- организация информационных выпусков;
- внедрение физкультпауз (для оптимизации состояния и увеличения степени разнообразия труда).

Примечательным было то, что при планировании мероприятий обращалось внимание не только на повышение степени разнообразия труда (и, как следствие, снижение монотонии), но и на повышение личностной активности работников за счет повышения уровня самоуправления своей производственной жизнью.

II. Обеспечение возможностей для реализации социальной активности

В «методичке» дается характеристика тех форм, которые позволяют реализоваться активности работников: постоянно действующих производственных совещаний, советов бригад и бригадиров, общественных бюро НОТ, рационализаторов и изобретателей, нормирования, соцсоревнования, мероприятий общественных организаций и др.

Отмечается, что вовлечение рабочих, выполняющих монотонную работу, в мероприятия, реализующие их социальную активность, позволяет частично устранить отрицательные эффекты такой работы.

Особое внимание предлагается обратить на работу с детьми работников подразделения: организацию факультета родительского университета, помощь в воспитании детей (контроль, консультации и т. п.).

Проблемы:

- низкий уровень сверхнормативной производственной активности;
- малая действенность существующих организационных форм.

Мероприятия цехов:

- составление темника «узких мест» с участием рабочих;
- организация общественных бюро рационализаторов и изобретателей, организация школы молодого рационализатора, организация конкурса на лучшее рацпредложение, организация стенда рационализаторов;
- создание условий для включения общественных организаций в принятие решений (главным образом в решение социальных вопросов);
- организация советов бригад, бригадиров, родителей (помощь детям и матерям-одиночкам);
- организация шефской работы (подшефные школы-интернаты, детские дома);
- организация помощи проблемным детям работников цеха, цеховые стенды «Наши дети».

III. Организация свободного времени

В этом разделе дается описание форм организации свободного времени, существующих в подразделении. Определяются «узкие места» и намечаются мероприятия, направленные на совершенствование культурно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы (терминология, принятая в советское время).

Особое внимание обращается на организацию кружков по интересам, дискуссионных клубов (любителей литературы, кино, живописи и т. п.) для работников подразделений.

Проблемы, отмечаемые подразделениями:

- отсутствие массовости в физкультурно-оздоровительной работе;
- низкий уровень массовых форм организации свободного времени.

Мероприятия цехов:

- организация спортивных секций на базе цехов, организация спортивных мероприятий (в том числе семейных);
- выезды за город, дискотеки, коллективные походы в кино, театр;
- организация цеховой художественной самодеятельности;
- организация цеховых кружков и клубов по интересам (семейный, автолюбителей, книголюбов, песни, музыки, литературы, любителей бега, пешей ходьбы, подледного лова, встреч с интересными людьми и др.), творческих выставок (фотографических, художественных, детских работ, кулинарных и др.), встреч с авторами стихов – работниками цеха.

IV. Улучшение условий труда, охрана здоровья и техника безопасности

В «методичке» обращается внимание на то, что этот раздел плана уже используется в практике работы производственных подразделений (характеристика условий труда дается на основании санитарно-гигиенического паспорта подразделения). В результате в планы подразделения включались мероприятия по НОТ и культуре производства, охране здоровья и технике безопасности, уже отраженные в других, более конкретных планах.

Проблемы (из планов цехов):

- малое количество обедающих в цеховом буфете;
- несоответствие условий санитарно-гигиеническим нормам, рабочих мест эргономическим требованиям;
- высокий уровень заболеваемости работников;
- опасные условия труда.

Мероприятия цехов:

- организация работы цехового буфета;
- приведение условий труда в соответствие санитарно-гигиеническим нормам, организация рабочих мест в соответствии с типовыми проектами;
- проведение профилактических обследований работников, анализ заболеваемости;
- информация о здоровом образе жизни (комплексы производственной гимнастики, стенды здорового образа жизни);
- эстетизация среды (цветы, кустарники и т. п.);

- обучение работников технике безопасности, повышение уровня безопасности оборудования.

V. Совершенствование системы оплаты труда

В «методичке» отмечается, что основной принцип, который должен регулировать систему оплаты, – это обоснованность, справедливость оплаты труда. В соответствии с этим рекомендуется внедрять технически обоснованные нормы и приводить в соответствие разряд рабочих разрядности работ. Кроме того, рекомендуется обеспечить работников достоверной информацией об оплате их труда.

Проблемы, отмечаемые цехами:

- большой разрыв между разрядностью работ и разрядом рабочих (перечисляются участки), в результате чего рабочие недополучают;
- «уравниловка» в оплате;
- низкий уровень информированности рабочих об оплате труда (касается в первую очередь поощрений);
- низкий охват технически обоснованными нормами;
- низкий уровень стимулирования при повременной оплате труда, стимулирования вспомогательного персонала.

Мероприятия цехов:

- сокращение разрыва между разрядностью работ и разрядом рабочих за счет профессионального обучения рабочих, полный перевод рабочих на работу по технически обоснованным нормам, перевод рабочих с повременной на сдельно-премиальную оплату труда;
- внедрение бригадных форм организации труда;
- организация консультаций по вопросам оплаты для рабочих сотрудниками бюро организации труда цеха;
- совершенствование премиальной системы, обеспечение полной гласности в распределении премий по цеху, внедрение в систему премиальной оплаты вспомогательного персонала показателя, связывающего их работу с работой основного производства (на основе оценки мастеров).

VI. Совершенствование системы профессионального роста

Здесь характеризуются возможности для профессионального роста, которые определяют возможность продвижения по «профессиональной лестнице». Отмечается актуальность таких форм, как определение

широкого диапазона работ по сложности (разрядности), организация профессионального обучения, организация групп резерва по основным руководящим должностям, предоставление объективной и достаточной информации для работников по возможностям их профессионального продвижения.

Проблемы цехов:

- низкий средний разряд работ;
- слабое стимулирование наставников;
- слабая подготовленность будущих руководителей.

Мероприятия цехов:

- обеспечение работников подразделения информацией о возможностях профессионального роста;
- профессиональное обучение (текущее обучение, организация целевых групп, освоение смежных профессий), организация школ передовых методов труда (лучшие рабочие);
- стимулирование работников к обучению в вечерних школах, техникумах, вузах, консультации инженерно-технических работников для рабочих – учащихся вечерних школ;
- разработка системы стимулирования наставников;
- проведение профдиагностики и профконсультирования работников по их запросу;
- аттестация работников;
- формирование групп резерва (бригадиры, мастера, администрация цеха), обучение групп резерва.

VII. Повышение социальной значимости результатов труда

В основе работы по этому разделу лежит информированность работников о социальной значимости результатов своего труда. Это знание того, каким спросом пользуются изделия, выпускаемые подразделением, и каково их качество. При этом рекомендуется считать негативным явлением как незнание спроса и качества изделия, так и знание низкого спроса и плохого качества.

Предполагается, что работа должна начинаться с обеспечения работников необходимой информацией. Отмечается, что существуют разные уровни и формы такой работы: регулярные информации с использованием средств массовых коммуникаций, обсуждение вопросов на собраниях, обратная связь на уровне «производство–торговые организации–потребитель».

В случае негативного знания обращается внимание на два момента: а) рабочий выполняет свою работу с высоким качеством, но знает, что качество конечного продукта низко из-за несовершенства технологии, конструкции изделия; б) низкое качество вследствие низкой квалификации рабочего. Отмечается, что и та, и другая ситуация способствует формированию неудовлетворенности и в конечном счете безразличного отношения к результатам своего труда.

Обращается внимание на то, что на уровне производственного подразделения основными наиболее благоприятными организационными формами будут сквозные комплексные бригады, все члены которых «завязаны» на единый конечный результат. Организационными формами, предоставляющими человеку возможность активно влиять на качество, будут постоянно действующие производственные совещания, общественные бюро качества, творческие бригады.

Проблемы, отмечаемые цехами:

- неудовлетворительное качество изделий;
- недостаточная информированность о результатах труда;
- недостаточная гласность в подведении итогов производственного соревнования;
- недостаточная информированность о качестве выпускаемой продукции и спросе на изделия.

Мероприятия цехов:

- совершенствование системы повышения качества продукции;
- внедрение системы морального поощрения работников;
- организация общественных бюро качества;
- организация соревнования между рабочими группами;
- оформление стендов и организация радиопередач с информацией о результатах труда;
- оформление стендов с информацией о качестве продукции и спросе на изделия (назначение изделия, местонахождение потребителей, рекламации на продукцию, число гарантийных ремонтов, затраты на гарантийные ремонты, затраты разного рода при отказе от изделия, причины и виновники брака).

VIII. Разработка рациональных режимов труда и отдыха, средств восстановления состояния работников

В этом разделе предлагается дать характеристику режима рабочего дня для всех категорий работников подразделения, включая регламенти-

рованные перерывы, если они официально установлены. При этом дается описание отдыха работников во время перерывов, включая обеденный: мест отдыха, занятий во время отдыха, проведения производственной гимнастики.

Даются рекомендации по выделению «узких мест» – категорий работников, режим работы которых отличается напряженностью (физической и психической) и монотонностью. Если для таких работников регламентированные перерывы ранее не введены, предлагается установить их. Дается информация по использованию функциональной музыки.

Проблемы, выделяемые цехами:

- неблагоприятное состояние работников (утомление, монотония);
- высокий уровень заболеваемости работников на определенных участках;
- нерациональные представления работников об оптимальном режиме труда и отдыха.

Мероприятия цехов:

- организация условий для отдыха (комнаты, уголки, зоны отдыха, в том числе летние площадки), озеленение цеха;
- организация регламентированных перерывов, чаепитий в регламентированные перерывы;
- организация производственной гимнастики с учетом характера труда (с подготовкой общественных инструкторов);
- организация функциональной музыки;
- организация стендов с информацией о рациональных режимах труда и отдыха, о здоровом образе жизни (о рациональном питании, о роли физкультуры в жизни человека и т. п.), организация бесед о здоровом образе жизни;
- убеждение рабочих в необходимости отдыхать в регламентированные перерывы;
- организация игр в обеденный перерыв (шашки, шахматы, настольный теннис);
- внедрение программ психологической разгрузки;
- мониторинг психофизиологического состояния работников, обучение саморегуляции.

IX. Совершенствование системы социальной информации

Работа по данному разделу заключается в организации значимой для человека информации – периодической (ежедневной, еженедель-

ной, ежемесячной, ежеквартальной, годовой) информации о результатах труда работника, бригады, коллектива подразделения. При этом каждый должен знать не только собственные результаты, но и результаты других, чтобы иметь возможность сравнивать и определять свое место в общей системе производственной жизни.

Кроме того, в «методичке» отмечается, что нетрадиционной формой работы могут выступать различные консультации для работников подразделения: по вопросам общественной жизни, взаимоотношений, устройства рабочего места, домашнего интерьера, посещения культурных мероприятий и пр. Указывается, что в организации консультаций могут оказать помощь общественные организации, социально-психологическая служба, бюро эстетики, соответствующая информация может быть представлена и на различных информационных стендах, в выступлениях общественных информаторов и др.

Обращается внимание на то, что важное значение имеет а) выявление и учет мнения работников подразделения по значимым вопросам; б) возможность для работников выразить свое мнение. С этой целью могут использоваться различные формы опроса, организовываться собрания для обсуждения вопросов и принятия решений по ним.

Проблема:

- недостаточный уровень полезной для работника информации.

Мероприятия цехов:

- проведение опросов работников подразделений для определения актуальных для подразделения проблем;
- организация доступных для работника каналов информации по значимым вопросам (оплата, условия труда, жилье и т. п.);
- регулярное проведение опросов работников с целью определения запросов на консультирование; организация консультаций: психолога, повара, юриста, по вопросам эстетики и др.;
- радиопередачи с полезной для работника информацией; регулярное проведение лекций и бесед в соответствии с запросом работников;
- оформление стендов с актуальной для работников информацией (хозяйственные вопросы, здоровье, воспитание детей и т. д.).

Х. Адаптация молодых рабочих

Рекомендуется дать характеристику процесса адаптации молодых рабочих в подразделении: освоение работы, вхождение в коллектив, со-

блюдение норм трудовой дисциплины, заработная плата и др. При характеристике можно использовать данные ежемесячной отчетности цехов по адаптантам.

Определяются мероприятия, направленные на совершенствование процесса адаптации. При этом особое внимание уделяется организации наставничества, подключению к этой работе общественных организаций.

Проблемы цехов:

- низкий уровень работы с адаптантами (указываются участки);
- высокая текучесть среди адаптантов;
- низкий уровень вовлеченности адаптантов в общественную работу.

Мероприятия цехов:

- проведение профдиагностики и профконсультирования поступающих на работу;
- разработка регламента по работе с адаптантом (знакомство с коллективом, включение в коллектив и т. д.), учитывающего специфику цеха;
- внедрение системы обрядов (торжественное вручение адаптантам рабочих путевок, посвящение в рабочие, получение первой заработной платы, проводы в армию);
- организация системы информации для адаптантов (по значимым для них позициям);
- издание информационного листка адаптанта;
- разработка памятки для наставника, подбор наставников по профессиональным качествам (ориентация на обучение, высокий моральный уровень), организация обучения наставников, организация работы совета наставников;
- информирование коллектива об успехах адаптантов;
- включение адаптантов в работу школ передовых методов труда, вовлечение адаптантов в общественную работу;
- привлечение к индивидуальной работе с адаптантами, кроме наставника, начальника цеха и представителей общественных организаций;
- организация соревнования и конкурсов профмастерства среди адаптантов.

XI. Улучшение жилищно-бытовых условий

Отмечается, что возможности для работы по этому разделу у подразделения невелики: эти вопросы обычно решаются на более высоком

уровне – производственной организации в целом. Поэтому для производственного подразделения рекомендуется в основном заниматься оценкой жилищных условий своих работников и учетом распределения служебного жилья.

Организационные вопросы

В работе по организации социального управления начальники подразделений (руководители среднего звена) находились в непосредственном подчинении у заместителя генерального директора по инновациям (топ-менеджер). При этом они могли непосредственно взаимодействовать с лабораторией, которая оказывала им необходимую методическую помощь.

Ответственным за разработку плана был начальник подразделения, который привлекал к этой работе представителей общественных организаций и цехового психолога (если он есть в штате цеха). Они формировали группу из работников подразделения, которая работала над составлением плана.

План составлялся сроком на один год, рассматривался комиссией во главе с генеральным директором объединения (в эту комиссию входил начальник лаборатории НОТ и психологии) и утверждался на общем собрании работников подразделения.

Работа по плану велась в соответствии со стандартом предприятия по социальному управлению: мероприятия плана отражались в ежемесячных планах социального управления, которые оценивались социально-психологической службой (оценки определяли размер ежемесячной премии подразделения).

Особо следует отметить, что в этих рекомендациях не предполагалось планирование работы идеологического содержания, которая отводилась другим организациям. В связи с этим рекомендации по социальному планированию практически не отличались от рекомендаций, которые использовались на передовых зарубежных предприятиях. Отличие, пожалуй, было в том, что эта работа в объединении «Курганприбор» а) была более систематизирована; б) осуществлялась преимущественно не на уровне организации в целом, а на ее базовом структурном уровне – уровне производственного подразделения (преимущественно – цеха).

Кроме годовых планов социального развития, в цехах существовали месячные планы-отчеты по социальному управлению. С одной стороны, в месячных планах-отчетах отражались мероприятия,

реализующие годовые планы социального развития, с другой стороны, в них включались мероприятия, имеющие оперативный характер.

Контроль составления и выполнения этих планов был предусмотрен в существующей в объединении комплексной системе эффективности и качества управления и был возложен на социально-психологическую службу. Оценка плана, проставленная службой в бланке установленного образца, определяла 15% премии, выплачиваемой администрации и инженерно-техническим работникам подразделения. Социально-психологическая служба, утверждая цехам планы на будущий месяц, могла вносить в них дополнительные мероприятия, которые были обязательны для выполнения.

Таким образом, система требований к среде жизнедеятельности работника, ориентированная на производственное подразделение, показала свою эффективность, будучи реализованной в психологическом проектировании в форме плана социального управления производственным подразделением.

Поскольку внедрение этой системы происходило в основном на уровне самого подразделения (а не за счет вмешательства на вышележащем уровне), роль психолога заключается в а) подготовке руководителей среднего и младшего звена к социальному управлению; б) сопровождении процесса организационных изменений.

Основная ответственность за разработку и реализацию планов возлагалась на руководителей подразделений, которые прошли обучение социальному управлению по программам, разработанным лабораторией.

Учебный план курса «Основы социального управления» для руководителей среднего звена включал следующие темы:

1. Понятие о социальном управлении производственной организацией. Основные уровни и критерии эффективности социального управления.
2. Организация социального управления на уровне «человек–рабочее место» (мастера и бригадиры; в центре внимания – *отдельный работник*).
- 2.1. Диагностика и оптимизация психофизиологического состояния.
- 2.2. Формы работы по повышению удовлетворенности работника трудом.
- 2.3. Стимулирование социальной активности подчиненных.

3. Организация социального управления на уровне «группа—рабочая зона группы» (мастера и бригадиры; в центре внимания — *рабочая группа*).
- 3.1. Диагностика и оптимизация социально-психологического климата.
- 3.2. Диагностика и оптимизация уровня развития группы.
- 3.3. Стиль руководства и его влияние на группу.
4. Социальное управление на уровне производственных подразделений.
- 4.1. Организация оптимальной производственной среды жизнедеятельности работника: содержание труда, результаты труда, оплата, оценка и условия труда, свободное время.
- 4.2. Работа администрации и общественных организаций по созданию условий для реализации социальной активности работников.
- 4.3. План социального управления подразделения как стратегическая основа социального управления.
- 4.4. Месячные планы социального управления как форма оперативного управления.

Видно, что тематика курса отражает общую модель социального управления, используемую социально-психологической службой.

Итак, опыт работы социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор» (так же, как и опыт других психологических и социологических служб конца советского периода) показал востребованность психологического знания, связанного на прикладном уровне с работой по жизненным интересам работника. В наше время востребованность такого знания не только сохраняется, но и возрастает в связи с общемировой тенденцией гуманизации общества. На уровне управления промышленным предприятием это означает возрастание значимости социального управления в общей системе управления предприятием и отвечает общей тенденции распространения философии управления человеческими ресурсами.

В построении такого человекоориентированного знания показало свою эффективность взаимодействие фундаментальной и прикладной наук, представленных сотрудниками Института психологии АН СССР, с одной стороны, и сотрудниками социально-психологической службы ПО «Курганприбор», с другой.

Было показано, что в соответствии с комплексным характером жизненных интересов человека такой же характер имеют задачи

и состав специалистов службы. При этом ядром жизненных интересов все-таки является их психологическая составляющая, в связи с чем основное звено службы составляют психологи.

В наше время использование опыта работы служб кажется перспективным в следующих направлениях:

- проектирование системы социального управления предприятиями;
- подготовка руководителей к работе по социальному управлению;
- подготовка профсоюзных деятелей к работе по социальному управлению;
- подготовка работников для систем управления персоналом/человеческими ресурсами;
- разработка системы обучения специалистов к работе с работником (социальных инженеров) для систем социального управления.

Опыт работы служб может использоваться и на более высоком уровне социального управления – управления обществом – в форме макропсихологического проектирования, что повысит социальную ориентированность государственной политики и востребованность психологического знания.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973.
- Боровик В. С., Журавлев А. Л., Крылова Н. В.* Проблемы «службы человека» на производстве // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 1. С. 154–160.
- Герчиков В. И.* Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Новосибирск: Наука, 1984.
- Грачев А. А.* Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Институт практической психологии, 2008.
- Грачев А. А.* Теоретические и методологические основания прикладной психологии // Психологический журнал. 2013. № 1. С. 15–24.
- Грачев А. А.* Прикладная социальная психология в деятельности психологической службы промышленного предприятия советского периода (на примере социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор») // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 122–143.

- Грачев А. А.* Участие Института психологии АН СССР в становлении социально-психологической службы промышленного предприятия в 70–80-х годах XX века (на примере социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор») // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: Результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 205–213.
- Грачев А. А., Журавлев А. Л., Литвиненко Д. А.* Основные направления деятельности практического психолога в условиях бригад нового типа // *Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда* / Отв. ред.: Е. В. Шорохова, А. Л. Журавлев. М.: Наука, 1987. С. 203–211.
- Грачев А. А., Крылова Н. В.* Основные задачи социально-психологических служб // *Первый Всесоюзный симпозиум по социальной психологии*. Кострома: КГПИ, 1986. С. 64–66.
- Дубровина И. В.* Предыстория развития школьной психологической службы (к 110-летию юбилею Психологического института РАО) // *Вестник практической психологии образования*. 2022. Т. 19. № 1. С. 18–32. doi: 10.17759/bpre.2022190102
- Журавлев А. Л., Зотова О. И.* Психологическая служба промышленного предприятия: поиски, решения // *Психологический журнал*. 1982. Т. 3. № 1. С. 155–158.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // *История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–15.
- Журавлев А. Л., Таранов Е. В.* Социально-психологические основы опосредованных методов руководства // *Психологические механизмы регуляции социального поведения* / Под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1979. С. 287–304.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // *Психологический журнал*. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Занковский А. Н.* Организационная психология. М.: Флинта–МПСИ, 2002.
- Ломов Б. Ф.* Человек и техника. Очерки инженерной психологии. М.: Советское радио, 1966.

- Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. Т. 21. № 2. С. 31–45.
- Ломов Б. Ф.* Теория, эксперимент и практика в психологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 1. С. 8–20.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Ломов Б. Ф.* О системной детерминации психических явлений и поведения // Принцип системности в психологических исследованиях. М., 1990. С. 10–18.
- Платонов К. К.* Личностный подход как принцип психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1969. С. 190–217.
- Платонов К. К.* Проблема личности в общественной психологии // Вопросы психологии. 1972. № 1. С. 122–129.
- Служба социального развития предприятия: Практическое пособие / Под ред. Б. Ф. Ломова, В. Н. Иванова М.: Наука, 1989.
- Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
- Социология труда / Под ред. Н. И. Дряхлова и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
- Таранов Е. В.* Методологические и организационные основы социально-психологической службы производственной организации» // Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика / Под ред. Е. В. Таранова, Ю. М. Забродина. Курган: Советское Зауралье, 1983. С. 12–27.
- Таранов Е. В., Грачев А. А., Гюппенен В. Н.* Человек в производственной организации. Курган: Советское Зауралье, 1981.
- Шорохова Е. В.* Социально-психологическое понимание личности // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 63–71.
- Щербина В. В.* Заводская социология и управленческое консультирование в советский и постсоветский периоды // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 115–124.
- Dunnette M. D.* (Ed.). Handbook of Industrial and Organizational Psychology. Chicago: Rand McNally, 1976.

ПСИХОЛОГИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Динамика общественной психологии в советский период: историческая ретроспектива

Д. С. Безносков, Л. Г. Почебут

Введение

Психологические особенности развития и изменений общественной психологии представляют собой актуальный аспект в исследовании социальных проблем. Общество как экономическое, политическое, полиэтническое и поликультурное образование развивается и консолидируется на основе общих, согласованных между собой психологических элементов. В процессе исторического развития под влиянием социальных преобразований общественная психология претерпевает кардинальные изменения, которые специально изучаются в исторической психологии (см., например: Историческая психология..., 2004; Королёв и др., 2011; и др.). В настоящее время важно изучить, как и под влиянием каких исторических событий менялась общественная психология советского общества.

Актуальность исследования общества определяется пятью моментами. Во-первых, исследование общества как большой социальной группы является принципиально новой проблемой для современной социальной психологии. Общество недостаточно изучено с точки зрения социальной психологии. Во-вторых, исследование общества как коллективного субъекта может способствовать более четкому пониманию глубинных изменений в современном российском социуме. В-третьих, существует потребность исторического анализа социально-психологических процессов, произошедших в советский период и приведших к современному состоянию российского общества. В-четвертых, в настоящее время возрастает интерес к возможностям субъектного подхода (подробнее см.: Личность и бытие..., 2008; Проблемы субъектов..., 2007; Субъектный подход в психологии, 2009; и др.). Исследование общества с точки зрения субъектного под-

хода позволит расширить предметное поле данного подхода и перейти от анализа малых социальных групп к анализу более крупных социальных объединений. В-пятых, такой подход усиливает междисциплинарные связи между социальной психологией, социологией, историей и культурологией.

Статья состоит из трех разделов. В первом разделе мы рассматриваем психологию общества с точки зрения социально-психологической теории коллективного субъекта, разработанной А.Л. Журавлевым (Журавлев, 2000, 2018 и др.). Во втором разделе проведен краткий историографический анализ динамики общественного и правового сознания в период с 1917 по 1990-е годы. Третий раздел посвящен обзору социальных представлений русских о своем обществе в советский период.

С социально-психологической позиции *общество* – это объединение людей, сложившееся в процессе их социального взаимодействия, взаимного обмена различными ресурсами, представлениями, верованиями, чувствами, идеями. До последнего времени изучением общества как целостной системы занималась исключительно социология. Однако, по нашему мнению, настало время изучать социальную психологию общества.

Общество с позиции социально-психологической теории коллективного субъекта

До настоящего времени ни в зарубежной, ни в отечественной науке не разработана единая социально-психологическая теория общества. Его изучением занимается социология, тем не менее, социальная психология может внести значительный вклад в понимание сущностных основ динамики общественного развития. С.Л. Рубинштейн считал главной задачей психологии исследование субъектов, осуществляющих совместную деятельность (Рубинштейн, 1986). Подробно изучал психологические проблемы индивидуального и группового субъекта А.В. Брушлинский (Брушлинский, 1992; Психология индивидуального и группового субъекта, 2002). Развивая идеи С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского и др., А.Л. Журавлев отмечает, что принципиально новое понимание психологии общества возможно, благодаря исследованию его *коллективной субъектности*. Он определяет общество как организованную совокупность взаимопересекающихся и включенных друг в друга индивидов, малых, средних и больших социаль-

ных групп (Журавлев, 2018, с. 143). Общество – это коллективный субъект, совместно взаимодействующая группа людей, проявляющая себя через разнообразные формы поведения, отношений, деятельности, общения (там же, с. 125).

Рассматривая социальные группы, как коллективные субъекты, А. Л. Журавлев к их *основным признакам* относит: 1) взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов, что является основной предпосылкой любой активности, прежде всего, социальной; 2) способность коллективного субъекта проявлять различные формы групповой активности (общение и взаимодействие, совместная деятельность), формировать групповые отношения и регулировать групповое поведение; 3) способность к саморефлексии (самопознанию), которая выполняет несколько функций. Первая – формирование у членов группы социально-психологического чувства «Мы» как переживания своей принадлежности к группе, единения с ней. Вторая – формирование социальных представлений о своей группе. Третья – создание у членов группы общего настроения и формирование психологической готовности к совместной деятельности. Четвертая – оказание помощи членам группы в том, чтобы они лучше ориентировались в социальной ситуации и адаптировались к происходящим изменениям. Содержанием *групповой саморефлексии* являются: а) историко-биографический опыт совместной жизнедеятельности; б) изучение истории и создание легенды об истории группы; в) определение целей развития и группового представления о смысле существования группы; г) представление о ресурсах группы, уровне компетентности ее членов; д) формирование готовности к совместным действиям и согласованному поведению; е) формирование групповой морали («совести» группы), определение притязаний группы. Т. А. Нестик и А. Л. Журавлев считают саморефлексию основным признаком группы как коллективного субъекта. Они подчеркивают, что существуют различные виды групп, не способных к саморефлексии, например, толпа и другие скопления людей (Нестик, Журавлев, 2011, 2019; и др.). Саморефлексия необходима для развития и управления группой. Обретая способность к саморефлексии, социальная группа становится коллективным субъектом (Журавлев, 2018, с. 127–132).

Изучение саморефлексии коллективного субъекта можно дополнить анализом *понятия «интеллигенция»* (см. также: Воловикова, Журавлев, 2017а, б; и др.). В западных обществах людей, которые занимаются творческим трудом, называют интеллектуалами. В России

возникло понятие нового коллективного субъекта – «интеллигенция». Г. Гегель рассматривает интеллигентность как состояние теоретического духа, достигающего уровня своего самосознания. Феномен интеллигенции приобрел мировое распространение. А. И. Герцен в 1851 г. отмечал, что интеллигенция страны – это те органы народа, посредством которых народ стремится понять свое собственное положение, осознать свою роль и предназначение. Итальянский социолог А. Грамши подчеркивал, что интеллигентность не является монополией узкого социального слоя. Для интеллигента характерно такое мышление и сознание, которое возвысилось до самосознания, ему присуще чувство ответственности за вмешательство в ту или иную деятельность. Сущностными характеристиками интеллигенции является осмысленная жизнь, осознанное творчество, чувство ответственности за судьбу Отечества, отношение к миру, основанное на научном знании, а не на вере, приверженность общечеловеческим идеалам (см.: Почебут, 1999, с. 63–64).

Н. Н. Моисеев, описывая особенности русской интеллигенции, отмечает, что ей присущи: а) способность видеть и чувствовать то, что скрыто от большинства людей; б) умение предлагать идеи, которые не сразу, а постепенно признаются остальными в качестве их собственных; в) обостренное национальное самосознание и в то же время приверженность общечеловеческим идеалам; г) высокое чувство ответственности за события, происходящие в стране (Моисеев, 2017).

Таким образом, способность интеллигенции к саморефлексии делает ее самостоятельным коллективным субъектом.

В теоретической *модели* коллективной субъектности А. Л. Журавлев выделяет три проявления. Первое – потенциальная субъектность, проявляющаяся во взаимосвязанности и взаимозависимости членов группы. Второе – реальная субъектность – совместная активная деятельность. Третье – состояние рефлексирующей субъектности, определяющей цели и ценности группы (Журавлев, 2018, с. 133–134).

Описывая *типы* коллективной субъектности, А. Л. Журавлев фактически анализирует динамику развития советского общества. *Первый* тип коллективного субъекта сложился в СССР в 1922 г., когда было создано советское государство, затем в 1924 г. принята первая Конституция. Была зафиксирована политическая, экономическая, географическая взаимозависимость всех республик, входящих в состав Советского государства. *Второй* тип коллективного субъекта начинает формироваться в 1930-е годы и особенно ярко и значительно прояв-

ляется в период Великой Отечественной войны. Подвиги советского народа на фронте и в тылу не имеют аналогов в мировой истории. Активное сопротивление фашистским захватчикам и активное восстановление разрушенного войной народного хозяйства являются примерами сложившегося, зрелого коллективного субъекта — советского народа. *Третий* тип коллективного субъекта сформировался на основе единой идеологии, в которой были четко прописаны цели и ценности советского народа. В 1940-е—начале 1960-х годов марксистско-ленинская идеология практически полностью признавалась подавляющим большинством членов общества. Идеологическое воспитание началось с первых классов школы и продолжалось на протяжении всей жизни. Приверженность коммунистическим ценностям и идеологии обозначалась в лозунгах «Наша цель — коммунизм!», призывах «Родина мать зовет!», «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!». Народ с энтузиазмом откликнулся на эти призывы, люди записывались добровольцами на фронт, работали на заводах в тылу, производя продукцию, необходимую фронту, росло партизанское движение. Все это свидетельствует о формировании устойчивого чувства гражданской идентичности всего многонационального советского народа. Следует отметить, что в это сложное, критическое время не наблюдалось межэтнических конфликтов, члены общества чувствовали свое единство, проявляли социальную солидарность, сплоченность, взаимопомощь и поддержку. Многие отдавали свои сбережения на производство танков, самолетов, боеприпасов для Красной армии. Взаимная поддержка и сплоченность была характерна и для взаимоотношений в воинских подразделениях. Именно в военное время появились фразы «Русские не сдаются!», «Своих не бросаем!». Трудности военного времени закаляли советский народ не только физически, но и духовно. Отголоски морально-нравственной закалки проявляются и в настоящее время в шествиях «Бессмертного полка», чествовании ветеранов Великой отечественной войны, глубоком осознании нашими современниками проблем и трудностей политической и экономической ситуации в мире.

А. Л. Журавлев утверждает, что для формирования коллективной субъектности недостаточно только пространственной и временной взаимосвязанности, нужна совокупность функциональных, технологических, организационных, управленческих, экономических, политических, возрастных, гендерных, образовательных, профессиональных, социально-психологических, этнических, языковых и культурных связей. Совокупность этих связей является основой

формирования *психологической готовности* социальной группы к совместной деятельности, т. е. появляется потенциальная субъектность (подробнее о связях см.: Социально-психологические проблемы бригадной формы..., 1987; Социально-психологические проблемы производственного коллектива, 1983; Социально-психологические резервы..., 1989; и др.).

Феномен коллективного субъекта (реальная субъектность) возникает, когда появляются различные *формы совместной активности* членов группы. К формам совместной деятельности он относит: а) совместную деятельность – учебную, познавательную, игровую, созерцательную и т. д.; б) внутригрупповое взаимодействие – социально-перцептивное, интерактивное, направленное на формирование межличностных отношений, общение; в) групповое поведение; г) групповое самопознание, выработка групповых норм, правил поведения, самокоррекция, оценка способностей и возможностей членов группы; д) межгрупповое взаимодействие, активность своей и чужих групп, установление взаимных связей (Журавлев, 2018, с. 139).

Одним из принципиальных признаков коллективного субъекта, по мнению А. Л. Журавлева, является однородность (гомогенность)–разнородность (гетерогенность), то есть степень различий между включенными в него элементами (там же, с. 143). Отметим, что общество в советский период было в большой степени гетерогенным по многим признакам – этническому, культурному, степени развитости экономики, уровню жизни населения и пр. Безусловно, управлять таким гетерогенным образованием было чрезвычайно трудно. В советской социологии в 1970–1980-е годы начинает разрабатываться теория однородности советского общества, направленная на стирание вышеописанных различий (см.: Основы марксистско-ленинской социологии, 1980, с. 148–165). Следует отметить, что в зарубежных философских и социологических теориях утверждается, что только разнообразие социального мира способно привести к его процветанию. Стремление к однообразию и однородности, как правило, приводит к экономическим и политическим кризисам (см.: Berry et al., 2002; Toffler, 1970, 1980). Примером кризиса может служить навязываемая западным миром политика глобализации, однообразия и следования порядку, основанному на правилах, а не на международном праве.

Вторым принципиальным признаком коллективного субъекта А. Л. Журавлев называет различные формы его организации и, соответственно, сложность управляемости.

К динамическим характеристикам коллективного субъекта А. Л. Журавлев относит *целенаправленность* как стремление к основной, общественно значимой цели. Целенаправленность формирует такое состояние общества, при котором цель имеет решающее влияние на совместную деятельность. Целенаправленность определяется групповыми интересами, социальными установками, убеждениями, идеалами. Целью советских людей было построение коммунизма. На XXII съезде КПСС в 1961 г. Н. С. Хрущев провозгласил лозунг: «Советские люди в 1980 году будут жить при коммунизме!». Был поставлен четкий срок достижения заветной цели, разрабатывались пятилетние планы экономического развития, проводилась воспитательная и агитационная работа среди молодежи.

Второй динамической характеристикой коллективного субъекта является его *мотивированность* на совместную деятельность. Мотивированность проявляется в активности и заинтересованности членов коллектива, их включенности в совместную деятельность, что свидетельствует об их отношении к такой деятельности (Журавлев, 2018, с. 145). Следует отметить, что большинство советских людей верили обещаниям партии и правительства и были мотивированы на совместное достижение поставленной цели. Это подтверждается социологическим исследованием, выполненным под руководством А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина и В. А. Ядова. В середине 1960-х годов они изучили отношение к труду молодых рабочих на предприятиях Ленинграда. Была зафиксирована тенденция превращения труда в первую жизненную потребность. Это свидетельствовало о коммунистическом отношении к труду у молодых рабочих (Человек и его работа, 1967). Мотивация построения коммунизма в стране была резко разрушена, поскольку к 1980 г. достичь всеобщего благосостояния не удалось. Невозможность достижения цели подорвало веру в коммунистические идеалы у советских людей. Поэтому большинство из них с восторгом приняли политику перестройки, гласности и ускорения экономического развития, проводимую М. С. Горбачевым с 1985 по 1991 гг. Перестройка коренным образом изменила уклад жизни народа, начались экономические трудности, сопровождавшиеся безработицей, отсутствием в магазинах необходимых товаров и т. д.

Третьей динамической характеристикой является *целостность* (интегрированность) коллективного субъекта, внутреннее единство составляющих элементов. Интегрированность коллективного субъекта определяется совокупностью следующих параметров: плотностью

функциональных связей между составляющими (частотой и интенсивностью контактов), уровнем функциональной взаимосвязанности, соотношением числа совместно выполняемых функций к общему их числу, особенностями доминирующих связей между членами коллективного субъекта (Журавлев, 2018, с. 146). Обратимся к анализу состояния советского общества. Интегрированность хозяйственных связей была на высоком уровне. Проводимая в нашей стране политика перестройки в середине 1980-х годов кардинально изменила целенаправленность народа, разрушила сложившиеся экономические и политические связи, подорвала интегрированность коллективного субъекта Советский Союз. Обществу предлагались другие лозунги и мотивы совместной деятельности, направленные на экономическое благополучие.

Четвертым свойством коллективного субъекта А. Л. Журавлев называет *структурированность* – четкость и строгость взаимного распределения функций, задач, ответственности, прав и обязанностей. В структурированном коллективном субъекте четко распределены функции и обязанности каждого структурного подразделения. В Советском Союзе обязанности распределения функций каждой союзной республики, каждого промышленного предприятия выполнял Госплан. Готовились и утверждались пятилетние планы, строго проверялось их выполнение. В 1930-е годы была осуществлена индустриализация и существенная модернизация отечественной промышленности. Такая техническая и технологическая перестройка позволила построить множество современных на тот период промышленных предприятий. Во время Великой Отечественной войны большинство промышленных предприятий были эвакуированы за Урал, что позволило в дальнейшем развивать промышленность в Сибири и на Дальнем Востоке.

Структура советской промышленности к середине 1980-х годов имела форму перевернутой пирамиды. Основу пирамиды составляли предприятия ресурсодобывающей отрасли (добыча исходного сырья – нефти, газа, угля, руды и пр.) Эта отрасль составляла около 50% всех промышленных предприятий. Следующая ступень пирамиды включала предприятия по первичной переработке сырья (около 25%). Вторичная переработка сырья (например, производство различных сортов стали) находилась на третьей ступени пирамиды. На четвертой ступени располагались предприятия, выпускавшие товары народного потребления и работавшие по устаревшим технологиям. Пятую ступень

пень пирамиды занимали предприятия, выпускавшие товары по новейшим технологиям — компьютерную технику, био- и космотехнологии (см.: Почебут, Чикер, 1997, с. 10).

Структурированность коллективного субъекта проявлялась и в сфере образования. Примерами могут служить четко оформленные образовательные программы в начальной, средней и высшей школе, утвержденные Министерством образования, обязательное распределение выпускников вузов. Такие меры обеспечивали слаженность, организованность, взаимопонимание в трудовых коллективах.

Пятое свойство коллективного субъекта деятельности представлено как *согласованность*, гармоничное сочетание работы всех его членов. Деятельность промышленных и иных предприятий, как уже отмечалось выше, координировалась Госпланом, а планы работы согласовывались на всех уровнях.

В целом можно утверждать, что излишняя координация действий каждого сотрудника привела к развитию бюрократии и чиновничества. Рост бюрократического аппарата сопровождал всю историю существования советского государства. В 1917 г. в Российской империи насчитывался 1 млн чиновников. На период создания Советского Союза в 1922 г. чиновников было уже 25 млн, в 1989 году — 18 млн, а в 1994 г. — 26 млн. Рост бюрократического аппарата характерен для всех индустриально развитых стран мира. В постперестроечный период рост бюрократии шел необычайно быстро (Почебут, 1999, с. 66). В задачи бюрократического аппарата входят функции управления и достижения согласованности деятельности коллективного субъекта.

Для понимания процессов, происходящих в обществе, кратко рассмотрим сущность бюрократии. Впервые на феномен бюрократии обратил специальное внимание М. Вебер в 1914—1918 гг. в своих книгах «Новейший капитализм и бюрократия», «Бюрократия и социализм». Он подчеркивал, что существуют как позитивные, так и негативные черты бюрократических организаций. К позитивным чертам относятся: а) в организации (коллективном субъекте) функции сотрудников распределены как официальные обязанности; б) должности (официальные обязанности) образуют иерархическую структуру власти. Каждое должностное лицо отчитывается перед вышестоящим начальником за результаты своей деятельности; в) права и обязанности чиновников четко обозначены в должностных инструкциях, которые обеспечивают единообразие деятельности и координируют ее виды; г) в организации действует специальный административный

штат, начиная с низшего уровня канцелярских работников и заканчивая топ-менеджерами; д) чиновников на должности не выбирают, а назначают вышестоящие начальники; е) чиновники при общении с клиентами должны руководствоваться безличностной ориентацией и рассматривать клиента как очередное дело. М. Вебер признавал эффективность бюрократически построенных организаций, но указывал, что ее развитие приводит к подавлению индивидуальности. К негативным чертам он относил то, что бюрократия представляет угрозу демократии, приводит к деперсонализации сотрудников (Вебер, 1990). Р. Мертон негативные черты бюрократии описывал как перенос чиновниками акцента с целей организации на средства их достижения. Средствами, по его мнению, являются: иерархизация власти, строгая дисциплина, неукоснительное следование правилам и инструкциям. Власть чиновника-бюрократа узаконивается самим фактом его пребывания в должности (Социология сегодня..., 1965).

Социально-психологические последствия деятельности бюрократических организаций были обнаружены нами в результате специального исследования системы взаимоотношений в российском обществе. Эти последствия имеют корни в советском обществе. В психологической системе взаимоотношений членов общества обнаружен следующий *парадокс*: в организации от личности требуют профессиональной компетентности, но в конечном итоге оценивают ее деятельность по степени лояльности к сообществу, к руководству организации. Строя отношения с сотрудниками и руководством, люди считают, что от них требуется профессиональная компетентность, их будут поощрять за компетентность, наказывать за некомпетентность. В действительности людей поощряют за проявление лояльности, а наказывают за нелояльность. Правила взаимодействия не согласуются с санкциями, применяемыми за их нарушение (Почебут, 2005, с. 220). Этот парадокс подтверждается событиями последних лет. Фактически Россию наказывают санкциями за отказ проявить лояльность в отношении политики западных стран. Украину поощряют за лояльность Западу поставками вооружений и финансовой поддержкой. Безусловно, причины разворачивающихся событий имеют глубокие психологические корни и серьезные политические и экономические причины.

Шестое свойство коллективного субъекта проявляется в уровне его *организованности*. Это способность действовать в соответствии с установленным планом, управляемость социальных, экономических,

политических и прочих процессов. Уровень организованности коллективного субъекта оценивается по степени его исполнительности и способности к самоорганизации, самостоятельности в управлении своей деятельностью. В советском обществе степень исполнительности членов коллективного субъекта претерпевала определенную динамику. Если в 1930–1940 гг. исполнительность работников можно оценить, как достаточно высокую, поскольку за неисполнение приказа вышестоящего начальника следовали серьезные санкции — выговор, увольнение и т. д., то, начиная с 1960-х годов, исполнительность при выполнении заданий резко снизилась. В 1982 г., после смерти Л. И. Брежнева, стала проводиться политика укрепления трудовой дисциплины на производстве, повышались требования к производительности труда. При этом поощрялась и самоорганизация, в трудовых коллективах внедрялось наставничество и бригадные формы организации труда (подробнее см.: Бригадная форма организации труда..., 1989; Социально-психологические проблемы бригадной формы..., 1987; Социально-психологические факторы..., 1987; и др.). Членам бригад доверялось управлять своей трудовой деятельностью и принимать решения по вопросам внутриколлективных задач, например, оценивать вклад каждого рабочего в общее дело. Институт наставничества был нацелен на повышение профессиональной квалификации молодых рабочих и их социально-психологическую адаптацию в трудовом коллективе. Такие меры способствовали собранности и сплоченности членов коллективного субъекта. В бригадах вырабатывался собственный стиль выполнения производственной задачи, а в процессе наставничества этот стиль передавался новичкам. Таким образом, сохранялись преемственность деятельности и следования установленным традициям.

Перестройка, предложенная М. С. Горбачевым, потребовала от людей новых навыков самоорганизации. Определенная часть членов коллективного субъекта активно восприняла новые правила общественной жизни. Стали создаваться кооперативы, предлагались новые формы предпринимательской активности. Закрытие некоторых промышленных предприятий привело к разрушению статусно-ролевой структуры коллективного субъекта, снижению и диффузии ответственности. В советском обществе возникла угроза утраты управляемости общественными процессами. Постепенно стали формироваться новые потенциальные лидеры, способные предложить коллективному субъекту новые идеи и выходы из создавшегося положения.

Седьмым свойством коллективного субъекта является его *результативность*. Анализ исторического развития советского общества показывает, что результативность во многом зависит от целенаправленности и организованности коллективного субъекта. Цель построения «светлого будущего» способствовала воодушевлению советского народа в 1930–1960-х годах, стимулировала трудовую активность, возникновение новых общественных движений, например, стахановского движения шахтеров на Донбассе (Алексей Стаханов, Мирон Дюкалов), в металлургии (Макар Мазай), в станкостроении (Иван Гудов), на транспорте (Петр Кривонос), в сельском хозяйстве (Паша Ангелина). Трудовые подвиги породили особый культурно-психологический тип советского человека, переживавшего чувство гордости за свое дело, создали условия для проявления сопричастности общему делу. Заложенные ростки трудового героизма сыграли огромную роль во время Великой Отечественной войны. Примерами могут служить воинские подвиги Николая Гастелло, Александра Матросова, Зои Космодемьянской, молодогвардейцев и многих других, героически погибших за свободу нашей Родины. В результате героической, целеустремленной, согласованной, организованной коллективной деятельности советских людей СССР и страны Европы были освобождены от фашистских захватчиков.

Мы думаем, что необходимо проводить более подробный социально-психологический анализ состояния коллективного субъекта именно в 1930–1950 гг.

В послевоенный период общественные движения, в которых проявлялись лучшие личностные и групповые качества молодежи, продолжали развиваться. Были достигнуты результаты в освоении целинных земель, строительстве Байкало-Амурской магистрали и др. В 1970-е годы развернулось движение студенческих строительных отрядов. Все это способствовало возникновению новых форм коллективной субъектности, взаимной поддержки, согласованности коллективной деятельности, общественной солидарности.

Динамические характеристики коллективного субъекта формируют социально-психологический «портрет» общества. По мнению А.Л. Журавлева, взаимоотношения коллективного субъекта могут характеризоваться полярными свойствами: а) сплоченность—разобщенность; б) совместимость—несовместимость; в) открытость—закрытость; г) удовлетворенность—неудовлетворенность; д) конфликтность—бесконфликтность; е) терпимость—нетерпимость; ж) устойчивость—из-

менчивость; з) доброжелательность—агрессивность; и) уважительность—пренебрежительность (Журавлев, 2018, с. 149).

В силу невероятной сложности такого коллективного субъекта, как общество, и длительного времени его существования, очень сложно представить его однозначный портрет. Можно попытаться описать его отдельные свойства в определенные исторические периоды. Так, после февральских и октябрьских революционных событий началась гражданская война, что, безусловно, можно охарактеризовать как разобщенность общества, несовместимость классовых интересов, неудовлетворенность условиями жизни, высокий уровень конфликтности, изменения в социально-политических устоях жизни, агрессивность по отношению к представителям бывшего господствующего класса (например, расстрел бывших членов государственной Думы в 1917 г. и расстрел членов царской семьи в 1918 г.). События тех лет свидетельствуют о крайней нетерпимости представителей новой власти к представителям старой. Постепенно, очень медленно с большими трудностями отношения в коллективном субъекте начинали налаживаться. Росла сплоченность, совместимость, удовлетворенность жизнью. В истории любого общества высокий уровень конфликтности наблюдается в элите, происходит борьба за власть. Подобные процессы были характерны и для советской элиты, когда проходила циркуляция элит. Смена элит, сопровождавшаяся изменением целей и ценностей общества, существенно повлияла на состояние всего коллективного субъекта. Так, приход к власти Н. С. Хрущева не означал кардинальной смены элиты, но был связан с переоценкой ценностей предыдущего периода (развенчание культа личности И. В. Сталина). Приход к власти М. С. Горбачева привел к крутому повороту в политике и системе ценностей народа (отказ от строительства коммунистического строя, провозглашение ценностей плюрализма и т. д.).

Мы провели в 2002 г. специальное исследование системы ценностей русского народа. По шкале С. Шварца было опрошено 2500 респондентов в возрасте от 23 до 64 лет, сравнивались системы ценностей молодежи и людей пожилого возраста как носителей ценностей советского периода. В таблице 1 представлено распределение ценностей, наиболее предпочитаемых респондентами.

В таблице 2 представлены ценности, наименее значимые, по мнению респондентов.

Распределение ценностей в зависимости от возраста респондентов показало, что молодежь в отличие от людей среднего и старшего воз-

Таблица 1

Распределение ценностей, наиболее значимых для респондентов

№	Ценность	Группа ценностей	Средние значения (максимальное значение – 7,0)
1	Здоровье	Традиции	4,814
2	Защита семьи	Традиции	4,787
3	Мир на Земле	Традиции	4,533
4	Национальная безопасность	Традиции	4,491
5	Благосостояние	Самодостаточность	4,349
6	Социальный порядок	Традиции	4,197
7	Настоящая дружба	Альтруизм	4,194
8	Свобода	Самодостаточность	4,132
9	Верность	Альтруизм	4,110
10	Самоуважение	Мастерство	4,092
11	Интеллект	Самодостаточность	4,068
12	Уважение родителей	Традиции	4,020
13	Независимость	Самодостаточность	4,007
14	Честность	Альтруизм	4,007
15	Смысл жизни	Самостоятельность	3,979

Таблица 2

Распределение ценностей, наименее значимых для респондентов

№	Ценность	Группа ценностей	Средние значения
1	Власть	Иерархия	2,334
2	Отвага с риском для жизни	Радикализм	2,683
3	Влияние	Иерархия	2,719
4	Благочестие	Духовность	2,845
5	Потакание себе	Гедонизм	2,874
6	Довольство своим местом в жизни	Аскетизм	2,977
7	Скромность	Аскетизм	3,004

раста (родившихся и воспитанных в советский период) предпочитает ценности социальной автономности, профессионального мастерства и равноправия. Старшее поколение отдает предпочтение ценностям социальной зависимости и духовности. Статистические различия значимы на $p < 0,01$ (Почебут, 2005, с. 242–245). Для настоящего периода ценность «национальная безопасность» является одной из наиболее значимых для русского народа, при этом ценность «отвага с риском для жизни» занимает одно из последних мест.

Кросс-культурные исследования мнения респондентов из Германии, Финляндии и Турции не выявили значимость такой ценности, как «национальная безопасность» (там же, с. 243). Результаты исследования свидетельствуют о том, что русские постоянно чувствовали угрозу своей национальной безопасности.

Общественное и правовое сознание

Люди создали сложные социально-психологические объединения – общества и этнокультурные общности. В процессе совместного бытия они выработали принципы, правила и нормы поведения. Осознание коллективным субъектом своего бытия формирует общественное сознание.

Ж. Ж. Руссо полагал, что члены общества должны принимать активное участие в создании общественного договора (Руссо, 2005). Они должны быть убеждены в том, что в системе права представлены интересы всех слоев населения, обеспечены их права и свободы. Народ будет повиноваться законам только в том случае, если он является их творцом.

По мнению И. Канта, благо государства основывается на праве. Несовершенное право приводит к разрушению государства и общества. Предназначение права состоит в том, чтобы обеспечивать не только свободу, но и вводить ограничения поведения для всех членов общества (Кант, 2021).

Г. Гегель в книге «Философия права» раскрыл психологическую и морально-этическую природу права и его роль в развитии общества (Гегель, 1990). Он подчеркивал важность взаимного уважения людей при строительстве государства. Динамика общественной психологии отражается на системе правовых отношений. Изменения общественных отношений приводят и к изменениям системы права и правового сознания. Правовые отношения динамичны и зависят от объектив-

ных условий жизнедеятельности. Правосознание субъективно, оно постоянно взаимодействует с другими формами общественного сознания – моральным, этническим, этическим.

Г. Гегель убедительно доказал взаимосвязь права с психикой человека, прежде всего с его волей, моралью и нравственностью. Он рассматривал право как результат духовной деятельности личности и отмечал, что, если в процессе законотворчества нарушается естественная взаимосвязь психики и права, то право искажается (там же).

Таким образом, правовое сознание представляет собой область общественного сознания, направленную на регуляцию поведения и деятельности людей в юридически значимых ситуациях.

События Февральской и Октябрьской революций 1917 г. внесли кардинальные изменения в жизненный уклад народа и изменили его общественное и правовое сознание. Сразу после Октябрьской революции были созданы военно-революционные комитеты (ВРК). Петроградский ВРК был провозглашен 25 октября 1917 г. высшим органом власти в России. Постепенно стало формироваться новое централизованное государство, были образованы Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и Совет народных комиссаров (СНК). Процесс централизации был прерван ожесточенной гражданской войной. Были образованы республики, независимые от центральной власти в Петрограде – Временное правительство Северной области, Сибирское правительство, Правительство Юга России и др. Тем не менее, многонациональный российский народ как единый коллективный субъект нашел в себе силы объединиться вновь и создать независимое государство. В годы гражданской войны началась военная интервенция западных стран, стремившихся полностью подчинить себе Россию и разделить ее на отдельные части. Правительство в Петрограде проводило политику, получившую название «военный коммунизм». Осуществлялась продовольственная развертка в целях предотвращения спекуляций и массового голода вводилась монополия государства на торговлю хлебом, была проведена национализация крупной, средней и мелкой промышленности, введена всеобщая трудовая повинность (см.: История государства и права России, 2012).

Серьезные изменения произошли и в общественном сознании. II Всероссийский съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов, проходивший в октябре 1917 г., принял два важных декрета – «О мире» и «О земле». Эти декреты отвечали базовым потребностям народа. Члены коллективного субъекта активно включились в деятельность

по защите своей Родины и в строительство нового правового государства. На III Всероссийском съезде Советов были приняты декреты об образовании Красной Армии и рабочей милиции. Была проведена реформа судебной системы, принят декрет «О суде», суды получили новые названия – народный суд, пролетарский суд, революционный суд, утверждались рабочие и крестьянские трибуналы. Во время революционных событий и гражданской войны активно формировалось так называемое «революционное сознание». Постепенно на смену ему приходит правовое сознание общества. В юридической психологии убедительно доказано, что только непосредственное участие человека в правоприменительной деятельности формирует у него зрелое правовое сознание. Члены коллективного субъекта стали активными участниками и проводниками новых правовых постановлений. Прежде всего, изменения коснулись уголовного права. Были созданы революционные трибуналы, отменена смертная казнь, которая не применялась до июня 1918 г.

В 1918 г. была образована Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). V Всероссийский съезд Советов принял ее Конституцию, в которой провозглашалась диктатура пролетариата. Изучая общественное сознание, философы традиционно выделяют два подраздела: общественную психологию и идеологию. Разработка и внедрение в сознание масс единой классовой идеологии (марксизма-ленинизма) в дальнейшем способствовало развитию и укреплению гражданской идентичности, которая проявлялась в трудовом и воинском героизме.

Образование СССР в 1922 г. в составе РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР консолидировало коллективного субъекта. В дальнейшем в состав СССР добровольно вошли Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Казахстан и Киргизия. В 1936 г. была принята вторая Конституция СССР, закреплявшая факт существования СССР и победы социализма. В Конституции прописывалась выборность народных заседателей во все органы государственной власти, в том числе и в народные суды. В 1977 г. была принята третья Конституция СССР, провозглашавшая общество развитого социализма.

В 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, принявший постановление о преодолении культа личности И. Сталина. Эти события свидетельствовали о том, что в партийной элите начались разногласия, конфликты и раскол.

В социологии много внимания уделяется проблеме взаимоотношения элиты и массы. П. А. Сорокин основной причиной русской революции называл вырождение элиты общества. Формированию компетентной, ответственной правящей элиты способствует вертикальная мобильность, т. е. формирование элиты из числа социально ответственных, работоспособных, профессионально подготовленных людей, что приводит к процветанию всего общества. Талантливых, мобильных людей, способных из массы перейти в элиту, П. А. Сорокин называл «головастиками». Компетентная, открытая и сильная элита не создает барьеров для проникновения в свои ряды «головастиков». Когда же элита проявляет некомпетентность, все свои силы она тратит на возведение многочисленных преград для проникновения в ее ряды способных и активных людей (Сорокин, 1992). На пути вертикальной мобильности социальные институты устанавливают фильтры. Эти фильтры могут быть неадекватными или засоренными (блатом, телефонным правом, коррупцией и пр.). В этом случае поступательное и прогрессивное развитие общества затормаживается.

Как динамическое единство элиты и массы рассматривал общество Х. Ортега-и-Гассет. Элитой он называл людей особого достоинства. Элита — это подвижники, те, кто строг и требователен к самому себе, трудолюбив и обладает чувством долга перед другими людьми. В отличие от элиты, масса — это средний, заурядный человек. Принадлежность к массе или к элите — это сугубо психологический признак (Ортега-и-Гассет, 1998). Ученый делает вывод о том, что дихотомия «элита—масса» представляет собой норму жизни общества. Он формулирует закон: «В том обществе, где отсутствует влияющее на массы меньшинство и нет массы, готовой ему подчиняться, там общество либо отсутствует, либо находится на грани гибели» (Ортега-и-Гассет, 1994, с. 63).

Опишем *этапы деятельности элиты* как активного меньшинства при внедрении общественных инноваций:

1. Свержение существующих традиций (идеологии, религии, государственного строя и др.).
2. Обращение к чувствам большинства, к образам коллективного прошлого.
3. Воспоминание о примерах успешного разрешения социальных проблем в прошлом, переживание солидарности и чувства победы.

4. Доказательство силы своей идеи на примере своих деяний и искреннего служения обществу.
5. Укрепление доверия общества и привлечение его на сторону элиты как инновационного меньшинства.
6. Сплоченность и последовательность действий элиты при управлении государством.

Таким образом, социальные инновации проходят следующий *цикл*: сначала отказ от существующих правил и традиций, затем обращение к глубоким истокам прошлого и, наконец, предложение и внедрение инноваций и организация жизни общества на новых принципах.

Однако к началу 1980-х годов вера советских людей в правоту проводимой партийной элитой политики была существенно подорвана. От уверенности и надежд на построение светлого будущего люди отказались. На XXII съезде КПСС был провозглашен курс на окончательную победу коммунизма в СССР в 1980 г. Однако этого не случилось! Нереализуемые обещания и неоправданные надежды разрушили единство коллективного субъекта, общественное сознание фрагментировалось, а правовое сознание стало приобретать зачастую формы правового нигилизма. Примером нигилизма служит знаменитое «хлопковое дело», были возбуждены уголовные дела о серии экономических и коррупционных злоупотреблений в Узбекской ССР. К суду были привлечены 4,5 тыс. человек.

Формирование развитого общественного сознания, прежде всего правового и морально-этического, способствует стабильности и устойчивости развития общества. Общественное сознание формируется на основе социальных представлений, психологически цементирующих общество, усиливающих его солидарность.

Социальные представления

Третьим психологическим феноменом является система социальных представлений людей о своем обществе. Теорию социальных представлений в социологии и социальной психологии разрабатывали Э. Дюркгейм и С. Московичи. Э. Дюркгейм отмечал, что социальная жизнь состоит из представлений. Коллективные представления, по его мнению, являются основным элементом общественного сознания (Дюркгейм, 1995).

С. Московичи отмечал, что в обществе необходимы представления и ценности, придающие смысл существованию, консолидирующие людей, создающие общность. В социальных представлениях сосредоточена энергия общества. Они являются силой, преобразующей людей из пассивных членов сообщества в активных и организованных участников совместных действий. Если социальные представления разрушаются, то общество приходит в упадок (Московичи, 1995).

В начале 2000-х годов мы провели специальное исследование социальных представлений россиян о советском обществе. Было опрошено 615 человек русской национальности, проживающих в Санкт-Петербурге, Мурманске, Тольятти. В результате исследования определился следующий *портрет* нашего общества в советское время:

Коллективистическая ориентация (45,52% всех ответов). На основе этих представлений сформировались такие стереотипы поведения и черты личности, как гостеприимство, взаимопомощь, доброта, терпимость, доверчивость. Ориентация на коллективность является древней для русского народа. До XX в. коллектив – крестьянская община; мир понимался людьми как основа существования общества. На протяжении веков в России складывались и доминировали коллективный образ жизни и коллективная система труда (колхозы, артели, производственные коллективы).

Ориентация на духовные ценности (28,29%). Духовность народа противопоставлялась русскими философами ориентации на материальные ценности – деньги, богатство. На основе ориентации на духовность у населения России сформировались такие личностные черты и стереотипы, как альтруизм, широта души, совесть, мудрость и философское восприятие жизни.

Ориентация на справедливость (12,85%). Эта ориентация связана с моралью и отношением к праву. Русские чаще поступают в соответствии с субъективно понимаемой справедливостью, чем в соответствии с существующим в обществе правом и законом. Стереотипы поведения – формальное законопослушание и внешний конформизм.

Ориентация на лучшее будущее (10,24%). Возникают стереотипы – оптимизм, надежда на то, что все образуется, необязательность, бесхозяйственность, лень, непрактичность, но в то же время трудолюбие, выносливость, патриотизм.

Ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем (3,1%). Проявляются такие стереотипы поведения, как умение со-

браться и организоваться в экстремальной ситуации, трудовой героизм, жертвенность, привычка к авралу.

Социальные представления россиян о своем обществе и о себе многообразны. Психологический автопортрет противоречив, сочетаются противоположные представления и стереотипы, такие, как лень и трудолюбие, безответственность и умение проявить ответственность и героизм в экстремальной ситуации. Эти базовые представления определяли специфику общинного сознания, но в настоящее время они существенно изменились (Почебут, 2005, с. 207–208).

Выводы

Теоретическую основу исследования динамики общественной психологии в исторической ретроспективе составили *три основных феномена*: социальная психология коллективного субъекта, изменение общественного и правового сознания и социальные представления об обществе его членов.

Социально-психологическая *теория коллективного субъекта*, разработанная А. Л. Журавлевым, наиболее полно и адекватно отражает психологию общества. Исследование общества как коллективного субъекта является новой проблемой современной социальной психологии и способствует более глубокому пониманию исторических изменений в социуме. С позиции теории коллективного субъекта возможно подойти к принципиально новому пониманию психологии общества. *Основными признаками* коллективной субъектности, по мнению А. Л. Журавлева, являются: а) взаимосвязь и взаимозависимость членов общества; б) различные формы групповой активности; в) способность к саморефлексии.

Динамические характеристики коллективного субъекта (целенаправленность, мотивированность, целостность, структурированность, согласованность) позволяют рассмотреть социально-психологические особенности развития советского общества в анализируемый исторический период. Члены советского общества имели общие четкие цели (построение коммунизма), были мотивированы на совместную деятельность. Хозяйственные связи были интегрированы. Деятельность коллективных субъектов в области промышленного развития и образования была четко структурирована. Госплан жестко согласовывал работу каждого предприятия. Однако излишняя координация действий способствовала развитию бюрократии и росту чиновничьего аппарата.

Социально-психологические последствия деятельности бюрократических организаций отразились на взаимоотношениях руководителей и подчиненных. В эмпирическом исследовании нами был обнаружен *парадокс* — в организации от сотрудника требовалась профессиональная компетентность, однако его деятельность оценивалась по степени лояльности к руководству. Парадокс свидетельствовал о неоптимальных взаимоотношениях руководителей с сотрудниками на отечественных предприятиях.

Целенаправленность коллективного субъекта на построение светлого будущего способствовала росту *энтузиазма, трудового и воинского героизма* в 1930—1960 гг. В годы Великой Отечественной войны героизм проявился прежде всего в многочисленных воинских подвигах советского народа.

Исследование *системы ценностей* русского народа по известной шкале С. Шварца показало значимость традиционных ценностей, альтруизма, самодостаточности. События последнего времени показывают, насколько важны именно эти ценности для дальнейшего развития нашей страны.

Революционные события начала XX в. кардинально изменили жизненный уклад народа, его общественное и правовое сознание. Многонациональный российский народ проявил себя как единый коллективный субъект, отразив военную интервенцию западных стран и создав консолидированное независимое государство — Союз Советских Социалистических Республик. На *правовое сознание* народа оказали влияние два важных декрета: «О мире» и «О земле». Эти правовые нововведения отвечали насущным потребностям народа. Были проведены кардинальные правовые реформы — национализирована крупная, средняя и мелкая промышленность, введена всеобщая трудовая повинность, созданы Красная Армия и рабочая милиция, реформирована судебная система, постоянно совершенствовалась Конституция СССР.

В середине 1950-х годов наметился *раскол* в партийной элите, начались конфликты и разногласия. К началу 1980-х годов вера советских людей в правильность проводимой партийной элитой политики была окончательно подорвана, надежды на построение справедливого общества не сбылись. В правовом сознании граждан появились элементы правового нигилизма.

Социальные представления россиян о своем обществе характеризуют ядро общественного сознания. Социально-психологические исследования выявили наиболее *значимую триаду*: коллективность,

духовность, справедливость. В общественном сознании любого общества чаще всего сконцентрированы три наиболее важные идеи. Люди легко запоминают именно три идеи, которые служат ценностными ориентирами в реализации социальной деятельности. Идеи Великой французской революции «Свобода. Равенство. Братство» послужили стимулом развития всей европейской культуры. В противовес французскому свободомыслию в 1833 г. в период царствования Николая I министр Народного просвещения С. С. Уваров провозгласил триаду: «Самодержавие. Православие. Народность». Эта триада была воспринята народом России и проникла глубоко в его общественное сознание. В настоящее время необходимо разрабатывать новую идеологию, отвечающую социальным потребностям и самосознанию всего многонационального российского народа.

Литература

- Бригадная форма организации труда в разных видах трудовых коллективов (социально-психологические особенности) / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1989.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта деятельности в психологической науке // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 6. С. 3–12.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* Нравственные ориентиры современной российской интеллигенции // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2017а. С. 236–238.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* Проблемы соотношения феноменов и понятий «нравственная элита» и «интеллигенция» в современной России // Фундаментальные и прикладные исследования в современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017б. С. 691–698.
- Гегель Г.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 133–151.

- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116–162.
- Историческая психология: предмет, структура и методы / Под общ. ред. А. А. Королева. М.: МосГУ, 2004.
- История государства и права России. Учебник / Под ред. Ю. П. Титова. М.: Проспект, 2012.
- Кант И.* Критика практического разума. М.: Азбука, 2021.
- Королев А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* История и психология: немолчаливый диалог: Учебное пособие. М.: МосГУ, 2011.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Моисеев Н. Н.* Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления: 1917–1993. Вехи 2000. Заметки о русской интеллигенции кануна нового века / Сост. А. Л. Самсонов. М.: Литрес, 2017.
- Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Основные подходы к исследованию групповой рефлексивности в социальной и организационной психологии // Экономическая психология: прошлое настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2011. С. 17–19.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Групповая рефлексивность // Разработка понятий в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. Т. 2. С. 400–418.
- Ортега-и-Гассет Х.* Этюды об Испании. Киев, 1994.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Психология масс / Сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 1998.
- Основы марксистско-ленинской социологии. М.: Прогресс, 1980.
- Почебут Л. Г.* Социология: общество сегодня и завтра. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.
- Почебут Л. Г.* Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А.* Индустриальная социальная психология. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М., 2007.

- Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002.
- Рубинштейн С. Л.* Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. №4. С. 101–109.
- Руссо Ж. Ж.* Pro et Contra. СПб.: РХГА, 2005.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987.
- Социально-психологические проблемы производственного коллектива / Отв. ред. Е. В. Шорохова, Е. С. Кузьмин и др. М.: Наука, 1983.
- Социально-психологические резервы повышения эффективности деятельности трудового коллектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии АН СССР, 1989.
- Социально-психологические факторы эффективности деятельности бригад / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии АН СССР, 1987.
- Социология сегодня: проблемы и перспективы / Пер. с англ. Под ред. Р. Мертона, Л. Брума, Л. Котрелла. М., 1965.
- Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Человек и его работа. Социологическое исследование / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М.: Мысль, 1967.
- Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R.* Cross-Cultural Psychology. Cambridge: University Press, 2002.
- Toffler O.* Future Shock. N. Y., 1970.
- Toffler O.* The Third Wave. N. Y., 1980.

Советский социалистический коллектив, национальный характер и аффективно-ценностная поляризация российского общества¹

А. Н. Лебедев

Введение

Для создания технологически мощного и экономически эффективного государства с рыночной экономикой — этим занимается Россия последние четверть века, необходимо учитывать исторический опыт. Таким опытом могут быть прежде всего дореволюционная Россия и СССР. Однако если дореволюционная Россия сформировалась эволюционным путем, то после революции 1917 г. появился новый, до этого ранее нигде не встречавшийся государственный строй, который развивался на основе жесткой системы политического и хозяйственного управления («диктатура пролетариата») под руководством одной правящей партии, постоянно воюющей с идеологическими врагами, плановой экономикой и малограмотным населением, большинство которого занималось сельским хозяйством. По сути дела, речь шла о создании новой нации, которую через несколько десятилетий назвали советским народом (Советский народ, 1976).

Учитывая ценностно-аффективную поляризацию современного российского общества, для обеспечения его стабильности чрезвычайно важным становится вопрос национального единства, а в психологии чрезвычайно актуальной — проблема ценностной совместимости людей разных национальностей (Лебедев, 2022).

В Интернете есть притча о профессоре экономики из Техасского технологического университета, который якобы никогда не заваливал студентов на экзаменах, но однажды завалил целую группу. Причем сделал он это при непосредственном участии самих студентов. На одном из семинаров группа оказалась слишком активной и пыталась до-

¹ Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2024-0005.

казать профессору, что социализм «работает» и побеждает. Поэтому скоро никто не будет ни богатым, ни бедным, отчего в мире, по мнению студентов, и возникают противоречия между людьми, зависть и войны между странами. Студенты утверждали, что равенство — эта высшая общественная ценность.

Тогда профессор предложил провести в классе эксперимент на предмет возможности и пользы социализма. Он заявил, что теперь все оценки будут усредняться и никто не получит ни самой плохой, ни наивысшей оценки. После этого на очередной контрольной независимо от качества выполненной работы он поставил всем студентам группы одинаковую оценку «хорошо». Студенты, которые учились усердно, были расстроены, а которые плохо — счастливы. Ко времени новой контрольной те, кто учился плохо, занимались еще меньше, так как были уверены в «завтрашнем дне», а те, кто учились упорно, решили, что прикладывать силы к учебе теперь не имеет особого смысла. Вторая контрольная дала среднюю оценку — «удовлетворительно», и поэтому никто уже не радовался. На третьей контрольной в среднем получился «неуд». Более того, в группе начались взаимные упреки, ругань и ссоры, так как никто не хотел учиться за других, чтобы повысить среднюю оценку группы.

Эту же идею, но уже в художественной форме представил в своем знаменитом фильме «Репетиция оркестра» итальянский кинорежиссер Ф. Феллини. По сюжету во время репетиции симфонического оркестра после трех неудачных попыток сыграть сложное произведение на сцену поднимается представитель профсоюза музыкантов и заявляет, что оркестр играть отказывается, так как большее количество репетиций теперь запрещено профсоюзом. Дирижер возмущается, а потом кричит, что в искусстве принципы социализма не работают и репетировать нужно столько раз, сколько потребуются для настоящего музыкального шедевра — иначе получится халтура. Таким образом, зритель фильма должен был сделать вывод: в обществе всеобщего равенства и без противоречий жить комфортнее, но развивается такое общество хуже, чем то, где они есть.

Капитализм, коммунизм и социалистический коллектив в бесклассовом обществе

Существует вполне обоснованное представление о том, что древние семьи биологического вида *Homo sapiens* объединялись в относительно

но небольшие социальные группы потому, что так было легче трудиться, охотиться на диких животных и выживать в борьбе с врагами. Постепенно, по мере развития функции речи, многочисленных языков и понятийного абстрактного мышления, начали формироваться огромные по численности племена, а потом уже и народы.

По мнению Ю. Н. Харари, участие в таких объединениях было осознанным и добровольным и стало возможным потому, что сапиенсы обладали способностью верить в то, чего не существует на самом деле. Это религии, мифы, вера в величие и непогрешимость собственного народа, установленной над ним власти и пр. (Харари, 2021). В то же время историки приводят многочисленные факты о том, что формирование народов и наций происходило в условиях постоянных войн, агрессии и взаимной неприязни людей разных национальностей друг к другу. И здесь нет противоречия, поскольку, чтобы с кем-то бороться и воевать, нужно во что-то верить.

В соответствии с марксистской теорией предпосылкой для эксплуатации человека человеком является относительно высокий уровень развития общества, когда люди получают возможность производить продукты для удовлетворения не только необходимых для жизни потребностей, но и излишних. По теории К. Маркса, излишки труда (прибавочный продукт) присваиваются собственником средств производства, который организует производство для трудоустройства используемых им работников. Однако эксплуатация человека человеком в форме принуждения, по-видимому, существовала всегда, даже когда не было развитой экономики, но уже возникли крупные социальные объединения представителей вида *Homo sapiens*. При капитализме она лишь приняла некие глобальные «цивилизованные формы».

Марксисты полагают, что при первобытнообщинном строе в условиях натурального хозяйства эксплуатации людьми друг друга практически не было. Поэтому вполне возможно создать такие сообщества при коммунизме, где люди будут сосуществовать без противоречий и конфликтов, где они будут равноправными, а значит, счастливыми. Для этого нужно лишь изменить мир соответствующим образом. Однако вопрос о том, можно ли изменить природу человека для жизни в новом идеальном мире, в марксистской науке никогда не был актуальным. Считалось, что если личность — это продукт общественных отношений, то ее можно формировать такой, какая нужна для «всеобщего счастья». Поэтому советская психология личности, в основу которой был положен принцип детерминизма, всегда исходила из гу-

манистических представлений о личности, об изначально позитивной природе трудящегося человека, которому мешает развить свои природные данные ненавистный рабочему классу капитализм.

В советских школьных учебниках истории племена древних кроманьонцев представляли собой некую идиллию. На картинках красивые бородатые мужчины в медвежьих шкурах охотились, а женщины хранили очаг и воспитывали детей. Однако, как отмечает антрополог С. В. Дробышевский, сапиенсы, как и другие представители вида *homo*, никогда не были идеальными существами. Современная антропология и археология не исключают в истории не только жестоких межобщинных войн, но и фактов внутриобщинного принуждения, эксплуатации примитивного труда слабых особей более сильными и даже их физического уничтожения с целью каннибализма (Богданов, 1999). Однако советским людям так хотелось верить в светлое будущее, что они принимали идеологию за достоверные научные открытия.

Если основы современной социальной психологии малых групп, где накоплены результаты тысяч исследований, применить хотя бы в виде мысленного эксперимента к анализу быта древних племен, то можно утверждать, что никогда в истории человечества не было и быть не могло идеальных для жизни условий, т. е. всегда были лидеры, которые получали лучший кусок мяса, лучших женщин, более комфортные условия для жизни, всегда был конформизм и принуждение. Представлять себе первобытнообщинный строй или, например, патриархальную деревню средневековья как некие идеальные сообщества нет никаких научных оснований.

Как только у *Homo sapiens* появилась возможность численно выйти за пределы небольшой биологической семьи, начали складываться хорошо сплоченные группы меньшинства, которые эксплуатировали себе подробных как внутри собственного сообщества, так и тех, с кем они враждовали. К сожалению, политическая история человечества — это история борьбы за выживание, войн и эксплуатации людьми друг друга — более сильными более слабыми. Противостояние неандертальцев и сапиенсов закончилось в пользу последних только потому, что они лучше справлялись с этой задачей. Их методы были эффективнее.

Все разговоры о врожденной добросердечности древних *Homo sapiens* и их бескорыстной помощи друг другу в ущерб собственному благополучию с опорой на результаты многочисленных экспериментов современной социальной психологии малых групп и межличностных

отношений можно признать социально одобряемым мифом. Люди враждовали и воевали всегда. Инстинктивная биологическая любовь родителей к детям является единственным примером бескорыстной любви, но она распространяется преимущественно на собственную семью и очень ограниченно на детей из других племен, родов, рас и биологических видов.

Необходимость сосуществовать в условиях дефицита пищи и постоянных набегов врагов заставляла древних людей объединяться в большие социальные группы, устанавливать жесткую иерархию власти, которую они могли наблюдать у животных, создавать религиозные культы и обряды, например жертвоприношение, подчинять слабых и подчиняться более сильным, выделять из своей среды привилегированных лидеров, поддерживать и награждать покорных и трудолюбивых, жестоко наказывать провинившихся. Иначе говоря, основу жизни человечества в древнем обществе составляло лишь одно наиболее важное качество социального объединения — дисциплина.

Современная мораль и гуманистические идеи в обществе появляются, лишь когда складываются монотеистические религии и жертвоприношение становится символическим актом, но и в этом случае мораль вовсе не является бескорыстной. Она лишь в некоторой мере стабилизирует общество и охраняет его от постоянно раздирающих противоречий. Если бы в мире *Homo sapiens* было иначе, то на планете давно уже не было ни войн, ни страшного бесчеловечного оружия, которое в этих войнах применяется, ни эксплуатации человека человеком. Как считает психолог С. Н. Ениколопов, агрессия присуща *Homo sapiens* изначально, и она в обществе сдерживается властью, законами и моралью (Ениколопов, 2006).

Объединение людей в очень большие социальные группы, в отличие от организации небольших групп, требует установления порядка. Чаще всего оно не бывает добровольным, поскольку в этих группах, как опять же убедительно показала социальная психология XX в., всегда есть борьба за власть между группами поляризованного меньшинства, в которой побеждают либо самые сильные и настойчивые, либо самые хитрые (Лебедев, Гордякова, 2019; Moscovici, Zavalloni, 1969). Однако этому исследователи часто не придают значения, полагая, что только преданность сообществу и добровольный коллективный труд позволяли древним людям выживать и побеждать многочисленных соперников.

Возможно, если бы теоретики К. Маркс и Ф. Энгельс по-настоящему интересовались жизнью простых людей, они бы вряд ли додумались до идеи коммунизма во всем мире, а В. Ленин, если бы не пуля Ф. Каплан, превратил бы новую экономическую политику (НЭП) в политику перспективного развития страны. В этом случае Россия, возможно, напоминала бы сегодня современную КНР, где рыночные отношения и государственный капитализм причудливо, но в целом эффективно сочетаются с активной деятельностью коммунистической партии Китая. По крайней мере, так было до недавнего времени.

По мнению Н. Талеба, автора ставшей сегодня популярной теории «черных лебедей», жизнь непредсказуема, поэтому прогнозировать будущее стран на основе стандартных экономических моделей — дело неблагодарное (Талеб, 2022). Здесь можно добавить, что во многом она непредсказуема потому, что непредсказуемы сами люди, так как они вариативны и в биологическом, и в социокультурном, а также в этническом плане. Поэтому выживание представителей биологического вида *Homo sapiens* в истории человечества происходило не только за счет добровольного объединения в коллективы взаимопомощи, но также и за счет подчинения более слабых более сильным, внутригрупповой эксплуатации и даже уничтожения имеющими власть тех, кто может составлять для них конкуренцию или не желает подчиняться. С точки зрения теории естественного отбора для выживания совсем не важно, кто выживет: добрый и порядочный или злой и подлый. Всё зависит от конкретной ситуации, в которой одни особи погибают, а другие остаются жить и производят потомство. Тем не менее, человечеству приятнее мысль о том, что добро всегда побеждает зло, хотя в реальности, например, в малых социальных группах, может быть и наоборот.

Есть нечто общее у всех людей, живущих на Земле, — это значимость материальных условий для их комфортного существования. Непрерывная борьба «за идею», пусть даже очень правильную и привлекательную для огромных по численности и этнически разнообразных «народных масс», на уровне большой страны длительное время эффективно осуществляться не может. Рано или поздно граждане потребуют экономического благополучия.

Марксисты считали, что с построением коммунизма всякий труд на благо общества станет не только обязанностью, но и осознанной первой жизненной потребностью. Как писал В. И. Ленин, «коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный

труд на пользу общества... труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый... без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма» (Философский словарь, 1963, с. 482).

В теоретических трудах К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Ленин пытались доказать, что исторический процесс, т. е. процесс развития общества, детерминирован и определяется некими объективными «законами развития». А это означает, что после капитализма, в соответствии с их теорией, неизбежно наступит стадия коммунизма, когда, как писал К. Маркс, начнется истинная история человечества (Маркс, Энгельс, 2020).

Тот факт, что развитие общества идет от первобытнообщинного строя через рабовладение и феодализм к капитализму, у большинства ученых, специалистов в области социальных наук, сегодня возражений не вызывает. Однако переход от капитализма к коммунизму через насильственную ликвидацию «классового» общества и стадию социализма, о которых раньше говорили марксисты, оказался, как показал опыт революционных движений XX в., явлением весьма неоднозначным.

Учитывая, что во времена К. Маркса и Ф. Энгельса не было тех проблем, с которыми человечество сталкивается сегодня, а также учитывая развитие науки и технологий, о неизбежности коммунизма можно поспорить с современными сторонниками марксистско-ленинской теории. Ведь когда К. Маркс писал свой «Капитал», уровень научно-технического прогресса ограничивался паровой машиной и примитивными электрическими устройствами. Не было ни полетов в космос, ни баллистических ракет, ни трансконтинентальной авиации. Не было компьютеров, интернета, ядерного оружия, экологических катастроф, криптовалюты, искусственного интеллекта, а о глобализме в мировой экономике могли что-то сказать разве только писатели-фантасты. Поэтому вполне возможно, что теория конвергенции, о которой в свое время говорил академик А. Д. Сахаров, окажется приемлемой (Сахаров, 1968). Однако такой теории пока нет, и желающих заниматься ее разработкой тоже не наблюдается.

По своей природе люди очень разные, и одним из основных факторов, определяющих их различия, является именно этнокультурная специфика, т. е. то, что в научной литературе часто называют национальным характером (Касьянова, 1994; Моисеева, 2012).

Как известно, ни К. Маркс, ни В. И. Ленин никогда не занимались физическим трудом и вряд ли могли по-настоящему понять психологию рабочего человека и рабочего класса в целом, который называли и считали самым революционным и самым передовым для своего времени. Они и представить себе не могли, что приблизительно равное распределение материальных ценностей, сначала «по труду», а потом «по потребности» и массовое трудовое воспитание людей в коммунах не сделают их бескорыстными и высококультурными, не добавят им ответственности перед будущими поколениями. Оказалось, что, получив власть и уничтожив «классовых конкурентов» из буржуазной интеллигенции, рабочие и крестьяне, а также их дети и внуки стали тем социальным слоем, который создал новую, уже социалистическую форму государственной бюрократии, а она начала определять, как именно гражданину страны советов следует жить, думать и к чему стремиться.

Ход истории предсказать невозможно, а сама история, как это ни банально звучит, действительно не предполагает сослагательного наклонения (Талеб, 2022). Тем не менее, учитывая опыт Кубы, Камбоджи, Северной Кореи и ряда других стран, с большой вероятностью можно утверждать, что сталинизм в СССР был вполне закономерным явлением. Похоже, что авторитарное или даже тоталитарное общество — это будущее любой страны, где население в целом или хотя бы частично лишено возможности заниматься предпринимательством, обладать частной собственностью на средства производства и безнаказанно публично критиковать власть за ее ошибки.

Так специалисты в области изучения современных коммунистических государств свидетельствуют о том, что жизнь людей с коммунистической идеологией вряд ли можно признать идеальной. Информация об этих странах часто оказывается противоречивой и неполной. Однако по некоторым вопросам журналисты, представляющие очень разные по политической принадлежности СМИ, имеют сходные мнения. В частности, отмечают значительную разницу в уровне жизни и свободах между обычными гражданами и принадлежащими к высшему уровню партийной номенклатуры.

Как отмечает историк А. Абрамов, жизнь в КНДР напоминает Советский Союз. Политические лозунги в КНДР размещаются по всей стране на плакатах, которые устанавливаются даже в полях, в граните, на склонах гор. Много мозаичных, живописных, скульптурных портретов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. К ним граждане страны относят-

ся, как к иконам: при посещении памятников обязательны поясные поклоны. По городам часто ездят агитационные машины, из которых диктор зачитывает актуальные для страны лозунги. Идеологическая обработка проводится непрерывно.

Отмечают, что в Северной Корее запрещены любые митинги — наказание вплоть до смертной казни. Если же заключенный умирает в тюрьме раньше срока, то досиживать будет один из его родственников. Путешествия за границу запрещены. Звонить за границу запрещено. Если человек решится убежать из страны, то всю его семью расстреляют. Интернет запрещен. Религии и все, что с ними связано, также запрещены. Разрешены исключительно 18 женских и 15 мужских причесок, образцы висят в парикмахерских. Запрещены любые татуировки и пирсинг. Синие джинсы носить запрещено, можно носить только черные. Запрещены шорты и мини-юбки, за модой следит специальная полиция.

Слушать можно только отечественную патриотическую музыку. С 2007 г. в стране введен полный запрет на курение.

Рабочая неделя в КНДР — шесть дней по восемь с половиной часов. Человек не может свободно выбирать себе профессию, т. е. он должен работать тем, кем работают его родители.

При этом партийная элита в Северной Корее позволяет себе слишком много (Знарок описал повседневную жизнь Северной Кореи..., 2022).

По меткому выражению советского психолога П. Е. Ельчанинова, социализм — это всегда очередь и привилегия (Ельчанинов, 2006). Исследование нарушений прав человека в Северной Корее, проведенное в 2014 г. Организацией Объединенных Наций, показало, что «серьезность, масштаб и характер этих нарушений свидетельствуют о государстве, не имеющем аналогов в современном мире» (Права человека в Северной Корее, электронный ресурс).

С другой стороны, нет смысла спорить, что капитализм жестоко эксплуатирует людей во многих неразвитых странах, так как кучка богачей действительно управляет, если не всей мировой экономикой, то многими ее отраслями. И даже то, что в демократических странах аппетиты капиталистов ограничиваются и регулируются деятельностью общественных организаций, независимых СМИ и судебных органов, не защищает людей от безработицы, войн, возможной нищеты и произвола властей. Более того, демократия, порождая новые для теории научного коммунизма феномены, например, так называ-

емый «шведский социализм», автоматически не обеспечивает гражданам равенства, например, возможность перейти из бедных слоев общества в самые обеспеченные. Это скорее исключение, чем правило. И если обратить внимание на тот факт, что в стране с развитой демократией, какой являются, например, США, целые города (например, Филадельфия) страдают от плохо контролируемой продажи оружия населению и вызванной этим преступности, а также повальной наркомании, то решение вопроса о преимуществах капитализма над социализмом становится неоднозначным. Похоже, что правы были древние мыслители, когда восклицали: «Veritas in medio est!», — что означает: «Истина находится посредине!»

В любом случае идеи бесклассового общества, рабочего интернационала, мировой революции и коммунизма во всем мире сегодня уже не являются такими популярными, как это было совсем недавно, в частности, во второй половине XIX в., когда К. Маркс и Ф. Энгельс написали: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Провозглашая приоритет материалистического, по сути материального, над идеалистическим, марксисты, тем не менее, почему-то решили, что люди могут интенсивно работать «за идею» и не только временно в процессе осуществления мировой революции, но и постоянно, т. е. в условиях коммунистического общества. Однако противоречий в марксистской теории можно найти предостаточно, хотя сегодня такой подсчет уже не имеет никакого смысла и вряд ли кто-то будет этим серьезно заниматься.

По мнению многих современных мыслителей, теория научного коммунизма и марксизм-ленинизм в целом оказались несостоятельными по той причине, что коммунисты недооценили законы мышления и поведения людей, хотя во второй половине XIX в., когда это учение с огромной скоростью набирало популярность, психология была уже весьма развитой и привлекательной для революционной интеллигенции наукой.

Нация, национальность и национальный характер

Одна из проблем, с которой приходится сталкиваться при анализе литературы по темам психологии наций, национальностей и национального характера, — это понятийный аппарат. Чаще всего нацией называют общность людей, которая близка понятию государства. Она может состоять из различных народностей и этносов. Нация —

это общность людей по политическим признакам, т. е. их принадлежность к определенному государству. Считается, что нация эквивалентна «народу». В свою очередь, понятие национальности в многонациональном государстве характеризует лишь часть нации. Национальность обозначает культурно-этническую группу, которая может иметь общую культуру, язык, историю и др. Здесь неизбежно возникает вопрос: понятие национального характера должно относиться к национальности, нации или его можно использовать в обоих случаях?

В России, по данным переписи населения 2002 г., около 85%, а по данным переписи 2010 г. – 80,9%, граждан страны назвали себя русскими. Однако при этом слова «русская нация» в сознании граждан многонациональной страны вызывают некий дискомфорт и чаще всего ассоциируются с термином «национальность», а не с тем, что ученые называют нацией. Вспомним также, что И. В. Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос» определяет нацию как «исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада» (Сталин, 1949, с. 296–297). В зарубежной литературе данные понятия трактуются по-разному. Так, Б. Андерсон определяет нацию как «воображаемое сообщество», а П. Джеймс называет ее «абстрактным сообществом», хотя каждый человек, формально относящийся к определенной нации, чаще всего и субъективно воспринимает себя как ее составную часть (Андерсон, 2001; James, 1996).

Термин «национальный характер» первоначально употреблялся как сугубо описательный. Впервые его использовали путешественники и этнографы для обозначения особенностей образа жизни представителей разных национальностей. При этом авторы, употребляли его часто по отношению к совершенно разным и даже несопоставимым характеристикам людей. Значительную роль в изучении феноменов, относимых к понятию национального характера, сыграли исследования в области социальной и культурной антропологии (Боас, 2002; Мид, 1988; Фрезер, 1980; Benedict, 1934; Boas, 1962; Inkeles, Levinson, 1969; Mead, 1953). Однако до сих пор, по мнению многих современных авторов, не совсем ясно, что именно следует обозначать данным термином.

Искать наиболее точное определение понятия национального характера – крайне неблагодарное дело. Для такого утверждения есть ряд причин. Во-первых, разнообразие определений любых сложных

научных понятий, например, таких, как мотив, установка, сознание, культура, и аналогичных в социальных науках в целом и в психологии в частности измеряется сотнями, поскольку все они привязаны к каким-либо теориям, концепциям или философским учениям и не могут употребляться в отрыве от них. Во-вторых, до сих пор, как было сказано выше, в литературе обнаруживаются разногласия и споры о том, действительно ли данный феномен существует и не является ли это понятие неким теоретическим или социальным конструктом? По вопросу методов и подходов к изучению данного феномена также существуют разные мнения.

Если с позиции примордиализма национальный характер имеет чуть ли не генетические корни, то с позиции конструктивизма и инструментализма он полностью поддается воспитанию, целенаправленному изменению, т. е. целиком формируется в процессе социализации. Так, например, в докторской диссертации философ Н. А. Моисеева пишет, что примордиалистский подход, положенный в основу ее исследования, оказывается востребованным в силу «связи с онтологией социального бытия и является вполне обоснованным» (Моисеева, 2012, с. 4). Очевидно, что примордиальные взгляды сохраняют популярность в обыденной жизни и в политике.

В любом случае под национальным характером понимают некие устойчивые характеристики людей, которые можно обнаружить у членов того или иного национального (этнического) сообщества. При этом некоторые исследователи, как, например, Г. М. Андреева, обращают внимание на отсутствие эмпирических корреляций между шкалами, разработанными для изучения и описания национального характера и традиционно измеряемыми личностными характеристиками людей, относящимися к той или иной нации (Андреева, 2001).

Результаты многочисленных эмпирических исследований национального характера на практике могут оказаться бесполезными, если их рассматривать в качестве единственного из возможных подходов к описанию людей определенной национальности в силу их противоречивости и неполноты. Иногда национальный характер выводят из усредненного эмпирического описания в соответствии с численностью того или иного этноса. Для решения этой проблемы рядом исследователей было предложено понятие модальной личности. Как пишет К. О. Касьянова, «модальной личностью называется тип, к которому относится наибольшее число членов данного общества, а национальный характер определяется частотой обнаружения опре-

деленных типов личности в данном обществе; устойчивый, повторяющийся набор черт личности» (Касьянова, 1994, с. 26).

Предполагается, что все люди определенной национальности имеют некие общие признаки, но отличаются по тем же признакам от людей другой национальности, поэтому «модальная личность» — это понятие, которое отражает характеристики национального характера с позиции базовой структуры личности, т. е. системы установок, ценностей и верований, совпадающих у значительной части общества. Правда, сегодня ответ на вопрос о том, чем именно различаются понятия национального характера и модальной личности, неочевиден (Dubois, 1944; Inkeles, Levinson, 1969).

В любом случае исследователям приходится сопоставлять совокупность объективных факторов и субъективных оценок. При этом также не совсем понятно, можно ли вообще использовать субъективные оценки национального характера, в частности, те, которые представители этноса дают своему народу и другим этносам. Вполне может оказаться, что и те, и другие характеристики окажутся недостоверными, так как и самооценки, и субъективные оценки со стороны, полученные в определенный исторический период, могут отражать данный феномен крайне односторонне, а в экстремальных условиях, например, в условиях войны, тенденциозно и недостоверно. Возьмем для примера постоянно воюющие этносы: евреев и арабов, армян и азербайджанцев и др. Их взаимные оценки существенно различаются в силу целого ряда механизмов, изученных социальной психологией и представленных в терминах теории групповой идентичности, «ингруппового фаворитизма», когнитивных барьеров коммуникации и др. (Андреева, 2001).

Если характеристики национального характера представляют людей какой-либо национальности с положительной стороны, это в большинстве случаев приветствуется, однако описание негативных характеристик даже в научной литературе с ограниченным доступом часто вызывает негативные реакции со стороны как самих ученых, так и широкой общественности, которой они становятся известны. Поэтому здесь часто приходится соблюдать политкорректность.

Если конфликты между людьми разных национальностей и живущими в разных странах обычно решаются военными или дипломатическими средствами, то их возникновение внутри государств представляет собой проблему, которая требует длительной и кропотливой работы, поскольку их особенностью является скрытое течение и пе-

реход в опасное латентное состояние. В этом случае следует говорить о ценностно-аффективной поляризации общества по этническому типу (Лебедев, 2022, 2023). Такая поляризация сегодня легко обнаруживается, например, в странах Европы, где политика правительств в отношении мигрантов приводит к печальным последствиям для коренного населения.

В результате исследования национального характера вряд ли можно сегодня в полной мере считать объективными, и тем более делать прогнозы в отношении поведения людей определенной национальности в экстремальных или нестандартных ситуациях. Возможно поэтому в работе «Существенные характеристики русской нации в XX веке» социолог П. А. Сорокин настаивал на требовании интегрального рассмотрения и целостного подхода в исследованиях, посвященных национальному характеру (Сорокин, 1990). И если вспомнить перепечатку лекции И. П. Павлова, где он говорит о «слабости мозговой деятельности русского человека», то становится очевидным, что субъективные и тем более крайне эмоциональные оценки любого национального характера, особенно основанные на малых выборках (известная ошибка репрезентативности), часто оказываются слишком поверхностными и не всегда достоверными.

Некоторые авторы полагают, что самооценки в силу когнитивных искажений здесь не работают совсем. Например, когда сегодня русские и украинцы говорят о своем национальном характере, они приводят в пример только хорошее, для приличия указывая лишь некие «отдельные недостатки», и эти представления могут работать, например, в экстремальных ситуациях на поле боя. Однако вряд ли можно считать такие описания обоснованными.

Люди могут думать о себе, своих близких, о группе, с которой себя идентифицируют, хорошо, но на деле ведут себя отвратительно. И это не является какой-либо чертой национального характера. Это свойство любых представителей биологического вида *Homo sapiens*. При этом они могут даже не замечать того, что ведут себя плохо, оправдывая или вытесняя любую неприятную информацию, унижающую их достоинство. А вот те, кто скажут что-то плохое о собственном народе, чаще всего будут названы предателями и врагами. Люди любят, когда о них говорят хорошо, и ненавидят тех, кто говорит о них плохо, независимо от истинного положения дел.

Здесь тысячу раз прав З. Фрейд, когда объясняет, как именно личность защищает от фрустраций свое достоинство, свои чувства,

в частности, чувства стыда, гордости, вины и аналогичные (Фрейд, 2022). Негативные слова о нации многими людьми рассматриваются как личное оскорбление. С таким словами люди с бурным национальным темпераментом никогда не согласятся и даже наверняка заставят вас публично извиняться за дискредитацию их этноса в глазах общественности. Более того, они найдут множество примеров, опровергающих ваши аргументы или утверждения. Так, в 2023 г. представители цыганской диаспоры обратились к президенту В. В. Путину с просьбой запретить использовать в СМИ понятие «инфоцыгане», так как, по их мнению, такое определение жульничества по представлению образовательных услуг в Интернете унижает достоинство цыганского народа.

Таким образом, национальный характер какой-либо этнической общности — это, скорее всего, теоретический конструкт, который можно построить лишь по описанию наиболее активных представителей того или иного этноса (например, на основе понятия модальной личности). По-видимому, правы также и те, кто полагает, что национальный характер — это еще и социальный стереотип, который служит для поддержания национальной идентичности. Прежде всего это важно для многонациональных государств, где выделяется некая «основная», титульная нация, которая «объединяет» или старается объединить все остальные, что, например, происходит в современной России. Возможно также и отсутствие у нации общих национальных корней, как, например, это имеет место в США, где каждый человек независимо от своей этнической принадлежности просто имеет статус гражданина страны.

Русский национальный характер

Поскольку национальный характер — это исторически складывающаяся совокупность устойчивых психологических черт, определяющих мышление и поведение представителей определенной национальности или нации, то особый интерес представляет мнение исследователей о русском национальном характере, который чем-то отличается, а в чем-то очень похож на национальный характер китайца, корейца или украинца. И тут важно понять, в чем именно. Сегодня об этом говорят очень многие в связи с событиями, которые происходят на территории Украины. Причем говорят как сторонники специальной военной операции, так и ее ярые противники. Поэтому высказывания,

мнения и оценки здесь оказываются крайне поляризованными (Гордякова, 2023).

Следует обратить внимание на широко обсуждаемый в российских СМИ термин «русофобия». Его происхождение исследователи относят к середине XIX в., однако на данный момент те, кто его употребляют, не могут достоверно объяснить психологическую природу данного явления. Обычно феномен связывают с историей отношения стран Европы и Российской империи, а также с политикой СССР и современной внешней политикой России по отношению к странам Запада. На бытовом уровне отношение к россиянам, причем не только русской национальности, определяется несовпадением основных ценностей граждан России с ценностями граждан других стран. Многие идеологи объясняют природу «русофобии» неприемлемыми для «свободного мира» чертами национального характера россиян в целом и русских в частности.

Националисты и патриотически ориентированные ученые относят к чертам национального характера русских такие черты, как любовь к родине, самоотверженность, умение противостоять трудностям, отвага, жертвенность, а также широта души, стойкость, сострадание, смирение, стремление к справедливости, общинность, способность к подвигу, умение не сдаваться. Также в русском национальном характере традиционно выделяют такие черты, как духовность (стремление к поиску высшего смысла, предпочтение «неба» «земле»), эмоциональность, душевность. Среди отрицательных черт говорят о непредсказуемости, тенденции к крайностям («русский максимализм») и др.

По данным исследования, проведенного ВЦИОМ в 2020 г., более половины россиян (70%) считают, что некий особый «русский характер» существует. Чаще этого мнения придерживаются респонденты в возрасте 35–44 лет (78%). О том, что в характере русских людей больше различий и практически нет общих черт, сообщает каждый пятый – 22%. Чаще так считают 25–34-летние респонденты (33%) (Русский характер, 2020).

Выделяя положительные черты «русского характера», 32% называют доброту, душевность и эмпатию. Также к положительным чертам относят мужественность, упорство, стойкость, целеустремленность (23%), терпимость и безотказность (18%), взаимовыручку и товарищество (14%), патриотизм, гордость (13%), честность, искренность (11%), оптимизм (9%).

К негативным чертам респонденты отнесли надежду на «авось», лень, безынициативность, вялость (17%), всепрощение, покорность, терпеливость (8%), отсутствие единства, разобщенность и эгоизм (6%), жестокость, злобность, завистливость и агрессивность (6%).

Среди признающих существование «русского характера» 59% опрошенных считают, что положительных черт больше. Об этом говорят представители старшего поколения: 45–59 лет и старше 60 лет (по 67%), а также жители Северо-Западного (64%), Уральского (64%), Дальневосточного (64%) и Сибирского (63%) федеральных округов.

При опросах населения часто называются различные и довольно противоречивые характеристики, что можно объяснить ценностной поляризацией российского общества (Лебедев, 2019). Так, среди положительных качеств упоминают, например, широту души, стойкость, сострадание, духовность, стремление к справедливости, общинность, способность к подвигу, умение не сдаваться, трудолюбие, терпение, выносливость, взаимопомощь, щедрость, простодушие, смирение, жертвенность. При этом утверждается, что русским не свойственны такие черты, как высокомерие, заносчивость, лицемерие. Однако не критично доверять любому исследованию, проведенному в данном направлении, в силу несовершенства не только методов и методик, но и методологии подобных опросов в целом.

Нет особого смысла подчеркивать, что национальный вопрос был одним из приоритетных для советских идеологов, поскольку в такой многонациональной стране, как СССР, он считался крайне важными для обеспечения социальной стабильности и перспектив развития советского общества. И тут становится вполне очевидным, что успехи СССР, прежде всего коллективизация и индустриализация, стали возможны именно потому, что они опирались на сложившийся за всю историю существования российской империи национальных характер народов, проживающих на ее территории. Но очевидно также и то, что период советской власти еще в большей степени усилил коллективистическую идентичность населения и сделал ее чем-то вроде бессознательного архетипа.

Все это происходило вплоть до перестроечных времен, когда началось то, что сегодня мы называем ценностно-аффективной поляризацией российского общества (Лебедев, 2022, 2023). С приходом к власти М. С. Горбачева, а затем Б. Н. Ельцина, страна, по сути, разделилась на два непримиримых лагеря: придерживающихся старого коллективного (восточного) мышления и на тех, кто пытался пере-

строить мышление россиян на новое индивидуалистическое (западное). Возможно, именно поэтому страна переживает сегодня сложный период истории и находится в турбулентных условиях ценностной нестабильности, влияющей на психологическое состояние российского общества (Нестик, 2023; Нестик и др., 2021; Юревич, 2019).

Изучая жизнь россиян в царской России и систему управления страной, английский литератор, драматург, поэт, прозаик, переводчик и публицист, а также писатель-путешественник и военный корреспондент М. Бэринг, который много странствовал по территории страны и неоднократно эмоционально признавался в любви к ней, писал, что это страна, управляемая случаем, где все формы администрации произвольны и ненадежны; все формы деловой жизни громоздки и обременены канцелярской волокитой; взятка — необходимый прием в деловой и административной жизни.

Он с глубоким сожалением отмечал, что страна отягощена множеством чиновников, которые в общем ленивы, подкупны и некомпетентны; что в ней нет политической свободы, элементарных прав гражданина и даже программы концертов и все иностранные газеты и книги подвергаются цензуре. По его словам, свобода прессы в России стесняется мелкими придирками, а издатели постоянно штрафуются, иногда подвергаются аресту. Он также утверждал, что свобода совести в России стеснена; динамит — единственный политический аргумент, доступный частному лицу, а политическое убийство — единственная форма гражданского мужества. М. Бэринг пишет, что в России всякий действует, не принимая во внимание соседа: здесь можно делать все, что угодно, и нельзя критиковать ничего. Единственный способ показать, что у вас есть мужество иметь свои убеждения, состоит в том, чтобы провести ряд лет в тюрьме.

По впечатлениям М. Бэринга, «Россия — страна крайностей, нравственной распущенности и экстравагантного потворства самому себе; народ без держания себя в руках и самодисциплины; это народ, все порицающий, все критикующий и никогда не действующий; народ, ревнивый ко всему и ко всем, кто поднимается выше среднего уровня; смотрящий с подозрением на всякую индивидуальную оригинальность и отличие; народ, находящийся в рабстве у застывшего уровня посредственности и стереотипных бюрократических форм; народ, имеющий все недостатки Востока и не имеющий ни одной из его суровых добродетелей, его достоинства и внутренней дисциплины; нация ни к чему не годных бунтовщиков под руководством

подлиз-чиновников; где стоящие у власти живут в постоянном страхе» (Baring, 1911, p. 53).

Высказав все это, М. Бэринг затем пишет: «Я люблю эту страну, с удивлением и уважением отношусь к этому народу, — потому что, — недостатки России — оборотная сторона ее положительных качеств, столь ценных, что они перевешивают недостатки» (Baring, 1914, p. 316). Здесь нечего добавить и можно лишь вспомнить знаменитые строчки из стихотворения «Родина» М. Ю. Лермонтова: «Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой».

Возможно, в описании негативных характеристик национально-го характера русских людей М. Бэрингом кто-то обязательно найдет аналогии с современной Россией или, наоборот, обвинит его в предвзятости, однако это лишь подтверждает, что мнения и оценки людей, основанные на их наблюдениях и личном опыте, не являются объективным критерием того, что связано с феноменом национального характера. Ведь бывало и так, что в какие-то периоды истории общество менялось и демонстрировало те качества, о которых никто и никогда раньше не догадывался.

Как отмечалось выше, исследования национального характера какого-либо этноса часто оказываются неглубокими, неполными и бесполезными для практики, так как исследователи, соблюдая политкорректность, не стремятся выделять и обсуждать отрицательные характеристики людей той или иной национальности. В то же время, как определить, что те или иные характеристики следует считать положительными или отрицательными? Что является достоверным критерием позитивных или негативных характеристик, если они устраивают людей данного сообщества и не мешают их этнической идентичности? Тем не менее проблема возникает, в частности, когда людям с очень разными характеристиками приходится взаимодействовать и объединяться с другими людьми в единую общность, причем не всегда добровольно.

Некоторые авторы в структуре национального характера выделяют несколько важных элементов. Например, это национальный темперамент. Он бывает «бурным», как у граждан кавказских республик, или «замедленным», как у граждан прибалтийских стран. Здесь же говорят о национальных эмоциях и чувствах, например, о чувстве национальной гордости. Интересно, что в советской армии в 1970-е годы выполнялся приказ военного руководства страны, разрешавший военнослужащим с Кавказа носить усы, что было категорически за-

прещено представителям других этносов, например, русским или выходцам из среднеазиатских республик. Считалось, что усы — это элемент «национальной гордости» только тех, кто живет на Кавказе.

Поскольку люди очень редко публично высказываются о национальных предрассудках представителей тех или иных этносов, опасаясь агрессии с их стороны, то национальный характер — это чаще всего образ, совокупное представление о том или ином этносе в сознании тех, кто его оценивает. Здесь в качестве примера приведем мнение И. Кона. В конце 1960—начале 1970-х годов он опубликовал несколько статей по проблеме национального характера, которые стали резонансными. На вопрос «Что такое национальный характер — миф или реальность?» он ответил, что если национальный характер — это неизменная сущность, свойственная всем людям определенной национальности, то с научной точки зрения это миф. Однако, как любой миф, он отражает определенную историческую реальность, закрепленную в самосознании людей. В целом же его отношение к данному понятию было негативным.

В связи с рассматриваемой темой национального характера и теорией социалистического коллектива нельзя не упомянуть так называемый «неизвестный доклад Баграмова» в сентябре 1973 г. На 9-м Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в США заместителем главного редактора журнала «Коммунист», доктором философских наук Э.А. Баграмовым (1973) был сделан доклад. Неизвестным его стали называть потому, что он был издан очень маленьким тиражом (в виде брошюры) и оказался недоступным широкому кругу специалистов.

Доклад назывался «К вопросу о научном содержании понятия „национальный характер“». Предлагая собственное определение понятия национального характера, Э.А. Баграмов отметил, что оно основано на дифференциации понятий «национальный характер» и «духовный облик народа». В этом докладе он утверждал, что под влиянием условий социальной среды и истории в духовном облике народов из поколения в поколение запечатлеваются специфические черты, которые отличают один народ от другого, однако, по его мнению, было бы наивно полагать, что понять их можно в процессе наблюдения за поведением представителей той или иной нации.

Они могут быть изучены лишь по их объективным проявлениям национального масштаба, т. е. в искусстве, фольклоре, традициях, обычаях и др. Для этого необходимо определить: каким образом

соотносится национальное и общечеловеческое? как соотносится национальное и социально-классовое? какова структура и элементы национального характера? Э. А. Баграмов утверждал, что духовный облик народа меняется и зависит от общественного строя, а национальный характер отличается большой устойчивостью и исторической стабильностью. Он переходит из поколения в поколение, сохраняя преемственность в новых общественных условиях.

В начале 1950-х годов многие исследователи национального характера подверглись критике. В частности, их упрекали за то, что они преувеличивали связь между психологическими свойствами, приобретаемыми человеком в процессе социализации и индивидуального воспитания, и последующим поведением. По сути, многие известные ученые оказались в ситуации, когда их обвинили в лженаучности теорий, объясняющих феномен национального характера. И для этого были основания.

Так, по сути псевдонаучные, не подкрепленные эмпирическими доказательствами идеи выдвигал М. Макклюэн, который, изучая так называемые «графическую» (албанскую) и «телевизионную» (канадскую) культуры утверждал, например, что жесткое научение письму (слева направо или справа налево) формирует авторитарную личность. Тогда как восприятие хаотичных точек на телеэкране, порождающих разнообразные образы, способствует воспитанию демократической личности, и это сказывается как на отдельных людях, так и на особенностях их национального характера.

Критике подверглась М. Мид, которая доказывала, что национально-культурная традиция туго пеленать младенцев ведет к усилению тоталитаризма в тех обществах, где это принято. М. Мид пыталась это проиллюстрировать, в частности, на примере изучения русской и китайской национальных культур. Она утверждала, что способ пеленания формирует или «покорный» национальный характер, или «демократический», когда младенцу предоставляется большая свобода для движений руками и ногами. Сегодня очевидно, что корреляции между этими явлениями нельзя рассматривать как причинно-следственные связи. Поэтому некоторую безропотность и политическую пассивность поколения «бебибумеров» вряд ли правомерно объяснять способом пеленания в младенчестве, ведь и современные поколения X, Y и Z в России также особым «бунтарским духом» в отличие, например, от тех же поколений во Франции особо не выделяются. Скорее тип политического поведения определяется школьным и религиоз-

ным воспитанием, а также работой подконтрольных правительству средств массовой информации и растущим уровнем жизни, который очевиден, учитывая исторический период перехода от СССР к современной России через сложный этап экономической и политической перестройки общества.

С конца 1960-х годов в науке СССР ученые начали интенсивно обсуждать понятие нации, что в целом, по мнению многих авторов, положительно отразилось на изучении феномена национального характера. В это же время в социальной психологии формируется и интенсивно развивается теория социалистического коллектива.

Советский народ и его «национальный характер»

Термин «советский народ» начал использоваться в СССР еще в 1920-е годы. В 1961 г. на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущёв в докладе о новой программе КПСС заявил, что в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные схожие черты, — это советский народ. Он подчеркнул, что люди, проживающие в СССР, имеют общую социалистическую Родину, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру и общее мировоззрение — теорию марксизма-ленинизма. Они также имеют общую цель — это построение коммунизма (Хрущёв, 1962). Аналогичное заявление 30 марта 1971 г. сделал Л. И. Брежнев. В соответствии с данными переписи населения 1979 г., единая общность — советский народ — сплотила 123 частные общности, в том числе 36 наций, 32 народности, 37 национальных и 18 этнических групп.

Одно из наиболее известных в отечественной науке определений понятия «советский народ» сформулировал в Большой советской энциклопедии советский философ С. Т. Калтахчян. Он определил это явление как «историческую, социальную и интернациональную общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель — построение коммунизма». По мнению автора, эта общность возникла в результате социалистических преобразований и сближения трудящихся классов и слоев, всех наций и народностей (Советский народ, 1976). В 1977 г. положение о том, что в СССР уже сформировалась новая историческая общность людей — многонациональный советский народ — было внесено в Конституцию СССР.

В 2007 г. исследования Института социологии РАН показали, что лишь 15% россиян по-прежнему идентифицируют себя с советским народом. А в 2010 г., по данным переписи, только 27 тысяч человек в РФ идентифицировали себя как представителей советского народа. В 2010 г. президент РФ Д. А. Медведев обозначил проблему отсутствия общегосударственной объединяющей население идеи и предложил термин «общероссийский патриотизм» в качестве утратившего свою актуальность термина «советский народ».

Однако, как пишет О. Ю. Малинова, после развала СССР идея российской нации как сообщества всех граждан РФ встретила огромную критику со стороны оппозиционно настроенных политиков и общественных деятелей (Малинова, 2010). В настоящее время официально понятие «российская нация» почти не используется, однако, учитывая активную деятельность российских СМИ и мероприятия по патриотическому воспитанию населения, все чаще это определение встречается в политических передачах центральных телевизионных каналов.

Когда мы слышим слово «народ», мышление большинства из нас автоматически делает умозаключение, что этот термин означает нечто позитивное и единое. Мы также с легкостью, как что-то очевидное, воспринимаем утверждение, что «народ всегда прав». Те же, кто говорят, что народ, как и нация, — это лишь теоретические конструкты, поскольку отдельные люди и группы людей психологически очень разные, а народ в целом вообще может быть и не прав вовсе, неизбежно становятся для многих из нас идеологическими противниками и даже личными врагами.

В 1970-е годы кампания по пропаганде новой исторической общности людей «советский народ» начала интенсивно набирать обороты. А понятие «национальный характер» почти перестали употреблять. Однако создание любых интернациональных сообществ — это прежде всего попытка соединить в некое единое целое различные национальные характеры. И с точки зрения социальной психологии — это всегда проблема, так как именно здесь мы находим огромное количество хорошо исследованных феноменов, которые свидетельствуют о возможности возникновения большого количества межэтнических, межгрупповых и межличностных противоречий.

Именно социальная психология объясняет нам, почему, как только ослабевают центроостремительные силы, сдерживающие насильственное объединение людей (например, государство), этносы расходятся в разные стороны и начинают враждовать. Во многом причина

этого состоит в наличии зачастую несовместимого культурного (ценностного) разнообразия. А это, как мы видим, и сегодня приводит к ценностно-аффективной поляризации социальных групп (Лебедев, 2022, 2023).

Психологическая специфика людей разной национальности, проживавших в СССР, в большом советском коллективе проявлялась на уровне социальных и обыденных представлений в стереотипном восприятии людьми друг друга. Во все времена существования СССР правительство страны делало все возможное, чтобы избежать межнациональных противоречий и конфликтов. И следует отметить, что эта политика в целом была успешной. Конфликты в «жарких» точках оперативно устранялись, и мало кто о них знал, в школах проводились разнообразные фестивали дружбы народов, в столичные вузы принимали вне конкурса молодежь из союзных республик. Правда, чаще всего это были дети партийных, советских и профсоюзных руководителей.

Огромной популярностью у граждан СССР пользовались артисты и творческие люди из разных уголков страны, например, актер и певец В. Кикабидзе из Грузии, певица С. Ротару и юмористы Ю. Тимошенко (Тарапунька), Е. Березин (Штепсель) из Украины, певцы М. Магамаев и П. Бюль-Бюль оглы из Азербайджана, композитор Р. Паулс и певица Л. Вайкуле из Латвии, художник М. К. Чюрленис из Литвы и мн. др. У граждан страны были и свои, непубличные, методы оценки психологических особенностей национального характера. Огромной популярностью пользовались анекдоты на тему национальных различий, например, о грузинах, чукчах, евреях и др., а национальную особенность украинцев – «якщо не з'їм, так понадкусаю» – в СССР не обсуждали разве что малые дети. При этом крупные национальные конфликты в СССР были невозможны и во многом благодаря пропаганде советских СМИ, которые постоянно сообщали населению об успешном развитии интернационального коллективного государства, цель которого в перспективе построить светлое будущее для трудящихся людей всего мира. На уровне отдельных трудовых коллективов, на уровне партийных ячеек была введена специальная общественная должность – пропагандист.

Для теоретической помощи низовым пропагандистам активно работали журналы «Пропагандист», «Пропагандист и агитатор», «Агитатор», «Московский пропагандист», которые публиковали программы и методические рекомендации, обобщали и распространяли

опыт партийного просвещения и массовой пропаганды, печатали информацию по актуальной общественно-политической проблематике, рецензии, библиографические списки новых публикаций по общественным наукам и др.

Теория советского социалистического коллектива и понятие «советский народ»

Для продвижения идеи многонациональной общности, т. е. советского народа, необходима была не только пропаганда, но и мощная идеологическая и теоретическая основа, поскольку ленинская идеология провозглашала интернационализм и независимость наций (Ленин, 1969а, б). И здесь возникало противоречие: с одной стороны, нация должна быть единой и сплоченной. С другой стороны, национальности, составляющие нацию (народ), в соответствии с основами ленинизма должны иметь право на развитие своей национальной идентичности и независимости.

Следует отметить, что противоречий в теории «научного коммунизма» было достаточно. Например, коммунизм, по К. Марксу, – это закономерный этап развития общества, и он неизбежен, но его нужно построить, так как сам по себе (автоматически) он возникнуть не может (Маркс, Энгельс, 2020). Такой теорией стала теория советского социалистического коллектива (Донцов, 1984; Петровский и др., 1979; Уманский, 2001). Она сложилась и начала развиваться в рамках идеи формирования нового человека, который, если следовать логике К. Маркса и В. Ленина, может появиться лишь в бесклассовом обществе, где власть будет принадлежать народу (Ленин, 1969а).

В рамках теории коллектива, по сути, вырабатывается лишь два достоверных критерия эффективного взаимодействия групп и людей разной национальности. Первый – это умение уживаться с людьми других культур, что должно сделать сообщество сплоченным и, согласно теории А. В. Петровского, является аналогом ценностно-ориентационного единства (Петровский и др., 1979). И второй – это верность народу (нации) в целом, по сути – государству, а если еще точнее, то Коммунистической партии Советского Союза и его правительству.

Особое значение теория социалистического коллектива приобрела после того, как в 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята триединая задача построения коммунизма в стране. На реализацию программы

было отведено 20 лет. За это время предполагалось создать: 1) материально-техническую базу коммунизма; 2) новую модель управления страной (производственные отношения); 3) технологию воспитания человека коммунистического типа. Таким образом, к 1980 г., по-видимому, должен был появиться первый новый коммунистический человек. Однако история распорядилась по-своему. В 1980 г. одна часть населения, оппозиционно настроенная, хоронила В. Высоцкого, другая смотрела по телевизору Олимпийские игры, а в целом страна переживала последствия международных санкций за то, что ввела войска в Афганистан.

Задача воспитания нового человека возлагалась прежде всего на отечественную педагогику и социальную психологию и должна была решаться в советских социалистических коллективах. Для этого нужна была эффективная научная теория, которая и была разработана советскими социальными психологами (Донцов, 1984; Петровский и др., 1979; Уманский, 2001; Шорохова, 1969).

Основы теории коллектива (учебного и производственного) были предложены еще А. С. Макаренко в 1920-е годы (Макаренко, 1985). Одна из основных его идей состояла в том, что коллектив формируется в несколько этапов и обязательно с участием так называемого актива — группы лидеров. В соответствии с его определением коллектива, под которым он понимал сплоченную группу людей, интересы и цели которой совпадают с интересами социалистического общества и направлены на строительство светлого коммунистического будущего, предполагалось, что настоящие коллективы возможны только при социализме. В капиталистическом обществе коллективов быть не может, по определению.

В теории социалистического коллектива А. С. Макаренко выделил два закона: 1) закон движения коллектива — органичное сочетание ближних, средних и дальних индивидуальных и коллективных целей (в этом случае, по А. С. Макаренко, реализуется идея «завтрашней радости»); 2) закон параллельного педагогического действия, когда коллектив оказывает влияние на личность, а через развитие отдельной личности происходит и развитие самого коллектива. А. С. Макаренко утверждал, что в коллективе каждый должен будет чувствовать себя защищенным, так как в коллективах должна формироваться взаимная ответственность и взаимная подчиненность. Таким образом, закладывалось представление о том, что коллектив всегда прав, а его мнение формирует актив коллектива, который действует от его имени.

Очевидно, что противостоять мнению коллектива могли только очень смелые люди, судьба которых на деле была совсем уж незавидной.

Концепция социалистического производственного коллектива позволяла КПСС эффективно управлять страной и при этом действительно формировала людей нового типа, большинство которых не представляло себе жизни вне коллектива. Учитывая, что одной из черт русского национального характера исследователи еще в середине XIX в. называли коллективизм, в плане организации труда подход был чрезвычайно эффективным. Проблему создавала лишь определенная часть советской интеллигенции, которая никак не могла смириться с тем, что личность в условиях социалистического коллектива оказывалась политически пассивной и выполняла без размышлений, анализа и критики все, что в своих постановлениях принимали партия и правительство СССР. Она не могла смириться и с тем, что все решения партии и правительства обязательно обсуждались и одобрялись в коллективах, что, по меткому выражению А. В. Юревича, представляло собой явление, которое можно назвать «имитационной демократией».

Быстро и наиболее точно это отражалось в некоторых видах искусства того времени, прежде всего в кинопроизводстве, где наряду с откровенно слабыми кинофильмами на производственные темы появлялись работы, содержащие либо прямую, либо скрытую критику советского коллектива. Поэтому наряду с многочисленной продукцией, прославлявшей партию и социалистический коллектив, выходили такие фильмы, как, например, «Карнавальная ночь» в 1956 г., «Служебный роман» в 1977, «Гараж» Э. Рязанова в 1979, «Мы, нижеподписавшиеся» Т. Лиозновой в 1981 г., «Премия» С. Микаэляна в 1974, который в прокате посмотрело 12,9 миллиона зрителей. Появился уникальный сатирический киножурнал «Фитиль», главным редактором которого стал автор советского гимна С. Михалков. Судя по всему, на тот момент аналогов этому журналу в мире не было, и наряду с сатириком А. Райкиным он жестко критиковал «отдельные недостатки» системы советских социалистических коллективов, называя конкретные имена, фамилии и организации. В 1982 г. журнал отпраздновал свой 20-летний юбилей, а его редакция выпустила сборник нереализованных (нерекомендованных) сценариев, насчитывающий 2000 сюжетов.

При этом недовольство «коллективизацией ума» тогда проявляли не только те, кого называли художниками-диссидентами, но даже и те, кто искренне верил в светлое коммунистическое будущее, интуитив-

но понимая, что эта «коллективизация» приводит к серости и пассивности народа. И таких авторов было немало. Например, исследователи отмечают, что творчество драматурга А. Вампилова полностью деидеологизировано: в его художественных произведениях ни разу не употреблялись слова «социализм», «коммунизм», «капитализм», «Ленин», «партия» и т. п.

В науке руководством страны фактически была создана установка на отказ от объективных социально-психологических исследований и переход к стратегии формирования мировоззрения через воспитание. Психология как наука, прежде всего социальная, ушла на задний план, а на передний вышла социальная педагогика, направленная на достижение целей, определяемых советской властью и коммунистической партией на основе марксистско-ленинской идеологии.

Силами многих выдающихся отечественных социальных психологов прошлого эта проблематика постепенно изменялась в направлении изучения психологии совместной деятельности, возможно, и неосознанно, чтобы хоть как-то уйти от идеологии в область науки (Журавлев, 2005; Ломов, 1999; Петровский и др., 1979; Уманский, 2001). Многие уже тогда понимали, что советский социалистический коллектив – это идеологический миф, а воспитательные возможности социалистического коллектива для достижения сформулированных властью целей крайне ограничены (Китов, 1979).

За неимением каких-либо достоверных данных в настоящее время сложно опровергнуть положение о том, что в целом социалистические коллективы на самом-то деле не представляли собой социальные группы с абсолютным ценностным единством их членов, что в них не было противоречий, равнодушного отношения людей друг к другу, конформизма, конфликтов, поляризации мнений, социального манипулирования и давления, безропотного подчинения авторитетам, унижения, взаимной недоброжелательности, антипатии, откровенного предательства и других хорошо изученных в мировой социальной психологии феноменов. Поэтому сегодня любой человек среднего и преклонного возраста может сказать, сославшись на свой личный опыт, что производственный социалистический коллектив – это замечательное явление, обладавшее мощным психологическим воздействием с благими намерениями.

Поскольку никакие по-настоящему научные объективные исследования в таких условиях были невозможны, те, что проводились, лишь «доказывали» очевидную пользу коллективов для развивающе-

гося социалистического общества. На практике коллективы часто вмешивались в личную жизнь граждан и совсем не обязательно выполняли роль того хранителя моральных норм, которые им приписывали советские идеологи и средства массовой информации.

Одна из наиболее проработанных социально-психологических теорий коллектива, основанная на понятии совместной деятельности, как известно, была разработана А. В. Петровским, его учениками и последователями (Петровский и др., 1979). Коллектив рассматривался как группа, состоящая из трех страт (слоев). Теория описывала переход от диффузной группы к коллективу через ряд этапов. Например, на первом этапе в группе реализуются непосредственные контакты между людьми, основанные на эмоциональной симпатии или антипатии; на втором отношения опосредуются характером совместной деятельности; на третьем развиваются отношения на основе принятых членами группы единых целей совместной деятельности. Особую популярность в литературе приобрел термин ЦОЕ («ценностно-ориентационное единство»).

ЦОЕ определялось как совпадение ценностей, связанных с содержанием совместной деятельности, и как эмоциональная идентификация личности с группой. При этом отрицалось наличие конформизма, что было одним из наиболее часто изучаемых явлений в зарубежной, прежде всего, американской социальной психологии. По сути дела, коллективы реализовывали принцип, который в народе выражался поговоркой «Не можешь — научим, не хочешь — заставим», — а значит, они действительно выполняли важную воспитательную функцию и обеспечивали обществу социальную стабильность.

Концепцию коллектива, основанную на деятельностном подходе, предложил Л. И. Уманский, описав критерии развития группы как коллектива. К их числу Л. И. Уманский отнес: содержание нравственной направленности группы — интегративное единство ее целей, мотивов, ценностных ориентации, ее организационное единство; подготовленность группы к реализации совместной деятельности и ее психологическое единство (интеллектуальную, эмоциональную и волевою коммуникативность, характеризующую процесс межличностного познания и взаимопонимания в группе). Отмечалась важность стрессоустойчивости и надежности группы при решении задач в экстремальных ситуациях (Уманский, 2001).

В советском социалистическом коллективе критерии нравственности как важный элемент национального характера человека новой

формации тоже становились советскими. Например, в черты национального характера советского гражданина на бессознательном уровне закладывались такие стереотипные формы поведения, как внутриколлективная солидарность (на деле означало «не выносить сор из избы»), принцип непогрешимости коллектива (коллектив всегда прав), правило мудрого руководства (начальство коллектива можно критиковать на производственных собраниях, только когда оно само об этом попросит) и аналогичные. В результате была создана общность людей, многие из которых действительно верили в то, что подчинение мнению большинства — это единственно правильный путь личностного роста. Очевидно, что это ограничивало возможности реализации потенциала наиболее талантливых и творческих, но не способных или не желающих противостоять консервативному большинству людей.

Помимо ученых, которые разрабатывали социально-психологическую теорию коллектива, в научном пространстве часто появлялись те, кто пытался предложить идеи по преобразованию советских коллективов в некие трудовые объединения людей на основе личной заинтересованности (Китов, 1979; Ельчанинов, 2004, 2006). Нужно отметить, что в силовых структурах в СССР работало много психологов, которые оставили заметный след в советской психологии того времени, это А. И. Китов, Ф. Д. Горбов и др. Одним из них был П. Е. Ельчанинов — кандидат психологических наук, подполковник в отставке, журналист, исследователь, автор многочисленных социальных экспериментов (Ельчанинов, 2004).

В частности, в 1970-е годы с одобрения Главного управления пограничных войск он, являясь политработником, проводил эксперименты по изменению распорядка дня на пограничных заставах, установленного годами традиционного режима и образа жизни пограничников. В те годы его называли возмутителем спокойствия, который первым из психологов бросил камень в застойную воду, и от него пошли круги, разгоняя тину.

П. Е. Ельчанинов в соавторстве со своим бывшим научным руководителем Политическим управлением пограничных войск КГБ СССР Н. Ф. Феденко издает одно из первых учебных пособий для офицеров пограничных войск и курсантов высших военных училищ под названием «Некоторые проблемы военной психологии». В Институте психологии Академии наук СССР П. Е. Ельчанинов заведовал лабораторией, сотрудники которой осуществляли научные экспедиции в подразделениях пограничных войск на Дальнем Востоке, Сахали-

не, Камчатке, где проводились комплексные научные исследования проблем жизнедеятельности пограничников.

Завершив воинскую службу, П. Е. Ельчанинов занялся решением проблем народного хозяйства. Он издал монографию «Модель формирования единой хозяйственной системы России, Белоруссии и других стран», разработал серию предложений о коренной перестройке производственных отношений, о нормировании «снизу», об отмене зарплаты как формы оценки результатов трудовой деятельности и др.

Ссылаясь на работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, П. Е. Ельчанинов предлагал (помимо внедрения хозрасчета) передать работникам право собственности на вверенные им средства производства и продукты труда, ликвидировать нормирование труда, т. е. отказаться от зарплаты и ввести неограниченную оплату за любую произведенную работником продукцию, сделать обязательным переобучение управленцев, не имеющих высшего инженерного образования, которых на производстве 70%, рабочим профессиям и отправить их «к станкам», ввести коллективное определение зарплаты руководителей предприятий и пр.

П. Е. Ельчанинов утверждал, что опросил более трех тысяч рабочих и служащих и выяснил, что 92% из них при свободном нормировании могут поднять индивидуальную производительность труда на 10–15%, а кто-то — в пять-семь раз (Ельчанинов, 2004).

Следует отметить, что при кажущейся сегодня наивной попытке превратить советские социалистические коллективы в профессиональные сообщества, члены которых напрямую заинтересованы в результатах коллективного труда, активность таких людей, как П. Е. Ельчанинов, возможно, могла бы действительно решить экономические и социальные проблемы, которые возникли у страны перед перестройкой ее экономической и политической системы. Однако сформировавшаяся общественная психология людей, по сути дела, национальный характер «советского человека» не позволили осуществить такие преобразования в сложившейся и раздираемой противоречиями политической системе. Во многих советских коллективах за всю историю их существования было принято бороться с индивидуализмом, ставить «зарвавшуюся» личность на место. Некоторые наиболее активные граждане с коллективистическим мышлением считали это своим долгом, заботясь о «порядке и дисциплине». В школьном коллективе «ломали личность», если ребенок «слишком умный» или перечит учителю, например, носит не ту прическу. В армейских коллективах часто унижали,

если солдат требовал соблюдать устав, например, отказывался работать на даче у начальника части. На производстве человека ставили на место, если он поднимал вопрос о том, что начальство не выполняет своих обязанностей, например, не обеспечивает необходимых условий труда. Подавление инициативы имело место даже в творческих коллективах, если, например, художник рисует «не то», играет «не так» или ученый «слишком умный», «имеет не те взгляды», не уважает более авторитетных специалистов. Считалось, что наверху всегда знают лучше.

Постепенно стало понятно, что теория советского социалистического коллектива оказалась огромным идеологическим мифом, который, тем не менее, наряду с прочими рычагами управления позволял советской власти эффективно решать задачи поддержания стабильности в обществе. Идея воспитания нравственного «нового человека» в трудовых коллективах играла в СССР и определенную позитивную роль. Многим она давала пресловутую «уверенность в завтрашнем дне», т. е. надежду, что рано или поздно общество обязательно станет таким, о котором писали философы-утописты.

Таким образом, получается, что если нация — это не национальность, а некое теоретическое и фактическое (в рамках государства) обобщение, то вполне логично говорить и о национальном характере советского человека. Однако так никто и никогда в СССР не говорил, потому что термин «нация» в сознании обычного человека, не обремененного специальными знаниями, непременно сливалась с понятием национальности и национализма, а значит, сразу же появлялась проблема понимания смысла, которую на уровне оперирования понятиями решить было почти невозможно. Но на это обычно никто не обращал внимания.

Сегодня, когда о теории советского социалистического коллектива никто не вспоминает, а термин «единая общность советский народ» не употребляется, проблема формирования национального единства остается, причем в условиях ценностной поляризации общества она приобретает все большее значение.

Русский национализм и русский национальный характер

По мнению исследователей, во многих странах мира в современном обществе обнаруживается значительный рост не только идей национального самосознания, но и национализма. Определенным образом это связано с утратой популярности идей мировой революции

и коммунизма во всем мире, что было актуальным в прошлом веке. Слова «революционер», «экстремист» и «террорист» многими стали восприниматься как синонимы. Популярность таких фигур, как Лев Троцкий и Че Гевара резко снизилась. Исламский фундаментализм напугал большую часть человечества, и оно перестало безоговорочно верить в идеалы демократии. Либеральные идеи также не оправдали доверия многих людей в развитых странах мира.

После распада СССР национализм начал управлять умами практически во всех бывших советских республиках, включая Россию. Как пишет исследователь национализма политолог Чжан Се Хо, главной причиной появления современного русского национализма служит идеологический вакуум, который образовался в ходе радикальной трансформации российского общества и неэффективных либерально-демократических реформ. Автор отмечает, что в начале XXI в. в условиях очевидной неконкурентоспособности марксистских и либерально-демократических идей национализм выступает как «интегрирующий элемент консолидации, столь необходимой разрозненному российскому обществу для выхода из кризиса». Если в СССР основу государственности составляла марксистская идеология, то в начале XXI в. на эту роль претендует именно русский национализм. Причем, по мнению автора, речь может идти о национализме «этнического типа» (Чжан, 2009, с. 256).

Как отмечает Чжан Се Хо, русский национализм имеет отличительные черты. Во-первых, это его государственная направленность и поддержка. Во-вторых, этноцентристская направленность, которая связана с тезисом о доминантной роли русского этноса как государственно-образующего стержня и связующего звена во взаимоотношениях с другими этносами в рамках единой страны. Особенностью именно русского национализма является крайне враждебное отношение к Западу. Кроме того, русский национализм, по мнению автора, прочно связан с характеристиками русского национального характера, основу которого составляет система психологических стереотипов, в основе которых лежит причудливое сочетание коллективизма и доминирования.

Заключение

Изучение истории подспудно связано с желанием применить исторический опыт для прогнозирования событий и для того, чтобы в бу-

дущем не допускать когда-то сделанных ошибок. Иначе практическая ценность исторического анализа невелика. Особенно сложной в этом случае становится интерпретация психологии людей далекого прошлого и прежде всего — мотивации их поведения. Сегодня поляризация мнений в стране в отношении будущего России очевидна. Русские националисты, сторонники идеи объединить народы России под крылом русской нации, уверены, что межнациональные различия и психологическое разнообразие национальных культур никак не помешают этому процессу. И поскольку большинство россиян сегодня называют и считают себя русскими, этот процесс будет добровольным, а его успех определяется лишь временем. Напротив, критики идеи курса на формирование единой русской нации утверждают, что такое объединение народов, как и в СССР, окажется весьма противоречивым, ненадежным и будет связано с принуждением. Причем в случае ослабления власти процесс дезинтеграции может оказаться стремительным по принципу «домино».

В СССР теория советского социалистического коллектива помогала формировать реальные производственные коллективы и оперативно решать задачи управления государством. Однако коллективы неизбежно ограничивали активность творчески мыслящих личностей и создавали психологический фон, на котором терялось уважение к отдельным людям, особенно не желавшим сливаться с обезличенными «народными массами». Так сформировался особый коллективистический национальный характер, который вступает в противоречие со взглядами той, нужно сказать, совсем немногочисленной частью населения, которая все еще озабочена идеей уважения к отдельной личности, ее потребностям и правам на самоопределение.

Возможно, у России действительно есть лишь два варианта развития: либо единая нация формируется, пусть и в тяжелейших условиях, либо противоречия нарастают с непредсказуемым финалом, дезинтеграция усиливается. Дискуссии ученых пока не создают какой-либо ясности в решении вопроса и лишь усиливают в обществе аффект неопределенности (Лебедев, 2023).

Учитывая возросшую за последние годы религиозность граждан, активную деятельность проправительственных СМИ, рост доверия руководству страны, экономическую поддержку дружественных России государств, жесткие формы ограничения политических свобод и др., можно предположить, что, по крайней мере, в ближайшие годы существенных изменений во внутривнутриполитической жизни

страны вряд ли следует ожидать. А психологическое состояние общества будет определяться лишь темпами ценностно-аффективной поляризации.

Литература

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц–Кучково поле, 2001.
- Андреева Г. М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Баграмов Э. А.* К вопросу о научном содержании понятия «национальный характер». М., 1973.
- Боас Ф.* История антропологии / Пер. И. В. Кузнецова // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 86–96.
- Богданов К. А.* Каннибализм: История одного табу // Канун: Альманах. СПб., 1999. Вып. 5: Пограничное сознание. С. 198–233.
- Гордякова О. В.* Динамика поляризации мнений в условиях специальной военной операции // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 1 (7). С. 18–32.
- Донцов А. И.* Психология коллектива: методологические проблемы исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Ельчанинов П. Е.* Граница России. 2004. № 35. URL: <https://p-elchaninov.livejournal.com/2937.html> (дата обращения: 12.11.2023).
- Ениколопов С. Н.* Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. С. 28–32.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаток описал повседневную жизнь Северной Кореи. Расслоение на богатых и бедных там тоже есть // Московский комсомолец. 2022. 11.03. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/03/11/znatok-opisal-rovvednevnyuyu-zhizn-severnoy-korei-mobilniki-est-u-vsekh.html> (дата обращения: 15.03.2023).
- Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
- Китов А. И.* Психология управления. Учебник для слушателей Акад. МВД СССР. М.: Акад. МВД России, 1979.
- Лебедев А. Н.* Психологическое состояние общества с позиции макропсихологического подхода // Вестник РФФИ. Тематический блок: Фундаментальные проблемы в исследованиях психического здоровья человека и общества. 2019. № 4 (104). С. 41–48.

- Лебедев А. Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 1. С. 2–19.
- Лебедев А. Н. Аффект неопределенности и ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 1 (7). С. 3–17.
- Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации // Социальная и экономическая психология. 2019. № 3. С. 22–45.
- Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 24. М.: Политиздат, 1969а.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 25. М.: Политиздат, 1969б.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999.
- Макаренко А. С. Коллектив и воспитание личности. М.: Педагогика, 1985.
- Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
- Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии. М.: АСТ, 2020.
- Мид М. Культура и мир детства. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988.
- Моисеева Н. А. Национальный характер как проблема социально-философского анализа: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 2012.
- Нестик Т. А. Психологическое состояние российского общества в условиях СВО // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossijskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (дата обращения: 10.10.2023).
- Нестик Т. А., Селезнева А. В., Шестопал Е. Б., Юревич А. В. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 3–14.
- Петровский А. В., Шпалинский В. В., Оботурова И. А. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1979.
- Права человека в Северной Корее. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Права_человека_в_КНДР (дата обращения: 11.11.2023).

- Русский характер. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkij-kharakter> (дата обращения: 24.09.2023).
- Сахаров А. Д.* Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. М.: Публицистика, 1968.
- Советский народ // Большая советская энциклопедия. Т. 24. Кн. I. М.: Советская энциклопедия, 1976.
- Сорокин П. А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 463–489.
- Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. М.: Госполитиздат, 1949.
- Талев Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2022.
- Уманский Л. И.* Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. Избранные труды. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2001.
- Философский словарь / Под ред. М. М. Розентналя, П. Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963.
- Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы. СПб.: Питер, 2022.
- Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980.
- Харари Ю. Н.* Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021.
- Хрущёв Н. С.* 22-й съезд КПСС (17–31 октября 1961 года): Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 1. С. 153.
- Чжан Се Хо.* Современный русский национализм в условиях глобализации: генезис, характеристика, политическая роль: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2009.
- Шорохова Е. В.* Принцип детерминизма в психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1969. С. 9–56.
- Юревич А. В.* Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.
- Baring M.* The Russian People. L.: Methuen & Co. Ltd, 1911.
- Baring M.* The Mainsprings of Russia. L.: Nelson T., 1914.
- Benedict R.* Patterns of Culture. Boston–N. Y., 1934.
- Boas F.* Anthropology and Modern Life. N. Y.: Norton, 1962.
- Dubois C.* The People of Alor: A Socio-Psychological Study of an East Indian Island. Minneapolis: University Minnesota Press, 1944.

- Inkeles A., Levinson D.* National Character: The Study of Modal Personality and Sociocultural System. The Handbook of Social Psychology. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley Publ. Co., 1969.
- James P.* Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community. L.: Sage Publications, 1996.
- Mead M.* National Character // A. K. Kroeber (Ed.). Anthropology Today. Chicago, Ill.: The University of Chicago Press, 1953.
- Moscovici S., Zavalloni M.* The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. V. 12. № 2. P. 125–135.

Советский человек как социокультурный тип

А. В. Юревич

Советский человек как объект научного исследования

Уже 30 лет нет СССР и мировой системы социализма, давно окончился эксперимент по выращиванию советского человека — *homo soveticus*, а также его «перспективного» варианта — *homo communisticus*, в роли которого выступал Юрий Гагарин (Грушин, 2001). Срок достаточный для того, чтобы сформировать спокойное, не отягощенное личным участием в прошедших событиях отношение к этому, безусловно, знаковому явлению, увидеть его в бесстрастной абстракции, а не в свете эмоционально разогретых позиций, вынуждавших рассматривать *homo soveticus* как чисто позитивное или, наоборот, как исключительно негативное порождение истории. Естественно, советский период уходит в прошлое с большим трудом, оставляя за собой длинный шлейф ностальгии, тоски по ушедшей юности и связанным с ней обстоятельствам. Наверное, преждевременно Г. Павловский сделал вывод о том, что «советское попросту отделилось и освободилось от ностальгии по СССР» (Павловский, 2005, с. 3). Не вызывает возражений другое его утверждение: «России открытие *советского* еще предстоит» (там же, с. 4).

Советское время породило у отечественных ученых особый «неонтологический» стиль мышления, подводимый под формулу: «Если утверждения обществоведов противоречат реальности, тем хуже для нее». Отечественная наука явно избегает этой темы, несмотря на ее чрезвычайную значимость, и, видимо, в первую очередь потому, чтобы «не дразнить гусей»: ведь 30 лет недостаточно, чтобы погасло эмоциональное, идеологизированное отношение к прошлому, сменившись аналитической ретроспективой. В 1990-е годы у нас даже разводы иногда совершались по политическим причинам, что повергало ино-

странцев в изрядное удивление: он за либералов, она — за консерваторов (потом для обозначения политических полюсов были подобраны другие термины) или наоборот, что делало совместную жизнь просто невозможной. Сейчас, конечно, уже не так, но и поныне различное видение одних и тех же политических реалий создает людям изрядные проблемы. Желание избежать этих проблем свойственно нашей науке, которая среди множества тем для изучения часто обращается к куда менее значительным, чем наша прошлая, еще не успевшая кануть в лету психология. Однако, как считал В. И. Ленин, обращение к работам которого было одним из отошедших в прошлое атрибутов советского времени, обход существенных проблем в угоду сиюминутной конъюнктуре неизбежно приводит к тому, что эти проблемы постоянно дают о себе знать в самых разных аспектах изучаемой реальности. А в социологическом сборнике «Постижение», изданном у нас в 1989 г., где ключевым термином было слово «перестройка» (вспомним попытку спасти социализм под его эгидой), есть такие слова: «Обилие новых проблем — естественное следствие десятилетий молчания. Отказываясь видеть проблемы, страна не избавлялась от них, они загонялись, множились и рождали социальные болезни» (Постижение, 1989, с. 5). Такова, видимо, и проблема советской психологии, которая оказывает на современное видение окружающей нас реальности большое влияние.

Программы создания советского человека принадлежат В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Н. И. Бухарину, А. А. Богданову и др., прекрасно понимавшим, что социализму необходимо психологическое «закрепление» в виде воспитания личности нового, социалистического типа. В средствах «воспитания» эти люди, естественно, не стеснялись и, безусловно, преуспели в достижении своей цели. По крайней мере даже среди эмигрантов, формально повернувшихся «спиной к родине» (Гества, 2018), сложились устойчивые характеристики советского человека (Bauer et al., 1956). Поэтому «идея *homo soveticus* вызывает сильное притяжение со времен Октябрьской революции» (Гества, 2018, с. 75).

Но психология советского человека обнаруживает изменения «по горизонтали» и «по вертикали». Различаются между собой поколения советских людей, в частности, раннесоветское, испытывавшее на себе все прелести «военного коммунизма», и позднесоветское, жившее в условиях «размягченного» социализма¹. По-разному

1 «В отличие от своих предшественников Леонид Брежнев, правивший в Кремле с 1964 по 1982 год, был озабочен не коммунистическим

выглядела и психология народов и социальных групп, выращенных в существенно различных социально-культурных и психологических условиях. Можно выделить и ряд прочих различий советских людей, делавших их разными в психологическом плане. Поэтому разговор о психологии советского человека предполагает выведение некоторой абстракции – «модальной личности» (Лурье, 1997), ключевые черты которой обусловлены особенностями советской общественной системы и абстрагированием от индивидуальных различий. Разумеется, «нельзя объять необъятное», охватив *все* атрибуты советской психологии или наиболее существенные из них. Однако можно выделить ключевые факторы, повлиявшие на их формирование, оговорившись, впрочем, что возможно выделение и других причин. К числу основных факторов, сыгравших наиболее значительную роль в формировании советской психологии, можно отнести: 1) восприятие нашей истории; 2) советскую идеологию; 3) нашу советскую действительность. Сразу же следует отметить, что третий фактор часто приходил в конфликтные отношения с первым и вторым, и требовались особая трактовка истории и «идеологические кульбиты», чтобы их хотя бы отчасти примирить. Например, один из наиболее известных советских идеологов, выступая по телевидению, нашел такой способ примирения образа почти совершенного советского общества, задававшегося идеологией, с пустыми прилавками магазинов, составлявшими привычный элемент противоречащей ей действительности: «Прилавки магазинов у нас пусты, поскольку все у народа». «Примирение» трех источников национальной психологии служило одной из действенных причин ее формирования. В принадлежащих непсихологам текстах, посвященных тому времени, психология часто рассматривается как прямое следствие идеологии, как появление у людей тех психологических качеств, которые наиболее удобны ей, хотя психологам ясно, что если такое и бывает, то в основном у представителей наименее интеллектуальной части рода человеческого. У всех же остальных преодоление несоответствия между идеологией и реальностью создает один из факторов формирования психологических черт, например, таких, как двуплановость мышления и поступков

счастьем, а прежде всего благополучием людей», – пишет К. Гества (Гества, 2018, с. 66). Трудно судить о том, чем был в действительности озабочен Л. И. Брежнев, но некоторые послабления в контроле за людьми с его стороны очевидны, как и со стороны его предшественника – Н. С. Хрущева.

(я веду себя так, как мне не свойственно), неодобрение собственных мыслей.

«На протяжении своей относительно недолгой истории „советский человек“, *homo soveticus*, многократно служил предметом мифологизации и демифологизации в политической, утопической, антиутопической литературе и пропаганде» (Советский простой человек, 1993, с. 6) — отмечают авторы книги «Советский простой человек». Ю. А. Левада с соавт. называют его «социально-антропологическим типом» и «социокультурным типом» (там же). Л. Д. Гудков пишет: «Каждый из перечисленных признаков или характеристик (психологии советского человека. — А. Ю.) представляет собой свернутое или конденсированное выражение истории институционализированных практик и идеологических трансформаций в период, начинающийся, по крайней мере, с 20-х годов XX века, хотя, видимо, часть из них имеют гораздо более длительную предысторию или укорененность в традициях русского политического и социального крепостничества» (Гудков, 2007). По его данным, типичный набор качеств советского человека обнаруживался в те годы у 35–40% населения, хотя не вполне ясно, как получены эти данные и что представляли собой остальные 60–65%. «Зрелый, классический» период советского человека Ю. А. Левада с соавт. относят примерно к 1930–1940-м годам. Раньше он еще не сформировался или сформировался не до конца, позже пережил некоторые видоизменения, не коснувшиеся, впрочем, его базовых черт. И все же отсюда шаг к признанию исторических разновидностей советских людей, в частности, раннесоветского и позднесоветского, отличавшегося от своего более раннего предшественника, например, наличием двойной морали. Использование собирательного понятия «советский человек» «всегда составляет проблему для историка, потому что сокрытыми оказываются многообразие, текучесть и открытость общественного развития. Сколь бы фундированными эмпирически и выразительными литературно ни были исследования о *homo soveticus*, связанному с ними пониманию общества и образу человека присущ редуционизм и детерминизм», — пишет К. Гества (Гества, 2018, с. 75).

При «жестком» советском тоталитаризме обращаться к отрицательным признакам советского человека было невозможно, при «размягченном» — можно, но нежелательно. Поэтому работы того времени построены на выделении исключительно положительных характеристик.

Черты передового советского человека

Так, Б. М. Теплов, которого М. Г. Ярошевский называл «человеком дьявольского ума», выделял такие черты передового советского человека, как: 1) идейная направленность и целеустремленность, 2) советский патриотизм, 3) коллективизм, 4) социалистический гуманизм, 5) коммунистическое отношение к труду, 6) сознание долга и ответственности, 7) готовность к преодолению трудностей, 8) мужество (свойственное и женщинам тоже), 9) инициативность, 10) скромность, 11) бодрость, уверенность в своих силах, оптимизм. Ученый завершает изложение ключевых признаков советского человека цитатой М. Горького: «Радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождает человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого» (Теплов, электронный ресурс). А также словами о том, что советским людям выпало великое счастье — первыми в истории человечества осуществлять строительство коммунистического общества. Правда, Б. М. Теплов говорит о *передовом* советском человеке, видимо, допуская, что в советском обществе есть и другие — *непередовые* — индивиды.

Автор учебника «Психология», вышедшего в 1973 г., когда говорить об отрицательных качествах советской личности были уже возможно, но еще нежелательно, к числу важнейших личностных свойств советского человека, которые сознательно воспитываются обществом, семьей, относит следующие: 1) идейная направленность и целеустремленность, выражающиеся в готовности активно участвовать в построении коммунизма в нашей стране; 2) советский патриотизм и пролетарский интернационализм, которым чужды расовые и национальные предрассудки и которые не противопоставляют одни народности другим, а объединяют их в одну общую дружную семью; 3) коммунистическое отношение к труду; 4) коллективизм и социалистический гуманизм, заключающиеся в тесной связи каждого человека с тем коллективом, в котором он живет, и со всем советским народом, в понимании общих, а не только личных интересов, в дружбе с людьми, в заботе о них. «Таким образом, советский человек представляет собой гармонически развитую личность, сочетающую в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» (Гоноболин, электронный ресурс).

Преимущественно положительные качества выделяет в советском человеке и Г. Л. Смирнов, книга которого «рассчитана на широкий

круг идеологических работников» (Смирнов, 1973). Он, кстати говоря, считался в среде советских обществоведов одним из самых приличных философов-начальников.

Исследования, выполненные позднее под руководством В. И. Пищик продемонстрировали, что для советского гражданина, жившего в атмосфере коллективизма, были характерны такие культурные ценности, как «верность традициям», «открытость», «сердечность», «дисциплинированность», «уважение к власти» (Как изменилась психология советского человека, электронный ресурс).

Другой взгляд на советского человека

Совершенно по-другому виделась личность советского человека советским диссидентам, что вполне естественно. Например, А. А. Зиновьев перечислил такие признаки *homo soveticus*, как оппортунизм, нытье и цинизм, коррупция, деморализация, несговорчивость, подобострастность, нетерпимость, самоуверенность, живучесть и т. д. В своем социальном поведении он руководствуется преимущественно не убеждением и энтузиазмом, а собственным интересом, и это в конечном счете приводит его к «самозакрепощению» (Зиновьев, 1976).

После прихода «моды на покаяние» в психологии советского человека стали выделять преимущественно отрицательные черты, выработанные у него советской системой. «В стремительно нараставшем процессе унижения и фрустрации *homo soveticus* мутировал в „совка“, — пишет К. Гества (Гества, 2018, с. 69). И добавляет: «В ходе дальнейшего развития советский человек утратил героически-коллективистский образ, отмеченный самопожертвованием и энтузиазмом, и стал превращаться в оппортуниста, ориентированного на потребление» (там же, с. 75).

Авторы книги «Советский простой человек», вышедшей в свет в 1993 г., когда наше общество (или по крайней мере его значительная часть) переживало идеосинкразию ко всему советскому и эйфорию по поводу замены на исторической авансцене советского человека постсоветским, на основе крупномасштабного исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, наделяют советского человека следующим набором базовых характеристик:

- представление о собственной исключительности: советский — это особый человек;

- государственно-патерналистическая ориентация, при которой нормативное социальное чувство вовлеченности в государственное дело сопряжено с обратными ожиданиями отеческой заботы со стороны государства о подданных;
- сочетание внутренней установки на иерархичность миропорядка с выраженной экспрессией эгалитаризма;
- имперский характер.

«Стержень советского человека, — пишут авторы книги, — это его универсальная простота. Это и ориентация на всеобщее усреднение (требование «быть как все»), и простая забота о выживании, и привычка довольствоваться малыми радостями. Для такого социального характера достаточно простого государственного контроля и управления. Между простым человеком и простой властью как бы исчезает опосредующее звено — социально-групповые идентификации, т. е. собственно гражданское общество (Простой советский человек, 1993).

А сподвижник Ю. А. Левады Л. М. Гудков, проанализировав позднее произошедшие в советском человеке изменения, приходит к выводу, что советский (постсоветский) человек — это:

- 1) массовидный, усредненный (т. е. ориентирующийся на норму «быть как все»), для которого «типичность», усредненность оказывается очень важным элементом самоидентификации и регуляции, а потому подозрительный ко всему новому и своеобразному;
- 2) приспособленный, адаптированный к существующему социальному порядку, в том числе и через снижение порога или уровня запросов и требований;
- 3) «простой», ограниченный (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), не знающий иных моделей и образов жизни, поскольку ему приходится жить в условиях изолированного и репрессивного общества;
- 4) иерархический, четко осознающий, что не только экономические и социальные блага (стандарты жизни, потребления, прав, свобод), но и человеческие права, внутреннее достоинство, уважение, «честь», признание человеческой ценности, понимание допустимого, этические нормы, интеллектуальные качества и способности, аспирации, потребности и самооценки распределяются в соответствии с социальным статусом и положением в структурах власти;

- 5) хронически недовольный, прежде всего тем, что предоставляется ему в качестве всем «положенного», а потому разочарованный, завистливый, фрустрированный постоянным и систематическим расхождением внутренних запросов, и тем, что ему «дано», тем, что ему предоставляет «жизнь»;
- 6) лукавый, считающий себя вправе обманывать всех, с кем он имеет дело: как начальство, власть, так и своих близких;
- 7) неуверенный в себе, поскольку (из-за неразвитости и недифференцированности, неспециализированности институтов) он никогда не может полагаться на действие правил формальных государственных институтов, а значит, на правовую и социальную защищенность, стабильность, предсказуемость условий своего существования в обстоятельствах хронического административного и социального произвола;
- 8) вместе с тем его разочарованность и чувство неполноценности компенсируется сознанием своей (массовой, коллективной) исключительности, превосходства (причастности к чему-то «особенному», «сверхзначимому», «надындивидуальному» – великим державе, империи, народу);
- 9) жесткость предъявляемых к нему нормативных требований и правил снимается не только двоемыслием и лукавостью, но и коррупцией (Гудков, 2009).

Автор статьи «12 признаков советского человека» сравнивает эти признаки с беременностью и выделяет такие, как твердая уверенность в том, что о его личном благополучии должно заботиться государство; недостаточное трудолюбие; курение табака и питье горькой; тенденция тянуть все в дом; неверие в Бога на фоне регулярных посещений церкви; приверженность принципу справедливости; отсутствие интереса к политике; сознание необходимости профсоюзов; любовь к халяве; разделение законов и жизни; склонность вплотную прижиматься к впереди стоящему в очереди; привычка к обвешиванию и обсчитыванию в магазинах; тенденция принимать сторону продавца, кассира, администратора в конфликтах в очереди; редкое отстаивание своего достоинства в билетных кассах, агентствах и конторах (12 признаков советского человека, электронный ресурс). Отметим в этом иронично-уничжительном образе физический параметр – склонность в очередях прижиматься к впереди стоящему гражданину, что имело особый прагматический смысл в позднесоветских очередях за спиртным, хотя в полной мере и не препятст-

вовало проникновению туда посторонних элементов – «душманов» в терминах тех времен.

А. Г. Асмолов выделяет три основные характеристики (особенности) советского менталитета: вера в существование Центра, который всё знает, все может и все понимает; способен все за тебя решить; постоянный поиск врага, бегство от свободы (Асмолов, электронный ресурс).

Р. Бистрицкас и Р. Кочюнас описывают следующие особенности психологии советского человека: человек не цель, а средство; шизоидное расщепление Я (общественное и личное); полное отсутствие чувства безопасности; постоянный страх и незащищенность; тоталитаризм мышления вступает в противоречие со здравым смыслом (например, осуждали фильмы, которых никто не видел, и статьи, которые никто не читал) (Кочетков, 2001).

Авторы онлайн-публикации «Синдром советского союза» пишут: «Образно говоря – это своеобразный пакет характерных черт, который присущ человеку, жившему в советский и постсоветский период. Также такие черты могут быть переданы ребенку через воспитание, чьи родители жили в те же периоды. Сложно сказать, хорошие или плохие были эти периоды, потому как все относительно». Они добавляют, что «уже давно были выявлены основные отрицательные черты человека из СССР, которые до сих пор встречаются у граждан Российской Федерации», и в качестве таковых перечисляют: полное безразличие к качеству производимого труда; отсутствие инициативы; боязнь ответственности; заниженные амбиции; боязнь выделиться; «простой» человек – ограниченный в различных планах (интеллектуальном, символическом, этическом и т. д.); считает свою примитивность и бедность достоинством и поводом для гордости; хроническая неудовлетворенность; присутствие культа власти и подчинение любым властям, а также выполнение даже самых безнравственных распоряжений; легкая внушаемость; ненависть ко всему «ненашему»; подозрительность; склонность к пьянству. Само собой разумеется, эти стереотипы нам мешают, и, чтобы избавиться от них, следует хотя бы раз в год отправляться на отдых в другую страну, погружать себя в ее культуру, пытаться ставить себя на место местных жителей, изучать иностранные языки, читать как можно больше развивающей литературы и... следить за собой (Попов, электронный ресурс).

Уделяется внимание и внешнему виду типового советского человека, к числу особенностей которого относят, например, испор-

ченную фигуру и дряблую кожу, плохие зубы, плохую одежду, обувь и аксессуары, общую неухоженность. «И вот мы подходим к самому главному, — пишет автор, — что из себя в целом представлял среднестатистический советский человек. Ко всему описанному выше нужно обязательно добавить общую покорность и забитость — среднестатистический советский человек всегда боялся начальства, старался лишней раз не высовываться и всячески слиться с толпой. Мятый и плохо сидящий магазинный костюм мышинового цвета, слегка пожеванная и желтоватая от многочисленных стирок рубашка, растрескавшийся кожаный ремень, часы с окислившимся браслетом, роговые очки, потертая и пыльная обувь». «Всё это было бы смешно, когда не было бы так страшно. Такой внешний вид советских граждан был продиктован, во-первых, реальным низким уровнем жизни в СССР, а во-вторых — генетической памятью о сталинских репрессиях — когда уничтожили всех лучших и самых ярких» (Мирович, электронный ресурс). Хотя советские спортсмены, космонавты, да и просто представители наиболее благополучных социальных слоев плохо вписывались в этот стереотип, в советском обществе без труда можно было найти отвечающие ему типы. Впрочем, их достаточно просто найти в любом обществе, и весьма сомнительно то, что он соответствует портрету *типового* советского человека. Но трудно не признать и того, что творимое советской властью с экономикой было в большинстве случаев насилием над ней, и экономика «подталкивала» людей к такому виду. В частности, москвич существенно отличался от жителей региональных городов, в российских деревнях люди старели значительно раньше, чем в европейских, и т. д.

Положительные и отрицательные черты советских людей

Впоследствии стали появляться более объективные оценки, авторы стали признавать в психологии советского человека как положительные, так и отрицательные стороны.

М. Е. Попов видит «проблему сущности советского человека как социально-культурного типа личности» «в глубинном внутреннем противоречии между индивидуальным самосознанием, социальным и культурным творчеством, энтузиазмом, самосовершенствованием, романтической верой в будущее, оптимизмом, взаимопомощью, уходом от денежного и товарного фетишизма, с одной стороны, и коллективистской идентичностью, подчинением системе в обмен на со-

циальные гарантии, конформизмом, „страхом объективности в понимании общественной жизни“ (по словам А. А. Зиновьева), социальной пассивностью и подавлением личной свободы, с другой стороны» (Попов, электронный ресурс).

Ю. М. Болдырев, соратник Г. А. Явлинского и В. П. Лукина по партии «Яблоко» (Явлинский—Болдырев—Лукин), обращаясь к проблеме советского менталитета, пишет, что «советское время выработало особый тип мышления и мировоззрения советского человека. Сплоченность народа в войне и послевоенном восстановлении страны окончательно сформировала и укрепила этот тип мировоззрения, привив его подавляющему большинству граждан СССР». К числу ключевых характеристик советского человека он относит то, что это человек, в большинстве случаев считая себя атеистом, тем не менее, старался жить по самым что ни на есть христианским заповедям; ему было свойственно уважение к любому труду и презрение к нечестной наживе; он был очень отзывчивым; для него имели ценность различные достижения, полученные собственным трудом; он не боялся трудностей и приучал к этому своих детей, начиная с пионерии; приветствовалась скромность, хвастаться чем-либо было стыдно; ему было свойственно уважение к старшим — этому учили с детства. Но советское воспитание имело и свои недостатки, которые проявились с крушением этой системы. Оказалось, что советские люди безоговорочно доверяют государству и не способны уловить момент, когда государство их предало. Из этого доверия к государству возник и другой недостаток — доверие к СМИ, активно эксплуатировавшееся, по выражению автора, «ельциноидами» в первые годы после разрушения СССР. В целом же советское воспитание, отмечает Ю. М. Болдырев, очень даже неплохой вариант, и, когда встречается человек, сохранивший тот образ мышления, при этом не живущий иллюзиями и не впавший в маразм, — общаться с таким человеком очень приятно. Он открытый, честный, ничем не «понтует», не пытается ставить себя выше других, не несет ненужного негатива, всегда готов прийти на помощь. К сожалению, таких людей в наше время осталось мало, девяностые прошли по сознанию людей как танком (Болдырев, электронный ресурс). Образ, несмотря на наличие в нем отрицательных или формально выдаваемых за отрицательные элементов, в целом очень симпатичный, и возникает впечатление, с которым наверняка не все согласятся, что чем «хуже», тоталитарнее социальная система, тем лучше, наивнее и милее для окружающих ее представители, и наоборот.

Выделяются и такие черты советского человека, как интернационализм; установка «не высовываться»; стремление как-то повлиять на обстановку (люди писали в газеты, в партийные органы); уверенность в том, что власть должна прислушиваться к людям и им помогать; стремление к равенству; вера в любовь и в дружбу; убеждение, что необходимо иметь какие-то духовные ценности и заниматься творчеством, т. е. делать что-то для души, на фоне стремления к накоплению имущества и комфорту; вера в науку и ожидание от нее новых открытий; стремление к коллективным занятиям; вера в справедливость, в государство и его эффективность, в закон, в информацию из СМИ. «В общем, советские люди были слишком хороши для этого мира. На том и погорели: на доверчивости, на вере в справедливость и на том, что в будущем может быть только хорошо. А зачем советских людей уже почти 30 лет втаптывают в грязь, тоже понятно. Власть имущие больше всего на свете боятся повторения событий 1917 года, и они все сделают, чтобы этого не было», — заключает автор.

Разоблачение всего советского, по его мнению, началось в 1987 г. Мальчик, которому тогда было 10 лет, уже не мог вырасти советским человеком. Поколение, рожденное в 1970-х годах, яростно антисоветское (хотя исключения, конечно, есть). А весь негатив с советского человека теперь уже перенесен на русского человека, с чем автор и поздравил, по его выражению, «антисоветчиков» (Анатомия советского человека, электронный ресурс).

Авторы статьи «Советский человек» в «Википедии» делят его качества на положительные и отрицательные. К числу положительных качеств они относят бескорыстную любовь к Родине, к Отчизне; непоколебимую уверенность в завтрашнем дне; стремление к «светлому будущему»; оптимизм, но в то же время и реализм, основанный на здравом смысле и научном марксизме; глубокое ощущение принадлежности к великой общине подобных советских людей; обостренное чувство справедливости; абсолютную честность; человечность; гуманизм; неприятие тщеславия; порядочность семейную и коллективно-трудовую; прирожденное и приобретенное в профессиональной деятельности мужество; революционно-социалистическую храбрость; непокоримую силу; рабочий энтузиазм, неведомый западному человеку; готовность на великие судьбоносные свершения; толерантность к согражданам и иностранцам социалистического лагеря (почему-то только к ним). В число отрицательных качеств советских людей попадают некоторый пессимизм в отношении власти (практи-

чески на каждого генерального секретаря ЦК КПСС было сложено бесчисленное множество анекдотов); осознание некоторых ограничений свобод советским режимом, стремление от этих ограничений избавиться, но в то же время неспособность появившимися после распада СССР свободами воспользоваться; безразличие к результатам своего труда (об этом говорится в поговорке: «Они притворяются, что платят нам, а мы делаем вид, что работаем»), отсутствие инициативы; безразличие к общей собственности, кражи на предприятиях; неприятие отличного от официального мнения, боязнь выделиться, быть не таким, как все (Советский человек, электронный ресурс).

Таким образом, сложились три направления в исследовании психологических особенностей советского менталитета. Первое направление исходит из того, каким он должен быть, дабы идеологические тезисы получали психологическое дополнение. Речь идет о психологических качествах передового, образцового, совершенного и т. д. советского человека, которые предстают как типовые психологические качества советских людей. Второе направление представлено работами противников советской системы и всего, что с ней связано, в том числе и психологии советского человека, которая предстает как череда психологических нелепостей. В реальной жизни ее представителя было так же трудно встретить, как и носителя во всем идеальной психологии, воспевавшейся в рамках первого направления. Третье направление в изучении психологии советского человека делало объектом анализа реальную психологию в переплетении ее положительных и отрицательных сторон, каковой она и являлась. Нетрудно видеть, что если третье направление делало объектом исследований действительную психологию советских людей, то два других выражали идеологические догмы и эмоции исследователей, то, что они хотели видеть в реальности, а не то, что в на самом деле в ней присутствовало. Такое, по всей видимости, случается со всеми или по крайней мере с большинством сильно идеологизированных объектов исследования, а психология советского человека, вне всякого сомнения, была и остается таковым объектом.

Тоталитаризм сформировал человека послушного (о влиянии различных факторов на психологию советского человека см., например: Лебина, 2019; и др.), что имело свои и негативные, и позитивные стороны. Этот человек привык к раздвоению публичного и приватного, как в анекдоте, не одобрял собственные мысли, подозрительно

относился к любой оппозиционности. Всеобщий дефицит породил человека, плотно жмущегося к соседу в очередях, подчас рассматривающего других людей как конкурентов в борьбе за товары первой необходимости, значительную часть времени проводящего в очередях и сформировавшего соответствующую психологию.

Мы видим, что выделение основных черт советского человека непоследовательно и противоречиво. Здесь существуют три принципиальные вероятности с учетом времени. Во-первых, можно предположить, что одни авторы правы, а другие под влиянием идеологической желательности или чего-то еще искажают истину или попросту ее не видят. Эта возможность крайне маловероятна, поскольку она означала бы, что у всех изучающих проблему «сбился прицел», за исключением тех, у которых по причине гениальности или чего-то другого он не сбился. Вторая возможность состоит в том, что правы все или по крайней мере многие, а объект исследований — психология советского человека — напоминает пятна Роршаха, в которых каждый видит то, что хочет. Третья вероятность производна от исторической изменчивости советского человека, исторической преемственности его разновидностей, например, раннесоветской, позднесоветской и т. д., каждая из которых выходит на историческую арену в определенных условиях. Трудно сказать, какая из этих возможностей ближе к истине, за исключением первой, по всей вероятности, реальность представляет собой их сочетание.

Для специалистов, изучающих данную тему, характерно признание того, что советский человек был продуктом советской идеологии, лепившей из человеческого материала то, что ей было угодно, за что он сам не несет ответственности. Если так, то возникают вопросы о том, чем была и чьи интересы выражала советская идеология — одного И. В. Сталина, горстки окружавших его начальников, каждый из которых жил как на пороховой бочке, переживая ежеминутную угрозу быть посаженным или расстрелянным, либо вообще обслуживала саму себя, будучи концентрацией абстрактных интересов, за которыми не стоят конкретные личности? И только ли тоской по своей ушедшей юности в советском прошлом является ностальгия значительной части современного населения России? Может быть, еще по чему-то в нем? Недооценивает эта точка зрения и свободу личности, свободу ее выбора, которая имеется у нее всегда, даже тогда, когда кажется, что выбора нет (о сопротивлении сталинскому режиму см.: Davies, 1997; Viola, 2002; и др.).

Отечественная психология на месте поиска подтипов советского человека занимается построением типологий человека вообще и выделением профессиональных типов. Однако априорно можно предположить, что и исторические, и индивидуальные различия советских людей породили их подтипы, сосуществующие в рамках единого историко-культурного типажа — советского человека.

Выстраивать типологии советских людей в зависимости от времени автор в данном контексте не решится, отметив лишь, что историческое развитие (деградация) советского государства сопровождалось ослаблением государственного контроля над человеком и постепенной утратой веры сначала в коммунизм¹, затем — в социализм. Раздвоение советского человека на две субличности, одна из которых проявляла себя в официальных, другая — в неофициальных ситуациях, было результатом в первую очередь отсутствия веры в идеалы социализма у значительной части советских людей.

Построение их типологий в любой, в том числе в позднесоветский период возможно по различным основаниям и вообще предполагает выделение самых разных типов. Однако три типа проступают особенно рельефно. Это «правверный» (свято верит в идеалы социализма, хотя считает власть в СССР не вполне подходящей для их достижения, умерен в быту и в личной жизни, для него «советское — значит лучшее», патриот), «космополит» (ориентирован на Запад, в США видит эталон общественного устройства, для него «советское — значит худшее», позволяет себе отклонения от бытовой морали в личной жизни, не патриот), «отстраненный» (очень далек от политики, использует очень небольшую часть словаря русского языка, преимущественно матерные слова, из всего разнообразия напитков предпочитает горькую и портвейн, сомнительно патриотичен). Постигшие наше общество перемены были подготовлены и осуществлены вторым типом — «космополитами», «правверные» сопротивлялись им, а «отстраненные» были пассивны.

Ушел ли советский человек в прошлое, которое его породило? Исследователи проблемы сходятся в том, что нет, и одни видят в этом главное препятствие использованию преимуществ демократии и рыночной экономики, другие — причину того, что в нас еще сохранилось

¹ Здесь решающую ошибку совершил, по всей видимости, Н. С. Хрущев, пообещав построение коммунизма за 20 лет и, таким образом, спустив идеал на землю, чего его более сообразительные предшественники делать не решались.

нечто человеческое. Что из этого вышло, мы знаем. Впрочем, «это уже совсем другая история».

Литература

- Анатомия советского человека. URL: <https://uborshizzza.livejournal.com/4169284.html>.
- Асмолов А. Г. Советский человек оказался на редкость мощной конструкцией. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2848860> (дата обращения: 7.11.2020).
- Болдырев Ю. Великий и наивный советский человек. URL: <http://fishki.net/1614095-vspominaem-sssr-preimuwestva-i-ned> (дата обращения: 16.01.2022).
- Гества К. Советский человек: история одного собирательного понятия // Вестник общественного мнения. 2018. № 1–2 (126). С. 58–75.
- Гоноболин Ф. Н. Психология. М.: Просвещение, 1973. URL: <http://www.biografia.ru/about/psihologia019.html> (дата обращения: 13.08.2018).
- Грушин Б. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4 кн. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Гудков Л. Д. Перерождения «советского человека» (об одном исследовательском проекте «Левада-центра») // Одиссей: Человек в истории / Отв. ред. А. О. Чубарьян. 2007. № 1. С. 398–436. URL: <https://root.elima.ru/texts/?id=502> (дата обращения: 06.10.2020).
- Гудков Л. Условия воспроизводства «советского человека». 2009. URL: <https://polit.ru/article/2009/11/10/sovhuman> (дата обращения: 17.04.2022).
- 12 признаков советского человека. URL: <https://www.b17.ru/blog/1779/Lfnfj> (дата обращения: 15.04.2012).
- Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1976.
- Как изменилась психология советского человека. URL: <https://zen.yandex.ru/media/gazeta/kak-izmenilas-psihologiiia-sovetskogo-cheloveka-5bab799e25dbcd00aaf80745> (дата обращения: 01.11.2018).
- Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. М.: Пер Сэ, 2001.
- Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997.

1 АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

- Мирович М.* Портрет типичного советского человека. URL: <https://maxim-nm.livejournal.com/514883.html> (дата обращения: 29.03.2021).
- Павловский Г.* Жизнь в СССР и «Советская проблема» // Н. Козлова. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.
- Попов М. Е.* Советский человек как социально-культурный тип личности. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3873 (дата обращения: 03.06.2012).
- Смирнов Г. Л.* Советский человек: Формирование социалистического типа личности. М.: Политиздат, 1973.
- Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. А. Левады. М., 1993.
- Советский человек. URL: http://cyclowiki.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA (дата обращения: 03.09.2022).
- Теплов Б. М.* Психология. Учебник для средней школы. URL: <https://psy.wikireading.ru/24958> (дата обращения: 07.06.2020).
- Постижение / Под ред. А. Н. Завьялова. М.: Прогресс, 1989.
- Bauer R., Inkeles A., Kluckholm C.* How the Soviet System Works. Cambridge, Mass., 1956.
- Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent. 1924–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Viola L.* Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford: Oxford Press, 1996.

Межличностные отношения в СССР: квинтэссенция «развитого социализма»

А. В. Юревич

Ностальгия по СССР

Современные психологи редко обращаются к изучению специфики межличностных отношений в СССР, возможно, по причине временной близости этого периода, ожидая, когда советское время окончательно уйдет в прошлое и можно будет спокойно и бесстрастно изучать его как объект исторического анализа. А публицистика имеет тенденцию в отношениях людей друг к другу видеть отношение к ним *государства*, в то время как «межличностные отношения — это отношения, складывающиеся между отдельными людьми» (Ильин, 2009, с. 194). И для этого есть веские основания, поскольку межличностные отношения, отношения «человек—человек» были в то время в значительной мере подменены отношениями «государство—человек», которые обычно рассматриваются по областям (жилище, транспорт, поликлиники, магазины и т. д.). Соответствующий анализ доминирует над характерным для традиционного психологического изучения различием: 1) официальных и неофициальных; 2) деловых и личных; 3) рациональных и эмоциональных; 4) субординационных и паритетных отношений (Ильин, 2009; Обозов, 1990).

«Значимость этой проблематики, — пишет Л. Д. Гудков, — только возрастала с течением времени, поскольку после первых лет реформ в России все сильнее и сильнее проступали консервативные или реставрационные тенденции, причем, как показали результаты социологических исследований, одним из важнейших обстоятельств, блокирующих возможности изменений, трансформации системы социальных, политических или экономических отношений, являлся сам тип человека, сложившийся одновременно с формированием

советской тоталитарной системы и выступающий в качестве ее опоры, а в настоящее время — и условия консервации и воспроизводства сохранившихся тоталитарных институтов» (Гудков, Пчелина, 1995).

В 2018 г. «Левада-Центр»¹ провел опрос, продемонстрировавший значительное нарастание ностальгии по советскому времени в последние годы. Доля сожалеющих о распаде СССР в 2,5 раза превысила долю не испытывающих сожаления. Каждый второй объяснял причины своего сожаления тем, что «была разрушена единая экономическая система», каждый третий — потерей «чувства принадлежности к великой державе», 31% — возросшим недоверием и жестокостью в обществе. За год — по сравнению с 2017 г. — представление о том, что Советский Союз «можно было сохранить», стало разделять большинство — 60% опрошенных. Причем единственную возрастную группу, в которой доля сожалеющих оказалась ниже доли тех, кому распад СССР был безразличен, составили 18–24-летние, т. е. наиболее молодые респонденты (Ностальгия по СССР, 2018).

Если в 1992 г. СССР с теплом вспоминала лишь четверть наших соотечественников, а большинство с воодушевлением относилось к демократии западного типа, то к 2020 г. ситуация существенно изменилась: на вопрос о том, какой политической системе стоит отдать предпочтение, 37% выбрали советскую систему, а в области экономики более половины предпочли рынку экономическую систему, основанную на государственном планировании (Мнение, 2016).

А Фонд ИСЭПИ (Институт социально-экономических и политических исследований) получил данные о том, что 75% современных россиян считают советскую эпоху лучшим временем в истории страны, видя в ней время «стабильности и уверенности в завтрашнем дне» (Мухаметшина, 2020).

Вневременная абстракция

Впрочем, «советское время» — это такая же вневременная абстракция, как и постсоветская Россия. Отчетливо наблюдается явление «экстернализации оппозиционности»: представители наиболее «жесткого» этапа советского тоталитаризма писали на себя доносы, убоявшись собственных мыслей (по преданиям), затем собственные оппозици-

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

онные мысли были легализованы, но вслух их выражать были нельзя, потом — можно, но не публично, а в современной России, напротив, если и приходится что-то скрывать, то лояльность власти. Реально этапы советского времени сильно различались между собой, в частности, в плане отношения людей друг к другу. Например, в сталинские годы было зарегистрировано около 4 млн (!) доносов, которые, несомненно, выражали межличностные отношения того времени, а в их основе лежали либо искреннее осуждение ближнего, либо желание прирастить что-либо за его счет. М. Минович пишет: «В 1930-е годы в совке всюду процветало доносительство. Именно сталинские десятилетия воспитали совершенно особенный типаж советского человека-доносчика — он мог мило вам улыбаться, быть тихим и вежливым соседом по коммуналке или незаметным коллегой в конторе — но он очень пристально следил за вашими словами и действиями, и чуть что — старался донести властям» (Мирович, 2019). «Откуда власть брала доносчиков?» — задает вопрос автор публикации. И отвечает: «Сам по себе донос был некоей мерой вытеснения тотального страха, которым был пропитан сталинский СССР — „если я сегодня донесу, то власть меня примет за своего и по крайней мере сегодня я останусь жив“. Советские доносчики, пораженные стокгольмским синдромом, даже начинали ощущать какую-то особую важность и нужность своих доносов, как бы начинали играть с властью на одном поле, примазываясь к команде хищников — „смотрите, я такой же, как и вы!“» (там же). Думается, что это — существенное обеднение реального многообразия мотивов доносительства (кстати, для психологии это очень интересная и совершенно не изученная тема). Одна из характеристик той эпохи подмечена верно. «В общем, никакой „особой доброты“ у советских людей в те годы не наблюдалось. Это было серое и бедное общество, пронизанное доносительством и взаимным недоверием», — заключает М. Минович (там же). Представители силовых структур, ведшие допрос несправедливо обвиненных по доносам, часто понимали нелепость обвинений. Однако, если бы они оставили без внимания доносы, жертвами репрессивной машины могли стать они сами и оказывались вынужденными принимать репрессивные меры. Так, близкий родственник автора этих строк был обвинен в те годы в том, что он роет подкоп под институт, где работает, и хранит у себя на чердаке склад оружия. Оба обвинения были легко проверяемы, а стало быть, опровергаемы. К том же физические кондиции этого человека подчеркивали нелепость обвинений. В результате он не был посажен, но с работы его уволили.

В то же время, как пишет автор другой онлайн-публикации, «даже во времена сталинских репрессий обыватель не жил в постоянном страхе, не говоря уже о последующих годах советской власти. Люди жили, работали, влюблялись, играли свадьбы, растили детей и, конечно, оценивали этот временной отрезок со своей колокольни, оставляя в памяти или негативные, или позитивные переживания» (Карпов, 2020). Видимо, этот феномен, в чем-то напоминающий эффект «эктор-обзервер» (при объяснении чужого поведения интерпретатор делает акцент на характеристиках его субъекта, в то время как сам субъект — на внешних, ситуативных факторах) (Росс, Низбетт, 1999). Жизнь людей в ушедшие эпохи видится сквозь призму политических факторов, в то время как они сами придавали большее значение человеческим ценностям и мотивам.

Прошлое, по-видимому, вообще оценивается выше по сравнению с настоящим за счет ностальгии. Причины этого явления в том, что прошлое обычно связано с молодостью респондентов, когда «всё было лучше», с вытеснением человеческой памятью негативных событий при хранении ею позитивного (как сказал один наш политик, мы хорошо помним советские цены на колбасу, но забываем очереди за нею и то, что она была представлена всего одним сортом) и т. д. В силу этих и подобных им явлений настоящее для того, чтобы быть признанным равным прошлому, должно быть существенно лучше его.

«Советчики» и «антисоветчики»

В то же время высказывающиеся по вопросу о том, что «лучше» — СССР или постсоветское время, делятся на «советчиков», жалеющих о распаде СССР и ликвидации советского социального контекста существования личности, к чему примешивается ностальгия по своей юности и т. д., и «антисоветчиков», испытывающих по этим поводам противоположные эмоции. Есть и неоднозначные оценки: «В чем-то было лучше, а в чем-то — хуже». «Лучше», по мнению большинства россиян, были «стабильность и порядок», «авторитет СССР в мире», «социальная справедливость», «быстрый экономический рост», «великая идея», «хуже» — «закрытые границы», «тотальный дефицит», «репрессии», «алкоголизация населения», «отсутствие свободы слова» (там же).

О. Горянина по контрасту с настоящим временем отмечает, что в СССР была дружба, а сейчас слишком большая разница в дохо-

дах (видимо, делающая дружбу невозможной. — *А. Ю.*); существовало единство народа и доверие между людьми; образование было лучше, а дети могли бесплатно ездить на юг (т. е. на курорты. — *А. Ю.*); была стабильность в отношениях между людьми; люди были дружнее и ближе друг другу, а сейчас, по мнению автора публикации, ты один, и помощи ждать неоткуда; наконец, было социальное равенство и открытость людей (Горянина, 2019).

«Если бы Советская власть не держала „дружную семью“ советских народов в крепкой узде, поведение советских людей ничем бы не отличалось от нынешнего. В любом государственном образовании не люди строят между собой плохие или хорошие отношения, а государственная машина, которая стоит над ними», — пишет автор, с которым, конечно же, можно и поспорить (Несколько слов, 2017).

Однако преобладающая позиция в отношении СССР — что-то было лучше, а что-то — хуже, более соответствует действительности. По словам В. В. Путина, у тех, кто не жалеет о распаде СССР, нет сердца, а у тех, кто хочет его восстановления в прежнем виде, нет головы. Например, «сегодня существуют диаметрально противоположные взгляды на советский период. Для одних это период непрекращающегося зла и источник всех сегодняшних бед. Для других это эпоха достижений и торжества социальной справедливости. Понятно, что реальную картину не отражает ни одна из этих точек зрения» (СССР и общечеловеческие ценности, 2010). «Когда заходит речь о еде в СССР, одни вспоминают вкусное мороженое и натуральную колбасу по 2 рубля 20 копеек, другие говорят, что и то, и другое было проблематично достать, да и качество продуктов оставляло желать лучшего» (Карпов, 2020).

Квартиры, очереди и хамство

Специфическими для советского времени были коммунальные квартиры и советские очереди. Вспоминается фильм «Начальник уголовного розыска», где этот самый начальник (К. Лавров), предпочитает жить в коммунальной квартире, дабы иметь возможность общаться с соседями. Наверное, такое иногда бывало в жизни, а не только в кинематографе (советская статистика на сей счет, конечно, отсутствует). Но значительно чаще можно было наблюдать обратное: большую и неподдельную радость советских людей от появления возможности жить отдельно. Н. С. Хрущева подчас несправедливо критикуют за строительство «хрущев», непотребных на вид, лишенных лифтов,

имеющих маленькие кухни и т. д. В действительности это был единственно реальный способ расселить «коммуналки» с их «коммунизмом» в отдельно взятой квартире.

Конфликты между соседями по «коммуналкам» в советское время, как отмечается, имели весьма специфическую окраску, вызванную тем, что, во-первых, в условиях ограниченного пространства и ограниченной приватности вынуждены были соседствовать множество людей, во-вторых, не существовало рынка недвижимости, квартиры «распределялись» сверху, в результате чего было размыто понятие социальных слоев.

Иное дело — советские очереди, ставшие визитной карточкой социализма. Они неоднозначно влияли на межличностные отношения. Выражение «познакомился в магазине» обычно означало «познакомился в очереди» (за тем, что там продавалось), и очереди служили расширению сети этих самых отношений. На качество отношений очереди тоже воздействовали неоднозначно, могли, например, способствовать теплым, почти дружеским отношениям у стоящих рядом людей. Но могли влиять и отрицательно, заставляя рассматривать их как конкурентов в борьбе за товары первой необходимости. И уж совсем плохо — как «враги народа» — воспринимались личности, которые, презрев принятые в советском обществе конвенции и правила приличия, решались «лезть без очереди».

Но оба фактора — и «коммуналки», и всеобщий дефицит, а стало быть, и повсеместные очереди, сильно ограничивали личное пространство и создавали условия жизни, в которых советский человек формировался «в тесноте и в обиде»¹.

Хамство иногда считается одним из специфических атрибутов СССР, иногда — не свойственным ему «случайным» явлением. Оно имеет психологические предпосылки. Например, разделение советского общества на два слоя, один из которых, в зависимости от настроения автора, именуется то «простыми людьми», вызывающими восторженное отношение, то «быдлом», провоцирующим совсем иные чувства, другой составляют люди более образованные и менее «простые» (они практиковали и два разных вида межличностного дискурса, первый

1 Сама советская идеология воспринимала это «пространственное» обстоятельство скорее позитивно, что получало практические воплощения. Например, у нас были дачные поселки «пансионатного типа», где каждый обязан был иметь общую стену с соседом, — дабы отдельно стоящие дома не пробуждали частнособственнических инстинктов.

из которых предполагал обращение к незнакомым людям на «ты», большое количество в речи матерных слов и, соответственно, малое – всех остальных, второй был основан на интеллигентной манере общения). Предрасположенность к хамству, очевидно, была в основном сосредоточена в первом слое, хотя случались, конечно, и исключения. Но человека к хамству провоцировала и сама советская система, всеобщий дефицит, вынуждавший рассматривать других людей как конкурентов в борьбе за товары первой необходимости. Одной из главных причин советского хамства была хроническая нехватка товаров, отложившая в языке и в народной памяти языковые штампы, вроде «взять» (вместо «купить»), «достать» и т. д. Изрядным пиететом в советском обществе пользовались такие профессии, как продавец и официант, наименее престижные в современной России (Престиж и доход, 2018), т. е. ценилась близость к окончательному продукту. Как пишут исследователи вопроса, «в СССР существовало понятие „дефицит“. Поэтому за чешской и румынской мебелью или японскими видеомагнитофонами шла настоящая охота. Но сколько счастья было, если вы добывали этот товар!» (15 сравнений, 2019). Действительно, в СССР, позднее окрещенном «страной тотального дефицита» (существовали предметы, не являвшиеся дефицитными, например, советская обувь, т. е. СССР все-таки не был страной *тотального* дефицита), счастья по поводу доставания таких предметов было очень много, и счастья самого неподдельного. Одной из главных цитаделей советского хамства были советские магазины. И не только, когда в них появлялись чешская или румынская мебель и японские видеомагнитофоны, а и в их отсутствие.

Услуги тоже были в советском обществе в большом дефиците. Если человек отваживался вызвать, например, сантехника или электрика из ЖЭКа (а больше его вызвать было неоткуда), то в конце дня к нему, как правило, заявлялся подвыпивший субъект, который сразу же заявлял, что для того, чтобы исправить ситуацию, нужна деталь, отсутствующая в ЖЭКе, но имеющаяся у него лично, и назначал за нее впечатляющую по тем временам цену. Человеку, которого язык не поворачивается назвать привычным в современной России словом «клиент», ничего не оставалось, кроме согласия на такое неприкрытое вымогательство. И вполне закономерно, что одной из главных моделей советской жизни стала «сделай сам», на фоне которой только тот, кто способен решать бытовые проблемы самостоятельно, мог считаться настоящим мужчиной.

Специфический и сильно осложненный

Очень характерно для межличностных отношений в СССР было то, что происходило в области сексуальных отношений. В 1920 г. РСФСР стала первым государством в мире, узаконившим искусственное прерывание беременности. Аборты проводились в Стране Советов бесплатно в больницах, причем представительницы рабочего класса – работницы фабрик и заводов – имели привилегии по очередности (в Европе первой узаконила аборт в 1967 г. Великобритания). До 1929 г. в уставе Рабоче-крестьянского союза молодежи (РКСМ) было положение: «Каждая комсомолка обязана отдаться любому комсомольцу по первому требованию, если он регулярно платит членские взносы и занимается общественной работой». Это привело к тому, что мужчины стали предпочитать в качестве жен... не комсомолок. Молодое советское государство первым в мире отменило и наказание за мужеложество. В 1926 г. Россию по приглашению советского правительства посетил известный гей-эмансипатор Магнус Хирш, впоследствии основавший воспетую в советских анекдотах Всемирную лигу сексуальных реформ. Однако затем ситуация резко изменилась. С 1934 г. гомосексуальные отношения наказывались лишением свободы сроком 5–8 лет, и так продолжалось до 1993 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 г. были запрещены браки между советскими гражданами и иностранцами, уже заключенные браки не признавались, а за нарушение Указа, в том числе за сожителство и романы с иностранцами, к нарушителям применялась ст. 58 УК РСФСР «антисоветская агитация». С 1941 по 1992 г. в стране действовал налог на бездетность, обязывавший бездетных мужчин в возрасте от 20 до 50 лет и замужних бездетных женщин 20–45 лет платить в казну 6% от зарплаты (люди, зарабатывавшие меньше 91 рубля в месяц, платили этот налог по заниженной ставке, а получавшие меньше 70 рублей вообще освобождались от него, зато сельские жители платили больше). И совсем тяжело было разводящимся, получившим относительную свободу только при Брежнев, что привело к удвоению за год количества разводов – с 360 тыс. в 1965 г. до 646 тыс. в 1966 г. В общем, если секс в Советском союзе и был (вопреки вырванному из контекста высказыванию Людмилы Ивановой во время телемоста с США), то специфический и сильно осложненный.

Наркомании и проституции в СССР официально «не было». Однако, по официальной статистике Министерства здравоохранения СССР, к 1990 году на учете стояли более 67 тыс. наркоманов, а по дан-

ным МВД СССР, уже к 1987 г. их было около 130 тыс., причем среди них имелись и пристрастившиеся к тяжелым наркотикам. Адекватное представление об «отсутствии» в СССР проституции дает фильм «Интердевочка». «Проституция существовала, конечно, — пишет автор о том времени, — но было это таким образом — возле иностранных гостиниц тусовались валютные шалавы (не особенно презентабельной кстати, внешности)» (СССР, 2015). А богатая коллекция советских маньяков собрана в современной телепередаче «Следствие вели». Для СССР было очень характерным официальное отрицание бытовых проблем, которое распространилось и на человека в виде его «раздвоения» на личность, представленную в официальных и неофициальных ситуациях (Юревич, 2021), стоявшее за формированием хорошо известной «кухонной» психологии.

В плане межличностных отношений в СССР показателен феномен дедовщины в армии. Он был повсеместным, — трудно было найти советскую воинскую часть, в которой не было бы дедовщины. Официально ее «не существовало», что очень характерно для «раздвоенной» жизни советского периода. Советская власть, наверное, могла бы искоренить дедовщину, но не слишком к этому стремилась, поскольку та вносила свою лепту в формулу: «чтоб служба медом не казалась» (пример отношения к человеку). Вместе с тем родители боялись отдавать своих детей в армию главным образом именно из-за дедовщины. И регулярно кончал жизнь самоубийством, иногда прихватив с собой несколько старослужащих, какой-либо новобранец.

Утверждение о том, что «именно зависть была основным двигателем внутреннего развития — мол, я тоже хочу жить, как Петров, который работает в торговле и ездит на „Волге“, я тоже хочу сделать партийную карьеру, как Сидоров, и жить в ведомственном доме» (Мирович, 2019), сильно обедняет реальное многообразие действительных причин поведения. Зависть, наверное, играла роль, но наряду с другими мотивами. Вызывает возражения и вывод М. Мировича о том, что «в общем, все рассказы о какой-то там „особой доброте“ советских людей — не более чем миф» (там же). Как и заключение другого автора: «Каждый гражданин СССР чуть ли не с детства знал, как доставать „запрещенку“ из-под полы, как договориться, чтобы продвинули по службе или в очереди по квартире, и потому понимал, что в этом мире не все так просто, как кажется» (Николаенко, 2020). Может, и знал, но в большинстве случаев не умел пользоваться этим знанием, иначе образ СССР как общества мошенников оказался бы

близок к истине. Эти выводы, как и заключения: «Никто не нищенствовал во времена СССР — это абсолютно точно!»; «В СССР люди относились друг к другу доброжелательно» (СССР, 2015); «Из-за тотальной бедности, неустроенности и ограниченности ресурсов большинство советских людей не было не то что добрыми — они часто были попросту озлобленными» (Мирович, 2019) и т. п. — выражают не столько истину, сколько субъективные желания интерпретаторов истории. Хотя, конечно, советская реальность вопреки сентенциям советских идеологов не способствовала формированию у советских людей братских чувств друг к другу. Причем даже в тех ситуациях, когда по логике вещей должны были возникать именно «братские чувства». Вспоминается случай, когда советский журналист допытывался у итальянского производителя пиццы, что будет, если тот не доложит в свое изделие колбасы или сыра, а он не мог понять, как может не доложить. В СССР было все (включая секс), но взгляд на него зависел от точки зрения интерпретатора. В то же время звучащая иногда позиция, что от распада СССР выиграли только разбогатевшие, а проиграли — лишь бедные, упрощает реальное положение вещей. Новые богатые, по крайней мере их часть, испытывает сильную ностальгию по советскому времени, а бедные не всегда считают, что раньше было лучше.

Межличностные отношения в СССР были неоднозначны, их общая оценка зависела от того, на что обращать и на что, соответственно, не обращать внимания, и поэтому вопрос о том, лучше или хуже жилось советским людям, чем живет в современной России, видимо, вообще лишен смысла. К тому же его однозначное решение вообще могло бы оставить без смысла жизнь целого поколения или, по крайней мере, его значительной части.

Особенности советских отношений

Межличностные отношения советского времени, естественно, имели много положительных сторон, часто описываемых в литературе (Обозов, 1990, и др.). Но если сравнивать межличностные отношения в СССР и в развитых странах, то видны и их недостатки, менее акцентированные, чем достоинства. Поэтому именно на них целесообразно сделать акцент.

Первое, что бросается в глаза (хотя, конечно, не всем), — это *отсутствие доверия к человеку*. Причем налицо расхождение отношения к абстрактному большому человеку, воплощенному в плакатах, песнях

(«человек проходит как хозяин» и др.) и к маленькому, конкретному представителю рода человеческого, бывшее составным элементом того «раздвоения», которое проходит через всю советскую жизнь. Оно запечатлено в советском анекдоте о маленьком человеке, который, съездив в столицу нашей родины, на вопрос приятеля о том, как там дела, отвечает, что много раз слышал, как все у нас делается на благо человека, во имя человека и т. д., и наконец-то он увидел человека, во имя которого все делается. Это недоверие находило проявления в хамстве, в бытовой формуле «вас много, нас мало», в очередях-давках, в дефиците и других явлениях, характерных для советского времени.

Вопреки утверждениям советских идеологов *советская система обедняла возможности человека*. Необходимость тратить львиную долю своего времени на доставание предметов первой необходимости отнимало у человека и время, и силы, которые можно было использовать гораздо лучше. Одна лишь доставка продуктов на дом в современной России существенно облегчает жизнь, и сейчас трудно представить себе, какой бы стала наша жизнь, если бы ее не было. Конечно, можно предположить, что во всем есть спортивный интерес, и, имея его, советский человек, тратя время на поиск и приобретение товаров, иной раз безрезультатно, получал спортивное удовлетворение, и, например, какой смысл просто гулять, когда лучше тратить это время на поиск чего-либо? Однако подобное может прийти в голову только человеку, который сам не бегал по очередям и не вступал в битву с ближними за колбасу, за ботинки или бегал и вступал, но, имея короткую память, забыл об этом сомнительном развлечении.

Сравнение советского времени с современностью демонстрирует, что *перспектива межличностных отношений тогда была существенно сжатой*. Даже в фильмах того периода, которыми по праву гордится отечественный кинематограф, действие, как правило, разворачивается в очень ограниченном пространстве («Ирония судьбы, или с легким паром», «Вокзал для двоих» и др.). Сейчас же в наших новых фильмах герои активно пересекают моря и океаны, демонстрируя свои прелести заморским наблюдателям. Соответствующая деталь являлась естественным следствием «запертости» советского человека в родных пенатах: мы, жившие в СССР, хорошо помним, что было нужно для того, чтобы попасть за рубеж даже в позднесоветские годы. На тот же кинематограф она оказывала неоднозначное, скорее позитивное влияние, содействуя более глубокой проработанности темы межличностных отношений (большинство наших новых фильмов,

по общей оценке, в этом плане бездарны). Однако она отражала тот факт, что советский человек был вынужден эволюционировать в более узком жизненном пространстве, включавшем сужение карьерных планов (максимум — стать наиболее благополучным представителем советского общества, имеющим квартиру, дачу, машину) в сравнении со своим западным собратом.

Сильно усеченным у советского человека было и пространство выбора, что тоже создавало особые условия для формирования советской личности. Имеется в виду не политический выбор — один кандидат на каждый пост, а жизненный выбор, который современному человеку приходится совершать почти на каждом шагу. Возможность его совершать означает умение взвешивать различные альтернативы, присваивать им ценностные веса, принимать решение и нести нелегкое бремя выбора, которое лежит на каждом современном человеке (Леонтьев и др., 2015). Нельзя сказать, что советский человек был всего этого лишен, однако либо за него решали другие, либо само пространство выбора было существенно суженным, что, с одной стороны, облегчало жизнь, с другой, препятствовало развитию важных для человека качеств.

Советский человек привык к *смысловому удвоению реальности*, совершал действия — участвовал в субботниках, носил пионерскую униформу и т. д., которые смысла не имели или, во всяком случае, имели чисто ритуальный смысл. Психологической науке еще только предстоит раскрыть, какое воздействие на психику человека это оказывало. Сейчас же можно предположить, что оно не было нулевым, что привычка к удвоению реальности — к тому, что одна ее часть имеет смысл, а вторая — нет, сказывалась на психическом развитии человека, например, приучая его к тому, что некоторая часть человеческих действий вообще лишена значения. Во всяком случае процесс каузальной атрибуции, являющийся основой социального восприятия, в этих условиях был организован по-другому, не так, как в условиях, когда любые действия человека значимы в плане информации о направляющих их интенциях и диспозициях субъекта (Attribution: perceiving the causes of behavior, 1972; Försterling, 2001; Hewstone, 1991; и др.).

Все это результировалось в *событийной бедности жизни типового советского человека*. В его жизни происходило меньше событий, чем в жизни его западного визави. К этому, естественно, можно относиться по-разному, но влияние на развитие личности богатства внешней среды трудно отрицать (Рубинштейн, 2000; Эльконин, 2001; и др.).

Причем все сказанное относилось к позднесоветскому времени, когда у граждан не было такого мощного инструмента расправы с ближними и, соответственно, воздействия на межличностные отношения, как доносы на них.

Существуют и другие особенности микросреды, в которой формировался советский человек, оказывавшие на него большое влияние. Предпринятое в настоящем тексте перечисление имеет смысл иллюстрации, а не исчерпывающего анализа. Ее целью было показать, что советский человек был не лучше и не хуже, чем его западный и что в других условиях он и сам мог быть другим. И все же из описанные характеристики определяют образ взрослого ребенка, которому приписываются такие признаки, как «подростковое сознание», инфантилизм и т. д., характерные для советских людей (Гудков, 2020).

Одним из лейтмотивов советской жизни было *чрезмерное участие государства в ней*. «„Правильный“ советский человек не может представить себе ничего, что находилось бы вне государства, — пишет Л. Д. Гудков. — Он целиком принадлежит государству, это государственно зависимый человек, привычно ориентированный на те формы вознаграждения и социального контроля, которые исходят только от государства» (там же). Результат зависит от того, во-первых, насколько умные и высоконравственные люди управляют государством, во-вторых, в какой мере разумно вообще это участие. Первый вопрос, наверное, риторический, а оптимальное решение второго до сих пор не найдено.

Почему ностальгия по СССР сейчас так выражена в нашем обществе? Причины, конечно, и в том, что для многих это ностальгия по ушедшей юности, и в многочисленных проблемах современной России. Но есть и еще одна причина, состоящая в том, что, как показывают исследования, курица, общипанная экспериментатором, к нему же и жметя, поскольку не приспособлена к самостоятельному существованию. Подобно этому и советский человек, воспитанный советской системой, испытывает потребность в ней, будучи плохо подготовленным к самостоятельному существованию в непростом мире.

Литература

15 сравнений из жизни в СССР и в современной России. Где жить лучше? // Rusonline.org. 2019. 07.03. URL: <https://rusonline.org/opinions/15-sravneniy-iz-zhizni-v-sssr-i-v-sovremennoy-rossii-gde-zhit-luchshe> (дата обращения: 10.12.2020).

- Горянина О. Отношения между людьми в Советском Союзе. Свидетельства очевидцев // Красная весна. 2019. 30.12. URL: <https://goss-arprimavera.ru/article/c90bf04a> (дата обращения: 12.12.2020).
- Гудков Л. Д. Перерождения «советского человека» (об одном исследовательском проекте «Левада-Центра»¹). URL: <https://root.elima.ru/texts/?id=502> (дата обращения: 12.09.2020).
- Гудков Л. Д., Пчелина М. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 31–42.
- Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009.
- Карпов М. «Они работали для народа». Советское прошлое превращается в мифы. Почему им не надо верить? // Lenta.ru. 2020. 27.10. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/10/27/myth3> (дата обращения: 15.12.2020).
- Леонтьев Д. А., Овчинникова Е. И., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015.
- Мирович М. Миф о «добрых советских людях» // Mirovich.media. 2019. 11.03. URL: https://mirovich.media/488977.html?rfrom=maxim_nm (дата обращения: 10.06.2020).
- Мнение. Отношение к СССР: ностальгия по молодости или ненависть к «несвободе»? // ЦЭРС ИНЭС. 2016. 26.02. URL: <https://profiok.com/news/detail.php?ID=3132> (дата обращения: 18.12.2020).
- Мухаметшина Е. Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны // Ведомости. 2020. 24.03. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (дата обращения: 17.09.2020).
- Несколько слов о «добрых советских отношениях» между людьми // Newsland. 23.09.2017. URL: <https://newsland.com/community/4109/content/neskolko-slov-o-dobrykh-sovetskikh-otnosheniikh-mezhduljudmi/6006230> (дата обращения: 13.12.2020).
- Николаенко С. 7 преимуществ жизни в СССР, которые оказались неправдой // Brodude. 2020. 24.04. URL: <https://brodude.ru/7-preimushhestv-zhizni-v-sssr-kotorye-okazalis-nepravdoj> (дата обращения: 12.08.2020).
- Ностальгия по СССР. Левада-Центр¹. Пресс-выпуск. 2018. 19.12. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgiya-po-sssr-2> (дата обращения: 15.12.2020).

1 АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

- ния: 22.09.2020).
- Обозов Н. Н.* Психология межличностных отношений. Киев: Лыбидь, 1990.
- Пrestиж и доход: какие профессии выбирают россияне // ВЦИОМ. 2018. 24.10. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prestizh-i-dokhod-kakie-professii-vybirayut-rossiyane> (дата обращения: 18.12.2020).
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
- СССР. Как мы жили при развитии социализме // П. Б. Норма. 2015. 22.11. URL: <http://www.norma-pb.ru/sssr-kak-my-zhili-pri-razvitom-socializme> (дата обращения: 14.12.2020).
- Юревич А. В.* Советский человек как социокультурный тип // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 59–68.
- Эльконин Д. Б.* Психология развития: Учеб. пособие для студ. вузов. М.: Академия, 2001.
- Attribution: Perceiving the Causes of Behavior. Morristown, N.J.: General Learning Press, 1972.
- Hewstone M.* Causal Attribution: From Cognitive Processes to Collective Beliefs. Wiley: Wiley-Blackwell, 1991.
- Försterling F.* Attribution. An introduction to theories, research and applications. Hove East Sussex, UK: Psychology Press, 2001.

Нравственность в СССР как отражение особенностей советской эпохи

А. В. Юревич

«Оазис» нравственности?

Нравственность определяется как «моральное качество человека, некие правила, которыми руководствуется человек в своем выборе. Термин, чаще всего употребляющийся в речи и литературе как синоним морали, иногда – этики» (Некоторые мысли о советской нравственности, электронный ресурс). Происходит смешение морали и нравственности, близких, но все же несколько разных категорий (об их соотношении см.: Гусейнов, 2004, 2007). Кроме того, понятие нравственности крайне размыто и не годится для сравнения на его основе различные эпохи и культуры, одни представители которых следуют определенным для себя правилам, другие – иным, третьи – не следуют правилам вообще¹. И к тому же, как показывают исследования, нравственные нормы исторически изменчивы (Аругюнова, Александров, 2019; Психологические исследования нравственности, 2013; Российское общество..., 2015; и др.), а создатель советского государства В. И. Ленин считал, что «нравственно все, что служит победе коммунизма» (Ципко, 2016, с. 181), – и к тому же полагал, что нравст-

¹ Отмечается, что «у разных людей разная мораль», а примерно у 1% людей, включая психопатов, она вообще отсутствует» (Лэйард, 2012, с. 145). То, что «говорить о едином и одинаковом для всех народов уровне развития морали в российском менталитете без учета этнического своеобразия не очень правильно», показывает и М. И. Воловикова (Воловикова, 2009, с. 96). Строго говоря, определение нравственного уровня той или иной эпохи – это разговор о «средней температуре по больнице»: уровень нравственности представителей разных народов, различных социальных групп, разных районов одного города и даже рядом расположенных домов различается. Впрочем, вычисление этой «средней температуры» иногда полезно.

венно то с одними объединиться, а с другими размежеваться, то поступать наоборот.

Был ли безнравственным человеком Павлик Морозов? Очевидно, отношение к его поступку определяется тем, что в моральной системе общества «выше» — интересы семьи или государства. Если первые, то его выходка выглядит дикой, если государственные интересы, отлитые в соответствующую идеологию, то нормальной, более того, способной служить образцом для каждого нравственного человека. Налицо расхождение морали того времени и современной морали при строгом подчинении действий Павлика Морозова первой (к тому же не учитывается возрастная изменчивость моральных правил, акцентированная, например, теорией Л. Колберга: может быть, спустя несколько лет из Павлика получился бы вполне современный в моральном отношении человек).

Вообще гораздо проще сказать, какой человек является высоконравственным, чем судить о его поведении как о *безнравственном*. Видимо, высоконравственным можно считать поведение, полностью подчиненное существующим в обществе нормам морали. А безнравственное поведение — это поведение человека, грубо нарушающего эти нормы, при этом хорошо знающего их и не испытывающего внешнего принуждения к их нарушению. Отсюда вытекает необходимость различения двух типов людей: с высоким и с низким интеллектом — и двух типов поступков: свободных и совершенных под внешним принуждением. Строго говоря, только грубое нарушение нравственных норм человеком с высоким интеллектом и совершенное им свободно в отсутствие внешнего принуждения может быть признано безнравственным. Поступки же человека, просто не понимающего, как надо поступать, или совершенные им по принуждению к этой категории столь легко не относимы.

Тем не менее, о типовом нравственном облике представителя некоей эпохи некоторое представление можно составить, тем более, что ушедшая советская эпоха оставила о себе память высоконравственной. «Практически во всех спорах про времена СССР рано или поздно возникает аргумент в виде „советской духовности“», — родственного нравственности понятия, — пишет автор одной из онлайн-публикаций (Некоторые мысли о советской нравственности, электронный ресурс).

Советское общество довольно часто ностальгически вспоминается как оазис нравственности, как общество, говоря словами М. Вебера,

«моральный темперамент» (Вебер, 2021) которого был чрезвычайно высок, что резонирует и с характеризруемыми в качестве безнравственных западными странами и с современной Россией. «Принято смотреть на СССР как на государство, бывшее обителью необычайно нравственности и влагилищем самой превосходной морали» (Люлька, электронный ресурс) и т. д.

«Зоны» безнравственности в советском обществе

Многие авторы опровергают это представление, высвечивая, наоборот, «зоны» безнравственного в советском обществе. Одной из таких «зон» являются аборты. Отмечается, что советские женщины делали колоссальное количество аборт — в среднем 4,5 миллиона в год, а в 1968 г. поставили своеобразный антирекорд — 5,6 миллиона — и выйдя по этому показателю на первое место в Европе. В этом же году советские женщины сделали 293 аборта на 100 живорождений, т. е. из четырех беременностей лишь одна заканчивалась рождением ребенка, а три — абортами. Нынешние же женщины делают 48 аборт на 100 живорождений, т. е. почти в 5 раз меньше. Меньше всего аборт делают представители молодой группы населения, а больше всего — те, кто «родом из СССР», оставаясь в фертильном возрасте. «Дети не хотят вести себя, как их матери», — заключает автор публикации (Некоторые мысли о советской нравственности, электронный ресурс). Хотя, конечно, ее вывод о том, что «девственность до брака — это не некое „уникальное и не имеющее аналогов“ явление советской духовности, а просто остатки патриархальных укладов» (там же), кому-то покажется недостаточно обоснованным, а в современной России аборт считают морально неприемлемым лишь 36% населения (Сулакшин, 2014).

Сторонники не слишком высокой нравственности СССР прибегают и к аргументу о том, что высоконравственное общество не может породить значительную прослойку людей, причем во властных и околовластных структурах, готовых к критике его же основ, а именно таковым было советское общество. «В любом случае то, что очень многие бывшие коммунисты, как только подул новый ветер, быстро перешли в новый статус — борцов с коммунизмом, на мой взгляд, является свидетельством того, что мораль в Союзе была не слишком-то крепка» (Дорошенко, электронный ресурс). И действительно, морально консолидированное общество не порождает слишком значительной оппозиции в вопросах морали.

Довольно часто констатируется «двойной» характер советской морали — одна для официальных ситуаций, другая — для неофициальных. «Мораль в Советском Союзе была... как бы поинтеллигентнее выразиться... странной. Хотя некоторые предпочитают называть ее двойной, — пишет И. Дорошенко, но далее отмечает, — трудно сказать, что лучше: двойная мораль или почти полное ее отсутствие» (там же), очевидно, намекая на современную Россию. Двойная мораль порождает «ложь во спасение», которая вроде бы не имеет прямого отношения к нравственности. А говорить неправду в официальных ситуациях — на митингах, партсобраниях и т. д. — не считалось зазорным. Но не формирует ли это привычку, выходящую далеко за их пределы? Двойная мораль достаточно распространена и в современной России (Российское общество..., 2015), где существует значительная категория лиц, систематически говорящих неправду и не видящих в этом греха. Не связано ли это с длительным господством двойной морали в советском обществе?

Естественно, возникает соблазн обозначить наиболее опасные проявления безнравственности современного общества, показать, что в СССР их не было и таким образом продемонстрировать его высокую нравственность. Но этот вроде бы очевидный прием неприемлем уже потому, что «во времена СССР не существовало повсеместного интернета и, следовательно, не было возможности оповещать во всеуслышание о своих мерзких делах тех, кто хотел бы ими похвалиться» (Советская нравственность, электронный ресурс). Трудно не согласиться с тем, что «в том же советском обществе были и другие люди — циничные, жестокие, растленные, настоящие бесы во плоти. Как злой джин из бутылки, мигом вырвались они на свободу после того, как таковая свобода была им дана. Именно они, а не „настоящие люди“ стали повсеместно властью и хозяевами жизни в безвременье 1990-х, что во многом определило неприятный облик этих страшных лет. И этот факт определяет действительную цену „советской нравственности“» (там же). Впрочем, «бесы во плоти» имеются, наверное, в любом обществе, и от социальной системы зависит, давать им свободу или нет. Поэтому вывод о том, что «в 1960-е, 70-е и 80-е годы мы наблюдаем деградацию советского общества, что хорошо видно в среде молодежи» (там же), представляющий собой очень типичное видение советской нравственности (см.: Были ли в СССР мораль и нравственность? и др.) как очень высокой в раннесоветские годы и деградировавшей в позднесоветские, видимо,

представляет собой ностальгическую идеализацию раннесоветского времени.

Эта точка зрения плохо совместима с «темной стороной Великой Отечественной войны», включающей четыре основных аспекта: 1) безжалостное отношение советских военачальников к солдатам¹; 2) количество советских граждан, добровольно сотрудничавших с немцами; 3) их суровое отношение друг к другу; 4) последствия ВОВ. Ее «темная сторона», естественно, нисколько не уменьшает героизма Советских солдат, но, хотя она изъята из официальной версии Войны, ее надо учитывать. 800000 наших соотечественников ушли в добровольные союзники немцев (в «хиви»), 230000 – в полицаи, 300000 – в коллаборационисты в вермахте (Советская нравственность и национальные интересы, электронный ресурс). Конечно, не всех, шедших на «добровольное» сотрудничество с оккупантами, следует характеризовать как людей безнравственных. За ним могут стоять различные жизненные ситуации (вспомним фильм «Проверка на дорогах»). Однако образ советского народа как всецело лояльного советской власти в период Войны эти цифры все же размывают.

Другим фактом, противоречащим идее высокой нравственности советского общества, была достаточно большая доля уголовников, соблюдавших специфические законы криминального мира (эти законы воплощали особую нравственность, что, видимо, не нуждается в доказательствах). Л. Г. Фишман и В. С. Мартьянов подчеркивают, что «криминальная культура 1990-х появилась не на пустом месте, продолжая богатые традиции советской уголовной субкультуры, реальные размеры которой в идеологических целях преуменьшались, как и растущая позднесоветская статистика преступности и самоубийств» (Фишман, Мартьянов, электронный ресурс). «Специфическая уголовная субкультура получила в СССР распространение, немыслимое в какой-нибудь иной европейской стране, – пишет один из авторов. – Примерно 15% населения страны к моменту распада СССР успела отбыть срок в лагерях и тюрьмах (Ракитин, 2016). И только официальная идеология утверждала, будто «тюрьма перевоспитывает человека... Жизнь городских низов свидетельствует о высоком уровне открыто выражаемой агрессивности» (Козлова, 2005, с. 316), об этом свидетельствует

1 Ярким примером может служить решение одного из главных героев этой войны Г. К. Жукова при взятии Берлина штурмовать Зееловские Высоты, стоившие Красной Армии более 300 тыс. жизней. Из известных советских военачальников, пожалуй, только генерал Горбатов действовал иначе.

упоминание повседневного насилия почти на каждой странице мемуаров женщины, жившей в то время (там же).

Относительную независимость идеологии, официальной и неофициальных моралей (вырабатываемых различными социальными группами) и нравственности (об этом см.: Столяр, 2010; Фишман, 2014; и др.), вероятность ситуаций, когда на фоне развитой и консолидированной официальной морали возможно безнравственное общество и наоборот, не следует переоценивать. Существует мнение, что «советская нравственность не могла не рухнуть вместе с верой в коммунизм... Как только человек понимал, что светлое будущее есть не более, чем байки бабушки Ленина, никаких оснований придерживаться нравственных норм у него просто не оставалось, кроме, может быть, привычки или страха перед уголовным кодексом... Отсутствие коммунизма и его существенных признаков автоматически, на бессознательном уровне отключало у человека всякую внутреннюю потребность следовать нормам и правилам даже того самого „Морального кодекса строителя коммунизма“» («Люлька», электронный ресурс).

Современные социологи акцентируют проблему школьного насилия как одну из наиболее острых в современной России (Сизова, Егорова, 2016; и др.). Однако и в советском обществе со школьным насилием не все было благополучно. И дело даже не в шумных, иногда доходивших до прессы скандалах, основанных на том, что всеми нелюбимый мальчик/девочка иногда повергался довольно-таки садистскому издевательствам. В советском обществе существовала более принципиальная вещь – система силового воздействия в школах. Сейчас часто подвергается критике чрезмерная дифференциация российского общества, и, действительно, по уровню неравенства доходов мы опережаем большинство европейских стран (Шевяков, 2011; и др.). Но в советские годы существовала противоположная крайность, образцом которой была коммунальная квартира, в которой интеллигент мог соседствовать с уголовником (Мирович, 2017). Примерно то же явление наблюдалось в советских школах, особенно в новых районах, где новостройки воздвигались рядом с бараками, возникшими на месте бывших деревень. Дети из разных слоев населения оказывались перемешанными в одной школе, а спецшколы, не доступные детям из социальных низов, подвергались за это критике. Некоторые из «барачных» детей и их сверстники практиковали в отношении своих сверстников тот стиль поведения, к которому привыкли, с регуляр-

ным мордобоем, матом и т. д., и пока эти «жертвы всеобуча» (термин одного советского учителя) не уходили в ПТУ после окончания 8-го класса, жизнь для более цивилизованных детей превращалась в сущий ад. Может быть, кто-то эту свойство советской системы не сочтет аморальным, но, скорее всего, лишь тот, кто не считает аморальной всеобщую деловщину, которой, кстати говоря, в современной России нет или почти нет. Иногда отмечается и преемственность: тюрьма—армия—школа, которая не лишена оснований. Так или иначе, атмосфера в советских школах не была явлением случайным, а в советских фильмах, считавшихся наиболее «острыми» («Доживем до понедельника»), не показаны наиболее острые проблемы советской школы.

В духе традиции придавать всему характер документов советские идеологи решили зафиксировать в документе и свои представления о типовом нравственном облике строителя коммунизма. Так, в 1961 г. возник Моральный кодекс строителя коммунизма, после чего этика, само собой разумеется марксистско-ленинская, была внедрена в учебный процесс, стали появляться курсы лекций, учебники, создаваться соответствующие кафедры в вузах и т. д. Не вполне понятно, какое отношение этот Моральный кодекс имел к реальности, скорее всего, никакого, во всяком случае от «строителей коммунизма», вступавших в партию и в комсомол, строгого, а то и вообще какого-либо соответствия его заповедям не требовалось. Он скорее имел смысл приблизительного морального ориентира для тех, кто считался разделяющим советские идеалы. Вот как характеризует создание Кодекса Ф. М. Бурацкий, по его словам, стоявший у истоков этого документа: «Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда все действительно „ляжет“ на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов. Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошел на „ура“» (Моральный кодекс, электронный ресурс). А вот что по поводу Нравственного кодекса строителя коммунизма говорил В. В. Путин: «выдержки из Библии» (Разговор с Владимиром Путиным, 2011), «примитивная выдержка из Библии» (Путин сравнил..., электронный ресурс). То, что «Моральный кодекс»¹ «списан с Нагор-

1 **Заповеди Морального кодекса**

1. Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма.
2. Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.

ной проповеди», признал и Г. А. Зюганов (2012). Нетрудно понять, какое отношение к реальности имел документ, «списанный с Нагорной проповеди», и какая часть людей, в том числе правоверных строителей коммунизма, ему следовала.

В то же время «нравственность в отечественной моральной философии рассматривалась как часть социальной реальности» (Бондарев, Перов, 1997, с. 3), а «отечественная философия советского периода и этика как ее часть претендовали именно на научно-рациональный способ исследования бытия, а соответственно, и нравственности» (там же, с. 6). Такое сочетание элементов было вообще очень характерным для советской идеологии, включавшей откровенно мифическое детали (миф о коммунизме, соответствующий образ человека и др.) в строго рационалистическую канву. Конечно, возникает соблазн и здесь предположить «двойной» характер советской морали: например, с позиций людей, стоявших у власти – мифы для других, а не для себя. Но такое предположение сильно бы упростило и огрубilo действительность.

Пограничные «территории»

Но речь не только о наиболее грубых нарушениях нравственности, признаваемых таковыми почти всеми современными народами. Су-

-
3. Забота каждого о сохранении и умножении общественного достоинства.
 4. Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.
 5. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.
 6. Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.
 7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.
 8. Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.
 9. Непримируемость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству.
 10. Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.
 11. Непримируемость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.
 12. Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

ществовали и такие формы безнравственного поведения, которые находятся где-то на грани, одними слоями общества воспринимаясь как нарушение морали, другими — как вполне нормальные и не выходящие за ее пределы. Таким неявным нарушением морали в советском обществе является хамство, ставшее его столь же неявным символом. Мы имеем в виду не срывы в психологическом состоянии человека, когда он, доведенный до отчаяния, может нахамить окружающим, но, придя в свое нормальное состояние, испытывает стыд за свой срыв. Имеется в виду то, что хамство считалось нормальной манерой общения среди широких слоев населения, и в быту был широко распространен стереотип, согласно которому хороший человек может хамить, причем регулярно, окружающим. Последствия этой тенденции можно обнаружить и сейчас (Сулакшин, 2014) в современном российском обществе, демонстрирующем высокую толерантность к хамству (Российское общество..., 2015).

Вполне легитимной «территорией» хамства стала советская торговля, один из основных принципов которой «вас много, нас мало», во многом соответствовавший действительности, иногда он проявляется в нашей провинции и поныне, где такой действительности уже не соответствует. Он расходился с советской моралью, согласно которой «советский продавец должен показать советскому покупателю товар лицом, быть с ним вежлив и обходителен». Это расхождение зафиксировано в советском анекдоте, сочиненном во время Московской олимпиады, когда все названия дублировались на английском языке. В винном магазине закончился портвейн. К длиннющей очереди за ним выходит продавщица — баба с подбитым глазом и в грязном переднике — и говорит: «Ну что алкаши, кончился ваш портвейн». В это время по радио раздается елейный женский голосок: «Ледис энд джентелмен, зе потрвайн из овер». Причина, конечно, коренится не только в том, что работать в торговлю шли, мягко говоря, не самые достойные люди. Приятного, интеллигентного продавца, наверное, где-то и можно было встретить (автор этих строк его не встречал), но как очень редкое исключение. На продавцов напирала толпа покупателей, среди которых тоже было немало не слишком приятных людей. Таким образом, всеобщий дефицит как одна из основных, базовых характеристик советского общества создавал *объективную основу* для хамства, что в «стране победившего ее социализма» (термин Ф. М. Бурлацкого) имело очень большое значение.

Наряду с хамством имелся и ряд явлений, которые, не получая однозначной моральной оценки, тем не менее в большинстве обществ рассматриваются как аморальные. Такова, например, практика доносов, тоже очень характерная для СССР. В сталинские годы граждане нашей страны написали друг на друга более 4 млн доносов, внося, таким образом, посильный вклад в массовые репрессии. Наверное, истинно нравственный человек донос на соседа не напишет, особенно зная, чем это может закончиться. Но ситуация доноса как средства расправы с неугодными гражданами создает большой соблазн и тоже образует объективную основу этого явления. Конечно, было бы опрометчиво утверждать, что доносы органически присущи социализму, как это иногда делается, хотя бы потому, что в позднесоветское время их практически не было. Однако при определенных обстоятельствах (тоталитаризм, массовые репрессии и т. д.) социализм может принять характер, располагающий к тому, чтобы писать доносы, что и было в нашей истории.

Есть в нашем советском прошлом и явления, которые воспринимаются по-разному различными социальными группами, кто-то причисляет их к числу безнравственных, а кто-то — нет и даже видит в них проявление совершенства советской морали. Молодой человек в любом месте рисковал стать объектом интенсивного воспитания в виде многочисленных сделанных ему замечаний, причем далеко не в самой доброжелательной форме, со стороны представителей старшего поколения. Одни относились к этому позитивно — как к наставничеству, другие видели в нем грубое и бесцеремонное вмешательство в чужую частную жизнь, что дает о себе знать и поныне, особенно в отношении к окружающим современной российской молодежи (Психология нравственности, 2010; Сулакшин, 2014; и др.). Возникла объективная основа для конфликтных ситуаций. Потом она исчезла — то ли вследствие каких-то изменений нашего общества, то ли в результате распространения «нравов 90-х»: чересчур рьяный воспитатель рисковал получить от воспитуемого по физиономии. В любом случае практика всеобщего воспитания отошла в прошлое, но память о тех временах осталась.

В советском обществе можно обнаружить и другие явления такого вида, делающие вопрос о его нравственном состоянии как минимум неоднозначным. Формула «плохая социальная система — плохая власть — хороший, высоконравственный народ» — не соответствует действительности уже потому, что эта система склоняла людей к со-

вершению безнравственных поступков. Впрочем, и высоконравственных тоже.

Отличия от современности

Чем нравственное воспитание советского времени отличалось от современного, не сложно понять. Во-первых, советские люди были «равнее» современных россиян. Т.е. были примерно равны в имущественном отношении, жили примерно в равных условиях, питались примерно одинаково и т.д. Если кто-то, партийные начальники например, «выходил за габарит», то, как именно и насколько, советские люди в большинстве своем не знали. Поэтому к нарушителям моральных норм применялись одни и те же санкции. Во-вторых, они применялись ко всем или почти ко всем. Арест Адылова или дело против директора Елисеевского гастронома – тому примеры. В-третьих, мораль не была жестко отделена от закона, как сейчас¹. Против нарушителя моральных норм могли быть применены жесткие санкции вроде исключения из партии, увольнения с работы, а то и вообще тюремного заключения. В-четвертых, санкции были достаточно строгими. Что означало быть исключенным из партии, хорошо помнят заставшие то время². Действовал принцип «чем выше сидишь, тем больше падать», а субъектом применения санкций была советская система вообще, и казалось не слишком важным, какой ее уровень исходно приведен в возбуждение, например с помощью доноса. Все это советский человек знал с раннего детства и, как правило, не отваживался нарушать. А «железный занавес», окружавший СССР и другие стра-

- 1 Тем не менее, большинство россиян убеждены, что государство должно вмешиваться в поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе путем, главным образом, принятия законов, делающих его нормы обязательными для исполнения, и установления уголовной или административной ответственности за их нарушение (Российское общество..., 2015).
- 2 Расхождение представителей разного времени в этом вопросе хорошо иллюстрирует разговор представителя той же возрастной группы с семилетним сыном, свидетелем которого случайно стал автор этих строк. Ребенок смотрел фильм «Голубое небо», где главный герой очень мучается, будучи несправедливо исключенным из партии. «Из-за чего он так переживает», – спросил сынишка. «Из-за того, что его исключили из партии», – ответил отец. Сын ненадолго задумался, а потом спросил: «Пап, а из какой партии?».

ны «народной демократии», создавал вокруг страны Советов идейный вакуум, приучавший советских людей к тому, что это – единственно правильный вариант функционирования моральной системы.

Все сказанное может создать впечатление, что нравственность советских людей основана только на внешнем контроле за их поведением. Внешний контроль действительно играл первостепенную роль в поддержании советской нравственности. Однако не только он, но и внутренние, интериоризованные механизмы нравственного поведения тоже. Многие содействовало их формированию, в том числе и советские кинофильмы, где в их наиболее примитивных вариантах все герои были положительными за исключением одного, который подвергался коллективному перевоспитанию. Такая нехитрая фабула приучала советских людей к тому, что нравственные пороки, во-первых, очень немногочисленны, во-вторых, неизбежно будут наказаны, что создавало фон советского воспитания, на котором у нравственных недостатков не было перспектив.

Что изменилось в нашем обществе? Мораль оказалась строго отделенной от закона. Как живой архаизм смотрятся люди, по большей части представители старшего поколения, которые ожидают, что кого-то посадят «за то, что он очень плохой человек». Общество сейчас разбито на категории, в основном по денежному принципу, и ожидать применения законов, а тем более моральных санкций против состоятельных людей довольно бессмысленно. Иногда в сети закона попадают люди, находящиеся в верхней части новой социальной пирамиды, но лишь в том случае, если их преступления против общества очень значительны или, что гораздо хуже, ими «утрачено политическое доверие». Система не обезличена, а представлена своими конкретными членами, которым ничто человеческое, в том числе и материальные потребности, не чуждо. В общем нетрудно видеть, что нынешняя система моральных санкций принципиально отличается от советской в своих основных чертах.

Почему нравственное состояние нашего общества постепенно улучшается в последние годы, как следует из многочисленных данных (Юревич, 2022)? Во-первых, потому, что, будучи в советские годы основано преимущественно на внешних запретах, оно после существенного ослабления в результате снятия этих запретов в начале 1990-х годов затем постепенно стало опираться преимущественно на внутренние ограничения. Постсоветский человек, видя, к каким жутким криминальным последствиям приводит бесконтрольная сво-

бода, сам научился налагать на нее ограничения, в то числе моральные. Этот процесс у нас еще только начался, но все же дело сейчас обстоит значительно лучше, чем в начале 1990-х. Во-вторых, всякая социальная система, приведенная крутыми социальными пертурбациями в возмущение, в дальнейшем неизбежно переходит в состояние равновесия, в том числе и нравственного. В-третьих, впечатляющее количество россиян, ежегодно едущих, точнее, ездивших до пандемии и санкций за рубеж (Статистика выезда, 2019), свидетельствует о том, что нравственные нормы зарубежного общества, как бы мы к нему ни относились, оказывали на нас какое-то влияние. Наконец, в-четвертых, институты, имеющие определенную близость к демократическим, дают о себе знать. Российская власть при всех ее известных недостатках становится лучше, больше думает об основных, в том числе нравственных проблемах нашего общества и успешнее их решает.

Вместе с тем экскурс в «оазис нравственности» – в советскую эпоху – свидетельствует о том, что такого «оазиса» не существует, каждое время создает свою нишу для безнравственных людей, и советский период нашей истории не является исключением. Кроме того, необходимо учитывать историческую изменчивость критериев нравственного и безнравственного. Нравственное в одно время может оказаться безнравственным в другое, а формы типового проявления безнравственности определяются социальной системой. На ранних этапах истории советского государства такими формами были массовые доносы, на поздних – «двойная мораль», но всегда безнравственные личности находили область применения своей безнравственности. И наверняка, так будет и впредь.

Литература

- Арутюнова К. Р., Александров Ю. И.* Мораль и субъективный опыт. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Бондарев Л. И., Перов В. Ю.* Марксистская этика в СССР (историко-теоретический обзор) // Русская и европейская философия: пути схождения. СПб.: Кафедра, 1997. С. 2–17.
- Были ли в СССР мораль и нравственность? URL: <https://nosikot.livejournal.com/6042196.html> (дата обращения: 12.09.2022).
- Вебер М.* Самоубийство. М.: АСТ, 2021.
- Воловикова М. И.* Нравственность в современной России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 95–97.

- Гусейнов А. А. Идея абсолютного в морали. М.: РАГС, 2004.
- Гусейнов А. А. Негативная этика. СПб.: СПбГУП, 2007.
- Дорошенко И. Мораль в СССР. URL: <http://proza.ru/2011/05/21/479> (дата обращения: 26.11.2022).
- Зюганов Г. Кодекс строителей коммунизма мы плохо списали с Библии. Архивная копия от 21 декабря 2013 на Wayback Machine // РБК. 01.02.2012 г.
- Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.
- Люлька А. Про СССР – III: О нравственности большевиков. URL: <https://alyulka.livejournal.com/1145322.html> (дата обращения: 03.05.2021).
- Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки. М.: Ин-т Гайдара, 2012.
- Мирович М. Не нахамишь – не выживешь. Как общались люди в СССР // Новые известия. 20.07.2017. URL: <https://newizv.ru/article/general/20-07-2017/ne-nahamish-ne-vyzhivesh-kak-obschalis-lyudi-v-sssr> (дата обращения: 21.12.2020).
- Моральный кодекс строителя коммунизма. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0 (дата обращения: 17.03.2022).
- Некоторые мысли о советской нравственности. URL: <https://alexich1976.livejournal.com/7306.html> (дата обращения: 16.02.2022).
- Разговор с Владимиром Путиным: Полный текст // ИА REGNUM, 15.12.2011.
- Психологические исследования нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Путин сравнил коммунистическую идеологию с христианством // ТАСС. 14.01.2018.
- Ракитин А. «Социализм не порождает преступности». Серийная преступность в СССР: историко-криминалистический анализ. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016.
- Российское общество и вызовы времени. В 2 кн. Кн. 2 / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2015.

- Сизова И. Л., Егорова Н. Ю.* Насилие в школе и проблемы семьи // Социс. 2016. № 3. С. 128–131.
- Советская нравственность. URL: <https://inok-mihail.livejournal.com/126050.html> (дата обращения: 11.03.2023).
- Советская нравственность и национальные интересы. URL: <https://butina.livejournal.com/448297.html> (дата обращения: 07.03.2022).
- Статистика выезда россиян за рубеж в 2019 году. Официальные данные. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/50475.html> (дата обращения: 03.08.2020).
- Столяр М.* Религия советской цивилизации. Киев: Стилос, 2010.
- Сулакишн С. С.* Нравственность российского общества и факторы влияния (Интернет, телевидение) // Политика и общество. 2014. № 9. С. 1063–1061.
- Ципко А.* От «праздника революции» к «празднику священной войны с Западом» // Мир перемен. 2016. № 2. С. 174–189.
- Фишман Л. Г.* Кризис морали как кризис идеологий? // Пространство и время. 2014. С. 19–38.
- Фишман Л. Г., Мартьянов В. С.* От высоких ценностей к «криминальной революции»? URL: <https://sg-sofia.com.ua/sovetskaya-moral-ot-visokih-zennostej-k-kriminal-revoluzii> (дата обращения: 13.04.2021).
- Шевяков А. Ю.* Мифы и реалии социальной политики. М.: ИСЭПН РАН, 2011.
- Юревич А. В.* Нравственность в СССР // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 3 (5). С. 39–49.

Экономический менталитет россиян в связи с характеристикой советского периода развития

Д. А. Китова, А. Л. Журавлев

Анализ состояния проблемы

Менталитет как психологическая категория. Категория *менталитета* в современной научной литературе становится «предметом широкого научного дискурса» (Буянова, 2006, с. 168), а его определение связано с «самой разнообразной трактовкой» (Семенов, 2007, с. 95), включая такие широкие понятия, как «национальный характер», «национальная психология», «склад нации», «облик нации», «дух народа» и др. (Артемьева, 2010). Такое понимание проблемы традиционно представлено в широкой совокупности работ, начиная с трудов Л. Леви-Брюля (2002) и завершая современными публикациями (см., например: *Историогенез...*, 2015; *История и современное состояние...*, 2016; Кольцова, Журавлев, 2017; и др.), которые тяготеют к междисциплинарной интеграции крупных исследовательских проблем в изучении психологии народов (Буянова, 2006, с. 170), позволяя рассматривать менталитет в широком научном диапазоне: переходя от *психологических* концепций к *общегуманитарным* рассуждениям о человеке, его социальной природе и будущем (*Российский менталитет...*, 1997; Сикорский, 1993; Стефаненко, 1999, с. 141; Фильд, 1996).

Следует отметить, что в зарубежной научной литературе понятие «менталитет» также представляет объединение множественных и разнородных явлений. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой это понятие раскрывается как «мировосприятие, умонастроение», что можно рассматривать как обыденное представление о нем. В целом исследователи склоняются к такому мнению, что *менталитет* — это глубинный, труднофиксируемый источник мышления, идеологии и веры, нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознатель-

ного, логического и эмоционального, переходящее в сферу поведенческих конструкторов (Захарова, 2013).

Расширительное толкование менталитета находит свое отражение и в эмпирических исследованиях. Так, в литературе зачастую звучат мнения специалистов о том, что социально-экономические реформы, осуществляемые в условиях России по западным сценариям, ожидаемо приносят преимущественно негативные результаты (Семенов, 2007). Диапазон мнений о целесообразности эмпирического анализа менталитета также чрезвычайно широк и находится в интервале между двух основных позиций: от утверждения, что «менталитет – это нематериализуемая составляющая традиций» (Лурье, 1997, с. 44), до конкретизации и описания его содержательных элементов. К примеру, Е. Г. Синякина выделяет определенный ряд специфических констант «психологического портрета» русского крестьянина дореволюционного (до 1917 г.) периода, отмечая следующие его свойства: трудолюбие, способность преодолевать трудности, глубокую религиозность, поэтичность, развитое чувство собственного достоинства и т. д. (Синякина, 2010, с. 603).

Такому обширному толкованию менталитета, по мнению А. В. Юревича, способствует определенный ряд теоретических проблем, препятствующих выработке строго определенных дефиниций понятия, к которым он относит две основные группы факторов. Первая группа сопряжена с самой психологической природой явления. Автор отмечает, что «практически отсутствуют психологические элементы, которые не входили бы в структуру менталитета... иными словами, любой психический элемент, относимый к уровню психологии народов... является составным элементом его менталитета» (Юревич, 2013б, с. 12). Ко второй группе автор относит особенности анализа менталитета – историчность и изменчивость во времени, присутствие в обществе различных этнических групп со специфическими референциями менталитета, которые дополняются личностными особенностями и социальными различиями групп, а также идеологической лояльностью культур. Как справедливо утверждает автор, из представленных положений вытекает неизбежная «мозаичность менталитета» (менталитетов).

Единство авторов в приведенных выше определениях менталитета достигается в ходе трактовки общепсихологической *структуры менталитета*, которая включает когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты (осознаваемые и неосознаваемые). Тем не менее,

содержательные характеристики менталитета требуют выработки схем описания *структурной композиции* менталитета. Например, в качестве его *когнитивных* элементов разные авторы рассматривают мыслительные установки, типовые схемы каузальной атрибуции, определенные динамические (временные) характеристики, специфику мышления и т. д. Для дальнейшего анализа проблемы представляется необходимым уточнение *базовой схемы* менталитета, выделение ее *типовой структуры* — ядерной и периферической систем, разработка *операциональных схем* эмпирического анализа и структурирование различных *видов* менталитета как по «вертикали», так и по «горизонтали». Если в первом случае можно говорить о национальном и этническом (локальном) менталитете, то во втором — рассматривать сопоставимые между собой социальные сферы жизнедеятельности общества (политическую, экономическую, профессиональную и т. д.) и выделять в их рамках специфические особенности менталитета.

«Наше знание о психологической природе и механизмах формирования менталитета народов, субкультур, социальных групп и т. д. еще крайне ограничено» (Гостев, 2010, с. 22), а при изучении менталитета «следует искать дополнительные понятия, закономерности, неосвоенные психологией» (там же, с. 24).

Анализ теоретических и эмпирических исследований менталитета. Все возрастающий интерес современных исследователей к проблемам менталитета выступает ярким свидетельством востребованности и актуальности проблем менталитета для многих социогуманитарных отраслей науки. Представленный в Научной электронной библиотеке (НЭБ) спектр научных работ по этой проблематике можно соотнести с основными, рассмотренными выше направлениями научного поиска и разделить по методологическим основаниям на теоретические, методологические и прикладные работы.

Среди *теоретических* работ можно отметить такие направления анализа, как изучение сущности и соотношения понятий «менталитет» и «национальный менталитет» (Урунова, 2016), предпосылок исследования проблемы «ментальности» и «менталитета» в трудах зарубежных и отечественных мыслителей (Демкина, 2014), проблемы формулирования дефиниций «менталитет» и «ментальность» в этнопсихологической литературе (Ежова, 2013), ментальности и менталитета в этнокультурной реальности (Чернявская, 1998), специфики русского менталитета в социально-философских концепциях XX в. (Думнова, 2013), специфики менталитета в культуре Запада и Востока (Новиков, 1996).

Методологические проблемы, обсуждаемые авторами, также затрагивают самые разнообразные вопросы, среди которых выделяются: изучение менталитета в отечественной историографии (Киприянова, Перекусихина, 2006), выделение базовых компонентов национального менталитета (Юревич, 2013а), анализ языка как индикатора этнического менталитета (Железняк, 2008) или способа отображения культурно-национального менталитета (Самосенкова, Гэн, 2011), соотношение понятий «языковая картина мира» и «менталитет» (Соседова, 2013), ценностно-регулятивные механизмы менталитета личности (Полякова, Ромах, 2005) и др.

Прикладные исследования менталитета находят свое отражение в следующих направлениях: национальный менталитет как основа государственного развития России (Чикаева, 2013), сущность и функционирование менталитета в обществе (Губанов, 2006), особенности менталитета жителей городов России на переломе эпох (Касаткина, 2013), разработка маркетинговой стратегии фирмы с учетом особенностей местного менталитета (Некрасов, 2013), признаки предпринимателя в российском и западном правовом менталитете (Мурунова, 2013), менталитет западноевропейских народов и его отражение в художественной культуре (Родосский, 2006).

Распределение научных работ можно представить и в соответствии с выделением различных *уровней изучения* менталитета. Среди исследований макропсихологического уровня: исследование менталитета и социальных институтов в качестве факторов прогресса на примере китайской цивилизации (Якупов, 2013), изучение роли менталитета в реформах современной России (Фадеева, Паршина, 2013). Сопоставить их можно с работами более локального характера, например: менталитет калмыцкого этноса (традиции и современное состояние) (Тюмидова, 2013) или офицерский менталитет и создание контрразведывательных отделений в российской армии (Жаров, 2011) и др.

Таким образом, исследования менталитета в научной литературе закономерно отражают *разнообразие* и *масштабность* этого понятия, сформировавшегося в результате теоретического анализа проблемы.

Эмпирические возможности изучения менталитета. Для целостного анализа менталитета целесообразно было бы выделить совокупность базовых компонентов *национального менталитета*, что является чрезвычайно сложной задачей, решения которой в ближайшее время ожидать не приходится. В данной работе наш интерес был сосредоточен на разработке *эмпирического подхода* к исследованию менталитета.

Если исходить из этнофункциональных представлений о менталитете, в частности о «законе сохранения баланса» (Сухарев, 2020), то нужно опереться на источник, связанный со стремлением коллективного субъекта (общества) к гармоничному сочетанию трех компонентов отношения к природе, религии и научному знанию. Для выявления такого рода информации целесообразно обратиться к анализу поисковых запросов в «Google»¹, связанных с заданными понятиями («природа», «религия» и «знания», отношение к которым, определяет ментальные особенности культуры, по Сухареву).

Как оказалось, специфические особенности такого рода интересов в различных странах существуют, хотя и требуют дополнительного изучения и объяснения их взаимной обусловленности и взаимных связей (рисунок 1). Так, в *России* явно преобладает интерес к природе

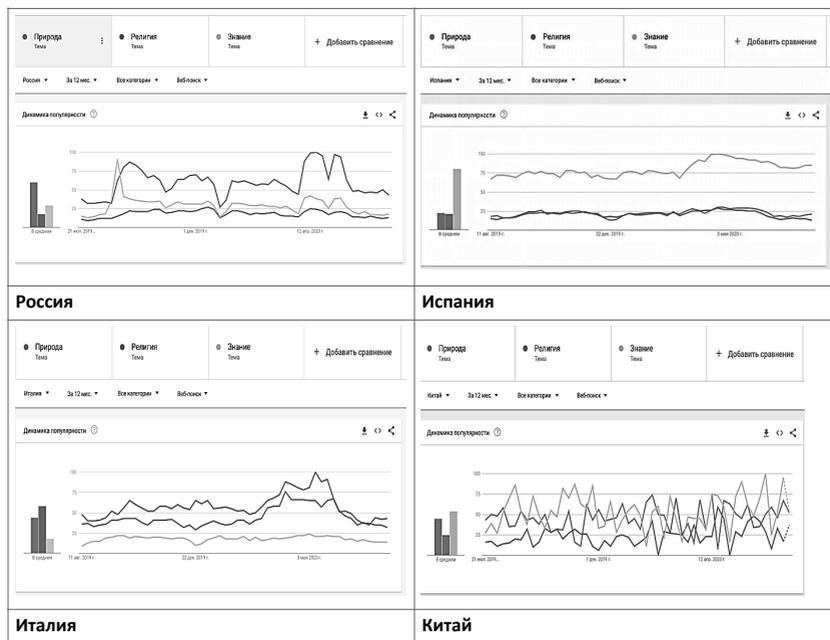

Рис. 1. Распределение интереса пользователей поисковых систем к различным категориям проблем

1 «Google» – самая популярная поисковая система в мире, на долю которой приходится 92,04% всех пользователей сети, общее количество которых в 2019 г. составило 5,11 миллиарда человек (уникальных пользователей), работа системы поддерживается более чем на 50 языках мира.

(за исключением первой декады сентября, связанной с началом учебного года в школах, колледжах и вузах), в *Испании* превалирует заинтересованность пользователей в новых знаниях, а в *Италии* основной интерес обращен к религиозной тематике. В *Китае* существует более равномерное (возможно, гармоничное) стремление к стабильному познанию всех трех направлений, что предположительно может выступать одним из условий оптимального развития ментальности. Если отвлечься от этнофункциональной концепции Сухарева о менталитете (которая имеет как некоторых сторонников, так и явных оппонентов), то само наличие национальных особенностей проявления интереса к природе, религии и знаниям не вызывает сомнений. Представленные результаты позволяют обозначить две существенные позиции. Во-первых, менталитет как интегральная характеристика психологических особенностей народов *существует* (вопреки представлениям о его «призрачности») и может быть обнаружен эмпирическим путем. Во-вторых, в условиях развития информационно-коммуникационных технологий появляются новые (ранее не существовавшие) *эмпирические возможности* их изучения, которые, конечно, не ограничиваются лишь представленными ниже способами. К таким возможностям можно отнести изучение «цифровых следов» в Интернете по проблемам, имеющим массовый (не единичный, не редкий) характер проявления интереса (подробнее о методе см.: Журавлев, Китова, 2019).

Экономический менталитет и направления его изучения. Исследованию *экономического менталитета* закономерно присущи основные проблемы, связанные с изучением самого базового понятия. Вместе с тем это понятие имеет свою психологическую специфику. В первую очередь трудности возникают с его определением. Так, В. Марьяновский трактует его через специфику «отношения к труду как главной обязанности и потребности человека» (Марьяновский, 1996, с. 159). В работе Е. С. Балабановой в качестве синонима понятия «экономический менталитет» используется понятие «экономическая ментальность», которая рассматривается как «исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство осознанных и неосознанных ценностей, норм и установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении» (Балабанова, 2001, с. 69). А. Н. Захарова приводит целый спектр направлений, в рамках которых трактуется экономический менталитет: особенности экономической социализации; система экономических ценностей различных слоев населения

и различия в их восприятии; трудовой менталитет; поведение человека в организации, детерминированные менталитетом; ряд других социально-экономических явлений (Дубов, 1993; Журавлев, Китова, 2022а, б; Захарова, 2013; И вновь на..., 2019; Историогенез..., 2015; Историческая психология..., 2004; Китова, Китов, 2020; Новозженко, 2007; и др.).

Авторы, изучающие проблемы экономического менталитета, единодушны в своем мнении о том, что «экономический менталитет как структурный компонент российской полиментальности» (Захарова, 2013, с. 79) еще не стал предметом *углубленного* психологического исследования.

Можно отметить и *эмпирические особенности* описанных выше направлений (теоретических, методологических, прикладных), сложившихся в изучении концептов базового менталитета. В качестве примера можно привести несколько подходов: сущность менталитета и его влияние на экономическое поведение населения (М. В. Шульгин); оценка роли хозяйственного менталитета в развитии экономики (Е. О. Лусте); анализ влияния хозяйственного менталитета на экономическое развитие страны (З. Галушка, Е. О. Лусте); менталитет как фактор развития корпоративных инноваций (Хизриев, 2011); русский менталитет как условие национального экономического развития (Т. А. Чикаева); экономико-психологические аспекты этноменталитета населения Чувашии (А. Н. Захарова).

Поиски факторов экономического менталитета: к истории вопроса. Исследователям еще предстоит определить, как в условиях *взаимного проникновения* психологических и экономических факторов можно среди них выделить значимые (те из них, которые позволяют *прогнозировать* высокие экономические результаты) и научиться определять *интенсивность* их выраженности в зависимости от конкретных *условий развития культуры* того или иного общества. Не менее сложной задачей является определение *функциональных* характеристик воздействия социально-психологических феноменов при их взаимодействии с социально-экономической средой (Журавлев, 1998). Тем не менее, в психологии в рамках различных теоретических подходов был выявлен ряд таких фактов, которые в одном из своих проявлений могут рассматриваться как признаки *национального экономического менталитета*:

- взаимосвязь качества жизни и чувства экзистенциальной безопасности общества: чем выше качество жизни в конкретном

- обществе, тем сильнее чувство безопасности (Inglehart, Welzel, 2005);
- непосредственное влияние характера общественного сознания на темпы роста экономики в социалистических странах в период 1950–1970-х годов: снижение веры населения в разумность существующих экономических отношений не замедлило проявиться в снижении темпов промышленного роста этих государств (Фукуяма, 2004);
 - страны с относительно низким уровнем качества жизни имеют низкие показатели и по субъективной удовлетворенности жизнью (Inglehart, Welzel, 2005);
 - в представлениях о причинах бедности в сознании хорошо и плохо обеспеченных россиян находят отражение несопоставимые оценки: *обеспеченные россияне* считают, что причинами бедности являются *субъективные* факторы – алкоголизм, наркомания, индивидуально-личностные характеристики бедных, а *люди с низким уровнем* материальной обеспеченности относят к причинам бедности лишь *объективные* факторы – безработицу, низкий уровень государственных пособий, зарплат и пенсий (О насущных проблемах..., 2019).

Эти данные особенно интересны в связи с тем, что Россия занимает первое место в мировом рейтинге стран с самыми богатыми природными ресурсами, но по уровню жизни населения находится лишь на 96 месте в списке из 149 стран. Исследования Института социологии РАН показали, что в 2019 г., по мнению россиян, отрицательная динамика уровня жизни проявлялась по важным показателям жизнедеятельности российского общества (подробнее см.: Журавлев, Китова, 2019). Сложившаяся ситуация вызывает множество вопросов, в том числе о психологических особенностях экономического менталитета россиян, которые могут быть последствиями проживания взрослой части населения в условиях социалистической экономики. Таким образом, *задача эмпирической части исследования* состоит в изучении отношения к экономике СССР и анализе постсоветской динамики особенностей такого отношения. В эмпирической части представлено два относительно самостоятельных исследования. Первое связано с выявлением отношения современников к советскому периоду развития общества (данные характеризуют обыденное сознание россиян) и экономики, второе – с преломлением такого отношения в постсо-

ветский период в 1990–2000-е годы (данные представляют научное сознание раннего постсоветского этапа развития). Выявление обыденных и научных факторов отношения к экономике в советский период позволяет надеяться на определение характерных и связанных особенностей менталитета россиян.

Психологические исследования экономического менталитета россиян (анализ обыденного сознания)

Методологический подход и методы анализа. Системно-структурный анализ социальных процессов в интернете составляет одну из методологических основ современного гуманитарного знания (Журавлев, Китова, 2019; Соснин и др., 2020). В этом плане экономический менталитет необходимо не только рассматривать как явление современной жизни, но и изучать его историю, исследовать как продолжительный во времени процесс развития (Историогенез..., 2015; Королёв и др., 2011). С методологической позиции для фиксации особенностей экономического менталитета конкретного общества необходимы определенные технологии выявления и оценивания психологических характеристик человека и общества (Узденов, Китова, 2009; Хубиева, Китова, 2009; и др.). Концептуальный (теоретически обоснованный) анализ социальных процессов в интернете составляет одну из сторон такого рода методологического подхода (Журавлев, Китова, 2019; Соснин и др., 2020). К примеру, с целью анализа экономико-психологических особенностей представителей разных стран можно обратиться к исследованию характера их отношения к экономическим явлениям, например, через изучение экономико-ориентированных запросов в поисковых системах «Яндекса» или «Google» (подробнее о методе см.: Журавлев, Китова, 2023; Психологические исследования..., 2020). При таком подходе можно опираться на теоретические представления А. Н. Леонтьева, который рассматривал «интерес» как положительно окрашенный эмоциональный процесс, отражающий познавательную потребность человека, желающего узнать что-то новое об объекте интереса (Леонтьев, 1971). К тому же обращение к поисковым запросам, произведенным из разных стран, позволит увидеть характерные особенности отношения к экономическим условиям жизнедеятельности в конкретных обществах. Интерес будут представлять характерные особенности структуры, динамики, интенсивности, направленности такого рода запросов.

Целью эмпирического анализа отношения населения к СССР стало обращение к обыденному сознанию современников. В работе был использован *праксиметрический подход*, который связан с анализом уже совершенных действий (написанных текстов сообщений), в качестве продуктов анализа выступили тексты сообщений в социальной сети «В контакте». В основу отбора сообщений было положено наличие слова «СССР». Сбор и обработка эмпирических данных производились методом сплошной выборки в период с 11 февраля по 11 апреля 2023 г. Всего собрано и обработано 3537 сообщений (обрабатывались только уникальные, неповторяющиеся тексты, не содержащие прямых ссылок на сторонние источники, т. е. сообщения рекламного характера были удалены). Обработка сообщений производилась по следующей схеме: очистка сообщений с помощью эвристик (от рекламных сообщений и повторов); разбиение текста на токены¹, их подсчет и группирование. С методической точки зрения, анализ текстов сообщений осуществлен в три этапа: путем автоматизированного анализа повторяемости слов в общем объеме всех сообщений (1), посредством контент-анализа когнитивных смысловых категорий в текстах (2) и их соотношением с объективными характеристиками изучаемых экономических процессов (3), т. е. группированием на основе уже известных психологических, экономических и экономико-психологических теоретических концепций. Последний, содержательно-смысловой анализ текстов и слов, проведен методом экспертных оценок. Экспертами выступили участники проекта, имеющие опыт выполнения подобного рода исследований: 2 доктора и 1 кандидат психологических наук.

В ходе исследования учитывались корневые морфемы, выражающие основное лексическое значение слов (см. таблицу 1). Выявление в текстах эмоциональной компоненты сообщений производилось через оценку эмоционального фона текстов с использованием нейросетевой модели Dostoevsky. Модель основана на словаре, оценивающем эмоциональный фон (позитивный, нейтральный, негативный) коротких неформализованных сообщений по трем шкалам от -1 (негативный) до $+1$ (позитивный). Результаты анализа эмоционального фона сообщений указаны с разбивкой на 20 равных позиций (длина шага 0,1). Далее в модели вычисляется среднее арифметическое значение эмоционального фона сообщения в целом.

1 В программировании последовательность символов, которую можно идентифицировать как единый логический объект, аналог лексем в лингвистике (т. е. единица морфологического анализа).

Таблица 1

Примеры визуализации результатов автоматизированного анализа сообщений пользователей о Советском Союзе

Частотный анализ	Анализ эмоционального фона
151 квартир*	квартир* -0,05245055016130209
150 завод*	завод* -0,07364313254753749
147 экономик*	экономик* -0,111921318496267
145 миллион*	миллион* -0,15467003270362814
137 богат*	богат* -0,06838480426141849
130 очередь*	очеред* -0,08012640418914649
123 собствен*	собствен* -0,06107623999317487
122 вещь*	вещ* -0,08918992794739704
119 капитализм*	капитализм* -0,13480986033876738

Советские истоки экономического менталитета россиян. Как показали результаты анализа, пользователи относятся к СССР как к историческому явлению, оставшемуся в прошлом (слово «история» используется 6800 раз). Вторую позицию с заметным отставанием от ведущего слова, но с существенным преимуществом в сравнении с последующими занимает слово «народ» (частота употребления – 2160). Следующие три позиции также близки по значению к слову «народ» и отражают некую распространяющуюся на всех политическую и этическую общность. Это такие слова как: «наш» – 1370 повторов; «великий» – 1351; «просторы» – 1356. Не менее интересна еще одна последовательность слов, которые указывают на политическую историю Советского Союза: «война» – 1129; «победа» – 953; «Сталин» – 765. Затем через два слова («фильм» и «мир»), которые являются единичными позициями, представлена в прямой последовательности 5-факторная «композиция» слов: «республика» – 690, «нерушимый» – 589, «единый» – 571, «навек» – 562, «могучий» – 553, «сплотила» – 501. Очевидно, что это связка слов отражает содержание Гимна СССР, хотя и встречается в текстах вне контекста песни, тем не менее можно полагать, что эти слова отражают символ государственного единства не только на официально заявленном (гимн государства), но и на обыденном/народном уровнях восприятия.

Обобщая в целом наиболее популярные слова, можно отметить, что СССР воспринимается нашими современниками как великая (с исторической точки зрения) политическая общность людей, объединенных в свое время этнополитическим пространством, как государство, которое смогло победить во Второй мировой войне и пред-

ставляло собой единство (целостность, сплоченность) различных народов и этносов. Слова «мир» и «фильм» (9 и 10 позиции, о которых сказано выше) дополнительно указывают на восприятие Советского Союза как миролюбивого государства, обладающего высоким уровнем культуры – в данном конкретном случае кинематографическим.

Если рассматривать более широкий спектр слов, встречающихся в текстах, то их можно объединить в некоторые смысловые подгруппы. Наиболее заметной является тенденция сравнения Советского Союза с современной российской действительностью. На это указывает такая категория слов, как «российский» – 773; «сейчас» – 655; «сегодня» – 599; «период» – 519; «теперь» – 294; «современный» – 265; «нынешний» – 163; «следующий» – 98. Вторая подгруппа часто повторяющихся слов соотносится с культурой, если рассматривать ее (культуру) как «процесс активной творческой деятельности, в ходе которой создаются, распределяются и потребляются духовные ценности» (Гревцева, Типунова, Холодная, 2022). В рамках конструкций слов о культуре ведутся рассуждения о театре и кино («актер» – 246; «режиссер» – 201; «театр» – 109; «сценарист» – 74; и т. д.), а также прозе, музыке, живописи, поэзии, исторических памятниках, цирковом искусстве и т. д. Среди следующей группы слов можно указать на достижения в науке («космос» – 233; «атом» – 123; «ученый» – 188) и спорте («хоккей» – 93; «легендарные» хоккеисты, фигуристы, лыжники – 73). Отдельной высокочастотной категорией выделяются и «советские мультфильмы», о которых часто и с воодушевлением говорят пользователи. Забегая несколько вперед, можно также отметить, что слово «мультфильмы» занимает второе место по уровню положительного эмоционального фона, проявляемого пользователями в отношении Советского Союза (лидирующую позицию занимает слово «пломбир»).

Обобщая результаты выявленных тематических подгрупп слов, можно отметить, что наиболее многочисленная их подгруппа связана с обсуждением *политической сущности* СССР. Такая тенденция обнаруживает себя уже в самой первой десятке высокопопулярных слов и сохраняется при анализе всего последующего спектра тематических сообщений. Политическая проблематика отражает широкий ряд вопросов, начиная от победы в Великой Отечественной войне и затрагивая менее часто упоминаемые явления, такие как централизованная схема управления обществом, пропагандистская система информирования населения, политическая направленность государства (к примеру, нередко встречается выражение «имперские амбиции»), струк-

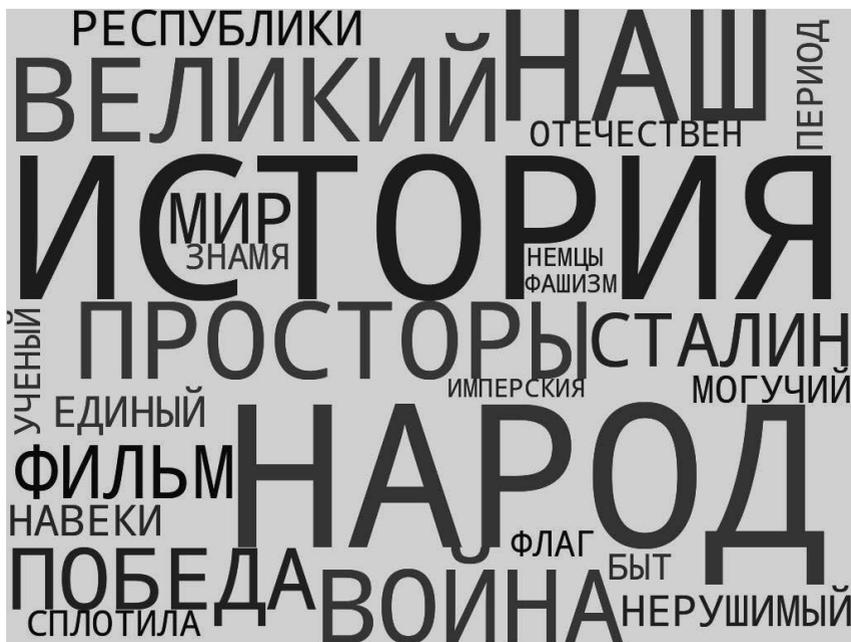

Рис. 2. Результат частотного анализа слов о Советском Союзе

тура правительства, характер международных отношений, устройство экономического пространства (в частности, ограничение уровня экономических свобод) и т. д.

На втором месте находится обсуждение тем, связанных с *характером организации социальных контактов* в обществе и в быту. Это такие слова, как «дружба» – 197 упоминаний; «закон» – 168; «добро» – 109; «честность» – 108. Вместе с тем, несмотря на общую позитивную коннотацию заявленных слов, их оценка носит негативный смысл, иными словами, качество социальных отношений в СССР не вызывает у пользователей положительных оценок. По их мнению, ведущим основанием для негативной оценки служит «показной», иногда «фальшивый» характер таких декларативных отношений со стороны государства.

Третью позицию занимают тексты об *экономике страны и экономических условиях* жизнедеятельности населения. Здесь часто речь идет о «квартирах» – 155 упоминаний; «заводах» – 152; «очередях» – 133; «капитализме» – 123; «собственности» – 112; «стаже работы» – 101;

«бесплатных услугах» — 101; «рабочих профессиях» — 99; «трудовой деятельности» — 97; «плановой экономике» — 88; «промышленном производстве» — 84; «заработной плате» — 81 и т. д. Представленный спектр позиций позволяет утверждать, что пользователи хорошо осведомлены об экономическом устройстве советского государства. Эти обсуждения также транслируются с негативным эмоциональным фоном, что требует дополнительного исследования. Еще одним выводом можно отметить смешение негативных и позитивных экономических конструктов: так, пользователи с примерно одинаковой частотой говорят о «квартирах» и «очередях», «капитализме» и «бесплатных услугах».

Четвертая позиция отражает *гендерные особенности* социального устройства государства того периода. Такого рода сообщения содержат такие слова, как: «женщины» — 154; «мамы» — 131; «пол» — 111; «мужчины» — 77; «гендер» — 49. В целом респонденты обсуждают стремление к равноправию, но они также много говорят о двойной нагрузке, которая легла на плечи женщин (общественная работа и быт), о низком уровне оплаты женского труда. Обсуждение уважительного отношения к материнству сопровождается позитивным эмоциональным фоном.

Пятая позиция связана с обсуждением *науки* («профессор», «физика», «лауреат», «космос», «атом», «самолет», «конструктор», «ракета», «академик», «полет», «Королев», «Гагарин»), шестая с *характером образования* и особенностями *профессиональной подготовки* специалистов («образование», «учитель», «педагог», «учебник», «врач», «биолог»), седьмая отражает проблемы *культуры* («экранизация», «музыка», «кино», «мультфильм», «артисты», «музыкант», «пьеса» и т. д.), восьмая — с концепцией *атеизма* («Бог», «атеизм», «вера», «запрет», «преследование»). Девятая позиция носит процессуальный характер и содержит такие оценочные слова, как «ответственные», «результативность», «обязательства», что более характеризует *условия жизнедеятельности общества*, нежели характер устройства государства, но эти слова весьма показательны, так как носят массовый характер. Все описанные (наиболее высокочастотные) позиции содержат в себе отрицательную эмоциональную коннотацию (кроме позиций, связанных с материнством и приведенными выше словами — «пломбир» и «мультфильмы»).

Оценка пользователями экономических условий жизнедеятельности в СССР. Если рассматривать отношение пользователей к экономическим аспектам организации условий жизнедеятельности в СССР, то «глазами современников» можно выделить еще одну достаточно развернутую социальную нишу государства. Так, наиболее употреб-

ляемыми словами, связанными со сферой экономики, стали: «квартира» — 151, «завод» — 150 и «экономика» — 147. Очевидно, что оценка экономических явлений происходит от факторов частного характера (квартира) к коллективным (завод) и далее к общественным (экономика), т. е. наибольшую «социальную чувствительность» пользователи проявляют при оценке микроэкономических (частных) категорий, затем такая чувствительность снижается по мере перехода к мезо- и макроэкономическим составляющим экономики. Вторую тройку наиболее часто повторяющихся слов составляют: «миллион» — 145, «богатство» — 137; «очередь» — 130, что позволяет говорить о выраженной остроте переживаний, связанных с материальными факторами жизнедеятельности человека и условиями их достижения. В данной (второй) тройке слов уровень оценки реализуется в обратном порядке — от максимальных экономических диспозиций, доступных единицам (миллион), к более распространенному — доступному большому количеству людей (богатство) и к среднестатистическому образу жизни рядового советского гражданина (очередь). Не менее интересна третья тройка наиболее повторяющихся слов, которую в целом в тот (советский) период определили бы как «вещизм» — это такие слова, как «собственность» (123), «вещи» (122) и «капитализм» (119). По поводу последнего слова нужно отметить, что капиталистический образ жизни в СССР пропагандировался как материально центрированный, а социальные взаимоотношения — как лишенные «человеческого» контекста и выстраиваемые исключительно на позициях материальной выгоды. Четвертую позицию занимают слова, характеризующие образ трудовой деятельности того периода: «стаж» — 101, «труд» — 99, «рабочий» — 98, на пятой обнаруживаются слова, отражающие характер организации экономики государства и ее основных отраслей в целом. Это такие слова, как «чиновник» — 91, «план» — 89, «промышленность» — 83, на шестой позиции представлены особенности организация трудового процесса: «рабочие» — 80, «производство» — 78, «зарплата» — 77, на седьмой — неприемлемое отношение в Советском Союзе к бизнесу и последствия такого отношения: «бизнес» — 72, «нищета» — 68, здесь же представлена позиция «деньги» — 69. В экономической подгруппе слов, как и выше, можно обнаружить одиночные категории слов, которые очень примечательны для описания Советского Союза. Среди таких слов можно выделить следующие: «знавес» — 67 (слово часто употребляется с прилагательным «железный»), «водка» — 59, «совок» — 59, «догнать» — 45 (слово звучит в экономи-

ческом контексте — «догнать (иногда обогнать) капиталистические страны») и т. д. Есть и слова, характеризующие отношение к природе («мать-природа» — 42) или отношения между людьми («ценности» — 40, «сотрудничество» — 37), но эти слова встречаются со средней частотой употребления и носят единичный характер использования (т. е. не представлены синонимичными категориями).

Психологические «отголоски» экономического менталитета советского периода. Если для сравнения советского и современного периодов развития российской экономики обратиться к некоторой «лингвистической платформе», то наиболее пригодным для такого анализа нам представляется следующий подход. Как известно, в современной экономике существуют три основные легитимные *формы* получения доходов — *наемный труд*, *предпринимательская* (самостоятельно организованная) деятельность и *самозанятость* (экономическая активность без привлечения наемных работников). В советский период формально разрешенным способом получения дохода для большинства граждан был лишь наемный труд на государственных объектах (в силу законодательного запрета на иные формы экономической активности), хотя какие-то формы колхозно-кооперативной собственности формально присутствовали. Таким образом, если выявить предпочтения россиян относительно современных форм экономической деятельности, — избирательного *предпочтения* различных форм занятости, — то возможно удастся обнаружить своего рода «отголоски» советской эпохи.

Для соответствующего анализа можно обратиться к поисковым запросам Google, методично реализованным россиянами в течение последних пяти лет, и увидеть, что наиболее запрашиваемым (вызывающим интерес) способом экономического самообеспечения является заработная плата — доход, получаемый посредством *наемного труда* (рисунок 3). Это связано со многими причинами, среди которых можно назвать следующие: он не требует предварительных финансовых вложений (достаточно обладать определенной «рабочей силой»), финансовые риски минимизированы (оплата труда гарантирована на уровне государства), менее энергозатратен по сравнению с самостоятельной активностью (нормирован по времени и определен по целям и задачам деятельности), предоставляет возможность выбора места (география) и специфики (профессия) работы (Китова, 2005). Значительным недостатком такой организации частной жизни является то, что размеры оплаты труда в России не позволяют среднестатистическому человеку обеспечить высокий уровень жизни, ко-

торый теоретически должен обесценивать наемный труд как форму экономического самообеспечения.

К примеру, предпринимательская деятельность и *самозанятость* отличаются от наемного труда тем, что человек работает «на самого себя», может одновременно использовать разные источники доходов, самостоятельно планировать свое рабочее время и единолично распоряжаться ресурсами, не ограничиваться размером получаемого дохода, при том что вероятность получения высоких доходов велика (Китова, 2020). С этой точки зрения *предпринимательство* выступает наиболее эффективным способом достижения экономического благополучия, но для большинства российских граждан оно остается малопривлекательным. В частности, исследования российских социологов показывают, что 97% россиян не имеют опыта предпринимательской деятельности (О насущных проблемах..., 2019).

Если предположить, что избегание предпринимательской активности является национальной особенностью россиян, сформировавшейся в период проживания в Советском Союзе и, возможно, передающейся по механизмам социального наследования более молодому поколению, то в странах с населением, не имеющим опыта хозяйствования в условиях «социалистического» уклада жизни, скорее всего, этот феномен не должен себя обнаружить. Для уточнения этого предположения обратимся к поисковым запросам, произведенным из различных стран относительно основных экономических форм получения доходов: «заработная плата», «доход» и «инвестиции». Важно осознавать, что эти три формы получения дохода резко отличаются друг от друга как по количеству затрачиваемого времени, так и уровню получаемого дохода. Так, *заработная плата* — это оплата труда на основе полного включения в работу в соответствии с еженедельным временным графиком и с фиксированной оплатой труда, *доход* — это получаемые от предпринимательской (и иных видов) деятельности денежные или материальные ценности, приобретаемые в условиях самостоятельно избранного графика работы (трудового дня/недели), которая не имеет порогового ограничения в размерах. Инвестирование, в свою очередь, характеризуется тем, что *прибыль* формируется без трудового участия собственника, лишь за счет обладания конкретными ресурсами (недвижимостью, акциями, патентами, авторскими правами и т. д.).

Как оказалось, во всех анализируемых государствах интерес к источникам доходов ярко выражен, хотя и имеет в каждом из них

свою специфику. Так, в России бесспорным лидером среди запрашиваемых источников дохода является заработная плата — уровень запросов неизменно достигает 75 баллов по 100-балльной шкале (иногда практически возрастая до 100 баллов). Интерес российских пользователей к бизнесу (предпринимательской деятельности) и инвестициям не достигает даже 30 баллов, т. е. в три раза ниже, чем интерес к заработной плате.

В США интерес к инвестициям также начинается от уровня в 25 баллов, как и в России, но интерес к заработной плате очень низкий. Вместе с тем в США наиболее высоким является интерес к бизнесу, эти запросы на протяжении пяти лет являются ведущими и в среднем концентрируются в пределах 50—75 баллов, но могут достигать отметки и в 100 баллов. Ярко выраженная цикличность, с которой происходит увеличение интереса американцев к доходам от предпринимательской деятельности, может быть предметом более пристального внимания, но в рамках нашего исследования не требует дополнительных пояснений.

Японцы в отличие от россиян и американцев демонстрируют самый низкий уровень интереса к заработной плате, запросы не превышают планку в 10 баллов. Такое явление также специфично, оно присуще только японским пользователям и, видимо, имеет какое-то объяснение. Но в целях нашего исследования важен тот факт, что у японцев, как и у американцев, наиболее высокий интерес вызывает бизнес (хотя доходы от инвестиций им куда более интересны, чем заработная плата). Кроме того, интерес к доходам от предпринимательской деятельности не только не подвержен резким «скачкам», как в Америке, но и за последние 5 лет неуклонно возрос.

Наиболее интересно выглядят запросы пользователей из Германии, где наивысший интерес граждан связан с инвестициями. Интерес к предпринимательскому доходу практически приближается к уровню интереса к инвестициям, а заработная плата, как и в других странах с давними традициями рыночных отношений, вызывает наименьший интерес пользователей. Эти данные позволяют сформулировать вопрос о характере отношения населения к различным источникам доходов как о факторе развития экономики страны в целом, хотя дать утвердительный ответ на этот вопрос пока еще не представляется возможным.

Таким образом, даже беглый взгляд на характер распределения запросов в четырех странах позволяет увидеть различия в характе-

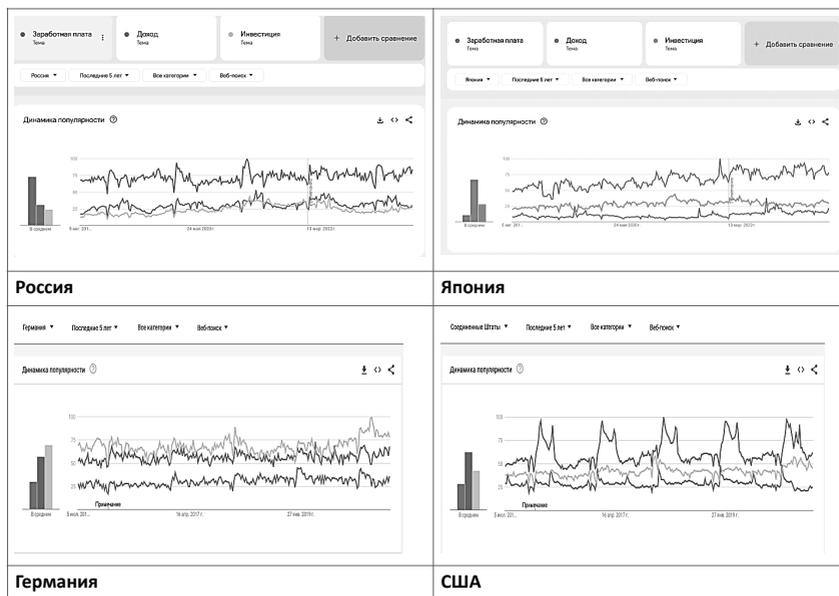

Рис. 3. Распределение интереса пользователей поисковой системы «Google» к информации о различных формах дохода

ре интереса населения к описанным выше формам экономической активности. Очевидно, что в странах с традиционно рыночной организацией экономики (Япония, Германия и США) интересы пользователей менее всего связаны с заработной платой, при которой основным источником доходов выступает наемная работа. Граждане этих стран более заинтересованы в информации о предпринимательских или инвестиционных формах получения доходов.

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие два *основных вывода*. Во-первых, широко применяемый в рамках современных социогуманитарных исследований методологический подход к изучению обыденного сознания через обращение к языковой парадигме анализа имеет может быть использован в рамках макропсихологических исследований в онлайн-пространстве. Частным вариантом таких исследований стало обращение к продуктам коммуникационного обмена в социальных сетях.

Во-вторых, можно с уверенностью утверждать, что объем знаний, порождаемый индивидуальным и массовым/групповым опытом, накопленный и усвоенный в период существования СССР, до сих пор

продолжает использоваться населением для адаптации к изменившейся социальной среде, выступая неотъемлемой характеристикой национального типа сознания. Данный факт, несомненно, можно рассматривать в рамках прикладных концепций описания менталитета.

Заключение

Выявленные психологические характеристики экономического менталитета в России, с одной стороны, являлись следствием социально-исторических условий жизнедеятельности российского общества в изучаемые исторические периоды, с другой — сами выступали и продолжают выступать фактором принятия политических, социальных, институциональных, экономических и межличностных решений, а как следствие — отдельных поступков, поведения в целом и жизненных стратегий населения. Учет этих особенностей экономического менталитета позволит осуществлять психологически ориентированную интерпретацию исторических (экономико-исторических) событий нашей страны.

В качестве итогового заключения необходимо сформулировать несколько вопросов, ориентированных на продолжение исследования. Можно ли, опираясь на приведенные данные, предположить, что *пробуждение интереса к предпринимательству*, стимулирование человека к самостоятельному решению многочисленных проблем, возникающих в предпринимательской практике, выступает ведущим фактором экономического развития государства? И, если эта позиция получит утвердительный ответ, станет ли одной из *задач* современной российской *психологической практики* формирование соответствующих навыков экономической самореализации личности, отсутствие которых можно рассматривать в качестве особенностей современного российского менталитета? Думается, что на эти и многие другие вопросы еще предстоит получить аргументированные ответы.

Литература

- Артемяева Т. И. Проблема менталитета русского народа в трудах И. А. Сикорского // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 298–305.
- Балабанова Е. С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. Социология. Этнология. 2001. № 10 (3). С. 67–77.

- Буянова Ю. В.* История исследования понятия «менталитет» в зарубежной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 168–171.
- Гостев А. А.* Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 22–32.
- Гревцева Е. В., Типунова А. С., Холодная Е. А.* Многообразие определений культуры как основа изучения данного феномена // Вестник науки. 2022. Т. 4. № 12 (57). С. 321–325.
- Губанов Н. Н.* Менталитет и его функционирование в обществе // Философия и общество. 2006. № 4 (45). С. 125–141.
- Демкина Е. В.* Предпосылки исследования проблемы «ментальности» и «менталитета» в трудах зарубежных и отечественных мыслителей // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 3. «Педагогика и психология». 2014. № 2 (136). С. 18–23.
- Дубов И. Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
- Думнова Э. М.* Специфика русского менталитета в социально-философских концепциях XX века // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 85–88.
- Ежова Е. А.* К проблеме формирования дефиниций «менталитет» и «ментальность» в этнопсихологической литературе // Вектор науки тольяттинского гос. ун-та. Сер. «Педагогика, психология». 2013. № 2 (13). С. 110–112.
- Жаров С. Н.* Офицерский менталитет и создание контрразведывательных отделений в российской армии // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2011. № 4 (2). С. 15–20.
- Железняк А.* Язык как индикатор этнического менталитета // Аналитика культурологии. 2008. № 10. С. 218–233.
- Журавлев А. Л.* Взаимодействие социально-психологических и социально-экономических феноменов в изменяющемся обществе // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 11–37.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Социально-психологические факторы экономического развития российского общества в условиях цифровых

- технологий // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 4 (16). С. 6–42.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян // Психология и право. 2022а. Т. 12. № 2. С. 178–193.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Отношение пользователей Интернета к экономике в условиях пандемии: кросс-культурный анализ // Социальная психология и общество. 2022б. Т. 13. № 2. С. 74–88.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы эмпирических исследований // Психологическое знание: стадии исследовательского процесса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 249–282.
- Захарова А. Н.* Экономико-психологические аспекты этноменталитета населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 85–92.
- И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет... М.: Новые печатные технологии, 2019.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Историческая психология: предмет, структура и методы / Под общ. ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2004.
- История и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Касаткина С. С.* Особенности менталитета жителей городов России на переломе эпох // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7 (1). С. 36–38.
- Киприянова Н. В., Перекусихина Н. А.* Некоторые вопросы изучения менталитета в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. «История». 2006. № 2. С. 63–69.
- Китова Д. А.* Материальное самообеспечение личности как предмет психологического исследования // Проблемы экономической психологии. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 577–601.
- Китова Д. А.* Микроэкономическая психология субъекта жизнедеятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Китова Д. А., Китов А. А.* Экономический менталитет как проблема психологического анализа: от теоретических положений к эмпирическим исследованиям // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4 (20). С. 67–95.

- Кольцова В. А., Журавлев А. Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.
- Королев А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и психология: немолчаливый диалог. Учебное пособие. М.: Изд-во МосГУ, 2011.
- Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский дом, 2002.
- Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
- Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Марьяновский В. Российский экономический менталитет: истоки и противоречия // Вопросы экономики. 1996. № 9. С. 158–160.
- Мурунова А. В. Признаки предпринимателя в российском и западном правовом менталитете // Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2013. № 3. С. 9–12.
- Некрасов М. В. Разработка маркетинговой стратегии фирмы с учетом особенностей местного менталитета // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2013. № 23. С. 52–55.
- Новиков А. Г. О менталитете саха: монография. Якутск: Изд-во Аналитического центра при Президенте РС(Я), 1996.
- Новозженко К. А. Российский экономический менталитет: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
- О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан // Отчет по итогам массового социологического исследования. Т. 1. М.: Изд-во ИС РАН, 2019.
- Полякова Т. А., Ромах Н. И. Ценностно-регулятивные механизмы менталитета личности // Аналитика культурологии. 2005. № 3. С. 55–59.
- Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Родосский А. В. Менталитет западноевропейских народов и его отражение в художественной культуре // Вестник СПб. ун-та. Сер. 2. «История». 2006. № 1. С. 10–14.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Самосенкова Т. В., Гэн Ц. Язык как способ отображения культурно-национального менталитета // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и педагогика». 2011. № 1. С. 46–49.

- Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2007.
- Сикорский Б. Ф. Н. А. Бердяев о роли национального характера в судьбах России // Социально-политический журнал. 1993. № 9–10. С. 101–110.
- Синякина Е. Г. Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик русского крестьянства дореволюционного периода // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 593–604.
- Соседова В. С. Соотношение понятий «Языковая картина мира» и «Менталитет» в современной лингвистике // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 275–279.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Китова Д. А., Ковалева Ю. В., Смирнов А. А. Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999.
- Сухарев А. В. Метод обоснованной теории как прием качественного анализа этноисторических текстов (на примере образа Петра I и его реформ) // Гуманизация образования. 2020. № 2. С. 49–57.
- Тюмидова М. Е. Культурно-исторические истоки ментальности калмыцкого этноса // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3 (75). С. 62–65.
- Узденов Т. М., Китова Д. А. Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 129–133.
- Урунова Х. У. Теоретические аспекты трансформации таджикского менталитета в условиях социокультурных изменений // Вестник Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. Сер. «Гуманитарные науки». 2016. № 4 (69). С. 49–57.
- Фадеева Г. Д., Паршина К. С. Роль менталитета в реформах современной России // Молодой ученый. 2013. № 9. С. 326–327.
- Фильд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: Росспэн, 1996. С. 7–21.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ–Ермак, 2004.
- Хизриев В. Х. Экономический менталитет как фактор развития корпоративных инноваций: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011.

- Хубиева Р. Т., Китова Д. А.* Психологическая готовность молодежи к экономическим отношениям в современных условиях // Гуманизация образования. 2009. № 1. С. 104–109.
- Чернявская Ю. В.* Народная культура и национальные традиции. Минск: Беларусь, 1998.
- Чикаева Т. А.* Национальный менталитет как основа государственного развития России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29). С. 210–212.
- Юревич А. В.* К проблеме базовых компонентов национального менталитета // Психологический журнал. 2013а. Т. 34. № 4. С. 89–100.
- Юревич А. В.* Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013б. Т. 6. № 29. С. 12.
- Якупов С. Ф.* Менталитет и социальные институты как факторы прогресса: на примере китайской цивилизации // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 13 (304). С. 33–40.
- Inglehart R., Welzel C.* Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. N. Y.: Cambridge University Press, 2005.

Сведения об авторах

Артемяева Ольга Аркадьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, руководитель лаборатории методологии и истории психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Безносков Дмитрий Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.

Богданчиков Сергей Александрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа».

Грачев Александр Алексеевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

Гусельцева Марина Сергеевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований».

Двойнин Алексей Михайлович – кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Зеленкова Татьяна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент Московского государственного областного педагогического института, старший научный сотрудник Московского НИИ психиатрии Росздрава.

Журавлев Анатолий Лактионович – доктор психологических наук, академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН.

Китова Джульетта Альбертовна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

Костригин Артем Андреевич – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН.

Сведения об авторах

Коннов Владимир Иванович – доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина МГИМО МИД России.

Лебедев Александр Николаевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Мироненко Ирина Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Носкова Ольга Геннадьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Почебут Людмила Георгиевна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Слепко Юрий Николаевич – доктор психологических наук, доцент, декан педагогического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Стоюхина Наталья Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент Нижегородского государственного университета.

Ушаков Дмитрий Викторович – доктор психологических наук, академик РАН, директор Института психологии РАН.

Юревич Андрей Владиславович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН.

Чикер Вера Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Научное издание

Серия «Методология, теория и история психологии»

**СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:
этап истории науки и менталитет**

doi: 10.38098/thry_24_0472

Редактор – *О. В. Шапошникова*

Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ерьсько*

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
www.ipran.ru
E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 10.02.24. Подписано в печать 05.03.24. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonС
Уч.-изд. л. 63,5. Усл.-печ. л. 43,7. Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6